37745

9/99.

Зубалий

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

ЯПОНІЯ

И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Съ приложеніемъ очерка „Корея и корейцы".

Изданіе редакціи

„Вѣстника и Библіотеки Самообразованія".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Прачешный, № 6.
1904.

Содержаніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

КОРЕЯ и КОРЕЙЦЫ, П. Ю. Шмидта.

Природа Японіи.

П. Ю. Шмидта.

Географическое положеніе и устройство поверхности.

Однажды богъ воздуха Изанаги ударилъ съ силою копьемъ по морю, и изъ капель, сбѣжавшихъ съ копья, образовались 8 главныхъ острововъ Старой Японіи, расположенныхъ длинною гирляндою.

Такъ объясняетъ одно изъ японскихъ сказаній образованіе острововъ Японіи. Дѣйствительно, острова эти располагаются правильной вереницей, какъ капли, упавшія рядомъ при взмахѣ копьемъ.

Островная восточно-азіатская имперія выдѣляется обиліемъ наименованій, подъ которыми она извѣстна у своихъ собственныхъ сыновъ и у чужеземцевъ. Съ 670 г. по Р. Х. японцы называютъ свою родину Нипонъ или Нихонъ (у европейцевъ подъ этимъ названіемъ обыкновенно извѣстенъ лишь одинъ главный островъ Японскаго архипелага), но зачастую величаютъ ее Дай-Нипонъ или, въ китайскомъ правописаніи, Та-Япенъ (Великая Японія), Я-пенъ-Куо, т.-е. Царство Восходящаго Солнца. Туземные писатели обыкновенно именуютъ Японію въ прозаическихъ произведеніяхъ Финамото, а въ поэтическихъ—Ямато (Врата горъ). Изъ другихъ болѣе или менѣе употребительныхъ въ японской литературѣ названій страны упомянемъ самое длинное, а потому и наиболѣе патріотическое: «Тойо-аси-вара-но-си-аки-но-нага-и-хо-аки-но-мизу-хо-но-куни», что значитъ: «страна, поросшая въ низменностяхъ своихъ тростникомъ и уже много болѣе тысячи пятисотъ лѣтъ приносящая каждую осень рисовыя колосья».

Омываемая водами Тихаго океана и принадлежащихъ къ нему морей: Охотскаго, Японскаго, Внутренняго (Средиземнаго Японскаго) и Восточно-Китайскаго, Японія обладаетъ длинною, извилистою береговою линіею (около 258000 верстъ). На одну версту берега въ ней приходится 12,9 кв. верстъ территоріи, тогда какъ въ Великобританіи насчитывается 19,9, во Франціи—108,6, въ Германіи—311,7. Такимъ образомъ, по развитію береговой линіи Японія превосходитъ даже главнѣйшія морскія государства.

Японцы говорятъ, что страна ихъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 3800

острововъ; при этомъ они считаютъ, конечно, и самые мелкіе, и незначительные. Счесть всѣ мельчайшіе островки и скалы, выдающіяся изъ воды, напр. въ Японскомъ Средиземномъ морѣ, едва ли возможно съ точностью, потому приходится ограничиваться болѣе крупными,— однако, и такихъ насчитываютъ въ Японіи 523 острова, которые и составляютъ собственно Японію. Площадь всей Японской имперіи равняется 7342 кв. милямъ; изъ нихъ на собственно Японію приходится 6800 кв. миль, а остальное на колоніи—Формозу и Пескадоры, пріобрѣтенныя отъ Китая послѣ японо-китайской войны 1894—95 гг. Географическій и политическій центръ имперіи, «Старую Японію», образуютъ 3 большихъ острова: Хондо (Нипонъ), Кіу-Сіу *), Си-ко-ку, нѣсколько среднихъ острововъ (Садо, Ики, Оки, Цу-сима, Аваджи, Фукай, Амакуза, Яку, Танега и др.) и рядъ прилегающихъ къ нимъ мелкихъ. Площадь Старой Японіи занимаетъ 5123 кв. мили или 76% площади имперіи безъ колоній, въ томъ числѣ 3992 кв. мили приходятся на долю Хондо, наиболѣе обширнаго изъ острововъ Японскаго архипелага. Три большіе острова отдѣляются другъ отъ друга Внутреннимъ или Средиземнымъ Японскимъ моремъ и проливами Кіи (между Хондо и Си-ко-ку), Бунго (между Си-ко-ку и Кіу-Сіу) и Симоносеки (между Кіу-Сіу и Хондо).

Остальная территорія, «Новая Японія», слагается изъ острова Іессо и нѣсколькихъ островныхъ группъ, большинство которыхъ составляетъ мирное пріобрѣтеніе Японіи за 1862—77 годы. Значительнѣйшая часть площади «Новой Японіи», именно 1387 кв. миль, приходится на островъ Іессо (Хоккаидо, Матсмай). Этотъ островъ, второй по величинѣ изъ острововъ Японскаго архипелага, но малонаселенный, отдѣляется отъ Хондо Сангарскимъ (Цугарскимъ) проливомъ, а отъ русскаго о-ва Сахалина — Лаперузовымъ проливомъ. Къ юго-востоку отъ Хондо расположена небольшая островная группа Бонинъ-Сима (Огасовари), продолженіемъ которой къ востоку служитъ небольшой островъ Марка (Маркландъ), присоединенный къ Японіи въ 1902 г. Къ сѣверо-восточной оконечности Іессо примыкаетъ рядъ пустынныхъ Курильскихъ о-вовъ (у японцевъ Цишима, т.-е. «тысяча [тьма] острововъ», на самомъ же дѣлѣ не болѣе 50), тянущихся до южной оконечности Камчатки, отъ которой послѣдній изъ этихъ острововъ отдѣленъ лишь неширокимъ проливомъ. Къ южной оконечности о-ва Кіу-Сіу примыкаетъ такой же длинный рядъ о-вовъ Ліу-Кіу (Ріу-Кіу, Ликейскіе), завершающійся о-вомъ Формозой (Тайванъ), къ западу отъ котораго расположены Пескадорскіе о-ва.

Такимъ образомъ, на сѣверѣ и на югѣ Японія близко соприка-

---

*) Правильнѣе писать и произносить: Кю-Сю, Лю-Кю, Рю-Кю, и т. п.

сается съ азіатскимъ материкомъ; острова ея вытянулись тремя гирляндами (Курильскіе о-ва, Японскій архипелагъ, Ліу-Кіу) и достигаютъ на сѣверѣ 51° с. ш., на югѣ—21° с. ш., т.-е. простираются приблизительно отъ широты Лондона до м. Бланко въ Африкѣ (южнѣе тропика Рака).

Главная гирлянда наиболѣе крупныхъ японскихъ острововъ близко примыкаетъ къ Корейскому полуострову, тогда какъ на сѣверѣ ея естественнымъ продолженіемъ является островъ Сахалинъ, отдѣленный узкими проливами отъ о. Іессо и отъ материка. Всѣ три гирлянды японскихъ острововъ выпуклостью обращены къ востоку, къ открытому океану, тогда какъ вогнутая сторона ихъ направлена къ материку. Это объясняется своеобразнымъ расположеніемъ горныхъ хребтовъ: на островахъ Японіи наблюдаются двѣ системы хребтовъ—сахалинская, почти меридіональная, и китайская, имѣющая направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ. Первая выражена особенно ясно на Сахалинѣ, гдѣ всѣ хребты тянутся вдоль длинной оси острова и почти меридіонально; хребты этого направленія переходятъ и на о-въ Іессо, и на сѣверную часть о-ва Хондо; такое же направленіе горныхъ складокъ сказывается на о-вахъ Ліу-Кіу. Съ другой стороны, въ о-вахъ Курильской гряды и въ южной части о-ва Хондо мы находимъ хребты второй системы, находящей себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ горныхъ кряжахъ Китая. Въ средней части о-ва Хондо хребты обѣихъ системъ встрѣчаются и тѣсно между собою переплетаются,—здѣсь горы достигаютъ наибольшей высоты и даютъ отъ себя множество отроговъ. Благодаря такой встрѣчѣ складокъ двухъ направленій, проявляющихся и на сосѣднемъ континентѣ, о-ва Японіи получили форму дугообразныхъ гирляндъ, какъ бы окаймляющихъ восточное побережье Азіи.

Горы японскихъ о-вовъ древняго происхожденія и представляютъ собою складки, поднявшіяся въ различные, но очень отдаленные геологическіе періоды. Онѣ сложены изъ кристаллическихъ породъ—гранитовъ и сіенитовъ, прикрытыхъ осадочными образованіями различной древности. Въ общемъ онѣ по своему геологическому характеру походятъ на горы сосѣдняго материка, отличаются, однако, отъ нихъ значительно присутствіемъ большого количества вулкановъ. Послѣдніе возникли, повидимому, въ болѣе позднія геологическія эпохи, близкія къ нашему времени, прорвали горныя складки и покрыли своими отложеніями древніе осадки. Всего въ Японіи насчитывается около 130 вулкановъ и изъ нихъ до 50 дѣйствующихъ, многіе изъ потухшихъ дѣйствовали еще въ историческія времена. Особенно обильны вулканы въ островахъ Курильской гряды, гдѣ имѣется до 20 дѣйствующихъ вулкановъ и большое количество потухшихъ.

Горы Японіи не высоки—ихъ средняя вышина принимается въ 5000—6000 футовъ надъ уровнемъ моря—, но вслѣдствіе своей близости къ морю онѣ кажутся гораздо выше, чѣмъ въ дѣйствительности. Границы вѣчныхъ снѣговъ вершины горъ нигдѣ не достигаютъ. Очертанія ихъ большею частью сглажены и имѣютъ мягкій, округленный характеръ; рѣдко приходится встрѣчать здѣсь дикіе, обрывистые и безплодные утесы и ущелья, характерныя для многихъ горныхъ странъ Европы и Азіи; причина этому лежитъ въ рыхлости горныхъ породъ и въ энергичной сглаживающей дѣятельности воды, проявляющейся благодаря изобилію атмосферическихъ осадковъ. Лишь вулканы придаютъ нѣсколько болѣе величественный и суровый характеръ горнымъ ландшафтамъ Японіи, и они же въ большинствѣ случаевъ являются единственными пиками, выдѣляющимися изъ общихъ горныхъ массивовъ. Склоны горъ не круты, покрыты растительностью и легко доступны, черезъ хребты ведутъ многочисленные проходы въ 2500—4000 футовъ вышиною, и это въ значительной степени ослабляетъ значеніе горныхъ хребтовъ, какъ преградъ, ограничивающихъ отдѣльныя области страны.

Отдѣльныя вулканическія вершины достигаютъ въ Японіи 7000—8000 футовъ высоты, а самый высокій вулканъ и въ то же время самая популярная и даже священная гора Японіи — Фуджи-яма, въ окрестностяхъ Токіо, возвышается на 12365 футовъ надъ уровнемъ моря. Вулканъ этотъ, не дѣйствующій съ 1708 года, представляетъ собою конусъ идеальной правильности, увѣнчанный снѣгами бо́льшую часть года. Своею красотою Фуджи-яма вдохновлялъ многія поколѣнія японскихъ художниковъ и поэтовъ и является фономъ едва ли не половины всѣхъ японскихъ картинъ,—нѣтъ такого предмета въ японскомъ обиходѣ, который не украшался бы изображеніемъ излюбленной горы. Ежегодно на вершину этого вулкана совершается паломничество съ цѣлью поклоненія, и число пилигриммовъ достигаетъ 15000—20000 въ годъ.

Вулканическія изверженія, хотя и не часты въ Японіи, все же повторяются періодически нѣсколько разъ въ столѣтіе и иногда достигаютъ страшной опустошительности. Наиболѣе сильно было изверженіе вулкана Асама (къ сѣверо-западу отъ Токіо) въ 1783 году, когда изъ жерла этого сравнительно невысокаго вулкана (8280 фут.) вылился въ долину рѣки Вагацама потокъ лавы чрезвычайной ширины, и всѣ окрестности были засыпаны пемзой и пепломъ; 48 деревень были погребены подъ слоемъ вулканическихъ шлаковъ, и тысячи человѣческихъ жизней погибли во время этой грандіозной катастрофы.

Всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ въ Японіи насчитывается около 20. Изъ нихъ, кромѣ Асамы, особенно выдѣляются въ настоящее

время Асо-яма къ востоку отъ города Кума-мото на островѣ Кіу-Сіу, Сиранс-яма и Бандаи-санъ къ сѣверу отъ Токіо и Комага-такс на островѣ Іессо. Потухшіе или, по крайней мѣрѣ, нынѣ бездѣйствующіе вулканы насчитываются сотнями. Къ числу ихъ принадлежатъ многія вершины на островѣ Хондо; наиболѣе выдающіеся—Киришима-яма и вышеназванный Фуджи-яма.

О вулканической дѣятельности въ предѣлахъ Японіи свидѣтельствуютъ также чрезвычайно частыя землетрясенія—почва страны находится почти въ непрерывномъ колебаніи и ощутимыя землетрясенія случаются чуть ли не ежедневно въ той или другой части Японіи. По японскимъ свѣдѣніямъ, за періодъ съ 1885 по 1897 годъ, т.-е. въ теченіе 13 лѣтъ, въ Японіи наблюдалось не менѣе 17750 землетрясеній или, въ среднемъ, 1365 землетрясеній въ годъ, причемъ принимались во вниманіе землетрясенія, лишь хорошо ощущаемыя безъ помощи спеціальныхъ инструментовъ. Болѣе значительныя и разрушительныя землетрясенія, правда, случаются гораздо рѣже,—за періодъ времени въ 299 лѣтъ (до 1898 г.) ихъ отмѣчено въ Японіи всего 108, т.-е. въ среднемъ, можно сказать, черезъ каждые $2^1/_2$ года наблюдается одно опустошительное землетрясеніе.

Многочисленность землетрясеній и вулканическія изверженія свидѣтельствуютъ о томъ, что внутренніе горообразовательные процессы въ Японіи еще не завершились, и силы подземнаго огня и стяженія земной коры еще обнаруживаютъ свою дѣятельность. Ближайшихъ причинъ землетрясеній мы не знаемъ, но возможно, что путемъ систематическихъ научныхъ наблюденій, изслѣдованій и опытовъ, ихъ удастся выяснить впослѣдствіи, и Японія является, безспорно, классической страной для рѣшенія этой задачи. Съ цѣлью наблюденія за всѣми колебаніями почвы въ Японіи со времени пріобщенія ея къ европейской цивилизаціи начали постепенно возникать особыя «сейсмологическія» станціи, снабженныя чувствительными инструментами для уловленія и записи всѣхъ подземныхъ толчковъ. Въ настоящее время число такихъ станцій, густою сѣтью покрывающихъ о-ва Японіи, достигаетъ уже 1600,—ихъ ближайшею цѣлью является выработка методовъ предсказыванія болѣе крупныхъ землетрясеній. Съ постоянно угрожающею опасностью землетрясенія сильно приходится считаться японскому населенію, и это обстоятельство не могло не отразиться и на архитектурѣ его построекъ.

Во многихъ мѣстностяхъ побережья Японіи замѣчается постепенное поднятіе береговъ и отступаніе моря въ историческія времена: нѣкоторыя бухты, куда ранѣе входили морскія суда, являются совершенно обмелѣвшими безъ участія какихъ-либо рѣкъ; скалы, проточенныя морскими моллюсками, оказываются выше уровня моря и т. д.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что вулканическія силы не дремлютъ въ странѣ и дѣятельно работаютъ надъ отвоевываніемъ суши отъ моря. Въ смыслѣ геологической жизни, Японія является страною еще молодою, не вполнѣ закончившею процессы своего образованія и окончательнаго сформировыванія.

Очертанія страны, связь ея съ другими странами и формы ея поверхности, какъ извѣстно, очень сильно отражаются на исторіи ея населенія. Положеніе японскихъ острововъ вблизи азіатскаго континента и связь ихъ съ послѣднимъ въ двухъ мѣстахъ—у южной оконечности Кореи и черезъ Сахалинъ у устья Амура—позволяли народностямъ переходить съ материка на острова Японіи. Родоначальники японцевъ — племя ямато, какъ предполагаютъ, туранскаго (монгольскаго) происхожденія и пришло съ материка, по всей вѣроятности, черезъ Корею. Та же близость къ континенту, бывшему колыбелью относительно высокой китайской культуры, была причиною безпрепятственнаго воспріятія Японіей этой культуры отъ сосѣдей, и мы видимъ, что, дѣйствительно, и религія, и письменность, и зачатки искусствъ, и законы, и многіе обычаи переносятся въ Японію изъ Китая чрезъ Корею.

Съ другой стороны, нѣкоторая изолированность острововъ и отсутствіе прямого сообщенія съ материкомъ спасаютъ Японію отъ тѣхъ неблагопріятныхъ воздѣйствій, которымъ подвергалась, напр., Корея. Японія не знала всю свою историческую жизнь внѣшняго ига, и тѣ волны воинственныхъ народностей, которыя расходились изъ центра азіатскаго материка и доносились до его периферіи, разрушая и порабощая все на своемъ пути, не достигали Японіи. Даже монголы, пронесшіеся всеуничтожающей лавиной по материку Азіи, не покорили японской народности, несмотря на сдѣланную въ этомъ направленіи попытку.

За то раздѣленіе страны на острова и расчлененность послѣднихъ, благодаря прорѣзающимъ ихъ горнымъ хребтамъ и долинамъ, сильно затрудняли объединеніе страны подъ одною властью, и такое объединеніе произошло лишь въ самое послѣднее время. Расположеніе хребтовъ было причиною того, что поступательное движеніе племени ямато, вытѣснившаго постепенно древнѣйшихъ обитателей страны и завоевавшаго страну, задерживалось на нѣсколько вѣковъ у горнаго узла средней Японіи. Позднѣе горный, пересѣченный долинами характеръ страны сильно содѣйствовалъ возникновенію и сохраненію въ теченіе многихъ вѣковъ феодальнаго строя въ Японіи: каждая долина являлась отграниченной областью, которая съ успѣхомъ могла отстаивать свою независимость и, дѣйствительно, представляла собою владѣнія какого-нибудь отдѣльнаго князька, находящагося лишь въ номинальной зависимости отъ центральнаго правительства. Такимъ образомъ, строеніе страны многократно отзывалось на судьбахъ ея населенія.

Распредѣленіе прѣсныхъ водъ въ странѣ всецѣло зависитъ отъ ея рельефа. Условій для образованія стоячихъ прѣсноводныхъ бассейновъ въ Японіи при гористомъ и складчатомъ характерѣ ея поверхности—мало, и потому мы находимъ здѣсь лишь одно болѣе крупное озеро—Бива, въ южной части о-ва Хондо.

Зато условія для образованія ручьевъ и рѣчекъ въ хребтахъ Японіи при обиліи атмосферическихъ осадковъ и при наличности, въ теченіе нѣкоторой части года, снѣговъ на вершинахъ очень благопріятны. Количество рѣкъ, орошающихъ Японію, огромно; однако, почти всѣ онѣ носятъ характеръ горныхъ потоковъ и не достигаютъ значительной величины и ширины, почему являются и очень мало или же совсѣмъ не пригодными для судоходства.

Распредѣленіе рѣкъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ расположенія хребтовъ. На о-вахъ Кіу-Сіу, Си-ко-ку и Хондо горные хребты тянутся вдоль длинной оси каждаго острова и даютъ отъ себя направленные подъ различными углами отроги. Соотвѣтственно съ этимъ и рѣки здѣсь сбѣгаютъ съ того и другого склона хребтовъ и впадаютъ, съ одной стороны, въ Японское море, съ другой—въ Тихій океанъ. Въ средней, наиболѣе широкой части о-ва Хондо образуется горный узелъ отъ схожденія хребтовъ двухъ направленій, и потому мы находимъ здѣсь нѣсколько болѣе значительныхъ рѣкъ.

На о-вѣ Іессо схожденіе хребтовъ двухъ системъ также вызываетъ образованіе горнаго узла, и здѣсь рѣки расходятся по четыремъ направленіямъ, достигая, благодаря бо́льшей ширинѣ острова, болѣе значительной длины.

Рѣки Японіи крайне непостоянны: пересыхая въ сухое время года почти совершенно и принимая тогда характеръ ручьевъ, онѣ въ періодъ лѣтнихъ дождей, совпадающій со временемъ наибольшаго таянья снѣговъ въ горахъ, страшно вздуваются и причиняютъ нерѣдко опустошительныя наводненія. Наиболѣе значительныя рѣки Японіи: Ишикари-гава (на о-вѣ Іессо), Синано, Тоне, Кизо, Тенріу и Китамигава (на о-вѣ Хондо).

Рѣки, вообще говоря, могутъ играть двоякую роль въ культурной исторіи страны, — во-первыхъ, какъ элементы, обусловливающіе орошеніе, необходимое для земледѣлія, и, во-вторыхъ, какъ удобные пути сообщенія. Въ Японіи роль рѣкъ въ дѣлѣ орошенія страны чрезвычайно важна, такъ какъ при господствѣ въ странѣ культуры риса обильное орошеніе является совершенно необходимымъ,—на отсутствіе проточной воды, какъ кажется, ни одна изъ мѣстностей Японіи не можетъ пожаловаться, и многочисленные ручьи и горные потоки чрезвычайно облегчаютъ ирригацію полей.

За то въ качествѣ путей сообщенія японскія рѣки не имѣютъ

почти никакого значенія,—судоходство, при пользованіи самыми мелкими судами, возможно лишь въ низовьяхъ наиболѣе крупныхъ рѣкъ, тогда какъ другія рѣки не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ передвиженіе по странѣ. Сбѣгая съ хребтовъ въ направленіи, перпендикулярномъ къ берегамъ, рѣки являются естественными препятствіями при движеніи вдоль длинной оси острововъ, особенно въ періодъ дождей. Не подлежитъ сомнѣнію, что и рѣки не мало содѣйствовали разъединенію различныхъ частей Японіи въ феодальный періодъ ея исторіи.

Климатъ Японіи.

Климатъ страны зависитъ отъ очень многихъ условій. Онъ опредѣляется прежде всего мѣстонахожденіемъ страны на земномъ шарѣ, но затѣмъ характеръ климата стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ расположенія данной страны по отношенію къ сосѣднимъ континентамъ и морямъ; на него сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ морскія теченія, господствующіе вѣтры, расположеніе горныхъ хребтовъ въ странѣ и по сосѣдству и т. д. Такимъ образомъ, для выясненія характера климата — элемента первостепенной важности въ природѣ страны—необходимо разсмотрѣть прежде всего, какъ сказываются на немъ всѣ многочисленныя топографическія и иныя условія данной мѣстности.

Если разсматривать всѣ острова Японіи отъ Формозы до самаго сѣвернаго изъ Курильскихъ острововъ, то мы видимъ прежде всего, что они расположены подъ очень разнообразными широтами,—тогда какъ Формоза заходитъ своей южной оконечностью за тропикъ Рака, Курильскіе острова лежатъ въ умѣренныхъ широтахъ и примыкаютъ къ Камчаткѣ съ ея уже очень суровымъ климатомъ. Если взять лишь 4 главныхъ острова Японіи, то они располагаются между 31^0 и 46^0 с. ш., т.-е. между широтами Александріи и Ліона; самая сѣверная оконечность о-ва Іессо располагается южнѣе Одессы. Уже это показываетъ, что климатъ Японіи долженъ быть теплымъ и соотвѣтствовать приблизительно климату побережій Средиземнаго моря.

Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ является близость къ Японіи огромнаго азіатскаго материка, очень сильно охлаждающагося зимою. Правда, отъ него острова Японіи отдѣлены Японскимъ моремъ, но море это не настолько широко, чтобы могло значительно вліять на согрѣваніе той массы холоднаго воздуха, которая несется зимою съ охлажденнаго континента на острова Японіи въ видѣ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, такъ называемыхъ зимнихъ муссоновъ. Эти вѣтры обусловливаютъ очень сильное охлажденіе японскихъ острововъ зимою,—гораздо болѣе сильное, чѣмъ подъ соотвѣтственными широтами на европейскихъ берегахъ Атлантическаго океана.

Такимъ образомъ, исключительно благодаря близости холодной Сибири съ ея центромъ холода, который расположенъ недалеко отъ тихоокеанскаго побережья, близъ Якутска, Японія имѣетъ сравнительно очень холодныя зимы. Наиболѣе низкія температуры зимы вездѣ въ Японіи, за исключеніемъ острововъ Ліу-Кіу и Формозы, ниже 0° и даже въ самыхъ южныхъ частяхъ о-ва Кіу-Сіу термометръ спускается зимою ниже точки замерзанія, и снѣгъ лежитъ по нѣскольку дней, не стаивая. Въ средней и сѣверной Японіи снѣжный покровъ достигаетъ иногда даже значительной толщины. Всѣ горы Японіи въ теченіе 2—4 мѣсяцевъ зимы бываютъ покрыты на своихъ вершинахъ и гребняхъ снѣгомъ. Морозы зимой достигаютъ въ окрестностяхъ Токіо —5° и —6° Ц., а въ Хакодате даже —17° Ц. Благодаря такимъ холодамъ ландшафты средней и сѣверной Японіи принимаютъ въ декабрѣ и январѣ совсѣмъ зимній характеръ: многія деревья стоятъ безъ листьевъ, трава бурѣетъ и сохнетъ, канавы покрываются по ночамъ тонкимъ слоемъ льда, и бо́льшую часть времени все окутано снѣжнымъ покровомъ. По наблюденіямъ въ Токіо, ночные морозы очень часты: изъ 180 зимнихъ дней морозныхъ ночей насчитывается 75; однако, днемъ, подъ вліяніемъ лучей южнаго, высоко поднимающагося на небѣ, солнца, тонкій ледъ и рыхлый снѣгъ быстро стаиваютъ, такъ какъ дневная температура все же рѣдко опускается ниже 0°. Такимъ образомъ, зимой Японія находится въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ соотвѣтствующія ей по положенію побережья Средиземнаго моря; однако, и въ это время года она все же имѣетъ много преимуществъ передъ противолежащими частями азіатскаго континента— Корейскимъ полуостровомъ и нашимъ Уссурійскимъ краемъ, которые находятся подъ тѣми же широтами. Зима на окраинѣ континента гораздо суровѣе, и тѣ же самые вѣтры, несущіеся изъ восточной Сибири, обусловливаютъ тамъ гораздо болѣе значительныя пониженія температуры, какъ это видно изъ сравненія слѣдующихъ цифръ:

Температура:	Средняя января.	Средняя годовая.	Температура:	Средняя января.	Средняя годовая.
Владивостокъ . .	— 16.2	+ 4.0	Хакодате . . .	— 2.8	+ 8.5
Гензанъ . . .	— 3.2	+ 11.7	Токіо	+ 2.7	+ 13.9
Фузанъ	+ 4.1	+ 15.2	Нагасаки . . .	+ 5.8	+ 16.1

Такое смягченіе зимы на островахъ Японіи обусловлено, съ одной стороны, умѣряющимъ вліяніемъ моря вообще, съ другой—присутствіемъ у восточныхъ береговъ Японіи теплаго теченія—Куро-Сиво, соотвѣтствующаго въ Тихомъ океанѣ атлантическому Гольфштрому. Теченіе это играетъ огромную роль въ образованіи климата страны, и въ значительной степени ему обязана Японія своимъ мягкимъ и

теплымъ климатомъ. Куро-Сиво возникаетъ подъ тропиками, достигаетъ острововъ Ліу-Кіу и, доходя до южной оконечности Кіу-Сіу, дѣлится здѣсь на двѣ вѣтви: одна, главная, направляется вдоль восточныхъ береговъ Японіи; другая, болѣе слабая, проникаетъ чрезъ Корейскій проливъ въ Японское море и идетъ вдоль западнаго побережья Японіи и Сахалина. Острова Японіи оказываются, такимъ образомъ, охваченными этими двумя вѣтвями теплаго теченія и согрѣваются ими. Какое большое значеніе имѣетъ Куро-Сиво для климата Японіи, ясно изъ слѣдующаго: въ той части Японіи, гдѣ главная вѣтвь Куро-Сиво отклоняется отъ японскихъ острововъ и направляется къ востоку, около 38° с. ш., проходитъ рѣзкая климатическая граница. Къ сѣверу отсюда въ теченіе зимы (съ декабря по мартъ) температура почти ежедневно падаетъ ниже 0°, и даже еще въ ноябрѣ и апрѣлѣ бываютъ морозные дни, а на островѣ Іессо снѣжный покровъ достигаетъ уже очень значительной толщины, и бываютъ настоящія снѣжныя бури и метели.

Тѣ же самыя условія, которыя являются причиною сильнаго охлажденія Японіи зимою, ведутъ къ совершенно противоположнымъ слѣдствіямъ лѣтомъ. Азіатскій материкъ чрезвычайно сильно нагрѣвается въ своихъ центральныхъ частяхъ въ лѣтніе мѣсяцы, надъ нимъ образуется столбъ теплаго, разрѣженнаго воздуха, и потому туда, какъ къ центру, устремляются воздушныя массы съ окружности. Это явленіе выражается въ господствѣ на восточной окраинѣ Азіи лѣтомъ муссонныхъ вѣтровъ, дующихъ съ юга и юго-востока. Вѣтры эти несутся изъ тропической области Тихаго океана и потому оказываются теплыми и насыщенными влагою, — они не только обусловливаютъ въ Японіи жаркое лѣто, но и несутъ съ собою огромное количество осадковъ, которые отлагаютъ въ формѣ дождя.

Лѣтніе муссоны являются причиной своеобразнаго періода лѣтнихъ дождей, сказывающагося всюду на Дальнемъ Востокѣ, не исключая и нашихъ владѣній. Тогда какъ у насъ на западѣ наибольшимъ количествомъ осадковъ отличаются весна и осень, лѣто же является въ большинствѣ случаевъ самымъ яснымъ и сухимъ временемъ года, на востокѣ—лѣто облачное и дождливое, а весна и осень отличаются ясной, солнечной погодой. Съ середины іюня до середины или конца іюля небо въ Японіи постоянно пасмурно, и ежедневно идетъ дождь, нерѣдко принимающій характеръ настоящаго тропическаго ливня, — цѣлые потоки воды низвергаются съ неба, улицы и дороги превращаются въ стремительныя рѣки, и застигнутыхъ врасплохъ пѣшеходовъ не могутъ спасти никакіе зонтики и дождевые плащи. Нерѣдко дожди идутъ лѣтомъ 4 — 5 дней не переставая, рѣки вздуваются и выходятъ изъ береговъ, мосты срываются, дороги портятся и становятся непроходимыми, плотины размываются, и поля заносятся иломъ.

По количеству осадковъ далеко не всѣ мѣстности Японіи находятся въ одинаковыхъ условіяхъ: вслѣдствіе того, что осадки приносятся вѣтрами, дующими зимою съ сѣверо-запада, а лѣтомъ — съ юго-востока, тогда какъ горные хребты Японіи тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и тѣ и другіе вѣтры встрѣчаютъ на своемъ пути въ горахъ Японіи преграду и отлагаютъ наибольшее количество влаги на склонѣ, обращенномъ къ нимъ. Вслѣдствіе этого зимою наибольшее количество осадковъ въ видѣ дождя и снѣга отлагается на западъ отъ горныхъ хребтовъ Японіи — здѣсь все время небо пасмурно и затянуто густыми облаками, тогда какъ въ восточной Японіи царитъ ясная погода, и небо безоблачно. Лѣтомъ, обратно, — наиболѣе сильные дожди идутъ на восточномъ побережьи японскихъ острововъ.

Прилагаемая карта годового распредѣленія осадковъ ясно показываетъ, что наиболѣе изобилуютъ осадками тѣ области Японіи, которыя непосредственно обращены въ сторону господствующихъ вѣтровъ. По количеству осадковъ и по числу дождливыхъ дней Японія значительно превосходитъ сосѣднія континентальныя области, — лѣтніе муссоны оставляютъ на ея хребтахъ главный запасъ своей влаги и перелетаютъ на континентъ уже менѣе насыщенными влагою.

Въ концѣ періода лѣтнихъ муссоновъ, въ августѣ и сентябрѣ, когда температура воздуха достигаетъ своего максимума, и когда южные и юго-восточные вѣтры начинаютъ смѣняться вѣтрами противоположнаго направленія, состояніе атмосферы чрезвычайно неустойчиво, и нерѣдко возникаютъ условія, ведущія къ образованію страшныхъ ураганов, которые въ видѣ крутящихся вихрей получаютъ поступательное движеніе и проносятся вдоль Японіи въ направленіи, преимущественно близкомъ къ меридіональному. Эти вихри, на востокѣ получившіе названіе «тайфуновъ», достигаютъ предѣльной силы, какой вообще могутъ достичь вѣтры, и являются не только гибельными для небольшихъ судовъ въ морѣ, но нерѣдко причиняютъ и страшныя опустошенія на сушѣ.

Итакъ, мы видимъ, основныя черты климата Японіи слагаются прежде всего подъ вліяніемъ двухъ условій: преобладанія холодныхъ сѣверо-западныхъ муссонныхъ вѣтровъ зимою и теплыхъ и влажныхъ юго-восточныхъ муссоновъ лѣтомъ. Эти условія дѣлаютъ зиму холодной и снѣжной, лѣто же жаркимъ и влажнымъ, изобилующимъ осадками. Такимъ образомъ, по своимъ климатическимъ условіямъ Японія приближается къ другимъ субтропическимъ странамъ, каковыми являются, напр., юго-восточный Китай, южные склоны Гималаевъ, Флорида, Чили, сѣверо-западъ Новой Зеландіи и т. д.; въ предѣлахъ Россійской Имперіи въ климатическомъ отношеніи наиболѣе подходитъ къ ней черноморское побережье Кавказа.

Средняя годовая температура Японіи, если не считать Курильскихъ острововъ, колеблется между +21.4° Ц. на островахъ Ліу-Кіу и +6° Ц. въ Абасири на о-вѣ Іессо. Въ Токіо средняя годовая температура +13.9° Ц. оказывается болѣе низкой, чѣмъ подъ тою же широтою въ Европѣ, гдѣ на Критѣ мы встрѣчаемъ годовую температуру +18° Ц. и въ Гибралтарѣ +17° Ц. Средняя температура Хакодате +8.5° Ц. равняется температурѣ Берлина и значительно превышаетъ температуру Владивостока, лежащаго почти подъ той же широтою (+4.0° Ц.). Средняя годовая температура Нагасаки +16.1° Ц. соотвѣтствуетъ таковой Сициліи и Греціи.

Климатическія условія Японіи являются, слѣдовательно, довольно разнообразными, но въ общемъ климатъ страны можетъ быть названъ теплымъ и мягкимъ, особенно по сравненію съ противолежащими частями азіатскаго континента. Жителямъ Японіи, за исключеніемъ развѣ самой сѣверной части страны, не приходится вести такой усиленной борьбы съ холодомъ, какъ намъ, обитателямъ сѣверной полосы Европы,—ихъ главными климатическими врагами являются дожди, обиліе влаги и лѣтнія жары, и къ борьбѣ съ этими климатическими особенностями направлены всѣ ихъ усилія, и приспособленъ весь ихъ бытъ. Подобно тому какъ наши постройки, одежда и образъ жизни сложились подъ вліяніемъ борьбы съ зимними холодами, такъ въ Японіи все согласовано съ жаркимъ и влажнымъ лѣтомъ.

Атмосфера, насыщенная во время лѣтнихъ жаровъ влагою, вызываетъ въ организмѣ человѣка постоянную и сильно разслабляющую испарину,—кожа все время покрыта потомъ, и, если не обмывать ея возможно чаще водою, это вызываетъ появленіе сыпи и лишаевъ. Чистоплотность японцевъ и ихъ пристрастіе къ ежедневнымъ омовеніямъ являются прямымъ слѣдствіемъ климата и необходимой потребностью. Нагота тѣла, облегчающая потѣніе, не считается въ Японіи чѣмъ-либо неприличнымъ, и нерѣдко можно видѣть лѣтомъ рабочихъ, носильщиковъ или просто поселянъ почти совершенно голыхъ. Одежда японцевъ всецѣло приспособлена къ возможно полному обдуванію тѣла воздухомъ—широкій и свободный киримонъ надѣвается прямо на голое тѣло; точно также и японская обувь не облегаетъ ноги со всѣхъ сторонъ, чтобы она не потѣла, а состоитъ лишь изъ однихъ сандалій. Такой же точно необходимой принадлежностью, какъ у русскаго крестьянина рукавицы и шапка, являются у японца вѣеръ и зонтикъ: первый спасаетъ его отъ гнетущей жары, второй—отъ не менѣе непріятнаго дождя. Оба эти предмета имѣютъ въ странѣ самое широкое распространеніе и сдѣлались достояніемъ всего народа.

Чтобы бороться со страшными тропическими ливнями, продолжающимися цѣлыми днями, въ жилищахъ японцевъ самое большое

вниманіе обращается на крышу, которая дѣлается массивною и крутою, чтобы возможно лучше сбѣгала вода. Въ то же время стѣны японскихъ домовъ, дѣлающіяся изъ бумажныхъ рамъ, приспособлены къ возможно болѣе полной вентиляціи, а полъ ставится на значительномъ разстояніи отъ почвы, чтобы подъ нимъ не застаивалась вода. Массивность крыши имѣетъ въ Японіи еще и другое значеніе—нерѣдкіе здѣсь тайфуны заставляютъ заботиться о томъ, чтобы вѣтеръ не могъ сорвать крышу и разрушить постройку: тяжелая черепичатая крыша, покоющаяся на столбахъ, придаетъ легкому жилищу японца нѣкоторую солидность и прочность.

Итакъ, климатическія условія вторгаются непосредственно въ жизнь и внѣшній бытъ обитателей страны и обусловливаютъ цѣлый рядъ приспособленій, которыя намъ на первый взглядъ, безъ достаточнаго знакомства съ причинами, вызвавшими ихъ, могутъ показаться смѣшными и нелѣпыми. Еще болѣе важнымъ для человѣка является, однако, косвенное вліяніе климата, вліяніе его на распредѣленіе и характеръ растительнаго и животнаго міра: не что иное, какъ климатъ создаетъ всю ту внѣшнюю обстановку, въ которой приходится человѣку жить, и въ которой онъ вступаетъ въ борьбу съ природой.

Растительность страны.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ для человѣка элементовъ природы страны является растительность, и въ то же время на ней особенно сильно отражаются климатическія условія, — растенія всецѣло зависятъ отъ количества тепла и влаги въ окружающей средѣ, они не могутъ, вслѣдствіе своей прикрѣпленности, уберечься отъ холода или жара, не могутъ и отыскать необходимой для жизни воды и всецѣло привязаны къ тому, что имъ даютъ окружающая атмосфера и почва.

Теплый, влажный климатъ Японіи обусловливаетъ въ общемъ очень южный характеръ ея растительности. Южная и средняя Японія, благодаря непродолжительности зимы и непрочности снѣжнаго покрова, является областью вѣчно-зеленаго лѣса – растительная жизнь въ ней не прерывается въ теченіе круглаго года,—нѣкоторый процентъ деревьевъ, и чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ болѣе значительный, сохраняетъ свою листву зимою. Это обстоятельство вмѣстѣ съ изобиліемъ въ Японіи хвойныхъ породъ дѣлаетъ японскіе лѣса и зимою зелеными, хотя, надо сказать, что одновременно съ тѣмъ все же многія древесныя породы теряютъ листья и стоятъ зиму голыми.

Лѣса играютъ въ Японіи наибольшую роль, и, положительно, всю страну можно назвать царствомъ деревьевъ и кустарниковъ. На о-вѣ Нипонѣ (Хондо) лѣса покрываютъ 41% всей поверхности, на о-вѣ Си-

коку—64%, а на сѣверѣ Японіи, на о-вѣ Iессо, почти $^{3}/_{4}$ территоріи находится подъ лѣснымъ покровомъ. Луговыхъ пространствъ или степей на японскихъ островахъ нѣтъ вовсе—нѣтъ потому и пастбищъ для скота; всѣ промежутки между лѣсомъ, поскольку они не представляютъ собою голыя скалы и обрывы, или покрыты кустарниками, или обработаны кропотливымъ земледѣльцемъ и превращены въ поля и плантаціи. Единственнымъ исключеніемъ являются такъ называемыя «хара»—горные луга на высотѣ 1500—2500 метровъ надъ уровнемъ моря,—но и эти хара не похожи на наши луга, трава на нихъ не образуетъ муравы, и вся поверхность покрыта пестрой смѣсью отдѣльно стоящихъ злаковъ, бамбуковъ, травянистыхъ растеній и полукустарниковъ.

Японскій лѣсъ гораздо пестрѣе и разнообразнѣе нашего,—онъ поражаетъ непривычнаго сѣверянина огромнымъ количествомъ древесныхъ породъ, красотою ихъ формъ и яркостью красокъ, особенно весною, когда большинство деревьевъ стоитъ въ цвѣту. Здѣсь тѣсно между собою переплетаются и смѣшиваются деревья тропическаго пояса, находящія въ Японіи сѣверную границу своего распространенія, съ породами умѣренныхъ и даже сѣверныхъ широтъ; къ нимъ присоединяются деревья, свойственныя только Японіи и являющіяся въ большинствѣ случаевъ наслѣдіемъ, которое сохранилось съ давнихъ временъ, благодаря особенностямъ геологической исторіи Японіи. Въ ту эпоху, когда значительная часть Европы и Сѣверной Америки находилась подъ ледянымъ покровомъ, когда съ горъ Скандинавіи, съ Альпъ и съ Кавказа разстилались грандіозные глетчеры, Японія не страдала отъ холода,—она не испытала «ледниковаго періода» и пользовалась почти тѣмъ же благодатнымъ климатомъ, какъ и теперь. Благодаря этому обстоятельству, японская флора очень полно сохранила черты флоры третичной эпохи, которая была нѣкогда широко распространена по сѣверному полушарію, была свойственна и Европѣ, и Сѣверной Америкѣ, но затѣмъ вымерла отъ холодовъ ледниковаго періода и сохранилась тамъ лишь въ видѣ отдѣльныхъ, немногочисленныхъ представителей. Въ Японіи эта третичная флора, съ которой мы на сѣверѣ Европы знакомимся лишь по окаменѣлостямъ, по отпечаткамъ листьевъ въ третичныхъ отложеніяхъ, сохранилась почти полностью, и это-то, главнымъ образомъ, и дѣлаетъ японскую флору такою богатою: по исчисленію Аза Грея, Японо-Манчьжурская область содержитъ 168 видовъ деревьевъ, тогда какъ Восточно-Американская—155, а вся Европа—лишь 85 видовъ.

Въ силу того, что климатъ Японіи все же сильно различается по различнымъ областямъ страны, и растительность ея можетъ быть раздѣлена на нѣсколько областей въ горизонтальномъ направленіи и на нѣсколько зонъ или поясовъ—въ вертикальномъ.

Ботаники различаютъ въ Японіи собственно 3 области, притомъ растительность болѣе сѣверныхъ областей на югѣ поднимается въ болѣе высоко расположенныя зоны. Первая область—область смоковницы (Ficus Wightiana)—чисто тропическаго характера: это царство вѣчно-зеленаго лѣса, пальмъ, саговиковъ (Cycas revoluta), камелій и культуры многолѣтняго сахарнаго тростника. Въ Японіи она захватываетъ о-ва Ліу-Кіу и самую южную оконечность о-вовъ Кіу-Сіу, доходя до 31°30′ с. ш., и не является, слѣдовательно, характерной для страны.

Вторая область—субтропическая, наиболѣе важна и интересна; ея границу на сѣверѣ о-ва Хондо составляетъ 38° с. ш., который представляетъ собою, какъ мы видѣли выше, рѣзкую климатическую грань, вслѣдствіе отхожденія около этой широты теченія Куро-Сиво отъ береговъ Японіи. Лѣса этой области имѣютъ смѣшанный характеръ и замѣчательны прежде всего чрезвычайнымъ обиліемъ вѣчнозеленыхъ дубовъ, которые на сѣверѣ замѣняются дубами съ опадающей листвой. Изъ южныхъ, тропическихъ формъ въ эту область заходитъ японская вѣерная пальма (Chamaerops excelsa), обыкновенно достигающая вышины не болѣе двухъ саженъ, перистый древовидный бамбукъ, образующій цѣлыя рощи, камеліи, магноліи, различныя лавровыя и цѣлый рядъ другихъ вѣчно-зеленыхъ формъ, частью—кустарниковъ, образующихъ подлѣсокъ, частью—деревьевъ. Вполнѣ тропическій видъ придаютъ лѣсамъ этой части Японіи заросли роскошныхъ папоротниковъ и многочисленныя ліаны и ползучки, иногда толщиною съ руку, поднимающіяся змѣями по стволамъ деревьевъ и увѣшивающія ихъ кистями своихъ цвѣтовъ и гирляндами листьевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, многое и отличаетъ лѣса этой области отъ тропическихъ и прежде всего огромное количество хвойныхъ деревьевъ, необычайно разнообразныхъ; тогда какъ у себя въ сѣверныхъ широтахъ мы привыкли встрѣчать цѣлые безконечные лѣса изъ двухъ-трехъ видовъ хвойныхъ деревьевъ, здѣсь ихъ можно насчитать нѣсколько десятковъ породъ.

Наиболѣе обычнымъ элементомъ каждаго лѣсного ландшафта средней Японіи является японская сосна (Pinus densiflora и другіе близкіе виды), отличающаяся причудливой, живописной кроной; стволъ ея обыкновенно кривой и корявый и не годится на подѣлки, потому въ качествѣ строевого лѣса употребляется и даже разводится другое хвойное—криптомерія (Cryptomeria japonica), образующая густыя тѣнистыя насажденія и обладающая высокимъ и ровнымъ стволомъ. Цѣлый рядъ японскихъ хвойныхъ приближается по своей внѣшности къ туйѣ и кипарису; кромѣ того, встрѣчаются нѣсколько видовъ тисса, можжевельникъ, лиственница; наконецъ, попадается замѣчательное хвойное, имѣющее вмѣсто хвои плоскіе, сизые, разсѣченные на-двое

листья—это древнѣйшее изъ голосѣмянныхъ растеній, гинко (Ginko biloba); оно, впрочемъ, встрѣчается лишь въ одомашненномъ состояніи, около храмовъ.

Обыкновенно подлѣскомъ въ лѣсахъ съ преобладаніемъ хвойныхъ деревьевъ служатъ кусты азалій, рододендроновъ, душистыхъ гарденій и аралій, и трудно представить себѣ болѣе эффектную картину, какъ опушки и прогалины этихъ лѣсовъ весною, когда онѣ залиты, какъ огнемъ, ярко-малиновыми цвѣтами азалій и рододендроновъ.

Изъ лиственныхъ деревьевъ, на ряду съ вѣчно-зелеными, встрѣчается также довольно много деревьевъ съ опадающими листьями; японскій кленъ (Acer polymorphus) съ причудливою кроною и изящными листьями, японская вишня (Prunus pseudocerasus), покрывающаяся весною чрезвычайно красивыми цвѣтами, но дающая совершенно негодные для употребленія плоды, дерево «каки» (Diospyrus kaki), близкое къ хурмѣ, водящейся въ Закавказьи, и приносящее довольно вкусные и сочные плоды, дикія яблони и груши и цѣлый родъ другихъ древесныхъ породъ, большею частью чисто-японскихъ.

Общій характеръ японскаго лѣса не походитъ на нашъ,—листва деревьевъ, состоящая, главнымъ образомъ, изъ кожистыхъ вѣчно-зеленыхъ листьевъ, настолько густа, что свѣтъ совсѣмъ не пробивается сквозь нее, и лѣсъ пріобрѣтаетъ темный и унылый оттѣнокъ. Отсутствіе свѣта подъ деревьями не позволяетъ развиваться ковру травянистыхъ растеній, къ которому привыкъ нашъ глазъ, и травы совершенно почти отсутствуютъ,—зато сами деревья и кустарники, образующіе подлѣсокъ, весною усѣяны цвѣтами, а осенью блещутъ самыми яркими тонами желтаго и краснаго оттѣнковъ.

Субтропическая область является также и главною областью воздѣлыванія различныхъ культурныхъ растеній южнаго характера, но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Третья область, которую можно назвать умѣренной, характеризуется букомъ и кленами, которыхъ извѣстно цѣлыхъ 11 видовъ. Она захватываетъ сѣверную часть о-ва Хондо и весь о-ва Іессо и продолжается въ средней и южной Японіи въ верхнихъ зонахъ горъ. Лѣса этой области составляются изъ хвойныхъ деревьевъ, встрѣчающихся и въ субтропической области, къ нимъ присоединяется длинный рядъ лиственныхъ породъ, характерныхъ и для нашихъ лѣсовъ умѣренной полосы,—буковъ, вязовъ, ясеней, березъ, тополей и липъ, грецкаго орѣха, дикихъ вишенъ, конскаго каштана и т. д. Лишь восемь вѣчно-зеленыхъ древесныхъ породъ переходятъ въ данную область съ юга и вмѣстѣ съ бамбукомъ и магноліями отличаютъ японскіе лѣса отъ нашихъ буковыхъ лѣсовъ Закавказья. Деревья переплетаются ліанами съ опадающей листвой, и въ промежуткахъ между ними разрастаются мно-

гочисленныя травянистыя растенія, достигающія иногда многосаженной высоты и носящія характеръ бурьяна, чрезъ который немыслимо пробраться.

Растительность горныхъ вершинъ Японіи выдѣляется въ особую зону, характеризующуюся японскою елью (Abies Veitschi), лиственницей, стелющимся кедромъ и нѣкоторыми лиственными деревьями сѣвернаго типа. Высокіе склоны горъ покрыты упомянутыми уже «хара» и зарослями низкихъ вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ и полукустарниковъ, между которыми главную роль играютъ рододендроны и азаліи. По своему составу, флора этихъ нагорій приближается скорѣе всего къ альпійской области черноморскаго склона Кавказскаго хребта,— въ ней встрѣчаются и растенія полярныя, свойственныя влажнымъ областямъ арктическихъ странъ, и виды болѣе умѣренныхъ широтъ Сибири и Сѣв. Америки и, наконецъ, растенія чисто горныя, свойственныя Гималаямъ и Кавказу.

Такимъ образомъ, въ зависимости отъ климатическихъ особенностей, измѣняется характеръ растительности Японіи въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ. Само собою разумѣется, что границы между областями не рѣзки и не отличаются правильностью; такъ, на западномъ берегу о-ва Хондо умѣренная область, вслѣдствіе болѣе суровыхъ климатическихъ условій, заходитъ далѣе на югъ, и граница ея спускается до 35—36° с. ш. Обиліе влаги и тепла и плодородная почва, происходящая отъ разложенія вулканическихъ и кристаллическихъ горныхъ породъ, обусловливаютъ роскошное развитіе растительности:—криптомеріи и камфарныя деревья разрастаются до гигантскихъ размѣровъ, древовидный бамбукъ на югѣ Японіи достигаетъ вышины нѣсколькихъ саженъ, кустарники и деревья образуютъ густую, порою непроходимую чащу, а травянистыя растенія въ средней и южной Японіи принимаютъ размѣры настоящихъ кустарниковъ и деревьевъ.

Тѣ же условія позволяютъ широко развить въ Японіи культуру воздѣлываемыхъ растеній, чрезвычайно многочисленныхъ: растеній, годныхъ въ пищу, воздѣлывается болѣе 430, вообще же полезныхъ растеній насчитывается до 1500 видовъ.

Самымъ важнымъ культурнымъ растеніемъ является рисъ, которымъ заняты въ Японіи огромныя площади,—онъ является и наиболѣе основнымъ пищевымъ продуктомъ японскаго населенія. Благодаря теплому климату и обилію осадковъ граница риса отодвигается здѣсь до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ—до 42° с. ш., и даже еще подъ Хакодате встрѣчаются рисовыя поля. Расположенныя террасами одно надъ другимъ и связанныя системой каналовъ и шлюзовъ, рисовыя поля являются самымъ обычнымъ элементомъ японскихъ

ландшафтовъ, — всюду по склонамъ горъ и въ долинахъ видны ихъ правильные четыреугольники, покрытые весною яркою зеленью всходовъ.

Кромѣ риса, въ Японіи культивируются пшеница и ячмень, нѣсколько видовъ проса, сорго и маисъ,—всѣ эти злаки, однако, играютъ второстепенную роль въ японскомъ хозяйствѣ и употребляются чаще въ видѣ суррогатовъ риса и для приправъ. Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ различныя мотыльковыя (бобовыя) растенія и между ними прежде всего соя (Dolichos soja), дающая короткіе волосатые бобы съ 2—4 зернами. Бобы эти содержатъ гораздо больше питательныхъ веществъ, чѣмъ злаки, и идутъ на приготовленіе особой подливки «сои» и бобоваго сыра «тофу»,—двухъ необходимѣйшихъ принадлежностей японскаго стола. Цѣлый рядъ фасолей, бобовъ и горошковъ, разводимыхъ на поляхъ Японіи, идетъ частью прямо въ пищу, частью разводится для корма скоту и для выжимки масла.

Однимъ изъ очень любимыхъ воздѣлываемыхъ растеній является лотосъ съ огромными торчащими изъ воды листьями и великолѣпными, пахучими розовыми цвѣтами. Это священное растеніе буддистовъ является эмблемой души человѣка, зарождающейся въ земной грязи и выходящей изъ міра чистой и непорочной, чтобы присоединиться къ Нирванѣ. Его разводятъ въ неглубокихъ прудахъ и употребляютъ въ пищу какъ его плоды—вкусные маслянистые орѣхи, такъ и мясистыя корневища, богатыя крахмаломъ. Изъ другихъ корнеплодовъ разводятся бататы или сладкій картофель, различныя аройниковыя, стрѣлолистъ, растеніе, извѣстное подъ названіемъ «яма» (Dioscoraea japonica), особая порода рѣдьки, достигающая гигантскихъ размѣровъ, морковь и мн. др.

Изъ нашихъ овощей почти всѣ главнѣйшія находятъ себѣ мѣсто и на японскихъ огородахъ, но представлены здѣсь обыкновенно другими разновидностями. Огородъ, впрочемъ, играетъ второстепенную роль въ хозяйствѣ японца и состоитъ изъ немногихъ миніатюрныхъ грядокъ у самаго дома. Плодовыхъ садовъ, въ той формѣ, какъ у насъ, у японцовъ нѣтъ вовсе,—маленькіе садики съ карликовыми деревьями, миніатюрными прудами и скалами, имѣющіеся почти въ каждомъ домѣ, служатъ лишь для украшенія и даютъ возможность японцу и въ городѣ любоваться кусочкомъ природы. Плодовыя деревья разводятся обыкновенно между полями или въ видѣ небольшихъ плантацій; мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ европейскія породы и цѣлый рядъ спеціально японскихъ. Яблоки, груши, вишневыя и сливовыя деревья, абрикосы и персики—прекрасно вызрѣваютъ въ Японіи, но даютъ деревянистые и водянистые плоды; даже сорта, привезенные сюда изъ Европы, быстро вырождаются и утрачиваютъ свой ароматъ и вкусъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго обилія влаги.

Изъ японскихъ плодовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ апельсины, представленные нѣсколькими разновидностями. Самой цѣнной изъ нихъ является мелкая разновидность, извѣстная подъ названіемъ «микановъ» и напоминающая по величинѣ и формѣ мандарины, но совершенно другого запаха и вкуса. Другими спеціально японскими плодами являются «каки» (Diospyrus kaki), плоды близкіе къ хурмѣ Закавказья, и «бива» (Eriobotrya japonica) — плоды въ родѣ вишни, но желтые и съ 1—6 косточками внутри.

Кромѣ такихъ съѣдобныхъ, въ Японіи культивируется безконечное количество другихъ полезныхъ растеній. Для выдѣлки растительнаго масла разводятся горчица, кунжутъ, масляное дерево (Aleurites cordata) и камеліи, для добыванія растительнаго воска—восковое дерево (Stillingia sebifera), для добыванія драгоцѣннаго японскаго лака—лаковое дерево (Rhus vernicifera); пряжу даетъ хлопокъ, доходящій въ Японіи до 38° с. ш., джутъ (Corchorus capsularis), конопля, особое, похожее на крапиву, растеніе «рами» (Boehmeria tenacissima) и японская крапива (Urtica Thunbergiana). Огромныя камфарныя деревья служатъ для полученія камфары, которая выгоняется изъ древесины паромъ; бумажныя деревья (Brussonetia papyrifera, Edgeworthia papyrifera, Wickstroemia canescens) даютъ лубъ, идущій на приготовленіе различныхъ сортовъ необыкновенно прочной японской бумаги,—бумага эта настолько крѣпка, что на большихъ листахъ ея можно подбрасывать человѣка, какъ на полотнѣ, безъ риска прорвать ее. Очень многочисленны и разнообразны красильныя и медицинскія растенія Японіи.

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ растеній страны—о чайномъ деревѣ, продуктъ котораго составляетъ необходимѣйшій предметъ ежедневнаго потребленія каждаго японца. Чайное дерево является въ Японіи въ формѣ невысокихъ кустарниковъ, которые растутъ и въ дикомъ состояніи по склонамъ горъ и разводятся въ большомъ количествѣ на особыхъ чайныхъ плантаціяхъ. Культура чая распространена на обоихъ южныхъ островахъ Японіи и почти по всему острову Хондо,—онъ разводится здѣсь даже въ мѣстностяхъ, гдѣ зимою морозы достигаютъ —12° Ц., лежатъ снѣга и замерзаетъ почва, хотя, вообще говоря, требуетъ для своего благопріятнаго развитія температуры, не спускающейся зимой ниже —4° Ц.

Мы видимъ, что человѣку не приходится въ Японіи жаловаться на недостатокъ культурныхъ растеній,—напротивъ, онъ находитъ ихъ здѣсь въ избыткѣ, и они удовлетворяютъ положительно всѣмъ его потребностямъ: помимо пищи, достаточно питательной и разнообразной, они даютъ ему и напитки, и одежду, и освѣщеніе. Только благодаря

такому изобилію полезныхъ растеній и могла возникнуть и развиться на крайнемъ востокѣ и въ особенности въ Японіи та своеобразная, но все же относительно высокая культура, которую здѣсь нашли европейцы, и которая подготовила японскую народность къ быстрому воспріятію европейской образованности.

Культура зиждется здѣсь на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ у насъ на западѣ. Современный европеецъ въ своемъ развитіи прошелъ стадію охотника и скотовода, и до настоящаго времени все сельское хозяйство его, являющееся основой благосостоянія Европы, имѣетъ своимъ фундаментомъ тѣсное сожительство человѣка съ цѣлымъ рядомъ домашнихъ животныхъ, его постоянныхъ слугъ и сотрудниковъ. Японецъ по природнымъ условіямъ своей страны искони былъ только земледѣльцемъ и культиваторомъ и имѣлъ дѣло исключительно съ растеніями. При бѣдности лѣсовъ Японіи крупной дичью (см. ниже), едва ли и охота могла доставлять ему когда-либо существенное подспорье для существованія,—море и пашня были единственными источниками его дневного пропитанія. Недостатокъ равнинъ и луговъ въ странѣ, ея лѣсистость и, быть-можетъ, также трудность доставки крупныхъ животныхъ на острова Японіи съ континента издавна были естественными препятствіями развитію въ Японіи скотоводства, и мы и теперь еще видимъ, что послѣднее крайне слабо развито въ странѣ. Домашнія животныя принимаютъ лишь самое минимальное участіе въ обработкѣ полей Японіи, — главную работу совершаетъ здѣсь человѣкъ собственными руками,—не плугъ, а мотыга (лопата, прикрѣпленная подъ прямымъ угломъ къ рукояткѣ) служитъ здѣсь основнымъ орудіемъ для обработки поля; доставка на поле удобренія, доставка сжатыхъ колосьевъ — совершается на спинѣ человѣка; молотьба, обдирка риса, замѣняющая размолъ—все это ручная работа. Зато японскому крестьянину не приходится, какъ нашему, затрачивать половину, а то и болѣе, своей энергіи на добываніе прокорма для домашнихъ животныхъ, не надо собирать стоговъ сѣна и наполнять амбары овсомъ, отрубями, соломой.

При отсутствіи домашнихъ животныхъ, вся система хозяйства должна быть совершенно иная; дѣйствительно, правильная плодоперемѣнная система существовала въ Японіи гораздо ранѣе, чѣмъ вошла въ употребленіе въ Европѣ, вопросъ объ удобреніи былъ разработанъ здѣсь съ такою подробностью на практикѣ, съ какой онъ долго еще, вѣроятно, не будетъ разработанъ у насъ,—ничто въ хозяйствѣ японца не бросается и не пропадаетъ даромъ, все по возможности возвращается полю, съ котораго взято въ видѣ продуктовъ земледѣлія.

Очень возможно, что подъ вліяніемъ этой своеобразной земледѣльческой дѣятельности сложился и характеръ народности: работа

на небольшихъ участкахъ (безъ помощи животныхъ, однѣми собственными силами, человѣкъ и не могъ вести обработки обширныхъ пространствъ) пріучила къ мелкому, кропотливому труду, заставила быть аккуратнымъ и разсчетливымъ до послѣдней крайности, такъ какъ нужно было при малой затратѣ силъ получить наибольшее количество пропитанія. Отсутствіе продолжительной зимы, когда сама природа принуждаетъ земледѣльца къ бездѣйствію, и отсутствіе четвероногихъ рабовъ-помощниковъ развили трудолюбіе и сдѣлали трудъ главнымъ побужденіемъ жизни. Быть-можетъ, то именно обстоятельство, что японцу не приходится вовсе имѣть дѣла съ домашними животными, обусловливаетъ и мягкость манеръ, вѣжливость и деликатность японскаго крестьянина: не подлежитъ сомнѣнію, что постоянное обращеніе съ лошадьми и быками вызываетъ извѣстное огрубѣніе.

Въ то же время природныя условія и зависящіе отъ нихъ способы веденія хозяйства имѣли, по всей вѣроятности, и нѣкоторое неблагопріятное вліяніе на характеръ населенія. Вѣчная мелкая борьба съ природою, тяжелый ежедневный трудъ, непрерывныя заботы о дневномъ пропитаніи—вызывали въ душѣ лишь мелкія, эгоистическія стремленія, не оставляли досуга для болѣе возвышенныхъ стремленій духа,—того досуга, которымъ пользовались европейцы, и которому они въ значительной степени обязаны высокимъ развитіемъ своей культуры. Мелочность, разсчетливость, практическая складка, отсутствіе высокихъ идеальныхъ порывовъ и безразличное отношеніе къ вопросамъ духа—эти черты, присущія японской націи, всецѣло являются результатомъ многовѣковой борьбы съ природою за дневное пропитаніе, борьбы, такъ сказать, съ голыми руками, безъ содѣйствія и помощи домашнихъ животныхъ, роль которыхъ въ исторіи культуры гораздо значительнѣе, чѣмъ мы это привыкли думать.

Животный міръ Японіи.

Фауна острововъ Японіи, подобно флорѣ, стоитъ въ зависимости, съ одной стороны, отъ климатическихъ условій, съ другой—отъ геологической исторіи страны.

Тогда какъ животный міръ острововъ Ліу-Кіу, подобно растительности ихъ, носитъ совершенно тропическій характеръ, фауна главныхъ острововъ Японіи скорѣе напоминаетъ умѣренныя широты Европы и Азіи и во многихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ фаунѣ противолежащаго континента, проявляя въ то же время не мало и оригинальныхъ чертъ.

Тропическіе лѣса острововъ Ліу-Кіу и Формозы оживляются южными птицами, изъ крупныхъ млекопитающихъ на нихъ, какъ вообще на небольшихъ островахъ, не водится ни одного, но въ каче-

ствѣ характерныхъ животныхъ тропиковъ встрѣчаются крупныя летучія мыши, такъ называемыя «летучія собаки» (Pteropus). По составу фауны пресмыкающихся, земноводныхъ и насѣкомыхъ острова Ліу-Кіу должны быть отнесены къ индо-малайской зоогеографической области, и водящіеся у ихъ береговъ рифообразующіе кораллы и вообще вся морская фауна еще болѣе подтверждаютъ ихъ принадлежность къ тропической фаунѣ.

Съ другой стороны, главные острова Японіи принадлежатъ по общему характеру своей фауны къ той же обширной области, къ которой должна быть отнесена почти вся Европа и противолежащая часть азіатскаго материка,—именно, къ такъ называемой «палеарктической» области.

Дѣйствительно, животный міръ Японіи обнаруживаетъ полное сходство и тѣсное родство съ таковымъ Маньчжуріи, Кореи и Уссурійскаго края. Въ составъ его, правда, входятъ также формы совершенно своеобразныя, чисто японскія, но и онѣ, въ большинствѣ случаевъ, стоятъ въ близкомъ родствѣ съ формами, обитающими на материкѣ. Въ то же время въ фаунѣ Японіи замѣчается такое же смѣшеніе обитателей болѣе южныхъ широтъ съ животными умѣренной полосы и даже почти арктическими. Замѣчательно, что очень рѣзкою фаунистической границей въ Японіи является глубокій Сангарскій проливъ, отдѣляющій о-въ Іессо отъ о-ва Хондо. Надо думать, что проливъ этотъ существовалъ еще въ очень древнія времена, когда только-что началось заселеніе острововъ Японіи съ сѣвера, чрезъ о-въ Сахалинъ, вѣроятно, соединенный тогда непрерывно съ о-вомъ Іессо и съ материкомъ. Многія сѣверныя формы остановились у Сангарскаго пролива и не перешли чрезъ него на о-въ Хондо,—такъ, напр., бурый медвѣдь, горностай, ласка и соболь, сходные съ нашими и водящимися на Сахалинѣ, встрѣчаются въ Японіи лишь на о-вѣ Іессо и не заходятъ южнѣе.

Для многихъ сѣверныхъ животныхъ Сангарскій проливъ не составилъ, однако, непреодолимаго препятствія, — они миновали его и разселились по всѣмъ островамъ Японіи,—къ такимъ формамъ относятся волкъ, лисица, енотовидная собака, барсукъ, выдра, черноногая куница, норка, олень, бѣлка, заяцъ и другія.

Нѣкоторыя животныя южнаго типа проникли на острова Японіи, по всей вѣроятности, съ юга, чрезъ перешеекъ, соединявшій ихъ въ давно минувшія геологическія эпохи съ Корейскимъ полуостровомъ. Сѣверной границей ихъ распространенія является тотъ же Сангарскій проливъ, такъ какъ на островъ Іессо они не заходятъ. Къ этимъ формамъ относятся черный японскій медвѣдь, кабанъ, соня и японская горная антилопа. Къ формамъ еще болѣе южнаго типа относится японская обезьяна (Macacus fuscatus), родственная гибралтарскому

маго и населяющая во множествѣ горные лѣса южной и средней Японіи. Обезьяны заходятъ здѣсь сѣвернѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ достигаютъ 40° с. ш. и живутъ въ области, гдѣ снѣжная зима продолжается 3 мѣсяца и термометръ опускается иногда ниже —12° Ц.

Изъ млекопитающихъ, спеціально свойственныхъ Японіи, замѣчателенъ небольшой черный медвѣдь (Ursus japonicus), не рѣдкій въ горахъ о-вовъ Хондо и Іессо, также небольшой и коротконогій волкъ (Canis hodophylax), енотовидная собака (Nyctereutes), японскій соболь (Mustela brachyura) съ очень малоцѣннымъ мѣхомъ, особые виды куницы, хорька и выдры, отличающіеся нѣкоторыми признаками отъ нашихъ.

Изъ крупныхъ травоядныхъ животныхъ мы находимъ въ Японіи лишь особаго оленя (Cervus sika). родственнаго сѣверо-китайскимъ, и японскую горную антилопу (Nemorhoedus crispus), ближайшую родственницу видовъ, водящихся въ Тибетѣ и на берегахъ Голубой рѣки.

Характерной чертой фауны Японіи является полное отсутствіе представителей семейства кошекъ, встрѣчаемыхъ въ изобиліи на противолежащемъ континентѣ. Очень бѣдно представлено также и семейство грызуновъ, что обусловливается отсутствіемъ здѣсь луговъ и степей.

Фауна птицъ въ Японіи далеко не такъ богата, какъ можно было бы думать,—она заключаетъ лишь около 250 видовъ, изъ которыхъ 155 гнѣздятся въ самой странѣ. Лѣса Японіи слабо населены пернатыми и совсѣмъ бѣдны пѣвчими птицами—въ нихъ царитъ безмолвіе, составляющее рѣзкій контрастъ съ оживленіемъ нашихъ лѣсовъ средней полосы Европы.

Изъ куриныхъ въ горахъ Японіи встрѣчаются разноцвѣтный фазанъ (Phasianus versicolor), тетеревъ, бѣлая куропатка и глухарь; изъ голенастыхъ особой популярностью пользуется японскій журавль (Grus montignesia): онъ считается въ Японіи священнымъ и составляетъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ сюжетовъ японскихъ художниковъ. При обиліи въ странѣ воды, вполнѣ естественно, что фауна водоплавающихъ птицъ очень богата и заключаетъ много своеобразныхъ видовъ.

Между птицами Японіи также наблюдаются формы тропическія и формы сѣверныя, количество видовъ, свойственныхъ исключительно островамъ Японіи, оказывается, однако, гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ среди млекопитающихъ, какъ это и естественно при гораздо менѣе тѣсной привязанности птицъ къ сушѣ и при большой ихъ подвижности.

Фауна пресмыкающихся Японіи бѣдна и мало характерна — ее составляютъ всего лишь 8 видовъ змѣй, изъ которыхъ только одинъ ядовитъ, 3 вида ящерицъ и 2 вида прѣсноводныхъ черепахъ, — все

формы близкія или къ сѣвернымъ, или къ китайско-маньчжурскимъ, или же къ южнымъ видамъ.

Между болѣе многочисленными земноводными особый интересъ къ себѣ возбуждаетъ исполинская саламандра Японіи (Cryptobranchus japonicus), настоящій гигантъ среди своихъ сородичей, такъ какъ длина ея превышаетъ 2 аршина. По своей внѣшности она производитъ впечатлѣніе какого-то допотопнаго чудовища и, дѣйствительно, близко родственна ископаемой исполинской саламандрѣ (Andrias Scheuchzeri), остатки которой были въ свое время описаны Шейхцеромъ какъ скелетъ человѣка, бывшаго свидѣтелемъ всемірнаго потопа (Homo diluvii testis).

Мы видимъ, что фауна наземныхъ животныхъ Японіи не можетъ похвалиться такимъ богатствомъ и разнообразіемъ, какъ флора, особенно поскольку это касается высшихъ животныхъ; зато міръ насѣкомыхъ, въ связи съ развитіемъ флоры, поражаетъ обиліемъ формъ и ихъ яркостью и пестротою. Не подлежитъ сомнѣнію, что относительно слабое развитіе животной жизни стоитъ въ зависимости отъ геологической исторіи острововъ Японіи,—ихъ изолированности въ теченіе послѣднихъ періодовъ.

Недостатокъ крупныхъ наземныхъ животныхъ не могъ не повліять на характеръ и бытъ японской народности. Охота никогда не составляла существеннаго элемента въ жизни обитателей острововъ Японіи, и послѣдніе не прошли той стадіи народа-охотника, которую пережили наши предки въ Европѣ,—имъ не пришлось вести упорной борьбы съ дикими животными, закаляющей тѣло и духъ, дѣлающей человѣка отважнымъ борцомъ, открыто смотрящимъ навстрѣчу опасности и покоряющимъ природу своей физической силой и рѣшительностью. Единственнымъ болѣе серьезнымъ противникомъ человѣка былъ здѣсь медвѣдь, хищникъ, какъ извѣстно, сравнительно мало опасный.

Бѣдность крупными животными отразилась и на бытѣ — среди предметовъ повседневнаго обихода японцевъ совершенно отсутствуютъ издѣлія изъ кожи и мѣха, даже обувь дѣлается изъ дерева, а мѣхъ замѣняется ватою.

Бѣдность фауны наземныхъ животныхъ съ лихвою возмѣщается необычайнымъ развитіемъ жизни въ водахъ морей, окружающихъ Японію. Въ недавнія еще времена прибрежныя воды этой страны посѣщались цѣлыми стадами китовъ, которыхъ здѣсь водится нѣсколько видовъ,—китобойный промыселъ съ древнѣйшихъ временъ былъ развитъ въ Японіи, и китовое мясо до сихъ поръ составляетъ излюбленную пищу болѣе бѣдныхъ классовъ населенія.

Количество видовъ рыбъ въ водахъ Японіи огромно — ихъ насчитываютъ до 800, притомъ на ряду съ мелкими и малоцѣнными бе-

рега Японіи посѣщаются и наилучшими морскими породами: стада макрелей и гигантскихъ тунцовъ, различные виды сельдей, сардинки, морскіе окуни, кефаль, на сѣверѣ — лососевыя, входящія въ рѣки, регулярно приближаются къ о-вамъ Японіи и дѣлаются достояніемъ прибрежнаго населенія, сплошь занимающагося рыбнымъ промысломъ.

Рыболовство было развито въ Японіи еще въ до-историческія времена, и совершенствованіе его шло рука-объ-руку съ развитіемъ культуры въ странѣ. Въ качествѣ исконной приморской народности японцы не брезгаютъ никакими морскими продуктами, и употребляются въ пищу у нихъ не только всѣ породы рыбъ, за исключеніемъ завѣдомо ядовитыхъ, но и всѣ почти моллюски, головоногія, нѣкоторыя иглокожія, медузы, наконецъ, цѣлый рядъ морскихъ водорослей. Количество орудій и способовъ лова рыбы въ Японіи неисчислимо и едва ли не больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Значеніе рыбнаго промысла для Японіи громадно,—можно сказать даже, что вообще едва ли было бы возможно въ странѣ развитіе культуры, если бы японскія моря были бѣдны рыбой. Животная пища необходима человѣку уже въ силу физіологической потребности въ бѣлковыхъ веществахъ, между тѣмъ, при отсутствіи возможности скотоводства и при недостаткѣ крупной охоты, единственный источникъ такихъ бѣлковыхъ веществъ животнаго происхожденія — это море; въ его нѣдрахъ японская народность, дѣйствительно, нашла неисчерпаемые запасы питательныхъ матеріаловъ, претворяемыхъ споконъ вѣковъ въ плоть и кровь, въ силу и энергію націи.

Морскіе промысла имѣли для Японіи, безъ сомнѣнія, и иное, едва ли не еще болѣе важное культурное значеніе: они сблизили японцевъ съ моремъ, сдѣлали ихъ опытными мореходами, заставили развить искусство судостроенія и кораблевожденія. Если вообще борьба съ непостоянной морской стихіей и развитіе морского дѣла содѣйствуютъ подъему культуры, то для народности, обитающей на островахъ, развитіе судоходства является прямою необходимостью, такъ какъ лишь по морскому пути происходитъ сближеніе ея съ другими народами. И, дѣйствительно, по морю пришли въ Японію религіозныя вѣроученія, зачатки наукъ и искусствъ и другіе элементы культуры, возросшіе въ странѣ, болѣе древней и ранѣе развившейся—въ Китаѣ.

Близость къ морю, борьба съ нимъ изъ-за скрытыхъ въ его нѣдрахъ сокровищъ не могли не отразиться и на характерѣ японца: если японской народности свойственны подвижность и ловкость, если она обладаетъ энергіей и предпріимчивостью, то въ этомъ немалую роль играютъ тѣ многовѣковыя испытанія, которыя перенесла эта народность, отвоевывая у моря право на свое существованіе.

Природа страны вліяетъ на человѣка не только своими отдѣльными элементами, но и всей своей совокупностью, своимъ общимъ характеромъ и колоритомъ.

Безконечно разнообразные и чрезвычайно живописные горные ландшафты Японіи поражаютъ мягкостью очертаній горъ, отсутствіемъ рѣзкихъ линій и яркихъ тоновъ, — здѣсь все сглажено и въ то же время полно своеобразной красоты. Богатая растительность задрапировываетъ крутые обрывы, безплодные скалы и утесы и лишаетъ ихъ того безотраднаго вида, какой они имѣютъ хотя бы на сосѣднемъ материкѣ. Та же безконечно обильная и разнообразная японская растительность ласкаетъ взоръ своимъ богатствомъ красокъ и тоновъ, своими изящными очертаніями, своимъ нерѣдко сплошнымъ покровомъ цвѣтовъ, украшающихъ деревья весною, и пестротою листьевъ осенью.

Даже культура человѣка не нарушаетъ здѣсь красоты природы, а, напротивъ, какъ бы дополняетъ и совершенствуетъ ее. Здѣсь нѣтъ монотонныхъ пространствъ, тянущихся на десятки верстъ и покрытыхъ однимъ и тѣмъ же растеніемъ. Японскія поля, покрывающія склоны горъ разноцвѣтными пятнами, поднимающіяся одно надъ другимъ террасами и нерѣдко окаймленныя деревьями, придаютъ ландшафту еще бо́льшую красоту и разнообразіе.

Выростая среди красивыхъ пейзажей, среди богатой и разнообразной природы, любуясь съ дѣтства изящными очертаніями вулкановъ, уходящихъ въ небо своими конусами, и бирюзовымъ моремъ, усѣяннымъ тучею зеленыхъ островковъ, японецъ всасываетъ съ молокомъ матери любовь къ красотамъ природы и способность улавливать въ ней прекрасное.

Чувство изящнаго, наклонность наслаждаться красотою свойственны въ Японіи всему населенію отъ земледѣльца до аристократа. Уже простой японскій крестьянинъ — эстетикъ и артистъ въ душѣ, непосредственно воспринимающій прекрасное въ окружающей природѣ. Нерѣдко онъ совершаетъ отдаленныя путешествія, чтобы полюбоваться какимъ-либо красивымъ видомъ, а особенно красивые горы, ручьи или водопады служатъ даже объектомъ благоговѣйнаго культа, тѣсно переплетаясь въ представленіяхъ простолюдина съ конфуціанскими и буддійскими святынями.

Изъ этого культа красоты, основывающагося на дивномъ колоритѣ всего окружающаго, возникло и японское искусство.

Такъ можемъ мы прослѣдить шагъ за шагомъ вліяніе природы страны на населеніе; оба эти элемента находятся въ тѣсномъ единеніи: страна является тѣломъ, человѣкъ—ея душою.

Историческій очеркъ Японіи.

В. Л. РАНЦОВА.

Японцы и ихъ происхожденіе †).

Японцы, вообще говоря, малы ростомъ, довольно сильны и хорошо сложены. Среднiй ростъ японцевъ всего 2 арш. 1,5 верш.—2 арш. 2 верш., тогда какъ для Россіи среднiй ростъ опредѣляется въ 2 арш. 4 верш.—2 арш. 7 верш., а наименьшій предѣльный ростъ новобранцевъ въ русской арміи составляетъ 2 арш. 2 верш. Японцы уступаютъ также въ ростѣ китайцамъ и корейцамъ. Соотвѣтственно небольшому росту, не великъ и среднiй вѣсъ японца—всего 3 пуда 17 фунт., тогда какъ среднiй вѣсъ нѣмца составляетъ 4 пуда 3 фунт. *). Цвѣтъ кожи у японцевъ измѣняется отъ буровато-желтаго до блѣдно-желтаго (почти бѣлаго), причемъ даже и у самыхъ бѣлыхъ никогда не появляется румянца на щекахъ. Большинство японцевъ среднеголовые, съ наклонностью къ короткоголовости въ грубомъ и къ длинноголовости въ изящномъ типѣ. Довольно объемистый ихъ черепъ обладаетъ двумя особенностями, своеобразной формой верхней челюсти, очень низкой и широкой, безъ впадины для клыка, и японской костью **).

---

†) Настоящая глава составлена, главнымъ образомъ, по статьѣ профессора анатоміи въ токійскомъ университетѣ Коганея «Die Urbewohner von Japan» («Globus» 1903 Bd. LXXXIV) и по очерку проф. Д. Н. Анучина въ «Русск. Вѣдом.» 1904 г. № 100.

*) Съ принятой въ европейскихъ арміяхъ точки зрѣнія—говоритъ полк. Н. Д. Богуславскій («Японія», стр. 174)—японецъ по своему сложенію не могъ бы считаться обладающимъ вполнѣ необходимыми для военной службы физическими качествами.

**) Присутствіе шва, раздѣляющаго болѣе или менѣе явственно скуловую кость на двѣ части, служитъ характернымъ признакомъ для айнскихъ и японскихъ череповъ. Встрѣчаясь лишь у 12% монгольскихъ и 9% европейскихъ череповъ, онъ, по изслѣдованіямъ Деница, попадается почти у 40% японскихъ череповъ. Поэтому нижнюю часть ланитной кости, отдѣленную этимъ швомъ отъ верхней части, принято называть японскою костью.

Островитяне архипелага Ріу-Кіу или Ліу-Кіу (ликейцы) походятъ вообще на японцевъ, но бороды у нихъ обильнѣе и цвѣтъ кожи темнѣе (Бельцъ). Роста они малаго; Виртъ нашелъ даже тамъ, на островѣ Скинавѣ, племя пигмеевъ, ростомъ всего лишь въ 1 арш. 13,15 верш. Островитяне эти, объединенные съ японцами общею культурою, буддизмомъ и близко-родственнымъ языкомъ, почти совершенно слились съ остальнымъ населеніемъ имперіи микадо; общая численность ликейцевъ опредѣлялась въ 1880 году приблизительно въ 170 тысячъ душъ.

Что касается формозскихъ туземцевъ, то китайцы, колонизовавшіе западную часть острова, дѣлятъ ихъ на пепо-уанъ («зрѣлыхъ», прирученныхъ) и секъ-куанъ или чи-уанъ («незрѣлыхъ», некультурныхъ дикарей). Первые встрѣчаются на Формозѣ болѣе или менѣе повсемѣстно, преимущественно же въ сѣверной и западной части острова, а вторые оттѣснены на южный берегъ и во внутренніе горные округа. И тѣ и другіе—малайскаго племени, вообще говоря, схожи съ тагалами (обитатели Филиппинъ). Они малорослы, среднеголовые или длинноголовые, съ желтоватымъ, слегка шоколаднымъ цвѣтомъ кожи.

Если исключить недавно пріобрѣтенную Формозу, можно сказать, что имперія Восходящаго Солнца обладаетъ теперь весьма однороднымъ населеніемъ. Разнообразіе, усматриваемое въ физическихъ его признакахъ, сравнительно невелико и вызывается колебаніями около двухъ главныхъ типовъ, одинъ изъ которыхъ изящный, болѣе красивый и болѣе высокій, наблюдаемый преимущественно въ высшихъ сословіяхъ, отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, сравнительной длинноголовостью, продолговатымъ лицомъ, тонкимъ выпуклымъ или прямымъ, часто орлинымъ носомъ, мало выдающимися скулами, узкимъ подбородкомъ, нерѣдко открытыми европейскими глазами. Женщины этого типа выказываютъ часто очень нѣжное, тощее сложеніе съ тонкими руками и ногами, маленькими кистями и ступнями, тонкою шеею, удлиненнымъ лицомъ, гладкою, нѣжною кожею, хотя большею частью также съ характерными монгольскими глазами. Цвѣтъ кожи у этого типа блѣдно-желтый, безъ румянца, иногда матово-бѣлый или не отличающійся отъ европейскаго; красивыя черты лица часто портятся нижнею частью лицевого овала, полуоткрытымъ ртомъ и отвороченными губами, изъ-за которыхъ торчатъ длинные, наклоненные впередъ и часто заходящіе одинъ за другой зубы. Другой—грубый типъ, обычный у простонародья, характеризуется широкоплечимъ приземистымъ туловищемъ, круглымъ черепомъ, широкимъ лицомъ со скулами, выдающимися впередъ, характерными монгольскими глазами, поставленными слегка наискось, приплюснутымъ носомъ, широкимъ разрѣзомъ рта и желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Волосы у обоихъ типовъ

прямые, круглые въ разрѣзѣ и черные или темно-каштановые, глаза черные или каріе, на тѣлѣ волосатость слабая, на лицѣ вырастаютъ обыкновенно только усы да еще немного волосъ около ушей и посрединѣ подбородка; только у стариковъ можно встрѣтить болѣе обильную бороду. Профессоръ токійскаго университета Бельцъ назвалъ первый изъ описанныхъ типовъ корейско-маньчжурскимъ, второй—монголо-малайскимъ. На образованіе этихъ двухъ типовъ повліяло возникновеніе японской народности изъ смѣшенія многихъ племенныхъ элементовъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить айновъ.

Айны (aino, ainu, т.-е. человѣкъ; европейцы называютъ во множественномъ числѣ aïnos, откуда айносы), численность которыхъ въ Японіи не превышаетъ теперь тридцати тысячъ душъ, представляютъ собою вымирающее племя, остатки котораго сохранились преимущественно на Iессо и Курильскихъ островахъ. Имѣется, однако, основаніе предполагать, что въ давно минувшія времена оно было гораздо многочисленнѣе и населяло всѣ главные острова Японскаго архипелага и даже жило еще южнѣе, на Ликейскихъ о-вахъ, а по нѣкоторымъ предположеніямъ—и на о-вѣ Формозѣ.

Типъ айновъ рѣзко отличается отъ типа японцевъ и вообще монголовъ (см. таблицу II). Ихъ бородатость и волосатость (не превышающая впрочемъ волосатости многихъ европейцевъ, армянъ, грековъ и т. д.), относительно правильныя черты лица, удлиненная голова (болѣе долихоцефальная, чѣмъ у монголовъ), малая скуластость, прямо прорѣзанные, открытые глаза не представляютъ ничего монгольскаго и приближаютъ ихъ скорѣе къ бѣлой расѣ, несмотря на ихъ смуглый цвѣтъ кожи и темноволосость. Одни сравнивали ихъ съ русскими бородатыми крестьянами, другіе находили бо́льшее сходство съ нѣкоторыми племенами Индіи (относимыми къ такъ называемымъ дравидамъ), особенно племенемъ Тода, также бородатымъ, волосатымъ и съ правильными чертами лица. Происхожденіе айнскаго племени вообще представляется загадочнымъ. Французскій антропологъ Катрфажъ называетъ айновъ «русскими изъ Москвы», а Бельцъ признаетъ ихъ за племя, близкое къ славянскому или тождественное. Русскій изслѣдователь академикъ Шренкъ причисляетъ айновъ къ особой древней азіатской расѣ (палеазіатской), которая была оттѣснена монгольскими племенами на крайній востокъ Азіи, и съ этимъ мнѣніемъ соглашается и извѣстный изслѣдователь айновъ, японскій профессоръ Коганей. Какъ бы то ни было, одно не подлежитъ сомнѣнію, что айны представляютъ остатки древней не-монгольской расы, и что они населяли нѣкогда всю Японію.

По разсказамъ японскихъ лѣтописей, айны, или азума-iебису,

населяли весь островъ Нипонъ съ VII вѣка до Р. Х. по II столѣтіе христіанской эры. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. они занимали еще весь Нипонъ, къ сѣверу отъ 38° сѣв. шир., и даже въ IX столѣтіи лѣтописи упоминаютъ еще о вторженіи этихъ «варваровъ» въ японскіе округа. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что айнскій элементъ входитъ въ болѣе или менѣе значительной степени въ составъ всей вообще японской народности. Вліяніе этого элемента замѣчается всего явственнѣе на островѣ Іессо (гдѣ и теперь помѣси между японцами и айнами не составляютъ рѣдкости) и въ сѣверномъ Нипонѣ (въ области Аомори, гдѣ до сихъ поръ сохранилось въ разговорномъ языкѣ нѣсколько айнскихъ словъ).

Японцы, правда, утверждаютъ, что ихъ народъ почти не воспринялъ въ себя айнской крови, и ссылаются на отличія своего типа отъ айнскаго. Но, во-первыхъ, айнскіе типы все-таки встрѣчаются среди японцевъ, а, во-вторыхъ, возможно, что монгольскій элементъ въ продуктахъ помѣсей пересиливалъ айнскій. Если допустить, что въ крови японцевъ течетъ извѣстная доля крови айновъ, и если айны должны быть признаны племенемъ не желтой, а бѣлой расы, то отсюда можно, по мнѣнію проф. Д. Н. Анучина, вывести заключеніе, что и японцы, воспринявъ въ себя извѣстную долю крови послѣдней расы, стоятъ поэтому нѣсколько ближе къ ней, чѣмъ настоящіе «монголы».

Но имѣются указанія, что и айны не были древнѣйшими жителями Японіи, что имъ предшествовало еще другое племя. Указанія эти заключаются какъ въ сказаніяхъ айновъ, такъ и въ археологическихъ данныхъ.

Въ Японіи найдены многочисленные остатки каменнаго вѣка (къ 1898 году открыто было болѣе двухъ тысячъ ихъ мѣстонахожденій): топоры, наконечники стрѣлъ, сверла, жезлы и т. п., частью изъ оббитаго, но преимущественно изъ полированнаго камня; разныя орудія изъ кости и рога; посуда, изваянія и плитки изъ обожженной глины; кости различныхъ животныхъ и, что еще существеннѣе, человѣческія кости. По изслѣдованіямъ мѣстныхъ ученыхъ, остатки эти принадлежатъ къ двумъ, рѣзко отличающимся другъ отъ друга, типамъ, одинъ изъ которыхъ, встрѣчающійся лишь на островахъ Ріу-Кіу и Формозѣ, характеризуется отсутствіемъ стрѣлъ съ каменными наконечниками и глиняныхъ сосудовъ, изготовленныхъ прямо отъ руки, на цыновкахъ.

Другой типъ, распространенный на четырехъ большихъ островахъ Японскаго архипелага, преимущественно же на Іессо и Нипонѣ, свидѣтельствуетъ, что тамъ жила однородная раса, употреблявшая стрѣлы съ каменными наконечниками, глиняные сосуды съ оттисками цыновокъ, а также различныя орудія изъ кости и рога. Проф. Коганей утверждаетъ, что эти люди каменнаго вѣка были тѣ же айны. Между

прочимъ, онъ указываетъ на то, что айны, преимущественно же на Курильскихъ островахъ, недавно еще вели почти такой же образъ жизни, какъ и эта до-историческая раса. Правда, что нѣкоторыя издѣлія айновъ оказываются, по сравненію съ изготовлявшимися въ Японіи приблизительно три тысячи лѣтъ тому назадъ, нѣсколько грубѣе, но этотъ регрессъ естественно объясняется завоеваніемъ трехъ южныхъ большихъ острововъ Японскаго архипелага монголами, нахлынувшими съ материка. Вторженіе это оттѣснило на пустынные сѣверные острова тѣ изъ айнскихъ клановъ (племенъ), которые особенно дорожили своей независимостью. Коганей заканчиваетъ свое изслѣдованіе объ айнахъ слѣдующимъ положеніемъ: «не подлежитъ, повидимому, ни малѣйшему сомнѣнію, что Японія была нѣкогда и съ самыхъ древнѣйшихъ временъ айнскою страною».

Такое категорическое утвержденіе не согласуется съ преданіями айновъ и съ нѣкоторыми фактами, изъ которыхъ исходятъ другіе изслѣдователи. Преданія айновъ говорятъ, что на о-вѣ Іессо ранѣе ихъ жилъ другой народъ, который они называютъ коропокгуро. По словамъ айновъ, коропокгуро были меньше ихъ ростомъ и безбородые, жили въ землянкахъ-юртахъ, гдѣ сидѣли часто у огня голыми, употребляли каменныя орудія и глиняную посуду, пользовались легкими лодками, которыя они переносили по сушѣ на себѣ, а женщины ихъ татуировались вокругъ рта и на тыльныхъ сторонахъ кистей, и отъ нихъ переняли этотъ обычай и айнскія женщины. Сначала коропокгуро жили мирно съ айнами, но впослѣдствіи возникли раздоры, и коропокгуро бѣжали на сѣверъ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ подробностей указываютъ какъ-будто на эскимосовъ, которые также живутъ въ земляныхъ юртахъ, сидятъ тамъ голыми у очага, пользуются байдарками, татуируются и еще недавно употребляли каменныя орудія, а нѣкоторыя племена умѣютъ и изготовлять грубую глиняную посуду (у айновъ нѣтъ такой посуды, они пользуются деревянною, своего издѣлія, и металлическою, получаемою отъ японцевъ).

Любопытно, что во многихъ мѣстностяхъ Японіи, на морскомъ побережьѣ, встрѣчаются кучи раковинъ, соотвѣтствующія такъ-называемымъ «кухоннымъ остаткамъ» Даніи, т.-е. массы створокъ съѣдобныхъ моллюсковъ, среди которыхъ попадаются также расколотыя кости звѣрей и птицъ, обломанныя каменныя и костяныя орудія и другіе отбросы. Современные айны—говорятъ изслѣдователи, утверждающіе, что и айны имѣли предшественниковъ на островахъ Японіи—почти не пользуются моллюсками, и около ихъ поселеній нѣтъ такихъ кучъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются также круглыя или четыреугольныя ямы, съ культурнымъ слоемъ въ нихъ,—очевидно, остатки землянокъ,—и въ нихъ находили также обломки костей, золу,

остатки каменныхъ орудій, иногда глиняныя человѣческія фигурки особаго типа и т. д. Нѣкоторые изслѣдователи склонны относить всѣ эти остатки къ коропокгуро, о которыхъ упоминаютъ, повидимому, и древнія японскія лѣтописи, называя ихъ «карликами» и «земляными пауками». Японскій профессоръ Тсубой и нѣкоторые европейскіе ученые склонны думать, что это древнѣйшее населеніе Японіи было дѣйствительно родственно эскимосамъ. Но проф. Д. Н. Анучинъ указываетъ на то, что подобныя же ямы и кучи раковинъ были находимы и на побережьѣ нашего южно-уссурійскаго края, а потому возможно, что это были не эскимосы, а какое-нибудь тунгузское или приамурское племя, хотя противъ этого говоритъ обиліе глиняной посуды. Американецъ Морзъ изслѣдовалъ кучи раковинъ, открытыя въ Аомори, близъ Токіо, и нашелъ въ нихъ, между прочимъ, множество глиняныхъ черепковъ особаго типа съ характернымъ примитивнымъ орнаментомъ. Сосуды эти по своимъ формамъ, выдѣлкѣ, узорамъ, окраскѣ нисколько не походятъ на древнѣйшіе японскіе и, наоборотъ, представляютъ сходство съ нѣкоторыми типами древнихъ сосудовъ изъ Южной Америки. На нѣкоторое участіе индѣйско-американскаго элемента въ образованіи японской народности указываютъ антропологическія наблюденія проф. Бельца и д-ра Тенъ-Кате. Бельцъ замѣчаетъ, что многія японскія физіономіи живо напоминаютъ индѣйцевъ, съ которыми онъ имѣлъ возможность ознакомиться ближе въ Соединенныхъ Штатахъ. Тенъ-Кате, долго жившій въ разныхъ частяхъ Америки, различаетъ даже два американскихъ типа среди японцевъ: одинъ,—сходный съ извѣстнымъ типомъ индѣйцевъ сѣверо-американскихъ прерій, съ крупными, угловатыми чертами лица, выдающимся загнутымъ носомъ, почти европейскими глазами и довольно крупнымъ ростомъ, и другой,—менѣе видный, небольшого роста, болѣе скуластый, но живо напоминающій нѣкоторые типы индѣйцевъ западной Америки, какъ южной, такъ и сѣверной. Во всякомъ случаѣ, этотъ американскій элементъ японской расы долженъ быть, по мнѣнію проф. Д. Н. Анучина, относимъ къ эпохѣ сѣдой старины, ко временамъ до-историческимъ, тогда какъ вліяніе айнскаго элемента захватываетъ историческую эпоху до настоящаго времени.

Многіе изслѣдователи приписываютъ значительную долю участія въ образованіи японскаго народа малайцамъ. На это указываютъ прежде всего антропологическія наблюденія (населеніе южной Японіи особенно о-вовъ Кіу-Сіу и Си-ко-ку выказываетъ значительныя черты сходства съ малайцами), а также этнографическія параллели. Къ числу послѣднихъ могутъ быть отнесены: обычай постройки жилищъ на сваяхъ (въ прежнее время часто на водѣ), склонность къ купанью и отсутствіе стыда наготы, нѣкоторые виды народныхъ праздниковъ,

театральныхъ представленій, плясокъ, нѣкоторыя подробности въ обстановкѣ жилья и т. д. Малайцы—вообще смѣлые моряки, и колоніи ихъ распространились по многимъ островамъ. Между прочимъ, они заняли Филиппины, Формозу, а отсюда уже нетрудно было имъ перебраться и на о-ва Ліу-Кіу и Японскіе. И это тѣмъ болѣе, что такому распространенію благопріятствовало морское теченіе (Куро-Сиво), идущее съ юга къ берегамъ Японіи. Сходство съ малайцами признается и Бельцемъ, по которому половина японскаго народа можетъ быть отнесена къ малайско-китайскому типу.

Встрѣчающійся нерѣдко у японцевъ прогнатизмъ (выступаніе впередъ челюстей), съ большимъ открытымъ ртомъ и торчащими впередъ зубами (косозубіе), въ связи съ сопровождающимъ иногда эту особенность темнымъ, буроватымъ цвѣтомъ кожи, а изрѣдка и курчавыми волосами, дали даже поводъ къ предположенію, что въ образованіи японской расы принялъ нѣкоторое участіе и темнокожій, шерстоволосый, прогнатный элементъ негритосовъ или азіатскихъ негровъ. Элементъ этотъ былъ нѣкогда, повидимому, распространенъ по всей Южной Азіи, но впослѣдствіи былъ большею частью истребленъ или вытѣсненъ, хотя и теперь еще онъ сохранился на Филиппинахъ, на Малаккскомъ полуостровѣ (племя Семангъ), на Андаманскихъ островахъ, среди папуасовъ, а ранѣе существовалъ, повидимому, и въ Индіи. Есть указанія, что негритосы жили нѣкогда и на островѣ Формозѣ. Бельцъ и Тенъ-Кате встрѣчали курчавоволосыхъ и прогнатныхъ субъектовъ среди японцевъ, хотя очень рѣдко (по Бельцу, примѣрно, одинъ изъ 20000), но, по мнѣнію проф. Д. Н. Анучина, возможно, что они представляютъ собою только слѣды древнихъ малайско-негритосскихъ помѣсей или даже продукты новѣйшаго смѣшенія съ случайно попадавшими въ Японію неграми (особенно на американскихъ торговыхъ судахъ). Нельзя объяснять также вліяніемъ негритянскаго типа встрѣчающіяся у японскихъ новорожденныхъ «синія пятна» на крестцѣ и другихъ частяхъ тѣла. Эти пятна, напоминающія своимъ видомъ кровоподтеки и исчезающія съ возрастомъ, встрѣчаются также у младенцевъ другихъ племенъ желтой расы, до американскихъ индѣйцевъ и полинезійцевъ включительно *), а японскій врачъ Адахи нашелъ ихъ,

---

*) Къ «желтой» расѣ относятся и монголы, и многіе тюркскіе народы, и самоѣды, и китайцы, и малайцы, и эскимосы, и американскіе индѣйцы. Къ этой расѣ относятъ вообще всѣ племена, которыя нельзя причислить ни къ «бѣлымъ», ни къ «чернымъ», которыя представляютъ нѣкоторое сходство между собою по извѣстнымъ признакамъ, но которыя выказываютъ весьма значительныя различія по общему типу и по другимъ признакамъ, каковы, напр., группы языковъ, къ которымъ они принадлежатъ, ступени культуры, на которыхъ они стоятъ.

хотя меньшихъ размѣровъ, и у европейскихъ новорожденныхъ, такъ что различіе въ данномъ случаѣ скорѣе количественное, а не качественное, и, во всякомъ случаѣ, не указываетъ на непосредственное вліяніе крови темнокожей расы.

Опредѣляющее значеніе въ образованіи японской народности приписывается «монгольскому» элементу, перешедшему на японскіе острова съ запада, съ материка Азіи, и именно, какъ принимаетъ Бельцъ, изъ Кореи или, какъ думаютъ другіе (основываясь отчасти на предположеніяхъ самихъ японцевъ), изъ Маньчжуріи. По наблюденіямъ Бельца, корейско-маньчжурскій типъ особенно распространенъ въ населеніи самой крайней западной части острова Хондо, такъ называемой Ицумо, которая ближе подходитъ къ Кореѣ, и вдоль сѣвернаго побережья которой идетъ морское теченіе, заворачивающее затѣмъ отъ Кореи на востокъ къ Хондо. Д. Н. Анучинъ также склоняется къ мнѣнію, что это сходство въ типѣ объясняется заселеніемъ Ицумо изъ Кореи, тѣмъ болѣе, что и теперь еще сюда нерѣдко заносятся теченіемъ корейскія лодки. В. Костылевъ, авторъ «Очерка исторіи Японіи», въ подтвержденіе заселенія Японіи изъ Кореи, указываетъ на тотъ фактъ, что южно-корейскій языкъ, значительно отличаясь отъ сѣверно-корейскаго, на которомъ сильно отразилось вліяніе переселенцевъ съ сѣвера и изъ Китая, представляетъ большое сходство съ японскимъ языкомъ и нарѣчіями жителей острововъ Цу-сима и Ліу-Кіу. Во всякомъ случаѣ, корейско-маньчжурскій элементъ — говоритъ Д. Н. Анучинъ — не можетъ, однако, считаться типичнымъ монгольскимъ: маньчжуры — племя, родственное тунгузамъ (тюркамъ), происхожденіе которыхъ темно, и которые выказываютъ нѣсколько (два—три) типовъ, свидѣтельствующихъ объ образованіи ихъ изъ нѣсколькихъ расовыхъ элементовъ. Населеніе Кореи также, повидимому, смѣшаннаго происхожденія; южныхъ корейцевъ Бельцъ относитъ къ малайско-китайскому типу, сѣверныхъ считаетъ родственными маньчжурамъ и сѣвернымъ китайцамъ вообще. Другіе (Виртъ) принимаютъ, что населеніе Кореи составилось изъ смѣшенія маньчжуровъ съ индійскими дравидами. Въ Японіи этотъ корейско-маньчжурскій типъ представленъ такъ называемымъ типомъ хошю (choshiu), который можно считать наиболѣе красивымъ изъ японскихъ, и въ которомъ видѣли всегда идеалъ красоты и японскіе художники. Онъ распространенъ среди японской знати, хотя, напр., нынѣшній императоръ Японіи Мутсу-Хито является представителемъ другого, болѣе плебейскаго, малайско-китайскаго типа. Нѣкоторые изслѣдователи Японіи видятъ въ представителяхъ типа хошю потомковъ завоевателей, создавшихъ японское государство, но другіе, ссылаясь на японскія легенды, связываютъ основаніе Японской имперіи съ переселеніемъ изъ южнаго Китая и именно изъ Юнь-

нанія. Но отсюда—говоритъ проф. Д. Н. Анучинъ—еще нельзя заключить, что эти выходцы изъ южнаго Китая были китайцы. Китайская народность образовалась въ долинѣ Желтой рѣки (Хуанъ-хе), куда она пришла откуда-то съ запада, и только мало-по-малу распространялась отсюда по территоріи нынѣшней Китайской имперіи. Что касается южнаго Китая, то китайскія хроники упоминаютъ здѣсь многія инородческія племена, которыя только постепенно были покоряемы китайцами и воспринимали китайскую культуру. Только въ III вѣкѣ до Р. Х. китайцы утвердились къ югу отъ Голубой рѣки (Янъ-цзыцзяна), въ провинціяхъ Ху-нанѣ и Чжэ-цзянѣ, а провинціи Юнъ-нань и Гуй-чжоу были образованы не ранѣе XIV вѣка нашей эры. Такимъ образомъ, въ VII в. до Р. Х.—а къ этому времени относится царствованіе перваго миѳическаго японскаго императора, переселившагося по морю въ Японію—въ Юнъ-нанѣ, на границѣ съ Бирмой и Ассамомъ, не могло еще быть собственно китайцевъ, а жили какія-то другія племена, вѣроятно, родственныя бирманцамъ и ассамцамъ, а, можетъ-быть, и нѣкоторымъ народностямъ болѣе отдаленной Индіи, но, во всякомъ случаѣ, не монголамъ.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ Бринкли, въ образованіи японской народности можно различить пять наслоеній. Первое, это—древнѣйшіе, полумиѳическіе коропокгуро, можетъ-быть, американскаго происхожденія; второе—айны, заселявшіе нѣкогда всю Японію, но теперь сохранившіеся только въ маломъ числѣ на о-вахъ Іессо, Сахалинѣ и Курилахъ; третье—малайцы, пришедшіе съ юга и заселившіе южные японскіе о-ва Кіу-Сіу и Си-ко-ку, четвертое—корейско-маньчжурскій элементъ, сохранившійся въ болѣе чистомъ видѣ въ западной части Хондо, въ Ицумо, и, наконецъ, пятое—собственно японцы, воинственные завоеватели, пришедшіе съ запада, съ территоріи нынѣшняго южнаго Китая, но, очевидно, не китайцы, а выходцы какого-то особаго племени, можетъ-быть, родственнаго древнимъ, до-монгольскимъ ассамцамъ. Наконецъ, если привлечь къ изученію вопроса японскій языкъ (о которомъ см. ниже), то получатся указанія на наличность въ японской народности урало-алтайскихъ (тюркскихъ) элементовъ.

Сами японцы считаютъ себя исконными жителями имперіи Восходящаго Солнца и чистокровнымъ племенемъ; они отрекаются отъ всякаго родства съ монголами вообще и китайцами въ особенности. Безспорнымъ долженъ, однако, считаться тотъ фактъ, что нынѣшніе японцы являются потомками пришельцевъ, которые въ значительной степени смѣшались съ туземнымъ населеніемъ занятыхъ ими острововъ—съ айнами. На это указываютъ различныя антропологическія данныя, между прочимъ, частое нахожденіе у японцевъ такъ называемой «японской кости»—этой характерной особенности айновъ.

Въ японскихъ лѣтописяхъ содержатся нѣкоторыя указанія относительно образа жизни айновъ и обстоятельствъ, при которыхъ удалось подчинить этихъ свободолюбивыхъ дикарей. Посылая свои войска въ 110 году по Р. Х. противъ инородцевъ, обитавшихъ въ восточныхъ округахъ Нипона, императоръ Кей-ко объявилъ: «инородцы эти сильны и дерзки. Селенія ихъ безъ старшинъ. Они жадничаютъ на земли, и изъ-за этого у нихъ взаимное воровство и грабежи. Въ горахъ есть духъ, называемый Ёко-сима, а въ долинахъ другой злой духъ. Они заграждаютъ людямъ дорогу и доставляютъ много непріятностей. Изъ инородцевъ самые сильные Ёзо. Мужчины и женщины у нихъ живутъ вмѣстѣ. Бракъ и степени родства не признаются. Живутъ они зимою въ ямахъ, а лѣтомъ на деревьяхъ; одѣваются въ шкуры животныхъ и пьютъ ихъ кровь. На горы поднимаются быстро какъ птицы, а по долинамъ бѣгаютъ какъ звѣри. Скрывъ наконечники стрѣлъ въ волосахъ, а мечи подъ платьемъ, они толпами переходятъ границы и грабятъ мирныхъ жителей. Отъ нападающихъ скрываются въ высокой густой травѣ, а отъ преслѣдованій удаляются въ горы. Благодѣяній не помнятъ, а на врага непремѣнно нападаютъ».

До 785 года попытки японцевъ подчинить себѣ инородческіе кланы оставались почти безуспѣшными, хотя походы противъ нихъ предпринимались почти ежегодно. Айновъ, взятыхъ въ плѣнъ или просто покорившихся, селили неподалеку отъ японскихъ укрѣпленій. Когда ихъ заставляли отбывать натуральныя повинности или сражаться съ единоплеменниками, они нерѣдко поднимали возстанія. Усмиренныхъ повстанцевъ разселяли внутри Японіи для пріученія къ земледѣлію. Особенно много такихъ переселенцевъ было въ области Кай, хотя ихъ разсылали и по всѣмъ другимъ областямъ. Мѣстныя власти жаловались, что айны ведутъ прежній свой образъ жизни, остаются все тѣми-же дикарями, учиняютъ грабежи, насилія и кражи близъ мѣстъ, отведенныхъ имъ для жительства, такъ что разселеніе ихъ среди японцевъ служитъ послѣднимъ въ тягость. Въ 796 году удалось строгими мѣрами обуздать переселенцевъ, но при этомъ признано было необходимымъ пріостановить на нѣкоторое время выселеніе айновъ во внутреннія области.

Зимою, въ началѣ 811 года, взбунтовались инородцы двухъ селеній на сѣверѣ острова Хондо. Высланное противъ нихъ войско изъ 26000 человѣкъ, къ которымъ начальникъ области Дева присоединилъ 30000 бывшихъ въ его распоряженіи мирныхъ инородцевъ, вернулось, не одержавъ побѣды надъ повстанцами, которые, по обыкновенію, отступили въ глубь страны. Эта экспедиція выяснила, однако, японцамъ умѣстность пользоваться для борьбы съ независимыми инородцами ихъ же соплеменниками, которые, живя поблизости япон-

скихъ укрѣпленій, постепенно привыкали къ японцамъ и соглашались дѣйствовать за одно съ ними противъ своихъ единоплеменниковъ. Вскорѣ послѣ того японскій главнокомандующій проникъ съ небольшимъ военнымъ отрядомъ, при помощи мирныхъ инородцевъ, въ глубь айнскихъ владѣній острова Хондо, напалъ на айновъ врасплохъ, нанесъ имъ нѣсколько пораженій и навелъ на нихъ такой страхъ, что ихъ старшины начали, одинъ за другимъ, изъявлять покорность. Послѣ этого приказано было около укрѣпленій оставлять на жительство только тѣхъ айновъ, которые прежде взяты въ плѣнъ или покорились, а вновь забранныхъ переслать въ Кіото, для разселенія по внутреннимъ областямъ Японіи, гдѣ они, вмѣстѣ съ прежними поселенцами, были (въ 814 г.) подчинены своимъ старшинамъ.

Айны, разселенные внутри имперіи, вскорѣ утратили свой языкъ и слились съ побѣдителями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, переселенцы грабили своихъ сосѣдей, японцевъ *), что вызывало взаимное недовѣріе и вражду.

Послѣдняя попытка айновъ къ возстанію противъ японскаго владычества была произведена въ 1669 году на островѣ Іессо, гдѣ си-бу-цильскій старшина, Ку-сяинъ, выстроилъ укрѣпленіе и обучилъ нѣсколько сотъ айновъ военному дѣлу. Подготовившись такимъ образомъ, айны умертвили японскихъ сборщиковъ податей и уничтожили сопровождавшій ихъ военный отрядъ, но вскорѣ были разбиты высланными противъ нихъ войсками. Самъ Ку-сяинъ былъ впослѣдствіи схваченъ и казненъ вмѣстѣ съ пятьюдесятью главнѣйшими его сторонниками.

Повѣствованія японскихъ лѣтописей удостовѣряютъ, что айновъ удалось сломить лишь благодаря непрестаннымъ раздорамъ между отдѣльными ихъ кланами. Вмѣсто того, чтобы поддерживать единоплеменниковъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, многіе кланы вступали въ союзы съ пришлыми завоевателями, которые, такимъ образомъ, съ помощью самихъ же айновъ овладѣли искони-айнской страною.

Древнѣйшій періодъ исторіи Японіи. Миѳы и легенды.

Китайскія, корейскія и японскія лѣтописи не представляютъ сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ относительно древнѣйшаго періода японской исторіи. Китайцы, впервые упоминающіе о странѣ «У» (какъ называлась у нихъ тогда Японія) лишь въ I вѣкѣ по Р. Х., очевидно знали тогда о ней только лишь по наслышкѣ, черезъ корей-

*) Взаимная ненависть и отсутствіе сношеній между японцами и сосѣдними переселенцами вошли кое-гдѣ, съ теченіемъ времени, въ обычай, которымъ, повидимому, и объясняется происхожденіе японскихъ паріевъ (см. Костылевъ, «Очеркъ исторіи Японіи»).

цевъ и не отличали пришлыхъ завоевателей Японіи отъ исконнаго туземнаго населенія страны.

Во всякомъ случаѣ, по имѣвшимся у нихъ тогда свѣдѣніямъ, страна У распадалась болѣе чѣмъ на тридцать независимыхъ другъ отъ друга областей. Въ одной изъ такихъ областей державецъ жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ. Его подданные занимались земледѣліемъ и другими ремеслами, умѣли варить пиво, строить суда и дома. У нихъ имѣлись торговые рынки и почтовыя станціи. Народная нравственность представлялась, съ китайской точки зрѣнія, удовлетворительной.

Самая старинная изъ корейскихъ лѣтописей, исторія княжества Бой-ци или Хяку-сай, написана въ 587 году по Р. Х. Первое японское сочиненіе по исторіи, Ко-ку-си, было составлено въ 621 году наслѣднымъ принцемъ Мма-Ядо. Почти сто лѣтъ спустя появились въ Японіи еще два національныхъ историческихъ произведенія: Ко-цзи-ки (въ 712) и Ни-хон-ки (въ 720 году). Во всѣхъ этихъ трехъ лѣтописяхъ древнѣйшій періодъ японской исторіи имѣетъ баснословный характеръ. Источниками ихъ служили, очевидно, преданія и легенды, въ которыхъ историческій элементъ смѣшивался съ миѳологическимъ. Въ виду важнаго значенія, которое приписывается до сихъ поръ въ Японіи этимъ преданіямъ, приведемъ, вкратцѣ, наиболѣе существенныя изъ нихъ.

Какъ бы извиняясь въ томъ, что начинаетъ повѣствованіе только съ сотворенія міра, авторъ Ко-цзи-ки, наиболѣе авторитетной изъ древнѣйшихъ японскихъ лѣтописей, говоритъ: «Кто можетъ описать формы, въ которыя облекался не создавшійся міръ, когда онѣ пребывали еще неопредѣленными? Достаточно знать, что въ началѣ явился духъ Аменоминака-нуси, а затѣмъ еще два другихъ духа: Така-ми-мусуби и Ками-мусуби. Они и были главными дѣятелями при сотвореніи міра». Потомъ возникло въ великой пустотѣ существо, походившее на ростокъ травы аси, только-что вышедшій изъ воды. Это былъ духъ Маси-аси-каби. Послѣ него явились духи: Амено-токо-дацц, Куни-токо-даци и его супруга Тое-куму.

Ближайшими ихъ потомками были шесть паръ духовъ (послѣдовательно родившіяся одна отъ другой, но исключительно только отъ матерей, безъ всякаго участія со стороны божественныхъ ихъ супруговъ), которыя, съ родоначальной своей четою, составляютъ первую династію «настоящихъ» боговъ. Она управляла міромъ въ теченіе множества вѣковъ, непостижимаго уму человѣческому, но лишь въ четвертомъ поколѣніи ей удалось немного упорядочить первобытный хаосъ. У корня колоссальнаго ростка собралась тогда земля, а надъ распустившимся изъ него вѣнчикомъ цвѣтка образовалось небо. Послѣднимъ поколѣніемъ этой первой династіи боговъ былъ могучій богъ воздуха, Изанаги,

и богиня морскихъ волнъ, Изанами. Японская миѳологія приписываетъ имъ созданіе земли въ нынѣшнемъ ея видѣ, со всѣми обитающими на ней тварями, не исключая и человѣка. Прогуливаясь однажды по радугѣ, Изанаги ударилъ своимъ копьемъ, богато изукрашеннымъ драгоцѣнными камнями и кораллами, въ безформенную массу земли, находившуюся еще въ хаотическомъ броженіи. Оно тотчасъ же прекратилось, и вокругъ острія образовалась твердая масса перваго въ свѣтѣ острова. Когда Изанаги сошелъ на него со своей супругой, то, мудрымъ соизволеніемъ великаго духа, тамъ появилась парочка трясогузокъ, ласкавшихъ друга друга, вслѣдствіе чего и у божественной четы возникло неизвѣстное ей дотолѣ плотское вожделѣніе. Она рѣшила поселиться на землѣ и жить тамъ въ брачномъ союзѣ, отъ котораго произошло не только населеніе Японіи, но и все вообще земное человѣчество.

Прежде всего, однако, Изанами разрѣшилась отъ бремени великолѣпнымъ плодороднымъ островомъ Ямато, а затѣмъ произвела тѣмъ же порядкомъ на свѣтъ Си-ко-ку, Кіу-Сіу и многіе другіе острова. Это вызвало въ дотолѣ безформенной смѣси Земли съ водою такое волненіе, что вода отдѣлилась отъ Земли, причемъ образовались всѣ остальные существующіе теперь материки и острова. Тогда Изанами послѣдовательно подарила своему супругу бога морей и бога рѣкъ, горъ и растеній. Потомъ она разрѣшилась отъ бремени дочерью такой лучезарной красоты, что родители рѣшили поселить ее на небѣ и наречь ей имя Ама-терасу, т.-е. небесный свѣточъ. По воздушному семицвѣтному мосту радуги Изанаги отвелъ красавицу-дочь въ горнія сферы, гдѣ Великій духъ нарекъ ей имя Тен-сё, назначилъ ее богинею солнца и поручилъ ей управлять всей поднебесною.

Послѣ того Изанами родила сына, такого же красавца, какъ и Ама-терасу, но не столь уже кроткаго и покладистаго. Отцу удалось пристроить его тоже на небѣ въ качествѣ луннаго божества. Сперва онъ жилъ въ мирѣ съ сестрою, такъ что луна и солнце ходили вмѣстѣ по небу, но затѣмъ дерзкія выходки брата заставили Ама-терасу съ нимъ разстаться. Тогда ему разрѣшили гулять по небу лишь въ ея отсутствіе. Между тѣмъ, Изанами разрѣшилась отъ бремени богомъ огня, но это сопровождалось столь мучительными болями, что она, для избавленія отъ нихъ, переселилась въ страну спящихъ, т.-е. умерла. Овдовѣвшій Изанаги съ досады разрубилъ волшебнымъ своимъ мечомъ новорожденнаго бога на три части, превратившіяся въ трехъ боговъ: грозовыхъ тучъ, молніи и грома. Скучая по женѣ, онъ спустился въ темное подземное царство страны спящихъ, но, увидѣвъ, что тамъ очень грязно, поспѣшилъ вернуться на землю и сталъ умываться, дабы очиститься отъ грязи, которою осквернилъ себя при

попыткѣ свидѣться съ женою, но не успѣлъ еще вполнѣ очиститься, какъ отъ него родились сперва два злыхъ, а затѣмъ два добрыхъ духа *).

Приведя до нѣкоторой степени въ порядокъ землю, Изанаги отправился съ докладомъ на небо къ Великому духу и остался тамъ навсегда. Послѣ него начала управлять землей Ама-терасу или Тен-сё (богиня солнца). Она научила воздѣлывать землю, сѣять «пять родовъ хлѣба», разводить шелковичныхъ червей, ткать шелковыя матеріи и чествовать духовъ. У нея вышли, однако, недоразумѣнія съ богомъ морей Сузано, который злодѣйски убивалъ людей, вырывалъ съ корнями деревья, опустошалъ поля и безпрерывнымъ своимъ ревомъ приводилъ въ отчаяніе все живущее. Превращаясь въ дикую лошадь, Сузано топталъ нивы, воздѣланныя его сестрою, уничтожалъ на нихъ доброе сѣмя и возращалъ вмѣсто него плевелы. Не довольствуясь этимъ, онъ загрязнилъ домъ, въ которомъ Тен-сё собиралась справлять праздникъ новаго хлѣба (риса), и обвалилъ крышу другого дома, гдѣ изготовлялось для нея платье, причемъ, кстати, умертвилъ ткавшихъ его небесныхъ мастерицъ.

Выведенная изъ терпѣнья Тен-сё заперлась въ пещерѣ, входъ въ которую загородила скалой. «На небѣ не стало тогда главы, на землѣ водворилась тьма, появились злоумышленники, и все пришло въ безпорядокъ».

Миріады земныхъ духовъ обратились къ Тен-сё съ мольбою, чтобы она вышла изъ заключенія, но Тен-сё не внимала ихъ просьбамъ. Духъ металловъ распорядился тогда приготовить металлическое зеркало, разсчитывая заинтересовать богиню созерцаніемъ ея собственной красоты, а по другому варіанту — намѣреваясь показать ей подобіе солнца и навести на мысль, что, въ крайнемъ случаѣ, сумѣютъ обойтись и безъ нея. Прочіе духи, собравшіеся близъ пещеры, соорудивъ для

*) По другимъ, столь же авторитетнымъ, сказаніямъ, Изанаги, войдя въ преддверіе страны спящихъ, умолялъ свою супругу вернуться къ нему. Она, въ свою очередь, просила его обождать, пока посовѣтуется съ мѣстными божествами, которыя, надо полагать, не торопились рѣшеніемъ. Подконецъ, разгнѣванный Изанаги вошелъ безъ спроса въ мрачное подземное царство. Чтобы разсѣять непроглядную тьму, онъ отломилъ одинъ изъ зубцовъ гребешка въ своей прическѣ и зажегъ этотъ зубецъ. Тогда злополучный богъ воздуха убѣдился, что чаруще-прелестное тѣло его супруги превратилось въ отвратительную разлагающуюся массу, внутри которой сидѣли восемь боговъ грома (замѣтимъ, кстати, что числа восемь у японцевъ и шесть у айновъ имѣютъ мистическое значеніе). Вернувшись на островъ Кіу-Сіу, Изанаги очистился, выкупавшись въ рѣчкѣ. Въ это время изъ всѣхъ частей его тѣла и оставшагося на берегу одѣянія родились новыя божества. Такъ, изъ лѣваго глаза Изанаги родилась богиня солнца, изъ праваго — богъ луны, а изъ носа — Сузано (въ переводѣ: неукротимо-бурный самецъ).

Тен-сё великолѣпный домъ, приготовили ей подарки изъ драгоцѣнныхъ камней, бѣлыхъ бумажныхъ флаговъ и разныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Рѣшено было угостить ее, кстати, концертомъ, причемъ одинъ изъ наиболѣе могучихъ духовъ спрятался у самаго входа въ пещеру, чтобы схватить богиню, какъ только она выглянетъ оттуда.

Когда всѣ роли были распредѣлены, начались танцы и музыка. Одна изъ полубогинь отплясывала такъ ловко на барабанѣ, что возбудила всеобщій смѣхъ, отъ котораго потряслись небеса. Это заинтересовало Тен-сё и побудило ее слегка выглянуть изъ-за скалы.

Тогда ей показали зеркало. Увидѣвъ въ немъ свое изображеніе, она легкимъ движеніемъ руки отвалила скалу и вышла изъ пещеры. Понятно, что богиню немедленно же схватили и отвели въ построенный для нея домъ, который, для огражденія отъ злыхъ духовъ, былъ обнесенъ протянутою вокругъ него соломенною веревкою. По выходѣ Тен-сё изъ пещеры, небо прояснилось, и безпорядки прекратились. Зеркало не понравилось богинѣ, такъ какъ, отодвигая скалу, она сама измяла его, а потому она велѣла приготовить себѣ другое зеркало *).

Признавъ необходимымъ наказать Сузано, сонмъ земныхъ духовъ не только заставилъ его уплатить большой штрафъ, но, сверхъ того, выщипалъ ему волосы, вырвалъ ногти и отправилъ его въ страну спящихъ. На пути туда, Сузано посчастливилось, однако, убить большую змѣю—и добыть изъ нея чудодѣйственный мечъ Куса-наги. Заручившись этимъ сокровищемъ, онъ вернулся и принесъ этотъ мечъ въ даръ Тен-сё, которая тогда соблаговолила не только помиловать «неукротимо-бурнаго самца», но даже приблизить его на нѣкоторое время къ своей особѣ. Послѣ того онъ поселился въ области Ицумо, женился и сложилъ первую японскую пѣсню. По уходѣ Сузано въ страну спящихъ, отъ него осталось много дѣтей, самымъ замѣчательнымъ изъ которыхъ былъ Дай-коку, богъ богатства. Земные потомки покаявшагося Сузано, хозяйничая въ нынѣшней Японіи, содѣйствовали преуспѣянію народа, пріискивали цѣлебныя средства отъ болѣзней у людей и животныхъ, изобрѣтали заговоры и молитвы для предотвращенія несчастій.

Видя, что приближается пора обратить Японію въ благоустроенное государство, Тен-сё командировала туда одного за другимъ нѣсколькихъ духовъ. Первый изъ нихъ, осмотрѣвъ съ радуги землю, нашелъ ее еще для себя непригодною. Второй духъ спустился на землю и полюбилъ ее такъ, что не захотѣлъ возвращаться на небо.

---

*) Первое зеркало хранится до сихъ поръ въ одномъ изъ капищъ области Кій и носитъ слѣды поврежденій, причиненныхъ ему скалою. Объ этомъ инцидентѣ упоминается въ молитвахъ, во время японскаго праздника О-харай или «Большого очищенія» (30 декабря).

Третій духъ женился на дочери земного старѣйшины и тоже не вернулся на небо. Четвертый духъ, Таке-мика-цзуци, оказался исполнительнѣе: онъ приказалъ японскому старѣйшинѣ, принадлежавшему къ числу полубоговъ изъ потомковъ Сузано, сдать ему власть надъ землею. Эмблемою этой власти служило длинное копье. Старѣйшина, передавъ его духу, отправился въ страну спящихъ.

Водворивъ на землѣ надлежащій порядокъ, духъ этотъ призналъ свою миссію законченной, вернулся на небо и представилъ обо всемъ Тен-сё обстоятельный докладъ. Богиня солнца послала тогда на землю, для управленія Японіею, Аме-но-оси-хо-мими, сына, рожденнаго ею отъ Сузано, и, вручивъ ему зеркало, приказала смотрѣть на таковое какъ на нее саму и никогда съ нимъ не разлучаться (поэтому зеркало въ синтоистскихъ храмахъ *) считается изображеніемъ богини солнца, долженствующимъ постоянно напоминать о ней). Сойдя на землю, сынъ богини женился; когда у него родился отъ этого брака духъ Хико-хо-ни-ниги, онъ получилъ отъ Тен-сё разрѣшеніе вернуться на небо, гдѣ и остался, а Хико-хо-ни-ниги былъ навсегда уже оставленъ въ Японіи. Онъ получилъ отъ богини солнца зеркало, шаръ и мечъ, какъ предметы, наиболѣе необходимые для управленія государствомъ. Японія была отдана ему въ вѣчное и потомственное владѣніе божественной бабушкой, обѣщавшей, что столь же безконечно, какъ существованіе неба и земли, продлится и царствованіе его потомковъ, если только они станутъ добросовѣстно исполнять монаршія свои обязанности.

Вмѣстѣ съ Хико-хо-ни-ниги спустилось въ Японію на радугѣ, окутанной густыми облаками, нѣсколько духовъ, которымъ велѣно было помогать ему въ затруднительныхъ случаяхъ. Послѣ того непосредственное сообщеніе между небомъ и землею прекратилось, и небо отдалилось отъ земли. Ближайшіе потомки Изанаги и Изанами (съ Хико-хо-ни-ниги и его сыномъ включительно) царствовали, по японскимъ преданіямъ, въ общей сложности 2.342,167 лѣтъ. Они составляютъ вторую династію японскихъ государей и носятъ титулъ микотто.

Мнимо-историческій періодъ. Со вступленіемъ на престолъ правнука Хико-хо-ни-ниги, Цзин-му-тенно, начинается, по мнѣнію японскихъ ученыхъ, исторія современнаго ихъ государства. Хотя личность этого перваго земного микадо или тенно имѣетъ совершенно миѳическій характеръ, тѣмъ не менѣе, германскій профессоръ Гофманъ съ точностью опредѣлилъ день и часъ вступленія его на престолъ, будто-бы въ 660 г. до Р. Х. По поводу этой даты заслужен-

*) Національная религія японцевъ, теоретическое ученіе которой слагается изъ изложенныхъ миѳовъ, извѣстна подъ именемъ синто или синтоизма.

ный профессоръ японской литературы и филологъ Б. Г. Чемберлэнъ замѣчаетъ, что съ такою же самой степенью достовѣрности можно указать время вступленія на престолъ царя Гороха, или же истинный объемъ скорлупки, которую волшебница мановеніемъ чародѣйскаго своего жезла превратила въ парадную карету для своей крестницы «Золушки».

Въ древнѣйшихъ историческихъ книгахъ, Ко-цзи-ки и Ни-хон-ки, написанныхъ, какъ уже упомянуто, въ VIII вѣкѣ по Р. Х., повѣствованія о первыхъ земныхъ микадо имѣютъ столь же фантастическій и легендарный характеръ, какъ и разсказы о похожденіяхъ Тен-сё. Несмотря на это, въ Японіи Цзин-му-тенно оффиціально считается основателемъ нынѣ царствующей династіи, и, благодаря такому допущенію, получается непрерывный рядъ изъ ста-двадцати-одного микадо и девяти императрицъ, царствовавшихъ будто бы въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ. Японцы объясняютъ рѣдкостную долговѣчность царствующей своей династіи отчасти божественнымъ ея происхожденіемъ, отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому микадо, кромѣ главной супруги, полагается еще двѣнадцать наложницъ, дѣти которыхъ, въ случаѣ безплодія императрицы, становятся законными наслѣдниками престола. Сто-пятьдесятъ-пять фамилій придворной японской аристократіи, такъ называемыхъ «куге», ведутъ свой родъ отъ сыновей побочныхъ женъ различныхъ микадо.

Во всякомъ случаѣ, у древнихъ японскихъ историковъ императоръ Цзин-му не выдѣляется сколько-нибудь рѣзко изъ среды духовъ и отъ своихъ предшественниковъ, жившихъ на островѣ Кіу-Сіу, не отличается ничѣмъ, кромѣ похода противъ инородцевъ и завоеванія сосѣднихъ съ Кіото округовъ. Объ его преемникахъ, въ продолженіе цѣлыхъ пятисотъ лѣтъ, не сообщается почти никакихъ данныхъ, да и послѣ того, до VI вѣка по Р. Х., указанія японскихъ лѣтописей, отличаясь сбивчивостью и пропусками, имѣютъ весьма недостовѣрный характеръ.

Одинъ изъ этихъ легендарныхъ микадо обитаетъ уже не на Нипонѣ, а на Кіу-Сіу, крайнемъ юго-западномъ островѣ Японскаго архипелага. Четверо боговъ, чрезъ посредство императрицы Цзин-го, сообщаютъ ея супругу о существованіи Кореи (о которой лѣтописцемъ неоднократно уже упоминалось передъ тѣмъ) и объ умѣстности завоевать эту страну. Дозволивъ себѣ отнестись съ недовѣріемъ къ откровенію, полученному чрезъ посредство супруги, императоръ наказуется за это смертью. Его вдова, посовѣтовавшись съ первымъ министромъ и богами, совершаетъ надлежащіе религіозные обряды, а затѣмъ, не оглашая смерти мужа, принимаетъ главное начальство надъ флотомъ, который, съ помощью не только большихъ и малыхъ рыбъ, но и чудодѣйственной волны, благополучно пристаетъ къ берегамъ Син-ра

(одного изъ многочисленныхъ царствъ), на которыя дѣлилась тогда Корея. Покоривъ это царство, императрица возвращается въ Японію въ двухсотомъ году по Р. Х. Въ царствованіе ея сына впервые упоминается о Китаѣ. При ея правнукѣ исчезаетъ изъ японскихъ лѣтописей элементъ чудеснаго, что совпадаетъ съ назначеніемъ во всѣ японскія области «исторіографовъ, на обязанности которыхъ лежало «записывать умныя слова и достопримѣчательныя событія, дабы память о нихъ хранилась въ потомствѣ».

Послѣ того историческія указанія, почерпнутыя изъ японскихъ источниковъ, становятся нѣсколько болѣе достовѣрными, но все же не въ такой степени, чтобъ можно было на нихъ полагаться. Не слѣдуетъ забывать, что исторія у японцевъ, задаваясь по преимуществу цѣлью воспитать въ народѣ любовь къ отечеству и преданность монарху, ставитъ историческую истину сплошь-и-рядомъ на второй планъ. Между прочимъ, и повѣствованіе о побѣдоносномъ походѣ японской императрицы Цзин-го въ Корею оказывается лишеннымъ фактическаго основанія. Въ корейской исторіи даже не упоминается объ этомъ походѣ; въ китайскихъ же лѣтописяхъ разсказывается, что морскіе разбойники зачастую грабили корейское прибрежье, и что въ 147—170 году по Р. Х. страна У находилась въ состояніи полнѣйшей анархіи до тѣхъ поръ, пока тамъ не сдѣлалась верховною правительницей старая незамужняя колдунья, у которой было двѣ тысячи слугъ, но которую видѣлъ только тотъ, кто приносилъ ей пищу. Весьма вѣроятно, что жители Кіу-Сіу нерѣдко производили разбойничьи набѣги на Корею, и что преданія объ этихъ набѣгахъ послужили матеріаломъ для легенды о походѣ туда императрицы-колдуньи.

Вліяніе буддизма и китайской культуры.

Мирныя сношенія между Японіей и Кореей начались, сколько можно судить, лишь въ IV вѣкѣ по Р. Х. По крайней мѣрѣ, тогда только стала мало-по-малу проникать на острова Японскаго архипелага китайская цивилизація. Древнѣйшіе китайскіе путешественники по Японіи сообщаютъ, что цивилизація эта распространялась въ народныхъ массахъ до чрезвычайности медленно, до тѣхъ поръ, пока проповѣдь буддійскихъ миссіонеровъ не возбудила интереса къ священнымъ ихъ книгамъ, написаннымъ китайскими іероглифами. Японскіе историки относятъ ознакомленіе своихъ соотечественниковъ съ китайской письменностью чрезъ посредство ученыхъ, вызванныхъ, будто бы, изъ Кореи, къ 284 году, тогда какъ и въ Корею письменность эта проникла на самомъ дѣлѣ лишь въ концѣ четвертаго столѣтія, вмѣстѣ съ буддизмомъ, и прочно укоренилась тамъ лишь въ ше-

стомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Впрочемъ, даже и въ японскихъ лѣтописяхъ заявляется, что первый буддійскій миссіонеръ, прибывшій изъ Кореи, въ 551 году, не имѣлъ успѣха «вслѣдствіе затруднительности понимать привезенныя имъ богослужебныя книги». Царствовавшій тогда императоръ Кій-то совѣтовался со своими сановниками относительно умѣстности допускать буддійскую проповѣдь въ Японіи. Канцлеръ Сога-Иname находилъ, что если всѣ почитаютъ Будду, то отчего же не почитать его и японцамъ? Главнокомандующій благоразумно возражалъ ему, что въ Японіи почитаются свои духи, которые могутъ счесть для себя униженіемъ и оскорбленіемъ почитаніе духовъ иноземныхъ. Въ виду этого было поручено канцлеру произвести опытъ надъ самимъ собою и перейти въ буддизмъ. Исполняя волю императора, Сога обратилъ одинъ изъ своихъ домовъ въ буддійское капище, но, вскорѣ послѣ того, много народа стало умирать отъ разныхъ болѣзней, и императоръ, признавъ опытъ неудачнымъ, приказалъ немедленно его прекратить. Буддійское капище было сожжено, а стоявшая въ немъ статуя Будды брошена въ рѣку.

Необходимо замѣтить, что въ началѣ царствованія этого императора проживало уже въ Японіи много китайцевъ (въ общей сложности болѣе двадцати тысячъ домовъ). Переселеніе ихъ, вызванное безпорядками, происходившими въ самомъ Китаѣ, въ значительной степени способствовало распространенію среди японцевъ какъ буддизма, такъ и китайской культуры.

Въ 585 году, когда Сога Мм-ко тяжко заболѣлъ, гадальщики выяснили, что его болѣзнь вызвана непочтеніемъ къ Буддѣ, статуя котораго все еще лежала въ рѣкѣ. Ее вынули оттуда, и больной поправился, о чемъ и поспѣшилъ донести императору. Въ 587 году самъ микадо (Ё-мей), въ свою очередь, заболѣлъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что былъ бы не прочь принять буддизмъ, если это поможетъ ему выздоровѣть. Нѣкоторые изъ приближенныхъ, въ томъ числѣ и Сога, совѣтовали императору постричься въ бонзы (буддійскіе монахи) и воздвигнуть большую статую Буддѣ, который тогда, безъ сомнѣнія, его вылѣчитъ. Другіе приближенные микадо и, между прочимъ, его родственникъ Морія находили отреченіе отъ отечественныхъ духовъ дѣломъ, слишкомъ опаснымъ. При такихъ обстоятельствахъ императоръ не зналъ, на что рѣшиться, а между тѣмъ силы его покидали, и онъ вскорѣ умеръ, не назначивъ наслѣдника престола. Это повлекло за собой междоусобицу, въ которой сторонники буддизма одержали верхъ, а упорнѣйшій его врагъ, Морія, погибъ въ сраженіи.

Послѣдовавшее затѣмъ водвореніе буддизма въ Японіи повлекло за собою самыя прискорбныя послѣдствія для народнаго благосостоя-

нія. Набожные императоры начали издавать указы, которыми подъ страхомъ строгихъ наказаній воспрещалось на сроки, доходившіе иногда до полугода, убивать живыя существа и употреблять мясную пищу. Между тѣмъ, населеніе въ прибрежныхъ округахъ кормилось преимущественно рыболовствомъ, а въ горахъ охотою. Инородцевъ, не занимавшихся земледѣліемъ, такіе запреты ставили въ безвыходное положеніе. Впослѣдствіи, правда, начали выдавать рыбакамъ и охотникамъ на время постовъ небольшія количества риса, но все же не подлежитъ сомнѣнію, что религіозное усердіе императоровъ, увлекавшихся ученіемъ Будды, существенно обостряло борьбу японцевъ съ инородцами. Этимъ объясняются также и безпрерывныя возстанія инородцевъ, повторявшіяся почти до конца XII вѣка.

Въ 622 году, въ Японіи насчитывалось 46 буддійскихъ храмовъ и 1385 бонзъ, не считая монахинь, а въ 750 году, въ царствованіе ревностной буддистки, императрицы Ко-кенъ, собралось въ ея дворецъ, на молитву въ день Новаго года, уже 10000 бонзъ. Народъ былъ обремененъ добавочными налогами, такъ какъ ежегодно расходовались значительныя суммы на сооруженіе новыхъ храмовъ и монастырей, которыя надѣлялись, сверхъ того, большими помѣстьями и многочисленными городскими домами. Сама императрица постриглась въ монахини и поручила управлять государствомъ бонзѣ До-ке, который, признавъ всѣхъ національныхъ японскихъ боговъ и героевъ воплощеніями Будды, примирилъ этимъ остроумнымъ способомъ религію синто съ буддизмомъ.

Благочестивый императоръ Сира-кава, который управлялъ Японіей и послѣ своего отреченія отъ престола (въ 1086 году) цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, тоже усердно предавался подвигамъ буддійскаго благочестія. Онъ лично сжегъ 8800 рыболовныхъ снастей, воздвигнулъ 3150 статуй Будды въ человѣческій ростъ, построилъ 21 большую и 446600 малыхъ буддійскихъ башенъ. Чтобы заручиться необходимыми для этого средствами, онъ торговалъ должностями, предоставляя ихъ тѣмъ, кто больше за нихъ платилъ.

Рука-объ-руку съ водвореніемъ буддизма развивалось при японскомъ дворѣ также и стремленіе подражать китайскимъ порядкамъ. Въ 649 году устроены были по китайскому образцу министерства юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи, внутреннихъ дѣлъ, императорскаго двора и военное, введена табель о рангахъ, и установлены для всѣхъ чиновъ опредѣленные цвѣта одежды.

Тогда же учрежденъ особый государственный совѣтъ Хяк-канъ (сто чиновниковъ) для присутствованія при торжественныхъ аудіенціяхъ. Въ 701 г. введено празднество въ честь Конфуція и установлено мѣнять названіе эры (лѣтосчисленія) не только при вступленіи но-

ваго императора на престолъ, но и каждый разъ послѣ важныхъ событій въ странѣ.

Прежніе деревянные императорскіе дворцы, крытые соломой, отличались отъ домовъ частныхъ лицъ только величиною и внутреннимъ убранствомъ. Признано было необходимымъ замѣнить ихъ роскошными каменными зданіями въ китайскомъ стилѣ. Расходы на постройку многочисленныхъ новыхъ дворцовъ для императора и всей знати, тоже ложились тяжкимъ бременемъ на крестьянское сословіе, которому приходилось, сверхъ того, отрываться отъ полевыхъ работъ для отбыванія требовавшихся отъ нихъ натуральныхъ повинностей. Такъ, въ 655 году, при сооруженіи новаго дворца въ области Ямато, согнано было сто тысячъ крестьянъ, чтобы прорыть искусственную рѣчку, для доставки съ сосѣдней горы камня къ мѣсту постройки. Императоръ Кан-му, рѣшившись въ 784 году перенести столицу въ Кіото, нашелъ, что безплатная натуральная повинность (по мѣсяцу въ годъ для крестьянъ и ремесленниковъ) дастъ ему слишкомъ мало рабочихъ рукъ, а потому, въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, держалъ 314000 наемныхъ рабочихъ.

Совмѣстное вліяніе китайской культуры и буддизма на японскихъ микадо вскорѣ подорвало авторитетъ не только самихъ монарховъ, но также ихъ министровъ и всей вообще бюрократіи (чиновничества), устроенной по китайскому образцу, послѣ чего фактическая власть перешла въ руки военнаго сословія. Признавъ въ принципѣ военное дѣло занятіемъ, непристойнымъ для развитого и порядочнаго человѣка, японскій императоръ и высшіе его сановники занялись изученіемъ китайскихъ классиковъ, упражненіями въ стихотворствѣ, въ различныхъ играхъ и забавахъ, требовавшихъ умственнаго развитія. Въ прежнія времена императоръ лично командовалъ войсками и назначалъ наслѣдникомъ престола того изъ своихъ сыновей, у котораго обнаруживались наилучшія способности къ военному дѣлу, но, усвоивъ себѣ китайскіе порядки, микадо стали поручать начальство надъ арміями лицамъ, стоявшимъ очень низко въ табели о рангахъ, а потому не обязаннымъ являться ко двору и не имѣвшимъ къ этому ни малѣйшаго желанія. Микадо, проводя время въ обществѣ женщинъ и бонзъ, въ занятіяхъ поэзіей и въ посѣщеніи дворцовыхъ моленъ, утратили охоту заниматься государственными дѣлами, привыкли къ бездѣйствію и предавались распутству, зная, что могутъ обезпечить себѣ прощеніе грѣховъ, если отрекутся заблаговременно отъ престола и постригутся въ бонзы. Въ средневѣковой періодъ японской исторіи—эпоху наиболѣе блестящаго расцвѣта японской классической литературы, нашедшей себѣ благодатную почву въ тогдашнихъ условіяхъ придворной среды,—установился, при такихъ обстоятельствахъ, въ японской

императорской семьѣ обычай отреченія отъ престола, въ значительной степени содѣйствовавшій ослабленію самодержавной власти микадо.

Древняя дворянская фамилія Фуцзи-вара, стоявшая у кормила правленія въ IX, X и XI вѣкахъ, пользуясь этимъ обычаемъ, нерѣдко провозглашала императорами младенцевъ, а по достиженіи ими совершеннолѣтія заставляла ихъ отрекаться отъ престола. Выдавая своихъ дочерей за бывшихъ императоровъ, Фуцзи-вара управляли государствомъ въ качествѣ первыхъ министровъ или же регентовъ-опекуновъ.

Тѣмъ временемъ, военное сословіе, юридически выдѣленное изъ крестьянства еще въ 770 году императоромъ Ко-нинъ, относилось съ презрительнымъ равнодушіемъ къ распоряженіямъ микадо и повиновалось исключительно только собственнымъ своимъ вождямъ. Необходимо принять во вниманіе, что должности вождей были наслѣдственныя, и что каждый вождь былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе крупнымъ вассальнымъ державцемъ *). Старшіе вожди или даймio **) считались непосредственными васаллами императора, жили въ укрѣпленныхъ замкахъ и обладали тѣмъ бóльшимъ могуществомъ, чѣмъ болѣе рыцарей (самураевъ) собиралось подъ ихъ знамена. Главное начальство надъ войсками принадлежало стариннымъ дворянскимъ родамъ; въ юго-восточной части имперіи командовали Тайра или Хейцзи, а въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Мина-мото или Генцзи. Сознавая, что фактически власть находится въ рукахъ этихъ полководцевъ и подчиненныхъ имъ даймiо, императорское правительство пыталось парализовать ихъ вліяніе на народъ учрежденіемъ должностей кокуси и генси (управляющихъ императорскими и областными помѣстьями), но такъ какъ лицамъ, назначеннымъ на эти должности,

---

*) Въ Японіи къ тому времени установился **феодальный строй**, однородный съ тѣмъ, какой въ средніе вѣка существовалъ въ Зап. Европѣ. Сущность его сводится къ тому, что государь жалуетъ какому-либо лицу земли, помѣстья, подъ условіемъ личной службы и отбыванія повинностей и службъ, въ частности службы военной въ видѣ выставленія въ случаѣ призыва цѣлыхъ отрядовъ. По отношенію къ такому лицу государь назывался **сюзереномъ** или сеньеромъ, а лицо, пожалованное помѣстьемъ, по отношенію къ государю-сюзерену называлось **васалломъ**. Въ предѣлахъ своего помѣстья васаллъ пользовался политическими правами (напр., правомъ суда) и, въ свою очередь, выдѣлялъ, подъ условіемъ вѣрности и службы, участки другимъ лицамъ, которыя по отношенію къ нему становились васаллами, а по отношенію къ нимъ онъ становился сюзереномъ.

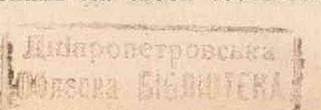
**) Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ старинному японскому дворянству, другіе же были потомками айнскихъ старшинъ, подчинившихся японскому владычеству. Вождь, обладавшій поземельнымъ доходомъ не менѣе чѣмъ въ 10 тысячъ коку (180000 литровъ) рису, становился, въ силу одного этого, даймiо.

пришлось бы жить въ провинціи, среди строптивыхъ дайміо, то никто изъ придворныхъ сановниковъ не соглашался занять столь опасный постъ. Пришлось поневолѣ замѣстить новоизобрѣтенныя должности «буцзинами», т.-е. чинами военнаго сословія, могущество котораго благодаря этому еще болѣе возросло.

Соперничество между фамиліями Тайра и Мина-мото дозволило министрамъ изъ дома Фуцзи-вара держаться, какъ уже упомянуто, около трехсотъ лѣтъ у кормила правленія.

Къ концу этого періода начали, однако, вспыхивать уже среди самураевъ возстанія, еще болѣе укрѣпившія организацію большихъ и малыхъ клановъ (союзовъ, основанныхъ на племенномъ родствѣ), на которые распадалась тогдашняя Японія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выработались и вошли въ плоть и кровь японцамъ безусловное повиновеніе и вѣрноподданническая преданность васалловъ своему ленному властелину. Опираясь на своихъ самураевъ, могущественные дайміо относились все враждебнѣе къ придворному дворянству, куге, фактически не располагавшему вооруженною силою, такъ какъ полицейскія войска, которыми императорское правительство обзавелось, съ намѣреніемъ парализовать могущество феодаловъ, были набраны изъ тѣхъ же самураевъ и состояли подъ командой военной аристократіи, которая не замедлила обратиться въ феодаловъ съ дайміо во главѣ. При такихъ обстоятельствахъ дайміо приходилось считаться до извѣстной степени лишь съ буддійскими монастырями, которые, обладая правомъ убѣжища, охотно давали у себя пріютъ самураямъ, совершившимъ какой-либо тяжкій проступокъ. Настоятели монастырей сформировали, при содѣйствіи этихъ кающихся, многочисленные отряды вооруженныхъ монаховъ для обороны своихъ обширныхъ помѣстьевъ. При монастыряхъ содержались табуны ратныхъ коней, а также цѣлые арсеналы воинскихъ доспѣховъ и всякаго оружія. Буддисты распадались на нѣсколько различныхъ толковъ, вслѣдствіе чего ихъ монастыри не только отказывались подчиняться правительственнымъ властямъ, но зачастую воевали также и другъ съ другомъ.

Все это подконецъ до такой степени ослабило вліяніе Фуцзивара, что они безропотно дозволили императору Го-сан-цзе (1068 г.) устранить ихъ отъ дѣлъ. Это стало, впрочемъ, совершившимся фактомъ только въ царствованіе его наслѣдника Сира-кавы, которому удалось ненадолго возстановить въ Японіи самодержавіе. Онъ самъ немало содѣйствовалъ ослабленію императорской власти, продолжая управлять государствомъ послѣ отреченія отъ престола и не дозволяя своему совершеннолѣтнему сыну вмѣшиваться въ дѣла управленія. По смерти сына, Сира-кава назначилъ императоромъ своего внука, Тоба, котораго впослѣдствіи женилъ на своей собственной, беремен-



ной уже наложницѣ, и заставилъ его отказаться отъ престола въ пользу родившагося отъ нея сына, Сю-току. Зато, когда Сира-кава умеръ, Тоба, по примѣру дѣда, забралъ въ свои руки бразды правленія, женилъ Сю-току на своей наложницѣ и заставилъ его отказаться отъ престола въ пользу родившагося отъ нея сына, Коно-е. Въ 1155 году, послѣ кончины Коно-е, бывшій императоръ Сю-току намѣревался вторично вступить на престолъ, или же возвести на него настоящаго своего сына. Тоба распорядился, однако, предоставить престолъ второму сыну той же своей наложницы, Го-сира-кавѣ, но вскорѣ послѣ того скончался, и Сю-току хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы низвергнуть Го-сира-каву съ престола. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ; войска, припявшія его сторону, были разбиты, а самъ онъ бѣжалъ въ монастырь, неподалеку отъ Кіото, и постригся въ монахи.

Главную роль въ междоусобицѣ играло военное сословіе, съ верховными его вождями изъ домовъ Тайра и Мина-мото; соперничество между этими домами не замедлило послѣ того перейти въ открытую борьбу. Побѣдителями въ ней оказались сперва (1159 г.) Тайра, державшіе сторону Го-сира-кавы, причемъ домъ Мина-мото былъ почти весь истребленъ. Глава его, Ёси-томо, погибъ въ бою, вмѣстѣ со старшими своими сыновьями, другіе же его сыновья и ближайшіе родственники были казнены. Уцѣлѣли только: младшій изъ законныхъ сыновей, четырнадцатилѣтній красавецъ, Ёри-томо, и трое малолѣтнихъ побочныхъ сыновей отъ наложницы Таки-ва, которая, чтобы спасти имъ жизнь, согласилась, по настоянію своей матери, стать наложницей главы дома Тайра. До 1180 года домъ этотъ былъ всемогущимъ въ Японіи, но роскошь и нѣга столичной жизни ослабили воинскія его доблести. Тайра прибрали къ рукамъ всѣ наиболѣе важныя государственныя должности и до того кичились своимъ вліяніемъ, что публично утверждали, будто лицо, не принадлежащее къ ихъ дому, не можетъ считаться человѣкомъ.

Спѣсь Тайра и алчность ихъ къ наживѣ возбудили противъ нихъ народное недовольство, которымъ и воспользовался, чтобы поднять возстаніе, снова усилившійся къ тому времени домъ Мина-мото, съ Ёри-томо во главѣ. Наканунѣ боя, когда враждебныя войска были раздѣлены небольшою рѣчкою, вожди арміи Тайра, напуганные внезапно вылетѣвшей изъ камышей стаей утокъ, вообразили, что на нихъ неожиданно напалъ непріятель, и поспѣшно бѣжали. Войско, которымъ овладѣлъ паническій страхъ, послѣдовало примѣру своихъ предводителей, бросая по дорогѣ оружіе и военные доспѣхи. Безпричинное бѣгство Тайра нанесло тяжкій ударъ воинской ихъ репутаціи, и домъ этотъ могъ бороться до 1185 года съ Мина-мото лишь благодаря

раздорамъ, возникшимъ въ средѣ послѣднихъ. Ёри-томо, еще въ началѣ возстанія, провозгласилъ себя главою временнаго правительства (баку-фу, т.-е. правительства въ палаткѣ), или сё-туната. Въ 1183 году двоюродный его братъ, Ёси-нака, овладѣлъ Кіото. Оставшійся тамъ бывшій императоръ Го-сира-кава не только примирился съ домомъ Мина-мото, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, издалъ указъ, которымъ отнимались всѣ владѣнія у Тайра, какъ опасныхъ государственныхъ преступниковъ. Малолѣтній императоръ Ан-току, котораго Тайра увезли на островъ Си-ко-ку, былъ объявленъ низвергнутымъ. Го-сира-кава возвелъ вмѣсто него на престолъ Го-тоба, котораго многіе не хотѣли, однако, признавать законнымъ государемъ, такъ какъ онъ не имѣлъ при себѣ императорскихъ регалій. Ёси-нака, имѣвшій въ виду избрать другого претендента, дозволилъ тогда своимъ войскамъ разграбить Кіото и, узнавъ, что Го-сира-кава обратился къ Ёри-томо съ просьбой о помощи, заключилъ обоихъ императоровъ подъ стражу, а затѣмъ провозгласилъ себя Сей-и-тай-сё-гуномъ, т.-е. генералиссимусомъ армій, дѣйствующихъ противъ инородцевъ. Ёри-томо выслалъ противъ него одного изъ своихъ побочныхъ братьевъ, Ёси-цуне, и одновременно предложилъ, чтобы дому Тайра была дана полная амнистія. Этимъ ловкимъ маневромъ онъ заставилъ Ёси-нака раздѣлить свои войска. Часть ихъ была разбита сторонниками Тайра, а другая часть арміей Ёси-цуне. Въ одной изъ послѣдовавшихъ стычекъ самъ Ёси-нака былъ убитъ.

Тѣмъ временемъ, Тайра успѣли овладѣть всѣми округами, еще не покоренными домомъ Мина-мото, собрали подъ своими знаменами нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ и угрожали захватить Кіото, но Ёси-цуне разсѣялъ ихъ армію, неожиданно ворвавшись по кручамъ, считавшимся недоступными, въ укрѣпленный замокъ Року-бара, который являлся тактическимъ ключемъ непріятельской позиціи. Послѣднимъ эпизодомъ этой борьбы была морская битва у Дан-на-ура (близъ Симоносекскаго пролива), окончившаяся полнымъ пораженіемъ сторонниковъ Тайра. Нянька и мать императора Ан-току бросились вмѣстѣ съ нимъ въ море и утонули. Глава этого дома, захваченный живымъ, былъ казненъ, а большинство Тайра погибли въ этомъ бою или наложили на себя руки. Императорскія регаліи, доставшіяся побѣдителямъ, были вручены Го-тоба, который потомъ, отрекшись отъ престола, послѣдовательно возводилъ на него трехъ императоровъ, но самъ управлялъ государственными дѣлами.

Опасаясь, чтобъ Ёси-цуне не захватилъ въ свои руки власть надъ Японіей, Ёри-томо подослалъ къ нему убійцу, который, однак былъ арестованъ, не успѣвъ выполнить данное ему порученіе. Ёси-цуне бѣжалъ и скрылся подъ чужимъ именемъ, но впослѣдствіи вы-

нужденъ былъ лишить себя жизни, предварительно убивъ свою жену и малолѣтняго сына *). Подобнымъ же образомъ отдѣлался Ёри-томо и отъ послѣдняго, оставшагося еще въ живыхъ, своего брата Нори-ёри.

Учрежденіе сё-гуната и двоецарствіе.

Добившись въ 1186 году своего утвержденія въ должности наслѣдственнаго сё-гуна, Ёри-томо принялъ энергичныя мѣры къ водворенію въ странѣ спокойствія, отобралъ у монаховъ оружіе, упорядочилъ взиманіе налоговъ, реорганизовалъ полицію и ввелъ новую систему управленія государствомъ, при которой микадо, продолжая пользоваться почестями, подобавшими божественному ихъ происхожденію, совершенно утратили свѣтскую власть, такъ что сё-гуны, считавшіеся первыми ихъ васаллами, на самомъ дѣлѣ царствовали самодержавно.

Дѣйствительно, потомковъ богини солнца объявили тогда слишкомъ священными для того, чтобы имъ можно было показываться простымъ смертнымъ, касаться ногами земли, а тѣмъ болѣе заниматься мірскими дѣлами.

Ёри-іе, сынъ Ёри-томо, умершаго въ 1199 году, предоставилъ сперва управленіе государствомъ своему дѣду съ материнской стороны, Хо-цзе Тока-маси (который происходилъ отъ айнскихъ старшинъ), а потомъ хотѣлъ-было отдѣлаться отъ него, но это не удалось, и, по настоянію своей матери, Ёри-іе сложилъ съ себя (1203 г.) званіе сё-гуна и постригся въ бонзы, но вскорѣ послѣ того былъ убитъ. Двѣнадцатилѣтній его братъ Сане-томо былъ провозглашенъ сё-гуномъ подъ опекою своего дяди Хо-цзе Ёси-токи (сына Тока-маси, который, слишкомъ скомпрометировавъ себя кровожадностью, удалился въ свои помѣстья и сдѣлался бонзою). Когда Сане-томо былъ убитъ въ 1219 г. во время молитвы въ храмѣ, сыномъ Ёри-іе, бонзою Кугё, мстившимъ за смерть своего отца, домъ Мина-мото въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся, и въ сё-гуны былъ возведенъ двухлѣтній ребенокъ, Фуцзи-вара Ёри-цуне, сынъ одной изъ дочерей Ёри-томо. Бывшій императоръ Го-тоба, ошибочно считавшій положеніе сё-гуната безнадежнымъ, рѣшился собрать войска, стать самому во главѣ ихъ и возстановить фактическую власть микадо. На самомъ дѣлѣ военное сословіе не могло допустить уничтоженія сё-гуната, а потому, когда вдова Ёри-томо обратилась къ

---

*) По другимъ сказаніямъ, подтверждающимся айнскими преданіями, онъ бѣжалъ съ отборной дружиной айнскихъ воиновъ съ острова Іессо на материкъ, гдѣ былъ радушно принятъ монголами, женился на дочери одного изъ ихъ вождей, былъ переименованъ въ Чингизъ-хана и, подчинивъ монгольскія племена своей власти, завоевалъ всѣ окрестныя страны.

содѣйствію дайміо, у ея племянника Хо-цзе Ясу-токи, двинувшагося въ Кіото, оказалось подъ знаменами 190000 человѣкъ, тогда какъ микадо располагалъ всего 25000 арміей, которая и была безотлагательно разбита. Овладѣвъ столицей, Ясу-токи сослалъ трехъ бывшихъ императоровъ (Го-тоба, Цзюнъ-току и Цуци-микадо) на отдаленные острова, низложивъ императора Куцзё, и возвелъ на престолъ Го-хори-кава. Въ 1224 году Ясу-токи, по смерти своего отца, Ёси-токо, вступилъ въ завѣдываніе дѣлами сё-гуната, оставляя императору и сё-гуну только почетные титулы безъ всякой власти. Онъ водворилъ въ Японіи прочный миръ, строго запретивъ дайміо междоусобицы, и заслужилъ любовь и уваженіе народа бережливостью въ расходахъ, состраданіемъ къ бѣднымъ и щедрыми пособіями во время неурожаевъ.

Домъ Хо-цзе продолжалъ и послѣ кончины Ясу-токи (въ 1242 г.) управлять дѣлами сё-гуната. При Хо-цзе Токи-муне китайскій богдыханъ Хубилай неоднократно требовалъ отъ Японіи изъявленія покорности и присылки дани. Въ 1275 году онъ вновь прислалъ девять чиновниковъ съ такими требованіями, угрожая, въ случаѣ ослушанія, войною. Токи-муне приказалъ ихъ казнить и тотчасъ же принялъ мѣры къ усиленію японской государственной обороны. Буря потопила въ 1281 году бо́льшую часть монголо-китайскаго и корейскаго флота и дессантныхъ войскъ, такъ что на Кіу-Сіу высадилось всего лишь 30000 воиновъ, которые и были истреблены японцами, за исключеніемъ будто бы лишь трехъ человѣкъ, отправленныхъ, чтобы донести Хубилаю о результатахъ задуманнаго имъ похода.

Домъ Хо-цзе недолго послѣ того продержался у кормила правленія. Одинъ изъ преемниковъ Токи-муне, Така-токи, измѣнилъ завѣту предковъ, и, вмѣсто того, чтобы пещись о государственныхъ дѣлахъ, проводилъ время въ пирахъ, забавахъ и кутежахъ, на деньги, добываемыя его роднею взяточничествомъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Это подорвало авторитетъ Хо-цзе среди военнаго сословія, чѣмъ и воспользовался императоръ Го-дай-го, чтобы, по примѣру Го-тоба, сдѣлать попытку къ возвращенію себѣ самодержавной власти; но, такъ какъ, со времени возстанія Го-тобы, войска дома Хо-цзе занимали важнѣйшіе укрѣпленные пункты въ Кіото и его окрестностяхъ, а за императорскимъ дворомъ учрежденъ былъ строгій надзоръ, объ этой попыткѣ тотчасъ же провѣдали, и Го-дай-го, едва успѣвшій бѣжать изъ Кіото въ горы и собрать тамъ вокругъ себя въ укрѣпленномъ замкѣ нѣсколько сотъ воиновъ, былъ, послѣ упорнаго боя, взятъ въ плѣнъ войсками дома Хо-цзе (1332 г.). Така-токи, низложивъ его, сослалъ въ отдаленную область, а на императорскій престолъ возвелъ Ко-гона. Го-дай-го удержалъ, однако, при себѣ царскія регаліи, выдавъ вмѣсто нихъ Ко-гону поддѣльные дубликаты, и про-

должалъ совершать всѣ религіозные обряды такъ, какъ если бы оставался царствующимъ императоромъ. Слухи о стойкомъ мужествѣ Го-дай-го доставляли ему повсемѣстно въ Японіи множество приверженцевъ. Всюду вспыхивали возстанія, и у сторонниковъ низложеннаго императора образовалась довольно многочисленная армія. Она еще болѣе усилилась, когда Го-дай-го бѣжалъ отъ приставленныхъ къ нему стражниковъ и счастливо добрался до передовыхъ постовъ своихъ приверженцевъ.

Съ переходомъ вліятельнаго вождя Аси-кага Така-уцзи на сторону Го-дай-го, положеніе дома Хо-цзе стало безнадежнымъ. Послѣдній ударъ нанесъ ему Нитта Ёси-сада, который двинулся на сё-гунскую столицу Кама-кура и овладѣлъ ею, разбивъ всѣ войска, преграждавшія ему путь. Хо-цзе Така-токи удалился тогда на гробницу своихъ предковъ, куда собрались къ нему оставшіеся еще въ живыхъ его вожди. Справивъ прощальную попойку, они всѣ, вмѣстѣ съ нимъ (въ общей сложности около 1000 человѣкъ), взрѣзали себѣ животы. Общее число Хо-цзе и ревностныхъ ихъ сторонниковъ, лишившихъ себя жизни при вступленіи войскъ Нитты въ Кама-кура, простиралось, по увѣренію лѣтописцевъ, до 6800 человѣкъ.

Императоръ Го-дай-го, назначивъ одного изъ своихъ сыновей къ исполненію обязанности сё-гуна въ Кама-кура, принялъ на себя самъ непосредственное завѣдываніе государственными дѣлами, причемъ возбудилъ противъ себя недовольство не только военнаго сословія, но и народныхъ массъ, безтактной своей расточительностью, отягощавшей народъ новыми налогами, которые шли исключительно на расходы двора. Когда добытыя такимъ путемъ суммы оказались недостаточными, Го-дай-го выпустилъ, въ 1334 году, кредитные билеты, но ихъ никто не хотѣлъ принимать, и они быстро упали въ цѣнѣ. Вождямъ, способствовавшимъ одержанію побѣды надъ домомъ Хо-цзе, обѣщаны были крупныя награды, но бо́льшую часть этихъ обѣщаній оказалось невозможнымъ выполнить, такъ какъ старинная придворная аристократія потребовала себѣ тоже части въ дѣлежѣ. Чтобы удовлетворить недовольныхъ, рѣшено было перекроить всѣ земельные надѣлы въ Японіи. При этомъ случалось, что отбирались помѣстья у нѣкоторыхъ лицъ, фактически оказавшихъ важныя услуги императору.

Уцѣлѣвшіе члены дома Хо-цзе сочли такое положеніе вещей благопріятнымъ для попытки вернуть себѣ власть. Они собрали недовольныхъ подъ свои знамена и съ, арміей въ 100000 человѣкъ, заняли опять Кама-кура. Аси-кага Таки-уцзи, у котораго имѣлись тогда уже основанія не особенно довѣрять императору, тѣмъ не менѣе, двинулся со всѣми имѣвшимися у него войсками противъ мятежниковъ, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ арміей Хо-цзе и, совершенно раз-

сѣявъ ее, снова овладѣлъ столицей сё-гуната. Тамъ онъ провозгласилъ себя сей-и-тай-сё-гуномъ, утверждая, будто дѣлаетъ это съ императорскаго разрѣшенія. Предвидя неизбѣжность борьбы съ Го-дай-го, онъ дѣятельно къ ней готовился, но все еще выдавалъ себя за вѣрноподданнаго вассала микадо. Борьба эта, начавшаяся въ концѣ 1335 года, велась съ перемѣннымъ счастьемъ. Така-уцзи не замедлилъ убѣдиться, что народъ смотритъ на него какъ на бунтовщика, и что это обстоятельство не дозволяетъ ему разсчитывать на сколько-нибудь прочные успѣхи. Онъ рѣшился поэтому привлечь на свою сторону отрекшагося отъ престола императора Ко-гена, обѣщая водворить его опять на царство. Популярность самозваннаго сё-гуна и въ самомъ дѣлѣ значительно усилилась, когда Ко-генъ открыто принялъ его сторону. Число приверженцевъ Го-дай-го, напротивъ того, значительно уменьшилось. Така-уцзи разбилъ ихъ, занялъ Кіото и, по соглашенію съ Ко-геномъ, провозгласилъ императоромъ его брата, Ко-мей. Что касается Го-дай-го, запершагося въ одномъ изъ храмовъ, то его выманили оттуда обманомъ и отобрали у него императорскія регаліи (оказавшіяся, впрочемъ, и на этотъ разъ поддѣльными). Несмотря на строгій надзоръ, ему удалось снова бѣжать и укрыться въ мѣстечкѣ Ёси-но, которое и сдѣлалось съ тѣхъ поръ столицею. Ёси-носкій императоръ началъ называться южнымъ, а кіотоскій—сѣвернымъ императоромъ, такъ что въ Японіи установилось двоецарствіе. Недовольные однимъ императоромъ переходили къ другому, вслѣдствіе чего перевѣсъ въ борьбѣ склонялся попеременно то на одну, то на другую сторону. Сѣверный императоръ утвердилъ еще въ 1338 году Аси-кага Така-уцзи въ званіи сей-и-тай-сё-гуна. Въ слѣдующемъ году императоръ Го-дай-го умеръ, передавъ престолъ своему сыну Го-мура-ками.

Къ тому времени почти вся Японія была подъ властью дома Аси-кага, но раздорами между членами этого дома воспользовался южный императоръ. Го-мура-ками удалось овладѣть Кіото и захватить въ плѣнъ сѣвернаго императора, но вскорѣ ему пришлось отступить обратно въ Ёси-но. Борьба между обѣими династіями закончилась лишь въ 1392 году договоромъ, по которому потомкамъ южныхъ и сѣверныхъ императоровъ надлежало царствовать поочередно. Тогда южный микадо переселился въ Кіото и, отрекшись отъ престола, передалъ императорскія регаліи сѣверному микадо, Го-ко-мацу.

Господство кулачнаго права.

Междоусобныя войны, свирѣпствовавшія въ Японіи, почти безъ перерыва, болѣе пятидесяти лѣтъ, отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ какъ на матеріальномъ благосостояніи ея населенія, такъ и на нравственныхъ его свойствахъ. По словамъ лѣтописца, за

это время исчезло у народа всякое уваженіе къ авторитету правительственной власти и закона. Сражавшіеся подъ знаменами сѣвернаго императора съ совершенно спокойной совѣстью переходили на другой день на сторону южнаго и наоборотъ. Ни на кого нельзя было полагаться. Отецъ не смѣлъ довѣрять сыну, а братъ брату. Многочисленныя толпы вооруженныхъ бродили по странѣ, занимаясь грабежомъ и разбоемъ. Поля были заброшены; деревни и хутора, большею частью, выжжены; народъ вымиралъ отъ голода и различныхъ болѣзней.

Дворянскій родъ Аси-кага, которому, по соглашенію между обѣими императорскими династіями, поручено было управленіе государствомъ, не стоялъ на высотѣ такой задачи. Вынужденный заботиться о поддержаніи своей популярности среди военнаго сословія, онъ долженъ былъ мирволить буцзинамъ и смотрѣть на ихъ проступки сквозь пальцы, щедро вознаграждая вождей, даже за маловажныя услуги, помѣстьями, деньгами и цѣнными подарками. Наиболѣе крупные дайміо, продолжая номинально признавать сё-гуна своимъ сюзереномъ, фактически превратились въ самостоятельныхъ державцевъ, которые воевали другъ съ другомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на запрещенія сё-гуната рѣшать споры оружіемъ. Дѣло въ томъ, что сё-гунатъ не располагалъ вооруженными силами, требовавшимися для усмиренія строптивыхъ вассаловъ. Безпомощность его обнаружилась особенно явственно во время такъ называемой О-нинской междоусобицы.

Въ первомъ году эры О-нинъ (въ 1467 г.) сё-гунъ Ёси-маса, разсмотрѣвъ спорное дѣло Маса-нага и Ёси-нари о наслѣдствѣ послѣ Хатаке-яма Моци-куни и убѣдившись, что они не расположены подчиниться его рѣшенію, хотѣлъ ограничить неизбѣжное кровопролитіе возможно узкими рамками, а потому объявилъ, что разногласіе между наслѣдниками имѣетъ характеръ личнаго спора, который имъ разрѣшается покончить, какъ знаютъ, хотя бы силою оружія, но съ тѣмъ, чтобы другіе дайміо ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивались въ ихъ распрю. Соперники, каждый изъ которыхъ собралъ приблизительно шеститысячную армію, сразились въ самомъ Кіото, причемъ Маса-нага былъ разбитъ вслѣдствіе того, что дайміо Яма-на Моци-тое подкрѣпилъ Ёси-нари небольшимъ отрядомъ своихъ войскъ. Другой могущественный дайміо, Хосо-кава Коцу-мото, войска котораго стояли въ Кіото и содержали тамъ гарнизоны, поклялся отомстить Моци-тое за такой измѣнническій поступокъ. Всѣ усилія сё-гуна предотвратить междоусобную войну оказались тщетными. Коцу-мото собралъ черезъ нѣсколько дней армію въ 160000 человѣкъ, которымъ Моци-тое могъ въ первое время противопоставить лишь 110000. Послѣ двухдневной кровопролитной, нерѣшительной рѣзни въ самомъ Кіото на город-

скихъ улицахъ, войска обѣихъ сторонъ расположились другъ противъ друга въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Къ тѣмъ и другимъ безпрерывно подходили новыя подкрѣпленія. Ожесточенныя схватки происходили почти ежедневно то въ томъ, то въ другомъ изъ городскихъ кварталовъ.

Оба сё-гуна: бывшій, Ёси-маса и номинальный его преемникъ Ёси-ми, были сперва на сторонѣ Кацу-мото, но вскорѣ этотъ высокомѣрный дайміо поссорился съ Ёси-ми, который удалился тогда въ лагерь Моци-тое. На обѣихъ сторонахъ оказались тогда сё-гуны, утратившіе до такой степени свое обаяніе, что могли служить только ширмами, съ помощью которыхъ могущественные дайміо до нѣкоторой степени прикрывали беззаконность своихъ распрей.

Въ 1473 году умерли Кацу-мото и Моцу-тое, но войска, подъ начальствомъ ихъ преемниковъ, продолжали стоять другъ противъ друга. Лишь въ концѣ 1477 года состоялось соглашеніе, въ силу котораго войска обѣихъ враждовавшихъ сторонъ разошлись по домамъ. Во время этой междоусобной войны, длившейся одиннадцать лѣтъ, бóльшая часть города Кіото выгорѣла. Дворцы знатныхъ дайміо обратились въ развалины. Та же участь постигла дома знатныхъ сановниковъ и храмы. Все въ городѣ и окрестностяхъ было разграблено; бóльшая часть куге пала отъ рукъ убійцъ или бѣжала изъ столицы и пропала безъ вѣсти. Повсемѣстно въ Японіи водворилось право сильнаго. Вассалы дайміо начали брать примѣръ со своихъ сюзереповъ и не только воевали за свой собственный страхъ, но иной разъ отнимали владѣнія даже у своихъ властелиновъ. Общественное мнѣніе, относившееся къ такимъ поступкамъ кераевъ не вполнѣ одобрительно, признавало совершенно правильнымъ образъ дѣйствій дайміо, каждый изъ которыхъ, тщательно укрѣпивъ свою резиденцію, пользовался всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ владѣнія сосѣдей.

Сё-гуны дома Аси-кага жили въ Кіото, оставивъ въ Кама-курѣ своихъ намѣстниковъ, которые безпрерывно ссорились съ сосѣдними дайміо. Наконецъ, въ 1538 году, власть и вліяніе, которыми пользовался домъ Аси-кага на сѣверѣ Японіи, перешли къ дому И-се, вскорѣ затѣмъ принявшему фамилію Хо-цзе и овладѣвшему всѣми восмью ближайшими къ Токіо областями. Утрата доходовъ съ сѣверныхъ областей была тяжкимъ ударомъ для сё-гуновъ дома Аси-кага, обнаруживавшихъ такое стремленіе къ роскоши, какъ будто бы, за недостаткомъ фактическаго могущества, они надѣялись обезпечить себѣ хоть внѣшнимъ блескомъ почтительное уваженіе народныхъ массъ. Примѣру сё-гуновъ слѣдовали, впрочемъ, всѣ важные сановники и дайміо, обладавшіе значительными доходами. На постройку и внутреннее убран-

ство дворцовъ и укрѣпленныхъ замковъ тратились колоссальныя суммы, добывавшіяся преимущественно путемъ незаконныхъ поборовъ, взяточничества или даже открытымъ грабежомъ. Уже и предшественникамъ Ёси-маса не удавалось сводить концы съ концами, такъ что они вынуждены были прибѣгать къ принудительнымъ займамъ у богатыхъ купцовъ. Въ первое время эти финансовыя операціи производились не чаще четырехъ разъ въ годъ, потомъ къ нимъ стали прибѣгать по одному и, наконецъ, при Ёси-маса, по восьми и девяти разъ въ мѣсяцъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долги сё-гуната настолько возросли, что погашеніе ихъ стало немыслимымъ, о чемъ и было обнародовано въ особомъ указѣ, скрѣпленномъ императорскою подписью. При торжественныхъ случаяхъ требовались отъ дайміо довольно крупныя денежныя пожертвованія на поддержаніе блеска императорскаго двора. Первоначально они имѣли характеръ подарковъ, которые подносились лишь при вступленіи новаго императора на престолъ, т.-е. среднимъ числомъ, только одинъ разъ въ пять или шесть лѣтъ, но, при Ёси-маса, дайміо приглашались разъ по девяти въ годъ раскошеливаться для покрытія издержекъ на парадные выходы и придворныя пиршества. Убѣдившись въ безсиліи сё-гуната, сперва крупные, а затѣмъ и мелкіе дайміо начали уклоняться отъ этихъ поборовъ и перестали даже присылать деньги при вступленіи новаго императора на престолъ, вслѣдствіе чего дворъ микадо дошелъ до такой нищеты, что придворной аристократіи и даже принцамъ крови иной разъ не на что было купить себѣ рису. Пенсіи, полагавшіяся куге, и жалованье придворнымъ сановникамъ были сперва уменьшены, а затѣмъ выдача ихъ и совсѣмъ прекратилась. Случалось, что микадо, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, не могли отпраздновать свое торжественное вступленіе на престолъ. Лицъ, отъ которыхъ поступали на этотъ предметъ хотя небольшія пожертвованія, приходилось награждать возведеніемъ въ высшіе придворные чины, дарованіемъ права носить императорскій гербъ и другими столь же чрезвычайными почестями.

Крайняя бѣдность, въ которую впали императоръ и его дворъ, окончательно подорвала уваженіе къ нимъ въ простонародьѣ. Сё-гунатъ тоже утратилъ, къ концу XVI столѣтія, послѣднюю тѣнь фактической власти. Дайміо, которымъ надлежало поочередно занимать своими войсками Кіото, обыкновенно оставляли тамъ кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ, который и завѣдывалъ по собственному усмотрѣнію государственными дѣлами, причемъ какъ императоръ, такъ и сё-гунъ оказывались отъ него въ зависимости. Намѣстникъ Хоцо-кавы, принадлежавшій къ дому Ми-ёси, счелъ даже возможнымъ передовѣрить управленіе Японіей бывшему купцу Мацу-нага Хиса-хиде, который

понравился ему за хитрость и изворотливость. По смерти своего довѣрителя, Мацу-нага продолжалъ управлять его именемъ, но, желая оформить свое положеніе, явился въ 1565 году къ сё-гуну Ёси-теру, со свитою въ тысячу человѣкъ, подъ предлогомъ представленія жалобы, перебилъ всю малочисленную стражу, состоявшую при особѣ сё-гуна, умертвилъ его самого и возвелъ въ сё-гуны Ёси-хиде (тоже изъ дома Аси-кага). Никто изъ дайміо не хотѣлъ слушаться новаго сё-гуна, но никто и не предъявлялъ противъ него протеста, кромѣ Ёси-аки, брата убитаго Ёси-теру. Ёси-аки обращался ко многимъ дайміо за помощью, но всѣ наиболѣе могущественные изъ нихъ отвѣчали, что заняты своими собственными дѣлами. Дѣйствительно, всѣ они вели междоусобныя войны и, къ тому же, отвыкнувъ признавать надъ собою власть сё-гуна, считали нежелательнымъ содѣйствовать ея возстановленію. Убѣдившись, что отъ нихъ нечего ждать поддержки, Ёси-аки обратился въ 1568 году къ О-та Нобу-нага, который, хотя и считался второстепеннымъ дайміо, но пользовался уже репутаціей искуснаго и мужественнаго полководца. Онъ происходилъ изъ древней аристократической фамиліи, которая, будучи однимъ изъ отпрысковъ дома Тайра, вела свой родъ отъ японскихъ императоровъ. Нобу-нага снабдилъ половину своей дружины огнестрѣльнымъ оружіемъ (съ которымъ познакомилъ японцевъ впервые въ 1542 году португальскій искатель приключеній, Мендецъ Пинто). Благодаря этому онъ вскорѣ сталъ грозою сосѣдей и, дѣйствуя въ духѣ тогдашняго японскаго рыцарства, быстро овладѣлъ бóльшею частью области О-вари. Гдѣ нельзя было взять силою, онъ бралъ хитростью и обманомъ, не щадя, при случаѣ, какъ родственниковъ жены, такъ и родныхъ своихъ братьевъ.

Находя, что бонзы сдѣлались въ Японіи слишкомъ уже могущественными, Нобу-нага покровительствовалъ только-что прибывшимъ въ Японію католическимъ миссіонерамъ и охотно бесѣдовалъ съ іезуитами. Особенно по вкусу пришелся ему руководящій ихъ принципъ: «цѣль оправдываетъ средства».

Будучи и самъ далеко незауряднымъ полководцемъ, Нобу-нага умѣлъ выбирать для своихъ дружинъ хорошихъ вождей. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ несомнѣнно Хиде-ёси, о которомъ сложились у японцевъ легенды. Между прочимъ, легенды повѣствуютъ, что Хиде-ёси, сынъ крестьянки, первоначально назывался Хи-ёси. Юношею онъ присоединился къ шайкѣ «отокодате», задававшихся цѣлью защищать угнетенныхъ и помогать бѣднымъ, добывая себѣ необходимыя для этого средства мошенничествомъ, воровствомъ и грабежомъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ членомъ этого сообщества, притонъ котораго находился невдалекѣ отъ дома его родителей, Хи-ёси пріобрѣлъ себѣ среди товарищей репутацію безстрашнаго удальца и чрезвычайно лов-

каго вора. Ремесло отокодате, однако, наскучило ему подконецъ, и онъ, послѣ ряда приключеній, поступилъ на службу въ войска Нобунага, гдѣ вскорѣ такъ отличился, что Нобу-нага приблизилъ его къ себѣ, пожаловалъ ему помѣстья, почетную хоругвь и приказалъ именоваться не Хи-ёси, а *Хиде-ёси* (отца Нобу-наги звали Нобу-хиде и, чтобы выказать глубокое уваженіе своему любимцу, Нобу-нага приказалъ писать имя Хи-ёси однимъ изъ іероглифовъ имени собственнаго своего отца). Мужественные искатели приключеній, которыми въ то время изобиловала Японія, толпами стекались къ Хиде-ёси, который, составивъ себѣ изъ нихъ отборную дружину, окружилъ свое имя вскорѣ такимъ обаяніемъ, что одно появленіе его на полѣ битвы стало казаться уже залогомъ побѣды.

Имя Нобу-наги, сдѣлавшееся извѣстнымъ уже всей Японіи, прославилось еще болѣе, когда императоръ Оги-мацп оффиціально заявилъ, что не видитъ никого равнаго О-та Нобу-наги по силамъ, а потому, въ дѣлѣ возстановленія порядка въ государствѣ, можетъ положиться только на него одного и предоставляетъ ему право карать непокорныхъ силою оружія. Нобу-нага охотно принялъ это порученіе и, рѣшившись выполнить просьбу Ёси-аки, обратился за помощью къ своему родственнику Рок-каку, но оказалось, что этотъ родственникъ вступилъ уже передъ тѣмъ въ сношенія съ домомъ Ми-ёси, довѣреннымъ лицомъ котораго былъ Мацу-нага. Рок-каку попытался загородить дорогу въ Кіото укрѣпленіями, которыя, однако, не въ силахъ были задержать Нобу-нага. Разрушивъ эти укрѣпленія, онъ присоединилъ владѣнія Рок-каку къ своимъ собственнымъ. Затѣмъ, сплотивъ войска этого дома со своею арміею, возросшею тогда до пятидесяти тысячъ человѣкъ, Нобу-нага двинулся къ озеру Би-ва, переправился черезъ него на судахъ и очутился, такимъ образомъ, въ окрестностяхъ Кіото.

Приверженцы дома Ми-ёси вынуждены были безъ боя очистить столицу. Нобу-нага, занявъ ее своими войсками, строго воспретилъ грабежи и насилія, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе и довѣріе мѣстнаго населенія. Пробывъ лишь нѣсколько дней въ Кіото и возведя Ёси-аки въ сё-гуны, Нобу-нага двинулся противъ приверженцевъ Ми-ёси и вскорѣ принудилъ ихъ смириться. Покорившіеся добровольно получили не только прощеніе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и прибавку къ прежнимъ владѣніямъ. Коменданты многихъ укрѣпленныхъ замковъ предпочитали поэтому сдаваться безъ боя. Нобу-нага счелъ возможнымъ простить даже главнаго виновника смуты, а именно Мацунага Хиса-хиде. Самъ онъ отказался отъ всякихъ наградъ и выпросилъ взамѣнъ того отмѣну въ Кіото осаднаго положенія и снятіе заставъ, которыя были устроены вокругъ всего города, чѣмъ еще болѣе уве-

личилъ свою популярность. Обезпечивъ императору и его двору небольшой, но вѣрный доходъ и распорядившись починкой императорскаго дворца, обратившагося почти въ развалины, Нобу-нага выхлопоталъ указъ объ отмѣнѣ всѣхъ пошлинъ, взимавшихся передъ тѣмъ на границахъ между различными областями, и о сокращеніи натуральныхъ повинностей, которыя были за послѣднее время значительно увеличены. Оставивъ правителемъ въ Кіото своего повѣреннаго, Тоетоми Хиде-ёси, онъ потребовалъ отъ всѣхъ дайміо изъявленія покорности сё-гуну. Требованія эти предъявлялись сперва лишь къ наименѣе могущественнымъ, а затѣмъ и къ болѣе сильнымъ дайміо. При этомъ Нобу-нага, опираясь на императорскій указъ, отбиралъ у непокорныхъ владѣнія, которыя отдавалъ своимъ сыновьямъ и приближеннымъ. Такимъ путемъ третья часть всей Японіи оказалась вскорѣ, прямо или косвенно, въ его рукахъ.

Усматривая, что Нобу-нага систематически стремится покорить себѣ всю Японію, сё-гунъ началъ противодѣйствовать его планамъ, а въ 1573 году даже заключилъ союзъ съ нѣкоторыми «непокорными» дайміо. Тогда Нобу-нага, разбивъ войска сё-гуна, счелъ долгомъ его низложить.

Диктатура въ Японіи.

За время кулачнаго права, господствовавшаго въ Японіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе сё-гуната дома Аси-кага, почти вся она очутилась въ рукахъ пяти крупныхъ феодаловъ. Западною ея частью владѣлъ домъ Мори, на востокѣ хозяйничали Таке-да, Уэ-суги и Х-цзе, а въ центрѣ—О-та, могущество которыхъ создано было Нобу-нагой. Монастыри нѣсколькихъ буддійскихъ сектъ тоже владѣли обширными территоріями и располагали хорошо обученными войсками, содержавшимися всегда въ боевой готовности. Нобу-нага давно уже убѣдился въ невозможности возстановить спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, не сломивъ предварительно сопротивленія строптивыхъ, воинствующихъ бонзъ, а потому, еще въ 1571 году, овладѣлъ, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ схватокъ, находившимися близъ Кіото укрѣпленными хи-ей-занскими храмами и монастырями. Защищавшіеся тамъ монахи были перебиты, а самые храмы сожжены. Смирить еще болѣе могущественныхъ о-сакскихъ бонзъ удалось Нобу-нагѣ лишь десятью годами позже. Борьба съ бонзами побудила, какъ уже упомянуто, Нобу-нагу покровительствовать христіанамъ въ Японіи. Искреннее сочувствіе къ христіанству не дозволило бы ему расправляться со своими врагами такъ безпощадно, что отсѣченіе головы считалось для нихъ сравнительно легкою карою. Сколько можно судить, Нобу-нага и ближайшіе его преемники почерпнули изъ повѣствованія о крестныхъ

страданіяхъ Спасителя лишь идею новаго для японцевъ способа мучительной казни—распятіемъ на крестѣ. Этой казни начали подвергать, въ случаѣ измѣны какого-либо дайміо, всѣхъ его заложниковъ. Также поступали зачастую съ комендантами укрѣпленныхъ замковъ и вождями гарнизоновъ, которые осмѣливались сколько-нибудь упорно сопротивляться войскамъ диктатора. Въ особо исключительныхъ случаяхъ самъ Нобу-нага придумывалъ, впрочемъ, иные способы казни, казавшіеся ему болѣе мучительными. Приказавъ зарыть по горло въ землю самурая, который покушался на его жизнь, онъ велѣлъ отрѣзать этому самураю голову деревянною пилою. Другого самурая, который выстрѣлилъ въ Хиде-ёси, но промахнулся, сварили живьемъ въ маслѣ.

Необходимо принять во вниманіе, что законы и юридическіе обычаи дома О-та, которые Нобу-нага ввелъ во всѣхъ подчинившихся ему областяхъ Японіи, отличались чрезвычайною суровостью. Не было, повидимому, преступленія, которое не каралось бы смертною казнью. Лѣтописцы увѣряютъ, что благодаря такимъ суровымъ законамъ воровство въ Японіи при Нобу-нагѣ прекратилось и стало столь же необычайнымъ, какъ въ Монголіи временъ Чингизъ-хана, когда вещь, кѣмъ-либо оброненная на дорогѣ, всегда могла быть поднята ея владѣльцемъ на обратномъ пути, и каждый могъ безопасно спать на улицѣ, положивъ подлѣ себя свое имущество.

Къ 1582 году Нобу-нага окончательно сломилъ могущество Таке-да, значительно ослабилъ домъ Мори и если бы остался въ живыхъ, вѣроятно, не замедлилъ бы подчинить себѣ всю Японію. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ вождей арміи Нобу-наги, Коре-то Мицу-хиде, пріютившій у себя двухъ лицъ, преслѣдуемыхъ диктаторомъ, узналъ, что это дошло до его свѣдѣнія, и рѣшился его убить, чтобы не быть убитымъ самому. Воспользовавшись тѣмъ, что по сосѣдству не было другихъ войскъ, кромѣ его собственныхъ, Мицу-хиде окружилъ ими на разсвѣтѣ храмъ, въ которомъ ночевалъ Нобу-нага съ сотнею тѣлохранителей. Они пытались обороняться, но силы оказались слишкомъ неравными. Раненый въ бою, Нобу-нага зажегъ храмъ и самъ зарѣзался. Старшій его сынъ, Нобу-тада, осажденный въ одномъ изъ укрѣпленныхъ замковъ, тоже лишилъ себя жизни.

Мицу-хиде, истребивъ остававшихся въ Кіото приверженцевъ Нобу-наги, овладѣлъ замкомъ Ацу-ци, гдѣ хранилась казна диктатора, но не успѣлъ захватить его жены и дѣтей. Столичное населеніе осталось совершенно спокойнымъ, а императоръ поздравилъ даже Мицу-хиде съ одержанными побѣдами, но никто изъ могущественныхъ дайміо не согласился принять его сторону. Хиде-ёси, осаждавшій послѣдній укрѣпленный замокъ, остававшійся еще во власти Мори, за-

ключилъ миръ съ этимъ домомъ, поспѣшно двинулся въ Кіото и разбилъ на голову войска Мицу-хиде, который самъ погибъ въ бою.

Наслѣдникомъ Нобу-наги оказался малолѣтній его внукъ, О-та Нобу-хиде, сынъ Нобу-таде, подъ опекой своего дяди Нобу-О. Управленіе же государствомъ было поручено регентству, состоявшему изъ Хиде-ёси и трехъ другихъ вождей.

Справивъ торжественныя похороны Нобу-наги, Хиде-ёси дѣятельно занялся огражденіемъ порядка въ недавно покоренныхъ областяхъ, гдѣ можно было опасаться возстаній, тѣмъ болѣе, что многіе дайміо, добровольно подчинившіеся Нобу-нагѣ, взялись за оружіе тотчасъ же, какъ только узнали объ его смерти. При этомъ онъ выказалъ большую распорядительность, но возбудилъ противъ себя неудовольствіе прочихъ регентовъ, вслѣдствіе чего возгорѣлась междоусобная война, въ которой Нобу-О принялъ его сторону. Одержавъ побѣду надъ своими противниками, Хиде-ёси сталъ уже совершенно самостоятельно управлять государствомъ. Онъ призналъ стратегическое положеніе Кіото невыгоднымъ, а потому избралъ въ 1583 году своей резиденціей Осаку и обратилъ этотъ городъ въ почти неприступную крѣпость.

Вскорѣ послѣ того Нобу-О поссорился съ Хиде-ёси, не пріѣхавшимъ поздравить его съ Новымъ годомъ, и обратился за помощью къ Е-ясу, главѣ дома Току-гава, который сначала былъ соперникомъ, а затѣмъ вѣрнымъ союзникомъ Нобу-наги. Е-ясу, дѣйствительно, принялъ его сторону. Располагая всего лишь двадцатью тысячами воиновъ, Е-ясу внезапно напалъ ночью на стодвадцатитысячную армію Хиде-ёси и одержалъ надъ нею блестящую побѣду. Армія эта, однако, опять собралась подъ знамена своего вождя, и война угрожала затянуться надолго, а потому Хиде-ёси, руководствуясь общегосударственными интересами, предпочелъ помириться съ Нобу-О. Впослѣдствіи онъ постарался даже снискать дружбу Е-ясу, въ талантахъ котораго, какъ полководца, имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ. Прославъ Е-ясу въ заложницы родную свою мать, Хиде-ёси выдалъ за него замужнюю свою сестру, заставивъ ее предварительно развестись съ мужемъ (который, вслѣдствіе этого лишилъ себя жизни).

Заручившись этимъ союзомъ, Хиде-ёси не замедлилъ подчинить себѣ всю Японію. Еще въ 1585 году онъ былъ возведенъ въ чиновники второго ранга, получилъ титулъ кам-паку и фамилію Тое-томи.

Въ Японіи водворился, наконецъ, миръ, и всѣ признавали, что государство обязано этимъ Тое-томи Хиде-ёси. Можно было ожидать, что кам-паку на этомъ и успокоится, но, вмѣсто того, онъ собралъ лѣтомъ 1591 года наиболѣе выдающихся дайміо на совѣщаніе въ Осаку и объявилъ имъ, что, по возстановленіи порядка въ Японіи, было бы стыдно

не подчинить ей сосѣднихъ варваровъ. Для этого надлежало прежде всего завоевать Китай. Корейскія войска будутъ служить японской арміи авангардомъ, а если они, паче чаянія, вздумаютъ сопротивляться, то ихъ немедленно же уничтожатъ. Во всякомъ случаѣ, онъ двинется черезъ Манчьжурію на Пекинъ, завладѣетъ всѣмъ Китаемъ и поставитъ тамъ японскихъ дайміо губернаторами областей. «Дѣло это не трудное», добавилъ Хиде-ёси, «готовы ли вы за него взяться»? Дайміо въ ужасѣ переглянулись, но никто не рѣшился прекословить.

Предпринимая эту войну, Хиде-ёси разсчитывалъ, что она поможетъ ему объединить Японію и упрочить спокойствіе и порядокъ внутри страны, гдѣ гордые дайміо, лишь скрѣпя сердце, подчинялись сыну простого мужика, которому нельзя было полагаться на ихъ вынужденную покорность. Между тѣмъ, представлялся удобный случай отослать строптивыхъ феодаловъ съ преданными имъ кераями въ заграничную экспедицію, чтобъ наказать китайскаго богдыхана Си-цунга, который вздумалъ объявить Японію подвластнымъ себѣ государствомъ и оффиціально потребовать отъ нея платежа дани. Къ тому же, по имѣвшимся у японцевъ свѣдѣніямъ, китайскія войска были изъ рукъ вонъ плохи и совершенно неспособны оказать сколько-нибудь упорное сопротивленіе испытанной въ бояхъ полуторастотысячной арміи, съ которой предполагалось на нихъ нагрянуть. Вслѣдъ за этой передовой арміей должна была двинуться вторая, съ самимъ Хиде-ёси во главѣ. Приготовленія къ походу были вскорѣ закончены, и армія, численность которой, безъ сомнѣнія, сильно преувеличена японскими лѣтописцами, быстро заняла почти всю Корею, но недостатокъ продовольствія вынудилъ ее снова отойти въ приморскіе округа. Тѣмъ временемъ, на помощь къ корейцамъ подошли китайскія полчища. Война затянулась на цѣлыхъ семь лѣтъ, такъ какъ для японскихъ войскъ полученіе морскимъ путемъ подкрѣпленій и продовольственныхъ припасовъ затруднялось невозможностью пріобрѣсть рѣшительный перевѣсъ надъ многочисленнымъ китайскимъ и корейскимъ флотомъ. Хиде-ёси умеръ въ 1598 году, утративъ прежнюю свою популярность, вслѣдствіе того, что ему пришлось для покрытія военныхъ издержекъ значительно увеличить податное обложеніе. Къ концу его жизни японскіе феодалы стали уже опять весьма строптивыми. Предвидя близкую свою смерть и опасаясь возобновленія прежней неурядицы, Хиде-ёси вернулъ значительную часть войскъ изъ Кореи, причемъ оставленнымъ тамъ войскамъ пришлось держаться уже оборонительнаго образа дѣйствій. Обстоятельства складывались для Японіи до того неблагопріятно, что Хиде-ёси счелъ долгомъ передать управленіе государствомъ Е-ясу, не заботясь объ интересахъ своего собственнаго дома. Е-ясу не согласился на это и потребовалъ, чтобы его назначили только однимъ

изъ опекуновъ Хиде-ёри, малолѣтняго сына Хиде-ёси. Умирающій назначилъ нѣсколько опекуновъ-регентовъ, но все-таки настоялъ на томъ, чтобы завѣдываніе всѣми государственными дѣлами, какъ гражданскими, такъ и военными, было поручено Е-ясу, какъ единственному человѣку способному поддержать въ Японіи порядокъ. Послѣ его кончины, Е-ясу немедленно же позаботился окончить по возможности съ честью безцѣльную войну въ Кореѣ и отправилъ туда подкрѣпленія, съ помощью которыхъ китайскія полчища были отброшены отъ прибрежья, и японскимъ войскамъ удалось, хотя и не безъ потерь, вернуться на родину.

Прочіе опекуны-регенты, въ томъ числѣ и ближайшіе родственники Хиде-ёси, чувствовали себя обиженными тѣмъ, что имъ не представлялось никакой власти, но происки ихъ потерпѣли неудачу. Въ 1600 году, вдова Хиде-ёси, черезъ приближеннаго къ ней вождя Иси-да, разослала къ дайміо письма отъ имени Хиде-ёри, будто бы требовавшаго наказать Е-ясу за преступное похищеніе власти. Нѣкоторые могущественные дайміо явились со своими войсками подъ знамена Иси-да, другіе же приняли сторону Е-ясу, подозрѣвая въ данномъ случаѣ злоупотребленіе именемъ Хиде-ёри. По этой же причинѣ, во время рѣшительнаго сраженія при Секи-гахара, нѣкоторые изъ вождей, примкнувшіе сначала къ Иси-да, перешли на сторону Е-ясу, войска котораго начали уже отступать послѣ шестичасового упорнаго боя съ противникомъ, значительно превосходившимъ ихъ численностью. При такихъ обстоятельствахъ армія Иси-да потерпѣла пораженіе; онъ самъ, вмѣстѣ съ другими главными сообщниками, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Кіото.

Вскорѣ послѣ того Е-ясу прибылъ въ Осаку, гдѣ произвелъ расправу надъ дайміо, помогавшими Иси-да. Отобравъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣ, а у другихъ только часть владѣній, онъ роздалъ эти владѣнія вождямъ, державшимъ его сторону. При этомъ какъ-будто совершенно забыли о существованіи Хиде-ёри. Е-ясу, почти самодержавно управлявшій Японіей, былъ въ 1603 году оффиціально провозглашенъ дай-сё-гуномъ.

Убѣдившись въ нетерпимости христіанъ къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій, выразившейся въ стремленіи крестившихся дайміо насильно обращать въ католицизмъ также и всѣхъ своихъ подданныхъ, еще Хиде-ёси изгналъ изъ Японіи миссіонеровъ и приказалъ распять на крестѣ двадцать японцевъ, уличенныхъ въ укрывательствѣ ихъ у себя. Непосредственнымъ поводомъ къ преслѣдованію христіанъ послужило, впрочемъ, неосторожное заявленіе шкипера одного испанскаго судна о томъ, что японцамъ предстоитъ подчиниться испанскому королю, для арміи котораго миссіонеры служатъ лишь развѣдчиками.

Е-ясу, въ качествѣ послѣдователя Конфуцзы, былъ склоненъ къ вѣротерпимости, но открытіе заговора католиковъ-дайміо, замышлявшихъ низвергнуть сё-гунатъ, съ помощью испанскихъ войскъ и субсидій, побудило его подтвердить указы, воспрещавшіе подъ страхомъ смертной казни исповѣданіе христіанства. Своей резиденціей Е-ясу избралъ Е-до (теперь Токіо), гдѣ еще при Хиде-ёси и по его совѣту, онъ построилъ сильно укрѣпленный городъ.

Сё-гунатъ дома Току-гава.

Принявъ титулъ сё-гуна, Току-гава Е-ясу думалъ склонить на свою сторону родственниковъ Хиде-ёри, выдавъ за этого еще несовершеннолѣтняго отрока свою внучку. Мать Хиде-ёри, не признавая категорически этого брака, приняла внучку Е-ясу съ подобающимъ почетомъ и поселила ее въ осакскомъ замкѣ.

Нѣкоторые дайміо были еще расположены смотрѣть на Е-ясу лишь какъ на опекуна Хиде-ёри. Опасаясь возобновленія междоусобицы, онъ предложилъ, въ 1604 году, дайміо, съѣхавшимся въ Е-до, построить себѣ тамъ дома и оставлять въ нихъ свои семейства въ качествѣ заложниковъ. Нѣкоторые дайміо тотчасъ же выполнили его желаніе. Черезъ два года послѣ того Е-ясу передалъ званіе сё-гуна своему сыну Хиде-тода и удалился въ область Суру-га, гдѣ жилъ въ молодости. Хиде-тода совѣтовался, однако, съ нимъ во всѣхъ сколько-нибудь затруднительныхъ случаяхъ. Такъ, по настоянію Е-ясу были въ 1609 году подчинены Японіи острова Ліу-Кіу.

Сё-гуну непосредственно принадлежало лишь немногимъ болѣе четвертой части всей Японіи, такъ что соединенныя силы дайміо легко могли бы его низвергнуть. Сознавая это, Е-ясу отдалъ во владѣніе своимъ сыновьямъ наиболѣе важные пункты, породнился со многими могущественными дайміо и привлекъ ихъ на свою сторону. Вмѣстѣ съ сё-гуномъ онъ зачастую навѣщалъ тѣхъ дайміо, дружбою которыхъ хотѣлъ заручиться. Напротивъ того, дайміо, которымъ Е-ясу не считалъ возможнымъ довѣрять, получали предписанія возводить на свой счетъ разныя общеполезныя сооруженія, чинить императорскіе дворцы, строить храмы, крѣпости и т. п. На всѣ ихъ протесты заявлялось, что дайміо, который не намѣренъ слушаться, можетъ удалиться въ свои владѣнія и ждать тамъ прибытія войскъ сё-гуна. Особенно разорительныя порученія возлагались на Хиде-ёри и его приверженцевъ. Въ 1614 году Хиде-ёри достигъ совершеннолѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была закончена имъ постройка въ Кіото храма, для котораго былъ отлитъ большой колоколъ съ надписью «Кок-ка ан-ко» (спокойствіе государства). Іероглифъ «ка» читается и какъ «Е», а іероглифъ «анъ» означаетъ

также «Ясу». Такъ какъ по колоколу бьютъ въ Японіи снаружи палкою, то надпись эта могла быть истолкована въ обидномъ для Е-ясу смыслѣ.

Е-ясу предписалъ отложить торжественное открытіе храма и посовѣтовалъ перелить колоколъ. Мать Хиде-ёри нашла это обиднымъ для своего сына и заставила его отвѣтить отказомъ. Вспыхнувшая послѣ этого между Е-ясу и Хиде-ёри война продолжалась два года и закончилась бѣгствомъ Хиде-ёри въ Сацуму, послѣ чего осакскій замокъ былъ взятъ войсками Е-ясу.

Съ паденіемъ Осаки въ Японіи водворился прочный миръ, поддерживавшійся строжайшимъ явнымъ и тайнымъ надзоромъ за дайміо. Е-ясу составилъ для нихъ и всего вообще военнаго сословія инструкцію изъ тринадцати статей, которую они обязаны были выполнять. Въ 1615 году, были выработаны имъ правила и для императорскаго двора, но въ слѣдующемъ году онъ былъ смертельно раненъ на охотѣ однимъ изъ своихъ враговъ, успѣвшимъ скрыться и оставшимся ненаказаннымъ. 21 мая 1616 г. Е-ясу умеръ, оставивъ завѣщаніе, которымъ руководствовались его преемники до упраздненія сё-гуната.

Чтобы обезпечить дому Току-гава неограниченную власть надъ Японіей, надлежало не только парализовать могущество дайміо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно устранить императоровъ отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла. Съ этою цѣлью Е-ясу, строго воспретивъ дайміо всякія сношенія съ императорскимъ дворомъ, указалъ, что императорамъ подобаетъ заниматься по преимуществу изученіемъ философіи, классической литературы и поэзіи. Завѣдываніе всѣми внѣшними дѣлами придворнаго вѣдомства было предоставлено намѣстнику сё-гуна въ Кіото (со-си-даю), подъ начальствомъ котораго, состояли также императорскіе тѣлохранители (дворцовая стража).

Запретивъ японцамъ заграничныя путешествія, Е-ясу считалъ необходимымъ жить въ мирѣ съ иностранными державами. Онъ возобновилъ мирныя сношенія съ Кореей и въ 1613 году заключилъ съ Англіей торговый договоръ.

Внукъ его, сё-гунъ Іе-мицу, хорошо усвоившій себѣ политическую программу дѣда, завершилъ дѣло подчиненія дайміо власти сё-гуната. Е-ясу старался привлечь ихъ на свою сторону лаской и установленіемъ родственныхъ или дружескихъ связей, а Іе-мицу требовалъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія. «Кто не намѣренъ повиноваться, пусть удаляется въ свои владѣнія и ждетъ тамъ прибытія моихъ войскъ»—заявилъ онъ въ 1632 году на съѣздѣ всѣхъ дайміо. Къ тому времени семьи ихъ жили уже безвыѣздно въ Е-до, какъ бы въ качествѣ заложниковъ, а потому дайміо были поставлены въ необходимость соглашаться на всѣ требованія сё-гуната.

Въ 1638 году Хо-тей, побочный сынъ Хиде-ёри, поднялъ на островѣ Кіу-Сіу возстаніе, къ которому примкнули оставшіеся въ живыхъ сторонники его отца и христіане. Ему неоднократно удавалось разбивать высылавшіяся противъ него войска, но, подконецъ, въ 1639 году, армія сё-гуна, получивъ значительныя подкрѣпленія, заставила его отступить въ замокъ Симобара и, съ помощью голландцевъ, овладѣла этимъ замкомъ. Хо-тей на военной джонкѣ бѣжалъ въ Сацу-ма, гдѣ ему удалось найти себѣ пріютъ. Замокъ Симобара былъ срытъ, а взятые въ плѣнъ католики—казнены.

Это возстаніе побудило сё-гунатъ принять еще болѣе строгія мѣры къ воспрещенію христіанства въ Японіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іемицу призналъ необходимымъ совершенно закрыть Японію для иностранцевъ и воспретилъ японцамъ всякія сношенія съ европейцами. Исключеніе было сдѣлано только для голландцевъ, которымъ, въ награду за содѣйствіе при подавленіи мятежа и розыскѣ скрывавшихся христіанъ, было разрѣшено устроить торговую факторію на островѣ Де-сима близъ Нагасаки.

Затѣмъ, съ 1639 по 1853 годъ, Японія жила подъ властью сёгуновъ Току-гава «безъ исторіи». Ее оставляли въ покоѣ, а сама она въ чужія дѣла не вмѣшивалась. Внутри государства все обстояло какъ-будто благополучно, хотя въ дѣйствительности старанія сё-гуновъ пріохотить военное сословіе къ изученію наукъ (преимущественно же національной исторіи) постепенно подорвало ихъ авторитетъ. Мало-по-малу образовалась многочисленная старо-японская партія, въ глазахъ которой все коренное японское стояло несравненно выше заимствованнаго отъ китайцевъ. Сторонники ея ставили японскую литературу выше китайской, религію синто—выше буддизма и, чтобы оставаться логически-послѣдовательными, должны были признавать незаконнымъ правленіе сёгуната, отстранявшее отъ власти законную династію микадо. Понятно, что эту часть программы приходилось сперва тщательно скрывать отъ непосвященныхъ, такъ какъ сё-гунатъ не потерпѣлъ бы ни малѣйшаго на нее намека. Съ теченіемъ времени, однако, сё-гуны, стали уже не такъ строго держать бразды правленія. Въ народныхъ массахъ начали тогда распространяться книги историческаго содержанія, въ которыхъ выяснялась необходимость питать беззавѣтное уваженіе къ императорамъ, намѣстниками которыхъ являются сё-гуны. Многія распоряженія и упущенія этихъ намѣстниковъ подрывали ихъ авторитетъ, а потому сё-гунатъ продолжалъ существовать, если можно такъ выразиться, только по инерціи.

Смертельнымъ ударомъ для него послужили настоятельныя требованія европейскихъ державъ открыть японскіе порты для торговыхъ сношеній. Въ 1853 году прибытіе американскаго коммодора

Перри съ четырьмя военными судами въ портъ Ура-га распространило ужасъ по всей Японіи. Мѣстные вожди тщетно упрашивали его удалиться и не нарушать закона, воспрещающаго японцамъ сношенія съ иноземцами. Онъ заявилъ, что привезъ письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ сё-гуну и можетъ передать это письмо только важному сановнику, а съ мелкими чиновниками даже разговаривать не хочетъ.

Сё-гунъ приказалъ собрать войска для защиты прибрежья и повелѣлъ молиться и гадать объ успѣхѣ войны съ чужеземцами, но вожди его донесли, что съ американскими кораблями ничего не подѣлаешь, и что они могутъ разгромить своими пушками весь Е-до. Въ томъ же смыслѣ высказались и прорицатели одного знаменитаго храма. При такихъ обстоятельствахъ сё-гунъ Іе-еси приказалъ принять съ требуемымъ почетомъ письмо американскаго президента, въ которомъ заявлялось, что, въ случаѣ отказа отъ заключенія торговаго договора, будетъ послана въ Японію болѣе значительная эскадра.

Дайміо порицали небрежность сё-гуната, который не слѣдилъ съ должнымъ вниманіемъ за успѣхами военнаго дѣла въ Европѣ и не принялъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ организаціи японской береговой обороны. Они считали необходимымъ обзавестись военнымъ флотомъ и артиллеріей по европейскому образцу, а до тѣхъ поръ медлить съ заключеніемъ торговаго договора. Если вступить въ сношенія съ американцами — говорили они —, то и другія націи потребуютъ того же. Между тѣмъ, такому маленькому государству, какъ Японія, невыгодно заводить торговлю съ иностранцами. Чѣмъ разоряться отъ нея, лучше ужъ бѣднѣть отъ войны. Надо лишь хорошенько къ ней приготовиться.

Сё-гунъ, не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, рѣшилъ донести императору Ко-мею о требованіяхъ иностранцевъ. Императоръ помолился на семи гробницахъ и въ семи буддійскихъ храмахъ о благополучіи Японіи, но никакого отвѣта не далъ. Въ томъ же году Іе-еси умеръ, а въ сё-гуны былъ возведенъ Іе-сада. Вскорѣ послѣ того пришелъ въ Нагасаки русскій фрегатъ «Паллада» требовать заключенія договора о дружественныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ и болѣе точномъ опредѣленіи границъ.

Сё-гунъ, рѣшивъ по возможности уклоняться отъ заключенія договора, приказалъ дайміо тщательно укрѣплять морское прибрежье и строить военныя суда большихъ размѣровъ. Прежде чѣмъ они успѣли выполнить эти предписанія, вторично прибылъ коммодоръ Перри, на этотъ разъ уже съ семью военными судами, и сталъ 14 февраля 1854 года на якорь въ Е-доскомъ заливѣ, противъ столичнаго предмѣстья Сина-гавы. Это вынудило сё-гуна отказаться отъ всякихъ по-

пытокъ къ сопротивленію. Его посланцы упросили Перри уйти въ Іокогаму и объявили, что сё-гунатъ разрѣшаетъ американскимъ судамъ заходить въ Симо-да и Хакодате для торговыхъ сношеній.

Лѣтомъ того же года былъ подписанъ торговый договоръ между Японіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Паденіе сё-гуната и возстановленіе власти микадо.

Воспретивъ японскому народу сношенія съ европейцами, Е-ясу обезпечилъ, однако, сё-гунату возможность слѣдить за успѣхами европейской техники, особенно же по части военнаго искусства. Съ этою именно цѣлью и было разрѣшено голландцамъ устроить на островѣ Де-Сима факторію, которая являлась своего рода оконцемъ, прорубленнымъ въ Европу и предназначавшимся для исключительнаго пользованія сё-гуната. Предполагалось, что никто, кромѣ довѣренныхъ правительственныхъ агентовъ, не въ состояніи будетъ заглянуть въ это оконце. На самомъ дѣлѣ, однако, стремленія уберечь японскій народъ отъ воздѣйствія иноземной культуры и въ то же время оградить государственную его безопасность не удалось осуществить въ ихъ полномъ объемѣ. Съ одной стороны, сё-гунатъ вскорѣ пересталъ слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за быстрыми успѣхами военнаго дѣла въ Европѣ (что до извѣстной степени обусловливалось нежеланіемъ производить крупныя непроизводительныя затраты на перевооруженіе войскъ, переустройство крѣпостей и т. п.), а съ другой стороны, ему все-таки не удалось оградить царство Восходящаго Солнца отъ западно-европейскихъ воззрѣній и мыслей, постепенно проникавшихъ сквозь де-симское оконце. Сами сё-гуны считали сперва долгомъ покровительствовать распространенію нѣкоторыхъ европейскихъ научныхъ знаній, представлявшихся имъ безусловно полезными. Такъ, разрѣшено было перевести съ голландскаго языка на японскій нѣсколько сочиненій по астрономіи, физикѣ, химіи, ботаникѣ и т. п. Чиновники, завѣдывавшіе сношеніями съ голландской факторіей, недостаточно строго придерживались своихъ инструкцій и позволяли себѣ иногда вступать съ голландцами въ запрещенные разговоры «о постороннихъ предметахъ», вслѣдствіе чего пріобрѣли нецензурныя представленія о возможности иныхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, болѣе справедливыхъ, чѣмъ японскіе.

Одинъ изъ японскихъ ученыхъ, знавшій голландскій языкъ и ознакомившійся съ положеніемъ военнаго дѣла въ Европѣ, написалъ сочиненіе о береговой оборонѣ, но былъ за это посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ намѣреніи возмутить народъ противъ сё-гуната. Двое другихъ ученыхъ, представившихъ сё-гунату докладъ о воору-

женныхъ силахъ иностранныхъ державъ, пришли къ заключенію, что Японія, въ случаѣ войны, неизбѣжно должна потерпѣть пораженіе; ихъ наказали за таковую продерзость какъ за государственную измѣну. Подобная же кара постигла и одного японскаго артиллерійскаго офицера, осмѣлившагося перевести на японскій языкъ добытые имъ отъ голландцевъ учебники артиллеріи.

Недовольство находило благодарную почву и въ народѣ. Установленное сё-гунатомъ раздѣленіе народа на касты, фактически устранявшее даже для самыхъ талантливыхъ людей возможность перехода изъ низшаго подчиненнаго сословія въ высшее, стало вызывать противъ себя затаенное недовольство. Крестьяне, ремесленники и купцы, мало-по-малу, перестали считать естественнымъ и необходимымъ такое подчиненіе ихъ военному сословію, при которомъ каждому самураю можно было безнаказанно убить любого изъ нихъ, если онъ считаетъ себя оскорбленнымъ. Народныя массы, хотя и не смѣли дѣлать попытокъ къ освобожденію отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета, во всякомъ случаѣ, готовы были помочь ниспроверженію правительственной системы, державшей ихъ подъ унизительнымъ ярмомъ. Впрочемъ, и въ военномъ сословіи обаяніе сё-гуната было тогда въ значительной степени подорвано не только распространеніемъ образованія въ національно-японскомъ духѣ, выяснившимъ незаконность лишенія императоровъ свѣтской власти, но также и недостаточною заботливостью сё-гуновъ объ оборонѣ страны. Дѣйствительно, когда американцы и европейцы начали требовать открытія японскихъ портовъ для своей торговли, угрожая добиться выполненія своихъ требованій силою оружія, выяснилось, что Японія не въ состояніи вступить съ ними въ борьбу.

Безсиліе сё-гуната, выразившееся въ уступкѣ требованіямъ американскаго правительства, окончательно погубило его въ общественномъ мнѣніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудило у многихъ дайміо надежду усилиться на его счетъ или даже совершенно его низвергнуть. Для этого имъ казалось всего удобнѣе опереться на авторитетъ императорской власти, настолько уже возросшій, что сё-гунату приходилось съ нимъ серьезно считаться.

Царствовавшій тогда императоръ Ко-мей не преминулъ воспользоваться такимъ положеніемъ вещей и сталъ подумывать о томъ, чтобы вернуть себѣ верховную власть. Узнавъ, что сё-гунъ, въ январѣ 1855 г., заключилъ съ адмираломъ Путятинымъ договоръ, опредѣлившій границы между Японіей и Россіей и открывшій для русскихъ три порта: Симо-да, Хако-дате и Нагасаки, императоръ изъявилъ ему неудовольствіе по поводу нарушенія старинныхъ японскихъ законовъ, которыми воспрещались сношенія съ иностранцами. Сё-гунъ возразилъ, что иностранцы

люди сильные, съ которыми Японія, не располагая соотвѣтствующими военными силами, бороться не можетъ. Императоръ, приказавъ позаботиться о постройкѣ береговыхъ укрѣпленій и вооруженіи ихъ пушками голландскаго образца, уполномочилъ сё-гуна взять для отливки таковыхъ колокола изъ буддійскихъ храмовъ. Бонзы остались недовольны отобраніемъ у нихъ колоколовъ. Мѣра эта усилила затаенную вражду японскаго простонародія къ сё-гунату. Въ 1857 году сё-гунъ, несмотря на протесты многихъ дайміо, принялъ въ Е-до американскаго консула и дипломатическаго агента Харриса и, подписавъ въ началѣ 1858 года предварительное соглашеніе о порядкѣ торговли американцевъ съ японцами, доложилъ императору о необходимости открыть на самомъ дѣлѣ нѣкоторые японскіе порты для иностранной торговли. Микадо выразилъ свое глубокое сожалѣніе о томъ, что ему сообщаютъ о соглашеніи съ иностраннымъ дипломатическимъ агентомъ уже послѣ того, какъ оно состоялось, и заявилъ, что сё-гунъ, поступая такимъ образомъ, прямо нарушалъ долгъ вѣрноподданнаго. Сё-гунъ Іе-сада до того смутился отъ такого выговора, что не дерзнулъ скрѣпить договоръ съ Сѣверо-Американскими Штатами приложеніемъ своей печати.

Тѣмъ временемъ, пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Іокогаму англійской и французской эскадръ, посланныхъ для заключенія торговыхъ договоровъ съ Японіею. Американскій дипломатическій агентъ посовѣтовалъ тай-ро (первому министру сё-гуната) не уклоняться отъ заключенія этихъ договоровъ, объяснивъ ему, что, въ противномъ случаѣ, иностранныя державы объявятъ Японіи войну и поступятъ съ нею такъ же, какъ поступили съ Китаемъ.

Іи-нао-ске, тогдашній тай-ро, сознавая невозможность для Японіи успѣшно вести войну одновременно съ нѣсколькими европейскими державами, счелъ неумѣстнымъ для сё-гуната руководиться воззрѣніями микадо и его совѣтниковъ, совершенно незнакомыхъ съ вооруженными силами Европы и Америки, а потому, безъ вѣдома императорскаго двора, приложилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1858 года печати сё-гуна къ договору, заключенному съ Соединенными Штатами. Одновременно съ этимъ онъ занялъ Кіото и Осаку войсками, преданными сё-гуну, какъ бы намекая на готовность низложить микадо въ случаѣ попытки двора фактически помѣшать открытію Японіи для иностранной торговли. Императоръ пригласилъ тогда тай-ро и трехъ дайміо, ближайшихъ родственниковъ сё-гуна, прибыть въ Кіото, разсчитывая склонить ихъ на свою сторону и при ихъ содѣйствіи побудить сё-гуна слѣдовать его совѣтамъ. Тай-ро и всѣ трое дайміо уклонились, однако, отъ этой поѣздки, объяснивъ, что заняты серьезными дѣлами. Такой отказъ былъ очень непріятенъ императору и его двору, но, въ виду рѣшимости сё-гуната не допускать фактическаго вмѣшательства микадо въ госу-

дарственныя дѣла, пришлось воздержаться отъ сколько-нибудь серьезныхъ изъявленій неудовольствія. Сё-гунъ Іе-сада не выдержалъ, однако, тяжкихъ душевныхъ волненій, вызванныхъ у него всей этой передрягой, и умеръ бездѣтнымъ, 25 іюля 1858 года, назначивъ себѣ преемникомъ ближайшаго своего родственника, двѣнадцатилѣтняго Іе-сиге, который, несмотря на происки партіи, враждебной сношеніямъ съ иностранцами, былъ утвержденъ императоромъ въ должности сё-гуна.

Благодаря энергіи тай-ро Іи-нао-ске, власть сё-гуната, поколебавшаяся-было вслѣдствіе открытія Японіи европейцамъ, снова начала упрочиваться. Іи, въ промежутокъ времени отъ 1854 до 1859 г., посадилъ въ тюрьму болѣе шестидесяти выдающихся японскихъ ученыхъ, высказавшихся противъ сношеній съ иностранцами. Многіе кугё и дайміо были подвергнуты домашнему аресту, а нѣкоторые изъ болѣе строптивыхъ самураевъ—казнены, или же сосланы на отдаленные острова. Партія, враждебная открытію Японіи для иностранной торговли, казавшаяся почти уже сломленной, рѣшилась тогда отдѣлаться отъ Іи. Въ мартѣ 1860 года онъ былъ убитъ на пути во дворецъ сёгуна кераями митоскаго дайміо Току-гава Нари-аки, главнаго противника внѣшней политики сё-гуната. Кераи эти сами явились къ властямъ съ заявленіемъ о своемъ поступкѣ, объясняя, что убили тай-ро безъ вѣдома своего дайміо, побуждаемые исключительно только любовью къ отчизнѣ.

Новый тай-ро, Андо Нобу-маса, слѣдовалъ политикѣ своего предшественника, а потому въ январѣ 1862 года подвергся, въ свою очередь, нападенію убійцъ и былъ ими тяжело раненъ.

При такихъ обстоятельствахъ, сё-гунатъ упалъ духомъ и началъ вскорѣ хлопотать о сближеніи съ микадо. Молодой сё-гунъ, Іе-сиге, женился въ томъ же мѣсяцѣ на младшей сестрѣ императора. При этомъ были освобождены всѣ кугё, дайміо и самураи, арестованные за протесты противъ сношеній съ иностранцами. Несмотря на эти уступки, сё-гунату не удалось добиться соглашенія съ императорскимъ дворомъ по вопросу о внѣшней политикѣ. Сё-гунъ назначилъ тогда себѣ опекуномъ своего родственника Току-гаву Ёси-нори, самаго ожесточеннаго противника сношеній съ иностранцами. Ёси-нори, ставъ во главѣ сё-гуната и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, немедленно же убѣдился въ ошибочности прежнихъ своихъ воззрѣній, о чемъ и донесъ императору. Микадо продолжалъ, однако, настаивать на удаленіи иностранцевъ изъ Японіи. Ему отвѣтили, что этого нельзя выполнить сразу; надо сперва привести японскія сухопутныя войска и флотъ въ состояніе боевой готовности. Обзаведеніе новыми военными судами, обученіе офицеровъ, солдатъ и матросовъ военному дѣлу по европейскому образцу требовало, очевидно, много времени, но императоръ, вызвавъ въ апрѣлѣ 1863 года сё-гуна въ Кіото, все-таки

отправился въ храмъ Ка-мо молиться объ успѣхѣ удаленія иностранцевъ изъ Японіи. Сё-гунъ и сопровождавшіе его дайміо только издали слѣдили при этомъ за микадо.

Тѣмъ временемъ, противники сё-гуната, разсчитывая на поддержку императора и сочувствіе народныхъ массъ, враждебно настроенныхъ къ иностранцамъ, сожгли дома англійскихъ миссій въ предмѣстьѣ Е-до. Сё-гунъ замялъ дѣло, отведя для англійской миссіи участокъ земли въ самомъ городѣ и отпустивъ ей сто тысячъ долларовъ на постройку новыхъ зданій. Въ Іокогамѣ одинъ изъ кераевъ свиты сацумскаго дайміо бросился съ обнаженной саблей на англичанъ, которые, выѣхавъ верхомъ на прогулку, загородили дорогу вмѣсто того, чтобы сойти съ коней и вѣжливо обождать (какъ это предписывалось японскимъ церемоніаломъ всѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ при встрѣчѣ съ важными сановниками), пока дайміо прослѣдуетъ мимо нихъ. Купецъ Ричардсонъ былъ при этомъ убитъ, а нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его англичанъ — ранены. Англійскій посланникъ потребовалъ за это отъ сё-гуната 300000, а отъ сацумскаго дайміо 25000 долларовъ вознагражденія. Назначенный имъ для уплаты срокъ уже прошелъ, но министры сё-гуна просили англійскую миссію обождать возвращенія Ги-еси, котораго императоръ продолжалъ задерживать въ Кіото.

Въ маѣ мѣсяцѣ императорскій дворъ потребовалъ, чтобы сё-гунъ прибылъ на гору Отокояму, въ синтоистскій храмъ покровителя войны, и принялъ тамъ изъ рукъ микадо священные мечъ и знамя, являвшіеся знаками полномочія на покореніе чужеземцевъ *). Сё-гунъ не явился, отговариваясь болѣзнью, и послалъ вмѣсто себя своего опекуна Ёсинори, который неожиданно захворалъ въ самомъ храмѣ и уѣхалъ, прежде чѣмъ ему успѣли вручить драгоцѣнныя регаліи. Императоръ издалъ тогда манифестъ о закрытіи къ 13 іюня того же года японскихъ портовъ и о недопущеніи въ нихъ иностранцевъ. Сё-гунатъ, чувствуя, что почва подъ нимъ колеблется, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая невозможность выполнить желанія микадо, уплатилъ англичанамъ 300000 долларовъ потребованнаго ими вознагражденія. Сацумскій дайміо не хотѣлъ внести 25000 долларовъ, которые взыскивались съ него въ пользу семейства Ричардсона, убитаго его кераемъ. Тогда англійская эскадра изъ десяти военныхъ судовъ подошла къ Каго-симѣ, главному городу Сацумы, и безъ всякаго предупрежденія захватила принадлежавшее дайміо военное судно. Береговыя батареи, открывшія послѣ того огонь по англійскимъ кораблямъ, были вскорѣ разрушены, а самый городъ сожженъ. Сацумскому дайміо пришлось занять деньги у сё-гуната и выполнить требованія англійскаго посольства.

---

*) Т.-е. удаленіе ихъ изъ Японіи.

Домъ Мо-ри, владѣвшій областями на сѣверномъ берегу Симоносекскаго пролива, построилъ тамъ нѣсколько батарей и, послѣ императорскаго манифеста о недопущеніи иноземцевъ въ Японію, приказалъ обстрѣливать купеческія суда, проходившія черезъ этотъ проливъ. На американскихъ, французскихъ и датскихъ судахъ было убито по нѣскольку человѣкъ. Когда сё-гунъ потребовалъ отъ Мо-ри объясненія по поводу такого опаснаго для Японіи самоуправства, посланца его умертвили.

Опасаясь мщенія сё-гуната, Мо-ри Ёси-пика, войска котораго охраняли въ Кіото одни изъ дворцовыхъ воротъ, заявилъ, что сё-гунъ не повинуется императорскимъ указамъ, и предложилъ императору удалиться изъ Кіото, гдѣ находилось много войскъ сё-гуната.

Многіе изъ приближенныхъ микадо опасались, однако, что Мо-ри, захвативъ императора въ свои руки, начнетъ дѣйствовать его именемъ и провозгласитъ себя сё-гуномъ, а потому противодѣйствовали ему; удобный моментъ былъ упущенъ. Кіотоскій комендантъ, узнавъ о заговорѣ противъ сё-гуната, ночью 17 сентября арестовалъ нѣсколькихъ родственниковъ микадо, державшихъ сторону Мо-ри, и замѣнилъ войска этого дома, содержавшія караулъ у дворцовыхъ воротъ, войсками, преданными сё-гуну. Императоръ изъявилъ тогда желаніе наказать своихъ родичей и кугё, интриговавшихъ противъ сё-гуната. Самому Мо-ри былъ воспрещенъ входъ во дворецъ, а его войскамъ повелѣно удалиться изъ Кіото. Въ февралѣ 1864 года микадо объяснилъ представлявшемуся ему сё-гуну: «лучше всего было бы удалить иностранцевъ изъ Японіи, но изъ-за этого не стоитъ, пожалуй, начинать войны. Меня принудили объявить объ изгнаніи иностранцевъ, а Мо-ри даже стрѣлялъ своевольно въ иностранныя суда. Это было вызвано, къ стыду моему, моею собственною слабостью. Старайтесь теперь, чтобы весь народъ единодушно прекратилъ сношенія съ иностранцами и, такимъ образомъ, успокоилъ меня».

Сторонники Мо-ри пытались въ августѣ того же года овладѣть особою микадо. Подойдя съ довольно значительными отрядами къ дворцовымъ воротамъ, они пытались въ нихъ ворваться, но, послѣ четырехчасового упорнаго боя, вынуждены были отступить. При этомъ выгорѣла значительная часть Кіото, а именно всѣ кварталы, прилегавшіе ко дворцу. Сё-гунъ, заручившись предписаніемъ императора наказать Мо-ри и его сторонниковъ, двинулъ свои войска въ области, принадлежавшія этому дому. Еще до прибытія ихъ, соединенная американская, французская, датская и англійская эскадра изъ 18-ти военныхъ судовъ разрушила симоносекскія батареи, причемъ свезенный съ этихъ кораблей дессантъ разбилъ на голову защищавшія ихъ войска. Затѣмъ американскій, французскій и датскій посланники потребовали

отъ сё-гуната контрибуцію въ три милліона долларовъ, угрожая занять, въ случаѣ неплатежа таковой, области Суво и Наги-то. Сё-гунатъ уплатилъ требуемую сумму.

При такихъ обстоятельствахъ, повсемѣстно въ Японіи вражда къ иностранцамъ еще болѣе обострялась. Сё-гунату безпрерывно приходилось усмирять возстанія, которыя вскорѣ послѣ того опять возгорались. Въ октябрѣ 1865 года прибыла въ Хіо-го эскадра изъ девяти англійскихъ, американскихъ, французскихъ и датскихъ военныхъ судовъ «ходатайствовать» объ открытіи этого порта для иностранной торговли. Сё-гунатъ донесъ императору, что можно, пожалуй, одолѣть эту эскадру, но иностранныя державы пришлютъ тогда еще болѣе сильный флотъ, съ которымъ японцы не управятся, а потому казалось бы теперь благоразумнѣе добровольно имъ уступить и утвердить заключенные уже сё-гуномъ договоры съ европейцами.

Императорскій дворъ объявилъ, что микадо утверждаетъ эти договоры, но требуетъ ихъ пересмотра и не разрѣшаетъ открывать иностранцамъ портъ Хіо-го.

Сё-гунъ Іе-сиге просилъ разрѣшенія удалиться по болѣзни отъ дѣлъ, но не получилъ таковаго. Войска его дѣйствовали противъ дома Мо-ри весьма неудачно. Удрученный всѣмъ этимъ сё-гунъ умеръ въ сентябрѣ 1866 года. Императоръ Ко-мей, утвердивъ Ёси-нори въ званіи сё-гуна и главы дома Мина-мото, скончался, въ свою очередь, въ январѣ 1867 года, послѣ чего вступилъ на престолъ нынѣ царствующій въ Японіи микадо Муцу-хито.

Ёси-нори прежде всего пригласилъ французскихъ инструкторовъ для обученія своихъ войскъ. Еще до утвержденія его въ должности сё-гуна, онъ, подъ предлогомъ траура по Іе-сигѣ, прекратилъ, по соглашенію съ императорскимъ дворомъ, военныя дѣйствія противъ дома Мо-ри. Съ своей стороны, императоръ Муцу-хито, по представленію сё-гуна, согласился въ іюнѣ 1867 года на открытіе порта Хіо-го для европейской торговли. Лѣтомъ сё-гунату удалось подавить нѣсколько возстаній, вспыхивавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Японіи, но, при всемъ томъ, въ виду измѣнившихся условій, невозможность удержать въ рукахъ сё-гуна прежнюю фактически самодержавную власть представлялась очевидной какъ самому Ёси-нори, такъ и многимъ дайміо. Нѣкоторые изъ нихъ обратились въ сентябрѣ 1867 года къ сё-гуну съ письменнымъ предложеніемъ передать управленіе государствомъ въ руки микадо. «Прибытіе иностранцевъ», писалъ одинъ изъ нихъ, «подорвало у насъ средневѣковые порядки и возбудило много новыхъ вопросовъ, являющихся для сё-гуната неразрѣшимыми. Востокъ и западъ Японіи возстали другъ противъ друга, междоусобія возгораются непрестанно и угрожаютъ повлечь за собою вмѣшательство инозем-

цевъ. Это вызывается существованіемъ теперь въ Японіи двухъ центровъ администраціи, въ лицѣ микадо и сё-гуна. Верни императору власть, такъ какъ лишь при этомъ условіи Японія получитъ возможность сравняться въ могуществѣ съ иностранными державами».

Посовѣтовавшись съ нѣсколькими дайміо относительно наилучшихъ способовъ упраздненія сё-гуната, Ёси-нори обратился къ подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ съ циркуляромъ, въ которомъ, заявляя о своемъ намѣреніи передать управленіе государствомъ самому императору, просилъ всѣхъ служащихъ высказать свое мнѣніе о такомъ шагѣ. Никто не рѣшился открыто протестовать противъ этого намѣренія, но, тѣмъ не менѣе, циркуляръ сё-гуна вызвалъ сильное недовольство въ военномъ сословіи. Не обращая вниманія на это недовольство, сё-гунъ торжественно отказался 7 ноября 1867 года отъ правительственной власти. Онъ согласился, впрочемъ, вести государственныя дѣла до тѣхъ поръ, пока микадо не соизволитъ окончательно взять бразды правленія въ свои руки.

Императорскій дворъ поступилъ тогда чрезвычайно безтактно. Объявивъ 7 ноября: «съ сегодняшняго числа всѣ правительственныя дѣла, отъ самоважнѣйшихъ до ничтожнѣйшихъ, вѣдаетъ императоръ, о чемъ оповѣщается всему народу», микадо тотчасъ же устранилъ войска родственниковъ сё-гуна отъ содержанія дворцовыхъ карауловъ, вернулъ дому Мо-ри и его сторонникамъ прежніе чины и отличія и разрѣшилъ ему вступить съ войсками въ Кіото. Ёси-нори заявилъ тогда императорскому двору, что, не имѣя разрѣшенія сдать дѣла, онъ будетъ вести ихъ попрежнему, до изданія новаго указа о веденіи дѣлъ самимъ императоромъ при содѣйствіи совѣта дайміо, который соберется въ столицѣ.

Бывшій сё-гунъ располагалъ настолько значительными вооруженными силами, что легко могъ бы овладѣть Кіото. Онъ сперва хотѣлъ-было явиться въ столицу въ сопровожденіи своихъ войскъ и «освободить молодого императора отъ дурныхъ совѣтниковъ», но, въ виду рѣшимости двора поднять междоусобную войну, приказалъ войскамъ отступить и объявилъ, что тотъ, кто возьмется за оружіе противъ императора, направитъ это оружіе лично противъ него, бывшаго сё-гуна.

Тѣмъ не менѣе, императоръ лишилъ его всѣхъ чиновъ и титуловъ и послалъ свои войска для занятія Е-до. Благодаря патріотизму Ёси-нори, они не встрѣтили тамъ сопротивленія, но многіе приверженцы сё-гуната, оскорбленные образомъ дѣйствій микадо, удалились изъ Е-до и, съ помощью солдатъ, обученныхъ по-европейски, подняли почти повсемѣстныя возстанія. Военное сословіе, понимая, что борьба идетъ за его интересы, охотно принимала сторону повстанцевъ, но

крестьяне и горожане высказывались всюду противъ нихъ. Въ виду отсутствія общаго плана дѣйствій у приверженцевъ сё-туната, возстанія эти удалось подавить, къ концу октября 1868 года, всюду, кромѣ острова Іессо, куда удалился адмиралъ Ено-мото съ лучшими военными судами флота.

Иностранныя державы соблюдали до января 1869 года нейтралитетъ въ междоусобной распрѣ между императоромъ и сторонниками сё-гуната, послѣ чего японское правительство получило въ свое распоряженіе броненосецъ, изготовленный по его заказу еще лѣтомъ 1868 года, но стоявшій съ тѣхъ поръ въ Іокогамѣ подъ американскимъ флагомъ. Благодаря этому броненосцу и удалось, одолѣвъ Ено-мото, овладѣть 14 іюня 1869 года послѣднимъ убѣжищемъ повстанцевъ, городомъ Хако-дате. Императоръ Мутсу-хито, по собственному своему почину, далъ, въ засѣданіи государственнаго совѣта, въ присутствіи чиновъ двора и дайміо, обѣщаніе созвать совѣщательное народное собраніе, сообразоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ съ общественнымъ мнѣніемъ, водворить правосудіе и поднять уровень народнаго образованія. Весною 1869 года многіе дайміо вернули свои владѣнія императору. Примѣру ихъ послѣдовали и всѣ прочіе дайміо. На первое время они были назначены губернаторами въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ, съ отчисленіемъ въ потомственную ихъ собственность десятой части валового дохода. Въ 1871 году состоялось административное раздѣленіе Японіи на департаменты (кенъ) и округа (гунъ). Такимъ образомъ исчезли послѣдніе остатки прежняго феодальнаго строя.

Періодъ реформъ отъ упраздненія сё-гуната до введенія конституціи.

Въ борьбѣ противъ сё-гуната крайніе реакціонеры и прогрессисты сражались подъ однимъ знаменемъ: и тѣ и другіе считали необходимымъ для Японіи объединеніе подъ скипетромъ микадо. Въ первое время по упраздненіи сё-гуната казалось, что плоды одержанной побѣды достанутся исключительно лишь сторонникамъ возврата къ отдаленному прошлому, завѣтныя мечты которыхъ какъ-будто начали уже выполняться. Микадо сталъ неограниченнымъ самодержавнымъ монархомъ, и буддизмъ уступилъ мѣсто синтоизму въ качествѣ государственной религіи. Старо-японская партія надѣялась тотчасъ же осуществить свой идеалъ: «Японія для японцевъ»; очистивъ свою родину отъ всѣхъ новшествъ не только европейскаго, но даже и китайскаго происхожденія, она разсчитывала вернуть страну Восходящаго Солнца къ тѣмъ самымъ порядкамъ, какіе существовали въ ней въ 500 г. по Р. Х. Мечты эти, однако, вскорѣ разсѣялись прахомъ. Импера-

торъ и его министры, ставъ у кормила правленія, не замедлили убѣдиться, что со стороны сё-гуната было весьма благоразумно уклоняться отъ объявленія священной войны западнымъ варварамъ изъ-за вопроса объ открытіи имъ японскихъ портовъ.

Въ качествѣ правительственнаго центра Е-до обладалъ большими преимуществами надъ Кіото, а потому императоръ рѣшился перенести туда въ 1869 году свою столицу и резиденцію. На всякій случай найдено было умѣстнымъ переименовать при этомъ Е-до въ Токіо. Нѣкоторые изъ приближенныхъ микадо (принадлежавшіе къ числу прогрессистовъ) совѣтовали ему оставить дворцовую гвардію (симпеевъ) въ Кіото, но императоръ, подчинявшійся тогда еще вліянію реакціонеровъ, взялъ гвардейцевъ съ собою въ Токіо, хотя и зналъ, что они относятся чрезвычайно враждебно ко всякимъ новшествамъ и терпѣть не могутъ иностранцевъ. Вскорѣ, однако, возникло серьезное опасеніе, что крайняя консервативная партія, недовольная политикой императора, воспользуется дворцовою гвардіею, чтобы произвести государственный переворотъ. Это опасеніе побудило микадо отослать свою гвардію обратно въ Кіото. На пути туда гвардейцы умертвили военнаго министра, считавшагося наиболѣе энергичнымъ противникомъ войны съ западными варварами.

При такихъ обстоятельствахъ императору не оставалось иного выхода, какъ опереться на прогрессистовъ, которые, вмѣстѣ съ реакціонерами, помогли ему сломить умѣренно-либеральныхъ сторонниковъ сё-гуната. Къ величайшему огорченію реакціонеровъ, большинство которыхъ не могло или не хотѣло уяснить себѣ истинныя причины неожиданнаго и, по ихъ мнѣнію, пагубнаго переворота въ образѣ мыслей императора, онъ, только-что утвердившись на престолѣ, поспѣшилъ принять въ торжественной аудіенціи англійскаго, американскаго, французскаго, голландскаго, германскаго и русскаго пословъ, причемъ увѣрилъ ихъ въ искреннемъ своемъ желаніи поддерживать дружественныя сношенія со всѣми иностранными государствами. Вслѣдъ затѣмъ, правительство микадо заключило нѣсколько новыхъ договоровъ съ иностранными державами.

Проникшись убѣжденіемъ въ необходимости для Японіи стать полноправнымъ членомъ международной семьи культурныхъ государствъ, микадо, съ помощью прогрессистовъ, во главѣ которыхъ стояли бывшіе дайміо Сацумы и Чо-су, энергически старался пересадить въ Японію западно-европейскую науку и добытыя ею орудія матеріальнаго прогресса. Въ сравнительно короткій періодъ времени Японія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, создала себѣ сильный военный флотъ и превосходную армію, организовала горное дѣло, фабричную и заводскую промышленность и обзавелась много-

численнымъ торговымъ флотомъ. Одновременно съ этимъ выполнялись серьезныя административныя, финансовыя и юридическія реформы, и произошло коренное измѣненіе прежней системы народнаго образованія.

Послѣ того какъ феодальный строй въ Японіи покончилъ свое существованіе, какъ бы совершивъ надъ собою самоубійство, въ формѣ добровольнаго отказа дайміо отъ ихъ наслѣдственныхъ леновъ и привилегій, была учреждена въ 1871 году, на развалинахъ этого строя, централизованная бюрократическая администрація. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были устранены прежнія кастовыя ограниченія правъ на занятіе должностей въ государственной службѣ, отняты у буддизма преимущества, присвоенныя государственной религіи, учреждены монетный дворъ, почта и телеграфъ. Въ 1872 году послѣдовало открытіе въ Японіи первой желѣзной дороги (изъ Токіо въ Іокогаму). Въ 1873 году введены: оспопрививаніе, европейскій григоріанскій календарь и европейскіе костюмы для всѣхъ должностныхъ лицъ, а также отмѣнено запрещеніе японцамъ исповѣдывать христіанство. Употребленіе мясной пищи, фотографія и многія другія новшества, заимствованныя отъ западныхъ варваровъ, начали входить въ моду не безъ оффиціальнаго поощренія. Между прочимъ, императорскимъ указомъ запрещено было высшимъ сословіямъ носить косы.

Въ періодъ съ 1875 по 1885 годъ организовались японскія общества торговаго пароходства, отмѣнено было примѣненіе пытки при допросахъ, и произведена крупная финансовая реформа, благодаря которой пенсіи, полагавшіяся дайміо и самураямъ, были замѣнены единовременными выплатами. Въ Токіо открыты были въ 1878 году биржа и торговая палата. Съ 1880 года начало издаваться новое уложеніе, при составленіи котораго руководствовались по преимуществу кодексомъ Наполеона. Съ 1883 г. началъ дѣйствовать Верховный кассаціонный судъ, а въ 1884 г. включено было въ программу средне-образовательной школы обученіе англійскому языку. Промежутокъ времени съ 1885 по 1887 годъ получилъ у японцевъ прозвище О-цзисинъ (большое землетрясеніе) вслѣдствіе коренного переворота, происшедшаго тогда во внѣшнихъ формахъ японской жизни, національныя особенности которой словно утонули въ захлеснувшей ихъ сразу волнѣ подражанія европейскимъ образцамъ. Не только въ высшихъ, но и въ среднихъ слояхъ японскаго общества дѣвицы и дамы стали одѣваться по послѣдней парижской модѣ, танцовать вальсъ и па-де-катръ, тогда какъ мужчины сочли долгомъ пристраститься къ атлетическому спорту, игрѣ въ винтъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были произведены новыя административныя реформы, сводившіяся, главнымъ образомъ, къ сокращенію личнаго состава служащихъ почти во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія.

Быстрота, съ которою рушился въ Японіи феодальный строй,

объясняется въ значительной степени тѣмъ, что всѣ вообще должности переходили тамъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, вслѣдствіе чего фактическая власть давно уже сосредоточилась въ рукахъ мелкаго дворянства, вышедшаго изъ военнаго сословія и занимавшаго административныя должности. Перейдя, по упраздненіи сё-гуната, на службу микадо, оно усердно принялось за осуществленіе государственной реформы, которую находило для себя въ первое время очень выгодной. При такихъ обстоятельствахъ, эта реформа, первый починъ которой исходилъ отъ дайміо и кугё, пріобрѣла въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи характеръ, враждебный привилегіямъ аристократіи. Большинство феодальныхъ князьковъ и высшаго придворнаго дворянства было оттѣснено въ управленіи государствомъ бюрократіей, которая, однако, имѣла во главѣ бывшихъ дайміо Сацумы и Чосу. Крестьяне получили въ личную собственность тѣ земельные участки, которые они обрабатывали, состоя въ подданствѣ у дайміо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянское сословіе, а также купцы и ремесленники, освободились отъ гнета военной касты. Благодаря этому, всѣ попытки послѣдней противодѣйствовать государственной реформѣ оказались безуспѣшными. Съ другой стороны, и дайміо, уступивъ микадо свои владѣнія, лишились, правда, большихъ привилегій, но зато превратились въ крупныхъ титулованныхъ капиталистовъ, свободныхъ отъ обязательствъ, которыя налагалъ на нихъ прежній государственный строй. Убытки отъ государственной реформы понесли, главнымъ образомъ, самураи, представлявшіе собою наиболѣе интеллигентную часть японскаго населенія. Они оказались не у дѣлъ и утратили свои прежнія привилегіи. Правительство хотя и обязалось выплачивать имъ вѣчную и потомственную ренту, но вскорѣ замѣнило ее единовременной выдачей сравнительно небольшого капитала, частью наличными деньгами, частью же восьмипроцентными выкупными свидѣтельствами государственнаго казначейства. Эта финансовая реформа (о ней см. ниже, въ очеркѣ финансовъ Японіи) разорила въ конецъ самураевъ, которые, по своимъ традиціямъ, склонны считать себя стоящими выше закона и прибѣгать къ самосуду въ тѣхъ случаяхъ, когда считаютъ себя обиженными. Правительство всячески старалось поэтому ихъ успокоить и пріискать для нихъ соотвѣтственныя занятія. Самураи, убѣдившись въ невозможности борьбы съ новыми порядками, рѣшили стать во главѣ движенія и примкнуть къ прогрессистамъ. Они образуютъ теперь ядро правительственной партіи, которая, впрочемъ, поддерживаетъ императорскую власть лишь потому, что считаетъ въ данную минуту полезнымъ опираться на авторитетъ микадо. Съ каждымъ годомъ, однако, все болѣе усиливаются въ ея рядахъ сторонники перехода къ республи-

канской формѣ правленія. Самураи понынѣ оказываютъ сильнѣйшее вліяніе не только на внѣшнюю политику Японіи, но и на весь вообще строй государственной и общественной японской жизни. Во главѣ большинства торговыхъ и промышленныхъ финансовыхъ предпріятій стоятъ прежніе самураи или ихъ потомки, въ рукахъ которыхъ находятся также газетное дѣло и вся вообще публицистика.

Въ вопросѣ о вѣротерпимости императорское правительство оказалось сразу же поставленнымъ въ самое неловкое положеніе. Какъ реакціонеры, такъ и прогрессисты не были расположены покровительствовать проповѣди христіанства въ Японіи, но въ то же время совѣтники микадо сознавали невозможность воспретить иноземцамъ свободное исповѣданіе ихъ религій. Вскорѣ послѣ открытія японскихъ портовъ для иностранной торговли французскіе католическіе миссіонеры организовали въ окрестностяхъ Нагасаки нѣсколько христіанскихъ общинъ. Видя, что число новообращенныхъ начинаетъ возрастать, императорское правительство присудило нѣсколько сотъ японскихъ христіанъ къ тюремному заключенію, а въ 1868 году сослало 4100 христіанъ на отдаленные острова. Въ 1870 году мѣстнымъ властямъ было вновь предписано принять самыя строгія мѣры противъ распространенія христіанства, и одновременно съ этимъ отправлено въ ссылку болѣе трехъ тысячъ христіанъ. Лишь въ 1873 году правительство микадо, уступая давленію иностранныхъ державъ, перестало преслѣдовать своихъ подданныхъ христіанскаго вѣроисповѣданія; указы же противъ распространенія христіанства отмѣнены только въ 1876 году, когда объявлена была полная свобода вѣроисповѣданія.

Преобразованіе японскаго государственнаго строя увѣнчалось 11 февраля 1889 года провозглашеніемъ конституціи. Какъ уже упомянуто, микадо обѣщалъ ее даровать еще въ мартѣ 1868 года, но она вступила въ дѣйствіе лишь въ 1890 году. Въ предшествовавшій ей періодъ реформъ императорскому правительству неоднократно приходилось подавлять попытки къ возстанію, въ которыхъ главное участіе принимали недовольные слои самураевъ. Поводомъ къ первой изъ этихъ попытокъ послужило оскорбленіе, нанесенное японскому послу корейскимъ державцемъ, носившимъ тогда еще титулъ короля. Онъ долго отказывался принять посольство микадо и выслушать сообщеніе о государственномъ переворотѣ, совершившемся въ Японіи. Наконецъ, въ 1873 году, допустивъ посольство къ аудіенціи, король откровенно заявилъ, что государство, поступившееся національными своими учрежденіями, дабы подражать нравамъ и обычаямъ западныхъ варваровъ, заслуживаетъ, по его мнѣнію, глубочайшаго презрѣнія. Японскіе самураи потребовали немедленнаго объявленія Кореѣ войны. Микадо обратился предварительно въ Пекинъ съ оффиціальнымъ запросомъ объ

отношеніяхъ Китая къ Кореѣ. Правительство богдыхана, желая избѣжать непріятныхъ осложненій, къ которымъ не было подготовлено, объявило, что считаетъ Корею совершенно независимымъ государствомъ. Микадо собирался уже двинуть свои войска въ Корею, но японское посольство, вернувшееся какъ-разъ къ тому времени изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, посовѣтовало ему не отвлекаться отъ болѣе важнаго, тогда еще незаконченнаго, дѣла внутреннихъ реформъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся военныхъ вождей и сановниковъ, занимавшіе важныя государственныя должности, вышли тогда въ отставку.

Двое изъ нихъ: Е-то Симпей и Си-ма Цзю, собравъ подъ свои знамена нѣсколько тысячъ самураевъ, овладѣли укрѣпленнымъ городомъ Сага и всѣмъ прилегавшимъ къ нему округомъ. Императорскія войска, обученныя по-европейски, не замедлили, однако, одержать надъ ними верхъ, послѣ чего вожди возстанія были взяты въ плѣнъ и казнены, а самый мятежъ—потушенъ.

Два года спустя произошло возстаніе сторонниковъ крайней консервативной партіи, называвшихъ себя «ками-казеренъ» (небесными ополченцами). Имъ удалось овладѣть двумя округами, но затѣмъ собранныя ими войска были разбиты на-голову. Опаснѣе другихъ было вспыхнувшее въ 1877 году сацумское возстаніе, которымъ руководилъ бывшій государственный канцлеръ Сай-го Така-мори, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ микадо. Раздѣляя воззрѣнія умѣренной группы прогрессистовъ, онъ вышелъ въ отставку, когда у кормила правленія стали крайніе радикалы. Удалившись тогда въ свои помѣстья, онъ созвалъ прежнихъ вассаловъ и, при содѣйствіи многихъ бывшихъ дайміо, организовалъ небольшую хорошо обученную армію, которая нанесла императорскимъ войскамъ нѣсколько пораженій. Послѣднія получили, однако, значительныя подкрѣпленія и одержали верхъ надъ храбрыми самураями въ битвѣ подъ Сиро-яма, въ которой погибъ и самъ Сай-го Така-мори.

Внѣшняя политика нынѣ царствующаго микадо была до послѣдняго времени довольно успѣшной. Въ 1872 году онъ присоединилъ къ Японіи острова Ріу-Кіу, которые до тѣхъ поръ состояли подъ совмѣстнымъ покровительствомъ Японіи и Китая. Микадо переименовалъ сперва короля этихъ острововъ въ своего намѣстника, а когда онъ, въ 1879 году, началъ ходатайствовать о разрѣшеніи пользоваться, сверхъ того, и покровительствомъ богдыхана, его арестовали по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Самое намѣстничество было тогда же упразднено, и архипелагъ Ріу-Кіу переименованъ въ Окинавскій округъ, что китайское правительство оставило, впрочемъ, безъ всякаго протеста.

Въ 1874 году туземцы острова Формозы умертвили нѣсколькихъ моряковъ съ архипелага Ріу-Кіу, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Микадо тотчасъ же потребовалъ за это удовлетвореніе отъ правительства богдыхана, которое объяснило ему, что не считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать за поступки формозскихъ дикарей, не принадлежащихъ къ китайской національности. Отправленныя тогда на Формозу японскія войска не только строжайше наказали попавшихся имъ дикарей, но заняли многіе пункты восточной окраины острова и, повидимому, не собирались оттуда уходить. Китайскому правительству пришлось, наконецъ, объявить, что Формоза вся цѣликомъ принадлежитъ богдыхану. Смѣшанная комиссія изъ японскихъ и китайскихъ уполномоченныхъ никакъ не могла придти къ соглашенію, и дѣло уладилось безъ войны лишь благодаря посредничеству англійскаго посла при пекинскомъ дворѣ. Китай обязался уплатить японскимъ подданнымъ за причиненные имъ убытки и вознаградить правительство микадо за издержки по оккупаціи восточной окраины острова Формозы, исчисленныя въ пятьсотъ тысячъ ланъ, т.-е. въ милліонъ рублей.

Въ 1875 году имперія Восходящаго Солнца, по заключенному съ Россіей договору, отказалась отъ своихъ правъ на Сахалинъ (южная часть котораго ей номинально принадлежала) и получила взамѣнъ въ полную собственность Курильскіе острова. Въ 1876 году были оффиціально присоединены къ Японіи, по соглашенію съ иностранными державами, острова Огаса-вара, куда сё-гунатъ, за послѣднее время своего существованія, ссылалъ чужеземцевъ, попадавшихся ему въ руки.

Корейско-японскія отношенія и японо-китайская война.

Въ 1875 году корейцы, раздраженные тѣмъ, что японское военное судно производило промѣры въ устьѣ рѣки, на которой расположена ихъ столица, пригласили его удалиться и, не получая отвѣта, открыли по немъ огонь съ береговыхъ батарей. Японцы заставили замолчать эти батареи и сожгли по сосѣдству городъ Ёнгъ-чонгъ, а затѣмъ потребовали отъ корейцевъ удовлетворенія. Послѣ долгихъ колебаній корейское правительство согласилось просить у микадо извиненія и заключить съ Японіею (въ 1876 году) договоръ, по которому Японія признала ее независимымъ государствомъ, но выхлопотала себѣ разрѣшеніе содержать въ Кореѣ консуловъ и основать торговыя факторіи сперва на южномъ, потомъ на восточномъ, и, наконецъ, на западномъ корейскомъ прибрежьѣ. Это былъ первый договоръ, заключенный Кореею съ какою-либо державою. Японскій посолъ до того открыто вмѣшивался во внутреннія корейскія дѣла

что во время безпорядковъ, происходившихъ въ Сеулѣ въ 1882 году и вызванныхъ отчасти его агитаціей, вынужденъ былъ бѣжать сперва въ Чемульпо, а затѣмъ въ Нагасаки, куда онъ прибылъ на англійскомъ военномъ суднѣ. Возстановивъ съ помощью китайскихъ войскъ спокойствіе и порядокъ, корейское правительство уплатило Японіи пятьсотъ тысячъ іенъ и предоставило ей право охранять посольство микадо въ Сеулѣ военнымъ отрядомъ. Въ 1884 году образовались въ Кореѣ три партіи, одна изъ которыхъ искала покровительства Россіи, другая хотѣла опереться на Японію, а третья продолжала возлагать свои надежды на Китай. Японская партія, особенно опасавшаяся сторонниковъ Китая, рѣшилась отъ нихъ отдѣлаться. Съ этою цѣлью ея вождь пригласилъ наиболѣе выдающихся сторонниковъ китайской партіи къ себѣ на обѣдъ, но они провѣдали объ имѣвшемся намѣреніи умертвить ихъ за дессертомъ и уклонились отъ такого угощенія. Тогда японская партія пробралась ночью во дворецъ, захватила короля въ свои руки и заставила его подписать приказы, приглашавшіе наиболѣе вліятельныхъ сторонниковъ китайской партіи явиться къ нему на другой день утромъ для объясненій. Всѣ приглашенные были зарѣзаны у входа въ дворцовыя ворота. Расправившись, такимъ образомъ, со своими противниками, японская партія обратилась къ посланнику микадо съ просьбою взять на себя охрану корейскаго короля. Посланникъ, съ двумя сотнями солдатъ, немедленно же устремился ко дворцу, но оказалось, что его предупредилъ тамъ китайскій мандаринъ, располагавшій трехтысячнымъ военнымъ отрядомъ, у котораго король немедленно же просилъ помощи противъ бунтовщиковъ и лицъ, подстрекавшихъ ихъ къ бунту. Японскій посланникъ вторично бѣжалъ послѣ того въ Чемульпо, а вожди японской партіи, которымъ удалось спастись, укрылись въ Японіи. Разъяренная чернь сожгла зданіе японскаго посольства въ Сеулѣ. Одновременно съ этимъ многіе изъ японцевъ, проживавшихъ въ корейской столицѣ, были убиты китайскими солдатами.

Японскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ину-Іе, прибывъ въ Сеулъ, убѣдилъ корейское правительство выстроить новое зданіе для японскаго посольства и оффиціально просить извиненія за обиду, нанесенную представителю микадо. Въ виду того, что главное участіе въ избіеніи японцевъ принимали китайскіе солдаты, Японія потребовала удовлетворенія отъ правительства богдыхана и заключила въ апрѣлѣ 1885 года съ Китаемъ договоръ, по которому обѣ державы обязались вывести свои войска и не посылать въ Корею военныхъ инструкторовъ. Въ третьемъ пунктѣ договора значилось: «если бы обѣимъ договаривающимся державамъ, или же одной изъ нихъ, пришлось, въ случаѣ возстанія или другихъ важныхъ событій

въ Кореѣ, отправить туда войска, обѣ державы должны предварительно условиться другъ съ другомъ о необходимыхъ мѣропріятіяхъ и, по возстановленіи спокойствія, тотчасъ же вывести свои войска изъ Кореи, не оставляя тамъ ни подъ какимъ видомъ своихъ гарнизоновъ». Текстъ этой статьи интересенъ въ томъ отношеніи, что правительство микадо, истолковавъ его потомъ съ маленькою натяжкою, сочло себя въ правѣ вмѣшаться въ 1894 году въ корейскія дѣла и, въ виду энергическаго протеста со стороны Китая, объявило этой державѣ войну.

Во всякомъ случаѣ, корейское правительство тяготѣло скорѣе къ Китаю, чѣмъ къ Японіи и, начиная съ 1885 года, приняло рядъ мѣръ, наносившихъ ущербъ японскимъ торговымъ интересамъ. Такъ, въ іюлѣ этого года китайцы получили разрѣшеніе соединить телеграфомъ Пекинъ съ Сеуломъ и выговорили себѣ право завѣдывать всѣми телеграфами въ Кореѣ, несмотря на то, что уже существовалъ договоръ съ Японіею, въ силу котораго послѣдняя пріобрѣла исключительное право на устройство въ королевствѣ телеграфныхъ линій. Въ 1887 году губернаторъ одной изъ корейскихъ провинцій воспретилъ продажу риса японскимъ экспортерамъ, что нанесло послѣднимъ значительный убытокъ. Въ 1891 г. корейское правительство, вопреки договорамъ, запретило японцамъ заниматься ловлею рыбы у острова Квельпартъ, и въ томъ же году воспрещенъ вывозъ изъ Кореи бобовъ, причемъ японцы потеряли около 150000 іенъ; наконецъ, правительство Кореи дало субсидію обществу корейскихъ и китайскихъ купцовъ для устройства пароходнаго сообщенія между полуостровомъ и главными портами Востока, что клонилось къ отнятію у Японіи крупной статьи дохода. Все это раздражало общественное мнѣніе въ Японіи и подавало парламентской оппозиціи поводъ упрекать правительство въ слабости, въ отсутствіи энергіи и недостаточномъ пониманіи національныхъ интересовъ.

Внутреннія реформы, столь поспѣшно произведенныя, не могли сразу же привиться и встрѣчали тѣмъ болѣе многочисленныхъ противниковъ, что иниціаторами и выполнителями этихъ реформъ являлись представители лишь нѣкоторыхъ изъ прежнихъ клановъ (феодальныхъ родовъ съ ихъ бывшими вассалами). Сдѣлавшись членами конституціоннаго кабинета, но оставаясь неотвѣтственными передъ парламентомъ *), они захватили всю власть въ свои руки. Вслѣдствіе этого, правительству приходилось имѣть въ парламентѣ дѣло съ оппозиціей всѣхъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ тѣмъ кланамъ, которые были фактически отстранены отъ кормила правленія. Враждебное отношеніе парламентскаго большинства къ

*) Объ этомъ см. ниже въ очеркѣ государственнаго устройства Японіи.

правительству еще сильнѣе обострялось безсиліемъ повліять на составъ министерства. Удобнымъ предлогомъ для ожесточенныхъ нападковъ на правительство (явившихся видоизмѣненіемъ прежней борьбы между феодальными кланами изъ-за власти) служило также требованіе оппозиціей неотложнаго пересмотра международныхъ договоровъ, которые, ограничивая судебную и таможенную независимость Японіи и ставя ее въ сношеніяхъ съ Европою на ряду съ Китаемъ и Персіею, напр., представлялись японцамъ оскорбительными для ихъ національнаго самолюбія. При этомъ оппозиція не принимала во вниманіе невозможность для правительства микадо добиться немедленно заключенія новыхъ международныхъ договоровъ на основѣ полной равноправности Японіи съ давнишними культурными державами. Роптали и народныя массы, такъ какъ быстрое превращеніе въ могущественную военную державу было сопряжено съ усиленіемъ податного бремени. Ненормальныя отношенія между правительствомъ и парламентомъ обострились, въ январѣ 1894 года, до того, что ближайшіе совѣтники императора считали единственнымъ спасеніемъ для установившагося въ Японіи порядка вещей такое крупное событіе, которое могло бы объединить всѣ партіи въ одномъ общемъ порывѣ, въ одномъ общемъ стремленіи, направленномъ къ достиженію завѣтной цѣли давнишнихъ народныхъ чаяній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически доказало бы цѣлесообразность громадныхъ затратъ, произведенныхъ правительствомъ на усиленіе арміи и флота. Такимъ событіемъ, очевидно, могла быть только война съ Китаемъ; поводомъ же къ ней послужили безпорядки, происходившіе тогда въ Кореѣ, которую Японія давно уже стремилась подчинить своему вліянію. Правительство богдыхана, на самомъ дѣлѣ и не думавшее отказываться отъ верховныхъ своихъ правъ на Корею, старалось, по возможности, противодѣйствовать непрестаннымъ усиліямъ японцевъ окончательно забрать въ свои руки страну Утренняго Спокойствія. Между тѣмъ, японскій народъ явственно сознавалъ желательность завладѣть этою страною мирнымъ путемъ или же силою оружія, чтобы выдѣлить туда избытокъ своего населенія, которому становится уже тѣсно на родинѣ.

Несмотря на то, что Японія протяженіемъ своимъ была въ тридцать разъ меньше Китая и обладала населеніемъ всего лишь въ 42 милліона, тогда какъ въ Небесной Имперіи насчитывалось до 426 милл. жителей, правительство микадо имѣло полное основаніе ожидать, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, маленькая Японія неизбѣжно одержитъ верхъ надъ громаднымъ Китаемъ. Ручательствомъ въ этомъ служили отсутствіе организаціи и тактической подготовки всей почти китайской арміи и флота, крайне неудовлетворительный составъ корпуса офицеровъ,

разнообразіе вооруженія, въ большинствѣ случаевъ совершенно устарѣлаго, недоброкачественность многихъ закупленныхъ въ Европѣ партій современнаго оружія и боевыхъ припасовъ, обусловленная взяточничествомъ и казнокрадствомъ чиновниковъ, которымъ было поручено произвести эти закупки. Хуже всего оказывались войска, навербованныя изъ природныхъ китайцевъ, такъ какъ туда поступали исключительно только подонки населенія (у китайцевъ военное дѣло считается занятіемъ позорнымъ и предосудительнымъ. Существуетъ даже поговорка: хорошій человѣкъ не пойдетъ въ солдаты). Военный флотъ былъ немногимъ лишь лучше сухопутной арміи. Боевое значеніе какъ этого флота, такъ и береговыхъ укрѣпленій значительно ослаблялось ролью, которую играло при ихъ сооруженіи стремленіе къ наживѣ у мандариновъ и европейскихъ заводчиковъ. На ряду съ грозными фортами и батареями, обращенными къ морю, береговыя укрѣпленія, недавно построенныя, дорого стоившія, оказывались почти беззащитными съ сухого пути. Снаряженіе боевыхъ судовъ тоже оставляло желать много лучшаго. Нѣкоторые изъ болѣе дальновидныхъ китайскихъ сановниковъ сознавали для Китая необходимость коренной реформы въ постановкѣ военнаго дѣла и старались, по мѣрѣ возможности, объ усиленіи государственной обороны въ подвѣдомственныхъ имъ областяхъ, но стремленія ихъ не встрѣчали сочувствія и поддержки не только въ народныхъ массахъ, но даже и въ правительственныхъ сферахъ, которыя, очевидно, не были въ достаточной степени вразумлены печальными результатами прежнихъ столкновеній Небесной Имперіи съ западными варварами. При такихъ обстоятельствахъ знаменитый китайскій государственный дѣятель Ли-хун-чжанъ оказался, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, не въ силахъ выполнить задуманную имъ программу организаціи для Китая надежныхъ сухопутныхъ и морскихъ боевыхъ силъ, и въ 1894 году Срединное царство было совершенно не подготовлено къ войнѣ съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ Японія.

Дѣйствительно, имперія микадо за какія-нибудь двадцать лѣтъ успѣла выработать у себя хорошій боевой флотъ и превосходную сухопутную армію, взявъ себѣ за образецъ современную систему организаціи и обученія европейскихъ войскъ. Качественный составъ японской арміи, въ виду свойственной японцамъ воинственности, поддерживавшейся убѣжденіемъ въ непобѣдимости, можно было признать весьма удовлетворительнымъ. Молодые офицеры имѣли хорошую теоретическую подготовку, которая, однако, до нѣкоторой степени хромала у высшаго командн аго элемента. Побѣдоносная война должна была, во всякомъ случаѣ, благопріятно подѣйствовать на японскую армію, окончательно сплотивъ ее въ органическое цѣлое, чуждое духа партій, являвшагося переживаніемъ феодальнаго прошлаго.

Въ апрѣлѣ 1894 года, обычное въ Кореѣ возстаніе крестьянъ противъ притѣснявшихъ ихъ правительственныхъ чиновниковъ превратилось, благодаря участію въ нихъ тайнаго общества тонг-гаковъ (крайнихъ консерваторовъ), въ настоящій мятежъ, подавить который правительство оказалось не въ силахъ, такъ какъ бунтовщикамъ удалось разбить на-голову правительственныя войска. Китайское правительство по просьбѣ корейскаго короля отправило ему на помощь свои войска, о чемъ Ли-хун-чжанъ немедленно же увѣдомилъ японское правительство, присовокупляя, что войска эти тотчасъ же, по подавленіи возстанія, будутъ отозваны обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было понять, что Китай вмѣшивается въ корейскія дѣла единственно только по своей обязанности сюзерена и не нуждается въ содѣйствіи японскихъ войскъ для возстановленія спокойствія и порядка въ вассальномъ богдыхану корейскомъ королевствѣ.

Правительство микадо напомнило, что въ 1873 году самъ Китай признавалъ Корею независимымъ государствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно безотлагательно послало въ Корею цѣлую бригаду, которая и высадилась въ Чемульпо 12 іюня, черезъ четыре дня послѣ высадки полуторатысячнаго отряда китайскихъ войскъ въ А-санѣ. При этомъ оффиціально заявлялось, что войска эти посылаются для огражденія японскаго посольства, консульствъ и живущихъ въ Кореѣ японскихъ подданныхъ. Тотчасъ же, по прибытіи въ Корею, японскія войска заняли важную въ стратегическомъ отношеніи позицію на дорогѣ изъ Чемульпо въ Сеулъ, а десять военныхъ японскихъ судовъ явились на рейдѣ въ Чемульпо. 17 іюня японское правительство предложило китайскому подавить общими силами возстаніе въ Кореѣ, а затѣмъ назначить уполномоченныхъ для разслѣдованія причинъ возникновенія тамъ безпорядковъ, побудить корейскаго короля къ принятію необходимыхъ мѣръ для предотвращенія таковыхъ на будущее время и къ усиленію корейской арміи до такой численности, при которой она въ состояніи будетъ, дѣйствительно, ограждать спокойствіе и порядокъ внутри страны. Черезъ пять дней послѣ того правительство богдыхана отвѣтило, что возстаніе въ Кореѣ уже подавлено, а потому не представляется ни малѣйшей надобности въ какомъ-либо совмѣстномъ дѣйствіи Китая и Японіи; что Китай не имѣетъ въ виду вмѣшиваться во внутреннія корейскія дѣла и предоставляетъ корейскому правительству производить по собственному почину такія реформы, какія оно признаетъ нужными; что Японія, съ самаго начала признававшая Корею независимымъ государствомъ, безспорно, послѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣру Китая. Правительство микадо въ тотъ же день возразило, что Японія, въ виду дружественныхъ чувствъ, питаемыхъ ею къ Кореѣ, а также необходимости оградить свои соб-

ственные интересы, считаетъ невозможнымъ вывести изъ Кореи свои войска, пока тамъ, на самомъ дѣлѣ, не водворится прочный порядокъ. Присвоивъ себѣ такимъ образомъ право протектората надъ Кореей, Японія потребовала отъ корейскаго правительства проведенія цѣлой программы внутреннихъ реформъ. Соглашаясь на нихъ въ принципѣ, корейское правительство ставило условіемъ предварительное удаленіе японскихъ войскъ. Совѣтники микадо усмотрѣли въ этомъ китайскую интригу. 19 іюля японскій посолъ предложилъ корейскому правительству, чтобы оно, въ знакъ своей независимости, пригласило Китай удалить изъ Кореи свои войска, прибывшія туда подъ предлогомъ возстановленія порядка въ государствѣ, вассальномъ Китаю, и кстати объявило бы объ отмѣнѣ всѣхъ прежнихъ корейско-китайскихъ договоровъ. По истеченіи трехъ дней, не получая отвѣта на это предложеніе, посланникъ рѣшился принудить корейское правительство къ категорическому отвѣту и 23 іюля, подъ прикрытіемъ сильнаго японскаго военнаго отряда, направился къ королевскому дворцу. Ему объявили, что дворцовый караулъ не можетъ пустить во дворецъ чужеземныя, хотя бы даже и дружественныя, войска, но, несмотря на это предостереженіе, онъ приказалъ японскому отряду идти впередъ. Когда японцы подошли къ воротамъ и наотрѣзъ отказались удалиться, корейскіе солдаты открыли по нимъ огонь. Посланникъ со своимъ отрядомъ взялъ тогда дворецъ штурмомъ, причемъ было убито 17 и ранено 70 корейцевъ, тогда какъ у японцевъ уронъ ограничился лишь однимъ убитымъ и двумя ранеными. Корейскій король, очутившись нежданно-негаданно подъ непрошеннымъ покровительствомъ японскаго отряда, занявшаго тотчасъ же караулы у всѣхъ дворцовыхъ воротъ, счелъ наиболѣе благоразумнымъ безпрекословно согласиться на предложенія японскаго посла. Онъ поручилъ ему принять надлежащія мѣры къ удаленію китайскихъ войскъ изъ А-саня, отмѣнилъ всѣ предшествовавшіе договоры между Кореею и Китаемъ, передалъ управленіе королевствомъ своему отцу и повелѣлъ строго наказать прежнихъ своихъ министровъ, дерзавшихъ съ недовѣріемъ относиться къ японской дружбѣ.

Тѣмъ временемъ Ли-хун-чжанъ моремъ отправилъ къ китайскимъ войскамъ подкрѣпленія. Транспортная флотилія собралась у Вэй-хай-вэя и подъ защитою четырехъ военныхъ судовъ пошла къ А-саню. Находившійся въ составѣ флотиліи англійскій пароходъ «Коушингъ» уклонился нѣсколько къ сѣверу и встрѣтился съ тремя шедшими отъ Чемульпо японскими крейсерами. Замѣтивъ присутствіе на транспортѣ китайскихъ войскъ, японцы потребовали сдачи и, получивъ отказъ, затопили «Коушингъ» пущенной въ него миной. На «Коушингѣ» находились китайскій отрядъ въ 1200 человѣкъ и пароходная

команда въ 75 человѣкъ. Изъ нихъ удалось спастись всего только 170 человѣкамъ, которые доплыли до ближайшихъ острововъ и были сняты оттуда германскою канонерскою лодкою.

Расправившись съ «Коушингомъ», японскіе крейсеры направились къ югу и встрѣтили остальныя китайскія суда почти у самаго входа въ А-саньскую гавань. Навстрѣчу имъ вышли три китайскихъ крейсера, которые, однако, послѣ непродолжительнаго боя, очевидно, являвшагося для нихъ сюрпризомъ, обратились въ бѣгство. Одинъ изъ нихъ потерпѣлъ такія поврежденія, что вынужденъ былъ спустить флагъ. Китайскій броненосецъ, не принимавшій участія въ боѣ, ушелъ съ нѣсколькими транспортами обратно въ Вэй-хай-вэй, но бо́льшая часть транспортовъ успѣла войти въ А-саньскую гавань и высадить войска на берегъ.

Продолжая выполнять «порученіе» корейскаго короля, японскій посланникъ пригласилъ командира оккупаціоннаго отряда удалить китайскія войска изъ А-саня. Послѣдній отказался подчиниться этому приказу. Тогда генералъ Осима, съ девятой японской бригадой, разбилъ на-голову китайцевъ, но вслѣдствіе недостатка кавалеріи и крайняго утомленія пѣхоты, изнуренной ночнымъ маршемъ, не могъ преслѣдовать китайскія войска, которыя, совершивъ длинный обходъ, присоединились къ сосредоточивавшимся у Пеньяна (Пхіонъ-янъ) маньчжурскимъ войскамъ. Черезъ три дня послѣ того, а именно 1 августа новаго стиля, Японія оффиціально объявила Китаю войну.

Война эта застала китайцевъ совершенно врасплохъ. У нихъ не имѣлось заранѣе выработаннаго операціоннаго плана. Тѣмъ не менѣе, они надѣялись, что успѣютъ еще собрать свои силы и приготовиться къ отпору. Напротивъ того, японцы, располагая прекрасно организованной арміей, которую можно было быстро привести въ боевую готовность, имѣли тщательно выработанный заранѣе планъ войны съ Китаемъ, сводившійся къ уничтоженію или парализованію китайскаго флота въ Желтомъ морѣ, къ овладѣнію Ляодунскимъ и Шаньдунскимъ полуостровами и къ высадкѣ значительныхъ силъ на чжилійское побережье. При этомъ имѣлось въ виду двинуть отдѣльную армію черезъ Корею на Маньчжурію, чтобы отвлечь вниманіе китайцевъ отъ пункта, гдѣ предполагалось нанести главный ударъ, задержать китайскія войска въ Маньчжуріи и упрочить за собою Корею.

Сразу же оказавшись полными хозяевами на морѣ и захвативъ еще до объявленія войны всю южную часть Кореи, не исключая и столицы, японцы къ концу августа перевезли уже въ Корею около 40000 человѣкъ. Китайское правительство, смущенное первыми неожиданными успѣхами японцевъ, принялось хлопотать о формированіи новыхъ частей войскъ, заготовленіи боевыхъ и продовольствен-

ныхъ запасовъ и прiисканiи перевозочныхъ средствъ. Эти запоздалыя хлопоты, при отсутствіи обще-имперской военно-административной организаціи, приводили, однако, къ результатамъ, которые далеко не соотвѣтствовали громадности произведенныхъ затратъ. Въ половинѣ сентября мѣсяца китайцамъ удалось сосредоточить въ Пеньянѣ всего лишь отрядъ въ 15000 человѣкъ. Войска эти были къ тому же весьма плохого качества; изъ Маньчжуріи въ Корею они шли вразбродъ, грабили мирное населеніе, и многіе дезертировали. Вмѣсто бѣжавшихъ принимали на службу нищихъ и кули, оставшихся безъ заработка. Въ арміи было много разноцвѣтныхъ знаменъ и значковъ, но мало европейскихъ ружей. Штыки, надѣтые на палки, бердыши, луки, копья, фитильныя ружья — таково было вооруженіе китайскихъ войскъ. Лучшими войсками были отборныя конныя части изъ состава мукдэньскаго гарнизона (они имѣли современное оружіе), но для поддержанія хоть сколько-нибудь сноснаго порядка въ ихъ рядахъ приходилось, все-таки, прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ строгости. Японскій генералъ Нодзу, успѣвшій, вѣроятно, собрать черезъ шпіоновъ точныя свѣдѣнія о степени боевой пригодности такого противника, не захотѣлъ ожидать прибытія подкрѣпленія, которое, численностью въ 5 полковъ, находилось въ разстояніи всего лишь пяти или шести переходовъ, и атаковалъ китайцевъ съ имѣвшимся у него 16000-нымъ отрядомъ. При этомъ онъ разбросалъ свой отрядъ по фронту въ пятьдесятъ верстъ, такъ что главныя силы были отдѣлены отъ авангарда рѣкою, и не обезпечилъ себя даже общимъ резервомъ. Понятно, что со всякимъ другимъ противникомъ ему пришлось бы дорого поплатиться за такое пренебреженіе основными правилами военнаго искусства. Если бы китайскіе и маньчжурскіе генералы, имѣвшіе благодаря многочисленной своей конницѣ обстоятельныя свѣдѣнія о численности и движеніяхъ японскихъ войскъ, сами перешли въ наступленіе, вмѣсто того, чтобы пассивно ожидать непріятельской атаки, то они могли бы, пожалуй, разбить японскія войска по частямъ и уничтожить ихъ въ конецъ. Полное бездѣйствіе противника, очевидно, возлагавшаго всѣ свои надежды на крѣпкую позицію, дало возможность японцамъ закончить рискованный свой маневръ и подойти къ ней, почти одновременно, со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, японцамъ и тутъ удалось одержать побѣду лишь благодаря тому, что китайскія войска не оказывали другъ другу надлежащей взаимной поддержки и не переходили въ наступленіе даже и тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ оказывалось подавляющее превосходство силъ. Послѣ упорнаго боя, чрезвычайно утомившаго японцевъ, они овладѣли всѣми передовыми укрѣпленіями, но были вынуждены остановиться передъ главной оградой. Окруженныя въ ней китайскія войска вступили съ

ними въ переговоры и, затянувъ ихъ до поздняго вечера, устремились всѣми силами на японскій пѣхотный полкъ, который загораживалъ имъ путь отступленія. Несмотря на убійственный огонь японцевъ и смѣлую атаку японской конницы, китайцы успѣли уйти по направленію къ сѣверу. На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, японцы вступили въ Пеньянъ, гдѣ нашли брошенную китайцами артиллерію, 400000 рублей деньгами, большіе запасы риса и боевыхъ патроновъ. Китайцы потеряли около 5000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, уронъ же японцевъ ограничивался 36-ю офицерами и 597-ю нижними чинами. На другой день послѣ того произошло, близъ устья рѣки Ялу, неудачное для китайцевъ морское сраженіе. Сѣверная китайская эскадра, подъ прикрытіемъ которой благополучно высадился на берегъ пятитысячный отрядъ отборныхъ войскъ, слишкомъ поздно отправленныхъ на помощь къ пеньянской арміи, неожиданно увидѣла передъ собою японскую эскадру и, чтобы спасти транспортныя свои суда, двинулась ей навстрѣчу. Японцы имѣли громадный перевѣсъ надъ китайцами въ тяжелой скорострѣльной своей артиллеріи (56 пушекъ противъ 8) и значительный перевѣсъ въ легкихъ скорострѣльныхъ орудіяхъ (153 противъ 102), но японская эскадра состояла только изъ быстроходныхъ крейсеровъ, тогда какъ китайская имѣла два тяжелыхъ броненосца. Благодаря искусному маневрированію японской эскадры и недостаточной боевой подготовкѣ офицеровъ и матросовъ китайскаго флота, фактическая побѣда склонилась на сторону японцевъ, несмотря на мужество, выказанное командами нѣкоторыхъ судовъ, продолжавшими сражаться, идя ко дну подъ градомъ японскихъ снарядовъ. Не умѣя справиться съ начинавшимся пожаромъ, китайскія суда обыкновенно обращались въ бѣгство, тогда какъ японскія суда, при такихъ же обстоятельствахъ, употребляли всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ и снова занять мѣсто въ строю.

Китайцы приписывали успѣхъ боя себѣ, такъ какъ главная цѣль его—прикрыть высадку войскъ—была достигнута. Къ тому же японская эскадра, израсходовавъ въ тщетной попыткѣ разстрѣлять китайскіе броненосцы всѣ свои снаряды, должна была отступить. На самомъ дѣлѣ, однако, китайцы окончательно потеряли въ бою 5 судовъ и до 1000 человѣкъ убитыми и ранеными. У японцевъ выбыло изъ строя четыре судна, которыя были, однако, вскорѣ исправлены въ портахъ. Уронъ же убитыми и ранеными не превышалъ четырехсотъ человѣкъ. Сраженіе при Пеньянѣ отдало въ руки японцевъ всю Корею, разгромъ китайскаго флота въ устьѣ рѣки Ялу доставилъ имъ рѣшительное господство на морѣ и обезпечилъ отъ возможныхъ со стороны китайцевъ попытокъ произвести новый десантъ въ какомъ-либо пунктѣ Корейскаго полуострова. Въ Японіи мечтали, однако, о дальнѣйшихъ

блестящихъ успѣхахъ. Въ пѣснѣ для солдатъ, сочиненной тогда однимъ изъ японскихъ поэтовъ, говорилось: «Настало время водрузить знамя Восходящаго Солнца на стѣнахъ китайской столицы... Впередъ на Пекинъ! Война начата изъ-за Кореи, но отъ воли императора будетъ зависѣть, какъ обезпечить благополучіе Востока».

Слѣдовавшія затѣмъ военныя дѣйствія имѣли для японцевъ (какъ справедливо замѣчаетъ капитанъ генеральнаго штаба Симанскій) характеръ какого-то маневра съ обозначеннымъ противникомъ. Японцамъ приходилось въ значительно бо̀льшей степени бороться съ препятствіями, представляемыми природой и мѣстными условіями (отсутствіе дорогъ, пересѣченная мѣстность, затруднительность подвоза, суровое время года, морозъ, неблагопріятныя условія климата для непривычнаго къ нему японца), чѣмъ съ сопротивленіемъ китайцевъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно ничтожнымъ. Непродолжительный бой, законченный японцами, обходъ одного изъ фланговъ и затѣмъ бѣгство противника—вотъ обычная картина встрѣчъ японскихъ и китайскихъ войскъ.

Спустя приблизительно пять недѣль послѣ пеньянскаго боя, японцы, тщательно подготовившіеся во время этого затишья, переправились черезъ Ялу, и утромъ 26 октября атаковали шестнадцатитысячный китайскій отрядъ, занимавшій укрѣпленную позицію при Кіулендзѣ. На этотъ разъ на сторонѣ японцевъ былъ также и численный перевѣсъ, такъ какъ въ бою участвовала почти вся ихъ сѣверная армія, въ которой насчитывалось до 28000 человѣкъ подъ командой графа Ямагаты. Послѣ трехчасовой горячей схватки, китайцы обратились въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ побѣдителей свой лагерь со всѣми запасами, 32 орудія и многочисленныхъ плѣнныхъ. Японцы потеряли только около двухсотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Такъ какъ одна часть разбитыхъ китайскихъ войскъ бѣжала на сѣверъ, другая—на югъ, то одна изъ японскихъ дивизій двинулась по дорогѣ къ Мукдэню, а другая направилась къ Такушану (Да-гу-шань). Въ началѣ декабря Ямагата, вслѣдствіе болѣзни, передалъ командованіе войсками генералу Нодзу.

Тѣмъ временемъ начала свои операціи на Ляодунскомъ полуостровѣ вторая японская армія подъ начальствомъ фельдмаршала Ойямы, высадившаяся тамъ 25 и 26 октября. Ближайшей своей задачей она имѣла овладѣніе Портъ-Артуромъ, который былъ сильно укрѣпленъ съ моря, но съ сухого пути прикрывался лишь полевыми укрѣпленіями. Къ тому же многія изъ этихъ укрѣпленій удобно могли обстрѣливаться непріятелемъ, занявшимъ сосѣднія высоты. Японская армія, овладѣвъ Цзинь-чжоу и Таліенваномъ (Да-лянь-вань), лишь 8 ноября начала бомбардировать Портъ-Артуръ. 9 (21) ноября японская пѣхота,

успѣвшая ночью, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, близко подойти къ укрѣпленіямъ, двинулась съ разсвѣтомъ на штурмъ и вскорѣ овладѣла нѣкоторыми изъ сухопутныхъ портовъ. Укрѣпленія, защищавшіяся сравнительно упорнѣе, продержались, однако, до вечера, такъ что лишь на другой день японцамъ удалось проникнуть въ городъ и захватить Портъ-Артуръ со всѣми портовыми его учрежденіями. Японцы взяли тамъ до ста орудій, большіе запасы каменнаго угля, продовольствія, пороха. Смущеніе, въ которое были приведены защитники Портъ-Артура энергическимъ нападеніемъ на эту крѣпость съ сухого пути, еще болѣе усилилось вслѣдствіе того, что отрядъ японскихъ миноносцевъ полнымъ ходомъ ворвался въ гавань, потопилъ тамъ два парохода и вышелъ обратно, не понеся никакихъ потерь. Японцы, повидимому, умышленно дали передъ тѣмъ возможность китайскимъ боевымъ судамъ уйти изъ Портъ-Артура въ Вэй-хай-вэй, такъ какъ присутствіе этихъ судовъ могло бы имъ только затруднить взятіе города.

Уронъ японцевъ при штурмѣ Портъ-Артура ограничивался лишь 500 убитыхъ и раненыхъ, китайцы же потеряли отъ 4000 до 5000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и сдавшихся въ плѣнъ. Ворвавшіяся въ городъ японскія войска произвели тамъ страшную рѣзню, при которой не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Озлобленіе это было вызвано зрѣлищемъ выставленныхъ напоказъ страшно изуродованныхъ труповъ японскихъ солдатъ, имѣвшихъ несчастіе попасться въ руки китайцевъ. Часть портъ-артурскаго гарнизона бѣжала въ горы еще до штурма, туда же спаслись, по взятіи крѣпости, еще нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ японцы не преслѣдовали, не желая обременять себя слишкомъ большимъ числомъ плѣнныхъ.

19 декабря одна изъ дивизій первой японской арміи, овладѣвшая передъ тѣмъ Хай-чэномъ, встрѣтилась въ 14-ти верстахъ къ западу оттуда съ китайскими войсками, занимавшими сильную оборонительную позицію. Командовавшій этими войсками генералъ Сунъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 11000 человѣкъ при 3 батареяхъ. Одинъ флангъ позиціи упирался въ густой непроходимый лѣсъ, а другой—въ рѣку, такъ что японцамъ пришлось отказаться отъ обхода и штурмовать сильно укрѣпленную деревню, составлявшую центръ позиціи. Три первыя атаки были отбиты, но въ четвертый разъ деревня все-таки была взята штурмомъ. Китайцы отступали въ безпорядкѣ, но, вслѣдствіе глубокаго снѣга и утомленія японцевъ, отказавшихся отъ преслѣдованія, генералъ Сунъ, къ которому подошли подкрѣпленія, собралъ вскорѣ на пространствѣ между Гай-пиномъ и Ляо-яномъ армію, состоявшую изъ 34000 человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы перейти въ рѣшительное наступленіе, китайскія войска не трогались съ мѣста.

Бездѣйствіе генерала Суна объясняется до извѣстной степени недостаточною боевою пригодностью присланныхъ ему, за послѣднее время, войскъ. Одна изъ бригадъ второй японской арміи послѣ непродолжительной схватки овладѣла Гай-пиномъ, нагнавъ такого страха на защищавшій его отрядъ, состоявшій изъ четырехъ тысячъ новобранцевъ, что они въ паническомъ бѣгствѣ смяли даже и 10000-ный отрядъ обстрѣленныхъ войскъ, двинутыхъ въ подкрѣпленіе. По занятіи Гай-пина, установилась связь между обѣими японскими арміями. Впрочемъ, отъ второй арміи оставалась на маньчжурскомъ театрѣ войны всего только одна дивизія, такъ какъ остальныя ея войска предназначались для овладѣнія Вэй-хай-вэемъ. Суровая маньчжурская зима и малочисленность войскъ побудили генерала Нодзу, подъ команду котораго поступила и единственная свободная дивизія второй арміи, временно отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій. Число убитыхъ и раненыхъ во всѣхъ предшествовавшихъ 22 столкновеніяхъ съ китайцами ограничивалось лишь 2400 человѣкъ, тогда какъ убыль больными доходила къ 1 января 1895 года до 18000.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Европѣ, начали разсчитывать на возможность того, что военное счастье перейдетъ подконецъ на сторону китайцевъ. Правительство богдыхана успѣло собрать для обороны Пекина (между Пекиномъ и Шанхайгуанемъ) около 200000 человѣкъ, не считая гарнизона столицы, но въ рядахъ этихъ войскъ едва лишь четвертая часть умѣла, и то съ грѣхомъ пополамъ, владѣть оружіемъ.

Ли-хун-чжанъ впалъ въ немилость вслѣдствіе неудачъ, испытанныхъ въ Маньчжуріи войсками, обученными имъ по европейскому образцу, все же его не рѣшались устранить отъ дѣлъ за невозможностью найти среди китайскихъ сановниковъ человѣка, способнаго его замѣнить. Генералиссимусъ принцъ Кунъ и вице-король области Куан-су откровенно объявили императору, что всю надежду надо возложить на небо, а что они лично не могутъ найти никакого исхода, особенно въ виду затрудненія снабжать продовольствіемъ громадную массу войскъ, скопленіе которыхъ могло вызвать появленіе болѣзней, а затѣмъ усиленное бѣгство изъ-подъ знаменъ и разныя иные безпорядки. Богдыханъ и его государственный совѣтъ признали умѣстнымъ, въ виду этого, возложить самыя обширныя полномочія на состоявшаго на китайской службѣ германскаго капитана Ганнекена, но и онъ, разумѣется, не могъ моментально создать то, для чего необходимымъ условіемъ является прежде всего время.

Чтобы выиграть время, китайскій государственный совѣтъ рѣшилъ начать съ Японіей переговоры о мирѣ и отправилъ въ Токіо таможеннаго чиновника, американца Детринга, довѣренное лицо Ли-хун-

чжана. Такъ какъ у него имѣлись инструкціи лишь отъ вице-короля, то японскій министръ иностранныхъ дѣлъ его и не принялъ, заявивъ, что можетъ вести переговоры только съ уполномоченными самого богдыхана. Предусматривая возможность вмѣшательства со стороны иностранныхъ державъ, японцы рѣшили, что имъ не стоитъ идти на Пекинъ, и что несравненно сподручнѣе овладѣть Вэй-хай-вэемъ и Формозой. Тогда при заключеніи мира будетъ, по крайней мѣрѣ, изъ чего дѣлать уступки, разумѣется, за хорошую плату. Разсчеты эти оказались какъ нельзя болѣе правильными. Несмотря на всѣ старанія капитана Ганнекена, Вэй-хай-вэй былъ слабо укрѣпленъ съ сухого пути, тогда какъ гавань, въ которой стояла вся сѣверная китайская эскадра, превосходно оборонялась девятью фортами, изъ которыхъ два находились на островахъ. Форты эти удовлетворяли всѣмъ требованіямъ современнаго военнаго искусства и вооружены были бо̀льшею частью орудіями Круппа и Армстронга. При входѣ въ гавань устроены минныя загражденія. Гарнизонъ Вэй-хай-вэя состоялъ изъ 11000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Тая, но въ числѣ ихъ находилось около половины новобранцевъ, не научившихся еще владѣть оружіемъ.

Узнавъ, что японская армія, численностью около 30000, высадилась на Шаньдунскомъ полуостровѣ и приближается къ Вэй-хай-вэю, правительство богдыхана послало въ Токіо двухъ высокопоставленныхъ сановниковъ для переговоровъ о мирѣ. Японскій императоръ со своей стороны назначилъ уполномоченными графа Ито и министра иностранныхъ дѣлъ Муцсу, которые прежде всего потребовали взаимнаго обмѣна и провѣрки полномочій. Убѣдившись, что у китайскихъ сановниковъ нѣтъ никакихъ полномочій для заключенія мира, и что они должны по каждому отдѣльному вопросу обращаться за инструкціями къ своему правительству, Ито и Муцсу объявили, что, при такихъ условіяхъ, не могутъ вести переговоровъ. Китайскіе уполномоченные уѣхали въ Нагасаки ждать тамъ новыхъ инструкцій и были отозваны 12 февраля, когда Вэй-хай-вэй фактически уже находился въ рукахъ японцевъ.

Всѣ сухопутные порты и батареи были къ вечеру 3 февраля уже заняты японцами. Установивъ на нихъ, взамѣнъ разстрѣленныхъ и заклепанныхъ орудій, свою собственную артиллерію, японцы начали 4 февраля бомбардировать съ сухого пути и съ моря китайскій флотъ и два островныхъ порта. 12 февраля китайскій адмиралъ Тингъ изъявилъ готовность сдаться подъ условіемъ свободнаго пропуска для офицеровъ и нижнихъ чиновъ какъ его флота, такъ и гарнизона островныхъ портовъ, не исключая иностранцевъ. Японскій адмиралъ Ито и фельдмаршалъ Ойяма согласились на эти условія, но потребовали передачи флота и гавани со всѣми портовыми соору-

женіями. Не желая пережить гибели своего флота, генералъ Тингъ отравился и, чтобы ускорить наступленіе смерти, задушилъ себя шелковымъ шнуркомъ. Двое изъ старшихъ его офицеровъ и командиръ сухопутныхъ войскъ, генералъ Тай, послѣдовали его примѣру. Шотландецъ Маклуръ, принявъ начальство надъ китайскими войсками и судами, сдалъ ихъ японцамъ. 14 февраля японскій флотъ вступилъ въ обладаніе Вэй-хай-вэйскою гаванью со всѣмъ, что въ ней находилось, въ томъ числѣ и десятью уцѣлѣвшими еще боевыми судами сѣверной эскадры. Одно изъ нихъ было тотчасъ же снаряжено и передано китайцамъ для перевозки тѣла адмирала Тинга и другихъ офицеровъ, добровольно лишившихъ себя жизни. Когда оно выходило изъ гавани, всѣ японскія военныя суда приспустили свои флаги на половину, а флагманское судно отдало пушечными выстрѣлами печальный салютъ праху почившихъ. Потери японцевъ при взятіи Вэй-хай-вэя состояли приблизительно изъ 600 убитыхъ и раненыхъ, уронъ же китайцевъ доходилъ почти до 2000. Кромѣ того, какъ у японцевъ, такъ и у китайцевъ, выбыло изъ строя много нижнихъ чиновъ и офицеровъ, болѣе или менѣе сильно пострадавшихъ отъ мороза.

Въ первыхъ числахъ марта первая японская армія, овладѣвъ, послѣ упорнаго сопротивленія китайцевъ, укрѣпленнымъ городомъ Ню-чжуаномъ, разсѣяла затѣмъ въ бою подъ Тьенъ-чжуанъ-таемъ войска генерала Суна. Японцамъ была теперь открыта дорога къ Пекину какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, причемъ они могли ожидать сопротивленія только подъ стѣнами китайской столицы.

Богдыханъ до такой степени смутился военными успѣхами японцевъ, что потребовалъ отъ всѣхъ чиновниковъ первыхъ трехъ классовъ подачи мнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли китайской имперіи немедленно же заключить миръ, или же она должна продолжать войну. Подавляющее большинство голосовъ высказалось въ пользу заключенія мира. Государственный совѣтъ послѣ долгихъ пререканій тоже высказался за миръ. Переговоры на этотъ разъ рѣшено было вести въ серьезъ, а потому, назначивъ Ли-хун-чжана, возстановленнаго во всѣхъ его прежнихъ чинахъ и званіяхъ, чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ, отправили его въ Симоносеки. Тамъ Ли-хун-чжана встрѣтили съ царскими почестями, но отклонили его требованіе немедленно же заключить перемиріе. Тогда было рѣшено приступить тотчасъ же къ переговорамъ о мирѣ. На самомъ дѣлѣ Японія была уже очень истощена продолжительною войною. Наступленіе на Пекинъ могло быть легко парализовано вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ; въ деньгахъ обнаруживался недостатокъ: правительство должно было тронуть запасный государственный фондъ, чтобы оплачивать насущныя потребности. Всѣ наличныя войска, за

исключеніемъ гвардіи, находились уже въ полѣ, и для пополненія убыли въ войскахъ надо было бы призвать подъ знамена людей, которые при обыкновенныхъ условіяхъ еще не подлежали зачисленію въ армію. Тѣмъ временемъ Россія, Германія и Франція посовѣтовали японскому правительству не противодѣйствовать заключенію мира какими-либо непомѣрными требованіями.

12 (24) марта японцы овладѣли уже Пескадорскими островами, послѣ чего завоеваніе Формозы, въ виду ничтожности оборонявшихъ ее силъ, являлось только вопросомъ времени.

Случившееся въ тотъ же день покушеніе на жизнь Ли-хун-чжана дало японскому императору возможность, не поступаясь государственнымъ достоинствомъ Японіи, принять безъ всякихъ оговорокъ предложенное Китаемъ перемиріе, за которымъ послѣдовало 5 (17) апрѣля заключеніе прелиминарнаго (предварительнаго) мирнаго договора на слѣдующихъ условіяхъ:

Китай 1) признаетъ независимость Кореи; 2) уступаетъ Японіи острова Формозу и Пескадорскіе, а также части Ляодунскаго полуострова, лежащія южнѣе линіи Инкоу—Татун-коу (Антунгъ); 3) уплачиваетъ 400 милліоновъ рублей военнаго вознагражденія; 4) открываетъ для торговли три новыхъ порта; 5) предоставляетъ Японіи въ нихъ, равно какъ и въ прежде открытыхъ, всѣ преимущества наиболѣе благопріятствуемой націи и, наконецъ, 6) впредь до уплаты военнаго вознагражденія, оставляетъ крѣпость Вэй-хай-вэй въ рукахъ Японіи.

Несмотря на увѣренія японцевъ, что они при заключеніи мира съ Китаемъ отстаивали интересы всей европейской культуры, Россія, поддерживаемая Германіею и Франціею, рѣшила не допустить распространенія имперіи микадо на азіатскій материкъ, въ виду того, что обладаніе Японіи Ляодунскимъ полуостровомъ «было бы угрозою столицѣ Китая, дѣлало бы призрачною независимость Кореи, было бы вѣчнымъ препятствіемъ продолжительному миру». Представлялось совершенно очевиднымъ, что Корея утратила бы тогда послѣднюю тѣнь независимости и фактически подпала бы подъ власть Японіи, которая, занявъ превосходную позицію въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Пекина, оказалась бы, по сравненію со всѣми прочими державами, поставленной въ исключительно благопріятныя условія, чтобы заручиться въ Китаѣ преобладающимъ вліяніемъ. Это должно было привести въ сравнительно недалекомъ будущемъ къ полной экономической зависимости Китая отъ Японіи въ ущербъ интересамъ другихъ державъ. Англія обнаружила и на этотъ разъ стремленіе ловить рыбу въ мутной водѣ. Какъ только побѣда окончательно склонилась на сторону японцевъ, она перенесла свои симпатіи съ Китая на Японію и хотѣла было поддержать ея требованія, но, вслѣдствіе русско-француз-

ско-германскаго соглашенія относительно необходимости сохранить политическое равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ, очутилась сама въ чрезвычайно двусмысленномъ положеніи.

Получивъ отъ трехъ державъ, располагавшихъ въ восточно-азіатскихъ водахъ значительными силами, «дружественный» совѣтъ не присоединять къ японской имперіи ни одной пяди китайскихъ владѣній на материкѣ, правительство микадо, скрѣпя сердце, согласилось отказаться отъ Ляодунскаго полуострова, выговоривъ себѣ за это уплату добавочныхъ 140000000 рублей.

Пескадорскіе острова и Формоза были, однако, присоединены къ Японіи, несмотря на то, что бывшій китайскій губернаторъ Формозы провозгласилъ этотъ островъ самостоятельной республикой, и что все населеніе единодушно взялось за оружіе, дабы защитить свою независимость. Лишь къ концу 1895 года высадившимся на Формозу японскимъ войскамъ удалось подавить возстаніе. Обнаруженная ими при этомъ безпощадная свирѣпость устранила, повидимому, навсегда, возможность примиренія туземцевъ съ японскимъ владычествомъ. Въ слѣдующемъ же году вспыхнуло серьезное возстаніе, и хотя его удалось вскорѣ подавить, тѣмъ не менѣе, дѣло умиротворенія острова ни на шагъ не подвинулось впередъ. Проф. Чемберленъ, относящійся вообще весьма сочувственно къ японцамъ, признаетъ, что они наглымъ своимъ безстыдствомъ, оскорбительною надменностью, взяточничествомъ и всяческими иными злоупотребленіями вызвали на о-вѣ Формозѣ величайшую къ себѣ ненависть не только у свободолюбивыхъ туземцевъ, но даже и у китайскихъ колонистовъ. При такихъ обстоятельствахъ даже и сами японцы полагаютъ, что для окончательнаго превращенія Формозы въ мирную провинцію имперіи Восходящаго Солнца придется затратить еще много денегъ и человѣческихъ жизней.

Отъ японо-китайской до русско-японской войны.

Блестящіе успѣхи, одержанные на сухомъ пути и на морѣ во время войны съ Китаемъ, улучшили на первыхъ порахъ внутреннее политическое положеніе Японіи. Даже парламентская оппозиція вынуждена была признать, что затраты на обзаведеніе арміей и флотомъ были сами по себѣ совершенно цѣлесообразны. Затѣмъ, однако, правительство микадо, сознававшее невозможность для Японіи отвергнуть «дружественный» совѣтъ Россіи, Франціи и Германіи, вызвало противъ себя негодованіе народа *); это привело къ министерскому кризису

*) Говорятъ, что многіе японскіе офицеры, въ видѣ протеста противъ отказа отъ занятія Ляодуна, лишили себя жизни, произведя надъ собою харакири (см. ниже, стр. 133).

въ августѣ 1896 г. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе шести лѣтъ, Японія смѣнила шесть министерствъ; что уже само по себѣ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о натянутости отношеній, существующихъ въ царствѣ Восходящаго Солнца между правительственною властью и народнымъ представительствомъ.

Вынужденный отказъ отъ присоединенія Ляодунскаго полуострова вызвалъ повсемѣстно въ Японіи, особенно же среди самураевъ, взрывъ негодованія противъ европейскихъ державъ, а въ особенности противъ Россіи, которая, вскорѣ послѣ того (въ 1898 г.), сама заняла на этомъ полуостровѣ на правахъ «аренды» Портъ-Артуръ и Таліенванъ съ прилегающей территоріей, а также выговорила себѣ право соединить эти пункты рельсовымъ путемъ съ сибирской дорогой и временно занимать своими войсками Маньчжурію. Японія чувствовала себя не въ силахъ тогда же объявить Россіи войну, а потому воздержалась отъ всякихъ протестовъ, но зато усердно занялась дальнѣйшимъ развитіемъ сухопутныхъ и особенно морскихъ своихъ силъ. Благодаря китайской военной контрибуціи правительство микадо имѣло возможность создать къ 1904 году совершенно новый, вполнѣ однородный, военный флотъ, не уступающій по качеству судовъ самымъ лучшимъ европейскимъ флотамъ.

Весною 1900 г. вспыхнули въ Китаѣ безпорядки. Такъ называемые «большіе кулаки» или боксеры, объявивъ, что хотятъ поддержать авторитетъ царствующей династіи и очистить Китай отъ иностранцевъ, встрѣтили полное къ себѣ сочувствіе не только во всѣхъ слояхъ населенія, недовольнаго вмѣшательствомъ иностранцевъ во внутреннія китайскія дѣла, но также и у вдовствующей императрицы, которая захватила правительственную власть въ свои руки, отстранивъ отъ дѣлъ молодого императора Кванъ-си, сознававшаго необходимость проведенія въ Срединномъ царствѣ самой широкой государственной реформы. Первою жертвою возстанія палъ секретарь японскаго посольства Суги-яма. Возстаніе приняло вскорѣ такіе размѣры, что всѣ державы, заинтересованныя въ спокойствіи на Дальнемъ Востокѣ, въ томъ числѣ также и Японія, вынуждены были двинуть къ Пекину войска для освобожденія своихъ посольствъ, осажденныхъ вооруженными толпами боксеровъ и примкнувшей къ нимъ черни. Разбивъ регулярныя китайскія войска, пытавшіяся воспротивиться соединенной международной арміи, европейско-японскія войска заняли Пекинъ—главный оплотъ и центръ возстанія, послѣ чего возстаніе боксеровъ затихло. Участіе Японіи въ этомъ международномъ военномъ предпріятіи европейскихъ державъ сильно подняло престижъ имперіи микадо.

По подавленіи боксерскаго движенія, глухое волненіе въ Китаѣ,

однако, не прекратилось, а потому, хотя другія державы отозвали свои войска, Россія вынуждена была оставить въ Маньчжуріи вооруженныя силы, необходимыя для обезпеченія построеннаго ею тамъ рельсоваго пути.

Японія и на этотъ разъ воздержалась отъ протеста, но еще болѣе утвердилась въ предвзятомъ своемъ мнѣніи о томъ, что Россія, пододвинувшаяся къ берегамъ Тихаго океана, Японскаго и Желтаго морей, стоитъ ей поперекъ дороги.

Въ первое время по окончаніи войны съ Китаемъ, правящіе классы Японіи пришли какъ бы въ опьянѣніе отъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ организованными по европейскому образцу сухопутными и морскими силами имперіи Восходящаго Солнца надъ флотомъ и арміями китайскаго богдыхана. Все, представлявшееся лестнымъ для японскаго народнаго самолюбія, стало имъ тогда казаться легко достижимымъ. Въ Японіи все популярнѣе становилась мысль о томъ, что имперія микадо призвана играть въ Азіи ту же роль, какую по отношенію къ американскому материку ученіе Монроэ («Америка для американцевъ») возлагаетъ на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Японскіе политики стали лелѣять мечту о цѣлой программѣ внѣшней политики, которая въ крайнемъ своемъ выраженіи сводится къ формулѣ: «Азія для азіатовъ». Для выполненія этой программы необходимо прежде всего пробудить народы желтой расы отъ апатіи, въ которой они коснѣютъ, и освободить ихъ отъ «унизительнаго ига западныхъ варваровъ». Предъ глазами ихъ явственно рисовалась могучая Азія въ видѣ сплоченной группы государствъ, въ которой на долю Японіи выпала бы та самая роль, какую играетъ Пруссія въ Германской имперіи. Такимъ образомъ, народъ, который не успѣлъ еще и самъ надлежаще освоиться съ заимствованной отъ Европы культурой, задался цѣлью цивилизовать другія народности желтой расы, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько это казалось имъ необходимымъ и достаточнымъ для успѣшной міровой войны съ европейскими державами, обладающими въ Азіи болѣе или менѣе обширными владѣніями.

Принявшись за дѣло съ обычною своею стремительностью, японцы начали съ того, что провозгласили себя лучшими друзьями китайцевъ, съ которыми наканунѣ лишь сражались. Японскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Окума, заявилъ въ 1896 году, что Китай можетъ сохранить свою независимость лишь въ томъ случаѣ, когда онъ послѣдуетъ примѣру Японіи и проведетъ у себя коренную государственную реформу. Ставъ на этотъ путь прогресса, Срединное царство можетъ разсчитывать на безкорыстную дружественную поддержку родственной ему Японіи, которая окажется для него тѣмъ лучшей руководительницей, что она и сама недавно произвела у себя

этотъ безусловно необходимый радикальный переворотъ. Съ тѣхъ поръ отношенія Японіи къ Китаю начали принимать характеръ покровительственнаго сочувствія. Университетъ въ Токіо радушно раскрылъ свои двери передъ китайскими студентами, которые не только обучаются, но и живутъ тамъ на полномъ иждивеніи микадо. Весною 1898 г., когда толпа китайскихъ фанатиковъ разгромила японское консульство въ городкѣ Шази на верхнемъ теченіи Янъ-цзы-цзяна, графъ Окума заявилъ: «этотъ инцидентъ доказываетъ еще разъ, до какой степени Китай заслуживаетъ теперь сожалѣнія. Быть-можетъ, въ Японіи найдутся люди, желающіе, чтобъ правительство микадо послѣдовало примѣру Германіи и стало требовать отъ Китая удовлетворенія, но они не будутъ выразителями чувствъ японскаго народа. Японія не должна забывать, что, являясь піонеромъ цивилизаціи на Дальнемъ Востокѣ, она обязана подавать примѣръ доброжелательства и справедливости. Не забудемъ, что и у насъ, лѣтъ 30 тому назадъ, народныя массы были проникнуты враждою къ чужеземцамъ. Наше правительство даже и въ своей собственной столицѣ было тогда не въ состояніи помѣшать поджогу посольствъ, а также предотвращать убійства и всяческія насилія надъ иностранцами. Что же удивительнаго, если китайскія власти оказываются теперь не въ силахъ оградить безопасность иностранцевъ въ отдаленныхъ отъ столицы областяхъ Срединнаго царства».

Одновременно съ этимъ основалось въ Японіи по частному почину нѣсколько обществъ, задававшихся цѣлью возстановить тѣсную духовную связь между имперіями микадо и богдыхана. Самымъ характернымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать Зенринъ якусо-канъ, т.-е. общество переводныхъ работъ въ интересахъ развитія сосѣдей. Такъ какъ въ Китаѣ начинаютъ интересоваться европейскою наукою, общество это нашло всего болѣе выгоднымъ удовлетворить этой потребности переложеніемъ на китайскій языкъ имѣвшихся уже японскихъ переводовъ европейскихъ сочиненій, разсчитывая, что благодаря этому китайцы проникнутся тѣмъ бо́льшимъ уваженіемъ къ глубокой учености японцевъ. Наконецъ, нѣсколько японскихъ капиталистовъ начали издавать въ Іокогамѣ китайскую газету, долженствовавшую распространять въ Срединномъ царствѣ сѣмена прогресса въ японскомъ духѣ. Редакторомъ этой газеты одно время состоялъ знаменитый китайскій реформаторъ, Канъ-Ю-Вей.

Въ Кореѣ, гдѣ японцы имѣли возможность не только давать указанія, но и настаивать на исполненіи своихъ «совѣтовъ», они еще и до войны съ Китаемъ усердно агитировали въ пользу проведенія реформы по японскому образцу. Во время войны корейскому королю пришлось подъ давленіемъ Японіи учредить для разработки про-

граммы такихъ реформъ особый законодательный совѣтъ, который, дѣйствительно, постановилъ уравнять всѣхъ корейцевъ передъ лицомъ закона, уничтожить рабство, улучшить отношеніе чиновниковъ къ управляемымъ, т.-е. народнымъ массамъ, и т. п. Мѣропріятія эти, въ большинствѣ случаевъ, остались лишь благими пожеланіями въ виду противодѣйствія имъ со стороны корейскаго народа, который относится съ недовѣріемъ ко всѣмъ нововведеніямъ, исходящимъ отъ японцевъ, и глубоко ихъ ненавидитъ, хотя имъ именно онъ обязанъ тѣми, правда, ничтожными культурными и промышленными успѣхами, какіе проявились за послѣднее время въ странѣ Утренняго Спокойствія. По заключенію Симоносекскаго мира, реформаторская дѣятельность японцевъ въ Кореѣ приняла еще болѣе энергическій характеръ. Они заставили корейскаго короля провозгласить въ январѣ 1895 года конституцію, а затѣмъ издать рядъ указовъ, предписывавшихъ немедленное осуществленіе 88 существенныхъ преобразованій въ японскомъ духѣ. Внутреннее государственное управленіе, армія, почтовое и телеграфное вѣдомства были переустроены согласно съ послѣднимъ словомъ прогресса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалось корейцамъ замѣнить традиціонныя ихъ бѣлыя одежды чернымъ костюмомъ (разумѣется, изъ японскихъ матерій) и обзавестись крохотными японскими носогрѣйками вмѣсто прежнихъ своихъ большущихъ трубокъ съ длинными чубуками; запрещено было носить корейскую прическу и т. д., и т. д. Всѣ эти мелкія нововведенія, нарушавшія вѣковые обычаи и привычки корейскаго народа, все болѣе раздражали его противъ сторонниковъ реформы, дѣйствовавшихъ по указаніямъ японскаго посольства.

Королева Минь, имѣвшая большое вліяніе на своего супруга, раздѣляла воззрѣнія консервативной партіи. Японское посольство, рѣшивъ, что съ устраненіемъ королевы все пойдетъ какъ по маслу, произвело, по соглашенію съ корейскими своими приспѣшниками, нападеніе на королевскій дворецъ въ Сеулѣ. Ночью, 8 октября 1895 г., отрядъ японскихъ солдатъ и корейцевъ ворвался во дворецъ, взялъ сперва подъ свое покровительство короля и наслѣдника престола, а затѣмъ звѣрски умертвилъ королеву, которая, разбуженная шумомъ, пыталась-было спастись бѣгствомъ, но была настигнута и притащена за волосы въ комнату, гдѣ ее безжалостно зарѣзали въ присутствіи пяти корреспондентовъ наиболѣе распространенныхъ японскихъ газетъ. Король, по совѣту японскаго посла, скрѣпилъ своею печатью указъ о разжалованіи убитой уже королевы въ наложницы низшаго разряда. Энергія, выказанная въ этомъ предпріятіи японскимъ посломъ генераломъ Міурой, вызвала, однако, въ корейскомъ народѣ такое недовольство, что можно было ожидать общаго возстанія противъ

японцевъ и ихъ ставленниковъ. Король, сознавая, что въ собственномъ своемъ дворцѣ онъ окруженъ врагами, и ежеминутно ожидая покушенія на свою жизнь, бѣжалъ 11 февраля 1896 г. въ русское посольство, гдѣ и прожилъ въ теченіе цѣлаго года. За это время ему удалось совершенно освободиться отъ давленія Японіи и возстановить почти утраченную власть свою. По ходатайству короля, посланы были въ Корею въ качествѣ инструкторовъ трое русскихъ офицеровъ и десять унтеръ-офицеровъ; кромѣ того, былъ командированъ въ Сеулъ въ качествѣ совѣтника по финансовымъ дѣламъ чиновникъ министерства финансовъ Алексѣевъ; черезъ годъ, однако, всѣ они были отозваны. Въ началѣ 1897 года король переѣхалъ въ построенный для него новый дворецъ, и вскорѣ послѣ того провозгласилъ себя императоромъ, а въ 1899 году замѣнилъ конституцію 1895 г. новою конституціонною хартіею, которая сводится къ полному возстановленію прежнихъ порядковъ въ Кореѣ.

Такимъ образомъ, реформаторская дѣятельность японцевъ въ Кореѣ потерпѣла полную неудачу. Въ Китаѣ пропаганда государственной реформы по японскому образцу тоже не увѣнчалась успѣхомъ и привела лишь къ фактическому низложенію императора Куанъ-Ксу, стоящаго за необходимость такой реформы, хотя все же въ Срединномъ царствѣ къ Японіи, выступившей въ роли защитницы территоріальной цѣлости Китая, относятся съ большимъ сочувствіемъ.

При такихъ обстоятельствахъ японцы пришли къ убѣжденію, что Корея и Китай тогда только увѣруютъ въ необходимость пойти по стопамъ имперіи микадо, когда ей удастся вытѣснить русскихъ изъ Маньчжуріи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, замышляя напасть на Россію, Японія разсчитывала на поддержку державъ, враждебно относящихся къ усиленію нашего вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

По мѣрѣ того какъ приближалось къ концу осуществленіе программы морскихъ вооруженій, къ которымъ Японія приступила вслѣдъ за войною съ Китаемъ, стало все явственнѣе обнаруживаться и враждебное отношеніе Японіи къ русской политикѣ на Дальнемъ Востокѣ; этому особенно содѣйствовало заключеніе, въ январѣ 1902 г., договора о союзѣ между Англіей и Японіей. Заявляя о своемъ намѣреніи ограждать независимость китайской имперіи и Кореи и о своей рѣшимости воздерживаться отъ всякаго посягательства на эту независимость, договаривающіяся стороны предусматривали возможность случайностей, способныхъ вынудить которую-нибудь изъ нихъ ко вмѣшательству во внутреннія китайскія или корейскія дѣла для защиты своихъ собственныхъ интересовъ, угрожаемыхъ внутренней неурядицей въ Китаѣ или Кореѣ, или же стремленіями къ захвату со стороны какой-нибудь иной державы. Если одна изъ договаривающихся сторонъ (Ве-

ликобританія или Японія) будетъ вовлечена въ войну съ такою державою, другая договаривающаяся сторона будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать вмѣшательству какихъ-либо иныхъ державъ въ войну противъ ея союзницы. Если же эти усилія не увѣнчаются успѣхомъ, каждая изъ договаривающихся сторонъ обязана придти на помощь своей союзницѣ, пособлять ей своими вооруженными силами и не заключать мира иначе, какъ по общему соглашенію.

Согласно одной изъ статей этого договора, каждый разъ, когда, по мнѣнію Великобританіи или Японіи, обнаружится необходимость къ принятію какою-либо изъ этихъ державъ чрезвычайныхъ мѣръ для огражденія своихъ интересовъ въ Китаѣ или же Кореѣ, она должна искренно и обстоятельно объясниться по этому поводу со своею союзницею *).

Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ договоръ сдѣлалъ внѣшнюю политику Японіи еще болѣе самонадѣянною и заносчивою, чѣмъ прежде. Дѣйствительно, этотъ договоръ являлся фактическимъ подтвержденіемъ того, что Японія и въ самомъ дѣлѣ признана равноправнымъ членомъ великой семьи культурныхъ державъ. Впрочемъ, уже и передъ тѣмъ Японіи удалось добиться пересмотра заключенныхъ ею первоначальныхъ договоровъ съ этими державами. Старанія японской дипломатіи добиться отмѣны консульскихъ судовъ въ тяжбахъ между иностранными подданными и японцами сначала оставались тщетными, но послѣ того какъ Японія обзавелась законами и судебными учрежденіями по европейскому образцу **), старанія эти, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Англія первая подписала въ 1894 году пересмотрѣнный договоръ съ имперіею микадо. За нею послѣдовали Соединенные Штаты, затѣмъ въ 1895 г. Россія, а въ 1896 г. Германія; позже всѣхъ были заключены новые договоры Франціей и Австро-Венгріей (въ 1898 г.).

Подстрекаемое врагами Россіи правительство микадо, подъ предлогомъ установленія равновѣсія и болѣе прочнаго порядка вещей на берегахъ Тихаго океана, обратилось въ іюлѣ 1903 г. къ Россійскому правительству съ предложеніемъ о пересмотрѣ существующихъ договоровъ по корейскимъ дѣламъ. Въ этихъ переговорахъ оно начало проявлять все бо́льшую притязательность, принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя дѣятельныя мѣры къ приведенію своей арміи и флота въ полную боевую готовность.

---

*) Англійская печать утверждаетъ, что Японія нарушила эту статью договора, не предваривъ британское правительство о своемъ окончательномъ рѣшеніи объявить Россіи войну.

**) Объ этомъ см. въ очеркѣ государственнаго устройства Японіи, стр. 124 и сл.

Искренно желая сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ, Россія согласилась на пересмотръ договоровъ своихъ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ и, какъ основанія такого пересмотра, выставила слѣдующія начала: сохраненіе независимости и территоріальной неприкосновенности Кореи; обоюдное обязательство не пользоваться никакою частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей, ибо допущеніе подобнаго дѣйствія со стороны какой-либо иностранной державы прямо противорѣчило бы принципу самостоятельности Кореи; охрану полной свободы плаванія черезъ Корейскій проливъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія предлагала Японіи обоюдно признавать часть корейской территоріи къ сѣверу отъ 39 параллели нейтральною зоною, въ которую ни одна изъ договаривающихся сторонъ не должна вводить войскъ. Вопросъ же о положеніи Россіи въ Маньчжуріи былъ Россіею исключенъ изъ переговоровъ съ Японіею, такъ какъ Россія находила, что вопросъ этотъ касается прежде всего самого Китая, а затѣмъ и всѣхъ державъ, имѣющихъ торговые интересы съ Небесной имперіей, а потому нѣтъ основаній въ отдѣльный договоръ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ включать какія-либо постановленія, относящіяся къ занятію китайской области русскими войсками.

Японія не соглашалась принять обязательство «не пользоваться никакою частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей», уклонилась отъ установленія въ Кореѣ нейтральной зоны и настаивала на включеніи въ договоръ съ нею постановленій относительно Маньчжуріи.

Подъ предлогомъ, будто Россія, стараясь выиграть время, затягиваетъ переговоры и уклоняется отъ отвѣта на японскія предложенія, японскій посланникъ въ С.-Петербургѣ 24 января 1904 г. совершенно неожиданно препроводилъ министру иностранныхъ дѣлъ двѣ ноты: въ первой изъ нихъ сообщалось о прекращеніи токійскимъ правительствомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, во второй—о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами съ извѣщеніемъ о томъ, что 28 января весь составъ японскаго посольства выѣдетъ изъ С.-Петербурга.

Того же 24 января всѣ россійскіе представители при великихъ державахъ поставлены были въ извѣстность о разрывѣ сношеній съ Японіею и о томъ, что состоялось Высочайшее повелѣніе россійскому посланнику при дворѣ микадо покинуть Токіо со всѣмъ составомъ посольства. Въ циркулярномъ сообщеніи этомъ также указывалось, что «образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже полученія отвѣта Императорскаго Правительства, возлагаетъ на Японію отвѣтственность за послѣдствія, могущія послѣдовать отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обѣими Имперіями».

Хотя перерывъ дипломатическихъ сношеній вовсе не знаменуетъ собою открытія военныхъ дѣйствій,—японскій флотъ въ ночь на 27 января произвелъ минную атаку на русскія военныя суда, стоявшія на рейдѣ Портъ-Артура, а затѣмъ 27 января бомбардировалъ Портъ-Артуръ. Указъ японскаго императора объ объявленіи войны Россіи былъ обнародованъ въ Токіо лишь 29 января (11 февраля). Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Японіею состоялся 27 января, а опубликованъ былъ въ Петербургѣ 28 января.

Въ нотѣ, которую не пожелало получить японское правительство, было выражено согласіе признать «преимущественное торгово-экономическое положеніе Японіи на корейскомъ полуостровѣ съ предоставленіемъ ей права охраны такового военною силою, въ случаѣ безпорядковъ въ странѣ»; относительно Маньчжуріи нота согласилась «признавать на время военной оккупаціи Маньчжуріи какъ верховную власть богдыхана въ этой области, такъ и преимущества, пріобрѣтенныя державами (въ томъ числѣ и Японіею) въ силу заключенныхъ ими договоровъ съ Китаемъ». Содержаніе этой русской ноты было сообщено державамъ, Японія знала объ этихъ уступкахъ неоффиціально и поспѣшила прервать переговоры, конечно, для того, чтобы не узнать о нихъ оффиціально. Она желала войны, потому что она готовилась къ ней всѣ восемь лѣтъ, протекшія со времени неудачи, постигшей симоносекскій трактатъ ея съ Китаемъ, и на приготовленія эти уже затратила сотни милліоновъ...

Государственное устройство Японіи.

В. Л. РАНЦОВА.

Японская конституція.

Нынѣ царствующій японскій императоръ принялъ на себя, тотчасъ же по упраздненіи сё-гуната и возстановленіи власти микадо, торжественное обязательство ввести въ своемъ государствѣ конституціонную форму правленія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была организація ежегоднаго съѣзда губернаторовъ всѣхъ департаментовъ. На этомъ съѣздѣ, который еще и теперь ежегодно собирается въ Токіо, обсуждаются общегосударственные вопросы и мѣропріятія. Въ 1875 году былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ видѣ организаціи изъ лицъ, выдающихся своими заслугами; сената, облеченнаго законодательною властью въ довольно узкихъ, однако, рамкахъ. Но общественное мнѣніе не удовлетворялось этими робкими уступками, и въ странѣ велась усиленная агитація въ пользу введенія конституціи; агитація эта нашла себѣ громкую поддержку въ нарождавшейся періодической печати. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, микадо рѣшился приступить къ выполненію своего обѣщанія и въ 1881 г. издалъ рескриптъ, сообщавшій о назначеніи комиссіи изъ юрисконсультовъ и государственныхъ дѣятелей для выработки конституціи, которую предполагалось обнародовать въ 1890 году. Комиссія выказала, однако, такое усердіе при выполненіи возложенной на нее задачи, что торжественное обнародованіе японской конституціонной хартіи состоялось годомъ раньше, а именно 11 февраля 1889 года. Оно было ознаменовано блестящимъ народнымъ празднествомъ. Въ іюлѣ слѣдующаго затѣмъ года произведены были первые выборы, а 29 ноября 1890 года состоялось торжественное открытіе первой сессіи японскаго парламента самимъ императоромъ.

Японская конституціонная хартія, состоящая изъ 7 главъ и 76 статей, представляетъ собою сколокъ съ подобныхъ же западно-европейскихъ хартій. Особенно много позаимствовано изъ конституціи прусскаго королевства. Отсутствіе либеральныхъ традицій у самого японскаго народа

чрезвычайно затрудняло согласованіе національныхъ японскихъ идей, нравовъ и обычаевъ съ совершенно чуждыми имъ конституціонными порядками. Въ результатѣ японская конституціонная хартія, несмотря на то, что она принадлежитъ къ числу наиболѣе подробныхъ документовъ этого рода, далеко не свободна отъ противорѣчій.

Конституція содержитъ особую главу «о правахъ и обязанностяхъ гражданъ». Въ ней, между прочимъ, провозглашаются: свобода передвиженія, личная неприкосновенность (объ условіяхъ арестованія см. ниже, стр. 125—126), тайна почтовой корреспонденціи, свобода вѣроисповѣданія (поскольку данная религія не противорѣчитъ миру и общественному порядку и не является препятствіемъ къ выполненію обязанностей подданнаго), свобода слова и печати, свобода собраній и ассоціацій, право подачи петицій.

Императоръ, которому присвоенъ титулъ тенно *), является главою государства, сохраняя за собою всѣ права верховной власти, но пользуется ею согласно съ дарованной имъ самимъ конституціей. Особа императора священна и неприкосновенна. Онъ утверждаетъ законы, а также предписываетъ ихъ обнародованіе и выполненіе. Никакая мѣра, хотя бы даже одобренная большинствомъ въ обѣихъ палатахъ парламента, не можетъ получить силу закона, если не будетъ утверждена императоромъ. Въ случаяхъ настоятельной необходимости, императоръ самъ издаетъ указы, имѣющіе силу закона до тѣхъ поръ, пока собравшійся парламентъ не выскажется противъ нихъ категорически. Въ послѣднемъ случаѣ указы эти теряютъ силу закона. Если же императорскій указъ будетъ одобренъ парламентомъ, то онъ становится закономъ, не проходя черезъ процедуру вторичнаго обнародованія съ утвержденіемъ императора. При этомъ выставляется, однако, въ конституціи требованіе, чтобы такіе единоличные императорскіе указы не противорѣчили существующимъ законамъ.

Императоръ опредѣляетъ организацію каждой изъ отраслей государственнаго управленія, устанавливаетъ размѣръ жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, назначаетъ ихъ на должности и отрѣшаетъ отъ таковыхъ. Онъ является верховнымъ главнокомандующимъ японскихъ армій и военнаго флота, опредѣляетъ ихъ организацію и составъ по мирному положенію, объявляетъ

---

*) Выраженіе микадо, которымъ пользуются иностранцы какъ наименованіемъ японскаго государя, въ самой Японіи употребляется только въ поэзіи или въ особо торжественныхъ случаяхъ. Обыкновенно же употребляются четыре термина для обозначенія императора—всѣ происхожденія китайскаго: тен-си (сынъ неба), сондзо (верховный повелитель), ко-теи (государь) и тенно (божественный императоръ). Послѣднее выраженіе употреблено въ подлинномъ текстѣ конституціи.

войну, оканчиваетъ таковую миромъ и заключаетъ различные договоры съ иностранными державами, объявляетъ осадное положеніе, жалуетъ титулами, чинами, орденами и другими знаками отличія; ему предоставляется даровать амнистію, помилованіе, смягчать наказанія, назначенныя по суду, а также возвращать утраченныя гражданскія и политическія права.

Смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ составляются по соглашенію съ парламентомъ. Установленіе новыхъ налоговъ и всякое измѣненіе въ распредѣленіи податнаго обложенія должно быть облечено въ форму соотвѣтственнаго закона.

Если по какимъ-либо причинамъ правительство не можетъ созвать парламентъ, то императору предоставляется вводить своими указами необходимыя финансовыя мѣропріятія. Въ случаѣ войны или же внутреннихъ смутъ императоръ пользуется верховною властью, не принимая во вниманіе гарантій, которыя обезпечиваются гражданамъ въ различныхъ статьяхъ конституціонной хартіи. Если бы потребовалось произвести какія-либо измѣненія въ конституціи, то проектъ этихъ измѣненій долженъ быть представленъ императоромъ на разсмотрѣніе парламента.

Текстъ японской конституціи возбуждаетъ много недоумѣній. Какимъ, напр., образомъ императоръ будетъ назначать жалованье чиновникамъ, опредѣлять численный составъ арміи и военнаго флота по мирному положенію и т. п., если парламентъ не пожелаетъ ассигновать ему необходимую для этого сумму? Имѣетъ ли право императоръ заключать договоры, налагающіе на страну какія-либо финансовыя обязательства?

Право наслѣдованія престола предоставляется конституціею потомкамъ императора исключительно мужского пола, а порядокъ престолонаслѣдія статутомъ императорскаго дома 1898 г. установленъ слѣдующій: 1) старшій сынъ и его потомки; 2) всѣ другіе сыновья съ ихъ потомками; 3) братья императора съ ихъ потомками; 4) дяди императора съ ихъ потомками; 5) наиболѣе близкій по родству принцъ. Нынѣ царствующій императоръ Мутсу-хито, родившійся 3 ноября 1852 г., вступившій на престолъ въ 1867 г., женился въ 1869 г. на красавицѣ-принцессѣ Харуко, родившейся 28 мая 1850 года. Бракъ этотъ остался бездѣтнымъ, и императоръ, чтобы продолжать свой родъ, взялъ себѣ, согласно обычаямъ страны, нѣсколько наложницъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ 12 дѣтей — 7 дочерей и 5 сыновей. Всѣ сыновья перемерли, за исключеніемъ третьяго изъ нихъ Іоши Хито Хару-но-мія, который родился 31 августа 1879 г.; въ 1887 г. онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола (которому присвоенъ титулъ Хару, т.-е. весна), а въ 1900 году вступилъ въ

бракъ съ принцессою Садою; отъ этого брака въ 1901 г. родился сынъ.

Законодательная власть императора ограничена условіемъ пользоваться таковою при содѣйствіи и съ согласія обѣихъ палатъ парламента. Императоръ созываетъ парламентъ, открываетъ, закрываетъ и временно останавливаетъ его сессію, а также сохраняетъ за собою право распустить парламентъ, но, съ другой стороны, въ конституціонной хартіи имѣются статьи, согласно которымъ парламентъ долженъ созываться ежегодно не менѣе какъ на трехмѣсячный срокъ.

Парламенту предоставлены слѣдующія права: 1) принимать петиціи, 2) обращаться къ императору со всеподданнѣйшими адресами, 3) обращаться къ правительству съ запросами и требовать у него объясненія, 4) слѣдить за правильнымъ выполненіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Японскій имперскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты господъ (кизокуинъ) и палаты депутатовъ (сугиинъ). Палата господъ или верхняя палата состоитъ: 1) изъ членовъ императорской фамиліи, 2) изъ всѣхъ князей и маркизовъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, 3) изъ выборныхъ отъ графовъ, виконтовъ и бароновъ (каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ высшаго дворянства посылаетъ въ палату господъ одну пятую своихъ членовъ), 4) изъ лицъ, спеціально назначенныхъ императоромъ въ виду ихъ глубокихъ свѣдѣній или же заслугъ, оказанныхъ государству, 5) изъ утвержденныхъ правительствомъ выборныхъ, по одному отъ каждаго города и отъ каждаго кена (см. ниже, стр. 121) изъ числа гражданъ, уплачивающихъ государству всего болѣе прямыхъ налоговъ. Члены двухъ послѣднихъ категорій должны быть не моложе тридцатилѣтняго возраста, и общее число ихъ не должно превышать числа членовъ первыхъ трехъ категорій. Всего членовъ въ палатѣ господъ около 300. Выборные члены назначаются на семилѣтній срокъ, всѣ же остальные признаются пожизненными. Маркизъ Ито, наиболѣе авторитетный государствовѣдъ Японіи, полагаетъ, что верхняя палата такого состава представляетъ самыя надежныя гарантіи для поддержанія равновѣсія между политическими властями, для обезпеченія спокойствія и благосостоянія государства, для сохраненія полной гармоніи между правительствомъ и подданными.

Что касается палаты депутатовъ или нижней палаты, то по закону, дѣйствовавшему до послѣдняго времени, избирателемъ могъ быть только японскій подданный, въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ, уплачивающій не менѣе 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Не могутъ быть народными представителями чиновники императорскаго двора, судьи, чиновники государственнаго контроля, сборщики податей, лица ду-

ховнаго званія, занимающіяся богослуженіемъ. Не могутъ быть ни депутатами, ни избирателями служащіе въ арміи и военномъ флотѣ, главы фамилій квазоку (см. ниже, стр. 132), несостоятельные должники, лица, лишенныя по суду гражданскихъ правъ, и т. п.

Этотъ избирательный законъ вызывалъ противъ себя большое неудовольствіе, что станетъ, впрочемъ, совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что японцевъ въ возрастѣ не моложе двадцати-пяти лѣтъ насчитывается болѣе 16 милліоновъ, а изъ этого числа всего лишь пятьсотъ десять тысячъ человѣкъ уплачиваетъ требуемую избирательнымъ цензомъ сумму прямыхъ налоговъ. За вычетомъ лицъ, которыя по разнымъ причинамъ не могутъ быть избирателями, найдемъ, что въ дѣйствительности на тысячу великовозрастныхъ японцевъ приходится лишь одиннадцать избирателей. Понятно, что при такихъ условіяхъ японскій парламентъ является лишь представителемъ ничтожнаго меньшинства населенія. Въ февралѣ 1900 года обнародованъ новый избирательный законъ, по которому имущественный цензъ уменьшенъ для избирателей до 10 іенъ прямыхъ податей и совершенно отмѣненъ для избираемыхъ. Число членовъ нижней палаты увеличено съ трехсотъ до трехсотъ шестидесяти девяти, приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ подкупа избирателей, и увеличено число депутатовъ отъ торгово-промышленнаго класса населенія (съ 6 до 20 процентовъ всѣхъ членовъ нижней палаты).

Большинство японскихъ депутатовъ мало подготовлено къ выполненію своихъ обязанностей, а потому вся работа производится парламентскими комиссіями при участіи представителей отъ министерства. Въ случаѣ разногласія между обѣими палатами относительно какого-либо важнаго законопроекта, назначается смѣшанная комиссія, старающаяся найти почву для соглашенія.

Благодаря усердной работѣ въ комиссіяхъ, японскія палаты успѣваютъ разсмотрѣть, безъ особенныхъ для себя хлопотъ, множество законопроектовъ. Такъ, въ трехмѣсячную сессію съ декабря 1898 по мартъ 1899 года палата депутатовъ голосовала 284 рѣшенія (среднимъ числомъ по четыре въ день) и все по очень серьезнымъ вопросамъ.

Такая изумительная скорость въ работѣ объясняется отсутствіемъ сколько-нибудь серьезныхъ преній. Палата во всѣхъ случаяхъ послушно руководствуется мнѣніями своихъ комиссій. Такъ какъ засѣданіе палаты сводится къ простой формальности, то министры никогда почти на нихъ не присутствуютъ. Они не находятъ нужнымъ слѣдить за преніями, и лишь изрѣдка заходятъ въ палату, а при обсужденіи большинства законопроектовъ посылаютъ вмѣсто себя правительственныхъ комиссаровъ, юрисконсультовъ и другихъ спеціалистовъ, участвовавшихъ въ разработкѣ законопроектовъ въ комиссіяхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ палатѣ мѣсто, занимаемое депутатомъ, опредѣляется нумеромъ, который онъ получитъ по жребію. Такимъ образомъ, въ японской палатѣ нѣтъ обычной въ европейскихъ парламентахъ группировки депутатовъ на лѣвую, правую, центръ и т. п. Вожди партій находятъ это до чрезвычайности неудобнымъ.

Президентъ и вице-президентъ палаты господъ назначаются императоромъ; президентъ и вице-президентъ палаты депутатовъ утверждаются императоромъ изъ кандидатовъ, избранныхъ палатою въ числѣ трехъ для каждаго поста; впрочемъ, императоръ всегда останавливаетъ свой выборъ на кандидатѣ, получившемъ большинство голосовъ въ палатѣ. Президенты палатъ получаютъ содержаніе по 5000 іенъ въ годъ, вице-президенты по 3000 іенъ, а члены обѣихъ палатъ по 2000 іенъ, кромѣ прогонныхъ; члены парламента въ правѣ отказаться отъ полученія содержанія.

Министры въ Японіи не отвѣтственны передъ парламентомъ и не обязаны слѣдовать его указаніямъ. По закону, они отвѣтственны только передъ императоромъ за совѣты, которые они ему подаютъ, такъ какъ всѣ императорскіе указы и предписанія, относящіяся до государственныхъ дѣлъ, равно какъ и утверждаемые имъ законы должны быть, въ силу 55-й статьи конституціи, скрѣплены подписью министра.

На самомъ дѣлѣ, однако, палата депутатовъ имѣетъ возможность влiять на дѣятельность министровъ. Она обращается къ кабинету министровъ сперва съ запросомъ; если онъ не отвѣчаетъ, или если его отвѣтъ признается неудовлетворительнымъ, палата обращается къ нему съ представленіемъ, если и это не поможетъ, то она представляетъ императору жалобу въ формѣ всеподданнѣйшаго адреса. Предложеніе вотировать такой адресъ можетъ быть допущено къ обсужденію только въ томъ случаѣ, когда оно вносится, по меньшей мѣрѣ, 30 депутатами.

Но самымъ важнымъ оружіемъ въ рукахъ парламента является возможность отвергнуть финансовыя предложенія министровъ и отказать имъ въ необходимыхъ средствахъ.

Когда разногласія между народными представителями и кабинетомъ министровъ обостряются и грозятъ парализовать законодательную дѣятельность, императоръ распускаетъ палату. Это право свое императоръ осуществляетъ довольно часто: со времени созванія перваго парламента въ 1890 г., распущеніе палаты примѣнялось уже, по крайней мѣрѣ, разъ пять. Съ другой стороны, вліяніе парламентской оппозиціи проявилось въ томъ фактѣ, что за первое 10-лѣтіе существованія конституціи въ Японіи смѣнилось девять министерствъ.

Итакъ, парламентъ въ Японіи не можетъ вызвать паденія кабинета, не можетъ заставить выйти въ отставку министровъ, лишившихся его довѣрія. Отсюда слѣдуетъ, что Японія должна быть отнесена къ типу монархій представительныхъ, а не парламентарныхъ *).

Предсѣдателемъ въ кабинетѣ министровъ, т.-е. министромъ-президентомъ, зачастую состоитъ министръ безъ портфеля, т.-е. министръ, не завѣдывающій какою-либо опредѣленною отраслью управленія. Кабинетъ слагается изъ десяти министровъ съ портфелями: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и торговли, путей сообщенія, военнаго, морского и префекта полиціи. Что касается министра императорскаго двора, то онъ не принимаетъ участія въ засѣданіяхъ кабинета, руководящаго всей внѣшней и внутренней политикой Японіи. Жалованье министрамъ полагается въ размѣрѣ шести тысячъ іенъ въ годъ.

На ряду съ совѣтомъ министровъ существуетъ еще государственный совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и двадцати-пяти членовъ по назначенію императора. Каждый министръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считается членомъ государственнаго совѣта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ періодъ реформъ, предшествовавшихъ введенію конституціи, Японія сдѣлала значительные успѣхи. Судьбами ея управляли далеко не дюжинные государственные дѣятели, которые пріобрѣли довѣріе народа и микадо благодаря выказанному ими искусству и здравому пониманію интересовъ страны. Всѣ мѣропріятія этихъ государственныхъ людей Меиджи (см. ниже, стр. 118 и 141) были направлены къ прогрессу и ко благу страны и увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ.

Задавая себѣ вопросъ, что же сдѣлано было съ 1889 года и по настоящее время, А. Дюмоларъ, пробывшій три года профессоромъ въ токійскомъ университетѣ и относящійся весьма скептически

*) Конституціонныя монархіи дѣлятся на два типа: представительныя и парламентарныя. И въ тѣхъ, и въ другихъ монархъ дѣлитъ власть съ парламентомъ, но въ первыхъ за нимъ остается вся полнота исполнительной власти, тогда какъ во вторыхъ монархъ «царствуетъ, но не управляетъ», такъ какъ исполнительную власть онъ отправляетъ черезъ посредство министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ. Въ монархіяхъ представительныхъ (напр., въ Пруссіи, Баваріи) министры отвѣтственны только передъ самимъ монархомъ, назначаются и смѣщаются имъ; права и вліяніе парламента обезпечиваются въ такихъ государствахъ (хотя весьма недостаточно) его правомъ утверждать бюджетъ, т.-е. роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ монархіяхъ парламентарныхъ (напр., въ Англіи, Бельгіи) министры отвѣтственны передъ парламентомъ; они назначаются монархомъ, но министры, которымъ парламентъ выразилъ недовѣріе, выходятъ въ отставку.

къ японскому прогрессу вообще и къ японской конституціи въ частности *), говоритъ, что японскій парламентъ занимался все время безцѣльною борьбою партій и ни на шагъ не подвинулъ рѣшенія задачъ, наиболѣе важныхъ съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Правда, японская армія и военный флотъ достигли за это время высокой степени развитія, но это является результатомъ плана, выработаннаго задолго еще передъ тѣмъ. Народныя массы въ Японіи, утверждаетъ Дюмоларъ, сильно охладѣли къ конституціонной формѣ правленія. Поэтому празднованіе десятилѣтней годовщины обнародованія конституціи было встрѣчено народомъ до чрезвычайности холодно.

Слѣдующею статистическою табличкою Дюмоларъ пытается наглядно доказать постепенное ослабленіе въ японскомъ народѣ интереса къ политической и парламентской дѣятельности.

Число политическихъ сходокъ и говорившихъ на нихъ ораторовъ послѣдовательно убываетъ:

Въ	1891	году на	6482	сходкахъ	говорило	15526	ораторовъ
»	1892	» »	8076	»	»	21796	»
»	1893	» »	7076	»	»	18021	»
»	1894	» »	5750	»	»	15223	»
»	1895	» »	1506	»	»	3337	»
»	1896	» »	1272	»	»	3198	»
»	1897	» »	1223	»	»	3013	»
»	1898	» »	1117	»	»	2797	»

Въ то же время постоянно возрастаетъ процентъ избирателей, воздерживающихся отъ участія въ парламентскихъ выборахъ.

На	выборахъ	въ іюнѣ	1890 г.	воздержалось	отъ	участія		7,22%	избирателей	
»	»	» февралѣ	1892 »	»	»	»		8,44 »	»	
»	»	» мартѣ	1894 »	»	»	»		10,94 »	»	
»	»	» сентябрѣ	1894 »	»	»	»		11,80 »	»	
»	»	» мартѣ	1898 »	»	»	»		12,61 »	»	
»	»	» августѣ	1898 »	»	»	»		20,65 »	»	

Съ другой стороны, отзывы японской печати и многіе факты, приводимые тѣмъ же Дюмоларомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что охлажденіе народа къ парламентской дѣятельности обусловливается тѣмъ, что парламентъ не имѣетъ достаточно сильнаго контроля надъ дѣлами, такъ какъ министры передъ нимъ не отвѣтственны. Требованіе парламентарнаго управленія является въ настоящее время въ Японіи наиболѣе жгучимъ вопросомъ внутренней политики.

Отсутствіе отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства неблагопріятно отражается и на престижѣ микадо. Въ глазахъ народной

**) H. Dumolard, «Le Japon politique, économique et social», Paris 1903; имѣются русскіе переводы.

массы микадо все еще облеченъ ореоломъ божественнаго происхожденія; онъ — символъ государства, воплощеніе того горячаго чувства патріотизма, которое въ высокой степени присуще японцамъ и выдѣляетъ ихъ среди всѣхъ народовъ Востока. Но несомнѣнно, что столь возвышенное понятіе о государѣ поддерживалось въ народѣ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что микадо всегда держался вдали отъ людей и отъ ихъ страстей. «Нашъ императоръ—говоритъ одинъ японскій историкъ—въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жилъ за ширмою, никогда не ступая ногою на землю; ничто происходящее во внѣшнемъ мірѣ не достигало его священныхъ ушей». Вотъ почему, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, когда власть микадо фактически была пустымъ звукомъ, онъ никогда не утрачивалъ своего обаянія въ глазахъ народа: его какъ бы безоблачное существованіе, полное таинственности, внушало благоговѣйный трепетъ. Нынѣ же, когда личность монарха вовлекается въ треволненія повседневной политики, когда онъ выступаетъ въ роли судьи между парламентомъ и министрами, вызывая похвалы однихъ, порицанія другихъ,—подрывается божественный авторитетъ микадо, которому начинаютъ уже противопоставлять, хотя и для отдаленнаго будущаго, идею республики. Именно японскимъ воззрѣніямъ на божественный характеръ власти микадо какъ нельзя больше соотвѣтствовала бы формула: «царствовать, но не управлять».

Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ Японіи нѣтъ основного условія, необходимаго для установленія парламентарнаго образа правленія—наличности твердо организованныхъ и рѣзко очерченныхъ политическихъ партій, ибо отвѣтственное передъ парламентомъ министерство должно выходить изъ среды той партіи, которая въ данное время, пользуясь довѣріемъ народа, располагаетъ прочнымъ большинствомъ въ парламентѣ. Въ Японіи такія партіи еще не успѣли сложиться частью по причинамъ историческимъ, частью по отсутствію талантливыхъ людей, которые выступили бы организаторами и главарями партій съ опредѣленными программами. Старые же «государственные люди Мейджи» относятся въ общемъ къ парламентарному управленію отрицательно.

Политическія партіи въ Японіи.

Нынѣшнія японскія партіи, за исключеніемъ крайнихъ радикаловъ, являются непосредственными пережитками феодализма, упраздненнаго на бумагѣ въ 1871 году. Въ дѣйствительности, однако, четыре главнѣйшихъ клана прежнихъ дайміо: Сацума, Чосу, Тоза и Хизенъ продолжаютъ сохранять преобладающее вліяніе. Представители этихъ клановъ, особенно же двухъ первыхъ—клана Сацума, изъ са-

мураевъ котораго вышли Сай-го, О-яма, Курода, Мацу-Ката и Кабаяма, и клана Чосу, къ самураямъ котораго принадлежали И-то, Іну-іе, Яма-гата, Аоки и др.,—эти «государственные люди Мейджи», игравшіе преобладающую роль въ періодъ великихъ реформъ, предшествовавшихъ введенію конституціи, смѣняютъ съ тѣхъ поръ другъ друга у кормила правленія.

Переживаніе прежнихъ феодальныхъ идей и предразсудковъ не ограничивается одними лишь политическими партіями, которыя величаютъ себя либералами, прогрессистами, націоналъ-уніонистами и т. п., а на самомъ дѣлѣ оказываются группами, подчиняющимися вліянію того или другого клана; то же самое замѣчается въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ вообще отрасляхъ государственнаго управленія. Такъ, напр., армія и флотъ, играющіе столь важную роль въ государственной жизни нынѣшней Японіи, состоятъ, почти исключительно, подъ начальствомъ людей сацумскаго клана; лицамъ, не имѣющимъ поддержки въ этомъ кланѣ, не даютъ хода ни въ арміи, ни во флотѣ.

Понятно, что такіе порядки вызываютъ неудовольствіе у лицъ, не имѣющихъ необходимой поддержки или вышедшихъ изъ средняго сословія. Тотчасъ же, по возстановленіи императорской власти въ 1868 году, когда западно-европейскимъ идеямъ открылся свободный доступъ въ Японію, множество молодыхъ людей средняго сословія (сыновья богатыхъ крестьянъ и торговцевъ) ознакомилось до нѣкоторой степени съ этими идеями. Само японское правительство покровительствовало такому стремленію молодежи. Получивъ извѣстную европейскую подготовку и заручившись соотвѣтственными дипломами, они разсчитывали пристроиться на государственной службѣ, но убѣдились, что имъ не даютъ тамъ хода, такъ какъ всѣ высшія должности въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, а также въ арміи и во флотѣ предоставлялись сыновьямъ прежнихъ дайміо и ихъ бывшимъ вассаламъ.

Тогда они занялись политической агитаціей противъ существующей правительственной системы. Многимъ изъ нихъ удалось добиться избранія въ депутаты, и они напрягаютъ всѣ усилія, чтобы устранить всемогущее еще теперь въ Японіи вліяніе клановъ. Въ 1893 году, отказавъ правительству въ ассигнованіи суммы, потребованной для различныхъ морскихъ сооруженій, ораторы оппозиціонной партіи прямо заявили, что находятъ правительственный проектъ превосходнымъ, и если отказываютъ въ кредитахъ для его выполненія, то потому только, что не питаютъ ни малѣйшаго довѣрія къ людямъ, стоящимъ во главѣ морского вѣдомства. Прежде чѣмъ думать объ усиленіи морского флота, говорили они, надо было бы освободить морское вѣдомство отъ тираніи сацумскаго клана съ ея ревнивою исключительностью. Гра-

жданинъ, не принадлежащій къ клану Чосу, не имѣетъ почти ни малѣйшей возможности занять сколько-нибудь важный постъ на государственной службѣ. Подобнымъ же образомъ въ арміи и во флотѣ, если онъ не принадлежитъ къ сацумскому клану, то никоимъ образомъ не дождется производства въ высшіе чины.

Очевидно, что въ Японіи идетъ теперь борьба честолюбивой, но еще плохо огранизованной демократіи противъ могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіи. Демократія располагаетъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, но засѣдающіе тамъ представители ея оказываются, сплошь-и-рядомъ, далеко не на высотѣ своего призванія.

Наиболѣе характерными чертами нынѣшнихъ японскихъ депутатовъ является невѣжество, тщеславіе и взяточничество, которыя не считаютъ нужнымъ даже скрываться. Само правительство прибѣгаетъ иной разъ къ убѣдительному краснорѣчію денежныхъ подачекъ, чтобы освободиться отъ назойливой парламентской оппозиціи. Въ ноябрѣ 1898 года всѣ члены нижней палаты были враждебны новому министерству, составленному маршаломъ Ямагата, а, между тѣмъ, въ теченіе всей трехмѣсячной сессіи оно не подвергалось никакимъ нападкамъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ и внесенный правительствомъ законопроектъ объ увеличеніи депутатскаго содержанія съ 800 до 2000 іенъ за каждую сессію, который палата, разумѣется, поспѣшила принять, оказались достаточными для того, чтобы сомкнуть уста непримиримѣйшимъ противникамъ правительства. Эта тринадцатая по счету сессія японскаго парламента заслуживаетъ, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ прозвища подкупленной, которую далъ ей самъ японскій народъ. Дѣйствительно, тогда не прошло ни одного законопроекта безъ надлежащей подмазки. Одинъ изъ депутатовъ прямотаки хвастался съ парламентской трибуны, что не кладетъ охулки на руку и, нисколько не возбуждая негодованія своихъ товарищей, объявилъ палатѣ, что намѣренъ подать жалобу въ судъ на человѣка, который его подкупилъ, а потомъ отказался уплатить обѣщанную сумму полностью.

Издающаяся въ Токіо на англійскомъ языкѣ газета «Japan Times», въ которой сотрудничаютъ исключительно одни только японцы, разразилась по этому поводу слѣдующими строками: «отличительной чертой громаднаго большинства нынѣшнихъ нашихъ народныхъ представителей является, повидимому, отсутствіе увлеченія честными возвышенными идеями и циничная заботливость о личныхъ своихъ эгоистичныхъ интересахъ. Атмосфера политической нашей жизни заражена взяточничествомъ, и позволительно сказать, что организмъ конституціоннаго нашего строя страдаетъ полнѣйшимъ параличомъ

совѣсти и нравственнаго чувства... Японскій народъ, безъ сомнѣнія, не сочувствуетъ порядку вещей, при которомъ вся власть сосредоточена въ рукахъ прежнихъ феодаловъ. При такихъ обстоятельствахъ подъ знаменемъ оппозиціи собралось множество нуждающихся людей сомнительнаго образованія и таковой же нравственности, многіе изъ которыхъ ничуть не лучше палочниковъ, готовыхъ служить каждому, кто хорошо заплатитъ. Такъ какъ они заявляли себя убѣжденными сторонниками народныхъ стремленій, то многіе богатые горожане и фермеры считали полезнымъ снабжать ихъ деньгами и оказывать имъ поддержку. Такое положеніе вещей длится уже болѣе пятнадцати лѣтъ, а потому не удивительно, что политическія партіи въ нашемъ парламентѣ насчитываютъ въ своихъ рядахъ изрядное число лицъ, привыкшихъ получать денежныя подачки... Усиленію взяточничества способствовало также неслыханно быстрое развитіе нашей промышленности и торговли. Народные представители и политическіе агитаторы нашли здѣсь для себя настоящій золотой рудникъ. Дѣйствительно, учредители различныхъ торговыхъ обществъ и товариществъ, акціонеры, стремящіеся получить субсидію отъ казны, и т. п. съ удовольствіемъ платятъ крупные куши этимъ паразитамъ, чтобы заручиться ихъ поддержкою въ палатѣ... Все это является, впрочемъ, лишь однимъ изъ симптомовъ нравственнаго распада, проникшаго во всѣ сферы общественной дѣятельности и составляющаго самую тяжкую часть выкупа, который должна была уплатить Японія за пережитое ею коренное преобразованіе».

Сторонній безпристрастный наблюдатель не можетъ, однако, не подмѣтить, что самый фактъ такой суровой самокритики, такого безпощаднаго самобичеванія является лучшимъ свидѣтельствомъ того, что въ обществѣ много живыхъ, здоровыхъ творческихъ силъ; эти силы, безспорно, вытѣснятъ тлетворные элементы и сметутъ ту накипь прогресса, которая неизбѣжна во всѣхъ странахъ, переживающихъ періодъ острой общественной ломки, и которой не слѣдуетъ придавать бóльшаго значенія, чѣмъ она заслуживаетъ.

Въ настоящее время въ японской палатѣ депутатовъ, открывшей свою сессію послѣ общихъ выборовъ, состоявшихся въ мартѣ 1904 г., преобладающее значеніе имѣютъ двѣ партіи: сеiукаи (конституціоналисты; 130 голосовъ) и кенсеи-то (прогрессисты; 90 голосовъ). Основная статья программы первой партіи заключается въ требованіи введенія парламентарнаго управленія съ отвѣтственнымъ передъ палатою министерствомъ. За ними слѣдуютъ 4 партіи, выдѣлившіяся изъ двухъ первыхъ, но не имѣющія сколько-нибудь опредѣленныхъ программъ: теикоку-то (имперіалисты-консерваторы; 19 голосовъ), кошикъ (39), мумеи (24) и либерали (19 голосовъ); 48 депутатовъ не примыкаютъ ни къ одной изъ этихъ партій.

Народилась въ Японіи и партія соціалъ-демократовъ. Соціалистическое движеніе началось въ Японіи недавно. Въ 1882 г. молодые японцы, возвратившіеся изъ Америки, принесли съ собою ученіе Генри Джорджа о національзаціи земли, т.-е. объ обращеніи земли въ собственность государства. Но значительнѣйшая часть земли въ Японіи принадлежитъ крестьянамъ, и ученіе Джорджа не нашло себѣ отклика. Лѣтъ черезъ 15 соціализмъ обнаружился вновь, когда въ Токіо образовался кружокъ, во главѣ котораго стояли нѣкто Катаяма и проф. Абъ. Въ 1901 г. въ Токіо была устроена стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Тогда же образовалась рабочая партія, комитетъ которой, согласно закону, предъявилъ властямъ свой уставъ. Но немедленно вслѣдъ затѣмъ правительство провело законъ, лишившій рабочихъ права учреждать союзы. Начались преслѣдованія. Соціалистическія газеты закрывались, а редакторы ихъ приговаривались къ тюрьмѣ и штрафамъ. Несмотря на это, движеніе не прекратилось, и годъ тому назадъ въ г. Осака былъ первый съѣздъ рабочей партіи, къ которой открыто присоединился Фунніо Яно, бывшій японскій посланникъ въ Пекинѣ. Партія создала въ странѣ рядъ кооперативныхъ обществъ, артельныхъ мастерскихъ, кассъ взаимопомощи и т. п.

Оффиціальный органъ рабочей партіи, «Хаиминъ-Шимбунъ», регулярно освѣдомляетъ читателей о собраніяхъ, устраиваемыхъ партіей для ознакомленія японцевъ съ соціалистическимъ ученіемъ. Власти не особенно благосклонно смотрятъ на эту пропаганду и принимаютъ противъ нея различныя мѣры судебно-полицейскаго характера. Но партія не выходитъ изъ законныхъ предѣловъ пропаганды, и дѣло вообще обходится мирно. Несмотря на настроеніе общественнаго мнѣнія, видящаго въ войнѣ съ Россіею борьбу за національное существованіе Японіи, японскіе соціалъ-демократы ведутъ дѣятельную пропаганду противъ войны и въ защиту братства народовъ. Она предупреждаетъ многочисленный японскій пролетаріатъ о бѣдственныхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собой война даже въ томъ случаѣ, если она увѣнчается побѣдой.

Административное устройство и самоуправленіе.

Образцомъ для организаціи мѣстнаго управленія въ Японіи послужили французскія учрежденія. Отсюда слабое развитіе самоуправленія и преобладаніе центральной власти. Послѣднее даетъ себя тѣмъ болѣе чувствовать, что японскіе чиновники тѣсно связаны съ политикою и при всякой перемѣнѣ кабинета большинство, по крайней мѣрѣ высшихъ чиновниковъ, «выметается».

Въ административномъ отношеніи Японія дѣлится на кены, со-

отвѣтствующіе нашимъ губерніямъ. Такихъ кеновъ насчитывается теперь 43. До 1898 года существовали еще три градоначальства (фоу) въ Токіо, Кіото и Осакѣ, гдѣ должность городского головы исполнялъ губернаторъ. Теперь градоначальства эти упразднены.

Губернаторы (чидзи) въ Японіи непосредственно подчинены министру внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ исполнительнаго органа состоитъ при губернаторѣ губернское правленіе. Наконецъ, въ каждомъ кенѣ имѣется свой кеуконаи, т.-е. выборное губернское земское собраніе, соотвѣтствующее французскому генеральному совѣту.

Кены дѣлятся на си и гуны, т.-е. на городскіе и сельскіе округа. Гуны, въ свою очередь, подраздѣляются на чо и соны, т.-е. мелкія городскія и сельскія волости. Гуны управляются исправниками, подвѣдомственными губернатору.

Города болѣе чѣмъ съ 25 тысячами жителей причисляются къ разряду си, но министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право оставлять ихъ въ разрядѣ чо, которые пользуются менѣе широкой степенью самоуправленія. Городская община, пользующаяся правами си, управляется городской управой (сандзикуая) и думой (сикуаи). Управа состоитъ изъ городского головы (сичо), утверждаемаго императоромъ изъ числа трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ городской думой, его товарища и совѣтниковъ. Товарищей головы (въ Токіо ихъ трое, въ Кіото и Осакѣ двое, а въ остальныхъ городахъ по одному) назначаетъ губернаторъ тоже изъ числа лицъ, предложенныхъ думою въ кандидаты на эту должность. Голова и его товарищи назначаются на шестилѣтній срокъ, причемъ размѣръ получаемаго ими жалованья опредѣляется городскою думою. Совѣтники (члены) управы (въ Токіо 12, въ Кіото и Осакѣ 9, а въ прочихъ городахъ 6) выбираются изъ горожанъ старше 30-лѣтняго возраста и никакого жалованья не получаютъ. Управа является органомъ исполнительнымъ для городской думы, которая состоитъ въ городахъ съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 50 тысячъ душъ изъ 30 гласныхъ, а съ населеніемъ отъ 50 до 100 тысячъ душъ—изъ 36 гласныхъ. Въ городахъ болѣе чѣмъ со 100-тысячнымъ населеніемъ добавляется на каждыя пятьдесятъ тысячъ душъ по три гласныхъ. Дума избираетъ себѣ ежегодно предсѣдателя (гичо); только въ мелкихъ селеніяхъ (чо и сонъ) голова исполняетъ и обязанности предсѣдателя думы. Гласные выбираются полноправными горожанами, т.-е., лицами мужского пола, не лишенными правъ состоянія. Такимъ полноправнымъ избирателемъ (сикоминъ) можетъ быть только мужчина не моложе 25-ти лѣтъ, прожившій, по крайней мѣрѣ, два года въ городѣ и платящій не менѣе двухъ іенъ въ годъ прямого налога. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что если въ числѣ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ податей оказывается жен-

щина или же законнымъ образомъ организованное общество, то имъ тоже предоставляется право голоса на городскихъ выборахъ.

Всѣ вообще избиратели дѣлятся на три разряда соотвѣтственно количеству уплачиваемыхъ ими городу прямыхъ налоговъ. Каждый разрядъ выбираетъ, особо отъ себя, гласныхъ въ думу. Первый разрядъ состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ, съ которыхъ поступаетъ въ общей сложности третья часть всѣхъ прямыхъ городскихъ налоговъ. Второй разрядъ образуютъ средніе плательщики, уплачивающіе вторую, а третій, наиболѣе многочисленный, разрядъ слагается изъ мелкихъ плательщиковъ, вносящихъ послѣднюю треть прямыхъ городскихъ налоговъ. Отъ кандидатовъ въ гласные не требуется имущественнаго ценза. Гласные не получаютъ жалованья и выбираются на шестилѣтній срокъ, но выборы производятся через каждые три года, причемъ обновляется половинная часть думы.

Личный составъ государственнаго управленія въ Японіи оказывается весьма многочисленнымъ и съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ. Такъ, на государственной службѣ состояло:

въ 1893 году	45,508	чиновниковъ	съ жалованьемъ	въ	10.745,358	іенъ
„ 1896 „	57,502	„	„	„	„ 14.516,262	„
„ 1899 „	70,413	„	„	„	„ 20.013,271	„
„ 1900 „	73,517	„	„	„	„ 22.192,433	„

Подобное же возрастаніе числа служащихъ замѣчается и въ личномъ составѣ мѣстнаго самоуправленія, гдѣ числилось въ 1900 году 185,614 должностныхъ лицъ, состоявшихъ на жалованьѣ.

Въ различныхъ отрасляхъ администраціи имѣется для служащихъ 930 титуловъ и наименованій самаго торжественнаго свойства. При такихъ обстоятельствахъ, если иностранцу, при царящемъ въ Японіи этикетѣ, трудно быть въ достаточной степени вѣжливымъ, когда онъ говоритъ съ простымъ смертнымъ изъ японцевъ, то это сказывается для него немыслимымъ въ бесѣдѣ съ чиновникомъ, занимающимъ хотя бы довольно скромный административный постъ.

Судебное устройство и законодательство.

Коротко знакомый съ Японіей и японцами, бывшій профессоръ токійскаго университета, Чемберленъ, говоритъ, что изученіе юридическихъ наукъ положительно вошло теперь въ моду у современной японской молодежи. Его считаютъ не только полезнымъ и необходимымъ въ интересахъ дальнѣйшей карьеры, но къ нему испытываютъ, сколько можно судить, также и совершенно безкорыстное влеченіе. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, что всѣ столь пора-

зительные успѣхи Японіи обусловливались измѣненіями въ законодательствѣ и управленіи страны. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что у японцевъ никогда не было своихъ собственныхъ національныхъ законовъ, непосредственно выросшихъ на почвѣ народной жизни. Назадъ тому 1200 лѣтъ, Японія заимствовала цѣликомъ всѣ свои законы у китайцевъ. Въ послѣдніе годы она цѣликомъ пересадила къ себѣ французскіе и нѣмецкіе кодексы, построенные, какъ извѣстно, на римскомъ правѣ. Въ сущности ей и не оставалось иного выбора, какъ поступить именно такимъ образомъ, такъ какъ она хотѣла, во что бы ни стало, добиться равноправности съ государствами, которыя состоятъ членами международной семьи культурныхъ державъ. Это была завѣтная мечта Японіи, которую она страстно преслѣдовала въ теченіе 30 лѣтъ.

Дѣло въ томъ, что Америка и Европа, принудивъ Японію открыть свои порты для иностранцевъ, выговорили для своихъ подданныхъ привилегію экстерриторіальности, т.-е. право судиться исключительно у своихъ консуловъ: вѣдѣніе японскихъ судовъ и властей на иностранцевъ не распространялось. Такой порядокъ вещей, обыкновенно устанавливаемый европейскими державами въ мало-культурныхъ государствахъ Востока, Японія считала унизительнымъ для своего національнаго достоинства. Но всѣ домогательства Японіи въ этой области рѣшительно отклонялись европейскими державами, которыя заявляли, что онѣ не могутъ предоставлять своихъ подданныхъ японскому правосудію до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ обставлено достаточными гарантіями просвѣщенности и безпристрастія и не будетъ опираться на тѣ начала, которыя признаются цивилизованными народами незыблемыми основами суда. Лишь послѣ того, какъ Японія ввела у себя цѣлый рядъ новыхъ уложеній, составленныхъ по европейскимъ образцамъ, и преобразовала свой судебный строй, европейскія державы заключили съ нею новые договоры (см. выше, стр. 106), въ силу коихъ право экстерриторіальности уничтожено: съ 1899 г. иностранцы, пребывающіе въ Японіи, подлежатъ вѣдѣнію японскихъ судовъ.

Прежде всего обнародованы были въ 1880 г. уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовнаго судопроизводства, которые были выработаны для Японіи французскимъ юристомъ Буассонадомъ де Фонтараби на основаніи Наполеоновскаго кодекса, съ нѣкоторыми измѣненіями, почерпнутыми изъ уголовнаго законодательства, дѣйствовавшаго передъ тѣмъ въ странѣ Восходящаго Солнца. Впрочемъ, уставъ уголовнаго судопроизводства въ 1890 году подвергся пересмотру, въ видахъ согласованія его съ уставомъ гражданскаго судопроизводства и съ закономъ объ устройствѣ судебныхъ

учрежденій, обнародованными въ 1890 г. Уложенія гражданское и уставъ торговый вступили въ дѣйствіе въ 1898 году. Къ законамъ, еще не сведеннымъ въ законченные кодексы, можно причислить также конституціонную хартію съ законами, относящимися до императорской фамиліи, парламента и государственныхъ финансовъ; законы мѣстнаго самоуправленія и т. ц.

«Юстиціи» посвящена особая глава въ японской конституціи. Въ ней проводится начало несмѣняемости судей, которые могутъ быть смѣщены лишь по приговору уголовнаго или дисциплинарнаго суда, устанавливается начало гласности судопроизводства, предусматривается устройство особыхъ судовъ «административной юстиціи» (для разсмотрѣнія жалобъ по поводу нарушенія интересовъ частныхъ лицъ незаконными дѣйствіями правительственныхъ властей), и имѣется статья, въ силу коей «дѣянія, подлежащія вѣдѣнію исключительныхъ судовъ, должны быть опредѣлены закономъ».

Преступленія, караемыя японскими уголовными законами, раздѣляются на три категоріи. Къ первой изъ нихъ отнесены преступленія противъ государства или же императорской фамиліи, посягательства на государственный кредитъ, народное здравіе, внутренній миръ и т. д. Ко второй категоріи отнесены преступленія противъ личности и имущества, а къ третьей—проступки, подлежащіе вѣдѣнію мировыхъ судовъ. Преступленія первой и второй категоріи дѣлятся, сверхъ того, на обыкновенныя и тяжкія. Виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ могутъ быть присуждены къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, къ ссылкѣ съ каторжными работами или безъ оныхъ, пожизненно или на срокъ. Обыкновенныя преступленія наказуются заключеніемъ въ тюрьмѣ съ каторжными работами или безъ оныхъ и денежнымъ штрафомъ. За проступки, подсудные мировымъ учрежденіямъ, налагается арестъ на время отъ одного до трехъ дней безъ принудительныхъ работъ и денежные штрафы въ размѣрѣ отъ 50 коп. до 2 рублей на наши деньги. Судъ присяжныхъ въ Японіи не введенъ. Процессъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи разсматривается тремя судьями, а по обыкновеннымъ преступленіямъ—однимъ членомъ суда, а въ нѣкоторыхъ, болѣе серьезныхъ, случаяхъ также тремя судьями. Легкіе проступки, какъ уже упомянуто, разбираются единоличнымъ судьею. Судебное рѣшеніе по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи можетъ быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ по существу дѣла. При исполненіи смертной казни обязанъ присутствовать прокуроръ. Лица, присужденныя къ ссылкѣ, препровождаются большею частью на островъ Іессо, гдѣ ихъ заставляютъ иногда работать въ рудникахъ.

Потерпѣвшій отъ преступленія подаетъ жалобу въ полицейскій

участокъ или же непосредственно прокурору. Полиція можетъ арестовать учинившаго преступленіе лишь въ томъ случаѣ, когда оно совершено на ея глазахъ или же на глазахъ потерпѣвшаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ она должна предварительно заручиться предписаніемъ судьи. Судья можетъ разрѣшить замѣну ареста соотвѣтственнымъ денежнымъ залогомъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ прокуроромъ. При пересмотрѣ устава уголовнаго судопроизводства внесены въ него, кромѣ измѣненій, указанныхъ восемнадцатилѣтнимъ опытомъ, также и нѣкоторыя заимствованія изъ практики германскаго судопроизводства.

Въ 1872 г. были учреждены должности судей, прокуроровъ, нотаріусовъ, а также судебно-полицейскихъ приставовъ для арестованія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Одновременно съ этимъ были учреждены различные суды и училище правовѣдѣнія. Все это являлось подражаніемъ французскимъ образцамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ уже упомянуто, многое измѣнилось. Въ настоящее время въ Японіи существуютъ: 1 верховный кассаціонный судъ въ Токіо *) (даисининъ), 7 апелляціонныхъ судовъ (косоинъ), 49 окружныхъ судовъ (чихосаибансо) и около 1200 единоличныхъ мировыхъ судей; всѣ эти судебныя учрежденія вѣдають какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ мировыхъ судахъ разсматриваются, кромѣ проступковъ, также и болѣе легкія преступленія, за которыя, по мнѣнію прокурорскаго надзора, достаточною карою могутъ служить наказанія, налагаемыя мировыми судьями. Окружные суды производятъ разслѣдованія преступленій и постановляютъ по нимъ приговоры. Въ апелляціонныхъ судахъ ведутся дѣла по апелляціоннымъ, а въ верховномъ судѣ по кассаціоннымъ жалобамъ. По обвиненіямъ въ преступленіяхъ обыкновенно назначается предварительное слѣдствіе, на которомъ защита адвокатовъ не допускается; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ маловажныхъ преступленій можетъ быть по желанію прокурора безотлагательно назначено судебное разбирательство; часто, однако, обвиняемые подолгу содержатся въ предварительномъ заключеніи.

Въ нынѣшнемъ личномъ составѣ японскаго судебнаго вѣдомства имѣется сравнительно лишь немного старыхъ до-реформенныхъ судей. Большинство окончило курсъ юридическихъ наукъ при императорскомъ университетѣ или же въ частныхъ училищахъ правовѣдѣнія (ихъ восемь во всей Японіи, въ томъ числѣ шесть въ одномъ Токіо). Ежегодно до тысячи молодыхъ людей оканчиваютъ курсъ юридическихъ наукъ. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ организовано по

---

*) Въ Токіо существуетъ и высшій административный судъ (гіосеи саибансо).

французскому образцу. Кандидаты на судебныя должности должны выдержать два экзамена, одинъ—теоретическій, другой—по судебной практикѣ, причемъ окончившіе университетъ освобождаются отъ перваго изъ нихъ и держатъ лишь второй экзаменъ послѣ трехлѣтняго практическаго испытанія. Судьи получаютъ жалованье всего лишь въ размѣрѣ отъ шестисотъ до четырехъ тысячъ іенъ, а потому наиболѣе способные изъ нихъ вскорѣ выходятъ въ отставку, чтобы заняться адвокатурой. Дѣло дошло до того, что весною 1901 года многіе судьи и прокуроры устроили нѣчто въ родѣ общей стачки, требуя, чтобъ имъ увеличили содержаніе. Впрочемъ, предсѣдатели судебныхъ палатъ и кассаціоннаго суда пользуются почти министерскими окладами, но и послѣдніе, какъ всѣ вообще оклады на государственной службѣ въ Японіи, тоже не велики и никогда не превышаютъ 6000 іенъ.

Въ прежнее время для постановленія обвинительнаго приговора надо было непремѣнно заручиться сознаніемъ самого виновнаго. Старинные японскіе суды сплошь-и-рядомъ прибѣгали къ пыткѣ, которая была отмѣнена по настоянію Буассонада де Фонтараби лишь 10 іюня 1876 года. Впрочемъ, японскіе суды даже и въ гражданскихъ дѣлахъ сбнаруживаютъ склонность подозрѣвать неправоту отвѣтчика, хотя теоретически считаютъ его правымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное. Замѣчается у нихъ и склонность превращать въ мертвую букву тѣ постановленія закона, которыя идутъ въ разрѣзъ съ унаслѣдованными привычками или съ древними національными обычаями; особенно часто уклоняется въ эту сторону судебная практика по дѣламъ о разводѣ и вообще о правахъ женщины. Въ уголовномъ процессѣ судебное слѣдствіе ведется судьею. Защитникъ не можетъ самъ разспрашивать свидѣтелей, а предлагаетъ имъ вопросы черезъ него. Свидѣтелей приводятъ къ присягѣ, причемъ клятва замѣняется торжественнымъ удостовѣреніемъ, безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Это удостовѣреніе имѣетъ форму письменнаго документа, который скрѣпляется подписью свидѣтеля или же приложеніемъ его печати. Вообще весь ходъ судебнаго разбирательства излагается письменно, но не съ буквальною точностью, такъ какъ оффиціальные документы должны быть написаны на литературномъ, а не на разговорномъ языкѣ.

Тюремная часть переживаетъ въ Японіи переходное время. Имѣются два типа тюремъ: одинъ типъ представляетъ собою сколокъ съ самыхъ усовершенствованныхъ европейскихъ образцовъ; къ другому національно-японскому типу принадлежитъ еще громадное большинство тюремъ. Этотъ послѣдній типъ обладаетъ многими характерными особенностями.

Посреди дворовъ и садовъ, изобилующихъ, по преимуществу,

карликовыми деревьями, раскинуты большіе сараи съ рѣшетчатыми стѣнами. Внутреннее убранство ихъ ограничивается только тщательно приложенными другъ къ другу цыновками, устилающими весь полъ. Ночью вся площадь пола занята постелями заключенныхъ. Надзоръ за арестантами ведется со двора. Окрестности каждой изъ рѣшетчатыхъ камеръ освѣщаются цѣлую ночь фонарями съ рефлекторами до такой степени ярко, что позволяютъ наблюдать за тѣмъ, какъ спятъ рядышкомъ другъ съ другомъ заключенные, завернувшіеся каждый въ свое одѣяло.

Благодаря рѣшетчатымъ стѣнамъ камеры воздухъ въ ней оказывается достаточно свѣжимъ. Для лѣтняго сезона это, сравнительно, недурно, но зимою европейцы нашли бы японскую тюрьму національнаго типа для себя холодноватой. Съ упраздненіемъ экстерриторіальности, нѣсколько европейцевъ, которымъ, по приговорамъ японскихъ судовъ, пришлось поневолѣ ознакомиться, въ зимнее время, съ туземными тюрьмами, очень страдали тамъ отъ стужи. Что касается самихъ японцевъ, то они не придаютъ ей серьезнаго значенія и во всякое время года предпочитаютъ свои національныя рѣшетчатыя камеры помѣщеніямъ въ тюрьмахъ европейскаго образца. Обыкновенно, впрочемъ, рѣшетчатыя стѣны тюремной камеры на ночь обтягиваются снаружи бумагой, а въ больничныхъ палатахъ приколачивается вдоль стѣнъ деревянный плинтусъ вышиною въ 30 сантим., чтобы не дуло прямо на полъ, замѣняющій собою кровати. Такъ какъ заключенные спятъ вповалку другъ возлѣ друга, то каждый изъ нихъ грѣетъ своего сосѣда и, въ свою очередь, заимствуется отъ него тепломъ. Немногіе больные, которые, по предписанію врачей, помѣщаются на отдѣльныхъ кроватяхъ съ ножками, окутываются двойными одѣялами и все-таки дрожатъ отъ холода.

Европеецъ, успѣвшій хорошо ознакомиться съ японскими порядками, невольно изумляется отсутствію сколько-нибудь замѣтной разницы въ удобствахъ между тюремной камерой и жилымъ помѣщеніемъ туземнаго крестьянина или мастерового. При такихъ обстоятельствахъ, японецъ изъ простонародья, попавшій въ тюрьму, почти не испытываетъ тамъ матеріальныхъ лишеній. Пища заключенныхъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, не хуже той, которую ѣдятъ ни въ чемъ не провинившіеся простолюдины. Правда, порціи назначаются сообразно съ прилежаніемъ и поведеніемъ заключенныхъ. Въ то время какъ худшимъ арестантамъ отпускается одинъ рисовый пирогъ на семерыхъ, лучшіе изъ нихъ получаютъ тотъ же пирогъ на четверыхъ съ добавленіемъ конины подъ соусомъ изъ бобовъ и нѣсколькихъ штукъ картофеля. При тюрьмахъ устроены удобныя купальни, а несовершеннолѣтніе заключенные ка-

ждый день въ продолженіе часа занимаются гимнастикой на открытомъ воздухѣ. Работы въ тюрьмахъ почти для всѣхъ обязательны, но просторныя, чистыя и хорошо провѣтриваемыя тюремныя мастерскія несравненно лучше фабричныхъ и заводскихъ мастерскихъ, да къ тому же работать въ нихъ приходится лишь отъ семи до восьми часовъ въ день. Каждому изъ заключенныхъ предоставляется въ собственность извѣстная доля изъ его заработка (худшимъ рецидивистамъ всего лишь 2%, отбывающимъ въ первый разъ наказаніе—10%). Всѣ заключенные подчинены строгой военной дисциплинѣ, но слѣдуетъ замѣтить, что въ Японіи преступника не считаютъ существомъ отверженнымъ, исключеннымъ изъ человѣческаго общества. Какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи его не отдѣляютъ непроходимою пропастью отъ общей массы гражданъ и, во всякомъ случаѣ, стараются исправить его воспитаніемъ. Несовершеннолѣтніе заключенные ежедневно учатся по два часа въ тюремной школѣ. Внѣшній видъ японской тюрьмы тоже производитъ на европейца странное впечатлѣніе. Она не обнесена высокими мрачными стѣнами, въ которыхъ иногда не сразу отыщешь и единственныя ворота: вмѣсто стѣны—низенькій земляной валъ, увѣнчанный живою изгородью, надъ которой кое-гдѣ на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга возвышаются сторожевыя будки. Заключеннымъ какъ-будто предоставлены всяческія удобства для побѣга, а между тѣмъ этими удобствами они никогда почти не пользуются. Это объясняется отчасти тѣмъ, что арестантамъ сравнительно хорошо живется въ тюрьмахъ, отчасти же увѣренностью, что полиція не замедлитъ изловить бѣглеца.

Всего тюремъ въ Японіи 7 государственныхъ и 132 мѣстныхъ; къ концу 1900 г. всѣхъ арестантовъ (осужденныхъ и подслѣдственныхъ) въ нихъ содержалось 52.990 мужчинъ и 3689 женщинъ.

О числѣ преступленій, совершаемыхъ въ Японіи, уголовная статистика страны приводитъ нижеслѣдующія данныя:

	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Обыкновенныя преступленія . .	2.492	2.960	3.039	2.798	2.675
Тяжкія преступл. .	165.556	171.730	164.469	130.922	126.525
Итого .	168.048	174.690	167.508	133.720	131.200

Если взять для сравненія данныя за болѣе продолжительный періодъ, то окажется, что, по мѣрѣ пріобщенія Японіи къ европейской цивилизаціи съ ея усложненіемъ жизни, преступность въ странѣ возрастаетъ. Такъ, смертоубійствъ въ 1884 г. было совершено 5603, въ 1891 г.—7499, въ 1899 г.—8537.

Преступленія, совершаемыя военно-служащими, подлежатъ вѣдѣнію особыхъ военныхъ судовъ. На время войны учреждаются призовые суды, о которыхъ изданъ въ 1894 году особый законъ изъ 32 статей. Существуютъ двѣ инстанціи призоваго суда. Въ составъ ихъ входятъ юристы и морскіе офицера. По закону, каждый командиръ, захватившій призовое судно, долженъ доставить его самъ или черезъ довѣреннаго офицера въ тотъ портъ, гдѣ находится призовый судъ, съ изложеніемъ фактовъ, оправдывающихъ захватъ. Если судъ постановляетъ приговоръ о законности захвата, то рѣшеніе можетъ быть обжаловано въ мѣсячный срокъ; по истеченіи послѣдняго, въ случаѣ необжалованія, приговоръ вступаетъ въ законную силу. Если судъ второй инстанціи найдетъ, что приговоръ постановленъ неправильно, то дѣло со всѣми документами вновь передается на разсмотрѣніе первой инстанціи. Такимъ образомъ, призовый судъ второй инстанціи является судомъ кассаціоннымъ. Всякая добыча, признанная судомъ законною, считается достояніемъ государства. До окончанія дѣла суда и грузы хранятся въ морскихъ депо.

Гражданское уложеніе было первоначально обнародовано въ 1890 г. Оно было выработано тѣмъ же Буассонадомъ, который строго придерживался кодекса Наполеона; впрочемъ, отдѣлы о личныхъ правахъ и о правѣ наслѣдственномъ были составлены японскими законовѣдами. Уложеніе это должно было вступить въ силу 1 января 1893 г., но такъ какъ тѣмъ временемъ императоръ даровалъ своему народу конституцію, то вновь учрежденный парламентъ въ первой же сессіи своей потребовалъ, чтобы это уложеніе было подвергнуто его пересмотру. Пересмотръ превратился въ коренную переработку, и вновь составленное уложеніе вступило въ силу въ 1899 г.

Японское гражданское уложеніе, содержащее 1146 статей, распадается на пять книгъ. Первая книга посвящена общимъ положеніямъ, вторая—вещному праву, третья — праву обязательному, четвертая—семейственному, пятая—наслѣдственному. Первыя три книги довольно близко примыкаютъ къ новому обще-германскому уложенію, которое, какъ извѣстно, представляетъ собою послѣднее слово юридической техники въ смыслѣ формулировки гражданскаго правопорядка, присущаго буржуазно-капиталистическому строю. Канвою, по которой здѣсь вышиты тонкіе юридическіе узоры, является торговля, главною фигурою—личность, свободно распоряжающаяся своимъ имуществомъ, господствующимъ интересомъ, предъ которымъ все отступаетъ на задній планъ,—интересъ торговаго оборота. Насколько такое уложеніе окажется примѣнимымъ къ странѣ, въ которой народныя массы остались еще незатронутыми волнами капиталистической торговли, въ

которой въ теченіе вѣковъ общественною единицею служила не личность, а семья—это покажетъ будущее. То обстоятельство, что японскіе компиляторы старались быть болѣе краткими, чѣмъ ихъ германскій образецъ, не входили въ частности, ограничивались лишь общими положеніями, едва ли улучшитъ дѣло.

Иной характеръ носятъ двѣ послѣднія книги японскаго уложенія. Въ области семейственнаго и наслѣдственнаго права всего ярче отражаются особенности національнаго правосознанія, и здѣсь даже японскимъ перекраивателямъ туземной жизни на европейскій ладъ пришлось пріостановиться. Обѣ эти книги носятъ рѣзкій отпечатокъ японскаго своего происхожденія и представляютъ въ высшей степени интересный матеріалъ для изученія японскаго быта. И здѣсь многія постановленія приведены въ соотвѣтствіе съ обще-культурными воззрѣніями европейцевъ. Въ особенности это должно сказать о правовомъ положеніи женщины. Такъ, уложеніемъ запрещено отдавать молодыхъ дѣвушекъ въ залогъ при займахъ, подъ чѣмъ прикрывалась продажа родителями дѣвушекъ въ дома терпимости, продажа, которая до 1875 г. производилась открыто. Уложеніемъ впервые признано за женщиною право быть главою семьи, право владѣть имуществомъ на свое имя; уложеніемъ же впервые установлено, что наложницы не должны считаться членами семьи. Конечно, законъ не въ силахъ сразу измѣнить народныя воззрѣнія, не можетъ онъ произвести коренной и быстрой ломки въ нравахъ. Фактически положеніе женщины въ Японіи, несмотря на всѣ нововведенія законодательства, остается попрежнему безусловно приниженнымъ. Да и самъ законъ во многомъ отстаетъ отъ обще-культурныхъ воззрѣній. Такъ, онъ разрѣшаетъ мужу разводъ, въ случаѣ невѣрности жены, и отказываетъ въ этомъ правѣ—обманутой женѣ. Безспорно, однако, что законъ, опередившій жизнь, является могучимъ двигателемъ прогресса, если онъ насаждаетъ начала человѣчности и свободы.

Торговый уставъ вступилъ въ дѣйствіе въ 1899 г. И онъ составленъ по образцу германскаго торговаго уложенія, но въ составъ его вошли и нѣкоторые англійскіе элементы. Такъ, къ англійскому праву примыкаютъ постановленія о векселяхъ на предъявителя. Особыхъ коммерческихъ судовъ въ Японіи нѣтъ; торговые процессы ведутся въ гражданскихъ отдѣленіяхъ обыкновенныхъ судовъ. Конкурсный процессъ распространяется какъ на банкротство торговое, такъ и на несостоятельность не-торговаго характера.

Сословія. Паріи.

Въ первое время по упраздненіи феодальнаго строя въ Японіи, она казалась, по наружности, страною чисто-демократическою, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, въ народѣ крѣпко держались еще привычки и традиціи прежняго порядка вещей. Отсутствіе титуловъ, которые указывали бы разницу между бывшимъ дайміо или кугё и простолюдиномъ, казалось японцамъ до такой степени неудобнымъ, что, когда маркизъ Ито посовѣтовалъ императору возстановить въ Японіи родовое дворянство изъ прежнихъ кугё, дайміо и самураевъ, онъ и на самомъ дѣлѣ былъ выразителемъ желанія большинства правящихъ классовъ японскаго населенія. По этому совѣту въ 1884 г. учреждены высшее дворянство или квазоку и мелкое дворянство или сизоку; весь остальной народъ объявленъ гражданами или хейминъ. Къ дверямъ дома каждаго японца обязательно прибивается дощечка съ обозначеніемъ его имени и сословія, но въ отношеніи правъ состоянія никакихъ различій между этими сословіями нѣтъ: всѣ равны передъ закономъ и пользуются одинаковыми гражданскими правами. Лишь высшему дворянству предоставлены нѣкоторыя преимущества.

Высшее дворянство или квазоку (дословно: процвѣтающіе роды) распадается на пять разрядовъ, которымъ присвоены европейскіе титулы князей (по-японски ко; 11 родовъ), маркизовъ (ко; этотъ титулъ произносится одинаково съ предыдущимъ, но имѣетъ другое начертаніе въ китайскихъ іероглифахъ; 33 рода), графовъ (хаку; 89 родовъ), виконтовъ (си; 363 рода) и бароновъ (данъ; 220 родовъ). Привилегія княжескихъ родовъ заключается въ томъ, что изъ нихъ выбираются невѣсты для императора и наслѣдника престола. Члены квазоку получаютъ пенсіи изъ цивильнаго листа, т.-е. изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе императорскаго двора, но взамѣнъ этого несутъ нѣкоторыя особыя обязанности; такъ, они не имѣютъ права вступать въ бракъ безъ разрѣшенія микадо. Извѣстная часть ихъ— одни по праву рожденія, другіе по выбору—состоитъ членами палаты господъ (см. выше, стр. 112). Въ составъ квазоку вошли прежніе кугё (роды, ведшіе свое происхожденіе отъ императорскаго дома) и дайміо (владѣтельные феодальные князья), а также нѣкоторыя лица, выдвинувшіяся своими заслугами въ эпоху возстановленія власти микадо. Нынѣшній князь Симатсу—не кто иной, какъ бывшій дайміо Сацума; богатѣйшій изъ японскихъ аристократовъ, маркизъ Маэда—прежній дайміо Кага.

Такимъ образомъ, японская аристократія можетъ считаться и самою юною, и самою древнею въ мірѣ. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ своими родоначальниками сподвижниковъ перваго миѳическаго

микадо, слѣдов., роду своему—свыше 2500 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ни одна аристократія въ мірѣ не приносила столько жертвъ на алтарь отечества, какъ японская. Добровольно, отчасти даже по собственному почину своему, снизошли на ступень простыхъ подданныхъ феодальные владѣтельные князья, которые въ своихъ помѣстьяхъ были почти независимыми монархами и располагали обширными доходами. Ни одинъ дайміо не имѣлъ ежегоднаго дохода менѣе 10000 коку риса, а доходы богатѣйшаго изъ нихъ—дайміо Кага—достигали 1.200,000 коку риса въ годъ *). Всѣхъ дайміо было 300, но только 264 изъ нихъ имѣли укрѣпленные замки; послѣдними могли обзаводиться лишь дайміо, которые располагали годичнымъ доходомъ свыше 15000 коку риса. Отъ всѣхъ своихъ привилегій дайміо отказались, разъ они убѣдились, что феодальный строй является главнымъ тормозомъ прогресса страны. Весною 1869 г. крупнѣйшіе феодалы—дайміо Сацума, Нагато, Тоза и Хизенъ—передали свои владѣнія въ собственность государства, не выговоривъ себѣ никакого возмѣщенія; примѣру ихъ послѣдовали всѣ остальные дайміо, одни добровольно, другіе волею-неволею. Всѣмъ имъ, впрочемъ, были назначены пенсіи, которыя вскорѣ были замѣнены выкупными свидѣтельствами.

Но душою японскаго прогресса явились не дайміо, а самураи, изъ которыхъ образовано низшее дворянство или с и з о к у.

С а м у р а я м и (отъ глагола самуранъ — служить) назывались вассалы дайміо. Возникновеніе этого класса относится къ восьмому вѣку, когда изданъ былъ указъ, согласно которому всѣ состоятельные крестьяне, умѣющіе владѣть оружіемъ, должны были составить нѣчто въ родѣ милиціи подъ предсѣдательствомъ дайміо. Мало - по - малу, между самураями и дайміо установились вассальныя отношенія, но особенностью феодальнаго строя Японіи было то, что вассалы получали отъ дайміо, подъ условіемъ службы, не земли въ пользованіе, а пенсіи, которыя выдавались имъ натурою. У менѣе значительныхъ дайміо, которые сами располагали годичнымъ доходомъ лишь отъ 10 до 20 тыс. коку риса, самураи получали отъ 30 до 500 коку риса въ годъ; у крупнѣйшихъ феодаловъ—Кага, Сацума, Мутсу — были самураи, годичный доходъ которыхъ достигалъ 10000 коку риса. Внѣшними отличіями самураевъ были особое платье, а также два меча, изъ коихъ одинъ служилъ боевымъ оружіемъ, другой, болѣе короткій, предназначался для совершенія харакири **).

Х а р а к и р и — одинъ изъ своеобразнѣйшихъ обычаевъ старой Японіи. Буквально слово это означаетъ: распарываніе живота; впро-

*) Коку риса для того времени можно считать равноцѣннымъ 10 руб.

**) Впрочемъ, правомъ носить два меча пользовались и асигару — простые солдаты, которые считались слугами самураевъ.

чемъ, сами японцы предпочитаютъ употреблять однозначащее китайское выраженіе сеппуку, которое кажется имъ болѣе элегантнымъ. Возникновеніе этого обычая самоубійства объясняютъ не-желаніемъ побѣжденныхъ воиновъ отдаться живыми въ руки врага. Съ теченіемъ времени обычай этотъ сталъ привилегіею благородныхъ. Въ случаѣ, если благородный приговаривался къ смертной казни, ему предоставлялось избавиться отъ услугъ палача, совершивъ надъ собою харакири; особое должностное лицо посылалось для присутствованія при самоубійствѣ. Впрочемъ, процедура мучительной харакири рѣдко производилась полностью: чаще сзади обреченнаго на харакири становился секундантъ, обыкновенно ближайшій его родственникъ, который въ то мгновеніе, когда тотъ вонзалъ себѣ кинжалъ въ животъ, однимъ ударомъ меча отсѣкалъ ему голову.

Въ лицѣ самураевъ существовалъ въ Японіи своеобразный и притомъ многочисленный классъ людей, которые вели совершенно особый образъ жизни. Когда самураи не выступали въ походъ съ дайміо, они предпринимали путешествія и искали приключеній. Всего болѣе они напоминаютъ средневѣковое рыцарство Европы. Въ ихъ средѣ процвѣтали доблести, во многомъ соотвѣтствующія рыцарскимъ понятіямъ о чести и столь же условныя. Рыцарскія воззрѣнія прежней Японіи во множествѣ случаевъ возлагали на самурая обязанность харакири. Тяжкое оскорбленіе, за которое не было возможности отмстить, незаслуженное безчестіе, грубый промахъ, ошибка сужденія, даже простыя погрѣшности въ служебныхъ дѣлахъ — все это имѣло своимъ послѣдствіемъ необходимость самоубійства или, по крайней мѣрѣ, дѣлало харакири наиболѣе почетнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія. Если самурай имѣлъ поводъ укорять въ чемъ-либо своего господина, въ особенности по дѣламъ управленія, онъ часто для усиленія своего протеста совершалъ надъ собою харакири. Основною добродѣтелью самурая считалась лояльность, т.-е. вѣрность своему сюзерену-дайміо, вѣрность до гроба, соединявшаяся со слѣпымъ повиновеніемъ, беззавѣтною преданностью и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ. Вѣрность обязывала и къ кровной мести *) за оскорбленіе, нанесенное сюзерену. Самурай, лишенный чести, прогнанный, напр., за какой-либо проступокъ своимъ дайміо, становился ронин'омъ, т.-е. скитальцемъ, бродягою, занимавшимся обыкновенно разбоемъ; если онъ падалъ еще ниже, то становился торговцемъ. Иногда, впрочемъ, самурай добровольно становился ронин'омъ. Это бывало именно

*) Обязанность кровной мести (адауци или катакіуци) за убійство отца или сюзерена лежала на сынѣ или вассалѣ. Обязанность эта выводилась изъ изреченія Конфуція: «ты не долженъ жить подъ однимъ небомъ съ тѣмъ, кто убилъ твоего отца». Согласно законнику Е-ясу (XVII в.),

тогда, когда самурай принималъ обѣтъ кровной мести за оскорбленіе, нанесенное его сюзерену, но, не желая вовлекать своего господина въ актъ мести, объявлялъ себя ронин'омъ. Славнѣйшимъ эпизодомъ въ рыцарскихъ лѣтописяхъ Японіи является «подвигъ 47 ронин'овъ», которые въ 1703 г. всѣ до единаго покончили съ собою на могилѣ своего господина послѣ того, какъ выполнили обѣтъ кровавой расплаты съ его врагомъ. «Подвигъ 47 ронин'овъ» воспѣтъ поэтами, а могила ихъ понынѣ служитъ предметомъ благоговѣйнаго поклоненія *).

Громадную роль въ исторіи Японіи сыграла одна черта, присущая всему японскому народу, но проявлявшаяся, главнымъ образомъ, въ самураяхъ. Это—страстная жажда знанія. Въ XVII в. они углублялись въ китайскую мудрость съ тою же страстностью, съ какою за послѣднія 30—35 лѣтъ принялись за изученіе всего европейскаго. Китайская культура ставила предъ японцами вопросы духа, и самураи выдвигали философовъ и моралистовъ; сущность европейской культуры японцы усматриваютъ въ техническомъ прогрессѣ и политикѣ, и самураи становятся во главѣ торгово-промышленныхъ предпріятій, дѣлаются политиками, создаютъ публицистику.

Такой высоко-интеллигентный общественный классъ, весь сотканный изъ честолюбія, вѣчно обуреваемый страстнымъ стремленіемъ самимъ стать и свой народъ поставить впереди всѣхъ въ мірѣ, получилъ бы руководящее значеніе въ странѣ, если бы даже онъ составлялъ малочисленный слой населенія. А самураи въ Японіи многочисленны.

По послѣдней переписи (31 дек. 1898 г.) въ Японіи, кромѣ 53 членовъ императорскаго дома, насчитывалось:

	Семействъ.	Душъ.
Квазоку	706	4.551
Сизоку (т.-е. бывш. самураевъ)	439.387	2.105.698
Хеймнновъ	8.180.112	41.648.166

мститель долженъ былъ письменно заявить суду о своемъ рѣшеніи мстить обидчику; для выполненія этого рѣшенія судъ назначалъ срокъ; если въ теченіе этого срока мститель настигалъ обидчика, то между ними, въ присутствіи представителя властей, устраивалось единоборство; къ мстителю, убившему обидчика, переходило все имущество послѣдняго. Таковы были предписанія закона, но на практикѣ они не соблюдались. Обыкновенно мститель раньше расправлялся съ обидчикомъ и лишь послѣ этого заявлялъ властямъ о совершившемся фактѣ; производилось дознаніе, и если выяснялось, что убійство дѣйствительно совершено изъ мести, то дѣло часто, но не всегда, предавалось забвенію.

*) Исторія 47 ронин'овъ изложена въ «Tales of Old Japan» Митфорда; русскій переводъ этого разсказа у Л. Богословскаго, «Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ. Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи», Владивостокъ 1903 г., стр. 38—55.

Мы неоднократно имѣли случай отмѣтить, что нравы съ трудомъ поддаются воздѣйствію закона, что, на ряду съ европейскими нововведеніями, въ Японіи сохраняются остатки прошлаго, которые въ корнѣ противорѣчатъ закону. Однимъ изъ такихъ остатковъ являются ета или японскіе паріи.

Японія никогда не знала ни рабства, ни крѣпостничества въ тѣхъ его формахъ, въ какихъ оно существовало въ Европѣ. Но въ Японіи существовалъ классъ паріевъ, т.-е. людей нечистыхъ, отверженныхъ, которые стояли какъ бы внѣ закона, и одно прикосновеніе которыхъ считалось оскверняющимъ. Происхожденіе этого класса не извѣстно въ точности. Существуютъ различныя теоріи на этотъ счетъ, но изъ всѣхъ этихъ теорій наиболѣе правдоподобна та, которая приписываетъ возникновеніе класса паріевъ вліянію буддизма.

Когда въ странѣ утвердился буддизмъ, запрещающій лишать жизни кого бы то ни было—не только человѣка, но и животныхъ,—то люди, занимавшіеся, какъ ремесломъ, живодерствомъ и обдѣлкой шкуръ, выдѣлились въ особый презрѣнный, нечистый классъ.

И, дѣйствительно, ета всегда занимались живодерствомъ, какъ ремесломъ, и въ связи съ этимъ кожевеннымъ дѣломъ. При этомъ они—единственный классъ людей въ Японіи, употреблявшій мясо въ пищу, что особенно возбуждало въ японцахъ-вегетеріанцахъ презрѣніе, гадливость и даже ненависть къ этимъ «пожирателямъ мяса». Въ старину изъ среды ета выбирались палачи; на нихъ возлагались работы обезчещивающаго, унижающаго характера: хоронить казненныхъ, больныхъ преступниковъ приносить на судъ и т. д.

Нѣкогда ихъ образъ жизни и родъ занятій напоминали во многомъ жизнь и профессіи венгерскихъ цыганъ. Они кочевали съ мѣста на мѣсто, снимали шкуры съ павшаго скота и лошадей и закапывали въ землю ихъ туши; брали въ починку обувь и посуду, но при этомъ входить въ домъ хотя бы бѣднѣйшаго японца не смѣли: ихъ присутствіе оскверняло, поганило жилище. Въ городахъ они жили въ особыхъ, отведенныхъ исключительно имъ, кварталахъ. Самое имя ета производятъ отъ китайскаго еtа—«величайшій стыдъ».

По внѣшности ета почти ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ японцевъ, за исключеніемъ развѣ того, что женщины ихъ лакируютъ себѣ зубы. Но въ духовномъ складѣ ета не трудно подмѣтить нѣкоторыя отличительныя черты. Японецъ любитъ природу, понимаетъ ее и живетъ въ постоянномъ общеніи съ ней; жилища ета бросаются въ глаза благодаря особенности, кажущейся въ Японіи прямо необычайной: возлѣ нихъ ни деревца, ни зелени, какъ-будто не только люди, но и сама природа отъ нихъ отворачивается. Далѣе, японцы, въ общемъ, къ деньгамъ равнодушны; ета, напротивъ, къ деньгамъ жадны, любятъ ихъ и копятъ.

Императорскій указъ отъ 12 октября 1871 года объявилъ ета, общее число которыхъ въ то время составляло 287.111 чел., полноправными японскими гражданами, но до сихъ поръ еще законъ этотъ фактически остается мертвою буквою. Народъ попрежнему считаетъ паріевъ существами низшаго порядка и уклоняется отъ общенія съ ними. Когда ета выходитъ изъ чайнаго домика или ресторана, хозяинъ немедленно мѣняетъ цыновки, оскверненныя его прикосновеніемъ. Понынѣ ета вступаютъ въ браки исключительно съ себѣ подобными и въ городахъ всегда живутъ въ особомъ кварталѣ, занимаясь по преимуществу такими ремеслами, которыя считаются непристойными для буддистовъ (мясники, башмачники, сожигатели труповъ и т. п.—всегда паріи). Для нихъ придумано даже названіе «новопожалованнаго народа». Любимою темою для японскихъ беллетристовъ до сихъ поръ служатъ злоключенія порядочной дѣвушки, которая до того увлеклась красавцемъ ета, что забыла всѣ чувства приличія и вышла за него замужъ.

Иностранцы въ Японіи.

Права иностранцевъ въ Японіи опредѣляются законами и трактатами. Согласно гражданскому уложенію Японіи, «иностранцы пользуются всѣми правами, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ они лишены въ силу законовъ, указовъ и трактатовъ». Въ случаѣ противорѣчія между трактатомъ и закономъ, рѣшающее значеніе получаетъ трактатъ. Во всѣ трактаты включена статья, въ силу которой права, предоставленныя подданнымъ одного какого-либо государства, тѣмъ самымъ распространяются на всѣхъ иностранцевъ.

Въ силу трактатовъ, иностранцамъ предоставлены: право путешествовать и проживать во всѣхъ частяхъ Японіи; право на неприкосновенность личности и имущества; полная религіозная свобода; право прибѣгать къ суду на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и японскоподданные; право подлежать лишь тѣмъ налогамъ, какіе взимаются съ японцевъ; освобожденіе отъ воинской повинности, отъ военныхъ контрибуцій и принудительныхъ займовъ; право заниматься торговлею, промышленностью и ремеслами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и туземные подданные, но съ нѣкоторыми ограниченіями.

Ограниченія эти заключаются въ слѣдующемъ.

Иностранцы могутъ заходить со своими пароходами и грузами лишь въ тѣ порты, которые уже открыты или будутъ въ будущемъ открыты для международной торговли *). Каботажное (прибрежное) плаваніе между

*) Договорными портами, т.-е. портами, открытыми для международной торговли въ силу трактатовъ, являются: Іокогама, Осака, Ніигата,

японскими портами предоставлено только японскимъ судамъ; иностранные же пароходы могутъ перевозить свои грузы лишь между договорными портами, за исключеніемъ, однако, Осаки, Ніигаты и Ебису-Минато. Иностранцы не могутъ заниматься въ Японіи земледѣліемъ и горнопромышленностью, но самымъ важнымъ ограниченіемъ является запрещеніе иностранцамъ пріобрѣтать земли въ собственность: они могутъ только арендовать землю и пріобрѣтать право на ея «поверхность», т.-е. право владѣть постройками и деревьями, а также принимать земли и постройки въ залогъ (ипотеку).

Запрещеніе иностранцамъ пріобрѣтать земельную собственность представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что коренными недугомъ японской промышленности является недостатокъ капиталовъ. Между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ни одинъ капиталистъ не построитъ завода или фабрики на чужой землѣ. Если, при всемъ своемъ стремленіи къ привлеченію иностранныхъ капиталовъ, японское правительство все же упорно отказываетъ иностранцамъ въ правѣ пріобрѣтать земли въ собственность, то это служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что японцы, при всемъ своемъ увлеченіи европейскою культурою, ревниво оберегаютъ свою страну отъ вторженія чужихъ элементовъ. Они боятся, что наплывъ иностранцевъ погубитъ Японію, что страна ихъ будетъ затоплена иностранными переселенцами, что національные нравы будутъ подорваны, что вся промышленность перейдетъ въ руки иностранцевъ, которые завладѣютъ всѣми копями и, наконецъ, всею землею, причемъ японскій народъ попадетъ въ рабство. Особенно недовѣрчиво относятся къ иностранцамъ народныя массы, которыя продолжаютъ жить замкнутою національною жизнью.

Впрочемъ, по отношенію къ горнопромышленности, японское правительство сдѣлало значительную уступку: закономъ 1899 г. право разработки рудниковъ предоставлено иностраннымъ компаніямъ, но не отдѣльнымъ лицамъ изъ иностранцевъ. Практика признаетъ также за акціонерными компаніями, составленными иностранцами, право пріобрѣтать земли въ собственность, такъ какъ компанія, учрежденная

Хакодате, Хіого, Нагасаки, Симоносеки, Ебису-Минато, Тайнанъ и Тамсуй (Формоза). Кромѣ того, японское правительство, по собственному почину, помимо всякаго договора, открыло для внѣшней торговли слѣдующіе порты, но съ оговоркою, что портъ подлежитъ закрытію, послѣ предварительнаго увѣдомленія за три мѣсяца, если въ теченіе двухъ лѣтъ подрядъ общая цѣнность ввоза и вывоза не достигнетъ въ немъ 50.000 іенъ: Фушики, Хаката, Хамада, Исуруга, Куширо, Мисуми, Міазу, Моджи, Изухара, Каратсу, Кучинотсу, Отару, Сасуна, Симизу, Муроканъ (только для нѣкоторыхъ, особо перечисленныхъ товаровъ), Наха, Нанао, Сакай, Сисими, Такатойо, Іоккаичи, Вакаматсу. На тѣхъ же основаніяхъ открытъ и рядъ портовъ на Формозѣ

въ Японіи согласно японскимъ законамъ, разсматривается какъ японское юридическое лицо; но практика эта не имѣетъ достаточно прочной опоры въ законѣ.

Иностранцы не могутъ состоять акціонерами такихъ компаній, которыя пользуются особою поддержкою со стороны японскаго правительства; таковы, напр., японскій банкъ, Ниппонъ Юссенъ Канса (главное пароходное общество Японіи). Иностранцы могутъ, съ участіемъ или безъ участія японцевъ, учреждать акціонерныя и другія компаніи, соблюдая при этомъ законы страны *). Если иностранныя акціонерныя компаніи, учрежденныя въ другихъ странахъ, захотятъ открыть въ Японіи свои операціи, то онѣ должны имѣть въ Японіи представителя и объ имени и мѣстѣ жительства его довести до свѣдѣнія правительства. Если такое отдѣленіе иностранной компаніи будетъ совершать дѣйствія, противныя общественному порядку или добрымъ нравамъ, то подлежащій судъ можетъ запретить дальнѣйшую дѣятельность такой компаніи въ предѣлахъ Японіи.

Общее число иностранцевъ, постоянно живущихъ въ Японіи, не велико: въ концѣ 1889 г. оно не превышало 9062 чел., къ концу 1900 г. оно возросло до 12664 чел., въ томъ числѣ было: 6901 китаецъ, 2063 англичанина, 1474 американца, 554 германца, 470 французовъ, 189 русскихъ, 176 португальцевъ, 71 голландецъ, 89 швейцарцевъ, 20 австрійцевъ.

Но въ Японіи довольно много иностранцевъ-туристовъ. На Дальнемъ Востокѣ Японія представляетъ для туристовъ и лѣчащихся удобства такія же, какъ въ Европѣ Швейцарія, и, подобно послѣдней, извлекаетъ изъ этого не малыя выгоды. Суточный расходъ въ Японіи средняго европейца опредѣляется въ 5 іенъ (приблиз. 5 рубл.). Страну посѣщаетъ ежегодно 19—20 тыс. туристовъ, и оставляемая ими за годъ въ Японіи сумма достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, 4—5 милл. іенъ.

Государственные гербъ и флагъ. Ордена.

Государственный гербъ Японіи (кику-но-хана-монъ) представляетъ собою 16-лепестковый цвѣтокъ хризантемы (обыкновенно бѣлый съ золотомъ), гербъ же императорскаго дома (кири-монъ) образованъ изъ листьевъ и лепестковъ цвѣтка Paulownia imperialis.

Коммерческій флагъ — бѣлый съ краснымъ круглымъ дискомъ

*) Въ Японіи для учрежденія акціонерной компаніи не требуется испрашивать предварительное разрѣшеніе правительства; въ этомъ дѣлѣ принята тамъ явочная система, которая сводится къ обязанности поставить правительство, опредѣленнымъ, закономъ установленнымъ порядкомъ, въ извѣстность о состоявшемся учрежденіи акціонерной компаніи.

посрединѣ. На военномъ флагѣ изъ краснаго диска исходитъ 16 красныхъ и къ краямъ флага расширяющихся полосъ (солнце съ лучами). Тотъ же флагъ, только окаймленный голубымъ бордюромъ, служитъ знаменемъ полковъ

У японцевъ издревле въ большомъ почетѣ были пышные титулы и даже своего рода фамильные гербы; не удивительно, что ордена, заведенные по европейскому образцу, весьма привились въ этой странѣ. По отношенію къ выдающимся дѣятелямъ практикуется даже посмертное пожалованіе титулами и орденами. По внѣшнему

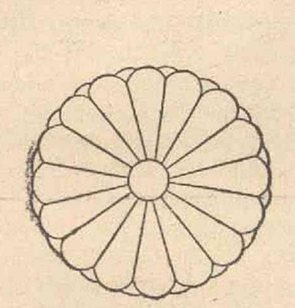


Рис. 1. Государственный гербъ Японіи.

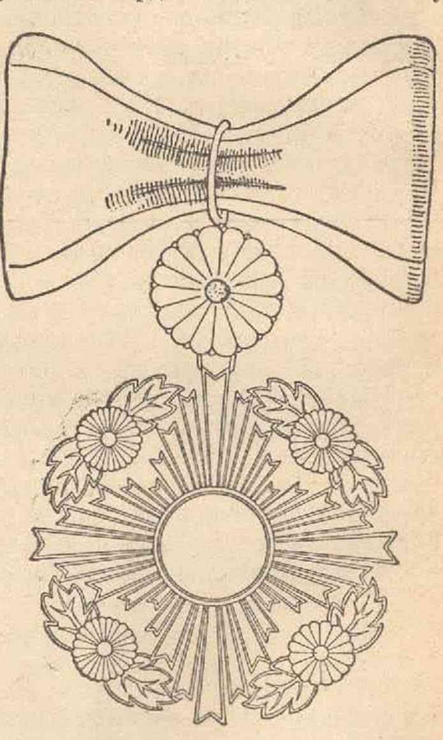


Рис. 3. Орденъ Хризантемы.

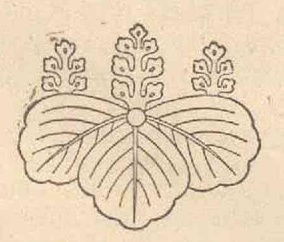


Рис. 2. Гербъ императорскаго дома.

виду японскіе ордена пестры и не отличаются красотою. Первымъ учрежденъ былъ въ 1875 г. орденъ Восходящаго Солнца. Высшимъ орденомъ является нынѣ орденъ Хризантемы, жалуемый только членамъ императорскаго дома; вторымъ по значенію считается орденъ Солнца или цвѣтка Paulownia, называемый такъ потому, что онъ изо-

бражаетъ собою священное зеркало солнца, обрамленное лепестками цвѣтка Paulownia; третье мѣсто занимаетъ орденъ Восходящаго Солнца, который дѣлится на 8 степеней, а четвертое — орденъ Зеркала или Священнаго Сокровища. Военнымъ орденомъ служитъ «заслуженный орденъ Священнаго Посвященія». Наконецъ, чтобы не остаться и безъ кавалерственныхъ дамъ, Японія учредила орденъ Короны, изображающій цвѣточный горшокъ съ цвѣтами и золотою птицею (рис. на стр. 142).

Календарь. Денежные знаки. Мѣры.

Свою систему лѣточисленія японцы заимствовали въ VII в. по Р. Х. у китайцевъ. Это— лѣтосчисленіе по эрамъ (ненго), т.-е. по періодамъ произвольной продолжительности, для которыхъ начальнымъ моментомъ берется какое-либо крупное историческое событіе. Новая эра начиналась со вступленіемъ на престолъ новаго микадо, но и въ теченіе одного царствованія часто устанавливались 2—3 эры. Всѣхъ эръ за $13^1/_2$ вѣковъ исторіи Японіи насчитывается 249. Въ 1873 г. введенъ былъ въ Японіи григоріанскій календарь, такъ что 1 января 2533 года японскаго лѣтосчисленія (считая съ воцаренія перваго миѳическаго микадо) было объявлено 1-мъ января 1873 г. Но, на ряду съ европейскимъ календаремъ, японцы сохранили и свою прежнюю систему лѣтосчисленія по эрамъ, такъ какъ считаютъ ее признакомъ своей независимости. Въ настоящее время въ Японіи течетъ эра Меиджи (просвѣщенія), которая считается съ 25-го января 1868 г., т.-е. съ момента возстановленія власти микадо.

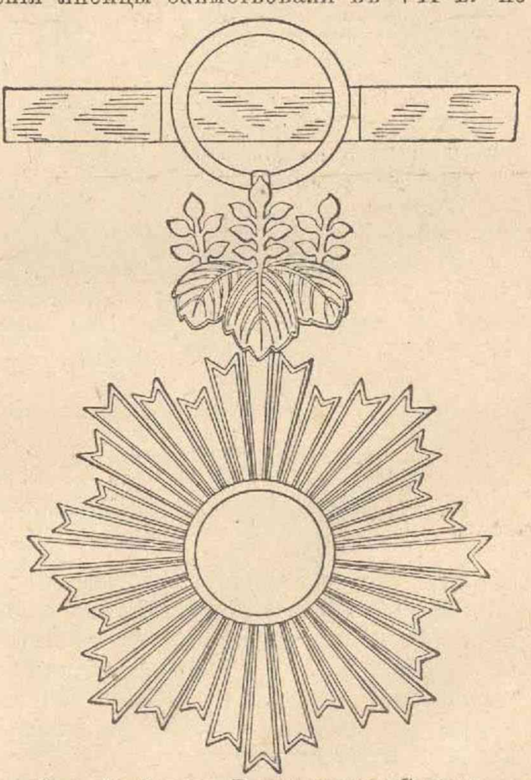


Рис. 4. Орденъ Восходящаго Солнца 1-го класса.

Русско-японская война, слѣдовательно, началась въ первыхъ числахъ 37-го года эры Мейджи.

Въ 1871 г. введена въ Японіи новая монетная система, а въ 1897 г. установлена золотая валюта *). Денежною единицею является іенъ, содержащій 0,75 грамма чистаго золота. Іенъ дѣлится на 100 сенъ, а сенъ на 10 ринъ. Одинъ іенъ равенъ 96,8689 русскимъ коп., а одинъ русскій рубль равенъ 103,23 сенъ. Монеты въ одинъ іенъ нынѣ не чеканятся. Нынѣшнія монеты Японіи: золотыя въ 20, 10 и 5 іенъ; серебряныя въ 50, 20 и 10 сенъ, никкелевыя въ 5 сенъ и бронзовыя въ 1 сенъ и въ

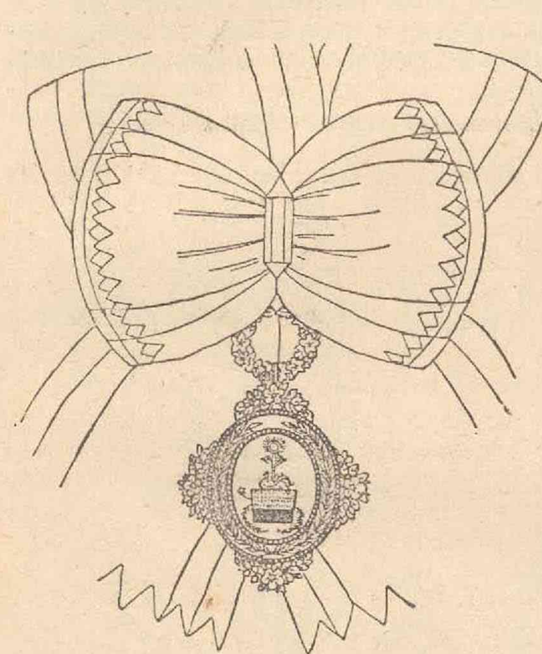


Рис. 5. Орденъ Короны 1-го класса.

Рис. 6. Золотая японская монета 10 іенъ.

5 ринъ. Золотыя монеты содержатъ 900 частей чистаго металла и 100 частей лигатуры, серебряныя — 800 частей чистаго металла и 200 частей лигатуры. Золотыя монеты прежней (до 1897 г.) чеканки (въ 20, 10, 5, 2 и 1 іенъ) обращаются по двойному курсу. Прежнія серебряныя монеты въ 1 іенъ изъяты изъ обращенія. Имѣются въ обращеніи прежнія серебряныя монеты въ 5 сенъ и мѣдныя монеты въ 2, 1 и 1/2 сены.

Фактически, однако, золотыя монеты не встрѣчаются въ обращеніи; ихъ замѣняютъ банковые билеты.

---

*) Объ этомъ и вообще о денежномъ обращеніи см. ниже въ очеркѣ экономическаго положенія Японіи.

Въ Японіи приняты нижеслѣдующія мѣры:

Мѣры длины:

1 ри	=	36 чо
1 чо	=	60 кенъ
1 кенъ	=	60 саку (кане)
1 саку	=	10 сунъ
1 сунъ	=	10 бу

Мѣры поверхности:

1 кв. ри (хо-ри)	=	$1555_{,2}$ чо
1 » чо	=	10 танъ
1 танъ	=	10 се
1 се	=	30 цубо (кв. кенъ)

Мѣры емкости и сыпучихъ тѣлъ:

1 риппо-кенъ (куб. кенъ)	=	$33_{,31945}$ коку
1 коку	=	10 то
1 то	=	10 со
1 со	=	10 чо

Мѣры вѣса:

1 кванъ	=	1000 момме (мс)
1 момме	=	10 фунъ
1 фунъ	=	10 ринъ
1 ринъ	=	10 мо
1 хяку-кинъ	=	16 кванъ
1 кванъ	=	$6^1/_4$ кинъ
1 кинъ	=	40 ріо

Въ морскомъ дѣлѣ и въ морской торговлѣ употребительны: к а и-р и (морская миля) = $1_{,8518}$ килом.; 1 т о н н а = $6_{,278665}$ коку = = $1_{,1326}$ кубич. метра; 1 к о к у = 40 кванъ (квамме).

Въ торговлѣ принята еще китайская единица к а т т и, равная японскому кинъ. 100 катти составляютъ 1 пикуль.

Сравнительная таблица мѣръ японскихъ, метрическихъ и русскихъ.

Японскія:	Метрическія:		Русскія:	
1 ри	$3_{,9273}$	килом.	$3_{,6813}$	версты
1 чо	$109_{,09}$	метра	$51_{,1294}$	сажени
1 кенъ	$1_{,8182}$	метра	$2_{,5567}$	аршина
1 саку	$0_{,3030}$	метра	$6_{,8166}$	вершка
1 кв. ри	$15_{,4235}$	кв. килом.	$13_{,5524}$	кв. версты
1 кв. чо	$99_{,1736}$	ара	$0_{,9077331}$	десятины
1 танъ	$9_{,9174}$	»	$217_{,8576}$	кв. сажени
1 цубо	$3_{,3058}$	кв. метра	$6_{,5350}$	кв. аршина
1 коку	$180_{,3907}$	литра	$14_{,6666}$	ведра
			$6_{,8752}$	четверика
1 кванъ	$3_{,7565}$	килогр.	$9_{,1577}$	фунта
1 кинъ	$0_{,60104}$	»	$1_{,1652}$	»

Населеніе Японіи.

Д. М. БУРОВА.

Численность и густота населенія.

По послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 31 декабря 1898 г., населеніе имперіи Восходящаго Солнца равняется 46.425.326 чел., а безъ колоній (Формозы и Пескадорскихъ о-вовъ) 43.760.815 чел. Такъ какъ приростъ населенія за послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка составлялъ 1,03% въ годъ, то населеніе Японіи безъ колоній къ 1 января 1904 г. составляло около 50 милл. чел.

По главнымъ островамъ и островнымъ группамъ населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Главные острова и островныя группы.	Число острововъ въ каждой группѣ.	Площадь въ квадр. верст.			Населеніе къ 31 дек. 1898 г.	На 1 кв. версту жителей.
		Главные острова.	Мелкіе острова.	Всего.		
Хондо	167	194.630,38	1.059,76	195.690,14	32.980.216	168
Сикоку	76	15.461,15	395,24	15.856,39	3.013.817	191
Кіу-Сіу	151	31.048,28	4.105,28	35.153,56	6.284.439	179
Іессо	13	67.912,55	68,76	67.981,31	608.040	9
Курильскіе о-ва	32	13.879,37	—	13.879,37	2.115	0,15
Садо	1	756,51	—	756,51	114.756	151
Оки	1	293,85	0,13	293,98	35.734	121
Аваджи	1	490,87	1,88	492,05	194.710	395
Ики	1	114,83	1,07	115,90	36.963	319
Цусима	5	590,25	10,34	600,59	33.956	56
Ріу-Кіу	55	2.107,30	—	2.107,30	453.550	215
Бонинъ-Сима	20	60,43	—	60,43	2.519	42
Итого	523	327.345,77	5.642,46	332.988,23	43.760.815	131
Формоза (Тайванъ)	30	30.261,04	—	30.261,04	2.615.223	86
Пескадоры	47	108,38	84,07	192,45	49.288	256
ВСЕГО	600	357.715,19	5.726,53	363.441,72	46.425.326	128

Изъ приведенной таблицы видно, что наиболѣе густо населены о-ва Аваджи и Ики, которые, особенно первый изъ нихъ, отличаются чрезвычайно выгоднымъ географическимъ положеніемъ по отношенію ко входу въ Японское Средиземное море; за ними слѣдуетъ архипелагъ Ріу-Кіу. Наиболѣе рѣдкое населеніе имѣется на Курильскихъ о-вахъ, гдѣ на одну кв. версту приходится въ 50 разъ меньше жителей, чѣмъ на сосѣднемъ о-вѣ Іессо, который также насчитываетъ всего 9 чел. на 1 кв. версту. Значительно менѣе средняго населены: о-въ Цусима и архипелагъ Бонинъ-Сима. На самую величину средней плотности (густоты) населенія Японіи сильно вліяетъ, именно понижающимъ образомъ, о-въ Іессо, который, занимая 24,6% пространства Японіи, содержитъ только 1,6% населенія ея. Если исключить о-въ Іессо, то средняя плотность населенія остальной Японіи (безъ колоній) опредѣлится въ 172 чел. на 1 кв. вер. Если же вмѣсто всего о-ва Хондо взять отдѣльныя части его, то главныя области Японіи въ отношеніи населенности ихъ расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

Западный Хондо	211	чел. на 1 кв. вер.
Средній Хондо	204	
Си-ко-ку	191	
Кіу-Сіу	179	
Сѣверный Хондо	97	
Іессо	7	

Разсматривая населенность отдѣльныхъ кеновъ, изъ которыхъ нѣкоторые (на Си-ко-ку, Кіу-Сіу и въ среднемъ Хондо) насчитываютъ отъ 300 до 400 чел. на 1 кв. вер., Н. Д. Богуславскій *) приходитъ къ тому выводу, что населеніе Японіи сосредоточивается преимущественно поблизости береговъ. Главнымъ образомъ, населены тѣ части побережья, гдѣ море представляетъ наибольшія удобства для мореплаванія, и гдѣ оно омываетъ равнины. Наименѣе населены тѣ части острововъ, которыя хотя и близки къ морю, но имѣютъ берега мало извилистые, мало удобные для мореходства, а равно части, удаленныя отъ моря и сильно гористыя. На о-вѣ Іессо населеніе держится береговъ, преимущественно южнаго; внутренность же острова, исключая долинъ рѣкъ, почти необитаема. Изъ Курильскихъ о-вовъ постоянное населеніе существуетъ лишь на двухъ южныхъ.

По абсолютной численности населенія Японія всего ближе стоитъ къ Великобританіи (безъ колоній), по густотѣ населенія—къ Италіи.

*) Н. Д. Богуславскій, «Японія. Военно-географическое и статистическое обозрѣніе». Спб. 1904, стр. 164 и сл.

Занимая пространство, равное приблизительно Финляндіи, Японія обладаетъ населеніемъ, только въ три раза меньшимъ населенія Россіи.

Для сравненія въ отношеніи населенности Японіи съ европейскими государствами и съ нѣкоторыми (въ томъ числѣ наиболѣе населенными) частями Россіи можетъ служить нижеслѣдующая таблица:

	Площадь въ тыс. кв. вер.	Населеніе въ тыс. душъ.	Жителей на 1 кв. вер.
Бельгія	26	6.744	268
Великобританія	275	40.190	146
Японская имперія	363	46.425	128
Японія безъ колоній	333	43.761	131
Италія	250	32.045	128
Германія	475	56.345	118
Китай Собственный	4.651	386.000	83
Франція	464	38.518	82
Россійская Имперія	19.683	128.932	6,5
Европейская Россія	4.763	106.155	22,2
Финляндія	328	2.483	8
Варшавская губ. съ Варшавой	13	1.934	130
Петроковская » съ Лодзью .	11	1.409	124
Московская » съ Москвою.	29	2.433	82
Приморская область	1.573	220	0,13
Амурская область	413	118	0,4

Такимъ образомъ, Японія принадлежитъ къ странамъ съ очень густымъ населеніемъ по сравненію не только съ Россіею, но и съ западно-европейскими государствами. Если же взять Японію безъ колоній и безъ о-ва Іессо, то послѣ Бельгіи ей, по густотѣ населенія, должно быть отведено второе мѣсто въ мірѣ. Въ то же время по отдѣльнымъ раіонамъ замѣчаются сильныя колебанія въ плотности населенія Японіи: на ряду съ мѣстностями, превосходящими по населенности Бельгію, существуютъ и безлюдныя пустыни. Колебанія эти объясняются какъ историческимъ ростомъ японскаго государства, которое распространялось съ юго-запада на сѣверо-востокъ, такъ и климатическими и почвенными условіями. Вообще 38-ую параллель слѣдуетъ признать рѣзкою климатическою границею, за которою населенность быстро понижается *).

---

*) Тамъ же, стр. 160—161,

Города и селенія Японіи *).

Пятидесятимилліонное населеніе Японіи размѣщается въ 14.778 городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ, съ 8.620,205 домами, что даетъ въ среднемъ одинъ населенный пунктъ съ 2.961 жителемъ и 583,4 домами на 22,5 кв. вер. Болѣе крупныя и частыя поселенія на Сико-ку и въ среднемъ Хондо, болѣе рѣдкія и мелкія (1 на 104 кв. вер., съ 781 жит.) на Іессо.

Выдѣленіе городовъ изъ общаго числа населенныхъ пунктовъ Японіи не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ такого раздѣленія въ японскихъ статистическихъ изданіяхъ, и, кромѣ того, не отвѣчаетъ условіямъ японской жизни, гдѣ между городомъ (за исключеніемъ только большихъ центровъ, административныхъ и торговыхъ) и селеніемъ не существуетъ ни внѣшняго, ни внутренняго различія. Въ то время, какъ въ бóльшей части Европы и въ Китаѣ города историческимъ ходомъ событій совершенно обособились отъ другихъ поселеній, заселились ремесленниками и торговцами, въ Японіи никогда не существовало законнаго разграниченія дѣятельности и правъ жителей той или иной категоріи поселеній, а ремесла и промышленность были распространены по всей странѣ. Въ этомъ отношеніи Японія представляетъ нѣкоторое сходство съ Россіею, гдѣ жители многихъ уѣздныхъ городовъ занимаются земледѣліемъ.

Большихъ же городовъ, имѣющихъ свыше 20 тыс. населенія, въ 1898 г. числилось 78, заключавшихъ 5.989.504 чел. жит. или почти 14% всего населенія. Одинъ такой городъ приходится на 4.269 кв. вер. и заключаетъ въ среднемъ 75.506 чел. жителей. Очень рѣдкая на о-вѣ Іессо (1 городъ на 27.287 кв. вер.) сѣть большихъ городовъ достигаетъ наибольшей густоты въ среднемъ и западномъ Хондо, гдѣ одинъ городъ съ среднимъ населеніемъ въ 89½—121½ тыс. чел. приходится на 2.662—2.914 кв. вер. Изъ 78 крупныхъ городовъ 44 расположены по побережью (у воды или въ разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ берега) и заключали 4.568,986 жит., т.-е. около 11% населенія Японіи и болѣе 70% общей цифры населенія всѣхъ 78 городовъ (см. табл. на стр. 148).

Большіе города могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія группы:

отъ 20 до 30 тыс. жит.	30 гор.
» 30 » 50 » »	27 »
» 50 » 100 » »	13 »
» 100 » 400 » »	6 »
» 400 » 1 мил. »	1 »
свыше 1 мил. жит.	1 »

*) П. Д. Богуславскій, «Японія», стр. 165—168.

Болѣе крупные города Японіи (до 20 т. ж.).

Звѣздочкою означены города, не расположенные на берегу моря.

Города.	Островъ, на которомъ расположенъ городъ.	Число жителей.	Города.	Островъ, на которомъ расположенъ городъ.	Число жителей.
Токіо	Хондо	1.440.121	*Сага	Кіу-Сіу	32.753
Осака	»	821.235	*Уцзуномія	Хондо	32.069
*Кіото	»	353.139	*Такаока	»	31.490
*Нагойя	»	244.145	*Мацумото	»	31.324
Кобе	»	215.780	*Нагано	»	31.319
Іокогама	»	193.762	*Гифу	»	31.942
Хирошима	»	122.306	*Такасаки	»	30.893
Нагасаки	Кіу-Сіу	107.422	*Іонезава	»	30.719
Каназава	Хондо	83.662	*Нара	»	30.539
*Сендай	»	83.325	*Акита	»	29.477
Хакодате	Іессо	78.040	*Вакамацу	»	29.200
Фукуока	Кіу-Сіу	66.190	*Куруме	Кіу-Сіу	29.008
Вакаяма	Хондо	63.667	*Тотори	Хондо	28.496
Токушима	Си-ко-ку	61.501	Аомори	»	28.029
*Кумамото	Кіу-Сіу	61.463	Уджіямада	»	27.990
*Тойяма	Хондо	59.558	Кокура	Кіу-Сіу	27.504
*Окайяма	»	58.025	Чиба	Хондо	26.233
Отару	Іессо	56.961	Моджи	Кіу-Сіу	25.274
Кагосима	Кіу-Сіу	53.481	*Іоккаичи	Хондо	25.220
Ніигата	Хондо	53.366	Муругаме	Си-ко-ку	24.977
Сакаи	»	50.203	Ацута	Хондо	24.941
*Фукуи	»	44.286	Іокосуко	»	24.750
Симоносеки	»	42.786	Шури	Окинава *)	24.809
*Сицзуока	»	42.172	*Іеда	Хондо	24.114
*Кофу	»	37.561	*Кіріу	»	23.991
*Саппоро	Іессо	37.482	Хачіоджи	»	23.203
*Мацуяма	Си-ко-ку	36.545	*Точиги	»	22.379
*Кочи	»	36.511	Ономичи	»	22.312
Наба	Окинава *)	35.453	Саката	»	21.937
*Ямагата	Хондо	35.300	*Гойохаши	»	21.785
*Химеджи	»	35.282	Вамо	»	21.553
*Хиросаки	»	34.771	*Фушими	»	21.515
Мацуе	»	34.651	*Ашикага	»	21.348
*Маебаши	»	34.495	Акаши	»	21.196
Такамацу	Си-ко-ку	34.416	*Фукушима	Хондо	20.624
*Оцу	Хондо	34.225	*Цуругаока	»	20.461
*Мито	»	33.778	Тоба	»	20.322
*Цу	»	33.287	Токаяма	»	20.315
*Моріока	»	32.989	Кувана	»	20.131

*) Окинава—главный островокъ въ группѣ Ріу-Кіу.

Болѣе частая сѣть крупныхъ населенныхъ пунктовъ приходится на юго-западъ Японіи, но за среднимъ Хондо остается преимущество величины этихъ пунктовъ. Сравненіе сѣти большихъ городовъ Японіи съ таковой же въ европейскихъ государствахъ показываетъ, что она уступаетъ по густотѣ Англіи, Франціи и Германіи, немного превосходитъ Австрію, но зато значительно превосходитъ рѣдкую сѣть, покрывающую Россію. Поэтому, съ западно-европейской точки зрѣнія, Японія не можетъ считаться страной большихъ городовъ. Тѣмъ не менѣе, она на пути къ тому, чтобы сдѣлаться таковою. Ниже приводимыя цифры показываютъ, насколько въ послѣдніе годы увеличилось число большихъ городовъ и число горожанъ въ нихъ:

	Городовъ съ населеніемъ свыше 20 т.		Горожанъ въ нихъ:		% горожанъ къ всему населенію:	
	Всего.	Въ томъ числѣ съ болѣе 50 тыс. жит.	Всего.	Въ городахъ съ населеніемъ свыше 50 тыс.	Всего.	Въ гор. 2-й группы.
1886 . . .	--	12	—	2.388.891	—	6,8
1895 . . .	57	19	5.035.905	3.403.360	11,7	7,9
1898 . .	57	21	5.989.504	4.327.392	13,8	9,9

Въ особенности выросли слѣдующіе города:

	1886 г.	1898 г.
Осака	361,5 тыс.	821,5 тыс.
Іокогама	89,5 »	193,5 »
Кобе	80,5 »	215 »
Нагасаки	38 »	107 »

т.-е. главные портовые, прибрежные, промышленные, привлекающіе своими заработками все новыя массы населенія.

Среднихъ и мелкихъ поселеній, съ населеніемъ менѣе 20.000 чел. насчитывалось въ 1898 г. 14.700 съ 37.771.311 жит., т.-е. остальными 86,2% населенія имперіи. Среднее число жителей въ такомъ поселеніи составляетъ 2.569 чел., но колеблется отъ 3.460 на Си-ко-ку до 562 на Іессо; на Хондо и Кіу-Сіу оно близко подходитъ къ средней цифрѣ. Густота поселеній одинакова въ среднемъ и западномъ Хондо и на Кіу-Сіу, именно поселеніе приблизительно на 15 кв. вер., и уменьшается къ сѣверу, гдѣ въ сѣверномъ Хондо 1 поселеніе приходится на 29,4 кв. вер., а на Іессо—на 105 кв. вер. Такимъ образомъ, послѣдній представляетъ много простора для будущихъ поселеній.

Понятіе о томъ, какъ распредѣляется населеніе между этой обширной группой поселеній, могутъ дать слѣдующія цифры: изъ 14.181 поселеній имѣли:

до 500 жителей	750 населен. пунктъ. или	5,3%
отъ 500 до 2.000	4.204 » » »	29,9%
» 2.000 » 5.000	8.008 » » »	56,1%
» 5.000 » 10.000	1.069 » » »	7,7%
» 10.000 » 20.000	150 » » »	1,0%

Цифры эти показываютъ, что небольшія деревни составляютъ въ Японіи исключеніе, и что болѣе всего распространены поселенія средней величины, съ числомъ жителей отъ 2.000 до 5.000 чел.

По внѣшнему устройству Н. Д. Богуславскій различаетъ три типа японскихъ поселеній:

1) Равнинныя, растянутыя вдоль дороги иногда на большомъ протяженіи, встрѣчающіяся большею частью въ густо населенныхъ равнинахъ и по побережью. Они также весьма обыкновенны на о-вѣ Іессо. Къ тому же типу принадлежитъ большинство городовъ, среди которыхъ очень немногіе имѣютъ болѣе одной улицы. Такъ, напр., на большой дорогѣ Накасендо (Токіо-Такасаки-Кіото) на 500-верстномъ протяженіи въ 1890 г. было только два города, имѣвшихъ болѣе одной улицы.

Растянутому расположенію городовъ способствовало еще то обстоятельство, что въ Японіи они никогда не были окружены стѣнами. Въ этомъ не встрѣчалось необходимости, такъ какъ государству Японіи не приходилось испытывать иноплеменнаго нашествія. Замки дайміо, изъ которыхъ многіе теперь въ развалинахъ, стоятъ въ сторонѣ, занимая командующее положеніе относительно селеній.

2) Горныя селенія, обыкновенно встрѣчаемыя въ гористыхъ и холмистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ дома разбросаны по склонамъ долинъ, каждый отдѣльно, и окружены густою живою изгородью; средина долины остается свободной отъ построекъ и занята рисовыми полями.

3) Третій типъ селеній встрѣчается на небольшихъ всхолмленныхъ площадяхъ юго-запада, гдѣ дома стоятъ тѣсной группой среди окружающихъ ихъ рисовыхъ полей.

Къ первой категоріи селеній весьма близко подходятъ рыбачьи деревни, тянущіяся по морскому берегу, а ко второму типу еще селенія съ шелковичными плантаціями, часто встрѣчающіяся въ раіонѣ Осака-Уено-Опу.

Во всей Японіи насчитывается 8.620.205 домовъ, такъ что на одинъ домъ приходится нѣсколько болѣе 5 чел. жителей. Каждая семья занимаетъ отдѣльный домъ. Средняя японская семья состоитъ изъ 5 лицъ.

Составъ населенія по полу, возрасту и роду занятій.

Въ составѣ населенія Японіи по полу наблюдается перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами: первыхъ по послѣднимъ даннымъ насчитывалось въ Японіи (безъ колоній) 22.329.925 или 50,4%, вторыхъ—21.930.679 или 49,6%. Эта особенность отличаетъ Японію отъ большинства европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и отъ Европейской Россіи, но сближаетъ ее съ Индіею. Впрочемъ, возможно, что особенность эта должна быть отнесена на счетъ неточности въ переписи тѣмъ болѣе, что однодневныя переписи въ Японіи еще не производятся, а свѣдѣнія о числѣ жителей собираются въ концѣ каждаго 5-лѣтія путемъ разсылки домохозяевамъ вѣдомостей, которыя тѣ обязаны заполнить и доставить властямъ. По крайней мѣрѣ, въ Индіи каждая новая перепись давала все бо́льшій процентъ женщинъ, вѣроятно, потому, что была точнѣе. То же имѣетъ мѣсто и въ Японіи: въ 1879 г. мужчинъ въ Японіи считалось 50,6%, а женщинъ 49,4%.

Дѣленіе населенія по возрасту имѣетъ цѣлью выяснить, какъ велика численность нерабочей части населенія, содержаніе которой прямо или косвенно лежитъ на возрастѣ рабочемъ. Но дѣленія, принятыя въ европейской статистикѣ, различающей два нерабочихъ возраста (до 15 лѣтъ и свыше 70 лѣтъ), не соотвѣтствуютъ условіямъ японской жизни. Дѣло въ томъ, что въ Японіи дѣти начинаютъ втягиваться въ работу ранѣе, чѣмъ въ Европѣ, примѣрно съ 10 лѣтъ; съ другой стороны, по достиженіи 50 лѣтъ, значительная часть японцевъ, независимо отъ состоянія своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, перестаетъ работать и предается «инкіо» (удаленію отъ мірскихъ заботъ)—обычаю, развившемуся подъ вліяніемъ буддизма и составлявшему до послѣдняго времени существенную особенность японскаго быта. Въ виду этого, Н. Д. Богуславскій предлагаетъ дѣленіе населенія Японіи на слѣдующія возрастныя группы:

Нерабочіе возрасты:

до 10 лѣтъ	9.985.003 чел.	или 22,8%	всего населенія
свыше 60 лѣтъ . . .	3.594.340 »	» 8,2%	» »

Полурабочіе возрасты:

отъ 10 до 15 лѣтъ . .	4.381.146 чел.	или 10,0%	всего населенія
» 50 » 60 » . .	3.741.052 »	» 8,6%	» »

Рабочій возрастъ:

отъ 15 до 50 лѣтъ . .	22.059.274 чел.	или 50,4%	всего населенія

Въ отношеніи распредѣленія возрастныхъ группъ Японія находится въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели Западная Европа и Россія, хотя въ послѣднихъ рабочій возрастъ обнимаетъ періодъ въ 40 лѣтъ, а въ Японіи только 35 лѣтъ. Это явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Населенія въ рабочемъ возрастѣ.		Населенія въ нерабочемъ возрастѣ.
Японія	50,4%	. . . . . .	31,0%
Западная Европа . . .	48,4%	. . . . .	3,46%
Россія	45,9%	. . . . . .	39,6%

О распредѣленіи населенія Японіи по роду занятій точныхъ свѣдѣній не имѣется. Принимаютъ, что 50% всего населенія занимаются исключительно земледѣліемъ, 11% соединяютъ земледѣліе съ какимъ-либо другимъ промысломъ, такъ что 61% всего населенія Японіи составляютъ земледѣльцы.

Впрочемъ, занятіе земледѣліемъ распространено въ странѣ не совсѣмъ равномѣрно. Такъ, въ округѣ Токіо, гдѣ наибольшая часть населенія работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, всего 12,7% обрабатываютъ поле, въ Осакѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ торгово-промышленныхъ центровъ Японіи, земледѣліемъ занимаются 46,3%, въ Кіото—49,1%. Чисто-земледѣльческими округами являются Яманаши (въ среднемъ Хондо, 91,05% населенія—земледѣльцы), Мійазаки (на Кіу-Сіу, 90,50%), Кагосима (на Кіу-Сіу, 90,46%) и Ибараки (въ среднемъ Хондо), въ нѣсколько меньшей степени—округа Фукушима и Ивате въ сѣверномъ Хондо, Сайтама, Гумма и Нагано въ среднемъ Хондо, Ойта на Кіу-Сіу и островъ Окинава въ архипелагѣ Ріу-Кіу. Изъ этихъ 11 округовъ 4 находятся на крайнемъ югѣ, а изъ семи сѣверныхъ 5 не имѣютъ морского сообщенія, а остальные не имѣютъ портовъ.

Рыболовствомъ занимается не менѣе 8% населенія, причемъ часть рыболововъ не порываетъ связи и съ земледѣліемъ. Если сюда еще присоединить горнорабочихъ, которыхъ насчитывается 130 тысячъ человѣкъ, то слѣдуетъ признать, что до 70% населенія Японіи вкладываетъ свой трудъ въ добывающую промышленность.

О распредѣленіи прочаго населенія между фабрично-заводскими производствами и разными другими профессіями свѣдѣній не имѣется.

Движеніе населенія (рождаемость и смертность).

Въ 1871 г., когда въ Японіи введена была оффиціальная статистика по европейскому образцу, населеніе имперіи Восходящаго

Солнца было опредѣлено въ 32.876.324 чел., а въ 1898 г. оно равнялось 43.760.815 чел. Такимъ образомъ, за 27 лѣтъ оно увеличилось на 10,89 милл. Если исключить сдѣланныя за этотъ періодъ времени территоріальныя пріобрѣтенія (напр., Ріу-Кіу, Бонинъ-Сима), то дѣйствительный приростъ населенія за этотъ періодъ опредѣлится въ 1,16% въ годъ.

Чтобы выяснить источникъ этого прироста, разсмотримъ данныя о рождаемости и смертности по пятилѣтіямъ:

	% рожденій	% смертности	% естественнаго прироста
1880—84 . . .	2,64 . . .	1,87 . . .	0,77
1889—93 . . .	3,04 . . .	2,18 . . .	0,86
1894—98 . . .	3,19 . . .	2,13 . . .	1,06

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что смертность въ Японіи возрастаетъ; если же тѣмъ не менѣе усиливается и естественный приростъ населенія, то обусловливается это тѣмъ, что число рожденій возрастаетъ еще сильнѣе, чѣмъ число смертей. Этимъ Японія рѣзко отличается отъ европейскихъ странъ, гдѣ увеличеніе населенія вызывается не ростомъ рождаемости, а пониженіемъ смертности.

Японія уступаетъ многимъ европейскимъ государствамъ какъ въ размѣрахъ естественнаго прироста населенія, такъ и въ рождаемости, а по отношенію къ смертности можетъ быть поставлена на ряду со среднею Европою. Это видно изъ нижеслѣдующей таблицы, гдѣ данныя о Японіи сопоставлены съ данными о Россіи, Норвегіи и Германіи, т.-е. съ данными о европейскихъ государствахъ со смертностью, наиболѣе высокою, наиболѣе низкою и среднею.

За послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка на 1000 жителей приходилось:

	родившихся	умершихъ	естественный приростъ
Въ Россіи	47,1	33,5	13,6
» Германіи . . .	36,1	22,2	13,9
» Японіи	31,3	21,0	10,3
» Норвегіи . . .	30,6	16,9	13,7

Эмиграція и переселенія.

При той густотѣ населенія, какою отличается Японія, слѣдовало бы ожидать сильнаго развитія въ этой странѣ эмиграціоннаго движенія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ.

Строго говоря, эмиграціи, т.-е. выселенія изъ страны съ переходомъ

въ новое подданство—въ Японіи не существуетъ. Обыкновенно японцы выѣзжаютъ за границу лишь временно, на срокъ не свыше трехъ лѣтъ, не выселяясь изъ своего отечества, а лишь временно отлучаясь для заработковъ. Отлучки эти, слѣдов., имѣютъ характеръ скорѣе нашихъ отхожихъ промысловъ, нежели эмиграціи. Незначительно и общее число японцевъ, пребывающихъ за границею: 31 дек. 1889 г. оно не превышало 18.688 чел., къ концу 1900 г. оно возросло до 123.971 чел. *), которые по странамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	въ 1889 г.	въ 1900 г.
въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки . .	1.767	90.146
на Сандвичевыхъ островахъ	8.686	
въ Кореѣ	5.589	15.829
» Англіи и ея колоніяхъ	602	8.215
» Россіи	828	3.953
» Китаѣ	757	3.803
» Франціи и ея колоніяхъ	99	987
» Германіи	187	214

Такимъ образомъ, японцы направляются преимущественно въ Сѣверо-Американскіе Штаты (преимущественно на Сандвичевы о-ва), въ Корею, въ британскія колоніи (главнымъ образомъ въ Австралію), въ Россію и Китай.

Въ Америку, на Гавайскіе о-ва, въ Австралію и Канаду японцы отправляются при посредствѣ эмиграціонныхъ компаній. Компаніи эти представляютъ собою акціонерныя коммерческія предпріятія, но состоятъ подъ особымъ надзоромъ правительства. Къ началу 1902 г. такихъ компаній существовало 25 (семь изъ нихъ не открыли еще своихъ дѣйствій), съ капиталами отъ 20 до 100 тыс. іенъ, но одна изъ нихъ владѣла капиталомъ въ 50 тыс. іенъ; въ общей совокупности онѣ располагали капиталомъ въ 1.543.000 іенъ и правомъ на вызовъ 67.061 эмигранта въ годъ. Прежде дѣятельность эмиграціонныхъ компаній была значительно шире, нежели теперь. Ранѣе компаніи заключали въ Америкѣ, на Сандвичевыхъ о-вахъ или въ Австраліи съ работодателями, плантаторами, фабрикантами и проч. контракты, въ силу которыхъ компаніи обязывались доставлять заграничнымъ предпринимателямъ извѣстное число рабочихъ-японцевъ; затѣмъ, компаніи должны были находить въ Японіи желающихъ отправиться людей и,

*) Изъ Великобританіи (со включ. Ирландіи), имѣющей столь же многочисленное, но менѣе густое населеніе, за одинъ только 1902 г. выселилось 387.116 чел., тогда какъ изъ Японіи выѣзжаетъ въ годъ около 50.000 чел.

по исполненіи всѣхъ требовавшихся японскими законами правилъ, отправлять ихъ по назначенію. Такимъ образомъ, японскіе рабочіе выѣзжали изъ Японіи, будучи заранѣе обезпечены работою на извѣстный опредѣленный срокъ. Но съ 1901 года въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въѣздъ въ страну рабочихъ по заранѣе заключеннымъ ими самими или эмиграціонными компаніями контрактамъ воспрещенъ, и въ настоящее время японцы, желающіе отправиться въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты или ихъ колоніи (т.-е. на Сандвичевы о-ва), должны это дѣлать за свой страхъ и рискъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что пока на Сандвичевыхъ о-вахъ и въ Калифорніи японскіе рабочіе-земледѣльцы легко находятъ себѣ заработокъ у мѣстныхъ плантаторовъ. Въ Австраліи допущеніе въ страну японцевъ, какъ и иммиграція вообще, обставлены въ настоящее время значительными стѣсненіями. Въѣздъ рабочихъ-японцевъ въ Канаду, по мѣстнымъ законамъ, свободенъ, но за послѣдніе годы выѣздъ ихъ изъ Японіи въ Канаду воспрещенъ или, вѣрнѣе, пріостановленъ самимъ японскимъ правительствомъ, такъ какъ послѣднему мало еще извѣстны условія пребыванія тамъ его подданныхъ.

Въ силу американскаго закона о недозволеніи японцамъ пріѣзжать съ заранѣе заключенными контрактами, выѣздъ японскихъ эмигрантовъ въ Сѣверную Америку и Гавайскіе острова, въ настоящее время, не превышаетъ приблизительно 12.000 человѣкъ-мужчинъ въ годъ. Относительно женщинъ ограниченія, кажется, нѣтъ. Дѣятельность эмиграціонныхъ компаній нынѣ заключается въ слѣдующемъ. Эмигрантъ, желающій выѣхать при посредствѣ компаніи, заявляетъ о томъ одному изъ ея агентовъ и немедленно вноситъ 20 іенъ. Компанія наводитъ справки о возрастѣ эмигранта, его работоспособности, здоровьѣ и т. п. и испрашиваетъ разрѣшеніе на его выѣздъ у его родителей, безъ чего ни одинъ японецъ, какого бы возраста онъ ни былъ, не имѣетъ права уѣхать за границу на заработки; лица, не имѣющія родителей, свободны. Компанія заботится о полученіи эмигрантомъ паспорта, который стоитъ 50 іенъ съ человѣка и долженъ быть оплаченъ компаніею. Затѣмъ эмигранты собираются въ Іокогамѣ, откуда, по производствѣ имъ медицинскаго осмотра, отправляются по назначенію. Выѣздъ эмигрантовъ допускается только черезъ Іокогаму и притомъ на опредѣленныхъ пароходахъ, которымъ разрѣшается брать въ одинъ рейсъ не болѣе 200 человѣкъ. По прибытіи парохода съ эмигрантами къ мѣсту назначенія, агенты японской эмиграціонной компаніи пріискиваютъ работу эмигрантамъ, а также обязаны заботиться о нихъ въ случаѣ болѣзни, несчастья и т. п.

Въ Китай, Корею и Приамурское генералъ-губернаторство, вѣроятно, вслѣдствіе близости разстоянія, японцы отправляются самостоя-

тельно, не обращаясь къ посредству эмиграціонныхъ компаній. Въ Китаѣ, гдѣ идетъ теперь процессъ «мирнаго завоеванія» этой страны японцами, число ихъ постоянно возрастаетъ: къ концу 1901 г. оно достигло 4170 (при общемъ числѣ иностранцевъ въ 19.119), а въ настоящее время, несомнѣнно, еще больше. Переселеніе въ Корею японское правительство, которое вообще относится къ выѣзду своихъ подданныхъ за границу скорѣе отрицательно, всячески поощряетъ; такъ, время пребыванія японца въ Кореѣ засчитывается ему какъ военная служба. Тѣмъ не менѣе, общее число японцевъ въ Кореѣ и къ началу 1904 г. не превышало 20.000. По даннымъ, опубликованнымъ въ японскихъ газетахъ, японскія поселенія въ открытыхъ портахъ Кореи къ 1 августа 1902 г. насчитывали

	дворовъ	жителей-японцевъ
въ Цзинампо	110	397
» Пеньянѣ	63	211
» Чемульпо	1103	5101
» Сеулѣ	752	2881
» Гензанѣ	171	466
» Мокпо	264	994
» Масаньпо	88	309
» Фузанѣ	1519	4568
» Сіонь-чжинѣ	23	64

Въ Россіи японцы избираютъ мѣстомъ своего пребыванія Приамурскій край, именно Владивостокъ, Никольскъ-Уссурійскій, Хабаровскъ и далѣе до Благовѣщенска. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о японцахъ во Владивостокѣ. Въ этомъ городѣ ихъ въ 1900 г. насчитывалось 2216 чел. (1116 мужч. и 1100 женщ.), въ томъ числѣ было прачекъ 245, столяровъ 240, торговцевъ 177, кузнецовъ 96, портныхъ 93.

Относительно занятій японцевъ за границею японскія статистическія изданія сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1898 г. на 51.057 выѣхавшихъ за границу было 70,6% «служащихъ у иностранцевъ», т.-е. рабочихъ, причемъ главная масса послѣднихъ направлялась на Сандвичевы о-ва, затѣмъ 13,5% составляли лица торговаго класса, а 1,6%—учащіеся. Всего учащихся выѣхало 819 чел., изъ нихъ болѣе половины (481 чел.)—въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Въ Кореѣ японцы занимаются преимущественно торговлею и рыбопромышленностью, сбывая свои продукты на мѣстѣ.

Въ общемъ японское правительство не только ничѣмъ не поощряетъ выселенія своихъ подданныхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ,

какъ мы видѣли, принимаетъ даже ограничительныя мѣры противъ эмиграціи. Такой образъ дѣйствія, который на первый взглядъ мало согласуется съ непомѣрною густотою населенія въ странѣ, японское правительство объясняетъ тѣмъ, что ему гораздо больше хлопотъ съ тѣми его подданными, которые выѣзжаютъ за границу, чѣмъ съ тѣми, которые находятся внутри страны, а потому оно предпочитаетъ, чтобы японцы сидѣли дома. Если же эмиграція изъ Японіи, при всей ея населенности, до сихъ поръ еще не приняла характера стихійнаго стремленія, то объясняется это двумя причинами: съ одной стороны, бо́льшая часть населенія Японіи пока еще отличается скромными потребностями, съ другой же стороны, во владѣніяхъ самой Японіи имѣются двѣ мѣстности, куда можетъ быть направленъ избытокъ населенія. Мѣстности эти—о-ва Формоза и Іессо. Первый еще не умиротворенъ, но открываетъ значительное поле дѣятельности для будущаго; заселеніе второго представляетъ собою одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ внутренней политики Японіи, хотя дѣло это сопровождалось ошибками и всего менѣе велось по хорошо продуманной программѣ.

Островъ Іессо представляетъ большой интересъ какъ въ геологическомъ, такъ и въ климатическомъ отношеніи. Необычайная глубина Сангарскаго пролива, отдѣляющаго его отъ прочихъ японскихъ острововъ, совершенно отличная по характеру фауна, да и ископаемыя, совершенно различныя по обѣимъ сторонамъ пролива,—все это указываетъ на то, что островъ этотъ никогда не составлялъ части Японскаго архипелага. Климатъ на этомъ островѣ, хотя онъ находится, въ сущности, на одной широтѣ со среднею Италіею, необычайно холодный; снѣгъ лежитъ тутъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ, и туземцы-айны очень часто охотятся на медвѣдя. До недавняго еще времени японцы дѣлали все возможное, чтобы удержать туземцевъ въ состояніи полной дикости; населеніе его поэтому было ничтожно. Съ конца 1860-хъ годовъ японское правительство стало придавать этому своему владѣнію особое значеніе какъ въ стратегическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Прежде всего оно обратило вниманіе на умноженіе населенія острова и на поднятіе экономическаго его благосостоянія. Такъ какъ климатъ острова требуетъ примѣненія совершенно иныхъ, японцамъ неизвѣстныхъ, системъ земледѣлія, то правительство пригласило на службу довольно значительное число американцевъ, подъ руководствомъ которыхъ предприняты были обширныя общественныя работы, заведены образцовыя фермы и т. п. Несмотря, однако, на всѣ усилія, процвѣтаніе острова подвигалось впередъ весьма туго: не хватало колонистовъ, такъ какъ айны были неспособны примѣнять на дѣлѣ всѣ тѣ прекрасныя системы, которымъ пытались ихъ обучить. Въ 1881 г. правительство приступило къ

заселенію острова путемъ военной колонизаціи. Солдаты были поселены на немъ деревнями, и имъ вмѣнено было въ обязанность воздѣлывать землю. Но солдаты-колонисты оказались и плохими воинами, и плохими земледѣльцами. Опытъ признанъ былъ неудачнымъ, и въ настоящее время военныя поселенія упразднены. Другою мѣрою къ заселенію острова явилось освобожденіе переселенцевъ отъ воинской повинности. Нынѣ и эта льгота отмѣнена, вслѣдствіе чего, по словамъ нѣкоторыхъ европейскихъ изслѣдователей Японіи, переселенцы стали обратно возвращаться съ острова Іессо на прежнія мѣста. При всемъ томъ успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ заселенія о-ва Іессо, должны быть признаны весьма значительными; во всякомъ случаѣ, они превышаютъ тѣ результаты, какихъ добивались въ однородныхъ предпріятіяхъ европейскія правительства. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія статистическія данныя.

ГОДЫ.	Численность населенія (душъ обоего пола).	Общее количество воздѣланной земли къ концу года въ чо.	Стоимость земледѣльческихъ продуктовъ въ тысячахъ іенъ.	Стоимость продуктовъ морскихъ промысловъ въ тысячахъ іенъ.
1868	58.467	—	—	—
1872	111.196	—	—	—
1882	239.632	—	—	—
1887	321.208	—	—	—
1897	786.211	67.677	1.741	8.763
1898	853.239	82.111	3.233	8.429
1899	803.413	97.806	3.323	8.396
1900	810.111	115.538	4.835	11.241
1901	800.102	142.985	7.158	13.943

Такимъ образомъ, за періодъ времени въ 33 года населеніе острова возросло почти въ 14 разъ, а количество воздѣланной земли за одно лишь 5-лѣтіе болѣе чѣмъ удвоилось.

На ряду съ земледѣліемъ, правительство заботится о введеніи на о-вѣ Іессо шелководства и горнопромышленности; каменнаго угля здѣсь добыто въ 1901 г. свыше 1 милл. тоннъ (по 62 пуда).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что островъ этотъ требуетъ значительныхъ приплатъ изъ общихъ средствъ страны. Въ 1900—1901 финансовомъ году государственное казначейство получило отъ него доходовъ 819.205 іенъ, а расходы по острову составили: обыкновенные 1.440.813 іенъ, а чрезвычайные 1.651.020 іенъ.

Правительствомъ приведены на о-вѣ Іессо въ извѣстность удобныя земли, могущія принять свыше 5 милл. новыхъ поселенцевъ.

Народное здравіе и медицина въ Японіи.

Д-ра Л. Я. ЯКОБЗОНА.

Общественная врачебная помощь въ Японіи организована недостаточно хорошо; этимъ объясняется многочисленность частныхъ лѣчебницъ, гдѣ больные получаютъ за плату врачебный совѣтъ и лѣкарство. Такъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ *), изъ общаго числа (712) лѣчебныхъ заведеній, существовавшихъ къ 1 января 1899 г. въ Японіи, 534 принадлежало частнымъ лицамъ, главнымъ образомъ, врачамъ **). Всѣ больные платятъ за свое содержаніе въ больницѣ. Есть нѣсколько разрядовъ платы больныхъ, причемъ отъ платы зависитъ содержаніе больныхъ, лѣченіе же—одинаковое для всѣхъ. Безплатнаго больничнаго лѣченія, слѣдов., въ Японіи нѣтъ. Впрочемъ, правительственный циркуляръ 1883 г. возлагаетъ на мѣстные органы заботы о лѣченіи заразныхъ больныхъ (den-sen-byo), находящихся въ данномъ кенѣ. О бѣдныхъ больныхъ заботятся также благотворительныя общества; старѣйшее изъ нихъ — Akita или Kan-on-oko, существующее съ 1830 г.; оно доставляетъ вдовамъ, сиротамъ, больнымъ и умалишеннымъ рисъ, обезпечиваетъ ихъ медицинскою помощью и принимаетъ больныхъ въ принадлежащія обществу больницы.

Большинство японскихъ больницъ устроено по павильонной системѣ, т.-е. состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ домиковъ. Въ больницахъ поражаетъ отсутствіе больничныхъ халатовъ (больные остаются въ больницѣ въ своемъ платьѣ), кроватей и почти полное отсутствіе мебели;

---

*) Résumé statistique de l'Empire du Japon. 15 Année. Tokio. 1901. Cabinet Impérial. Bureau de la statistique générale. — Цит. по д-ру Н. В. Гильченко, «Медицинскія и лѣчебныя учрежденія въ Японіи» («Военно-Медицинскій журналъ», 1901, августъ—сентябрь—октябрь.

**) По Дюмолару (Dumolard, «Le Japon politique, économique et social». Paris. 1903, стр. 181), въ Японіи въ настоящее время 480 больницъ; изъ нихъ 371 принадлежатъ частнымъ лицамъ, 106 — кенамъ и общинамъ и только 3—правительству.

полы, какъ вообще въ японскихъ домахъ, устланы мягкими цыновками; всѣ, не исключая врачей, ходятъ въ больницѣ безъ обуви, въ носкахъ; больные сидятъ на полу и здѣсь же обѣдаютъ, притомъ цѣлыми семьями, такъ какъ доступъ къ больнымъ свободенъ въ теченіе цѣлаго дня. Больнымъ разрѣшается, если они этого желаютъ, не пользоваться больничнымъ столомъ, а ѣсть пищу, изготовленную ихъ родственниками изъ собственныхъ продуктовъ дома или въ самой больницѣ, гдѣ для этой цѣли устроена особая кухня. Это разрѣшается такимъ больнымъ, состояніе здоровья которыхъ не требуетъ ни діэты, ни спеціальнаго лѣченія органовъ пищеваренія.

Больничная «порція» подается на 3 — 4 фаянсовыхъ блюдечкахъ размѣромъ меньше тѣхъ, которыя употребляются у насъ для варенья; на блюдечкахъ лежатъ нарѣзанные кусочками рыба, овощь, картофель, зелень и т. д. Блюдечки установлены на подносахъ въ родѣ большой пепельницы. «Весь этотъ подносикъ-пепельница, съ его миніатюрными блюдечками и крошечными кусочками рыбы и картофеля,— совершенно похожъ на обѣдъ для куколъ, изготовляемый играющими въ куклы дѣтьми» *). Кромѣ этого, больной получаетъ еще около $^1/_2$ фунта вареннаго риса, который замѣняетъ японцамъ хлѣбъ.

Въ японскихъ больницахъ производится совмѣстное изслѣдованіе больныхъ обоего пола въ одной комнатѣ, и это не кажется никому предосудительнымъ. Слѣдуетъ ли дѣлать изъ этого выводъ, что японцы лишены чувства стыдливости? Вотъ что говоритъ по этому поводу д-ръ мед. Н. В. Гильченко въ своемъ отчетѣ въ Главное Военно-Медицинское Управленіе: «японской скромности, стыдливости и нравственности можно лишь позавидовать, но эти качества носятъ характеръ болѣе внутренній, а по внѣшности, европейцевъ, особенно англичанъ,—большихъ фарисеевъ—очень шокируютъ многія особенности японскаго быта». Надо имѣть въ виду, что въ теплое время года, которое въ Японіи составляетъ $^5/_6$ года, японскіе дома стоятъ весь день открытыми, и потому проходящіе по улицѣ имѣютъ возможность видѣть жизнь японской семьи. Нерѣдко японцы — народъ чрезвычайно чистоплотный—выносятъ даже на улицу ванну и тамъ принимаютъ ее, чтобы не загрязнять домъ. Однако, въ послѣдніе годы въ большихъ городахъ Японіи полиція это запрещаетъ.

Не только въ теплое время года японскій домъ остается открытымъ; даже и зимою, при температурѣ въ —3, 4, 5° Р. (ниже 0°) раздвижныя стѣнки японскаго дома открыты **). Чтобы согрѣться зимою,

*) Гильченко, стр. 2508.

**) А. А. Черевкова, женщина-врачъ. «Очерки современной Японіи». Спб. 1903.

японецъ одѣваетъ нѣсколько халатовъ (кимоно), между тѣмъ какъ лѣтомъ онъ носитъ только одинъ халатъ; по мѣрѣ наступленія холодовъ онъ надѣваетъ второй, третій халатъ и т. д., иногда до шести халатовъ, причемъ только одинъ изъ нихъ на легкой ватной подкладкѣ. Обитатели дома въ холодную погоду грѣются вокругъ такъ назыв. хибача (shibatshi); это изящный лакированный деревянный ящикъ, внутрь котораго вставленъ другой, фарфоровый или глиняный ящикъ, наполненный горячей золой; подъ нею тлѣютъ два-три раскаленныхъ древесныхъ угля. Хибачъ, разумѣется, не особенно обогрѣваетъ помѣщеніе, но японцы вполнѣ довольны. Такая выносливость японцевъ къ холоду тѣмъ болѣе поразительна, что они должны бы быть изнѣжены лѣтней жарой и горячими ваннами въ $+35^0$ Р., которыя они ежедневно принимаютъ.

Выше мы упомянули о ваннахъ. Японская ванна представляетъ собою небольшую деревянную кадку, въ которой сидятъ съ плотно прижатыми къ груди колѣнями; съ одной стороны кадки находится вырѣзка, закрывающаяся снаружи металлическимъ цилиндромъ, въ послѣдній кладутся древесные угли; вода въ ваннѣ нагрѣвается довольно скоро.

Въ больницахъ также разставлены всюду въ палатахъ хибачи; здѣсь это—открытый сверху четыреугольный ящикъ, длиною въ 1 футъ и шириною въ $^3/_4$ фута, внутри выложенный толстымъ цинковымъ листомъ. Въ ящикъ кладутъ горячіе угли; перегорѣвшихъ углей и золы не выбрасываютъ. Надъ горячими углями грѣютъ руки. Кромѣ ящиковъ-грѣлокъ, имѣются и желѣзныя печи.

Для того, чтобы постороннее лицо, пришедшее въ больницу навѣстить больного, могло легко отыскать нужное ему отдѣленіе, въ нѣкоторыхъ японскихъ больницахъ прибѣгаютъ къ очень простому пріему: каждое отдѣленіе указывается нарисованной на стѣнѣ цвѣтной полосой шириною въ палецъ, причемъ каждому отдѣленію присвоенъ особый цвѣтъ: хирургическое означается желтой полоской, внутреннее—красной, глазное—зеленой и т. д. Каждая полоса начинается отъ вестибюля, расположеннаго въ центрѣ больницы, и тянется по стѣнѣ корридора до того отдѣленія, которому присвоенъ данный цвѣтъ.

Въ японскихъ больницахъ роднымъ больного разрѣшается быть при немъ неотлучно не только днемъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ночью.

Ухаживаютъ за больными исключительно женщины—сидѣлки и сестры милосердія; тѣ и другія носятъ одинаковые громадные чепцы на головѣ и бѣлые халаты; у сестеръ на чепцѣ вышитъ небольшой красный крестъ, а у прислужницъ—красный четыреугольный значекъ.

Къ отрицательнымъ сторонамъ японскихъ больницъ относится

плохая изоляція заразныхъ отдѣленій; они обыкновенно помѣщаются въ одномъ зданіи съ другими отдѣленіями и ничѣмъ не изолируются, кромѣ раздвижныхъ бумажныхъ рамъ, образующихъ поперечныя стѣны, какъ и во всѣхъ японскихъ домахъ. Къ заразнымъ больнымъ приходятъ ихъ родственники, просиживаютъ у нихъ весь день, на ночь возвращаются домой и на утро снова приходятъ въ больницу. Дезинфекціонныхъ камеръ въ большинствѣ больницъ нѣтъ. Къ достоинствамъ же японскихъ больницъ слѣдуетъ отнести безукоризненную чистоту въ нихъ, добросовѣстность медицинскаго персонала и сердечное отношеніе къ больнымъ. Такъ, напр., если въ отдѣленіи лежитъ тяжело-больной, то невдалекѣ отъ него на полу устанавливается деревянная палочка съ бумажкой, на которой объ этомъ предупреждаются проходящіе по коррпдору больницы, чтобы они соблюдали тишину. Температурный листъ и исторія болѣзни не хранятся, какъ у насъ, у кровати больного, а находятся въ особомъ помѣщеніи, и потому больные не могутъ видѣть записей врача въ скорбномъ листѣ и обсуждать ихъ, что можетъ вредить больнымъ, если они узнаютъ, такимъ образомъ, объ ухудшеніи въ своемъ здоровьѣ.

При лѣченіи японскіе врачи считаются съ народными обычаями; такъ, японцы всѣхъ слоевъ населенія очень любятъ теплыя и горячія ванны (подобно русскому народу, приверженцу бани). Поэтому японскіе врачи при лѣченіи тифа не примѣняютъ холодныхъ ваннъ*), которыя, однако, въ большомъ ходу при тифѣ у европейскихъ врачей.

Изъ болѣзней, сильно распространенныхъ въ Японіи, слѣдуетъ отмѣтить чахотку, болѣзни желудка и кишекъ, особенно дизентерію (кровавый поносъ), сифилисъ, глистную болѣзнь, проказу и какке (бери-бери).

Японцы признаютъ пользу климатическаго лѣченія чахотки и потому устроили около желѣзнодорожной станціи Сума (вблизи Кобе) санаторію для чахоточныхъ; мѣстность эта оказалась настолько благопріятной для чахоточныхъ, что 67% чахоточныхъ здѣсь или излѣчиваются, или получаютъ значительное облегченіе.

Проказа (по-японски *akushitu*, т.-е. скверная болѣзнь; прокаженный—*hukeisu* или *mitsari-kasa-yama*, т.-е. нечистый) въ Японіи существуетъ очень давно; Ашмидъ указываетъ, что она существовала въ Японіи еще за 16—20 столѣтій до Р. Х. Въ настоящее время число прокаженныхъ въ Японіи очень велико. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бюро народнаго здравія въ Японіи опубликовало ста-

---

*) Д-ръ А. Д. Рончевскій. «По японскимъ школамъ и госпиталямъ». Медицинскія прибавленія къ «Морскому Сборнику», 1895, №№ 7, 8, 9; 1897, №№ 5, 6.

тистику прокаженныхъ, изъ которой видно, что въ Японіи зарегистрировано было на сорокъ милліоновъ населенія 23.660 прокаженныхъ; бюро прибавляетъ, что это число слѣдовало бы удвоить, чтобы приблизиться къ истинѣ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ д-ра Доги *), число прокаженныхъ въ Японіи достигаетъ 100.000. Наибольшее число больныхъ проказою приходится на возрастъ между 20 и 40 годами. Особенно распространена проказа въ провинціи Гиго. Въ прежнее время прокаженныхъ выгоняли изъ страны; когда изгнаніе ихъ сдѣлалось затруднительнымъ въ виду ихъ многочисленности, ихъ принуждали жить въ особыхъ участкахъ, изъ которыхъ затѣмъ образовались большія селенія, состоящія исключительно изъ прокаженныхъ. Въ настоящее время имѣются лепрозоріи въ г. Кумамото, въ провинціи Нагасаки, гдѣ живетъ 245 больныхъ, и въ г. Готэмба, гдѣ содержится около 72 больныхъ. Вся остальная огромная масса прокаженныхъ бродяжничаетъ по странѣ и живетъ подаяніемъ. Они и теперь живутъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ. Наиболѣе распространеннымъ способомъ лѣченія проказы въ Японіи является лѣченіе сѣрными источниками, напр., въ Кіу-тсу; здѣсь, по сообщенію д-ра Таширо **), съ незапамятныхъ временъ примѣняется лѣченіе моксами, т.-е. обжиганіе пораженныхъ участковъ кожи кусочками горящей пакли и т. п.; бываютъ случаи, что для лѣченія одного больного употребляютъ до 10.000 моксъ.

Точныхъ цифровыхъ данныхъ относительно распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

Японцы утверждаютъ, что сифилисъ занесенъ къ нимъ въ XVI в. первыми же европейцами, посѣтившими ихъ страну. Недавно, однако, д-ръ Адачи ***), изслѣдуя человѣческія кости, найденныя въ «кухонныхъ остаткахъ» (см. выше, стр. 31) и хранящіяся въ музеѣ токійскаго антропологическаго общества, нашелъ на нихъ слѣды сифилитическихъ пораженій, что и даетъ ему основаніе утверждать, что сифилисъ существовалъ въ Японіи еще во времена до-историческія, по крайней мѣрѣ, за 3000 лѣтъ тому назадъ. Но на основаніи одной находки вопросъ, конечно, не можетъ быть рѣшенъ. Какъ бы то ни было, для настоящаго времени указаніе на значительное распространеніе сифилиса и венерическихъ болѣзней въ Японіи, по крайней мѣрѣ, въ большихъ портовыхъ городахъ, мы находимъ въ докладахъ,

*) «La lepre au Japon». «Periodique Japonais de dermatologie», Mars. 1901.—Рѣшетилло, «Проказа». Спб. 1904, стр. 31.

**) Taschiro, «Einige Bemerkungen über die Lepra in Japan». Lepra. «Bibl. intern.». 1902, вып. 2.

***) «Archiv für Dermatologie». Bd. 64, Heft 1, 1903.

представленныхъ въ 1899 г. первой международной конференціи въ Брюсселѣ для профилактики сифилиса и венерическихъ болѣзней делегатами Японіи—д-рами Пиктуномъ, Морита Мокихи и Ябе, главнымъ врачемъ японскаго флота *).—Недавно въ Японіи учреждено «Общество для борьбы съ венерическими болѣзнями».

Обращаетъ на себя вниманіе въ Японіи широкое распространеніе проституціи; въ значительной мѣрѣ это объясняется, вѣроятно, снисходительнымъ отношеніемъ общества къ проституціи и приниженнымъ положеніемъ женщины (см. выше, стр. 131). По Дюмолару, въ Японіи около 12.000 домовъ терпимости (въ одномъ Токіо ихъ около 200), въ которыхъ живетъ свыше 60.000 проститутокъ; въ это число не входятъ тайныя проститутки (гейши, танцовщицы, пѣвицы).

Какке **) или бери-бери — болѣзнь, извѣстная, кромѣ Японіи, въ Индіи, на Цейлонѣ, Малайскомъ архипелагѣ, въ Южной Америкѣ и въ близлежащихъ странахъ. Встрѣчается болѣзнь въ острой и хронической формѣ. Смертность отъ нея въ Японіи равна 15—16%. Болѣзнь выражается въ малокровіи, отекахъ, перерожденіи периферическихъ нервовъ и мышцъ, параличѣ конечностей, особенно нижнихъ, въ предсердечной тоскѣ, одышкѣ; иногда бываетъ сонливость; характерна походка страдающихъ бери-бери, сходная съ походкою больныхъ спинною сухоткою. Причина болѣзни съ точностью еще не установлена; проф. Огата (въ Токіо) и д-ръ Лацерда (въ Бразиліи) нашли въ крови больныхъ бери-бери микроорганизмы, сходные съ микроорганизмами сибирской язвы. Болѣзнь часто появляется послѣ утомительныхъ переходовъ, при сильномъ переутомленіи, неправильномъ образѣ жизни и непривычной, скудной пищѣ. Для лѣченія больныхъ часто бываетъ достаточно перевести ихъ въ мѣстности, свободныя отъ бери-бери, особенно въ гористую мѣстность.

Дизентерія (кровавый поносъ) очень распространена среди японской арміи, которая сильно страдала отъ этой болѣзни во время японо-китайской войны въ 1895 г. Однако, и въ мирное время дизентерія уноситъ не мало жертвъ; иногда она свирѣпствуетъ эпидемически; въ эпидемію 1898 г., свирѣпствовавшую почти во всей Японіи, болѣло кровавымъ поносомъ $89^1/_2$ тысячъ человѣкъ; 24% изъ нихъ умерло.

---

*) «Conférence internationale pour la prophylaxie de la syphilis et des maladies vénériennes Bruxelles. Septembre». 1899. Tome I et II. Bruxelles. 1899.

**) Prof. Dr. M. Miura, «Beiträge zur Pathologie und Therapie der Kakke». Mittheilungen aus der medicinischen Facultät der kaiserlich-japanischen Universität zu Tokio». Band IV. Tokio, 1900; Рончевскій, l. c.

Постоянно угрожаетъ Японіи чума въ виду оживленныхъ широкихъ сношеній Японіи со странами, гдѣ имѣются постоянные очаги чумы. Съ 1895 до 1899 г. ежегодно въ Японіи были единичные случаи чумы, но благодаря принимавшимся строгимъ карантиннымъ мѣрамъ болѣзнь не получала распространенія.

Холера неоднократно посѣщала Японію. Любопытно, что уже въ холерную эпидемію 1850 г. въ Японіи сказалось вліяніе европейской медицины, хотя страна въ то время еще не была открыта для иностранцевъ; только голландцы жили близъ г. Нагасаки. Правительство Іеддо рекомендовало тогда населенію носить набрюшники, класть горчичники и пр.

Въ Японіи часто встрѣчаются душевныя болѣзни, причемъ въ послѣдніе годы все чаще и чаще встрѣчается помѣшательство съ бредовыми идеями политическаго характера.

Очень часто встрѣчаются кожныя болѣзни, но японцы неохотно поступаютъ съ ними въ больницу, такъ какъ содержаніе въ больницѣ платное, а между тѣмъ кожныя болѣзни требуютъ продолжительнаго лѣченія.

Японскій народъ еще въ большой степени придерживается народной медицины и лѣчится у знахарей, примѣняющихъ моксы, массажъ, травы и др. О лѣченіи моксами мы уже говорили выше. Лѣченіе массажемъ очень распространено въ Японіи; оно составляетъ спеціальное занятіе слѣпыхъ. Здѣсь въ обычаѣ обучать слѣпыхъ мальчиковъ массированію; обученіе почти исключительно практическое. Народъ очень любитъ массажъ; японскіе же врачи примѣняютъ массажъ вообще мало. Въ большомъ ходу у народа лѣченіе вкалываніемъ иглъ или акупунктура *); при этомъ лѣченіи въ мягкія части тѣла вкалываются особыя иглы (изъ золота, серебра или желѣза) толщиною отъ поперечника лошадинаго волоса до $^1/_4$ линіи и длиною не болѣе 3 японскихъ дюймовъ. Игловкалываніе производится особыми спеціалистами слѣпыми, которые называются «харюци», а ихъ искусство называется «синріо»; при этой операціи требуются большой навыкъ и очень тонкое осязаніе; самый лучшій спеціалистъ можетъ поэтому лѣчить въ день не больше 12 больныхъ, причемъ каждому изъ нихъ онъ дѣлаетъ отъ 1 до 12 уколовъ иглою. По сообщенію Коха, даже лучшіе японскіе врачи назначаютъ игловкалываніе при коликахъ, боляхъ въ животѣ, ревматизмѣ, истерическихъ приступахъ и др. Уколъ, произведенный осторожно, не вызываетъ почти никакой боли, а также никакого воспаленія. Игловкалываніе имѣетъ цѣлью вызвать измѣненіе кровообра-

*) W. Koch, «Japan». Dresden. 1904, стр. 241.

щенія, а именно притокъ крови къ тому мѣсту, гдѣ были произведены уколы *).

Чрезвычайно распространено въ Японіи лѣченіе минеральными водами. Тамъ очень принято ѣздить для отдыха на воды. Въ Японіи очень много минеральныхъ источниковъ, изъ нихъ особенно посѣщаются источники вблизи озера Гаконе, далѣе Міаносита и Асинойко (оба вблизи Іокогамы, хорошо обставлены), Кусатсу, Такео, Обама, Унзенъ (или Онзенъ), Арима и др. Далеко не всѣ курорты благоустроены; однако, въ послѣднія десятилѣтія многіе курорты преобразовываются по европейскому образцу. Русскіе, живущіе на Востокѣ, посѣщаютъ по преимуществу курорты, расположенные вблизи г. Нагасаки и г. Кобе. Около Нагасаки въ Унзенѣ (или Онзенѣ) находятся могучіе сѣрные источники, чрезвычайно полезные при сифилисѣ и ревматизмѣ. Мѣстность находится на высотѣ 2600 футовъ надъ уровнемъ моря. Около Унзена до 40 большихъ и много малыхъ источниковъ; вся эта группа источниковъ носитъ общее названіе О-джикоку (большой адъ) въ отличіе отъ Коджикоку (малый адъ), который находится въ сторонѣ отъ перваго. Изъ отдѣльныхъ источниковъ «большого ада» заслуживаютъ упоминанія: «Кадзіа-джикоку»(кузница-адъ) и «Маотоко-джикоку» (адъ для женъ, измѣнившихъ мужьямъ). Вблизи Кобе находится знаменитый на всемъ Востокѣ источникъ Хирано; щелочная вода Хирано, богатая углекислотою, значительно вкуснѣе сельтерской воды и превосходно дѣйствуетъ при катаррахъ дыхательныхъ путей (подогрѣтая съ молокомъ) и при желудочно-кишечныхъ разстройствахъ. Кромѣ названныхъ, здѣсь много другихъ щелочныхъ и щелочно-желѣзистыхъ источниковъ. Изъ климатическихъ курортовъ назовемъ мѣстечко Арима вблизи Кобе, расположенное на высотѣ 1500 футовъ надъ уровнемъ моря, климатическую станцію для чахоточныхъ Сума, о которой мы уже говорили, и сравнительно новый курортъ Такарадзука (вблизи Кобе).

Въ нѣкоторыхъ городахъ имѣются особыя печи для сжиганія труповъ (крематоріи). Въ трупосжигательной печи въ г. Хиросимо въ 1894 г. было сожжено 1284 трупа. Подробное описаніе крематоріи въ Кіото мы находимъ у д-ра Н. Кириллова **). Эта крематорія составляетъ собственность богатаго буддійскаго монастыря—восточнаго Гон-кванжи; однако, при заразныхъ болѣзняхъ ею пользуются, за уста-

*) Въ прежнее время акупунктура примѣнялась и въ европейской медицинѣ въ качествѣ лѣчебнаго и распознавательнаго средства, но въ настоящее время совершенно оставлена.

**) Д-ръ Н. Кирилловъ. «Японскія санитарныя учрежденія». «Вѣстникъ Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины», 1903, ноябрь.

повленную плату, всѣ больницы г. Кіото и городское управленіе, безъ различія вѣроисповѣданія умершихъ. Крематорія устроена на горѣ въ 2 верстахъ отъ города. Она представляетъ собою большое зданіе съ высокорасположенными окнами; внутри этого зданія помѣщается кирпичная печь вышиною въ $1^1/_2$ сажени, шириною въ 4 саж. и длиною въ 9 саж.; съ фасада находится 3 топки; справа и слѣва по 5 топокъ; всѣ 13 топокъ выведены въ одну большую трубу въ 14 саженъ высоты. Средняя топка—самая большая; она предназначена лишь для сжиганія останковъ главнаго настоятеля монастыря Гон-кванжи. Крематорія устроена лѣтъ 15 назадъ, на мѣстѣ бывшей здѣсь прежде трупосжигательницы, менѣе совершенной. Крематорія работаетъ ежедневно; бывали дни, когда сжигалось до 14 покойниковъ въ день, а въ годъ—свыше 1200; однако, сжигаютъ не всѣхъ покойниковъ, а вышеуказанное число составляетъ приблиз. $^1/_6$ всего числа умирающихъ въ теченіе года въ Кіото. Въ Нагасакахъ сжиганіе труповъ обязательно для всѣхъ городскихъ жителей, безразлично, отъ какой бы причины ни послѣдовала смерть.

Научная медицина въ Японіи носитъ вообще характеръ европейской медицины. Японія имѣетъ 9 медицинскихъ школъ: въ Чиба, Сендай, Окайяма, Каназава, Нагасаки, Нагойя, Осака, Кіото и Токіо); первыя 7 школъ—среднія медицинскія школы; въ Кіото и Токіо находятся университеты, и здѣсь врачи совершенствуются и получаютъ высшую научную степень. Кромѣ названныхъ школъ, медицинскій факультетъ имѣется и въ женскомъ университетѣ въ Токіо, основанномъ по частной иниціативѣ въ 1901 г. До 1891 г. въ Токіо была особая санитарная морская школа, подготовлявшая медиковъ для флота, но затѣмъ эта школа была закрыта изъ-за дороговизны содержанія ея, и въ настоящее время врачей для флота доставляетъ медицинскій факультетъ въ Токіо.

Всѣ медицинскія школы въ Японіи имѣютъ 4-хлѣтній курсъ; окончившіе школу получаютъ званіе врача, дающее право практики по всей Японіи. Преподаватели въ японскихъ медицинскихъ школахъ преимущественно нѣмцы. Японскіе врачи печатаютъ свои научныя работы во многихъ европейскихъ медицинскихъ изданіяхъ; но въ Японіи имѣются и свои солидныя медицинскія изданія, печатающіяся на японскомъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Для поступленія въ японскую медицинскую школу необходимо предварительно пройти среднюю школу и затѣмъ высшую общеобразовательную школу съ 3-хклассным курсомъ, который соотвѣтствуетъ нашимъ старшимъ классамъ гимназіи. Въ медицинскую школу поступаютъ молодые люди въ возрастѣ 20—22 лѣтъ. Въ научномъ отношеніи ме-

дицинскія школы обставлены довольно бѣдно, и потому японскіе врачи кончаютъ курсъ съ не особенно хорошей научной подготовкой; но съ годами они совершенствуются благодаря условіямъ службы и врачебной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что японскіе врачи не бываютъ обременены больными; въ больницахъ на каждаго врача приходится не болѣе 15—20 больныхъ, обыкновенно же меньше. Поэтому японскіе врачи имѣютъ возможность производить ежедневно всякаго рода изслѣдованія у постели больного и совершенствоваться въ научномъ отношеніи; этому способствуютъ также отличительныя черты національнаго характера японцевъ—энергія и настойчивость. Такой же настойчивостью отличаются и японскіе студенты; Ревонъ, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ профессоромъ въ Токіо, сообщаетъ, что прилежаніе японскихъ студентовъ доводитъ ихъ иногда даже до душевной болѣзни или смерти отъ истощенія. Бываютъ случаи, что студентъ, не выдержавшій экзамена, распарываетъ себѣ животъ, такъ какъ считаетъ себя обезчещеннымъ. Студентъ протестуетъ также, если ему поставлена лучшая отмѣтка, чѣмъ онъ заслуживаетъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Японіи 31.000 врачей и около 37.000 акушерокъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о военно-санитарной организаціи и о японскомъ обществѣ Краснаго Креста.

Врачи, желающіе сдѣлаться военными врачами, должны по окончаніи медицинской школы поступить въ особую «военно-медицинскую школу» въ Токіо съ полугодичнымъ курсомъ. Здѣсь они знакомятся съ военной администраціей, съ требованіями строевой службы, проходятъ военную гигіену, военно-полевую хирургію и т. д. По выдержаніи очень строгаго экзамена, они зачисляются въ полкъ. Военные врачи пользуются въ Японіи большимъ уваженіемъ.

Прислуга въ военныхъ госпиталяхъ исключительно мужская. Помѣщенія госпиталей содержатся очень чисто; бросаются въ глаза превосходная дисциплина и образцовый порядокъ во всемъ. Ходятъ всѣ въ обуви.

При операціяхъ здѣсь въ большомъ ходу перевязка изъ пережженной рисовой соломы, предложенная впервые японскими врачами. Для приготовленія ея сжигаютъ рисовую солому и наполняютъ полученною золою марлевые мѣшечки, предварительно прокипяченные и пропитанные цвѣтнымъ растворомъ сулемы. Такимъ образомъ, получается превосходный перевязочный матеріалъ.

Во главѣ военно-медицинскаго управленія стоитъ военно-медицинскій инспекторъ. Съ момента объявленія мобилизаціи и вы-

ступленія войскъ въ походъ онъ обращается въ то же время въ военно-полевого инспектора и подчиняется въ это время военному инспектору и, кромѣ того, еще начальнику главнаго штаба. Каждая оперирующая армія имѣетъ, кромѣ того, своего особаго медицинскаго начальника, который называется начальникомъ медицинскаго штаба такой-то японской арміи.

Кромѣ медицинскаго штаба, при каждой японской арміи организуется еще особый медицинскій штабъ или отрядъ, который завѣдуетъ эвакуаціей больныхъ съ поля сраженія и далѣе въ госпитали и транспортируетъ затѣмъ больныхъ и раненыхъ на родину. Въ распоряженіи этого отряда находятся особый отрядъ носильщиковъ и нѣсколько врачей-хирурговъ. Интересно устройство перевязочныхъ пунктовъ. Они бываютъ трехъ родовъ и въ отличіе другъ отъ друга обозначаются флагами разныхъ цвѣтовъ. На самомъ мѣстѣ сраженія располагаются перевязочные пункты съ синимъ флагомъ; сюда несутъ раненыхъ; находящіеся здѣсь опытные хирурги сортируютъ ихъ, накладываютъ въ случаѣ крайней необходимости повязку или останавливаютъ кровотеченіе и молча, быстро привязываютъ къ рукѣ, ногѣ или шеѣ раненаго картонный ярлычекъ бѣлаго цвѣта въ томъ случаѣ, если нужна немедленная помощь хирурга, или красный ярлычекъ—во всѣхъ другихъ случаяхъ. Раненыхъ съ бѣлымъ ярлыкомъ носильщики несутъ тогда къ перевязочному пункту съ бѣлымъ флагомъ, раненыхъ съ краснымъ ярлыкомъ—къ пункту съ краснымъ флагомъ. Въ пунктѣ съ краснымъ флагомъ имѣется значительное число врачей-хирурговъ и фельдшеровъ, а также большой запасъ инструментовъ и перевязочнаго матеріала. Здѣсь врачи мѣняютъ повязки всѣмъ больнымъ, основательно, не торопясь, осматриваютъ ихъ, очищаютъ раны, накладываютъ повязку на продолжительное время и затѣмъ раненыхъ перевозятъ въ лѣчебныя заведенія, расположенныя въ тылу арміи.

Благодаря такой организаціи больные транспортируются чрезвычайно скоро, и раненые получаютъ надлежащую помощь.

Японское общество Краснаго Креста находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ принца Коматсу. Средства общества получаются путемъ добровольныхъ пожертвованій, устройства различныхъ выставокъ и т. д.

Общество было основано въ 1877 г. по поводу бывшей тогда междоусобной войны въ южной Японіи и въ послѣдніе годы растетъ необычайно быстро; такъ, въ 1878 г. въ немъ было только 11.000 членовъ, въ 1884 г. уже 60.000, въ 1895 г., послѣ японо-китайской войны, 160.000, а въ 1900 г. уже 650.000. Общество Краснаго Креста имѣетъ свои госпитали и, кромѣ того, содержитъ на

свой счетъ извѣстное число больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ. Врачи Краснаго Креста носятъ особую форму. Вся постановка дѣла въ госпиталяхъ Краснаго Креста, по отзывамъ посѣщавшихъ ихъ русскихъ врачей, очень хорошая. Ухаживаютъ здѣсь за больными исключительно сестры милосердія и вольнонаемныя прислужницы. Для полученія званія камбеофю (kambeo-fu—надзирательница, сестра милосердія) необходимо пройти курсъ, продолжающійся $2^1/_2$ года. Во время войны японскій Красный Крестъ играетъ лишь вспомогательную, подчиненную роль. Во главѣ госпиталей Краснаго Креста стоятъ военные врачи, которые подчиняются распоряженіямъ мѣстныхъ военныхъ властей, въ районѣ которыхъ находится учрежденіе Краснаго Креста. Благодаря такому порядку получается полное единство медицинскихъ силъ и средствъ.

Къ *женевской конвенціи* 1863 г., ограждающей неприкосновенность во время войны лазаретовъ и госпиталей, пока въ нихъ находятся раненые и больные, равно какъ неприкосновенность врачебнаго персонала, Японія присоединилась въ 1886 г. При этомъ она хотя и удержала Красный Крестъ, служащій символомъ неприкосновенности на войнѣ медицинскихъ учрежденій и врачебнаго персонала, но бѣлыми поперечными линіями превратила его въ четыре красныхъ четыреугольника. Наконецъ, Японія участвовала въ заключеніи гаагской конвенціи 1899 г., распространившей начала женевской конвенціи на морскую войну.

Экономическое положеніе Японіи.

Д. М. БУРОВА.

Земледѣліе и землевладѣніе.

По характеру народной промышленности Японія является страною земледѣльческою по преимуществу. Понынѣ весь экономическій строй ея зиждется на завѣтѣ предковъ: «Nô wa Kuni no moto» (земледѣліе—основа государства). Несмотря на такое значеніе земледѣлія, общая площадь обрабатываемыхъ полей не превышаетъ $17^1/_2{}^0/_0$ всего пространства Японіи (безъ колоній); она занимаетъ лишь 5.100.000 чо (4.630.000 десятинъ); но такъ какъ значительная часть полей даетъ болѣе одного урожая въ годъ, то общая площадь посѣвовъ подъ различными земледѣльческими культурами болѣе площади обрабатываемыхъ полей и опредѣляется въ 6.679.500 чо (6.063.000 дес.). Въ Европѣ лишь Норвегія, Финляндія и Швеція имѣютъ еще болѣе низкій процентъ обрабатываемыхъ полей. Въ Европейской Россіи подъ земледѣльческими культурами состоитъ $26,_2{}^0/_0$ всей поверхности; въ одной только области войска Донского свыше $6^1/_2$ милл. дес. пахотныхъ земель, т.-е. больше, чѣмъ во всей Японіи. Такая сравнительная ограниченность площади обрабатываемой земли объясняется, главнымъ образомъ, гористымъ характеромъ страны, а равно системою сельскаго хозяйства, не знающею, вслѣдствіе слабаго развитія скотоводства, ни сѣнокосовъ, ни искусственныхъ луговъ (занимающихъ, напр., въ Россіи $15,_9{}^0/_0$ всей площади).

Располагая столь ограниченною площадью посѣвовъ, Японія, тѣмъ не менѣе, сравнительно мало нуждается пока въ привозномъ хлѣбѣ—результатъ тѣмъ болѣе изумительный, что японскій земледѣлецъ не знаетъ правильнаго сѣвооборота, почти совсѣмъ не пользуется рогатымъ скотомъ и усовершенствованными земледѣльческими

орудіями; да и почва Японіи, истощенная вѣковой культурой, не отличается особеннымъ плодородіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи японскаго земледѣлія во многомъ обусловливаются благопріятными климатическими условіями: теплымъ, богатымъ осадками и продолжительнымъ лѣтомъ, позволяющимъ на югѣ Японіи снимать по нѣскольку жатвъ съ поля. Но главную роль тутъ играютъ трудолюбіе японскаго земледѣльца и своеобразные пріемы обработки и удобренія земли.

Японское земледѣліе болѣе похоже на наше огородничество, чѣмъ на полеводство. Оно характеризуется прежде всего малыми, прямо «карликовыми» размѣрами хозяйства, въ которомъ используется каждый клочекъ земли. Средній размѣръ земледѣльческаго хозяйства составляетъ $0_{,85}$ чо (около $^3/_4$ дес.); немногочисленныя хозяйства съ 3 или 4 дес. земли признаются уже крупными. Пріемы земледѣлія, какъ и многое другое, позаимствованы много вѣковъ тому назадъ японцами у «патріарховъ» землепашества—китайцевъ. Пріемы эти, сравнительно, мало измѣнились и въ послѣднее время, когда европейская культура оказала сильное вліяніе на весь строй жизни въ Японіи. И въ настоящее время японскій земледѣлецъ сажаетъ или сѣетъ на своемъ крохотномъ полѣ, истощенномъ вѣковою культурою, изъ года въ годъ одно и то же растеніе, не давая отдыха почвѣ и снимая иногда по 2 жатвы въ годъ. Понятно, что при такомъ интенсивномъ земледѣліи почву приходится усиленно удобрять для пополненія ея питательныхъ силъ. И, дѣйствительно, ни въ одной странѣ міра, кромѣ, можетъ-быть, Китая, не удѣляется столько вниманія вопросу объ удобреніяхъ, какъ въ Японіи.

Самое распространенное въ Японіи удобреніе—твердыя и жидкія человѣческія испражненія. Въ японскихъ городахъ и поселкахъ эти испражненія тщательно собираются, причемъ обращается должное вниманіе на то, чтобы они не потеряли своихъ драгоцѣнныхъ питательныхъ свойствъ; страдаетъ ли отъ этого чувство обонянія, объ этомъ не особенно заботятся. Съ такимъ же рвеніемъ собираются по улицамъ и дорогамъ животный калъ и всякаго рода другіе отбросы. Въ японскомъ домѣ хозяйка въ особую бочку бросаетъ всѣ кухонные отбросы и золу; туда же выливаетъ помои и даже грязную мыльную воду. Всѣ эти удобренія продаются за дорогую цѣну прибывающимъ въ городъ съ овощами поселянамъ, и подъ вечеръ въ окрестностяхъ города встрѣчаются цѣлыя толпы поселянъ съ ведрами жидкихъ удобреній за спиною.

Видную роль при удобреніи полей играютъ также рыбные туки, сухое удобреніе, получаемое изъ рыбныхъ отбросовъ и даже цѣлыхъ рыбъ, гдѣ ихъ изобиліе. Рыбные туки, кромѣ самой Японіи, приготовляются также на Сахалинѣ и въ Амурскомъ краѣ, преимущественно

самими японцами (см. ниже, стр. 191). Въ послѣднее время стали много пользоваться, какъ удобреніемъ, бобовыми жмыхами, вывозимыми изъ сѣв. Китая и Маньчжуріи. Рисовыя поля удобряются, кромѣ того, такъ называемыми «зелеными» удобреніями, т.-е. травой, скошенной по откосамъ, и листьями и мелкими вѣтками, сорванными съ деревьевъ. Эти зеленыя удобренія бросаются между рядами растеній поля и, быстро сгнивая при влажномъ климатѣ Японіи, превращаются въ плодородный гумусъ. Много, наконецъ, удобреній японцы добываютъ изъ воды рѣкъ, озеръ и даже моря, вытаскивая изъ нея илъ, водоросли, камышъ и т. д.

Кромѣ этихъ органическихъ удобреній, въ Японіи, особенно въ послѣднее время, стали примѣнять также минеральныя удобренія, какъ-то: известь, гипсъ, костяную муку и селитру (собственнаго изготовленія, которая, впрочемъ, теперь вытѣсняется чилійскою).

Въ окрестностяхъ большихъ городовъ, конечно, избытокъ всѣхъ этихъ удобреній, но внутри страны въ нихъ чувствуется большой недостатокъ. По дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ Японіи постоянно движутся транспорты удобрительныхъ веществъ, распространяя отвратительный запахъ, съ которымъ японцы, впрочемъ, давно сжились. Но далеко не повсюду, при дурныхъ путяхъ сообщенія Японіи, проникаютъ эти транспорты, и потому не мало площадей земли внутри Японіи остается безъ обработки, вслѣдствіе недостатка въ удобреніяхъ.

Удобреніе десятины земли въ Японіи обходится, въ среднемъ, отъ 25 до 50 руб. въ годъ. Для японца это весьма большая сумма, а потому онъ расходуетъ удобреніе очень экономно. По бо́льшей части, онъ не удобряетъ всей площади поля, а, по возможности, каждое растеніе въ отдѣльности, и притомъ лишь пока оно нуждается въ удобреніи. Почти всѣ удобренія вводятся въ почву въ жидкомъ видѣ. Для этого около поля-огорода устраивается рядъ бочекъ или ямъ, въ которыхъ приготовляется настойка на смѣси разныхъ удобреній, которыя скоро переходятъ въ гніеніе. Этой вонючей жижей японецъ поливаетъ отдѣльныя растенія отъ 3 до 6 разъ, причемъ постепенно дѣлаетъ растворъ слабѣе и слабѣе. Сухія удобренія обыкновенно обращаются въ порошокъ, который или смѣшивается съ сѣменами, или экономно разбрасывается по бороздамъ.

Но, кромѣ удобреній, нѣкоторыя земледѣльческія культуры, главнымъ образомъ, рисъ, требуютъ еще искусственнаго орошенія, которое уже много вѣковъ примѣняется во всей Японіи. Для этого въ горныхъ мѣстахъ устроены резервуары, въ которые собирается ключевая или дождевая вода и потомъ, по мѣрѣ надобности, по каналамъ или бамбуковымъ трубамъ проводится на поля. Къ орошенію полей приспособлены почти всѣ рѣчки и рѣки, на которыхъ сплошь-и-рядомъ можно встрѣтить водочерпательные колеса и аппараты.

По деревнямъ ходятъ водочерпатели съ легкимъ водочерпательнымъ колесомъ на спинѣ, которые за небольшую плату устанавливаютъ колесо въ любомъ ручьѣ или прудѣ и, ступая со спицы на спицу, поднимаютъ воду въ желобъ. Весною всѣ рисовыя поля въ Японiи сплошь затопляются на нѣкоторое время, и рисовая разсада сажается прямо въ жидкую грязь.

Такимъ образомъ, японскiй земледѣлецъ-огородникъ въ вопросѣ объ удобренiи и орошенiи полей несомнѣнно превзошелъ своего европейскаго собрата, но сама обработка почвы поставлена у него еще очень примитивно. Не только усовершенствованные плуги и бороны, но даже соха мало употребляется, главнымъ образомъ, вслѣдствiе недостатка скота. Японецъ обрабатываетъ свое маленькое поле заступомъ и киркою, что, конечно, возможно только благодаря дешевизнѣ рабочихъ рукъ въ Японiи.

Пахотныя поля засѣваются почти исключительно рядами, причемъ достигаются экономiя сѣмянъ и лучшее развитiе отдѣльныхъ растенiй. При такомъ способѣ посадки облегчается разрыхленiе земли, очищенiе отъ сорныхъ травъ и удобренiе, что неоднократно производится кропотливымъ японцемъ во все время произрастанiя растенiй. Благодаря рядовой культурѣ дѣлается также возможнымъ, еще до полнаго вызрѣванiя одной жатвы, въ промежутки рядовъ засѣвать или сажать новыя растенiя. Такъ обыкновенно и дѣлаетъ японецъ и, напр., сѣетъ пшеницу между рядами поспѣвающаго риса и т. п. Понятно—подобнаго рода интенсивная культура требуетъ чрезвычайно большого труда отъ японскаго земледѣльца въ теченiе круглаго года. При полевыхъ работахъ ему обыкновенно помогаетъ вся семья, отъ мала до велика, и съ рѣдкою любовью ухаживаетъ за каждымъ почти растенiемъ; наемныхъ рабочихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приходится видѣть на японскихъ поляхъ. Земледѣлiе считается въ Японiя почетнымъ занятiемъ; имъ не гнушаются и дворяне. Только благодаря такому любовному отношенiю къ сельскому хозяйству, послѣднее въ Японiи могло достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ: десятина земли здѣсь прокармливаетъ болѣе 10 человѣкъ. Подобно китайцу, японецъ можетъ сказать, что ему для жизни достаточно такого клочка земли, какой онъ въ теченiе года можетъ удобрить собственными своими изверженiями. Конечно, не зная помощи усовершенствованныхъ орудiй, японцы затрачиваютъ массу времени и труда на самыя простыя работы. Но, съ другой стороны, нельзя не подивиться рацiональности японскаго земледѣлiя. Свойства бобовыхъ и злаковъ, сравнительно недавно выясненныя нашею агрономическою наукою, давнымъ-давно были извѣстны японцамъ, которые дошли до этого ощупью и, не стѣсняясь, сажали ихъ другъ подлѣ друга.

Каждая степень увлажненія почвы, отъ сухой скалы до болота, получила свои культуры.

При всемъ томъ экономическое положеніе японскаго земледѣлія далеко не блестящее, и жалобы на сельско-хозяйственный кризисъ слышны отовсюду. Всѣ расходы по поразительному культурному перевороту, которому подверглась Японія въ послѣднія 30 лѣтъ, легли, главнымъ образомъ, на земледѣльцевъ. Земледѣліе даетъ въ Японіи государству 58% доходовъ, а съ акцизомъ на водку (саке) даже 80%. Поземельный, подоходный и косвенные налоги сильно повысились въ послѣдніе годы, а культурными успѣхами націи земледѣльческій классъ воспользовался въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другіе слои населенія. Поэтому среди народа и въ печати все громче раздаются голоса, что земледѣлецъ—не вѣчная дойная корова государства, и что пора обратить вниманіе на поднятіе его благосостоянія.

Увеличеніе податного бремени въ связи съ беззаботностью, присущею японцамъ, привело за послѣднія 30 лѣтъ къ безпримѣрнымъ перемѣнамъ въ области землевладѣнія.

Въ феодальныя времена всѣ земли считались собственностью микадо; землепашцы имѣли только право пользованія землею, но они не имѣли права продавать и вообще отчуждать ее. Всѣ подати и налоги взимались (черезъ посредство феодаловъ) съ земли и имѣли въ сущности характеръ арендной платы. Размѣръ налоговъ былъ крайне разнообразенъ; иногда онъ опредѣлялся формулою: «4 части урожая въ казну, 6 — земледѣльцу». Въ 1873 г. всѣ земли, безъ всякаго выкупа, были признаны собственностью тѣхъ, кто данный участокъ воздѣлывалъ; при этомъ прежніе сборы съ земель были замѣнены однообразнымъ земельнымъ налогомъ въ $0,_4$ чистаго дохода (въ предположеніи, что чистый доходъ слагается на $0,_4$ изъ аренды, точнѣе изъ ренты, и на $0,_6$ изъ труда землепашца), а для опредѣленія размѣра этого налога съ каждаго участка произведена была оцѣнка всѣхъ земель. Оцѣнка была произведена по такому разсчету, что 3% ея составляютъ $0,_1$ чистаго дохода съ земли.

Такимъ образомъ, всѣ землепашцы превратились въ землевладѣльцевъ, которые получили право свои участки продавать, закладывать и вообще распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Какое же употребленіе сдѣлали японскіе крестьяне изъ своего права полной личной собственности на землю?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ оффиціальномъ изданіи: «L'Agriculture au Japon», выпущенномъ японскимъ правительствомъ къ всемірной парижской выставкѣ 1900 г. «Тридцать лѣтъ—читаемъ мы въ этомъ документѣ—прошло со времени политической реформы, предоставившей землепашцамъ право собственности на ихъ земли, и

уже большинство мелкихъ собственниковъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, заложило свои земли, а частью дошло даже до необходимости продать ихъ, чтобы удовлетворить своимъ повседневнымъ нуждамъ, или чтобы добыть средства къ безпутной жизни». Въ результатѣ земли переходятъ въ руки крупныхъ собственниковъ. Въ настоящее время свыше двухъ пятыхъ земледѣльцевъ состоятъ въ положеніи арендаторовъ, т.-е. лишились своей собственности. Далѣе, въ томъ же правительственномъ изданіи слѣдуютъ жалобы на то, что новые крупные землевладѣльцы не выказываютъ склонности къ усовершенствованію системъ землепользованія, остаются чуждыми сельскому хозяйству и довольствуются тѣмъ, что извлекаютъ изъ своихъ земель доходъ путемъ сдачи ихъ въ аренду мелкимъ съемщикамъ, которые и ведутъ хозяйство стародавними пріемами.

Такимъ образомъ, японскіе крестьяне оказываются неспособными удержать въ своихъ рукахъ дарованное имъ право собственности на воздѣлываемыя ими земли.

Договоры объ арендѣ земли въ Японіи до чрезвычайности разнообразны. Преобладаетъ фактическая аренда изъ года въ годъ, при которой интересы арендатора ничѣмъ, конечно, не гарантированы, а также сроки отъ 3 до 5 лѣтъ. Землепашецъ уплачиваетъ натурою отъ $^{1}/_{2}$ до $^{2}/_{3}$ урожая. Положеніе арендаторовъ пока облегчается патріархальностью отношеній ихъ къ землевладѣльцамъ и чувствомъ солидарности, господствующимъ среди крестьянства.

Въ процентахъ распредѣленіе поверхности Японіи по угодьямъ по даннымъ 1898 и 1899 гг. представлено въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Вся площадь Японіи	38.526.597 кв. чо (100%)	
Вся обработанная площадь	6.696.797 кв. чо (100%)	
Вся обработанная площадь	17,4	въ % всей площади Японіи.
Лѣса	53,3	
Хара (см. выше, стр. 14) и непроизводительная	28,3	
Застроенная поверхность	1,0	
Заболоченныя поля	42,4	въ % обработанной площади.
Сухія поля	48,2	
Въ томъ числѣ:		
Подъ хлѣбомъ	34,8	
» стручковыми плодами	8,9	
» корнеплодами	4,5	
Вся пищевая площадь	90,6	
Подъ промышленными растеніями	3,9	
Шелковичныя плантаціи	4,6	
Чайныя плантаціи	0,9	

Отдѣльныя сельскохозяйственныя культуры.

О развитіи и значеніи въ Японіи (безъ колоній) главнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ культуръ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ, относящимся къ 1900 г.

	Площадь посѣвовъ въ тысяч. чо	Количество сбора
Пищевыя растенія		
Рисъ	2.828,5	41.466.700 коку
Голый ячмень	693,0	7.459.300 »
Ячмень	644,5	8.659.500 »
Пшеница	468,5	4.236.900 »
Горохъ соя	457,7	3.562.200 »
Просо	352,7	3.736.200 »
Гречиха	169,0	1.285.400 »
Мелкій красный бобъ	122,8	866.400 »
Японскій сладкій картофель	271,4	765.935.500 кванъ
Картофель обыкновенный	38,3	71.775.400 »
Итого	5.965,1	
Промышленныя растенія		
Рапсъ	153,1	1.193.800 коку
Красильныя растенія (ай)	46,2	16.582.200 кванъ.
Табакъ	37,2	10.846.500 »
Хлопокъ	28,3	4.894.300 »
Конопля	18,2	2.652.800 »
Итого	283,0	
Шелковица	300,8	
Чай	49,3	
Всего	6.679,5	

Рисъ является важнѣйшимъ продуктомъ земледѣлія. Свыше 42% всей обрабатываемой почвы занято рисомъ, и цѣнность урожая риса составляетъ нѣсколько болѣе половины рыночной цѣнности всѣхъ продуктовъ японскаго земледѣлія. Культура риса распространена, начиная отъ Іессо и до крайнихъ южныхъ предѣловъ государства. Наибольшаго развитія она достигаетъ на Хондо, на долю котораго приходится 79,3% всѣхъ рисовыхъ полей. Здѣсь рисъ занимаетъ 51,4% всей площади, отведенной въ Японіи подъ пищевые продукты, тогда какъ на Іессо отношеніе это спускается до 8,5%. При повсемѣстной потребности въ рисѣ рисовыя поля распространены даже въ такихъ мѣстностяхъ, климатическія и поч-

венныя условія которыхъ не благопріятствуютъ этой культурѣ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что за все время существованія статистики урожаевъ площадь посѣвовъ риса расширялась очень мало, но замѣчательно, что сборы риса возрастаютъ неуклонно. Такъ, въ 1878 г риса было собрано съ 2.489.765 чо 25.282.540 коку, а въ 1902 г. съ 2.847.468 чо 40.856.217 коку.

Рисъ воздѣлывается, главнымъ образомъ, «болотный», т.-е. требующій искусственнаго орошенія. Разводимый у насъ (въ Туркестанѣ и Закавказьѣ) «суходольный» рисъ, произрастающій на сравнительно сухой почвѣ и требующій меньше тепла, въ Японіи занимаетъ лишь площадь отъ 2 до 4 тысячъ чо. Въ болотномъ рисѣ различаютъ три сорта: ранній, средній и поздній рисъ; главнымъ образомъ, воздѣлывается средній рисъ. Болотный рисъ разводится на почвѣ, насыщенной влагою, и для полнаго развитія и созрѣванія требуетъ, при постоянномъ тщательномъ уходѣ, 6 мѣсяцевъ, при средней температурѣ въ 20° Ц. Въ долинахъ и на невысокихъ холмахъ рисовыя поля разбиваются въ видѣ террасъ и окружаются невысокими, фута въ два высотою и шириною, глиняными дамбами. Огражденное пространство наводняется съ помощью плотинъ, отводящихъ проточную воду, или особыми водочерпательными приспособленіями, приводимыми въ движеніе людьми. Поля, по впускѣ воды, превращаются въ мелкіе пруды *), въ которыхъ разлагается удобреніе, образуя слой жидкой грязи, смѣшанной съ землею. Обработка рисовыхъ плантацій начинается въ апрѣлѣ. Прежде всего плоскою мотыкою разрыхляютъ землю на отдѣльномъ небольшомъ клочкѣ поля, отведенномъ подъ разсаду, удобряютъ и наводняютъ эту часть поля такъ, что вода на 5—6 сантим. покрываетъ уровень почвы. Когда, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, удобреніе, почва и вода совершенно перемѣшались и образовали одну массу, ее засѣваютъ; при тепломъ дыханіи лѣтняго муссона, уже черезъ 4—5 дней показываются первые ростки. Въ началѣ іюня разсада достигаетъ 8—10 дюймовъ, ее выдергиваютъ и разсаживаютъ по полю пучками, которыхъ на одинъ танъ ($^1/_{11}$ дес.) приходится около 2—2$^1/_2$ тысячъ. Когда всѣ растенія пересажены на поле, оно наводняется такъ, что покрывается водою на 25 сантим. Въ теченіе всего произрастанія и въ особенности въ первой его половинѣ обиліе воды составляетъ первое условіе хорошаго сбора. Колосъ начинаетъ образовываться въ началѣ сентября, жатва же происходитъ съ конца сентября по конецъ октября, въ зависимости отъ мѣстности, географическаго положенія и др. естественныхъ условій. Къ обдиркѣ и очисткѣ риса приступаютъ большею частью передъ потребленіемъ его.

---

*) Эти пруды служатъ и для рыборазведенія, см. ниже, стр. 193.

Хотя ежегодное количество урожая риса является недостаточнымъ для внутренняго пропитанія населенія, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое количество его, въ виду высокаго качества японскаго риса, вывозится за границу. Взамѣнъ этого вывоза Японія изъ другихъ странъ (Сіама и проч.) получаетъ рисъ болѣе низкаго качества (болѣе дешевый). Рисъ служитъ главнымъ пищевымъ продуктомъ для болѣе или менѣе состоятельныхъ классовъ населенія, низшіе же слои его риса почти не потребляютъ, а питаются преимущественно просомъ, а также и ячменемъ, какъ продуктами болѣе дешевыми.

Размѣры сбора, ввоза и вывоза риса за послѣднее пятилѣтіе, сопоставленные съ площадью посѣвовъ его и количествомъ населенія, приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Годы	Площадь посѣвовъ риса въ чо	Населеніе душъ	Сборъ риса въ коку	Ввозъ риса въ іенахъ	Вывозъ риса въ іенахъ
1898 . . .	2.817.624	41.718.264	47.387.666	8.219.810	6.141.118
1899 . . .	2.839.550	43.228.863	39.698.258	5.950.166	10.282.012
1900.. . .	2.828.479	43.760.815	41.466.734	9.021.536	3.576.569
1901 . . .	2.847.468	44.235.315	46.914.943	11.878.958	6.908.913
1902 . . .	2.847.295	44.709.815	40.856.217	17.750.817	6.676.294

Такимъ образомъ, средній сборъ риса за разсматриваемое десятилѣтіе составляетъ $43,_6$ милл. коку; урожай 1903 г., опредѣлившійся въ 46.475.038 коку, былъ, слѣдов., выше средняго.

Если рисъ является хлѣбомъ японцевъ, то стручковые плоды замѣняютъ имъ мясо. Потребленіе стручковыхъ плодовъ весьма велико и разнообразно: они идутъ въ пищу людямъ и въ приправу къ ней, на изготовленіе растительнаго масла, въ кормъ скоту и на удобреніе. Кромѣ полей, подлежащихъ учету сельскохозяйственной статистики, стручковыми, особенно тѣмъ видомъ гороха, изъ котораго приготовляется соусъ «соя», засаживаются еще межи, откосы дамбъ и оросительныхъ каналовъ.

Послѣднее мѣсто среди пищевыхъ растеній занимаютъ корнеплоды, т.-е. сладкій японскій картофель (бататы) и картофель обыкновенный. Они занимаютъ 5% всей площади, отведенной подъ пищевыя растенія, т.-е. такой же процентъ, какъ и въ Европейской Россіи ($5,_4$%). Площадь подъ корнеплодами увеличивается и, вѣроятно, будетъ увеличиваться по мѣрѣ распространенія земледѣлія на островѣ Іессо, почва и климатъ котораго весьма благопріятны для разведенія обыкновеннаго картофеля.

Если перевести всѣ пищевыя растенія Японіи на рисъ (по степени питательности ихъ), то окажется, что Японія производитъ на душу населенія $1,_{507}$ коку риса. Количество это недостаточно для покрытія всѣхъ потребностей населенія, такъ какъ нормальный

расходъ на ѣду одного человѣка въ годъ опредѣляется въ $1,_5$ коку риса. За вычетомъ изъ общей суммы урожая того количества хлѣбовъ, которое идетъ на посѣвъ и на изготовленіе саке (рисовой водки), оказывается общій недоборъ около $7^1/_2$ милл. коку или, въ среднемъ, около $0,_{16}$ коку на душу.

Такимъ образомъ, Японія не можетъ жить собственнымъ производствомъ хлѣбовъ, но въ настоящее время недоборъ не можетъ еще считаться значительнымъ. Положеніе станетъ серьезнымъ лѣтъ черезъ 20, когда населеніе Японіи возрастетъ на 10—12 милл. чел., если только сельское хозяйство страны не усилитъ своей производительности.

Достигнуть этого сельское хозяйство можетъ двумя путями: расширеніемъ площади посѣвовъ, съ одной, и переходомъ къ воздѣлыванію болѣе питательныхъ хлѣбовъ, съ другой стороны.

Не только на о-вѣ Іессо, но и въ собственной Японіи имѣется еще весьма обширный запасъ цѣлинныхъ земель, которыя могутъ быть обращены подъ воздѣлываніе частью риса и высокоцѣнныхъ промышленныхъ растеній, главнымъ же образомъ—подъ разведеніе хлѣбныхъ и менѣе цѣнныхъ промышленныхъ растеній. По новѣйшимъ исчисленіямъ, количество такихъ земель почти равно находящимся нынѣ въ обработкѣ. Распространенію земледѣлія препятствуютъ трудности первоначальной разработки цѣлинъ, требующей большихъ затратъ, отсутствіе пригодныхъ для этого земледѣльческихъ орудій, недостатокъ удобренія въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ и привязанность къ старинной системѣ земледѣлія, въ которой рисъ является основнымъ продуктомъ для каждаго почти земледѣльческаго хозяйства. Государство поощряетъ разработку цѣлинныхъ земель, освобождаетъ ихъ на много лѣтъ отъ поземельныхъ налоговъ, но эта мѣра оказывается дѣйствительною только на о-вѣ Іессо.

Еще большее значеніе имѣлъ бы для обезпеченія народнаго продовольствія переходъ къ такой системѣ сельскаго хозяйства, при которой изъ данной площади земли извлекалось бы возможно больше питательныхъ веществъ. Съ этой точки зрѣнія японское земледѣліе должно быть признано неудовлетворительнымъ.

Дѣло въ томъ, что по питательности рисъ уступаетъ пшеницѣ и приближается ко ржи; ячмень уступаетъ и рису, и пшеницѣ (содержитъ при одинаковомъ объемѣ $54,_8$% питательности послѣдней), просо соотвѣтствуетъ по питательности 82%, а гречиха 47% пшеницы. Между тѣмъ пшеница—этотъ наиболѣе питательный изъ хлѣбовъ—по распространенію своему занимаетъ въ Японіи послѣднее мѣсто. Впрочемъ, посѣвъ «муги» (подъ этимъ собирательнымъ именемъ извѣстны въ Японіи ячмень и пшеница) за послѣднее время

расширяются. Съ 1879 по 1899 г. площадь подъ муги возросла на 20%, тогда какъ расширеніе посѣвовъ риса не превышаетъ 11,7 %. Въ 1879 г. на одну десятину полей подъ муги приходилось $1{,}_8$ рисоваго поля, въ 1885 г.—$1{,}_7$, въ 1899 г.—$1{,}_6$. Увеличивается и урожайность японской пшеницы. Въ 1880—84 гг. она составляла на 1 танъ $6{,}_{78}$ коку, а въ 1895—99 гг. уже $8{,}_{26}$ коку; послѣдняя цифра соотвѣтствуетъ $10{,}_{18}$ четверти съ 1 десятины, т.-е. почти равняется урожайности, имѣвшей мѣсто въ 1886—88 гг. въ Германіи ($10{,}_5$ четверти съ десят.), съ ея высоко развитою системою обработки земли, и значительно превышаетъ среднюю урожайность пшеницы въ Европейской Россіи ($7{,}_9$ четверти съ десят.). Конечно, переходъ народныхъ массъ къ новой пищѣ требуетъ большой ломки и много времени, но, во всякомъ случаѣ, Японія располагаетъ большими рессурсами для распространенія въ народномъ питаніи пшеницы. Для разведенія послѣдней могутъ служить «сухія поля» (такъ называемыя х а т а, противополагаются заболоченнымъ полямъ—т а, годнымъ для рисовыхъ плантацій), которыхъ насчитывается до 2 милл. чо. Если бы сухія поля были обращены подъ пшеницу, вмѣсто ячменя, уступающаго по питательности и рису, и обрабатывались они съ такою же тщательностью, какъ рисовыя, то Японія могла бы значительно расширить свое производство хлѣбовъ въ смыслѣ извлеченія изъ той же площади бо́льшаго количества питательныхъ единицъ.

П л о д о в о д с т в о пока не получило въ Японіи значительнаго развитія. Плодовыя деревья и лѣкарственныя растенія большею частью размѣщаются на усадебныхъ мѣстахъ, межахъ, окраинахъ полей, вдоль дорогъ и т. п. Въ общемъ японскіе фрукты низкаго качества; европейскіе сорта въ Японіи вырождаются, но нѣкоторые сѣверо-американскіе сорта, особенно яблокъ, съ успѣхомъ разводятся, между прочимъ, на о-вѣ Іессо. Къ лучшимъ фруктамъ Японіи принадлежатъ: оранжево-красная финиковая слива или «каки», мелкій апельсинъ «микапъ» (важнѣйшій изъ плодовъ Японіи); «кури» или съѣдобный каштанъ; «бива» (подробнѣе объ этихъ плодахъ см. выше, стр. 19). Изрѣдка можно встрѣтить кусты винограда.

Изъ п р о м ы ш л е н н ы х ъ р а с т е н і й, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы (стр. 177), наибольшую площадь занимаетъ рапсъ. Въ Японіи повсюду произрастаютъ м а с л и ч н ы я р а с т е н і я и притомъ высшіе сорта ихъ; нѣкоторыя изъ нихъ растутъ въ дикомъ состояніи, другія разводятся. Получаемыя изъ нихъ различныя масла идутъ на освѣщеніе, въ пищу, на туалетныя издѣлія и проч. Въ дѣлѣ освѣщенія растительное масло вытѣсняется, впрочемъ, керосиномъ.

Т а б а к ъ разводится въ Японіи повсемѣстно, но лучшій полу-

чается на о-вѣ Кіу-Сіу. Хорошіе сорта японскаго табака въ приготовленномъ видѣ имѣютъ свѣтло-желтый цвѣтъ и тонкую крошку. Ежегодный сборъ листьевъ не превышаетъ 600 грам. на душу населенія, что при общераспространенномъ обычаѣ куренія немного. Въ Японіи существуетъ нынѣ табачная монополія, которая основана на пріобрѣтеніи за счетъ казны всего сбора табака съ частныхъ плантацій и на перепродажѣ его фабрикантамъ для обработки. Въ 1901 г. продажная цѣна табака была правительствомъ повышена на 50% и даже на 150%, вслѣдствіе чего сократился вывозъ японскаго табака, который вывозится преимущественно въ Англію, гдѣ онъ смѣшивается съ американскими сортами. Для русскаго потребителя японскій табакъ не годится; раньше онъ ввозился въ Россію въ ничтожномъ количествѣ и потреблялся инородцами Приморской области.

Крупное значеніе для сельскаго хозяйства Японіи имѣетъ разведеніе волокнистыхъ растеній (ср. выше, стр. 19). Особенно характерно разведеніе растеній, волокно которыхъ идетъ на производство крѣпкой японской бумаги. Не требуя особаго ухода, произрастая на скудной почвѣ, на межахъ полей и въ оврагахъ, они даютъ доходъ кустарю, обрабатывающему ихъ волокно. Особенно важны три рода растеній: козо, митсумаша и гампи, изъ коихъ добывается ежегодно около 25 милл. килогр. волокна. Еще важнѣе тростникъ, изъ котораго получается матеріалъ для изготовленія цыновокъ, замѣняющихъ у японцевъ мебель. Онъ разводится на болотистой почвѣ или въ прудахъ, и ежегодный сборъ его достигаетъ 20—25 милл. килогр., причемъ, вслѣдствіе начавшагося вывоза цыновокъ за границу, разведеніе и сборъ его растутъ быстро съ каждымъ годомъ, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, правительство всѣми мѣрами поощряетъ посадку тростника, а съ другой—разведеніе его не требуетъ большого труда и расходовъ. Съ одного тана можно собрать приблизительно на 70 іенъ этого продукта, а затѣмъ та же земля можетъ идти подъ культуру другихъ растеній.

Конопля культивируется въ Японіи для выдѣлыванія канатовъ и тканья матерій. Въ прежніе вѣка конопля была главнымъ волокнистымъ растеніемъ Японіи, въ послѣднее же время ее все болѣе вытѣсняетъ хлопокъ, служащій нынѣ, вмѣстѣ съ шелкомъ, главнѣйшимъ матеріаломъ для изготовленія тканей.

Разведеніе хлопка, которому климатъ Японіи благопріятствуетъ въ высшей степени, японцы переняли изъ Индіи; въ настоящее время плантаціи хлопка можно встрѣтить, начиная съ самыхъ южныхъ провинцій до 30° сѣв. шир., причемъ важнѣйшими округами по его разведенію служатъ: Токіо, Точиги, Чиба, Сайтама, Яманаши, Шицзуока, Айчи, Міие, Гифу, Вакаяма, Тотори, Окайяма, Хирошима,

Эхиме, Ямагучи, Осака и Хіого, но главнымъ центромъ хлопководства является округъ Осака. Впрочемъ, хлопководство, несмотря на все усиливающійся спросъ со стороны быстро развивающейся въ Японіи прядильно-ткацкой промышленности, не дѣлаетъ большихъ успѣховъ, а въ послѣднее время даже начинаетъ падать. Японскій земледѣлецъ, привыкшій разводить все въ малыхъ количествахъ, для удовлетворенія потребностей своего собственнаго обихода, въ силу укоренившихся въ теченіе столѣтій привычекъ, не въ состояніи перейти сразу къ плантаціонной системѣ насажденія хлопчатника. Когда, послѣ открытія портовъ для торговли съ иностранцами, туземная фабрично-промышленная дѣятельность возникла какъ бы сразу, земледѣлецъ, болѣе консервативный, чѣмъ его соотечественникъ-заводчикъ, оказался не въ состояніи удовлетворять быстро развившемуся спросу на хлопковое волокно, такъ что для удовлетворенія мѣстныхъ заводовъ потребовался большой привозъ иностраннаго хлопка, который, вліяя угнетающимъ образомъ на цѣны японскаго рынка, началъ убивать еще не окрѣпшее мѣстное производство. Немалою помѣхою въ развитіи мѣстнаго хлопководства служитъ также меньшая урожайность его, чѣмъ американскаго, и короткость волокна, которое, несмотря на его бѣлизну и мягкость, употребляется безъ примѣсей только для туземныхъ станковъ, такъ какъ на станкахъ новой конструкціи нити его рвутся, и прядильщикамъ приходится смѣшивать его съ американскимъ или индійскимъ длинноволокнистымъ хлопкомъ. При такомъ положеніи дѣла совершенно естественно, что площадь посѣвовъ хлопка сокращается, а ввозъ иностраннаго волокна возрастаетъ. Въ 1902 г. въ Японію ввезено 2.463.672 пикуля хлопка на сумму въ $80,_5$ милл. іенъ, что по стоимости составляетъ почти 30% всего японскаго ввоза.

Плантаціи сахарнаго тростника достигали въ 1892 г. 15.227 чо и дали 132 милл. кванъ тростника. Изъ этого количества приходилось на Си-ко-ку 48%, на Кіу-Сіу 34%, а остальное на округи Осака и Шицзуока, т.-е. на тѣ южныя части государства, которыя находятся въ раіонѣ тропическихъ дождей. Прежде разведеніе сахарнаго тростника въ Японіи считалось выгоднымъ дѣломъ, но теперь, когда туземный сахаръ долженъ конкурировать съ привознымъ, разведеніе малорослаго японскаго тростника, не достигающаго и 10 фут. (въ прочихъ странахъ онъ достигаетъ 26 и 28 фут.), стало убыточнымъ дѣломъ, несмотря на то, что спросъ на сахаръ быстро растетъ въ странѣ. Въ Японіи разведеніе сахарнаго тростника требуетъ удобренія почвы и ежегодной пересадки, чего въ другихъ тропическихъ странахъ не требуется; кромѣ того, здѣсь не примѣняются новыя машины, и потому много сахарнаго сока остается невываренымъ. Все это побудило многихъ въ послѣднее время засѣять площадь, назначенную для

тростника, болѣе выгодными растеніями. Однако, бросая культуру сахарнаго тростника, японцы совсѣмъ не желаютъ стать, въ отношеніи сахара, въ полную зависимость отъ иностраннаго ввоза. По почину правительства приступили къ разведенію свекловицы на о-вѣ Іессо, гдѣ съ этою цѣлью образовалась акціонерная компанія съ основнымъ капиталомъ въ 800.000 іенъ, которой казна гарантировала годовую прибыль въ 6%. Компанія эта засѣяла свекловицей площадь въ 10 кв. километровъ, и вначалѣ предпріятіе сулило большіе барыши; однако, результаты не оправдали ожиданій, площадь посѣвовъ стала сокращаться, а добываемый сахаръ далеко не отличается добротою: онъ темнаго цвѣта и менѣе сладокъ, чѣмъ привозный. Климатъ Японіи не благопріятствуетъ разведенію свекловицы, теряющей при сильной жарѣ свою сахаристость. Сюда присоединяются еще разныя техническія и экономическія затрудненія: японцы, привыкшіе къ земледѣлію въ миніатюрѣ, никакъ не могутъ свыкнуться съ разведеніемъ какого-либо растенія въ большихъ размѣрахъ, требующаго, какъ, напр., свекловица, обширной площади для посѣва; за неимѣніемъ скота, японцы употребляютъ для удобренія полей рыбьи туки, оказавшіеся въ данномъ случаѣ совершенно непригодными. Наконецъ, заводчики не умѣютъ использовать остающіеся при сахарной варкѣ остатки. Однимъ словомъ, есть полное основаніе предполагать, что производство свекловичнаго сахара въ Японіи, несмотря на то, что японцы все болѣе привыкаютъ къ нему въ ущербъ тростниковому сахару, еще долгое время, а, можетъ-быть, и никогда, не будетъ въ состояніи покрыть своимъ собственнымъ продуктомъ хотя бы часть всего потребленія, тѣмъ болѣе, что спросъ на сахаръ, вслѣдствіе возрастающаго благосостоянія страны, постепенно увеличивается. Въ настоящее время внутреннее производство сахара не покрываетъ и десятой части потребленія.

Одно изъ важнѣйшихъ растеній, составляющее ежедневную потребность японца и играющее чрезвычайно большую роль въ экономической жизни страны,—чай произрастаетъ почти во всѣхъ округахъ до 40° сѣв. шир., но далеко не вездѣ въ равныхъ размѣрахъ; выше 37° онъ появляется лишь въ мѣстностяхъ, защищенныхъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Болѣе же всего онъ разводится между 34° и 36°, т.-е. въ центральныхъ провинціяхъ. Самый лучшій японскій чай, идущій къ столу микадо, получается изъ окрестностей древней столицы имперіи—Кіото.

Культура чая проникла въ Японію изъ Китая, вмѣстѣ съ буддизмомъ, хотя на Кіу-Сіу и Си-ко-ку чайные кусты встрѣчаются и въ дикомъ видѣ какъ подлѣсокъ. Въ Японіи разводится, главнымъ образомъ, тотъ видъ чайнаго деревца, которому въ ботаникѣ присвоено названіе Camelia theifera; въ Китаѣ этимъ видомъ пренебрегаютъ.

Въ Китаѣ чайное дерево достигаетъ вышины въ 7—8 метровъ, въ Японіи же вышина его не превышаетъ $1,_5$ метр., кора его сѣропепельнаго цвѣта, листья ярко-зеленаго и покрыты бѣлымъ пушкомъ. Отъ сентября до декабря оно цвѣтетъ бѣлыми или розовыми цвѣтами.

Въ Японіи чайное растеніе требуетъ нѣсколько песчаную почву, любитъ покатые склоны горъ, позволяющіе стекать дождевой водѣ безъ поврежденія почвы; оно встрѣчается, однако, и въ равнинахъ, какъ, напр., у Кіото, прорѣзанныхъ канавами для того, чтобы вода не накоплялась. Во всѣхъ случаяхъ земля обрабатывается довольно глубоко и густо удобряется. Чайныя плантаціи на половину засѣваются сѣменами, на половину обсаживаются ростками въ разстояніи другъ отъ друга отъ 1 до $1,_5$ метра. Сѣмена, посаженныя въ количествѣ 20 — 30 штукъ вмѣстѣ, пускаютъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ ростки, достигающіе черезъ годъ 10 сантим. вышины. Во второмъ году они развѣтвляются и достигаютъ 25 сантим., а въ концѣ третьяго года 50 сантим. Трехлѣтнія деревца пересаживаются группами въ 10—12 штукъ вмѣстѣ и растутъ, пока не достигнутъ $1,_5$ метр. Чайныя плантаціи представляютъ собой очень разнообразную картину, такъ какъ японцы имѣютъ обычай сажать между чайными деревцами тутовое дерево и разные стручковые плоды; иногда же чайныя деревца сажаются по краямъ и по межамъ полей. Старательная обработка и обильное удобреніе почвы являются главнѣйшими условіями успѣшнаго произрастанія деревца; для удобренія употребляются, главнымъ образомъ, жмыхи, рыбьи туки, навозъ, зола и морская трава въ періодѣ гнилостнаго разложенія. Съ наступленіемъ четвертаго года начинаются сборы листьевъ, которые постепенно въ послѣдующіе годы, вплоть до 10 — 12 года, становятся обильнѣе, затѣмъ листья дѣлаются толстыми, и деревцо приходится замѣнить новымъ.

Въ сѣверныхъ округахъ чай часто страдаетъ отъ зимнихъ холодовъ и даже замерзаетъ (ср. выше, стр. 19); продуктъ, тамъ получаемый, стоитъ ниже сортовъ, идущихъ изъ центральныхъ округовъ. Въ теченіе года производятся два сбора: первый въ маѣ даетъ чай лучшихъ сортовъ и продолжается отъ 10 до 12 дней, второй производится на шесть недѣль или два мѣсяца позже, когда миновали первые сильные тропическіе дожди. Собираніемъ листьевъ занимаются преимущественно женщины и дѣти, и на душу приходится ежедневно отъ 7 до 8 килогр.; хорошій же работникъ собираетъ въ три раза больше этого количества. Плантаторъ или самъ приготовляетъ листья, или продаетъ ихъ промышленнику. Второй сборъ даетъ болѣе твердые листья и вслѣдствіе этого менѣе хорошій продуктъ, потребляемый, главнымъ образомъ, во внутреннихъ округахъ, но идущій также и

на вывозъ. Важно, чтобы листья обрабатывались сейчасъ же послѣ ихъ сбора; въ противномъ случаѣ, отваръ теряетъ свой цвѣтъ и ароматъ. Обработка зеленаго чайнаго листа въ Японіи нѣсколько разнится отъ китайскаго способа; продуктъ обрабатывается двояко, въ зависимости отъ того, идетъ ли приготовляемый чай на вывозъ, или же предназначается для туземнаго потребленія. Приготовленіе чая для внутренняго потребленія слагается изъ трехъ операцій: сначала листья парятъ, для чего ихъ кладутъ на рѣшето, поставленное надъ котломъ съ кипяткомъ, и въ продолженіе одной или двухъ минутъ подвергаютъ дѣйствію пара, отъ котораго они свертываются и покрываются выступающимъ изъ нихъ масломъ; тогда листья немедленно охлаждаютъ съ помощью инструмента, похожаго на большой вѣеръ, послѣ чего приступаютъ ко второй операціи: листья кладутся на плоскую жаровню, подогрѣваемую при температурѣ въ 50° Ц. на угляхъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, причемъ они свертываются и развертываются, становятся жирными и издаютъ сильный запахъ. Когда насталъ извѣстный моментъ, огонь тушится, а листья на той же жаровнѣ постепенно высыхаютъ и дѣлаются сухими и ломкими. Наконецъ, приступаютъ къ сортировкѣ листьевъ по ихъ величинѣ и наружному виду и укладываютъ чай въ новые ящики, вѣсомъ около 30 килогр. Въ такомъ видѣ чай поступаетъ на потребленіе туземнаго населенія. Если же чай назначается для вывоза за границу, то съ нимъ продѣлываютъ нѣкоторыя дополнительныя операціи. Европейскій коммерсантъ скупаетъ чай, назначенный для экспорта, отъ мѣстнаго японскаго торговца, подвергаетъ его новой сушкѣ на подогрѣваемыхъ древеснымъ углемъ жаровняхъ, для чего въ Іокогамѣ и Кобе существуютъ большія заведенія (Tea firing godowns), принадлежащія, главнымъ образомъ, американцамъ, въ которыхъ работаетъ до 500 человѣкъ, по преимуществу женщинъ. Къ концу приготовленія въ каждую жаровню кладутъ немного гипса и синьки, что придаетъ чаю особенный требуемый американцами вкусъ. Эти же вещества окрашиваютъ листья въ темно-зеленый цвѣтъ, что считается американцами за признакъ хорошаго чая. Китайцы и японцы никогда не окрашиваютъ потребляемый ими продуктъ. Еще въ тепломъ состояніи чай укладывается въ сорокафунтовые ящики, выложенные свинцомъ, въ которыхъ онъ вывозится въ Соединенные Штаты и Канаду. Почти весь японскій чай состоитъ изъ такъ называемаго зеленаго; черный же, играющій несравненно меньшую роль въ обиходѣ японскаго народа, не есть продуктъ особаго вида чайнаго дерева, но получается особымъ способомъ приготовленія, состоящимъ въ томъ, что листья до сушки подвергаются броженію, отчего чай нѣсколько теряетъ свой ароматъ и получаетъ горьковатый

привкусъ. Чай перваго сбора носитъ названіе сенча, онъ лучше другихъ сортовъ и въ большей части вывозится. Чай второго сбора называется банча и потребляется, главнымъ образомъ, внутри страны. Слѣдуетъ еще упомянуть, что, вслѣдствіе двухъ разныхъ способовъ сушки, чай бываетъ разный: корзинный и жаровный; первый получается при сушкѣ въ корзинахъ, покрытыхъ японской бумагой, второй — отъ сушки на металлическихъ жаровняхъ. Далѣе, бываютъ еще чайный порошокъ, приготовляемый изъ листьевъ старыхъ деревьевъ, обвариваемыхъ кипяткомъ, чай въ шарикахъ, получаемый отъ остатковъ чайныхъ листьевъ, свернутыхъ руками въ шарики, и чай въ кирпичахъ, приготовленіе котораго началось недавно. Чай, идущій за границу, по достоинству своему дѣлится на choicest, finest, fine, goodmedium, good common. При вывозѣ чай расцѣнивается слишкомъ низко: въ среднемъ въ неполныя 20 коп. за русскій фунтъ. Во внутренней торговлѣ крайнія цѣны на чай колеблются между 10 іенъ и 10 сенъ за англійскій фунтъ. Вообще японскій чай хуже китайскаго, и даже европейскіе торговцы, живущіе въ Японіи, предпочитаютъ выписывать для себя черный чай изъ Китая. Нельзя, однако, отрицать, что хорошіе сорта чая могутъ удовлетворять и любителя чая, но они требуютъ заварки въ неособенно горячей водѣ. Общее производство чая въ Японіи опредѣляется приблизительно въ 70 милліоновъ русскихъ фунтовъ. Вывозъ его слишкомъ великъ, оставляя мало для внутренняго потребленія. Въ 1902 г. вывезено изъ Японіи 32.759,580 кинъ (около 49 милліон. русскихъ фунтовъ) на сумму въ 10 милл. іенъ, а въ 1901 г. вывозъ достигалъ 33.248.470 кинъ, стоимостью въ $8._8$ милл. іенъ. Такимъ образомъ, для внутренняго потребленія оставалось немного болѣе 20 милл. русскихъ фунтовъ, что для 45-милліоннаго населенія, ежедневно потребляющаго чай, совершенно недостаточно. Даже въ Россіи среднее душевое потребленіе чая значительно больше (въ 1900 году—$0._{94}$ ф.). Не удивительно, что въ Японіи весьма распространено потребленіе вмѣсто чая или вмѣстѣ съ чаемъ различныхъ суррогатовъ; таковыми служатъ поджаренные ячмень, бобы или пшеница, листья камеліи, соленый черешневый цвѣтъ (sherry blossom), апельсиновая корка и т. п. Чрезмѣрный вывозъ чая указываетъ на острую нужду въ деньгахъ среди земледѣльческаго населенія.

Главнѣйшимъ потребительнымъ рынкомъ для японскаго чая являются Соединенные Штаты Сѣв. Америки, принимающіе до 80% всего вывоза; за ними слѣдуетъ Канада, въ которую ввозится въ годъ свыше 3 милл. кинъ японскаго чая; Китай и Сибирь принимаютъ по милліону кинъ.

На ряду съ чаемъ, важнымъ сельскохозяйственнымъ продуктомъ,

отъ котораго зависитъ благосостояніе бóльшей части страны, является шелкъ. Шелководство, которому благопріятствуютъ климатическія и почвенныя условія во всей странѣ, представляетъ для земледѣльца особыя выгоды, такъ какъ даетъ ему денежный доходъ и, сверхъ того, допускаетъ постепенное выполненіе работъ, а также представляетъ побочный промыселъ по подготовкѣ шелка къ продажѣ. Главнѣйшими центрами шелководства служатъ округи на сѣверо-востокѣ отъ Токіо; во всѣхъ южныхъ и западныхъ округахъ шелководство сравнительно еще слабо развито. Объясняется это тѣмъ, что въ прежніе годы шелководство было распространено исключительно въ болѣе холодныхъ округахъ Японіи, въ которыхъ шелководство было прибыльнѣе земледѣлія; послѣднее оказывалось тамъ малодоходнымъ или по особенностямъ почвы, или же по положенію мѣстности вдали отъ рынковъ сбыта, вслѣдствіе чего, при неудовлетворительности тогдашнихъ путей сообщенія, издержки перевозки могли окупаться только такимъ негромоздкимъ продуктомъ, какъ шелкъ, который при маломъ объемѣ и незначительномъ вѣсѣ представляетъ большую цѣнность. Съ открытіемъ для Японіи иностранныхъ рынковъ дѣло совершенно измѣнилось: шелкъ-сырецъ, на ряду съ чаемъ, сталъ важнѣйшимъ предметомъ японскаго вывоза; тутовыя плантаціи стали распространяться по всей странѣ. Представленіе о ростѣ вывоза шелка-сырца за послѣднее пятилѣтіе можетъ дать нижеслѣдующая таблица:

	Вывезено кипъ шелка-сырца		
Годы	въ Америку	въ Европу	Всего
1898	28.717	18.641	47.368
1899	36.893	20.754	57.647
1900	24.878	18.982	43.860
1901	49.995	33.950	83.945
1902	43.775	26.517	70.292

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще значительный вывозъ оческовъ и шелковыхъ тканей, а также производство шелка-сырца, необходимаго для покрытія внутренняго потребленія, которое, впрочемъ, поглощаетъ въ три раза меньше продукта, чѣмъ вывозъ. Шелковыя платья носятся въ Японіи повсемѣстно, и національный японскій костюмъ долженъ быть непремѣнно изъ шелка. Всѣ женщины, за исключеніемъ принадлежащихъ къ самымъ бѣднымъ классамъ, начиная съ 10—12-лѣтняго возраста, ежегодно изнашиваютъ, среднимъ числомъ, по одному платью, на которое идетъ кусокъ шелка, длиною въ 11 ярдовъ и вѣсомъ въ 95—100 momme. Національная одежда всѣхъ мужчинъ шьется также изъ шелковыхъ или полушелковыхъ матерій. За 1890-ые годы площадь, занятая шелковицею, возросла на 1/4

(съ 243.842 кв. чо въ 1890 г. до 307.085 кв. чо въ 1899 г.), составляя въ настоящее время 4,6% всей обрабатываемой площади.

Животноводство.

Одна изъ характернѣйшихъ особенностей экономической жизни Японіи заключается въ незначительной роли, какую играетъ въ этой странѣ животноводство. Въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ уже неоднократно нами отмѣчалось, рабочій скотъ не примѣняется; до сихъ поръ лошадьми и рогатымъ скотомъ пользовались въ Японіи лишь въ извозномъ дѣлѣ и притомъ преимущественно какъ скотомъ вьючнымъ. Заготовка скота на убой и молочное хозяйство начинаютъ прививаться лишь въ новѣйшее время. Овцеводство почти не существуетъ: до недавняго времени это животное не было извѣстно японцамъ. Нѣсколько болѣе развито свиноводство, но лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Зато широкимъ распространеніемъ пользуется куроводство для полученія яицъ, особенно близъ крупныхъ центровъ; все же страна нуждается въ привозныхъ яйцахъ. Утки, голуби и гуси встрѣчаются рѣдко. Пчеловодство получило нѣкоторое значеніе лишь на о-вѣ Си-ко-ку.

Коневодство пользуется нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны правительства, которое, имѣя въ виду интересы военнаго вѣдомства, выписываетъ производителей изъ Европы, Америки и Австраліи. Японская лошадь *) принадлежитъ къ монгольской породѣ; она небольшого роста, съ толстою шеею, достаточно вынослива. Лучшими лошадьми считаются лошади «намбу» изъ кена Ивате, которыя такъ же, какъ и уступающія имъ по росту и статьямъ лошади «оникобе» изъ Міяки и «михара» изъ кена Фукушима, берутся для войскъ. Значительно меньше лошади на о-вѣ Іессо и въ области Сацума; за ними слѣдуютъ пони. Цѣны на лошадей въ Японіи колеблются: для вьючныхъ и ломовыхъ отъ 20 до 50 іенъ, для кавалерійскаго ремонта отъ 40 до 100 іенъ; полукровныя офицерскія лошади стоятъ отъ 100 до 200 іенъ. Уходъ за японскою лошадью рѣдко бываетъ заботливъ и вообще своеобразенъ. Въ стойлѣ лошадь ставится головою къ выходу и привязывается настолько коротко къ столбамъ, что не можетъ лечь; кормятъ ее изъ бадьи, привязываемой на шею. Обычный кормъ—сѣно грубаго сорта, перемѣшанное съ отрубями (сѣчка); даютъ также немного ячменя или бобовъ.

По даннымъ за 1900 г., въ Японіи (безъ колоній) было крупнаго рогатаго скота 1.261,2 тысячи головъ, а лошадей 1.542,0 тыс.,

---

*) Богуславскій, «Японія», стр. 214.

что составляетъ приблизительно 30 головъ на 1.000 душъ населенія, тогда какъ въ Даніи, напр., на 1.000 жит. приходится 1.080 головъ, въ Россіи 690, во Франціи 540, въ Англіи 450, въ Италіи 260.

Причины малаго развитія въ Японіи скотоводства многоразличны. Прежде всего, лошади и рогатый скотъ были введены въ Японіи сравнительно поздно, когда система земледѣлія уже до нѣкоторой степени опредѣлилась. Далѣе, религіи японцевъ—синтоизмъ и особенно буддизмъ—требуютъ воздержанія отъ мясной пищи. Наконецъ, при огородномъ характерѣ землепашества содержаніе скота не представляетъ выгодъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы потребленіе мяса получаетъ болѣе широкое распространеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ возрастаніе числа боенъ и убоя скота. Такъ, въ 1888 г. было убито всего 84 тыс. головъ крупнаго рогатаго скота; въ 1898 г. на 1.358 бойняхъ было заколото $207,_{8}$ тыс. быковъ, $12,_{4}$ тыс. телятъ, $47,_{2}$ тыс. лошадей, $27,_{0}$ тыс. овецъ и барановъ, $318,_{7}$ тыс. свиней. Кромѣ того, значительная часть потребляемаго въ странѣ мяса доставляется извнѣ, преимущественно изъ Австраліи. Молоко, масло и олеомаргаринъ почти исключительно получаются (въ консервированномъ видѣ) изъ Европы и Америки.

До какой степени ничтожно общее потребленіе мяса въ странѣ, и въ какой мѣрѣ оно сосредоточено въ крупныхъ городахъ, гдѣ имѣются потребители въ лицѣ иностранцевъ, а также въ арміи, флотѣ и учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ правительство вводитъ мясо въ число продовольственныхъ продуктовъ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія цифры:

	Мяса приходилось въ фунтахъ на 1 жителя въ годъ			
	во всей странѣ	въ Токіо	въ Осакѣ	въ Кобе
въ 1895 г.	$1,_{16}$	$7,_{5}$	$4,_{35}$	$17,_{5}$
» 1896 »	$1,_{02}$	$5,_{6}$	$4,_{75}$	20
» 1897 »	$1,_{07}$	$5,_{8}$	$4,_{35}$	$17,_{5}$
» 1898 »	$1,_{09}$	$6,_{8}$	$3,_{68}$	13
» 1899 »	—	$7,_{6}$	$4,_{63}$	—

Рыбный и морскіе промыслы *).

Воды, омывающія изрѣзанные берега острововъ, составляющихъ Японію, изобилуютъ рыбою всевозможныхъ породъ; значительная часть прибрежнаго населенія занимается исключительно рыболовствомъ, какъ въ морѣ, такъ и въ впадающихъ въ послѣднее рѣкахъ, а въ послѣднее время все болѣе и болѣе развивается ловъ въ открытомъ океанѣ,

*) Настоящая глава принадлежитъ перу Д. И. Рихтера.

причемъ японцы эксплуатируютъ не одну фауну, но и флору моря: кромѣ рыбъ и боя морскихъ животныхъ, они добываютъ водоросли.

Рыбацкое населеніе Японіи (вмѣстѣ съ промысловымъ) въ 1899 году состояло изъ 907 тысячъ семей въ 3.339 тысячъ душъ обоего пола, главная масса котораго (1.830 тыс. чел.) живетъ на главномъ островѣ страны Хондо. Рыбацкое населеніе болѣе всего сосредоточено на западныхъ берегахъ острововъ вдоль Японскаго и Китайскаго морей, а также по берегамъ Японскаго Средиземнаго моря (Seto-outshi).

Промысловыхъ судовъ къ началу 1900 года въ Японіи насчитывалось 399 тысячъ, въ томъ числѣ съ о-ва Хондо 241 тысяча.

Общая годовая сумма добычи, исключая потребленіе самого промысловаго населенія, т-е. сумма поступающихъ въ продажу продуктовъ, составляетъ 128 милл. кванъ (около 30 милл. пудовъ) и оцѣнивается въ 52 милліона іенъ (около 51 милл. руб.). Главные сорта рыбъ, промышляемой у береговъ Японіи и въ открытомъ морѣ: сардинки (свыше 11 милл. пуд.), бониты, пагры, макрели, треска, акула, лососевыя породы, сельди, затѣмъ разные сорта моллюсковъ, креветъ, устрицъ; кромѣ того, японцы бьютъ китовъ и собираютъ морскія водоросли. Вдоль береговъ о-ва Іессо ловятся, главнымъ образомъ, сельди и лососевыя породы, которыхъ здѣсь вылавливается въ десять разъ больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ страны.

Продукты рыбнаго и другихъ морскихъ промысловъ идутъ, во-первыхъ въ пищу человѣка, во-вторыхъ, на изготовленіе туковъ (удобренія для полей), въ-третьихъ, на другія производства. На пищу человѣка рыба, кромѣ свѣжей, заготовляется различными способами: сушеніемъ, соленіемъ, въ копченомъ видѣ, а также приготовляются изъ нея всевозможные консервы. Туки (удобреніе) получаются путемъ прессованія рыбы, причемъ въ видѣ побочнаго продукта добывается жиръ. Туки изготовляются, главнымъ образомъ, изъ сельдей и сардинъ; годовое производство туковъ достигаетъ въ самой Японіи 9 милліоновъ пудовъ на сумму $9^1/_2$ милліоновъ рублей (въ 1899 г. 8.740 тыс. пуд. на 9.355 тыс. руб.). Химическимъ путемъ изъ рыбы добываютъ масла, разныя лѣкарственныя вещества; изъ морскихъ водорослей, главная масса которыхъ идетъ въ пищу, вырабатываются химическимъ путемъ іодъ, агаръ-агаръ (клей) и проч. Наконецъ, изъ чешуи рыбъ и черепахъ, а также изъ раковинъ выдѣлываютъ разнаго рода предметы домашняго обихода и украшенія.

Рядомъ съ рыбнымъ промысломъ въ Японіи развита д о б ы ч а с о л и изъ морской воды, а также изъ соляныхъ источниковъ, сосредоточенныхъ, главнымъ образомъ, по берегамъ Японскаго Средиземнаго моря; этимъ промысломъ занято до 140 тысячъ человѣкъ, и ежегодная добыча достигаетъ 600—700 тоннъ (по 62 пуда).

Ловлей рыбы и боемъ животныхъ въ открытомъ океанѣ (китовъ, акулъ, трески и пр.) осенью 1901 года занято было 29 морскихъ судовъ съ 718 ловцами. Этотъ промыселъ находится въ періодѣ развитія (въ 1898 г. было всего 8 судовъ съ 214 ловцами) и субсидируется правительствомъ (въ 1901 г.—39 тыс. іенъ).

Кромѣ ловли въ японскихъ водахъ, японцы промышляютъ также и за предѣлами своихъ владѣній въ водахъ Кореи, у береговъ острова Сахалина, Канады и на островахъ Тихаго океана, принадлежащихъ Австраліи. У береговъ Кореи японцы занимаются промысломъ согласно трактату 1898 года, въ силу котораго промыселъ состоитъ подъ контролемъ японскаго правительства. Въ 1900 г. у береговъ и въ моряхъ Кореи насчитывалось 1730 японскихъ промысловыхъ судовъ съ 8055 человѣками экипажа. Добыча оцѣнивается въ 2.500 тысячъ іенъ. По берегамъ русскаго острова Сахалина японцы занимаются рыбными промыслами давно и до настоящаго времени удерживали свое господство, что объясняется малонаселенностью острова и особенностью характера этого населенія, состоящаго, главнымъ образомъ, изъ ссыльнаго элемента. По даннымъ японскимъ, въ водахъ Сахалина плаваетъ 125 промышленныхъ судовъ съ 4.434 рабочими, и годовая добыча около 500 тыс. пудовъ оцѣнивается въ 700 тыс. рублей. По русскимъ болѣе позднимъ даннымъ (1901 г.), изъ 193 рыбныхъ промысловъ на Сахалинѣ принадлежало японцамъ 125; кромѣ того, на 52, принадлежащихъ русскимъ фирмамъ, работали исключительно японцы. Ловится, главнымъ образомъ, сельдь и лососевыя (кэть и горбуша); уловъ достигаетъ: сельди около 3.720 тыс. пуд., кэти и горбуши—191 тыс. пуд., другихъ породъ—12 тыс. пуд.; кромѣ того, морской капусты — 54 тыс. пуд. Главный сбытъ лова у Сахалина—Японія, такъ какъ мѣстный рынокъ весьма ограниченъ (одно тюремное вѣдомство), а побережье Приморской области безлюдно и, кромѣ того, само богато рыбою. Сельдь перерабатывается на туки (въ 1901 г.—около 1.200 тыс. пуд.), лосось и морская капуста отправляются въ соленомъ и сушеномъ видѣ.

Въ 1876 г., въ водахъ австралійскихъ острововъ японцы начали ловить жемчугъ и морскую капусту, но особаго развитія промыселъ не достигъ; сильный ударъ этому промыслу нанесли тейфунъ, опустошившій въ 1898 г. многіе острова, и новые австралійскіе законы, запрещающіе поселеніе кули (въ томъ числѣ и японцевъ) на территоріи колоніи. Въ 1899 г. въ водахъ Австраліи плавало всего 46 японскихъ промысловыхъ судовъ съ экипажемъ въ 1000 человѣкъ.

По берегамъ Канады японцы, согласно разрѣшенію правительства колоніи (1888 г.), промышляютъ на 200 судахъ. Здѣсь ловятся почти исключительно однѣ лососевыя породы.

Главная масса рыбы и продуктовъ рыбнаго и морского промыс-

ловъ потребляется въ самой Японіи. Вывозъ за границу сравнительно не великъ—въ 1900 году достигъ всего $6^1/_2$ милл. іенъ (свыше 6 милл. руб.), бо̀льшая часть котораго идетъ въ Китай. Вывозъ изъ Японіи рыбы и водорослей въ Китай начался еще 200 лѣтъ тому назадъ; туда отправляются, главнымъ образомъ: морская капуста, моллюски, клей; масла изъ рыбъ отправляютъ въ Германію, Бельгію, Англію и Францію; издѣлія изъ раковинъ—въ Англію; кораллы—въ Англію и Италію; соль—въ Азіатскую Россію.

Кромѣ эксплуатаціи естественныхъ морскихъ богатствъ, въ Японіи чрезвычайно развиты рыбоводство, разведеніе черепахъ и водорослеводство. По рыбоводству особаго вниманія заслуживаетъ разведеніе карповъ въ особо устроенныхъ прудахъ и на рисовыхъ поляхъ, параллельно культурѣ самого риса. Послѣднее является весьма выгоднымъ не только въ смыслѣ разведенія рыбы, но и весьма полезнымъ для самыхъ полей, такъ какъ рыба уничтожаетъ вредныхъ для растенія насѣкомыхъ и плевелы, а болѣе крупные карпы при плаваніи, бороздя дно поля, боронятъ почву. Такъ какъ рисовыя поля въ Японіи большею частью весьма малы, то сосѣди обыкновенно ведутъ карповое хозяйство сообща. На зиму, когда вода съ полей спускается, карповъ пересаживаютъ въ особые пруды. Черепахъ разводятъ въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ, прѣсныхъ озерахъ и прудахъ. Въ морскихъ заливахъ разводятъ устрицъ, а въ полупрѣсныхъ бухтахъ — водоросль (главнымъ образомъ, Porphyra); водоросль эта снимается 3 раза въ годъ, ежегодно на 500 тыс. руб.

Рыбный и морскіе промыслы въ Японіи урегулированы рядомъ правительственныхъ узаконеній, которыя сведены въ одинъ общій законъ, изданный въ 1901 году. Въ законѣ этомъ особое вниманіе удѣлено охраненію рыбныхъ богатствъ страны отъ хищничества. Но не одна правительственная власть интересуется этою важною отраслью народнаго хозяйства: само японское общество, вступившее на путь европейской цивилизаціи, серьезно отнеслось и къ дѣлу рыболовства, Въ 1882 г. образовалось въ Токіо Японское Общество рыболовства; въ настоящее время подобныхъ обществъ нѣсколько; главнѣйшая цѣль ихъ состоитъ въ научномъ изученіи условій и техники рыболовства. Благодаря дѣятельности этихъ обществъ Японія, въ научной постановкѣ вопроса о рыбномъ хозяйствѣ и рыболовствѣ, стала во главѣ цивилизованныхъ странъ: ни въ одномъ другомъ государствѣ міра нѣтъ такой сѣти опытныхъ станцій и рыболовныхъ школъ, какъ въ Японіи, въ которой (въ 1901 г.) первыхъ насчитывается 25, а школъ 24. Наконецъ, въ 1897 году учреждено высшее спеціальное рыболовное и рыбоводное учебное заведеніе, которое понынѣ, какъ таковое, является единственнымъ на земномъ шарѣ. Институтъ Суи-

санъ Кошужіо—такъ называется это высшее учебное заведеніе—обязано своимъ происхожденіемъ вышеупомянутому Японскому Обществу рыболовства, которое въ 1885 г. открыло школу рыбнаго хозяйства. Школа быстро разрослась, кругъ занятій въ ней все болѣе и болѣе расширялся, такъ что черезъ 12 лѣтъ существованія она была преобразована въ высшее учебное заведеніе и передана въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и торговли. Въ институтъ поступаютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи и желающіе посвятить себя научной сторонѣ рыболовнаго дѣла. Изъ окончившихъ курсъ въ институтѣ Японія вербуетъ своихъ инспекторовъ по рыболовству, учителей для рыболовныхъ школъ, руководителей опытными станціями и т. п. Институтъ находится въ Токіо; въ немъ въ 1901 г. обучалось 150 студентовъ. Отдѣленій (факультетовъ) четыре: рыболовства, рыболовной технологіи, рыбоводства и отдѣленіе для подготовки спеціалистовъ для лова въ морѣ на большой глубинѣ. Курсъ—трехлѣтній, причемъ первые два учебные года носятъ преимущественно теоретическій характеръ, а третій чисто практическій—въ лабораторіяхъ, на опытныхъ станціяхъ и на водахъ. Опытныхъ станцій въ распоряженіи института десять; онѣ расположены въ различныхъ частяхъ государства; кромѣ того, институтъ владѣетъ многими рыболовными судами и лодками и двумя океаническими пароходами для занятій въ открытомъ морѣ.

Въ началѣ 1902 г. въ С.-Петербургѣ была международная рыбопромышленная выставка, на которую, кромѣ Россіи и Финляндіи, прислали свои экспонаты 16 странъ, въ томъ числѣ и Японія. Вслѣдствіе дальности разстоянія, Японія прислала небольшое количество предметовъ, но эти предметы были подобраны такъ систематично и такъ умѣло, что сравнительно маленькая японская выставка сразу обратила на себя вниманіе какъ практиковъ рыболовнаго дѣла, такъ и людей науки. Изъ 289 наградъ, присужденныхъ экспонентамъ 16 иностранныхъ государствъ, на долю Японіи выпало 72; столько же получила только одна Норвегія, которая, благодаря близости къ Петербургу, выставила массу образцовъ и послѣ Россіи по размѣрамъ своей выставки занимала второе мѣсто.

Лѣсоводство и лѣсные промыслы.

Около 220.000 кв. верстъ, т.-е. свыше половины всей площади Японіи, понынѣ еще покрыто лѣсами. Особенно славятся своими лѣсами о-ва Іессо и Окинава. Въ началѣ текущей эры Мейджи, когда пріобщеніе страны къ европейской культурѣ вскорѣ привело къ промышленному ея оживленію, началось-было хищническое истребленіе

лѣсовъ, но злу этому вскорѣ положенъ былъ конецъ, и введено было, по европейскому образцу, правильное лѣсное хозяйство, подъ надзоромъ правительства. Осуществить это было тѣмъ легче, что почти двѣ трети всей лѣсной площади Японіи принадлежатъ государству, да и остальная треть сосредоточена въ рукахъ крупныхъ лѣсовладѣльцевъ, именно религіозныхъ корпорацій, хотя послѣднія все еще не убѣждены въ необходимости правильнаго лѣсного хозяйства.

Лѣса доставляютъ строительный и подѣлочный матеріалъ, частью весьма цѣнныхъ породъ; особенное значеніе имѣетъ въ Японіи бамбукъ, идущій на самыя разнообразныя надобности, начиная отъ разнороднѣйшихъ кустарныхъ подѣлокъ и кончая сооруженіемъ легкихъ мостовъ и водопроводныхъ трубъ для цѣлей орошенія. Если много требуется въ Японіи строевого лѣса вслѣдствіе повсемѣстнаго распространенія деревянныхъ построекъ, то въ неменьшей степени необходимъ лѣсъ какъ топливо вслѣдствіе общераспространенной топки дровами и древеснымъ углемъ. Цѣнность ежегоднаго производства дровъ опредѣляется въ 65 милл. іенъ, изъ коихъ только 2 милл. приходятся на долю казенныхъ лѣсовъ.

Весьма доходнымъ лѣснымъ промысломъ является производство камфоры, которая добывается изъ такъ называемаго камфорнаго лавра (Cinnamomum camphora), растущаго въ дикомъ видѣ на южныхъ островахъ Японіи (южнѣе 34° сѣв. шир.) и на Формозѣ. Первое мѣсто въ мірѣ по количеству добываемой камфоры принадлежитъ о-ву Формозѣ, второе—собственной Японіи. Въ послѣдней камфорное дерево въ частныхъ лѣсахъ почти уже истреблено, но въ казенныхъ лѣсахъ его еще много. Прежде населеніе и правительство мало заботились о сохраненіи и разведеніи этого цѣннаго дерева, теперь же оно всюду ревностно насаждается, и надѣются, что при раціональномъ уходѣ деревья будутъ давать камфору не по достиженіи 70 или 80 лѣтъ, какъ прежде, а черезъ 25—30 лѣтъ. За 1902 г. всего было вывезено изъ Японіи до 5.930.000 фунтовъ камфоры, изъ коихъ на долю Формозы приходилось 5.200.000 фунт., міровое же производство камфоры не превышаетъ 10.400 000 фунт. Во времена китайскаго владычества Формоза производила не болѣе 200.000 фунт. камфоры; японское правительство, построивъ на островѣ большое число заводовъ, добывающихъ и очищающихъ камфору по новѣйшимъ способамъ, въ какихъ-нибудь восемь лѣтъ увеличило производство болѣе чѣмъ въ 25 разъ. Въ 1899 г. японское правительство объявило добычу камфоры на о-вѣ Формозѣ монополіею казны, а вслѣдъ затѣмъ увеличило цѣну ея въ полтора раза; въ 1903 г. камфорная монополія распространена и на собственно Японію. Добыча сырой камфоры предоставлена частнымъ предпринимателямъ, которые обязаны свой

продуктъ продать правительству по заранѣе объявленной цѣнѣ; очистка камфоры производится только на правительственныхъ заводахъ.

При всѣхъ своихъ лѣсныхъ богатствахъ, Японія довольно значительное количество лѣса ввозитъ изъ другихъ странъ (въ 1901 г. на $709,_2$ тыс. іенъ). Вывозъ лѣса изъ Японіи превышаетъ ввозъ, но слишкомъ малъ въ сравненіи съ пространствомъ лѣсовъ въ Японіи и потребностью въ лѣсѣ другихъ странъ Восточной Азіи.

Одною изъ причинъ порчи лѣсовъ въ Японіи (какъ и въ нашемъ Приамурскомъ краѣ) является культура съѣдобнаго гриба — шiитаке; онъ произрастаетъ въ странѣ повсемѣстно и служитъ не только мѣстному потребленію, но и для вывоза. Разведеніе этого гриба производится слѣдующимъ образомъ: въ октябрѣ срубаются деревья изъ породы дуба и оставляются въ лѣсу до декабря; затѣмъ стволы распиливаются въ четырехфутовые куски, которые ставятся въ кучи въ вертикальномъ положеніи. Въ февралѣ слѣдующаго года топоромъ на каждомъ кускѣ врубаются около двадцати продолговатыхъ расщелинъ, причемъ лѣсъ остается въ своемъ первоначальномъ положеніи, благодаря чему изъ земли проникаютъ въ дерево зародыши грибка шiитаке (Agaricus sitake), покрываютъ отрубленные куски, такъ что послѣдніе кажутся совершенно сгнившими. Когда грибы развились до извѣстнаго возраста, что узнается по темно-желтому цвѣту нароста, куски, послѣ предварительнаго ихъ смачиванія водой, кладутся подъ извѣстнымъ уклономъ въ тѣнистое мѣсто. Грибки послѣ этого начинаютъ расти, и, по прошествіи 5 дней, когда ихъ шапочки достигаютъ 3—5 сантим. въ діаметрѣ, ихъ снимаютъ и высушиваютъ на солнцѣ или на огнѣ. Послѣ каждаго дождя выростаютъ новые грибы, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ съ каждаго куска дерева получаются отъ 30 до 50 грибовъ, вѣсъ коихъ достигаетъ около 100 граммъ. Какъ много тратится ежегодно хорошаго лѣса на культуру шiитаке, видно изъ того, что для полученія 1 килогр. грибовъ (цѣнностью въ 75 коп.) требуется отъ 300 до 400 килогр. дерева. Потребленіе гриба въ Японіи весьма значительно и не поддается точному учету, вывозъ же превышаетъ 2 милліона катти, цѣнностью до 800.000 іенъ.

Горнопромышленность.

У европейцевъ Японія издавна считалась страною золота и серебра, и сказанія эти играли едва ли не главную роль въ ихъ стремленіяхъ проникнуть въ Страну Восходящаго Солнца. Когда Японія вынуждена была открыть свои порты европейцамъ, то само японское правительство увлеклось ихъ представленіями о горныхъ богатствахъ страны: оно пригласило европейскихъ и американскихъ инженеровъ

и усердно стало производить развѣдки, прокладывать шахты и т. п Эта горнопромышленная дѣятельность правительства не увѣнчалась успѣхомъ за отсутствіемъ въ нѣдрахъ Японіи достаточно богатыхъ мѣсторожденій рудъ. Представленія европейцевъ о горныхъ богатствахъ Японіи оказались крайне преувеличенными; выяснилось также, что тѣ залежи, какія въ Японіи имѣются, издревле разрабатывались туземцами, которые располагали гораздо бо̀льшими свѣдѣніями по горному дѣлу, чѣмъ это можно было бы предполагать. Правительство мало-по-малу закрыло свои горнопромышленныя предпріятія, предоставивъ разработку ископаемыхъ богатствъ страны частнымъ лицамъ и компаніямъ, но въ принципѣ удержало право собственности на нѣдра земли за государствомъ.

Японія богата только углемъ, мѣдью и сѣрою; мѣсторожденія другихъ полезныхъ ископаемыхъ въ ней встрѣчаются, но довольно бѣдныя. Тѣмъ не менѣе, горное дѣло принадлежитъ къ числу наиболѣе процвѣтающихъ отраслей японской промышленности. Въ ней занято 130 тыс. рабочихъ (70.000 изъ нихъ въ каменноугольной промышленности); общая цѣнность годовой добычи горныхъ продуктовъ (не считая вываренной морской соли) достигаетъ 50 милл. іенъ. Въ 1900 г. (болѣе новыхъ данныхъ о всѣхъ отрасляхъ горнопромышленности не имѣется) было добыто:

золота	$2.124_{,5}$	килогр.
серебра	58.809	»
мѣди	253.094	квинталовъ *)
желѣза	248.416	»
свинца	18.780	»
сурьмы	4.299	»
марганца	158.307	»
угля	7.429.457	тоннъ
нефти	138.076.560	литровъ
сѣры	144.385	квинталовъ

Въ конечномъ итогѣ Японія, несмотря на значительную добычу угля и мѣди, занимаетъ послѣднее мѣсто среди странъ съ развитою горнопромышленностью, какъ это явствуетъ изъ данныхъ 1898 г. о стоимости добытыхъ минераловъ, приходящихся на душу населенія:

въ Англіи	$23_{,0}$	рубл.
» Соедин. Штатахъ Сѣв.-Америки . . .	$21_{,1}$	»
» Германіи	$15_{,3}$	»
» Франціи	$11_{,6}$	»
» Австріи	$4_{,8}$	»
» Испаніи	$4_{,2}$	»
» Россіи	$1_{,5}$	»
» Японіи	$1_{,2}$	»

*) Квинталъ равенъ 100 килогр. или 6 пуд. 4 фунт. 18 зол.

Золото добывается изъ кварцовыхъ жилъ на о-вѣ Садо и въ Сангано (въ Сацумѣ), а также въ серебряныхъ рудникахъ Ямагано (въ провинціи Осуми); золотыя розсыпи разрабатываются на о-вѣ Іессо. Рудники о-ва Садо извѣстны съ X вѣка. Вообще количество добываемаго золота довольно незначительно: въ 40 слишкомъ разъ меньше, чѣмъ въ Россіи, хотя за послѣднее десятилѣтіе оно и увеличилось на одну треть.

Желѣзомъ, которое, вмѣстѣ съ углемъ, является основою всей современной промышленности, Японія бѣдна: внутренняя добыча страны не покрываетъ и ничтожной доли потребленія ея. Изъ собственной руды всего получается въ годъ около $1\frac{1}{2}$ милл. пуд. металла, главнымъ образомъ, чугуна, а также желѣза и стали. Въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ отличій Японіи отъ Англіи, съ которою японцы любятъ сравнивать свою страну. Это ставитъ японскую промышленность въ тяжелую зависимость отъ иностраннаго ввоза столь необходимаго сырья. Зато Японія очень богата углемъ.

Каменный уголь составляетъ главное минеральное богатство Японіи. Угольныхъ бассейновъ два, и оба на окраинахъ, одинъ на западѣ Кіу-Сіу, другой на о-вѣ Іессо, съ ближайшими къ нимъ частями Хондо. Важнѣйшимъ является первый бассейнъ, расположенный, съ одной стороны, у входа въ Японское Средиземное море, съ другой—поблизости Сасебо и Нагасаки и представляющій большія удобства не только для доставки, но и для разработки; здѣсь уголь добывается уже болѣе 4 столѣтій. Каменноугольныя копи Кіу-Сіу лежатъ въ раіонѣ Кокура-Накацу-Кумамото-Нагасаки; къ нимъ примыкаетъ пластъ на о-вѣ Такасима, мощностью до 1 саж. Менѣе значительныя мѣсторожденія находятся: на о-вѣ Амакуса (возлѣ города Томіока и бухты Оники) и на сѣверо-западѣ Кіу-Сіу, близъ Карацу и Кацуки и вдоль дороги Нагасаки-Сага (Хизенскія копи). Лучшій уголь на Кіу-Сіу добывается на сѣверѣ острова, въ Бузенскихъ копяхъ (южнѣе Моджи). Главными центрами по торговлѣ углемъ Кіу-Сіу являются порты Моджи, Нагасаки, Кучиноцу. На о-вѣ Хондо угольныя залежи имѣются въ кенѣ Ямагучи, восточнѣе Симоносеки, и въ кенѣ Ямагата, южнѣе г. Саката. Угольныя богатства о-ва Іессо почти неисчерпаемы. Въ одномъ округѣ Исикари, между Сорачи и Нуіекава, каменноугольное мѣсторожденіе занимаетъ площадь въ 15 географическихъ миль длиною и въ 3 мили шириною. На этомъ островѣ почти все угольное дѣло сосредоточено въ рукахъ компаніи «Хоккаидо-Танко-Тецудо-Каиса», которая, владѣя капиталомъ въ 12 милл. іенъ и 260 верстами жел. дор., разрабатываетъ копи въ Юбари, Сорачи, Поронай, Икусумбецу, соединенные между собою, а также съ портами Отару и Муроранъ рельсовымъ путемъ. Другими предпри-

нимателями разрабатываются угольныя копи въ округахъ Кусиро и Сирибеси.

Общая годовая добыча каменнаго угля въ Японіи не превышаетъ 7—8 милліон. тоннъ, но, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, она могла бы быть доведена до 40—50 милліон. тоннъ. Причины такого несоотвѣтствія кроются въ томъ, что все дѣло ведется неудовлетворительно, и крупные углепромышленники держатъ слишкомъ высокія цѣны, благодаря чему на Дальнемъ Востокѣ съ японскимъ углемъ успѣшно конкурируетъ уголь китайскій и австралійскій. Бездымнаго угля въ Японіи мало, вообще же уголь хорошаго качества, но достоинства его понижаются тѣмъ, что уголь въ Японіи не сортируется, и вмѣстѣ съ углемъ поступаютъ въ продажу пустыя породы, которыя въ другихъ странахъ служатъ для укрѣпленія рудничныхъ выемокъ или для настилки дорогъ. Значительнѣйшая часть добычи вывозится изъ страны, главнымъ образомъ, въ Китай (40% всего вывоза), Гонгъ-Конгъ (30%) и британскія владѣнія на полуостровѣ Малакка. Наши суда Добровольнаго флота пользовались преимущественно такосимскимъ углемъ. О ростѣ вывоза, добычи и потребленія угля въ Японіи за 1892—1901 гг. свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая таблица:

Годы	Добыча	Вывозъ	Внутр. потребленіе
	въ	тоннахъ.	
1892 . .	3.100.000	1.300.000	1.700.000
1893 . .	3.300.000	1.500.000	1.700.000
1894 . .	4.200.000	1.700.000	2.300.000
1895 . .	4.700.000	1.800.000	2.600.000
1896 . .	5.000.000	2.100.000	3.000.000
1897 . .	5.100.000	2.100.000	4.000.000
1898 . .	6.600.000	2.100.000	4.200.000
1899 . .	6.700.000	2.400.000	4.900.000
1900 . .	7.400.000	3.300.000	5.200.000
1901 . .	8.900.000	2.900.000	6.600.000

Нефть добывается, главнымъ образомъ, на Хондо въ округѣ Ециго (кенъ Ніигата); центрами нефтепромышленности являются города Фукосава и Оарата. Нефтеносныя земли имѣются также въ кенѣ Шицзуока (Хондо), а на о-вѣ Іессо въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ заливѣ Румянцева (Соя), близъ Хакодате на рѣкѣ Нигори, близъ Саппоро, у Каяма и на сѣверо-восточномъ берегу близъ Абасири. Нефтепромышленности на о-вѣ Іессо японцы предрекаютъ большую будущность. На Хондо развитіе нефтепромышленности началось съ того времени, какъ въ странѣ введены были американскіе способы буренія, и всемірно-извѣстная американская нефтяная компанія Standart Oil C° основала здѣсь «Международную Нефтяную Компанію».

На долю послѣдней приходится 10 милл. iенъ изъ общаго капитала въ 22 милл. iенъ, вложеннаго въ японскую нефтепромышленность; въ настоящее время съ «Международной Компанiей» ведутъ напряженную борьбу туземныя предпрiятiя, которыя сгруппировались вокругъ двухъ японскихъ компанiй: «Такарада» и «Ниппонъ Секуiа Каиса». О ростѣ добычи и потребленiя нефти въ Японiи можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1890 г. въ странѣ добыто 10 милл. литровъ, а въ 1901 г.—201 милл.; иностранный ввозъ керосина и другихъ нефтяныхъ продуктовъ въ 1868 г. не превышалъ 144.000 литровъ, а въ 1901 г. достигъ 236 милл. литровъ (75% изъ Америки, остальное изъ Россiи).

Обрабатывающая промышленность и промышленное развитiе Японiи.

Обрабатывающая промышленность и военное дѣло являются тѣми отраслями японской жизни, на которыхъ переворотъ, произведенный вторженiемъ европейской культуры, отразился съ наибольшею силою. Этому благопрiятствовали три обстоятельства, наложившiя особый отпечатокъ на промышленное развитiе Японiи и придавшiя ему необычайно ускоренный темпъ. По упраздненiи феодальнаго строя, на промышленность набросились оставшiеся не у дѣлъ самураи, проявившiе въ этой новой для нихъ области все свое честолюбiе, все свое увлеченiе европейскою культурою и стремленiе поставить свою родину на одинъ уровень съ наиболѣе цивилизованными странами Запада; они же принесли съ собою отъ эпохи феодальныхъ гильдiй склонность къ образованiю ассоцiацiй и къ основанiю компанейскихъ предпрiятiй; наконецъ, сильную поддержку оказывало и оказываетъ въ Японiи всякаго рода промышленнымъ, торговымъ и финансовымъ предпрiятiямъ правительство.

Послѣднее обстоятельство сыграло особенно крупную роль въ промышленномъ развитiи Японiи, но эта дѣятельность правительства не была какимъ-нибудь новымъ факторомъ: она имѣла прочныя корни въ прежнемъ строѣ Японiи, такъ какъ и до переворота 1868 г. правительство принимало на себя руководительство промышленною жизнью страны.

Въ до-реформенное время произведенiя обрабатывающей промышленности сводились къ керамическимъ и лакированнымъ издѣлiямъ, къ художественнымъ вышивкамъ, циновкамъ, бумагѣ, свѣчамъ. Производство носило семейно-кустарный характеръ и регулировалось правительствомъ: оно принимало мѣры къ тому, чтобы производитель-кустарь получалъ за свое издѣлiе разъ навсегда установленную цѣну, чтобы издѣлiя его отправлялись въ единственный распредѣлительный

центръ страны — Осаку; оно же черезъ посредство своихъ чиновниковъ или особыхъ купцовъ ссужало производителей деньгами или сырьемъ. Съ новымъ порядкомъ государственная регламентація производства и сбыта исчезла, но старая организація осталась. Вмѣсто чиновника посредникомъ между кустаремъ и рынкомъ явились торговецъ и экспортеръ, что, конечно, не осталось безъ вліянія на ремесла, придавъ издѣліямъ ихъ рыночный характеръ. Съ другой стороны, развивающаяся внѣшняя торговля, расширяющіеся пути сообщенія, устраненіе стѣсненій, наложенныхъ прежнимъ юридическимъ и соціальнымъ строемъ, примѣненіе усовершенствованныхъ машинъ, — все это неудержимо разрушало прежнее положеніе дѣлъ, способствовало возникновенію большихъ предпріятій и въ настоящее время уже успѣло выработать особое фабричное населеніе. Въ деревняхъ, конечно, особенно въ тѣхъ, которыя удалены отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, пока мало перемѣнъ. Крестьянинъ, при ограниченности своего надѣла, долженъ, помимо обработки полей, заниматься и кустарнымъ промысломъ; почти въ каждомъ домѣ имѣются гончарные инструменты, ткацкій станокъ или червоводни. Мѣстами кустарное производство есть главное занятіе, а земледѣліе стоитъ на второмъ планѣ; такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разведеніе шелковичныхъ червей, на сѣверѣ отъ Токіо ткацкое дѣло, въ Нара-кенѣ производство фланелей, въ Аичи-кенѣ фарфоровый промыселъ, въ другихъ производство бумаги — отнимаютъ у крестьянъ больше времени, чѣмъ хлѣбопашество. Въ деревнѣ почти не существуетъ раздѣленія работы, зато въ большихъ городахъ это раздѣленіе проникло и въ старо-японскія производства; въ особенности это наблюдается въ лаковомъ производствѣ, въ строительномъ искусствѣ, шелкопряденіи, металлургіи. Рядомъ съ этой перемѣной въ сферѣ чисто туземныхъ производствъ возникли разныя новыя отрасли промышленности. Цѣлый рядъ промысловъ, играющихъ у насъ большую роль, былъ въ Японіи совсѣмъ неизвѣстенъ; неизвѣстенъ былъ, напр., каменщикъ, мыловаръ, стекольщикъ, слесарь, часовщикъ, столяръ. При простотѣ одежды почти не требовалось портного, а неупотребленіе бѣлья устраняло бѣлошвейку и прачку; надобности не было въ сапожникѣ, но зато нуженъ былъ чулочникъ; производитель бумаги замѣнялъ цѣлый рядъ необходимыхъ для насъ мастеровъ.

Наибольшія перемѣны, однако, обусловлены возникновеніемъ фабричныхъ предпріятій, которымъ само правительство положило начало: оно устраивало заводы по европейскому образцу, съ машинами и иностранными мастерами, стремясь достигнуть того, чтобы государство снабжало само себя во всѣхъ нуждахъ, какія возникали изъ его новаго положенія; начали сооружать оружейные и пороховые заводы,

верфи для флота, мастерскія для приготовленія одежды и сапогъ для арміи, желѣзнодорожныя мастерскія, монетные дворы, государственную типографію и пр. Ту же задачу правительство, съ первыхъ же шаговъ своей реформаторской дѣятельности, стало преслѣдовать и въ своей обще-экономической политикѣ. Всячески содѣйствуя введенію въ японскій обиходъ продуктовъ европейской промышленности, правительство въ то же время стремилось къ созданію соотвѣтствующихъ производствъ внутри страны. Оно заботилось о развитіи производительныхъ силъ страны, дабы она освободилась отъ зависимости отъ иностраннаго ввоза; съ этою цѣлью основывались казенные стеклянные, цементные заводы, бумажныя фабрики, шелко- и бумагопрядильни и проч., и проч. Эти казенныя предпріятія были, конечно, убыточны и мало-по-малу перешли въ частныя руки, но они сдѣлали свое дѣло. Значительнѣйшая часть этихъ предпріятій, которыя и съ переходомъ къ частнымъ компаніямъ пользовались на первыхъ порахъ казенными субсидіями, въ настоящее время процвѣтаетъ. Еще важнѣе то, что они послужили образцомъ для частной предпріимчивости, которая создала цѣлый рядъ производствъ, дотолѣ въ Японіи неизвѣстныхъ. Быстро стали выростать разныя фабрики, изготовлявшія сначала издѣлія самаго низкаго достоинства, впослѣдствіи же, при нѣкоторомъ усовершенствованіи, начавшія не только конкурировать съ привозными европейскими товарами, но даже вытѣснять ихъ изъ Японіи и изъ другихъ странъ Дальняго Востока. Къ нововведеніямъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, бумагопрядильная мануфактура, стеклянные и кирпичные заводы, изготовленіе красокъ и химическихъ веществъ, цементные заводы, пивоварни, корабле- и машиностроительные заводы, производство спичекъ, мыла и многихъ другихъ предметовъ, еще недавно въ странѣ совершенно неизвѣстныхъ, но входящихъ въ настоящее время въ обиходъ каждаго японскаго дома. Въ то же время цѣлый рядъ производствъ, давно существующихъ въ странѣ и являющихся истинно-національнымъ выраженіемъ японской самобытности и культуры, продолжалъ, въ свою очередь, развиваться, несмотря на полное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ, причемъ перенятые у иноземцевъ формы и образцы, конечно, не остались безъ вліянія и на туземную обрабатывающую промышленность. Сочетаніе этихъ національныхъ въ области промышленности особенностей съ вновь привитыми за послѣднія 35 лѣтъ иностранными образцами даетъ современной Японіи своеобразную окраску, отличающую ее отъ другихъ странъ Дальняго Востока.

Насажденная въ Японіи по европейскому образцу крупно-капиталистическая промышленность проявила особенно усиленный ростъ со времени окончанія японо-китайской войны. Побѣдоносная война,

доставившая странѣ и значительные капиталы въ видѣ китайской контрибуціи, подѣйствовала на японцевъ опьяняющимъ образомъ. Имъ стало казаться, что они могутъ завоевать весь міръ. Промышленныя предпріятія — среди которыхъ было и много дутыхъ — стали основываться съ лихорадочною быстротою и въ грандіозныхъ размѣрахъ. Оживленіе всего ярче отразилось на ростѣ компанейскихъ предпріятій. Къ концу 1895 г. акціонерныхъ компаній различныхъ типовъ существовало всего 3.371 съ нарицательнымъ капиталомъ въ 285 милл. іенъ; за послѣдующее 5-лѣтіе число компаній увеличилось на 5.217, а сумма нарицательныхъ капиталовъ на 843 милл. іенъ. Такимъ образомъ, число компаній увеличилось приблиз. въ $2^1/_2$ раза, а общій нарицательный капиталъ ихъ почти въ 4 раза, что указываетъ на усиленіе крупно-капиталистическаго характера предпріятій. Столь же усиленный ростъ наблюдается и въ примѣненіи пара, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя о фабрикахъ и заводахъ, пользующихся паровыми двигателями.

Годы	Число фабрикъ и заводовъ	Число паровыхъ машинъ	Количество лошадиныхъ силъ
1894	1.098	1.808	32.858
1897	1.671	2.992	55.968
1900	2.084	3.284	83.581

Наиболѣе разительнымъ примѣромъ быстраго расцвѣта крупной промышленности въ Японіи считаютъ обыкновенно бумагопрядильное производство, оборудованное согласно послѣднему слову техники: центрами его являются Осака (японскій Манчестеръ) и Токіо. Ростъ этой наиболѣе важной отрасли молодой японской промышленности явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

Годы	Число компаній	Число веретенъ	Количество спряден. хлопка въ кванахъ	Количество лошадиныхъ силъ	Количество потребленнаго угля въ тоннахъ
1893 . .	40	381.781	10.666.744	8.110	84.660
1894 . .	45	530.074	14.620.088	12.439	132.120
1895 . .	47	580.945	18.411.094	14.781	156.616
1896 . .	63	757.196	20.943.376	19.244	216.142
1897 . .	74	970.567	26.555.489	26.301	241.791
1898 . .	72	1.146.749	33.746.421	31.854	365.576
1899 . .	79	1.137.823	30.812.127	30.432	360.424
1900 . .	79	1.146.521	33.650.111	31.524	365.101
1901 . .	79	1.148.545	34.723.113	32.122	390.102

Благодаря такому росту своей хлопчатобумажной промышленности, Японія, которая недавно еще служила рынкомъ сбыта для бу-

мажныхъ издѣлій другихъ странъ, не только освободилась отъ зависимости отъ иностраннаго ввоза, но и сама стала снабжать своею пряжею и своими тканями другія страны (Китай, Индо-Китай, даже восточную Сибирь), выступивъ на рынкахъ Дальняго Востока опасною соперницею старыхъ странъ-производительницъ.

Ту же картину представляетъ намъ другая характерная отрасль японской промышленности—спичечное производство. Въ 1873 г. впервые основаны были въ Токіо и Осакѣ небольшія спичечныя фабрики, а уже въ 1881 г. производство приняло такіе размѣры, что не только прекратился иностранный ввозъ спичекъ въ Японію, но японскихъ спичекъ вывезено было за границу на 370.000 іенъ. Къ 1900 г. выдѣлкою спичекъ занимались 36 компаній съ оплаченнымъ и запаснымъ капиталами въ 7.858.000 іенъ. Усиленное примѣненіе машинъ приводитъ къ сокращенію числа рабочихъ, которыхъ насчитывалось на 278 фабрикахъ 19.229 женщинъ и всего 5.203 мужчины. Выдѣлываются только безопасныя спички по типу шведскихъ. Потребный для этого лѣсной матеріалъ заготовляется 57 спеціальными заводами на о-вѣ Іессо. Цѣна японскихъ спичекъ весьма низкая и въ розничной торговлѣ не превышаетъ 3—4 сенъ за пачку въ 10 коробокъ. Благодаря своей дешевизнѣ, японскія спички совершенно завладѣли рынками Дальняго Востока; во множествѣ онѣ вывозятся и въ Индію, и въ Австралію. Отъ 75% до 90% всего производства предназначается для вывоза, который направляется, главнымъ образомъ, черезъ Кобе. Было вывезено

въ 1894 г. . .	13.843.022	гросса *)	на	сумму	въ	3.795.634 іены.
» 1900 » . .	19.317.994	»	»	»	»	5.760.869 »

Пораженные тою поистинѣ головокружительною быстротою, съ какою растетъ и крѣпнетъ юная японская промышленность, европейскіе промышленники забили тревогу. Сначала въ торговомъ мірѣ, затѣмъ въ печати и на политическихъ собраніяхъ стали указывать на «желтую опасность». Высказываются опасенія, что Японія не только вытѣснитъ европейско-американскую торговлю съ рынковъ Дальняго Востока, но и самую Европу и Америку наводнитъ своими дешевыми издѣліями.

Эта экономическая сторона «желтой опасности» представляетъ собою, однако, лишь обманъ зрѣнія. Поражаются грандіозными успѣхами промышленности въ Японіи, такъ какъ обыкновенно сравниваютъ, что̀ въ этой странѣ было и что̀ стало. Но стоитъ приложить

*) Гроссъ=12 дюжинамъ пачекъ.

къ японской промышленности европейскую мѣрку, и сразу выступитъ вся мизерность ея размѣровъ. Для примѣра остановимся на дѣйствующихъ въ Японіи компанейскихъ предпріятіяхъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены данныя объ акціонерныхъ компаніяхъ различнаго типа для конца 1899 г.

Отрасли промышленности	Число	Сумма оплаченнаго капитала въ іенахъ.
Сельское хозяйство и рыболовство . .	176	2.303.685
Промышленность	2.258	147.783.280
Торговля, кредитъ, страховое дѣло . .	4.619	335.586.700
Транспортное дѣло	583	198.146.560
Всего	7.631	683.820.225

Такимъ образомъ, на одно акціонерное общество приходится нѣсколько болѣе 89,000 іенъ капитала, а если изъ приведеннаго общаго итога исключить 2054 банка съ капиталомъ въ 275.515.632 іена и 156 желѣзнодорожныхъ компаній съ капиталомъ въ 156.967.016 іенъ, то средній размѣръ акціонернаго капитала едва превыситъ 46.000 іенъ. Въ Россіи не средній, а низшій размѣръ акціонернаго капитала долженъ быть, по крайней мѣрѣ, раза въ четыре больше.

Еще примѣръ. Почта является хорошимъ показателемъ напряженности промышленной и духовной жизни страны. Нельзя не поражаться ростомъ почтовыхъ сношеній въ Японіи: за 20 лѣтъ число почтовыхъ отправленій возросло почти въ 9 разъ. И что же? Во всей Японіи насчитывается за годъ значительно менѣе почтовыхъ отправленій, чѣмъ въ одномъ Берлинѣ (въ первой въ 1900 г. 768 милл., во второмъ 976 милл.), а суммы денежныхъ переводовъ, отправляемыхъ и получаемыхъ въ одномъ Берлинѣ, въ $2^1/_2$ раза превышаютъ общую сумму ихъ во внутренней корреспонденціи всей Японіи. Въ Германіи на душу населенія приходится въ 4 раза больше почтовыхъ отправленій, чѣмъ въ Японіи ($65,_4$ противъ $16,_3$).

Такими сопоставленіями можно было бы наполнить цѣлый томъ. Въ самой Японіи промышленность, заведенная по европейскому образцу, не стоитъ во главѣ экономической жизни страны: въ ней понынѣ еще прежнія ремесла и старыя производства доставляютъ около 80% всѣхъ изготовляемыхъ продуктовъ. Въ новой промышленности примѣненіе механическихъ двигателей—этой основы крупнаго производства—довольно ограничено. Къ концу 1900 г. въ Японіи насчитывалось 7.284 горныхъ, горнозаводскихъ и фабричнозаводскихъ заведенія; изъ нихъ 4.894 или $67,_2$% не имѣли механическихъ двигателей! Въ Японіи встрѣчаются отдѣльныя фабрики, насчитывающія

тысячи рабочихъ (особенно бумагопрядильни), но въ общемъ производство носитъ семейный и мелко-кустарный характеръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя.

ПРОИЗВОДСТВА	1894 годъ.		1900 годъ.	
	Число заведеній.	Размѣры производства.	Число заведеній.	Размѣры производства.
Чайное	705.928	$8^1/_2$ мил. кванъ	568.147	$7_{,16}$ милл. кванъ
Керамическія . . .	4.732	23.726 рабоч.	4.604	19.454 рабоч.
Лакированн. издѣлій	4.407	14.092 »	4.147	20.373 »
Бронзов. и мѣдныхъ .	995	4.094 »	1.238	5.359 »
Бумаги	62.685	—	65.514	—
Цыновокъ	88.094	—	127.813	—
Маслъ	9.604	—	6.978	—
Растительнаго воска.	2.705	—	1.875	—
Ткацкое	600.444	820.585 станковъ 48.175 р.-мужч. 895.416 р.-женщ.	391.517	740.698 станковъ 38.935 р.-мужч. 780.866 р.-женщ.
Сахара	43.745	—	9.532	—
Спичекъ	203	$18_{,7}$ мил. гроссъ 7.358 р.-мужч. 20.645 р.-женщ.	278	$25_{,6}$ мил. гроссъ 5.203 р.-мужч. 19.229 р.-женщ.
Сои	10.337	—	24.181	—
Саке	14.495	3.718.934 коку	27.789	4.358.967 коку
Бумагопрядильни . .	45	530.074 веретенъ	79	1.146.521 верет. 12.170 р.-мужч. 13.375 р.-женщ.

Нельзя отрицать, что заимствованная съ Запада промышленность въ короткое время сдѣлала въ Японіи поразительные успѣхи; безспорно, что японская промышленность является весьма серьезнымъ конкурентомъ на рынкахъ Дальняго Востока, но для того, чтобы играть крупную роль на міровомъ рынкѣ, у нея нѣтъ рессурсовъ.

Разсмотримъ сильныя и слабыя стороны этой промышленности, ея активъ и ея пассивъ.

Къ активу фабрично-заводской промышленности въ Японіи относятся прежде всего изобиліе каменнаго угля и дешевизна рабочихъ рукъ. Рабочихъ рукъ много; женскій и дѣтскій трудъ пока не ограниченъ закономъ; японскій работникъ, хотя физически не сильный, усерденъ и точенъ. Не-рабочихъ дней въ году мало: празднуются 3 дня Новаго года, 13—15 царскихъ дней и 1-е и 15-е числа каждаго мѣсяца. Воды многочисленныхъ рѣкъ могутъ съ успѣхомъ быть примѣнены въ фабричныхъ цѣляхъ. Страна богата не только углемъ, но и лѣсомъ. Наконецъ, сосѣдство странъ (особенно Китая) со слабо развитою обрабатывающею промышленностью и удобство морскихъ сообщеній открываютъ возможность выгоднаго сбыта.

Но великъ и пассивъ японской промышленности. Прежде всего она не имѣетъ собственнаго сырья. Даже бумагопрядильни работаютъ на привозномъ хлопкѣ, но особенно даетъ себя чувствовать отсутствіе желѣза, этого нерва крупной промышленности. Отсюда неотвратимая потребность въ иностранномъ ввозѣ чугуна, желѣза и стали и совершенно ничтожное развитіе металлургическихъ производствъ, въ частности машиностроенія; нѣкотораго расцвѣта достигло только судостроеніе. Другою слабою стороною японской промышленности является недостатокъ капиталовъ. Японія сама по себѣ страна небогатая, крупныхъ избытковъ производства надъ потребленіемъ не имѣется, да не было и времени, въ теченіе котораго такіе избытки накопились бы. Всѣ денежныя средства, какія имѣлись въ ея распоряженіи, обращались на покрытіе многочисленныхъ внутреннихъ займовъ, выпущенныхъ правительствомъ послѣ войны 1895 г. для надобностей арміи и флота. Кромѣ того, много золота уходитъ ежегодно за границу на покрытіе громаднаго превышенія ввоза надъ вывозомъ. Не располагая собственными капиталами, японцы относятся, тѣмъ не менѣе, весьма сдержанно къ привлеченію иностранныхъ капиталовъ (ср. выше, стр. 138), хотя все же безъ нихъ не обходятся. При такихъ условіяхъ, акціонерныя общества, затѣваемыя въ грандіозныхъ по японскому масштабу размѣрахъ, на самомъ дѣлѣ не могутъ собирать капитала. Въ 1901 г. номинальный капиталъ акціонерныхъ предпріятій превышалъ $2,_1$ милліарда, но дѣйствительно внесенный капиталъ не составлялъ и половины этой суммы, достигши всего 943.124.000 іенъ. Большинство обществъ, съ самаго начала, затрачиваетъ весь капиталъ, какой они имѣютъ въ своемъ распоряженіи, на оборудованіе фабрикъ, закупку машинъ и т. п., а когда фабрику надо пустить въ ходъ, то не оказывается оборотнаго капитала, для полученія котораго приходится прибѣгать къ займамъ. Послѣдніе же очень разори-

тельны, такъ какъ ссудный процентъ, въ виду общаго недостатка капиталовъ, стоитъ въ Японіи на уровнѣ, совершенно немыслимомъ въ странѣ съ развитою промышленностью. Банки, напр., которые сами платятъ за срочные вклады 7—8%, берутъ за ссуды 10, 12, 14, порою и 18%.

На ряду съ недостаткомъ капиталовъ слѣдуетъ поставить уже отмѣченный нами фактъ чрезмѣрнаго дробленія экономическихъ силъ. Несмотря на ту огромную промышленную эволюцію, которая имѣла мѣсто въ послѣдніе годы, въ Японіи неизмѣнно преобладаетъ типъ мелкихъ почти семейныхъ ассоціацій, который въ продолженіе вѣковъ служилъ характерною чертою соціальнаго и экономическаго строя страны. Мы здѣсь встрѣчаемся съ желѣзнодорожными компаніями, изъ которыхъ каждая владѣетъ сѣтью дорогъ не болѣе 10 верстъ, съ банками, имѣющими капитала менѣе 10.000 іенъ, со страховыми обществами, работающими съ основнымъ капиталомъ въ 50.000 іенъ.

Много жалобъ вызываютъ и нравы, царящіе въ торгово-промышленныхъ сферахъ Японіи. Недобросовѣстность торговцевъ вредитъ внѣшней торговлѣ страны. Иностранные производители избѣгаютъ непосредственныхъ сношеній съ японскими торговцами и направляютъ свои продукты къ осѣвшимъ въ японскихъ портахъ европейскимъ фирмамъ, которыя уже отъ себя перепродаютъ ихъ японцамъ, и послѣднимъ необходимые имъ товары, благодаря такому посредничеству, обходятся, конечно, дороже. Къ японскимъ произведеніямъ на иностранныхъ рынкахъ относятся съ недовѣріемъ. Благодаря своимъ способностямъ къ подражанію, японцы производятъ всего понемногу, начиная отъ булавокъ и кончая локомотивами, но всѣ ихъ издѣлія столь же плохи, сколь дешевы. Съ присущею имъ самоувѣренностью, японцы слишкомъ поторопились отдѣлаться на своихъ фабрикахъ и заводахъ отъ иностранныхъ руководителей и замѣнить ихъ туземными техниками, которые хотя и получили спеціальное образованіе, но въ общей массѣ своей не стоятъ на высотѣ своего призванія. Вообще японскій народъ не имѣлъ еще времени приспособиться къ новому порядку вещей. Большой недостатокъ чувствуется и въ опытныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, которые требуются для ухода и обращенія съ усовершенствованными машинами. Непреодолимыя затрудненія встрѣчаются на пути къ образованію класса постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ. На бумагопрядильныхъ, напр., работаютъ преимущественно женщины, но это крестьянки, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго желанія провести всю свою жизнь въ мастерской. На фабрику ихъ влечетъ заработокъ, но какъ только онѣ накопятъ немного денегъ—черезъ годъ или два,—т.-е. когда онѣ начинаютъ пріобрѣтать извѣстную профессіональную ловкость, онѣ спѣшатъ обратно въ свои деревни. Вообще въ разрѣзъ съ техническими

условіями фабричной работы идутъ многія привычки японцевъ. Такъ, японскій рабочій страстно любитъ брать по временамъ отпускъ на нѣсколько дней, чтобы полюбоваться красотами природы. Самая дешевизна рабочихъ рукъ—это главное преимущество японской промышленности—все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Съ 1894 г. заработная плата возросла на 30—50% и даже болѣе, и стремленіе къ повышенію ея сказывается съ каждымъ годомъ все сильнѣе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя о размѣрѣ заработной платы въ Японіи, которыя кстати проливаютъ свѣтъ и на уровень потребностей и экономическаго благосостоянія населенія.

Поденная плата	1892 г.	1899 г.
Ткачей, мужчинъ	16 сенъ	41 сенъ
» женщинъ	11 »	24 »
Рабочихъ чайныхъ предпріятій . .	31 »	48 »
Рыбаковъ	26 »	30 »
Горнорабочихъ	34 »	53 »
Поденщиковъ	22 »	40 »
Мѣсячная плата		
Рабочихъ на заводахъ саке	8,8 іенъ	14,75 іенъ
» » » сои	7,23 »	9,09 »
Прислуги, мужчинъ	2,12 »	3,27 »
» женщинъ	1,16 »	2,15 »
Годичная плата		
Сельскихъ рабочихъ, мужчинъ . . .	24,54	38,32
» » женщинъ . . .	13,13	23,61

Было бы, однако, ошибочно думать, что повышеніе заработной платы знаменуетъ собою ростъ благосостоянія рабочаго класса: одновременно съ повышеніемъ заработной платы въ той же мѣрѣ, а зачастую еще сильнѣе возрастали цѣны на предметы первой необходимости. Это явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы товарныхъ цѣнъ, относящихся къ крупнымъ центрамъ, каковы: Токіо, Осака, Нагасаки и т. п.

	1887 г.		1892 г.		1899 г.	
Рисъ, за коку	4,78	іенъ	7,00	іенъ	9,84	іенъ
Ячмень, за коку	2,02	»	3,31	»	4,43	»
Бобы » »	4,13	»	5,06	»	8,55	»
Соль » »	0,97	»	1,46	»	2,43	»
Соя » »	10,55	»	9,38	»	16,38	»
Саке » »	13,81	»	14,21	»	27,83	»
Чай, за 100 кинъ	24,12	»	28,63	»	35,10	»
Сахаръ бѣлый, за 100 кинъ	6,36	»	9,26	»	12,12	»
Хлопокъ-сырецъ	22,25	»	18,89	»	24,46	»
Бумажная пряжа	31,01	»	26,95	»	28,66	»
Шелкъ-сырецъ	536,67	»	630,00	»	948,00	»
Керосинъ, за ящикъ . . .	2,09	»	1,81	»	2,97	»
Каменный уголь, за тонну	0,41	»	3,87	»	5,77	»

Рабочій вопросъ. Пауперизмъ и общественное призрѣніе.

Если крупная промышленность Японіи не имѣетъ рессурсовъ для того, чтобы играть видную роль на міровомъ рынкѣ, то, съ другой стороны, она достаточно развита для того, чтобы въ самой странѣ утвердить всѣ отрицательныя блага капиталистическаго строя, начиная отъ биржевой игры и кончая кризисами съ вызываемою ими безработицею. Народился въ Японіи и рабочій вопросъ, появился и пауперизмъ.

Рѣзкій переходъ отъ семейно-кустарнаго строя промышленности, царившаго въ Японіи въ теченіе вѣковъ, къ крайнему машинизму, совершенно измѣнилъ условія жизни той части рабочаго населенія, которая вовлечена въ круговоротъ фабричнаго производства, и численность которой опредѣляютъ въ полмилліона человѣкъ. Въ новыхъ производствахъ и въ цѣломъ рядѣ старыхъ прежній японскій ремесленникъ, влюбленный въ свое ремесло, благоговѣйно передаваемое отъ отца сыну, уступилъ мѣсто фабричному рабочему. Соотвѣтственно этому измѣнились и отношенія между рабочими и хозяевами. Прежде хозяинъ и рабочіе жили подъ одною кровлею и составляли какъ бы одну семью; взаимныя отношенія были просты и отличались сердечностью. Появленіе фабричнаго рабочаго принесло съ собою всю серію проклятыхъ вопросовъ, которые вездѣ вызываются отношеніями между рабочими и предпринимателями. Насадивъ у себя крупную фабрично-заводскую промышленность, Японія не позаботилась заимствовать у Запада и фабричное законодательство, направленное къ охранѣ интересовъ труда. Понятно, что въ Японіи наблюдаются теперь всѣ тѣ ужасы недостойной эксплуатаціи рабочихъ, которыми и въ Европѣ сопровождалась эпоха капитализма, предшествовавшая изданію первыхъ фабричныхъ законовъ. Заработная плата, хотя и сильно возросшая за послѣднее время, очень низка; условія труда, въ гигіеническомъ и нравственномъ отношеніяхъ, невозможны, особенно на мануфактурахъ, гдѣ рабочіе получаютъ помѣщеніе и пищу. Продолжительность рабочаго дня не меньше 12—14 часовъ, даже для женщинъ и дѣтей. Примѣненіе дѣтскаго и женскаго труда практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и безъ всякихъ ограниченій. Въ нѣкоторыхъ производствахъ — спичечномъ и особенно при изготовленіи цыновокъ—заняты почти исключительно дѣти отъ 7—8-лѣтняго возраста, которыя работаютъ по 12 часовъ въ сутки. Почти однѣ только женщины работаютъ на шелковыхъ фабрикахъ и бумагопрядильняхъ. Это, по большей части, молодыя крестьянки, которыхъ вербовщики заманиваютъ изъ дальнихъ деревень, рисуя имъ прелести фабричной

жизни. Онѣ нанимаются по контракту съ условіемъ работать 12—14 час. въ день, въ двѣ смѣны — ночныя и денныя,—имѣя два свободныхъ дня въ мѣсяцъ. Имъ платятъ по 10 сенъ въ день, изъ которыхъ 8 удерживаютъ на пищу, такъ что 14 сенъ (менѣе 14 коп.) представляютъ весь недѣльный заработокъ! Онѣ помѣщаются на фабрикѣ, гдѣ и проходитъ все ихъ существованіе, и откуда онѣ не могутъ выходить безъ позволенія.

Столь безотрадное положеніе вещей побудило, наконецъ, японское правительство приступить къ законодательной охранѣ труда Выработанный съ этою цѣлью въ 1902 г. законопроектъ не задается особенно широкими планами. Проектируемыя имъ постановленія сводятся: къ ограниченію продолжительности рабочаго дня 13 часами; къ запрещенію дѣтскаго труда въ возрастѣ до 11 лѣтъ; къ допущенію почного труда лишь для мужчинъ въ возрастѣ старше 16 лѣтъ; къ установленію правилъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. И при этихъ скромныхъ мѣрахъ законопроектъ предусматриваетъ установленіе десятилѣтняго переходнаго періода, который долженъ предшествовать окончательному вступленію его въ силу, а, по отзывамъ свѣдущихъ людей, и самъ законопроектъ пройдетъ не ранѣе какъ черезъ 5—6 лѣтъ.

Новыя экономическія условія затрогиваютъ гораздо болѣе обширные слои населенія, чѣмъ рабочій классъ. Они внесли неравенство въ общество, которое въ массѣ своей было въ продолженіе вѣковъ обезпечено общимъ среднимъ достаткомъ. Прежде Японія, можно сказать, не знала распаденія общества на бѣдныхъ и богатыхъ. Въ странѣ, гдѣ жизнь была легка и проста, почти всѣ были бѣдны, но никто не бѣдствовалъ; такъ какъ немногіе имѣли излишекъ, то не было и тѣхъ противорѣчій въ жизни, которыя наблюдаются нынѣ, когда отдѣльныя личности неожиданно, однимъ взмахомъ крыла, оказались выше всей народной массы, обладателями неизвѣстныхъ дотолѣ состояній, а одновременно съ этимъ благосостояніе громаднаго большинства народа падаетъ все болѣе и болѣе. Мы уже видѣли, съ какою головокружительною быстротою земля переходитъ изъ рукъ крестьянъ въ руки крупныхъ собственниковъ. Въ городахъ, гдѣ такъ обострилась почти неизвѣстная раньше борьба за существованіе, появились цѣлые кварталы, въ которыхъ царятъ нищета, порокъ и ростовщичество, и которые по степени человѣческаго паденія могутъ соперничать съ трущобами наиболѣе промышленныхъ центровъ Европы. И это измѣненіе соціальныхъ условій, вызванное переворотомъ въ экономической жизни Японіи, происходило съ такою быстротою, что японское общество не успѣло освоиться съ необходимостью новыхъ мѣръ для удовлетворенія новыхъ потребностей. Благотворительныя

общества, какъ и учрежденія взаимопомощи, находятся еще только въ періодѣ зарожденія и совершенно не соотвѣтствуютъ потребности въ нихъ; общественное призрѣніе ведется въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Старѣйшимъ благотворительнымъ обществомъ Японіи является Акита, иначе называемое Канъ-онъ-ко. Оно учреждено княжескимъ домомъ города Акита въ 1830 г. Основной капиталъ на европейскую мѣрку для наиболѣе крупнаго въ странѣ благотворительнаго общества (не считая общества Краснаго Креста, о которомъ см. выше, стр. 169—170) ничтоженъ: около 55.000 іенъ. Дѣятельность его ограничивается выдачею пособій; собственныхъ благотворительныхъ учрежденій оно не имѣетъ. Другія благотворительныя общества содержатъ и рабочіе дома.

Общественное призрѣніе преобразовано закономъ 1899 г., согласно которому въ каждомъ кенѣ долженъ существовать благотворительный капиталъ въ суммѣ не менѣе 500.000 іенъ. Изъ этого капитала сирымъ и убогимъ выдаются пособія на дневное пропитаніе. Если изъ капитала израсходовано свыше 5%, то треть недостающей суммы возмѣщается изъ суммъ государственнаго казначейства. Размѣръ дневного пособія составляетъ около $3_{,5}$ сенъ. Въ 1899 г. во всей странѣ 21.228 лицамъ было роздано 158.989 іенъ; кромѣ того, на счетъ суммъ общественнаго призрѣнія содержалось 2.942 подкидыша (которые раздаются семьямъ, желающимъ принять ихъ на воспитаніе), на что израсходовано 29.331 іенъ. Не будемъ останавливаться на ничтожности этихъ суммъ (одна петербургская дума расходуетъ на благотворительныя учрежденія и больницы въ 10 разъ болѣе), но отмѣтимъ тотъ глубоко-поучительный фактъ, что въ 1884 г. въ Японіи къ общественному призрѣнію прибѣгало лишь 6.018 человѣкъ, которымъ роздано было 44.800 іенъ.

Старо-японскія производства.

Своеобразную особенность японской промышленности составляютъ старо-японскія производства. Къ издѣліямъ ихъ принадлежатъ прежде всего произведенія художественной промышленности, которой въ теченіе вѣковъ покровительствовали многочисленные дворы мѣстныхъ дайміо,—разныя артистическія бездѣлушки, фарфоровыя и фаянсовыя вещи, лакированныя, деревянныя, костяныя подѣлки, такъ назыв. клоазонне, ширмочка, вѣеръ и проч., однимъ словомъ всѣ тѣ произведенія, которыя у европейцевъ извѣстны подъ собирательнымъ именемъ «японскихъ издѣлій».

Производство лакированныхъ издѣлій, упрочившееся въ странѣ въ теченіе вѣковъ, занимаетъ первое мѣсто между разными отраслями художественной промышленности Японіи. Превосходство японскихъ лакированныхъ издѣлій обусловливается высокимъ качествомъ ма-

теріала и прекрасною работою. Горячія или холодныя жидкости не дѣйствуютъ на нихъ разрушительно, даже кислоты, если онѣ не слишкомъ концентрированы, не въ состояніи испортить изящной тонкой работы. Лакъ въ сыромъ состояніи есть сокъ лаковаго дерева (Rhus vernicifera) изъ рода сумахъ, семейства анакардіевыхъ *); оно растетъ въ Японіи между 37 и 39° сѣверной широты. Лѣтомъ въ деревѣ дѣлаютъ надрѣзы, изъ которыхъ вытекаетъ бѣлая, прозрачная жидкость, твердѣющая на воздухѣ. Лакъ-сырецъ подвергается, для очистки его отъ постороннихъ примѣсей, цѣлому ряду разныхъ операцій, послѣ чего поступаетъ въ руки художниковъ. Ежегодная добыча лака-сырца исчисляется въ 60.000 килогр. Производство издѣлій распредѣляется между искусными мастерами, дѣлающими фонъ, и настоящими артистами, вырабатывающими орнаментацію. Тонкій слой лака, покрывающій предметъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ наслоеній, налагаемыхъ одно на другое лишь послѣ совершенной высушки каждаго. Весьма важнымъ дѣломъ является окончательная полировка особеннымъ камнемъ. Черные лаковые предметы цѣнятся дешевле другихъ, между тѣмъ какъ золотые, съ рельефными изображеніями, самые дорогіе и самые изящные. Производство издѣлій изъ краснаго лака падаетъ, и они становятся рѣдкостями. Цѣны на лакированные предметы довольно высоки, и ящичекъ величиною въ табакерку стоитъ часто не менѣе 75 руб. Производство этихъ издѣлій сосредоточивается въ Токіо и въ его окрестностяхъ, въ Вакаямѣ и Кіото, откуда снабжаются ими Іокогама и Кобе. Въ настоящее время прежнее благоговѣйно-любовное отношеніе къ ремеслу исчезло; издѣлія предназначаются для неизвѣстнаго покупателя, производство ведется на вывозъ. Тѣмъ не менѣе, эта отрасль японской художественной промышленности не только не падаетъ, но, по отзывамъ свѣдущихъ людей, даже развивается. Растетъ и вывозъ лаковыхъ издѣлій: въ 1898 г. ихъ вывезено было на 782.933 іена, въ 1900 г.—на 1.066.390 іенъ.

Искусство керамики японцы переняли у китайцевъ и корейцевъ въ сравнительно недавнее время. Долго ихъ производство не выходило изъ предѣловъ гончарнаго дѣла, теперь же оно далеко превосходитъ искусство учителей. Производство керамическихъ издѣлій распространено въ особенности на о-вѣ Кіу-Сіу и въ Хонщіу (Хондо); отдѣльные центры производятъ различные сорта керамики. Издѣлія

*) Къ тому же роду принадлежитъ и другое дерево - Rhus succedanea, изъ плодовъ котораго добывается растительный или такъ назыв. японскій воскъ. Продуктъ этотъ, впрочемъ, иногда добывается и изъ плодовъ лаковаго дерева. Вывозъ растительнаго воска возрастаетъ: въ 1898 г. было вывезено 1,2 милл. кинъ, стоимостью въ 611. 336 іенъ; въ 1900 г. 1,4 милл. кинъ, стоимостью въ 964.322 іена.

Ариты (городъ близъ Нагасакъ) отличаются миніатюрностью и тонкостью матеріала; фаянсовыя вещи Сацумы являются верхомъ гончарнаго искусства: онѣ знамениты какъ своими разноцвѣтными рисунками, такъ въ особенности бѣло-палевымъ фономъ. Сацумскимъ издѣліямъ подражаютъ во многихъ мѣстностяхъ Японіи и часто такъ удачно, что трудно отличить настоящій товаръ отъ поддѣльнаго. Такъ, въ Отѣ (близъ Іокогамы) существуетъ заводъ, спеціально занимающійся поддѣлкой сацумскихъ произведеній для экспорта. Фарфоровыя и фаянсовыя вещи, фабрикуемыя въ Кіото, относительно рисунка могутъ соперничать съ сацумскими, но желтоватый фонъ указываетъ на ихъ низшее достоинство. Вслѣдствіе сравнительной дешевизны кіотскихъ произведеній, они вывозятся въ большомъ количествѣ. Издѣлія г. Сето (близъ Нагойи) легко узнаются по ихъ синимъ узорамъ; они мало вывозятся и дорого оплачиваются мѣстными любителями. Въ Хонго выдѣлываются подобныя же вещицы, но болѣе дешевыя, такъ что ихъ можно найти въ любомъ хозяйствѣ. Фарфоровыя издѣлія Кичы, знаменитыя своими рисунками, писанными обыкновенно четырьмя красками, принадлежатъ къ наиболѣе дорогимъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о такъ называемыхъ издѣліяхъ банко, отличающихся отъ прочихъ гончарныхъ предметовъ тѣмъ, что они покрыты эмалью, а не простыми красками. Въ общемъ фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія Японіи, вслѣдствіе ихъ кропотливой и изящной работы, довольно дороги, и вывозъ ихъ потому не столь великъ, какъ можно было бы заключить по обширному производству. Общая цѣнность производства керамическихъ издѣлій достигла въ 1895 г. $5_{,2}$ милл. іенъ; вывозъ возросъ съ $1_{,97}$ милл. іенъ въ 1898 г. до $2_{,47}$ милл. іенъ въ 1900 г.

Спеціально-японское производство составляетъ такъ назыв. клоазонне (сиппо), т.-е. металлическія и гончарныя издѣлія, украшенныя эмалью, причемъ каждая отдѣльная краска заключена въ мѣдные ободки, полоски которыхъ составляютъ линіи рисунка. Чрезвычайная трудность выдѣлки клоазонне, отличающагося своею красотою и тонкостью, дѣлаютъ ихъ предметами, по цѣнѣ малодоступными для большого круга покупателей, почему и торговые обороты съ нимъ довольно ограничены. Производство клоазонне было извѣстно въ Японіи еще въ XVI стол., но полнаго своего расцвѣта оно достигло лишь въ послѣднія 30 лѣтъ; оно сосредоточивается въ Нагойѣ, Токіо, Іокогамѣ, Осакѣ и Кіото.

Замѣчательное искусство проявляютъ японцы и въ выдѣлкѣ металлическихъ вещицъ, именно бронзовыхъ, чему способствуетъ обиліе мѣди. Изъ болѣе распространенныхъ извѣстны бронзовые горшечки для цвѣтовъ, ящички, ножи для бумаги, рамки для фотографій, пепельницы и пр. Издѣлія эти прельщаютъ блескомъ и игрою самыхъ

разнообразныхъ красокъ, работа ихъ отличается тонкостью. Центры производства—Токіо, затѣмъ Осака, Кіото, Такаока и Каназава. Вывозъ, который, впрочемъ, не великъ (въ 1902 г. на 328.309 іенъ), направляется преимущественно черезъ Іокогаму во Францію, потомъ въ Англію и въ Соединенные Штаты.

Впрочемъ, въ производствѣ этого рода издѣлій въ японскомъ жанрѣ Парижъ, Нью-Іоркъ и Берлинъ нынѣ уже опередили самую Японію; въ послѣдней же эта отрасль художественной промышленности падаетъ, и издѣлія въ массѣ своей приняли рыночный характеръ. Въ Японіи развито также производство разныхъ вещицъ и бездѣлушекъ изъ слоновой кости, черепахи, перламутра, дерева и другихъ матеріаловъ, вывозъ коихъ, впрочемъ, не особенно великъ.

Къ издѣліямъ, имѣющимъ отношеніе къ художественной промышленности по разнообразнымъ украшеніямъ, рисункамъ, рѣзьбѣ и пр., принадлежатъ также и вѣера, стѣнныя ширмы и японскіе зонтики. Японскіе вѣера бываютъ двухъ родовъ: круглые, не складывающіеся, и развертывающіеся въ полукругъ. Главнѣйшими центрами ихъ производства—Кіото и Токіо, гдѣ выдѣлываютъ болѣе дорогіе вѣера, и Осака и Нагойя, производящіе дешевые сорта. Производство зонтиковъ туземнаго образца сосредоточено въ Хирошимѣ и Гифу, въ Кіото и Осакѣ. Различаютъ два класса зонтиковъ: изготовляемые, главнымъ образомъ, въ Кіото и Осакѣ, обыкновенно покрыты рисунками въ краскахъ, изображающими цвѣты и птицъ, между тѣмъ какъ хирошимскіе зонтики разрисованы только карандашомъ и потому цѣнятся ниже первыхъ. Въ Японіи эти зонтики часто употребляются какъ комнатныя украшенія.

Всѣ эти производства подверглись лишь въ весьма незначительной степени иностранному вліянію, такъ что и теперь еще могутъ служить выразителями японскаго духа. Въ другихъ же производствахъ замѣчается постепенное отклоненіе отъ прежнихъ національныхъ образцовъ, что объясняется, главнымъ образомъ, введеніемъ болѣе усовершенствованныхъ иноземныхъ техническихъ пріемовъ и методовъ, обусловливающихъ также и измѣненіе качества и формъ издѣлій. Къ такимъ производствамъ, между прочимъ, принадлежитъ изготовленіе бумаги, саке, шелковыхъ тканей.

Производство туземной **бумаги**, которое также носитъ кустарный характеръ, составляетъ одну изъ главныхъ отраслей японской промышленности. Помимо бумаги, требующейся въ громадномъ количествѣ для стѣнъ японскихъ домовъ (объ устройствѣ домовъ см. ниже въ очеркѣ быта Японіи), для вѣеровъ, зонтиковъ, платковъ, выдѣлывается превосходная восковая бумага для завертыванія различныхъ товаровъ, которая настолько плотна и крѣпка, что можетъ служить въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наиболѣе замѣчательна такъ наз. японская бумажная кожа, отличающаяся своею прозрачностью и такою же гибкостью, какъ телячья кожа.

Въ Европѣ и Америкѣ бумага выдѣлывается изъ древесной массы или тряпья, въ Японіи она дѣлается изъ луба, именно изъ внутреннихъ корковыхъ слоевъ особыхъ «бумажныхъ» кустарниковъ и деревьевъ (см. выше, стр. 19 и 182); благодаря этому японская бумага не только прочнѣе нашей, но и гораздо мягче и шелковиста на видъ. Смоченная она теряетъ свою прочность, но по высыханіи снова пріобрѣтаетъ ее. Эта бумага не годится для писанія перомъ, такъ какъ длинные волоски ея легко задѣваютъ за перо.

Среди растеній, изъ которыхъ выдѣлывается бумага, наибольшій интересъ представляетъ Edgeworthia papyrifera («митсумаша»); бумага изъ него, носящая тоже японское названіе, въ большомъ количествѣ вывозится въ Америку, гдѣ на ней печатаются дипломы и государственные документы. Выдѣлка этой бумаги производится слѣдующимъ образомъ. Растеніе подрѣзается у самаго корня; затѣмъ со ствола и вѣтвей сдирается кора, вымачивается въ горячей водѣ, причемъ самые наружные слои соскабливаются прочь. Полученная такимъ образомъ губчатая масса кладется въ растворъ ѣдкаго натра, гдѣ она превращается въ однородную кашеобразную массу, которая въ смѣси съ водою бѣлится хлорною известью и небольшими порціями берется для выдѣлки листовъ бумаги. Одна женщина въ состояніи изготовить въ день при помощи простой бамбуковой цѣдилки до 600 листовъ бумаги. Вода изъ листовъ выжимается, и они сушатся прямо на солнцѣ. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Японіи начинаютъ выдѣлывать бумагу машиннымъ способомъ.

Возникло въ Японіи и производство европейско бумаги, которая выдѣлывается на 12 фабрикахъ съ акціонернымъ капиталомъ въ $8{,}_4$ милл. іенъ. Изъ общей суммы бумажнаго производства въ 21 милл. іенъ на долю послѣдней приходится лишь 7 милл.

Производствомъ саке, главными центрами котораго являются округи Хіого и Осака, занимаются 215 акціонерныхъ компаній съ номинальнымъ капиталомъ въ $7{,}_8$ милл. іенъ. Въ 1902 г. выкурено было $4{,}_7$ милл. коку; средняя продажная цѣна одного коку достигаетъ 34 іенъ, изъ коихъ 15 іенъ составляютъ акцизъ. Названіе «саке» не вполнѣ точно передается на европейскихъ языкахъ терминомъ «рисовая водка». Этотъ національный напитокъ японцевъ содержитъ лишь отъ 11% до 14% алкоголя; онъ свѣтло-желтаго цвѣта, съ пріятнымъ ароматомъ, и получается путемъ многократнаго броженія риса. Саке можетъ быть изготовляемо лишь въ холодные мѣсяцы; процессъ изготовленія, весьма сложный и продолжительный (около 40—50 дней), ведется частью при низкой, частью

при повышенной температурѣ. Потребленіе саке распространено повсемѣстно. Нѣтъ японца, который не пилъ бы во время ѣды, но въ самыхъ малыхъ количествахъ; пьянства въ Японіи нѣтъ. Раньше саке выкуривался въ Японіи повсемѣстно, но съ 1899 г. домашнее винокуреніе запрещено.

Соя—пикантный соусъ, служащій національною приправою ко всѣмъ японскимъ кушаньямъ, имѣющій сбытъ и за границу, приготовляется изъ очень жирныхъ и богатыхъ бѣлковыми веществами сѣмянъ масляничнаго китайскаго горошка (Soya hispida), къ которымъ примѣшиваютъ пшеничной муки, соли, воды, а также подвергнутый броженію рисъ. Процессъ изготовленія простъ, но весьма продолжителенъ: отъ 20 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ. Общее производство со включеніемъ домашняго достигаетъ $1,_{85}$ милл. коку. Промысловое производство сои, сосредоточенное, главнымъ образомъ, въ кенѣ Чиба, составляетъ около $1,_{50}$ милл. коку (о числѣ заведеній см. выше, стр. 206).

Торговля Японіи.

Внѣшняя торговля Японіи, при чрезвычайно быстромъ ростѣ, характеризуется пассивнымъ балансомъ, т.-е. превышеніемъ ввоза надъ вывозомъ, превышеніемъ, которое съ 1896 г. стало явленіемъ постояннымъ. Это явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Годы	Ввозъ	Вывозъ	Годы	Ввозъ	Вывозъ
	іенъ			іенъ	
1880	37.896.600	28.840.700	1899	229.058.767	218.381.970
1886	37.637.100	48.870.500	1900	313.358.225	209.562.906
1890	81.728.600	56.603.500	1901 . . .	282.234.748	266.507.797
1895 . . .	129.260.600	136.112.200	1902	322.996.538	273.305.586
1898 . . .	324.639.408	168.240.533	1903 . . .	317.130.000	289.500.000

Отдѣльно приведемъ данныя въ іенахъ о ввозѣ и вывозѣ благородныхъ металловъ за 1900—1902 г.г.

Годы	Ввозъ	Вывозъ
1900	11.517.835	56.707.063
1901	10.960.750	14.049.099
1902	32.161.358	2.028.981
1903	27.800.000	19.000.000

Торговый балансъ не выгоденъ для Японіи: превышеніе ввоза надъ вывозомъ должно быть покрыто или вывозомъ изъ страны золота, или суммами, поступающими къ ней отъ другихъ странъ (между прочимъ, вслѣдствіе заключенія займовъ и привлеченія иностранныхъ капиталовъ), т.-е. путемъ покрытій по платежному балансу. Но и послѣдній склады-

вается обыкновенно не въ пользу Японіи, такъ какъ она обременена платежами по внѣшнимъ долгамъ и вообще по заграничнымъ расходамъ правительства (заказы военныхъ судовъ, желѣзнодорожныхъ принадлежностей и т. п.). Очень выгодно для Японіи сложился платежный балансъ 1902 г., когда ввозъ золота превысилъ вывозъ его на 30 милл. іенъ: поступили суммы отъ займа, сдѣланнаго въ Англіи; сверхъ того, уменьшены были заграничные расходы казны, не мало ввезено и израсходовано денегъ туристами.

Повидимому, ввозъ превышаетъ покупательную силу народа; а для вывоза Японія мало имѣетъ такихъ выгодныхъ продуктовъ, какъ въ другихъ странахъ, напр., хлопокъ, вино, хлѣбные продукты, сахаръ, а обширными своими лѣсами не пользуется достаточно какъ предметомъ вывоза. Нѣкоторые приписываютъ большой ввозъ низкимъ

Главнѣйшіе обороты по внѣшней торговлѣ Японіи.

Ввозъ	1900 г. іенъ	1901 г. іенъ	Вывозъ	1900 г. іенъ	1901 г. іенъ
Хлопокъ . . .	59.471.628	60.650.362	Шелкъ - сырецъ	48.818.347	79.136.099
Сахаръ . . .	26.691.757	33.529.803	Шелкъ и шелковыя издѣлія	23 512.116	30.001.040
Желѣзныя и стал. издѣл. .	31.664.875	19.970.599	Бумажн. пряжа	20.589 263	21.465.573
Машины, оружіе и т. п. . .	13.766.766	16.601.282	Камен. уголь*)	20.032.103	17.542.273
Керосинъ и др. нефтяные продукты . .	14.162.652	14.943.401	Мѣдь	12.863.927	13.904.610
Хлопчатобумажныя издѣлія	25.699.353	14.144.588	Съѣстные припасы	7.790.630	10.527.436
Рисъ	9.021.563	11.878.958	Чай	9.035.819	8.854.327
Шерсть и шерстян. издѣл. .	23.474.018	11.837.309	Ткани	6.658.426	7.673.156
Удобренія . .	7.815.792	9.896.215	Спички . . .	5.760.869	7.392.869
Спиртные напитки и съѣстные припасы	8.105.463	7.087.786	Рисъ	3.576.569	6.903.913
Металлич. издѣлія (кромѣ желѣзныхъ) .	6.101.395	5.435.967	Керамич. издѣлія	5.371.228	6.576.367
Краски . . .	7.321.756	5.358.606	Цыновки . . .	3.310.042	5.431.514
Фармацевт. и химич. тов. .	6.842.285	5.358.523			
Стручков. плоды и т. п. . .	4.817.767	5.328.136			
Мука	3.882.517	2.873.302			

*) Не считая запасовъ, сдѣланныхъ судами.

размѣрамъ пошлинъ, которыя большею частью взимаются съ цѣнъ товаровъ, произвольно объявляемыхъ ввозителями. Впрочемъ, въ послѣдніе годы значительно повышены пошлины на спиртные напитки, сахаръ, табакъ, керосинъ, чай и яйца; но вслѣдъ затѣмъ очень понизился ввозъ спирта и табака. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, примѣняется тарифъ конвенціонный, установленный торговыми трактатами. Золото, серебро, желѣзная руда и нѣкоторые другіе предметы, нужные для общаго обихода и собственныхъ производствъ, ввозятся безпошлинно. Англія, Франція, Австрія, Германія заключили очень выгодныя для себя тарифныя соглашенія; нашъ договоръ 1895 г. о торговлѣ и мореплаваніи не касался тарифа, а содержалъ въ себѣ только условіе о взаимномъ благопріятствованіи.

Главнѣйшіе по стоимости предметы ввоза и вывоза перечислены въ таблицѣ объ оборотахъ по внѣшней торговлѣ Японіи (стр. 220).

Торговые обороты съ Японіею отдѣльныхъ странъ, имѣющихъ болѣе или менѣе крупное значеніе для внѣшней торговли Страны Восходящаго Солнца, представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	Цѣнность въ іенахъ			
	Ввозъ въ Японію		Вывозъ изъ Японіи	
	1901 г.	1902 г.	1901 г.	1902 г.
Китай	27.256.986	40.590.858	42.925.579	46.838.545
Британская Индія	42.779.904	49.302.816	9.657.591	5.067.263
Гонгъ-Конгъ	11.141.788	2.454.881	41.786.647	25.876.059
Корея	10.052.438	7.957.946	11.372.550	10.554.183
Азіятская Россія	4.515.165	5.963.858	2.290.446	2.144.961
Франц. Индо-Китай	4.082.897	5.649.946	148.469	158.411
Филиппины	2.981.031	1.493.865	2.580.682	1.731.739
Сіамъ	1.195.081	1.695.779	32.001	56.347
Англія	50.575.788	50.364.029	11.482.503	17.346.149
Франція	3.752.828	4.745.776	27.275.671	27.283.458
Германія	28.320.101	25.812.921	5.251.070	4.737.029
Италія	154.382	186.813	12.569.484	13.287.556
Бельгія	5.810.896	6.977.656	519.327	600.497
Австро-Венгрія	4.738.197	2.376.656	1.386.963	1.143.309
Швейцарія	2.208.574	1.951.047	150.284	755.916
Соедин. Штаты Сѣв. Америки	42.769.429	48.652.825	73.309.358	80.232.805
Австралія	1.777.598	1.672.218	2.533.357	3.172.092
Египетъ	1.889.613	2.418.262	308.145	449.305
Сандвичевы о-ва	6.761	22.724	1.902.700	1.833.293

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что вывозъ Японіи направляется, главнымъ образомъ, въ Соединенные Штаты Сѣв. Америки; второе

мѣсто занимаетъ Китай, за которымъ слѣдуютъ Франція, Гонгъ-Конгъ, Англія, Италія и Корея.

Что касается торговли съ Кореею, то съ приведенными въ нашей таблицѣ данными сопоставимъ такія же данныя за 1891 г., въ которомъ ввозъ Японіи въ Корею не превышалъ 1.410.699 іенъ, а вывозъ ея изъ Кореи составлялъ 3.046.240 іенъ. Оказывается, слѣдовательно, что за 10 лѣтъ вывозъ Японіи изъ Кореи увеличился приблизительно въ 3 раза, тогда какъ ввозъ японскихъ произведеній въ Корею возросъ слишкомъ въ 8 разъ.

Россія по размѣрамъ торговли съ Японіей занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ: девятое по цѣнности вывоза изъ Японіи и десятое по цѣнности своего ввоза туда. Впрочемъ, въ послѣдніе годы итоги эти постепенно увеличивались. Напр., въ 1896 г. вывозъ Россіи (Европейской и Азіатской) изъ Японіи составлялъ около 2 милл. іенъ, въ 1900 г. свыше 4 милл., но въ 1901 г. понизился до 3 милл. съ небольшимъ. А нашъ отпускъ съ $1^1/_2$ милл. іенъ въ 1896 г. повысился до 6 милл. іенъ въ 1900 г. и $4^3/_4$ милл. въ 1901 г., а въ 1902 г. превысилъ 6 милл. Согласно даннымъ японской статистики, Европейская Россія участвуетъ въ этой торговлѣ меньше, чѣмъ Азіатская (т.-е. собственно Восточная Сибирь, о-въ Сахалинъ и Квантунскій полуостровъ). Главные предметы японскаго вывоза въ Европейскую Россію—шелкъ-сырецъ въ небольшомъ количествѣ, лакированныя и фарфоровыя издѣлія, а въ Азіатскую Россію—рисъ, лакированныя и фарфоровыя издѣлія, зонтики, ковры и пр. Главный предметъ ввоза изъ Россіи — керосинъ, затѣмъ въ небольшомъ количествѣ—ситцы, рыба, жмыхи (изъ Маньчжуріи).

Иностранные товары ввозятся въ Японію через открытые порты (см. выше, стр. 137), гдѣ они, раньше чѣмъ поступить во внутрь страны, должны быть проданы японскому подданному. Но въ самыхъ портахъ японцы, по указаннымъ выше причинамъ (см. стр. 208), не могутъ освободиться отъ посредничества европейскихъ фирмъ.

Свободны японцы отъ иностраннаго посредничества только въ торговлѣ съ Китаемъ и Кореей. Въ своихъ стремленіяхъ поднять коммерческій кредитъ вывозныхъ продуктовъ Японіи, правительство издало законъ, въ силу котораго лица, ведущія торговлю извѣстными экспортными товарами, должны сдѣлаться членами особой гильдіи. Эти гильдіи учреждены для большинства важнѣйшихъ отраслей промышленности Японіи, и ихъ задача регулировать качество продукта, выпускаемаго на рынокъ, и обезпечить кооперативное начало въ цѣляхъ расширенія торговли. Но эти гильдіи, парализуя личную предпріимчивость, имѣющую первенствующее значеніе для промышленнаго прогресса, не привели къ улучшенію качествъ продуктовъ, и въ конечномъ

результатѣ онѣ являются только добавочною формальностью къ многочисленнымъ другимъ формальностямъ, затрудняющимъ и безъ того торговлю въ Японіи.

Помимо экспортныхъ гильдій, въ Японіи учреждены по европейскому образцу 48 торговыхъ палатъ, на которыхъ лежитъ представительство интересовъ торговли и промышленности.

Въ общемъ японская торговля отличается тѣмъ же мелочнымъ характеромъ, какой присущъ земледѣлію и промышленности Японіи.

Почти вся внѣшняя торговля Японіи сосредоточена въ пяти главныхъ портахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя за 1902 г.

	Ввозъ іенъ.	Вывозъ іенъ.	Всего іенъ.
Іокогама . . .	89.284.386	139.015.675	228.300.061
Кобе	144.516.106	74.748.143	219.264.249
Осака . . .	11.875.729	15.050.518	26.926.247
Нагасаки . .	8.325.830	4.474.183	13.800.013
Хакодате . .	2.795.200	2.005.523	4.800.723

Своимъ главенствующимъ положеніемъ Іокогама обязана, главнымъ образомъ, тому, что черезъ этотъ портъ направляется почти весь вывозъ шелка.

Въ концѣ 1900 г. было 5.197 торговыхъ компаній съ нарицательнымъ капиталомъ въ 601 милл. іенъ (ср. выше, стр. 205); тутъ считаются, впрочемъ, и банки, и страховыя компаніи, товарные склады, и комиссіонерства, и нѣкоторыя др. предпріятія не вполнѣ торговаго характера, какъ, напр., даже изданіе книгъ и газетъ, театры, учрежденія для сожиганія покойниковъ и мн. др. Изъ 5.197 компаній больше половины занимается банковымъ и биржевымъ дѣломъ.

Значительно развито страховое дѣло: въ 1901 г. было 43 компаніи, занимавшихся страхованіемъ жизни, 20—страхованіемъ отъ огня, 4—морскимъ и частью грузовъ, одна—спеціально страхованіемъ грузовъ.

Денежное обращеніе и кредитъ.

До государственнаго переворота 1868 г. было въ обращеніи 7 типовъ золотой монеты, 2—серебряной, разные типы мѣдной, до 1.600 видовъ бумажныхъ денегъ, выпускавшихся мѣстными феодальными князьями (дайміо). Реформа началась учрежденіемъ монетнаго двора въ г. Осака. Сначала хотѣли принять серебряную валюту, но вскорѣ признали за лучшее ввести золотую единицу, которую и назвали іенъ (уен). Серебро и мѣдь допущены въ качествѣ дополнительной и размѣнной монеты. Но съ того же 1868 г. пришлось прибѣгать къ

бумажнымъ деньгамъ*), къ выпуску которыхъ правительство стало прибѣгать для покрытія своихъ нуждъ.

На ряду съ бумажными деньгами обращались и билеты «національныхъ банковъ», которые учреждались съ 1872 г. по образцу американскихъ. Въ результатѣ получилось обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и колебаніе цѣнности денежной единицы. Въ переводѣ на золото цѣнность іена составляла

въ 1874 г.	$1_{,96}$ руб.	въ 1885 г.	$1_{,56}$ руб.
» 1877 »	$1_{,181}$ »	» 1887 »	$1_{,49}$ »
» 1881 »	$1_{,03}$ »	» 1895 »	$0_{,99}$ »

Съ начала 1880-хъ годовъ начинаются усиленныя заботы правительства по упорядоченію денежной системы страны. Введена строгая экономія въ государственныхъ расходахъ; остатки суммъ стали обращаться на выкупъ бумажныхъ денегъ и на покупку золота и серебра; приняты мѣры къ развитію внѣшней торговли; въ 1882 г. учрежденъ національный Японскій банкъ (Ниппонъ гинко), которому и поручено принимать мѣры къ выкупу бумажныхъ денегъ и билетовъ національныхъ банковъ, причемъ послѣднимъ выпускъ новыхъ билетовъ былъ запрещенъ, а единственнымъ эмиссіоннымъ банкомъ (т. е. банкомъ, выпускающимъ эти кредитные билеты) является съ тѣхъ поръ Японскій банкъ. Съ 1 янв. 1886 г. возстановленъ былъ обмѣнъ бумажныхъ денегъ, но не на золото, а на серебро. Къ тому времени всѣхъ бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ было въ обращеніи на $118^1/_2$ милл. іенъ при металлическомъ фондѣ въ $42^1/_2$ милл. Къ 1896 г. изъ этой суммы осталось въ обращеніи бумажныхъ денегъ лишь на 13 милл. іенъ, а билетовъ національныхъ банковъ на $21_{,3}$ милл. іенъ. Полученіе значительнаго количества золота отъ китайской контрибуціи и лондонскаго займа дало, наконецъ, возможность перейти въ 1897 г. къ золотому обращенію**). За единицу принятъ былъ золотой іенъ, равный половинѣ прежняго золотого іена (см. выше, стр. 142). Обращеніе прежнихъ бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ прекращено съ декабря 1899 г. Выпускъ кредитныхъ билетовъ предоставленъ исключительно Японскому банку подъ условіемъ обезпеченія ихъ полностью золотою наличностью на основаніи особыхъ правилъ (см. ниже).

---

*) Первоначальныя бумажки были очень плохо сдѣланы; поэтому въ 1871 г. печатаніе ихъ было поручено одной франкфуртской фирмѣ. Но теперь японцы сами достигли совершенства въ этомъ.

**) Реформа не коснулась Формозы, гдѣ, въ виду близости къ Китаю и торговыхъ сношеній съ нимъ, оставленъ въ обращеніи серебряный іенъ.

Если смотрѣть съ теоретической стороны, говоритъ проф. В. А. Лебедевъ*), то новая монетная система Японіи одна изъ наиболѣе совершенныхъ, и эмиссіонное дѣло поставлено тамъ хорошо. Практически же состояніе денежнаго обращенія представляется довольно безотраднымъ въ виду невыгоднаго разсчетнаго баланса. Собственнаго и привознаго золота недостаточно для поддержанія его запасовъ; приходится пополнять ихъ займами. Золото почти не участвуетъ въ народномъ обращеніи. Между тѣмъ, съ 1895—96 гг. настало особенно критическое положеніе вслѣдствіе предпринятыхъ удвоенія арміи, утроенія флота, укрѣпленія побережья и усиленной постройки жел. дорогъ и другихъ мѣропріятій.

Во главѣ банковаго дѣла стоитъ центральный національный Японскій банкъ—Ниппонъ гинко. Онъ учрежденъ, по образцу Французскаго банка, на акціяхъ, числомъ 150 тыс. (по 200 іенъ), изъ коихъ до 70 тыс. принадлежатъ императорской фамиліи. Всѣ акціи именныя и могутъ переходить къ другимъ лицамъ только съ разрѣшенія министра финансовъ. Помимо банковыхъ операцій, банкъ этотъ, подобно Англійскому банку, исполняетъ обязанности государственнаго казначейства.

Японскій банкъ можетъ выпускать билеты на неограниченную сумму, подъ условіемъ полнаго покрытія въ золотой и серебряной монетѣ и слиткахъ. Свыше этого онъ можетъ выпускать билетовъ на 70 милл. іенъ, обезпечивая ихъ государственными бумагами, билетами казначейства и другими вѣрными долговыми документами и векселями; выпуски сверхъ этихъ нормъ дозволяются только съ особаго разрѣшенія министра финансовъ, съ уплатою налога до 5% годовыхъ. Наконецъ, банкъ оказываетъ правительству долгосрочный и краткосрочный кредитъ. Къ началу 1904 г. въ обращеніи имѣлось кредитныхъ билетовъ банка на 232.920.563 іена, и обезпеченіемъ ихъ служили золото въ слиткахъ и золотая монета на 116.962.184 іена и коммерческіе векселя и бумаги на 115.958.379 іенъ. Общій итогъ оборотовъ банка достигъ въ 1903 г. 12.699 милл. іенъ, противъ 14.093 милл. въ 1902 г. При основномъ капиталѣ въ 30 милл. іенъ и запасномъ въ $16,_9$ милл., онъ обыкновенно выдаетъ дивидендъ въ 12%.

Въ близкихъ отношеніяхъ къ этому банку состоитъ іокогамскій монетный банкъ (учр. 1880 г.), главное дѣло котораго—разсчеты по внѣшней торговлѣ. Далѣе—есть мѣстные земледѣльческіе и промышленные банки, ипотечный банкъ (учр. 1897 г.), банкъ (учр. 1902 г.) въ родѣ Credit mobilier, для ссудъ подъ залогъ разныхъ облигацій и акцій, для скупки ихъ и пріема вкладовъ; два колоніальныхъ банка

*) «Вѣстникъ Финансовъ» 1904 г. № 8.

(учр. въ 1899 и 1900 гг.), китайско-японскій банкъ (учр. 1903 г.); наконецъ, коммерческіе банки (стали учреждаться съ 1873 г.).

Есть еще сберегательные частные банки и казенныя почтово-сберегательныя кассы. Число этихъ банковъ то-и-дѣло измѣняется: въ 1900 г. ихъ было 681; а въ 1091 г.—504, въ началѣ 1903—476. Занимаясь учетомъ векселей и выдачею ссудъ, они платятъ вкладчикамъ 5—9%. Общій же средній банковый процентъ—по вкладамъ 6—7½%, по ссудамъ 10—14%. Почтово-сберегательныя кассы платятъ вкладчикамъ меньше; кассъ этихъ теперь до 5.000; число вкладчиковъ въ нихъ въ 1901 г. достигало 2.011.467, а на каждаго приходилось въ среднемъ $12{,}_3$ іенъ. Для Японіи, слѣдовательно, характерно сравнительно большое число вкладчиковъ (преимущественно крестьяне и торговцы) и весьма малый размѣръ средняго вклада.

Общее число банковъ и сберегательныхъ кассъ въ 1902 г. составляло 2.632 при оплаченномъ капиталѣ въ 367 милл. іенъ. И здѣсь, слѣдовательно, наблюдается дробленіе экономическихъ силъ, невыгоды котораго сознаются уже самими японцами.

На ряду съ туземными банками въ Японіи дѣйствуютъ и иностранныя кредитныя учрежденія. Къ крупнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ 3 англійскихъ—Hongkong and Shanghai Banking Corporation, Chartered Bank of India и Australia and China Bank, одинъ американскій—International Banking Corporation, а до текущей войны дѣйствовали въ Японіи и отдѣленія русско-китайскаго банка.

По даннымъ 1900 года оказывается, что общее количество денежныхъ знаковъ, включая и металлическую наличность банка, составляло около 6 іенъ на душу населенія*). Японскій экономистъ Ватанабе, бывшій министръ финансовъ, указывалъ на три опасныхъ явленія: неблагопріятный разсчетный балансъ, уменьшеніе запаса монеты и неустойчивость денежной системы; все это—говоритъ онъ—слѣдствіе чрезмѣрнаго разсѣянія капиталовъ въ народной массѣ, съ обращеніемъ ихъ на нужды потребленія. Изъ этихъ словъ, говоритъ проф. В. А. Лебедевъ, можно заключить, что японцы проживаютъ все, что получаютъ, но этому противорѣчитъ существованіе вкладовъ въ сберегательныхъ банкахъ и кассахъ (въ первыхъ въ 1900 г. на $149{,}_2$ милл. іенъ, во вторыхъ на $24{,}_7$ милл. іенъ). Къ тому же, металлическая наличность Японскаго банка должна быть признана удовлетворительною.

Говоря объ организаціи кредита въ Японіи, нельзя обойти молчаніемъ одно весьма оригинальное учрежденіе этой страны. Мы уже указывали, что учрежденія самопомощи европейскаго типа,

*) Очень немного въ сравненіи даже съ Россіею, гдѣ приходится по 12 р. на душу, не говоря уже о Франціи (72 руб.), Германіи (38 р.), Англіи (25 р.).

въ родѣ нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, неизвѣстны въ Японіи. Но страна эта, еще до пріобщенія своего къ европейской культурѣ, самостоятельно выработала своеобразное учрежденіе взаимопомощи. Это—хотокуса, основателемъ которыхъ былъ выдающійся самородокъ-моралистъ и финансистъ, вышедшій изъ народа, Нинимоія Сентоку (1787—1856). Подъ именемъ «хотокуса» большимъ распространеніемъ пользуются въ Японіи товарищества, которыя ставятъ себѣ задачею поднять матеріальное благосостояніе мѣстнаго земледѣльческаго населенія, прививая ему понятія о бережливости, умѣренности и солидарности людей и въ то же время приходя, въ случаѣ нужды, на помощь отдѣльнымъ своимъ членамъ денежными ссудами, которыя выдаются только на цѣли производительныя. Всякій членъ хотокуса долженъ удѣлять нѣкоторую сумму отъ своихъ ежедневныхъ расходовъ и вносить ихъ въ кассу товарищества; при выходѣ изъ товарищества каждый членъ имѣетъ право получить обратно этотъ вкладъ. По вкладамъ товарищество не платитъ процентовъ, но и не требуетъ ихъ по ссудамъ, выдаваемымъ членамъ товарищества. Впрочемъ, члены товарищества, возвращая полученную ссуду (обыкновенно періодическими взносами), всегда придерживаются обыкновенія прибавить небольшую добавочную сумму, замѣняющую собою проценты. Товарищество управляется выборнымъ комитетомъ и общими собраніями членовъ; члены комитета вознагражденія не получаютъ: служба по управленію товариществомъ—почетная. Существуетъ еще центральная ассоціація, къ которой примыкаютъ всѣ хотокуса въ странѣ; издается и спеціальный журналъ для пропаганды и разработки идей хотокуса, совмѣщающихъ въ себѣ общество нравственности съ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ.

Пути сообщенія. Почта и телеграфъ. Телефонъ.

Колесныя дороги. Въ до-реформенной Японіи, за исключеніемъ колесной дороги, соединявшей столицы, существовали только вьючные пути. Въ настоящее время имѣются: 1) береговая дорога вокругъ каждаго острова, большею частью мощеная или шоссированная, сопровождаемая телеграфомъ; 2) поперечные пути, всѣ съ большими уклонами: на Хондо 12 (сквозныхъ), въ среднемъ на разстояніи 120 килом. другъ отъ друга, на Кіу-Сіу 5, на среднемъ разстояніи въ 65 килом., на Іессо и Си-ко-ку по одному.

Желѣзныя дороги. Первая желѣзная дорога Іокогама-Токіо (29 килом.) была открыта для движенія въ 1872 г., въ концѣ 1882 г. имѣлось всего 250 килом. рельсовыхъ путей, къ концу же 1902 г. рельсовая сѣть Японіи состояла изъ 6.476 килом., изъ кото-

рыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ было 1.704 килом., а частныхъ 4.772 килом., принадлежащихъ 48 компаніямъ съ оплаченнымъ и запаснымъ капиталами въ 191,3 милл. іенъ; но почти половина всѣхъ открытыхъ для движенія жел. дорогъ принадлежитъ 5 компаніямъ. Главнѣйшія линіи: на о-вѣ Хондо проведена основная линія Симоносеки-Осака-Кіото-Нара-Нагойя-Токіо-Фукушима-Таира-Аомори, протяженіемъ около 1.600 килом., соединяющая столицы, главные пункты восточнаго побережья, крайній сѣверъ и крайній югъ острова; къ ней подходятъ съ запада поперечныя линіи: Ніигата-Наоецу-Такасаки-Токіо-Нанао-Цуруга-Нахагама-Нагойя-Осака и рядъ мелкихъ линій. Рельсовая сѣть Кіу-Сіу состоитъ изъ главной линіи Моджи-Кокура-Тосу-Кумамото-Яцуширо съ вѣтвью къ порту Мисуми (длина 240 килом.), изъ продолженія этой линіи на Кагосиму, изъ вѣтви Фукуока-Тосу-Арита-Нагасаки (176 килом.) съ вѣтками на Имари и Сасебо и изъ линіи отъ Кокура вдоль берега залива Накацу. На о-вѣ Іессо жел. дороги (линія Отару-Муроранъ-Ивамизава) принадлежатъ преимущественно горнопромышленнымъ обществамъ, но не лишены и стратегическаго значенія. Съ чисто стратегическими цѣлями правительство въ послѣдніе годы сооружаетъ на о-вѣ Іессо цѣлую сѣть рельсовыхъ путей, которые должны прорѣзать весь этотъ островъ.

Столь быстрый ростъ рельсовой сѣти представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что въ Японіи проведеніе желѣзныхъ дорогъ сопряжено съ огромными трудностями въ виду необходимости пролагать большое число туннелей и сооружать длинные мосты на рѣкахъ, вообще подверженныхъ сильнымъ разливамъ; большимъ тормозомъ является и недостатокъ капиталовъ. При всемъ томъ средняя стоимость версты составляетъ лишь 51.604 руб. Эта невысокая стоимость объясняется дешевизною рабочихъ, преобладающимъ проведеніемъ дорогъ по некультурнымъ землямъ, пріобрѣтеніемъ металлическихъ матеріаловъ и паровозовъ по дешевымъ цѣнамъ за границею (преимущественно въ Англіи и Америкѣ), немногочисленностью подвижного состава и легкими типами станціонныхъ сооруженій. Въ виду густой населенности мѣстностей, прорѣзываемыхъ жел. дорогами, число станцій очень значительно и въ мартѣ 1901 г. опредѣлялось въ 1.072, что въ среднемъ соотвѣтствуетъ разстоянію между двумя станціями въ 6 килом. Многія линіи устроены въ два пути съ отдѣльными туннелями и мостами для каждаго. Въ мартѣ 1901 г. японскія желѣзныя дороги располагали 1.238 паровозами, 4.352 пассажирскими и 17.442 товарными вагонами. Вагоны строятся въ самой Японіи, именно на двухъ казенныхъ заводахъ близъ Токіо и въ Оміи и на двухъ меньшихъ частныхъ въ Осакѣ и Ніигатѣ.

Въ общемъ частныя жел. дороги въ несравненно бо́льшей сте-

нени, чѣмъ казенныя, удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются въ настоящее время къ желѣзнодорожному движенію въ смыслѣ быстроты, срочности и дешевизны. Въ то же время казенныя жел. дороги даютъ чистаго дохода 8—10%, тогда какъ частныя лишь 6—7%. Особенностью желѣзнодорожнаго движенія въ Японіи является непомѣрная многочисленность несчастныхъ случаевъ; въ 1895 г. при желѣзнодорожныхъ катастрофахъ было убито 318 чел. и ранено 233, въ 1901 г.—903 и 1.030 чел.

Статистика желѣзнодорожнаго движенія въ Японіи за 1902 г.:

	По казеннымъ жел. дорогамъ	По частнымъ жел. дорогамъ
Перевезено пассажировъ	32.074.254 чел.	79.136.954 чел.
Поступило отъ пассажирскаго движенія	10.648.762 іена	16.929.621 іенъ
Перевезено грузовъ	2.659.602 тонны	11.750.150 тоннъ
Поступило отъ товарнаго движенія .	4.404.917 іенъ	11.431.032 іенъ

Внутренніе водные пути имѣютъ большое значеніе въ Японіи особенно въ виду того, что тамъ внѣ городовъ телѣги почти неизвѣстны, и по грунтовымъ дорогамъ грузы перевозятся почти исключительно на вьючныхъ животныхъ (лошади и рогатый скотъ) и на спинахъ людей. Главнѣйшимъ воднымъ путемъ является тотъ, который съ помощью каналовъ соединяетъ озеро Бива съ рѣкою Камо-гава и послѣднюю съ Осакскимъ заливомъ. Каналъ Бива, открытый для движенія въ 1890 г., представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій этого рода *). Главный каналъ имѣетъ въ длину $6^7/_8$ англ. миль и частью проложенъ въ туннеляхъ; на протяженіи полуверсты суда, помѣщенныя на платформы, передаются вверхъ и внизъ по рельсамъ, проложеннымъ по наклонной плоскости. Платформы (обѣ одновременно) перемѣщаются по рельсамъ силою электрической энергіи, которая получается тутъ же отъ паденія воды. Существуетъ еще нѣсколько рѣкъ, судоходныхъ въ своемъ нижнемъ теченіи, какъ, напр., Синано-гава, у которой расположенъ городъ Нагойя, и которая впадаетъ въ море близъ г. Ніигата.

Почта, телеграфъ и почти всѣ телефоны принадлежатъ казнѣ. Почтовыя, телеграфныя и телефонныя сообщенія получили въ Японіи весьма значительное развитіе, несмотря на позднее возникновеніе, относящееся для почтъ и телеграфовъ къ началу 1870-хъ годовъ. Въ мартѣ 1901 г. Японія располагала 5.124 конторами и отдѣленіями для пріема и выдачи почтовыхъ отправленій и телеграммъ; изъ нихъ 306 служили исключительно для телеграммъ и

*) Н. Кохановскій, «Экономическое положеніе Японіи», стр. 44.

3.480 лишь для почтовой корреспонденціи Изъ этихъ учрежденій въ Китаѣ и Кореѣ находилось 23. Телефонныя сообщенія къ марту 1901 года были устроены въ 25 городахъ. Въ настоящее время число телефонныхъ сѣтей въ городахъ больше; многіе города и даже курорты на о-вѣ Хондо, а равно и о-ва Хондо и Кіу-Сіу соединены между собою телефономъ; подготовляется таковое же сообщеніе между о-вами Хондо и Іессо. Почтово-телеграфные тарифы очень скромны. Такъ, внутреннія письма оплачиваются по разсчету 3 сенъ за 4 момме (1 лотъ $^1/_2$ зол.); открытое письмо стоитъ $1^1/_2$ сена; за заказъ взимается 6 сенъ. Бандерольныя отправленія и образчики оплачиваются по тарифу 2 сенъ за 30 момме ($8{,}_{79}$ лота); сѣмена пересылаются вдвое дешевле. Съ посылокъ почтовый сборъ взимается по вѣсу и разстоянію. Телеграммы (иногороднія) на европейскихъ языкахъ оплачиваются по 5 сенъ за слово, безъ подепешной доплаты, но съ минимальною стоимостью въ 25 сенъ; на японскомъ языкѣ телеграммы дешевле: низшая плата для нихъ составляетъ 20 сенъ; къ тому же адресъ и подпись передаются въ японскихъ телеграммахъ безплатно. Несмотря на низкій тарифъ, казна получаетъ отъ почтъ и телеграфовъ значительный чистый доходъ. Количество почтовой и телеграфной корреспонденціи весьма значительно (ср. выше, стр. 205) и постоянно возрастаетъ, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія статистическія данныя за 1898—1902 гг.:

	1898–1899 г.	1899–1900 г.	1900–1901 г.	1901–1902 г.
Письма	157.526.764	148.530.837	180.232.463	196.515.449
Открытыя письма . . .	329.934.746	333.988.921	399.529.531	442.093.231
Газеты и журналы . .	91.521.339	110.068.789	135.326.547	141.700.982
Книги	7.663.810	8.079.487	10.479.461	11.388.783
Образцы товаровъ и т. п.	1.164.598	1.341.655	1.877.871	2.490.260
Заказныя письма и т. п.	7.409.980	8.425.633	9.658.373	10.144.077
Казенныя отправленія	17.554.176	19.458.493	23.688.105	27.303.093
Посылки	5.076.648	6.018.011	7.751.525	9.373.969
Всего .	617.352.061	635.911.826	768.513.876	841 009.844

	1898—1899 г.	1899—1900 г.	1900—1901 г.	1901—1902 г.
Отправлено телеграммъ	15.503.700	14.763.777	17.011.074	16.713.619
Длина телеграфн. линій въ англ. миляхъ *) .	12.924	13.879	6.039	6.377
Длина телегр. проводовъ въ англ. миляхъ . .	50.177	59.396	27.391	29.898
Длина морск. кабелей въ англ. миляхъ . .	1.763	1.794	2.035	2.087
Длина кабельн. проводовъ въ англ. миляхъ	1.988	2.033	2.576	2.697
Почтово-телегр. служащ.	19.910	21.319	22.887	24.274

*) Англійская миля равна приблизит. $1^1/_2$ верстамъ.

	1898—1899 г.	1899 - 1900 г.	1900—1901 г.	1901—1902 г.
	іенъ	іенъ	іенъ	іенъ
Доходъ почтово-телегр. вѣдомства	11.814.707	14.988.069	16.800.147	—
Расходъ	9.656.116	—	—	—

Телефонныхъ линій въ мартѣ 1899 г. существовало 1.562 англ. мили при длинѣ проводовъ въ 31.273 англ. мили, 13 центральныхъ станціяхъ, 40 разговорныхъ и 8.083 абонементахъ.

Судостроеніе и торговый флотъ.

Значительные успѣхи достигнуты въ судостроительной промышленности. Первоначально доки и судостроительныя мастерскія устраивались въ главныхъ портахъ Японіи, какъ Нагасаки и Кобе, въ разсчетѣ на починку судовъ, что представляло важность въ виду отдаленности иностранныхъ портовъ, располагающихъ средствами для исправленія судовъ *). Для поощренія національнаго судостроенія и пароходства японское правительство, запретивъ строить туземныя джонки, вмѣстимостью болѣе 50 тоннъ, ввело въ 1895 г. судостроительныя преміи, которыя выдаются за сооруженіе, подъ наблюденіемъ министерства путей сообщеній, желѣзныхъ или стальныхъ паровыхъ судовъ японскимъ предпринимателемъ или компаніею, составленною японскими подданными; судно должно быть построено преимущественно изъ японскихъ матеріаловъ и должно предназначаться для плаванія подъ японскимъ флагомъ. Система премій дала въ Японіи благопріятные результаты. На частныхъ верфяхъ Японіи сооружаются и пароходы свыше 6.000 тоннъ вмѣстимостью; торговый флотъ ея обогащается хорошими судами, сооружаемыми въ странѣ; машины для судовъ изготовляются частью въ самой Японіи. Главнымъ центромъ частнаго судостроенія являются Нагасаки, Кобе и Урага. Морское вѣдомство располагаетъ нѣсколькими хорошо оборудованными верфями для ремонта и сооруженія военныхъ судовъ. Многіе порты располагаютъ доками для ремонта судовъ.

Въ 1900 г. судостроеніемъ занимались 14 компаній съ совокупнымъ нарицательнымъ капиталомъ въ 10.627.100 іенъ, при суммѣ оплаченнаго капитала въ 7.940.800 и запаснаго — въ 715.500 іенъ. Въ 1899 г. на японскихъ верфяхъ было выстроено 122 судна, водоизмѣщеніемъ въ 120.735 регистровыхъ тоннъ.

На ряду съ судостроительными преміями, японское правительство

*) Н. Кохановскій, «Очеркъ экономическаго положенія Японіи», стр. 31.

установило и премiи судоходныя, и субсидiи пароходнымъ компанiямъ. Закономъ 1895 г. премiи опредѣлены въ размѣрѣ 250 iенъ за 1000 миль пробѣга, съ различными надбавками, между прочимъ, съ надбавкою 20% за каждый узелъ скорости свыше минимальныхъ 10 въ часъ. Судовладѣльцы, получающiе премiю, обязаны предоставить, въ случаѣ надобности, свои пароходы правительству за умѣренную плату, должны содержать за свой счетъ практикантовъ, безплатно перевозить почту и имѣть команду изъ японцевъ. Въ полномъ размѣрѣ премiи выдаются въ теченiе 5 лѣтъ, а въ послѣдующiя 15 лѣтъ постепенно сокращаются. Болѣе осязательные результаты, при меньшихъ жертвахъ со стороны казны, дала, однако, система спецiальныхъ соглашенiй съ отдѣльными пароходными компанiями, которымъ выдаются субсидiи, и на которыя, сверхъ вышеизложенныхъ обязательствъ, возлагается еще обязанность содержанiя извѣстныхъ регулярныхъ рейсовъ, при условiи минимальныхъ вмѣстимости пароходовъ и скорости хода. Такiе рейсы (обыкновенно двухнедѣльные) установлены съ портами Европы (Марсель, Лондонъ, Антверпенъ), Америки (Санъ-Франциско, Сiэтль) и Азiи (Владивостокъ, Шанхай, Тянь-цзинъ, Ньючжуанъ и др.). Субсидiи по обязательнымъ рейсамъ для 1901—1902 финансоваго года исчислены въ общей сложности въ 6,1 милл. iенъ. Столь широкая система субсидiй, въ связи съ склонностью японцевъ къ мореходству, не только обезпечиваетъ Японiи правильныя и ускоренныя сообщенiя съ важнѣйшими въ мiрѣ портами, но и важную для нея въ политическомъ и военномъ отношенiяхъ видную роль въ морскихъ сообщенiяхъ Кореи и Китая; въ послѣднемъ, между прочимъ, субсидируется содержанiе японскими пароходными компанiями рейсовъ по рѣкѣ Янъ-цзы. Крупнѣйшею изъ субсидируемыхъ пароходныхъ компанiй является Ниппонъ-Юсенъ-Каиса (Японское общество пароходства), которое въ концѣ 1902 г. имѣло 70 пароходовъ, общею вмѣстимостью въ 242.178 тоннъ-брутто *); въ то же время для него строились шесть новыхъ пароходовъ; общество получаетъ отъ казны субсидiй свыше 4,6 милл. iенъ въ годъ и выдаетъ 12% дивиденда. Двумя другими крупными пароходными компанiями являются Осака-Созенъ-Каиса и Тойо-Кизенъ-Каиса. Кратчайшiй рейсъ между Владивостокомъ и японскимъ портомъ Цуруга содержался компанiею Оiе, располагающею двумя новыми быстроходными пароходами въ 1.600 и 1.700 тоннъ.

Нижеслѣдующая таблица характеризируетъ ростъ торговаго парового флота Японiи за послѣднiя 2 десятилѣтiя:

---

*) Въ видахъ сравненiя отмѣтимъ, что Австро-венгерскiй Ллойдъ, одно изъ крупнѣйшихъ въ мiрѣ пароходныхъ предпрiятiй, имѣлъ въ 1902 г. тоннажъ въ 180.295 тоннъ-брутто.

Пароходы вмѣстимостью:	1886 г.	1894 г.	1895 г.	1902 г.
менѣе 500 тоннъ	178	335	273	695
отъ 500—1.000 тоннъ . . .	19	39	41	59
» 1.000—2.000 »	20	46	58	68
» 2.000—3.000 »	10	29	40	48
» 3.000—5.000 »	—	11	15	22
болѣе 5.000 тоннъ	—	1	1	18
	227	461	528	910
Общая вмѣстим. въ рег. тонн.	92.398	263.939	331.374	934.961

До войны съ Китаемъ, Японія имѣла всего 400 пароходовъ, изъ которыхъ только 3 вмѣстимостью своею превышали 3.000 тоннъ; три четверти всѣхъ судовъ были каботажныя суда меньше 500 тоннъ. Необходимость перевозки войскъ въ Корею и Китай вызвала немедленное увеличеніе торговаго флота приблизительно на 100.000 тоннъ, и уже въ первомъ году войны общая вмѣстимость флота превысила 263.000 тоннъ. Послѣ войны въ силу вступили государственныя субсидіи, и въ результатѣ, въ сравненіи съ 1886 годомъ, число судовъ увеличилось вчетверо, а количество тоннъ возросло въ 10 разъ.

Къ этимъ паровымъ судамъ надо прибавить 3.416 парусныхъ судовъ европейскаго типа, водоизмѣщеніемъ въ 315.767 регистров. тоннъ, и 222 болѣе крупныхъ парусныхъ судна японскаго типа.

Число шкиперовъ, выдержавшихъ испытаніе на право управленія судномъ въ дальнемъ плаваніи, возросло съ 1.542 лицъ въ 1892 г. до 2.231 въ 1902 г.

При всемъ этомъ ростѣ торговаго флота, въ морскихъ сообщеніяхъ Японіи иностранныя суда (для которыхъ каботажное плаваніе недоступно, ср. выше, стр. 137—138) имѣютъ еще перевѣсъ. Въ 1900 г. въ 29 портовъ Японіи вошло японскихъ судовъ:

пароходовъ . .	2.645,	общею вмѣстимостью въ	3.363.700 тоннъ
паруси. судовъ	1.172,	» » »	62.800 »

иностранныхъ же судовъ въ 17 японскихъ портовъ вошло:

пароходовъ . .	2.685,	общею вмѣстимостью въ	6.243.100 тоннъ
паруси. судовъ	128,	» » »	156.000 »

Особенно великъ перевѣсъ иностраннаго флага въ четырехъ главныхъ портахъ: Іокогама, Кобе, Нагасаки и Симоносеки.

По цѣнности грузовъ участіе японскихъ судовъ во внѣшней торговлѣ достигло въ 1900 г. $32,_1$% по вывозу и $29,_8$% по ввозу.

Финансы Японіи.

Д. М. БУРОВА.

Исторія японскихъ финансовъ за время, послѣдовавшее послѣ крушенія феодальнаго строя, распадается на три періода.

Первый періодъ, простирающійся съ 1868 по 1881 г., можетъ быть названъ періодомъ ликвидаціи прошлаго; онъ же и періодъ первыхъ финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ новымъ государственнымъ строемъ. Правительству предстояло прежде всего ликвидировать обязательства прежнихъ дайміо, которыя слагались изъ ихъ долговъ и изъ пенсій, которыя они выдавали своимъ вассаламъ-самураямъ. Дайміо, содержавшіе пышные дворы, покровительствовавшіе искусствамъ и художественной промышленности, издавна вовлекались въ расходы, не соотвѣтствовавшіе ихъ доходамъ. Чтобы покрывать эти расходы, они занимали деньги у богатыхъ купцовъ, а когда и этотъ источникъ изсякалъ, то вмѣсто денегъ выпускали кредитные билеты. Ликвидація этихъ долговъ феодаловъ потребовала отъ государства $53{,}_5$ милл. іенъ. Несравненно больше жертвъ потребовала ликвидація обязательствъ самого правительства передъ дайміо и самураями.

Хотя дайміо, отказываясь отъ своихъ феодальныхъ правъ, не выговорили себѣ никакого вознагражденія, но правительство само назначило имъ, въ возмѣщеніе потерянныхъ ими доходовъ, пенсіи, а также приняло на себя обязательство выплачивать самураямъ тѣ пенсіи, которыя они получали отъ своихъ сюзереновъ. Въ 1871 г. общая сумма всѣхъ такихъ пенсій составляла не менѣе 10 милл. гектолитровъ риса, что, по цѣнамъ того времени, соотвѣтствовало суммѣ около 25 милл. іенъ. Расходъ этотъ поглощалъ бо́льшую половину государственныхъ доходовъ и къ тому же былъ совершенно непроизводителенъ, такъ какъ самураи никакой службы государству не несли. Правительство рѣшило отдѣлаться отъ пенсій, уплативъ лицамъ, имѣвшимъ на нихъ право, пенсіонный окладъ сразу за опредѣленное число лѣтъ впередъ. Чѣмъ выше была пенсія, тѣмъ меньшее

число лѣтъ оплачивалось впередъ для погашенія ея; колебалось же число этихъ лѣтъ отъ 5 до 14. Въ общемъ выкупъ пенсій потребовалъ отъ казны 210,9 милл. іенъ, изъ которыхъ только 20 милл. были выплачены звонкою монетою, остальное же—процентными свидѣтельствами государственнаго казначейства. Въ результатѣ образовался громадный государственный долгъ, но все же это была операція, выгодная для казны, такъ какъ вмѣсто прежнихъ 25 милл., требовавшихся на уплату пенсій, государство платило только 12 милл. по займамъ, заключеннымъ для этой ликвидаціи феодальныхъ отношеній. Въ то же время принимались мѣры къ увеличенію государственныхъ доходовъ; поземельные налоги были объединены и изъ натуральныхъ переведены въ денежные платежи (см. выше, стр. 175). Все же доходовъ и займовъ не хватало для удовлетворенія всѣхъ нуждъ, и для покрытія текущихъ расходовъ стали прибѣгать къ выпуску бумажныхъ денегъ, что быстро привело къ ихъ обезцѣненію.

Второй періодъ, который длился съ 1882 г. по 1894 г., т.-е. до начала японо-китайской войны, можетъ быть названъ періодомъ сосредоточенія и упроченія. Правительство стало прилагать энергическія усилія къ упорядоченію денежнаго обращенія (см. выше, стр. 222). Средства, потребныя для погашенія бумажныхъ денегъ и для образованія металлической наличности, получались путемъ строгой экономіи въ расходахъ и введеніемъ цѣлой системы новыхъ налоговъ, именно косвенныхъ. Все же податное обложеніе возростало не особенно рѣзко: съ 54 милл. въ 1880 г. оно поднялось, круглымъ числомъ, до 70 милл. въ 1893 г. Не было и особенно быстраго роста государственнаго долга, который за то же время съ 247 милл. іенъ увеличился до 261 милл.; къ тому же этому возрастанію государственной задолженности противостояло значительное расширеніе сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Если же принять во вниманіе погашеніе бумажныхъ денегъ, то государственный долгъ уменьшился круглымъ числомъ на 100 милл. іенъ. Въ то же время государственный кредитъ настолько упрочился, что въ 1886 представилась возможность приступить къ конверсіи 6% (и выше) займовъ въ 5%; къ 1894 г. эта операція была почти закончена.

Съ окончаніемъ побѣдоносной войны съ Китаемъ начинается третій періодъ японскихъ финансовъ—періодъ быстраго роста и государственнаго бюджета, и государственной задолженности. Это явилось не столько прямымъ, сколько косвеннымъ результатомъ войны. Японія стала претендовать на роль великой державы. Глубоко уязвленная необходимостью отказаться отъ овладѣнія Ляодуномъ, проникшись твердою рѣшимостью вступить раньше или позже въ борьбу съ Россіею, она стала усиленно заботиться о развитіи сво-

ихъ вооруженныхъ силъ; не упускала она изъ виду и своей завѣтной мечты вступить въ рядъ промышленно-развитыхъ міровыхъ державъ, для чего стремилась къ осуществленію ряда крупныхъ культурныхъ задачъ, хотя многія изъ нихъ, какъ, напр., расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, созданіе многочисленнаго торговаго флота, опять-таки стояли въ связи съ развитіемъ военнаго могущества страны. Въ результатѣ этой «міровой» политики получился безпрерывный ростъ бюджета, и наступила эпоха постоянныхъ дефицитовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія цифры, извлеченныя изъ оффиціальныхъ документовъ, опубликованныхъ японскимъ правительствомъ:

Финансовые годы *)	Поступленія	Расходы	Превышеніе доходовъ	Дефицитъ
	въ милліонахъ іенъ.			
1889—1890	88	80	8	—
1890—1891	85	82	3	—
1891—1892	73	84	—	11
1892—1893	81	77	4	—
1893—1894	89	85	4	—
1894—1895	92	78	14	—
1895—1896	98	85	13	—
1896—1897	139 **)	169	—	30
1897—1898	131	224	—	93
1898—1899	138	220	—	82
1899—1900	183	254	—	71
1900—1901	221	293	—	72
1901—1902	208	267	—	59
1902—1903	282	282	—	—
1903—1904	252	245	—	—

Цифры, относящіяся къ бюджетнымъ періодамъ 1902—1903 и 1903—1904, представляютъ собою лишь смѣтныя предположенія, а въ смѣтахъ Японіи дефицитовъ не полагается.

Слѣдуетъ замѣтить, что приведенная таблица уклоняется отъ дѣйствительности въ томъ отношеніи, что она не содержитъ расходовъ на китайскую войну. Японское правительство до сихъ поръ не опубликовало относящихся сюда точныхъ данныхъ; обыкновенно считаютъ, что расходы на войну достигли круглымъ числомъ 250 милл. іенъ. Правда, отчасти расходъ этотъ былъ возмѣщенъ военною контрибуціею,

*) Финансовый годъ считается съ 1 апрѣля по 31 марта.

**) Рѣзкое повышеніе отчасти фиктивно, вслѣдствіе денежной реформы, уменьшившей вдвое денежную единицу, но это не измѣняетъ общей картины.

которую Китай обязался выплатить. Съ другой стороны, однако, нельзя не имѣть въ виду, что бюджетъ острова Формозы, уступленнаго Китаемъ Японіи въ 1895 г., хотя и совершенно независимый отъ общаго государственнаго бюджета, ложится, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, тяжелымъ бременемъ на японскіе финансы:

Бюджетъ острова Формозы	Поступленія	Расходы	Дефицитъ
1897—1898	5,3	10,5	5,2
1898—1899	8,3	11,3	3,0
1899—1900	11,2	16,3	5,1
1900—1901	14,2	21,5	7,3
1901—1902	12,5	19,4	6,9
1902—1903	12,6	19,9	7,3
1903—1904	12,7	18,1	5,4

Кромѣ бюджетовъ, подлежащихъ опубликованію, существуетъ еще довольно обширная негласная отчетность, которая обнимаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ суммъ, относящихся къ государственнымъ монополіямъ, къ желѣзнымъ дорогамъ, къ военнымъ издержкамъ и т. д. Свѣдѣнія объ этихъ статьяхъ никогда не публикуются, и нужно полагать, что общая картина финансоваго положенія, рисуемая на основаніи оффиціальныхъ документовъ, обогатилась бы еще болѣе неблагопріятными штрихами, если бы стали извѣстны эти добавочные бюджеты.

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что государственные доходы за какія-нибудь 12 лѣтъ возросли чрезвычайно. Это явилось результатомъ сильнаго напряженія фискальной политики, переложившей значительную часть поступленій на косвенное обложеніе. Такъ, напр., акцизъ на саке былъ увеличенъ съ 1 іена до 15 іенъ за коку; создано было и большое число новыхъ обложеній.

Увеличеніе государственныхъ расходовъ явилось, главнымъ образомъ, результатомъ значительнаго повышенія издержекъ на военныя надобности. Объ этомъ можно составить отчетливое представленіе на основаніи слѣдующей таблицы (въ милл. іенъ):

Финансовые годы	Расходы на армію		Расходы на флотъ		ВСЕГО
	Обыкновенные	Чрезвычайные	Обыкновенные	Чрезвычайные	
1895—1896 .	8,4	1,6	4,9	8,6	23,5
1896—1897 . . .	22,6	30,6	7,4	12,7	73,3
1897—1898 . . .	20,6	31,4	9,5	40,9	110,5
1898—1899 . .	32,6	21,3	11,2	47,3	112,4
1899—1900 . . .	35,6	17,0	14,6	47,1	114,3
1900—1901 . .	36,1	38,7	16,9	41,4	133,1
1901—1902 . . .	37,5	20,9	19,5	24,5	102,3

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что расходы на армію и флотъ поглощаютъ въ настоящее время болѣе 100 милл. іенъ *), т.-е. около 40% всей суммы государственныхъ расходовъ. Это отношеніе чрезвычайно велико, и къ нему не приближается въ своемъ бюджетѣ ни одно изъ европейскихъ государствъ, даже изъ наиболѣе склонныхъ къ милитаризму. Во Франціи это отношеніе составляетъ всего 28%, въ Германіи—20%, въ Россіи—11% и въ Австро-Венгріи—11%.

Гдѣ же японское правительство нашло источники для покрытія столь крупныхъ дефицитовъ? Прежде всего, оно употребило на это уплаченную Китаемъ контрибуцію. Затѣмъ Японія въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ постоянно прибѣгала къ займамъ. За 10 лѣтъ ея долгъ удвоился и къ началу 1903—1904 года составлялъ около 530 милл. іенъ, да въ апрѣлѣ 1904 г. заключенъ былъ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ заемъ на 100 милл. іенъ. Въ переводѣ на англійскую валюту долгъ Японіи составляетъ 63 милл. фунт. стерл., изъ которыхъ до 30 милл. фунт. стерл. приходится на займы, выпущенные въ Англіи. По этому долгу приходится уплачивать весьма значительные проценты, болѣе 45 милл. іенъ ежегодно, т.-е. около 20% всѣхъ обыкновенныхъ поступленій японскаго бюджета. Этого отношенія опять-таки не достигаютъ долговыя обязательства большинства европейскихъ государствъ.

Для характеристики податной системы Японіи остановимся на обыкновенныхъ доходахъ, которые слагаются, главнымъ образомъ, изъ налоговъ—прямыхъ и косвенныхъ. Главный изъ первыхъ—поземельный, изъ вторыхъ—акцизъ на крѣпкіе напитки.

Поземельный налогъ въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Японія, налогъ вполнѣ естественный, и значительная роль его въ ея бюджетѣ не должна удивлять. Налогъ, первоначально исчисленный въ $2^{1}/_{2}$%, съ 1898 г. повышенъ временно до $3_{,3}$% со стоимости земель. Налогъ даетъ 46 — 47 милл. іенъ, а съ налогами въ пользу областей и общинъ—до 70 милл. Съ увеличеніемъ цѣнности продуктовъ $3_{,3}$%-ный окладъ составляетъ теперь не болѣе 1%. Предположено, однако, понизить его.

Подоходный налогъ учрежденъ на весьма справедливыхъ началахъ (чѣмъ больше доходъ, тѣмъ больше обложеніе) въ 1887 г. и преобразованъ въ 1899 г. Доходы дѣлятся на три категоріи: 1) чистые доходы юридическихъ лицъ, окладъ $2^{1}/_{2}$%; 2) отъ цѣнныхъ бумагъ—

---

*) Предполагалось и дальнѣйшее увеличеніе флота, для чего утверждены были кредиты: на постройку новыхъ военныхъ судовъ $62_{,135}$ милл. іенъ, на боевые припасы и расширеніе арсенала въ Куре 29 милл. іенъ, на зданія и доки $8_{,50}$ милл. іенъ. Кредиты эти предполагалось израсходовать въ теченіе 11 лѣтъ, начиная съ 1904 — 1905 финансоваго года, но уже въ 1903 г. изъ нихъ было израсходовано $2_{,68}$ милл. іенъ.

2%; 3) разные другіе чистые доходы, облагаемые прогрессивнымъ процентомъ отъ 1 до $5^1/_2$%, начиная съ доходовъ, превышающихъ свободный минимумъ (= 300 іенъ). Налогъ будетъ, конечно, давать больше и больше по мѣрѣ развитія національнаго дохода, о быстромъ ростѣ котораго свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1893 г. общая сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію, составляла $91,_{31}$ милл. іенъ, а въ 1901 г.—$392,_{85}$ милл.

Въ 1897 г. учреждены промысловые сборы, въ видѣ лицензій или патентовъ на нѣкоторыя занятія (куда отнесена и горная подать), — налогъ на сдѣлки и перевозку; далѣе—сборы штемпельные (куда принадлежатъ и судебные), пошлина съ билетовъ центральнаго банка, выпускаемыхъ сверхъ нормы, и биржевой налогъ.

Между косвенными налогами первое мѣсто занимаетъ акцизъ на саке и др. крѣпкіе напитки (спиртъ, пиво); далѣе уже слѣдуютъ акцизы: на сою (учр. 1885 г.), сахаръ (учр. 1901 г.), табачная монополія и, наконецъ, таможенныя пошлины. Акцизъ на саке теперь равняется половинѣ стоимости напитка. Акцизъ съ сахара взимается какъ съ туземнаго, такъ и съ привознаго (сверхъ таможенной пошлины). Табачная монополія состоитъ въ покупкѣ казною листового табака у плантаторовъ для продажи на частныя фабрики по цѣнѣ на 150% выше стоимости казнѣ.

Весьма значительный и тоже возрастающій доходъ даютъ казенныя предпріятія: желѣзныя дороги, почта, телеграфъ, телефонъ, типографія, бумажныя фабрики; также казенные капиталы, наконецъ,—небольшой пока доходъ ($3^1/_4$ милл.)—государственные лѣса и земли. Къ хозяйственнымъ доходамъ относится также доходъ отъ работъ преступниковъ. Наконецъ, есть еще маловажные доходы отъ штрафовъ, конфискацій и пр. Весь доходъ отъ казенныхъ предпріятій на 1902—1903 г. исчисленъ около 52 милл. іенъ.

Вся сумма обыкновенныхъ доходовъ по бюджету 1902—1903 г. составляетъ $226,_{11}$ милл. іенъ, чрезвычайныхъ $56,_{32}$ милл. іенъ, а все вмѣстѣ $282,_{43}$ милл. іенъ.

	Милл. іенъ.
Налоги:	
поземельный	$46,_{85}$
подоходный	$6,_{11}$
промысловый (Businets tax) . .	$6,_{60}$
Акцизъ:	
съ крѣпкихъ напитковъ	$63,_{81}$
» сои	$3,_{33}$
Таможенныя пошлины	$17,_{04}$
Акцизъ и там. пошлины съ сахара . .	$6,_{03}$
Прочіе внутренніе налоги	$3,_{62}$
Итого налоговъ	$153,_{44}$

Штемпельные сборы . . .	$14_{,30}$	
Почта, телеграфъ	$25_{,86}$	
Лѣса	$2_{,92}$	
Табачная монополія . . .	$11_{,73}$	
Желѣзнодорожный доходъ (чистый)	$8_{,82}$	
Прочіе доходы отъ государственныхъ предпріятій и имуществъ	$2_{,50}$	
		$52_{,81}$
Всего нормальныхъ доходовъ . . .		$206_{,25}$

Что касается расходовъ, то на 1902—1903 годъ бюджетъ расходовъ представленъ былъ въ такомъ видѣ (въ милл. іенъ):

	Расходы	
	обыкновенные	чрезвычайные
Содержаніе императорскаго двора .	$3_{,00}$	—
Министерства:		
иностранныхъ дѣлъ	$2_{,28}$	93
внутреннихъ дѣлъ	$10_{,58}$	$17_{,06}$
финансовъ:		
расходы по госуд. долгу .	$43_{,59}$	$41_{,55}$
прочіе	$18_{,56}$	
военное	$38_{,43}$	$8_{,26}$
морское	$21_{,35}$	$7_{,07}$
юстиціи	$10_{,84}$	$0_{,566}$
просвѣщенія	$4_{,84}$	$2_{,05}$
земледѣлія и торговли	$2_{,95}$	$4_{,05}$
путей сообщенія	$21_{,17}$	$23_{,45}$
	$177_{,60}$	$104_{,15}$
	$281_{,75}$	

Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ служатъ свободные остатки (исчисленные, напр., на 1902—1903 г. въ 50 милл. іенъ) и чрезвычайные рессурсы, какъ: продажа государственныхъ имуществъ, пособія изъ провинціальныхъ бюджетовъ на публичныя работы мѣстнаго значенія, китайская контрибуція и, наконецъ, займы внутренніе и внѣшніе. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что за періодъ времени съ 1890 по 1902 г. японское правительство, въ видахъ развитія промышленности страны, выдало субсидій различнаго рода промышленнымъ предпріятіямъ на 128 милл. іенъ. Въ частности въ 1902 г. выдано было субсидій $14_{,65}$ милл. іенъ, изъ нихъ судостроительныхъ премій и пароходныхъ субсидій $8_{,17}$ милл. іенъ.

Вооруженныя силы Японіи.

В. Л. РАНЦОВА.

Сухопутная армія.

Главою японской арміи, организованной по европейскому образцу, при содѣйствіи сначала французскихъ, а затѣмъ германскихъ инструкторовъ*), признается микадо. При немъ состоитъ, съ 1898 года, верховный военный совѣтъ, въ которомъ теперь засѣдаютъ трое сухопутныхъ генераловъ и одинъ адмиралъ. Военному министру предоставленъ высшій надзоръ за пополненіемъ рядовъ арміи и за административными ея порядками. Что касается боевой подготовки войскъ, то заботы объ этомъ лежатъ на особомъ инспекторскомъ надзорѣ, дѣйствующемъ независимо отъ военнаго министерства. Ему подчинены всѣ военно-учебныя заведенія, за исключеніемъ военной академіи. Генералъ-инспекторъ арміи (имъ до послѣдняго времени былъ маршалъ Нодзу) сносится непосредственно съ императоромъ.

Генеральный штабъ пополняется офицерами, прослушавшими въ Токіо курсъ военной академіи, въ которую принимаются по особому экзамену офицеры всѣхъ родовъ оружія, прослужившіе въ строю не менѣе двухъ лѣтъ (въ офицерскомъ званіи). По окончаніи трехлѣтняго курса въ академіи, офицеры возвращаются, по меньшей мѣрѣ, на годъ въ строй, откуда, по мѣрѣ надобности, переводятся въ генеральный штабъ. Какъ и въ Германіи, офицеры генеральнаго штаба избавлены отъ несенія адъютантской службы. Генеральный штабъ подчиненъ начальнику главнаго штаба (должность эту занималъ до послѣдняго времени маршалъ Ояма), который тоже непосредственно сносится съ императоромъ **).

Сухопутныя войска Японіи дѣлятся по германскому образцу: 1) на постоянную армію, 2) на территоріальную армію и 3) на народное ополченіе и милицію.

Постоянная армія состоитъ изъ дѣйствующихъ войскъ и изъ

---

*) Незадолго до начала войны съ Китаемъ послѣдніе остававшіеся еще на японской службѣ иностранцы инструкторы были уволены.

**) Замѣтимъ кстати, что японскій генеральный штабъ издалъ превосходныя топографическія карты Кореи, которыя оказали большія услуги въ 1894—1895 г.

запасныхъ войскъ. Дѣйствующія войска слагаются изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи (полевой и крѣпостной), саперныхъ и обозныхъ войскъ. Всего въ дѣйствующихъ войскахъ насчитывается:

	Число	Численный составъ въ тысяч. людей въ мирное время	въ военное время
Пѣхотныхъ батальоновъ	156	88	147
Эскадроновъ кавалеріи	55	8,5	9,5
Батарей полевыхъ и горн. арт.	117	13,3	13,3
Крѣп. артилл. батальоновъ	23	11,5	11,5
Саперныхъ	13	5,4	7,7
Желѣзнодорожныхъ батальоновъ	1	—	—
Телеграфн. учебн. батальоновъ	1	—	—
Воздухоплават. отдѣленіе	1	—	—
Обозныхъ батальоновъ	13	8	8
	Всего	134,7	197,0

Запасныя войска, которыя въ военное время входятъ въ составъ постоянной арміи, предназначаются для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ; въ мирное время кадровъ не имѣютъ, въ военное же формируются изъ людей запаса и рекрутскаго резерва (въ который зачисляется ежегодно часть излишка призывныхъ), по слѣдующему разсчету: на полкъ пѣхоты—батальонъ, кавалеріи—эскадронъ, артиллеріи—батарея, инженерный и обозный батальонъ—рота. Всего запасныхъ войскъ должно быть 52 бат., 17 эск., 19 батарей, 13 инженерныхъ и 13 обозныхъ ротъ; общею численностью свыше 34,5 тыс. чел.

Съ запасными войсками численность постоянной арміи достигаетъ 231,5 тыс. чел.

Территоріальная армія формируется при мобилизаціи изъ людей, окончившихъ уже службу въ арміи и запасѣ, и предназначается для обороны предѣловъ государства, замѣщенія или усиленія войскъ постоянной арміи. Число частей территоріальной арміи предположительно опредѣляется по разсчету—4 двухбатальонныхъ пѣх. полковъ, 2 эскадроновъ, 1 четырехбатарейнаго артил. полка на дивизію. Всего въ территоріальной арміи 52 полка (104 бат.), 26 эскадр., 13 арт. п. (52 батар.), соединяемыхъ въ дивизіи, соотвѣтственно таковымъ въ постоянной арміи. Численность ея должна быть около 121,7 тыс. чел.

Народное ополченіе обнимаетъ всѣхъ лицъ въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, способныхъ носить оружіе, не числящихся въ другихъ разрядахъ арміи. Милиція образуется для обороны нѣкоторыхъ мелкихъ острововъ (Ріу-Кіу, Гото) собственными средствами, пополняется охотниками и состоитъ преимущественно изъ пѣшихъ командъ; только на Цусимѣ въ составѣ ея, кромѣ батальона, имѣются эскадронъ и горная батарея.

Въ мирное время дивизія, которою командуетъ генералъ-лейтенантъ, составляетъ высшую административную единицу. Въ военное время дивизіи соединяются въ арміи. Предназначаемые къ командованію этими арміями маршалы занимаютъ должности въ родѣ инспекторовъ арміи, но не имѣютъ опредѣленныхъ районовъ, а каждый разъ получаютъ спеціальныя порученія отъ императора. Дивизія мирнаго времени состоитъ изъ 2 бригадъ пѣхоты, по 2 полка, по 3 батальона въ 4 роты; 1 кавалерійскаго полка въ 3 эскадрона; 1 артиллерійскаго полка въ 2 дивизіона, по 3 шести-орудійныхъ батареи и изъ одного сапернаго и одного обознаго батальоновъ. Кромѣ того, къ гвардейской и 1-й дивизіямъ придано по 1 кавалерійской бригадѣ въ 2 пяти-эскадронныхъ полка и по артиллерійской бригадѣ въ 3 полка, по 2 дивизіона въ 3 батареи. Роль кавалеріи этой соотвѣтствуетъ роли отдѣльныхъ дивизій въ европейскихъ арміяхъ, причемъ 5-е эскадроны остаются дома въ видѣ запасныхъ. Артиллерія же должна составить армейскую артиллерію. Въ военное время къ каждой дивизіи придаются: 2 мостовыхъ парка, 1 санитарный отрядъ, 5—7 муниціонныхъ колоннъ (4 пѣхотныхъ), 4 провіантскихъ колонны, 1 обозный батальонъ, повидимому, 2-ротнаго состава, 6 полевыхъ лазаретовъ и 1 телеграфное отдѣленіе. Составъ дивизіи въ круглыхъ цифрахъ—14.000 чел., всѣхъ же дивизій 13, изъ коихъ 1 гвардейская. Численный составъ отдѣльныхъ частей виденъ изъ слѣдующей таблицы.

	Мирнаго врем.	Воен. врем.
Рота	156	217 ружей.
Экадронъ	140	120 лош.
Полев. батарея	128	150 чел. и 112 лош.
Саперн. рота	170	220 чел.
Крѣпостн рота	135	?

Пѣхота вооружена такъ называемымъ ружьемъ 30-го года (эры Мейджи) калибръ 6_5 мм.; солдатъ носитъ на себѣ 24 обоймы по 5 патроновъ каждая; прицѣлъ—2.800 шаг., вѣсъ ружья съ короткимъ штыкомъ, по однимъ свѣдѣніямъ—10 фун., по другимъ, позднѣйшимъ—12. Кавалерія и обозные вооружены карабиномъ съ прицѣломъ до 2.000 шаг. и саблями; гвардейская кавалерія имѣетъ и пики. 4 артиллерійскихъ бригады и одинъ дивизіонъ бригады, стоящей на островѣ Іессо, вооружены горными орудіями; остальныя—полевыми, съ пружиннымъ сошникомъ, но безъ отката по лафету. Какъ горное, такъ и полевое орудія—калибра 7_5 сантим. Пулеметы заведены, но отдѣльныхъ командъ въ мирное время до сихъ поръ не было.

Армія пополняется путемъ всеобщей воинской повинности, которою обязаны всѣ лица въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ. Для лицъ съ

извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, для народныхъ учителей и пр. установлены широкія льготы по отбыванію воинской повинности. Особыя правила облегчаютъ молодымъ людямъ пребываніе за границей: всякій отправляющійся туда получаетъ отсрочку до 32-лѣтняго возраста и затѣмъ переходитъ уже прямо въ ополченіе; кто вернется на родину раньше, тотъ обязанъ немедленно явиться на службу.

Вся служба раздѣляется на четыре отдѣльныхъ вида: служба дѣйствительная, запасъ 1 призыва (запасныя войска), запасъ 2 призыва (территоріальная армія) и ополченіе. Такъ какъ число призывныхъ обыкновенно значительно превосходитъ потребность въ рекрутахъ, то ежегодно происходитъ жеребьевка. Ежегодно на службу принимается по жребію около 60 тыс. чел. Сверхъ того, всякое лицо, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, способное носить оружіе и не принадлежащее ни къ дѣйствующимъ войскамъ, ни къ запасу, зачисляется въ ополченіе. Дѣйствительная служба начинается по достиженіи 21 года; отъ 17 и до 21 года можно записаться въ вольноопредѣляющіеся, которые обыкновенно предъ окончаніемъ службы сдаютъ экзаменъ на офицера запаса.

Вступившій на дѣйствительную службу остается тамъ 3 года (во флотѣ 4 года), затѣмъ переходитъ въ первый запасъ, далѣе черезъ $4^1/_3$ года—во второй и черезъ 5 лѣтъ—въ ополченіе. Ежегодно оба запаса могутъ быть призваны для отбыванія лагернаго сбора на 2 мѣсяца. Офицеры, вышедшіе въ запасъ по правиламъ о предѣльномъ возрастѣ, т.-е. поручики старше 46 лѣтъ, капитаны старше 48 и маіоры старше 50 лѣтъ, приписываются къ запасу второго призыва, а офицеры, вышедшіе въ запасъ до предѣльнаго возраста, приписываются къ первому призыву. Ополченіе состоитъ въ Японіи изъ двухъ частей. Въ составъ первой части входятъ люди между 20 и 40 годами, окончившіе свой срокъ состоянія въ запасѣ; они, слѣдов., представляютъ собою обученный военному дѣлу контингентъ. Вторая часть ополченія, также въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, состоитъ изъ людей, совершенно не обученныхъ военному дѣлу.

По общимъ отзывамъ, при мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ Японіи, можетъ оказаться недочетъ въ офицерахъ. Въ концѣ 1903 г., т.-е. наканунѣ войны, въ японской арміи должно было быть 10.273 офицера; а такъ какъ для мобилизованной японской арміи необходимо 12.000 офицеровъ, то недостатокъ офицеровъ въ 1.800 чел. былъ пополненъ усиленнымъ выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній и производствомъ зауряд-офицеровъ изъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ.

Военно-учебное заведеніе, выпускающее молодыхъ офицеровъ, называется «школою подпрапорщиковъ». Принимаются въ учи лище

по конкурсному экзамену нижніе чины по прослуженіи года въ строю, а безъ экзамена — кадеты токійскаго корпуса, отбывшіе лагерный сборъ при войскахъ. Ихъ по окончаніи корпуса, въ концѣ мая, опредѣляютъ въ полки, откуда, въ концѣ осени, посылаютъ въ училище. Курсъ въ училищѣ одинъ годъ; преподаются однѣ военныя науки; строевыхъ занятій почти нѣтъ; по спеціальностямъ юнкера не дѣлятся; кавалеристы, артиллеристы и саперы доучиваются своей спеціальности уже въ офицерскомъ званіи. Независимо отъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ школы подпрапорщиковъ, существуетъ еще въ Японіи низшій чинъ—т о к у м ъ - с о ч о (старшій фельдфебель), который считается по рангу офицерскимъ, но для дальнѣйшаго движенія по службѣ требуется сдача особаго экзамена. Правомъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ, кромѣ токумъ-сочо, пользуются фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры, которые получаютъ званіе офицеровъ запаса. Пробывъ же офицеромъ запаса зиму, а затѣмъ отбывъ лагерный сборъ, можно проситься о переводѣ офицеромъ же въ дѣйствующую армію. Въ 1903 г. японцы, такимъ образомъ, испекли 444 офицера: 72 изъ токумъ-сочей, а остальныхъ изъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей.

Въ конечномъ итогѣ японская армія насчитываетъ въ военное время около 355.000 чел. (по другимъ исчисленіямъ 387.400 чел.) и 100.000 лошадей. Населеніе Японіи составляетъ въ настоящее время около 50 милл., и по сравненію съ арміями главныхъ европейскихъ государствъ боевая численность японскаго войска даже въ полмилліона врядъ ли оправдывало бы утвержденіе, что Японія можетъ посредствомъ него стать преобладающимъ въ Азіи военнымъ государствомъ. Въ концѣ XVI вѣка, когда Японія дѣйствительно была близка къ тому, чтобы покорить весь Китай, войско японское было неизмѣримо больше относительно общей численности населенія. Во время корейской экспедиціи Хидеёси населеніе Японіи врядъ ли превосходило 20 милл., и, тѣмъ не менѣе, вторгнувшееся въ Корею войско достигало 300.000 чел. Въ ту эпоху Японія несомнѣнно располагала самымъ большимъ войскомъ въ мірѣ. Далѣе въ 1615 г., во время второй осады Осаки, участвовало около 400.000 человѣкъ, хотя этимъ несомнѣнно не исчерпывались боевыя силы Японіи. Обращаясь къ недавнему времени, необходимо также отмѣтить, что до 1873 г., когда Японія приступила къ реформамъ, составъ ея войска значительно превосходилъ нынѣшній.

Тактика японскихъ армій.

Въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1904 г. капитанъ генеральнаго штаба Симанскій, изучивъ дѣйствія японской арміи какъ

въ войнахъ 1894 и 1900 г., такъ и на маневрахъ, находитъ основными ея элементами: патріотизмъ, преданность государю, презрѣніе къ смерти, храбрость, порывъ и воспламеняемость южанина, удивительная точность въ работѣ и, наконецъ, отсутствіе сообразительности, отсюда растерянность при всякой неожиданности. Въ конечномъ результатѣ японецъ является опытнымъ и опаснымъ бойцомъ, которымъ, однако, не всегда умѣетъ распорядиться надлежащимъ образомъ высшее его начальство. Ххарактерныя черты японскихъ начальниковъ, проявившіяся въ минувшихъ войнахъ 1895 и 1900 гг., заключаются, между прочимъ, въ самомнѣніи и предвзятости идей. Французскій генералъ Фрей, участникъ послѣдняго похода, говоритъ, что японскій военачальникъ основываетъ свои разсчеты при созданіи плана атаки на томъ, что непріятель стоитъ тамъ-то и тамъ-то и не сойдетъ со своей позиціи. Къ тому же японскіе командиры обречены на предвзятость идей уже своимъ безсиліемъ ознакомиться съ ближайшими по времени условіями обстановки, что вызывается отсутствіемъ у нихъ хорошей многочисленной конницы.

Лучшимъ родомъ оружія въ японской арміи, несомнѣнно, является пѣхота, гдѣ одиночные люди отличаются прекрасной выучкой, ловкостью и стройностью движеній... Уставы усвоены очень хорошо. Начальствующіе нижніе чины расторопны и свѣдущи. Много хуже поставлено лишь стрѣлковое дѣло. Качество стрѣльбы японцы стараются, впрочемъ, замѣнить количествомъ и прибѣгаютъ, не жалѣя патроновъ, къ обстрѣливанію площадей. Такъ, въ бою подъ Тюренченомъ они захватили въ сферу своего огня столь обширную площадь, что шальными пулями было убито у насъ нѣсколько человѣкъ даже въ отдаленныхъ резервахъ. Идя въ бой налегкѣ, пѣхота эта имѣетъ возможность уклоняться не только отъ нашего штыка, но даже отъ нашихъ залповъ. «Достаточно намъ только двумя-тремя залпами пристрѣляться, какъ моментально японцы убѣгаютъ съ этого мѣста и какъ козы бѣгаютъ по горамъ,—иди за ними, угоняйся»,—разсказываетъ, по словамъ военныхъ корресподентовъ, одинъ изъ нашихъ ротныхъ командировъ. Сами же японцы съ мѣста открываютъ огонь пачками, т.-е. бѣглый огонь, и обстрѣливаютъ цѣлыя площади.

Боевой порядокъ пѣхоты состоитъ изъ густой цѣпи стрѣлковъ, очень близко идущихъ сзади поддержекъ, и общаго резерва, который расходуется очень быстро.

Такой порядокъ можетъ быть объясненъ стремленіемъ использовать съ самаго начала силу ружейнаго огня (въ турецкую кампанію въ нѣкоторыхъ дѣлахъ у насъ въ цѣпи находилось не болѣе $^1/_4$ всего состава; остальные составляли резервы, т.-е. $^3/_4$ ружей не стрѣляло), а также большою самоувѣренностью.

Обозы у японцевъ огромны. При несовершенствѣ корейскихъ дорогъ организація транспортировки обоза для арміи представлялась дѣломъ сложнымъ—для болѣе тяжелыхъ грузовъ употреблялись 2-колески (грузилось на нихъ до 500 фунтовъ), а движущею силою являлись кули по-трое, которые впрягались въ лямки. Болѣе тяжелые грузы (до 30 пуд.) перевозились въ телѣжкахъ на быкахъ. Независимо отъ корейскихъ кулієвъ, при каждой дивизіи состоитъ для услугъ и подмоги активнымъ войскамъ 5500 японскихъ кулієвъ, не считая обозныхъ при дивизіонномъ обозѣ.

Въ виду всего этого японскія войска въ большихъ массахъ двигаются очень медленно (около 14 верстъ въ сутки). При этомъ японская армія, за отсутствіемъ у нея порядочной конницы, составляющей глаза и уши каждаго военнаго отряда, могла бы считаться, до извѣстной степени, слѣпою и глухою, еслибъ отсутствіе крупныхъ кавалерійскихъ развѣдокъ не возмѣщалось, отчасти, тщательно развитою системою шпіонства. Въ текущую войну система шпіонства оказывается особенно дѣйствительной уже потому, что китайцы больше тяготѣютъ къ Японіи, чѣмъ къ Россіи, представительницѣ «бѣлыхъ иноземныхъ чертей». Кромѣ того, русскимъ трудно отличить переодѣтаго японца въ массѣ желтокожихъ обитателей Маньчжуріи. Надо принять, однако, во вниманіе, что обстановка на войнѣ мѣняется ежеминутно, а потому свѣдѣнія, доставленныя шпіономъ, могутъ оказаться устарѣвшими. Не провѣривъ ихъ свѣжими развѣдками конницы, можно внести въ свои дѣйствія полную предвзятость и получить роковое несоотвѣтствіе между предположеннымъ рѣшеніемъ и дѣйствительною обстановкою.

Впрочемъ, при современномъ дальнобойномъ оружіи развѣдочная роль кавалеріи сильно умалилась. Кавалерія не можетъ подходить теперь почти вплотную къ непріятельскимъ позиціямъ, а должна держаться на почтительной дистанціи въ 2—3 версты: на такомъ разстояніи трудно оріентироваться сколько-нибудь точно въ расположеніи и численности непріятеля.

Какъ бы ни было, японская кавалерія въ случаѣ столкновенія съ нашей конницей жмется къ своей пѣхотѣ.

Вслѣдствіе ненадежности кавалеріи при расположеніи японскихъ войскъ на отдыхъ, ближе всего къ непріятелю размѣщается пѣхота, за ней артиллерія, а позади ихъ уже кавалерія и обозы.

За невозможностью пользоваться конницей для развѣдочной службы, японцы давно уже задались цѣлью производить рекогносцировки съ воздушныхъ шаровъ. Японцы дѣятельно слѣдили за успѣхами этого дѣла въ Европѣ и уже въ 1890 г. пріобрѣли во Франціи воздухоплавательный паркъ съ шаровой оболочкой въ 370 куб. метровъ.

Лакъ французской фирмы не выдержалъ, однако, высокой температуры японскаго лѣта, и оболочка эта скоро испортилась, но, по слухамъ, японцы изобрѣли въ 1899 году особый лакъ, не страдающій отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, и построили изъ собственнаго шелка довольно устойчивый военный шаръ удлиненной формы. Повидимому, они пользовались услугами такого шара въ бою подъ Тюренченомъ.

Недостаточность конницы заставляетъ японцевъ выдвигать на походѣ въ виду непріятеля авангардъ далеко впередъ, чтобы надежнѣе охранить главныя силы отъ неожиданныхъ случайностей.

Относительно способности японскихъ вождей уяснить себѣ цѣль боя не имѣется до сихъ поръ никакихъ фактическихъ данныхъ. Въ войну 1894—1895 г., какъ и въ началѣ нынѣшней кампаніи, почти всѣ бои являлись для японцевъ преднамѣренными и весьма простыми по основной своей цѣли. Случайныхъ встрѣчъ съ противникомъ въ крупныхъ силахъ совсѣмъ не было, не было и сраженій, способныхъ, независимо отъ воли одной изъ сторонъ, нарушить гармоническій ходъ задуманной и выполняемой операціи. Между тѣмъ, только въ такихъ сраженіяхъ и можно прослѣдить, насколько умѣютъ главнокомандующіе выяснить себѣ цѣль боя.

Японскіе генералы, пользуясь тѣмъ, что русскіе ведутъ пока еще оборонительную войну, имѣютъ возможность составлять диспозиціи къ сраженіямъ по классическимъ образцамъ. Такъ, въ боѣ 2 іюня у Вафангоу маршалъ Оку скопировалъ, поскольку это оказалось для него возможнымъ, распоряженія Наполеона въ битвѣ подъ Аустерлицемъ. Задерживая на правомъ своемъ флангѣ всего лишь восмью батальонами натискъ пяти полковъ генерала Гернгросса, Оку направилъ цѣлую дивизію и свыше ста орудій противъ нашего центра, занятаго лишь однимъ 4-мъ стрѣлковымъ полкомъ, и послалъ въ обходъ нашего праваго фланга, состоявшаго всего лишь изъ 18 батальоновъ, двѣ дивизіи съ пятьюдесятью орудіями. Прорвавъ нашъ центръ, японцы зашли въ тылъ войскамъ генерала Гернгросса, которому пришлось тогда отступить. Копія аустерлицкаго сраженія была во всѣхъ своихъ деталяхъ выполнена сходно съ оригиналомъ, но, вмѣсто ожидаемой блестящей побѣды, маршалъ Оку, имѣвшій дѣло съ закаленными въ бояхъ сибирскими ветеранами, долженъ былъ удовлетвориться занятіемъ поля битвы и захватомъ тринадцати подбитыхъ пушекъ.

Генералъ Куроки въ битвѣ при Ялу 18 апрѣля располагалъ тоже значительнымъ превосходствомъ силъ, а потому имѣлъ возможность составить и выполнить такую же классическую диспозицію для боя. Онъ обошелъ нашъ лѣвый флангъ превосходными силами двухъ дивизій и прорвалъ центръ дивизіей пѣхоты подъ прикрытіемъ подавляющаго огня 72 полевыхъ и 12 осадныхъ орудій. Конечный результатъ сра-

женій 18 апрѣля и 2 іюня выразился одинаково—нашъ лѣвый флангъ (ген. Кашталинскій на Ялу и ген. Гернгроссъ у Вафангоу) былъ окруженъ японцами. И только несравненное мужество нашихъ войскъ позволило съ честью выйти изъ тяжелаго положенія, въ какомъ очутились ген. Кашталинскій и ген. Гернгроссъ.

Въ обоихъ только-что упомянутыхъ бояхъ, а также и въ дѣлѣ при Цзин-чжоу, выяснилось, что японцы сразу пускали въ ходъ всѣ наличныя свои силы (то же самое они продѣлывали и въ войнѣ съ китайцами). Отсутствіе общаго резерва, наличность котораго одна только и позволяетъ главнокомандующему сохранять какое-нибудь вліяніе на ходъ боя, можетъ вызвать катастрофу. Если при атакѣ были введены въ дѣло всѣ частные резервы, и, тѣмъ не менѣе, нападеніе было отбито, то при отсутствіи общаго резерва нечѣмъ будетъ прикрыть отступленія, которое, чего добраго, превратится тогда въ бѣгство. До сихъ поръ японцы оставались только въ барышахъ оттого, что не отдѣляли части войска въ общій резервъ, но если ихъ арміи придется при такихъ условіяхъ понести пораженіе, то оно окажется, при отсутствіи общаго резерва, рѣшительнымъ и безповоротнымъ.

Къ нечаяннымъ нападеніямъ японцы прибѣгали и прибѣгаютъ часто, обнаруживая склонность производить нѣкоторыя военныя дѣйствія по ночамъ. Партизанскихъ дѣйствій они, разумѣется, не предпринимаютъ, потому что у нихъ нѣтъ и главнаго орудія для такихъ дѣйствій, а именно лихой многочисленной конницы.

Вообще же знакомство съ японскою тактикою приводитъ къ тому выводу, что она не представляетъ собою ничего оригинальнаго, особенности въ ней имѣютъ исключительно только характеръ недочетовъ, а не какихъ-либо новыхъ пріемовъ, способныхъ озадачить противника и приковать побѣду къ японскимъ знаменамъ.

Военный флотъ.

Главное управленіе японскимъ военнымъ флотомъ находится въ Токіо; административною его частью завѣдуетъ морское министерство, а строевою—командиръ флота, назначаемый императоромъ изъ числа адмираловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ.

Островное положеніе Японіи побудило правительство микадо не останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы обзавестись первоклассными боевыми судами, собственными верфями, доками и арсеналами.

Все японское прибрежье раздѣлено на пять морскихъ округовъ, управленія которыхъ, вмѣстѣ съ доками, арсеналами и казармами для

морскихъ экипажей, помѣщается въ военныхъ портахъ Іокосуко, Куре, Сасебо, Майсури и Муроранъ (послѣдній еще не вполнѣ оборудованъ).

Іокосуко, лежащій недалеко отъ Іокогамы, имѣетъ большіе доки и верфи; всѣ починки могутъ быть производимы въ докахъ; самый большой изъ нихъ имѣетъ длину въ 735 футовъ, а мастерскія поставляютъ оружіе и предметы снаряженія; тамъ постоянно работаютъ на верфяхъ 3500 чел. Такое же крупное значеніе имѣетъ Куре, близъ Хирошимы, съ двумя доками, литейной для пушекъ, броневымъ заводомъ и различными эллингами. Въ Куре строятся линейные броненосцы въ 15.000 тоннъ водоизмѣщенія, а число постоянныхъ рабочихъ доходитъ до 4.000. Сасебо находится на полупути между Нагасаки и Симоносеки и можетъ укрыть въ своей гавани сильную эскадру; портъ имѣетъ большіе склады угля, провіанта и предметовъ снаряженія, котельные и машиностроительные заводы, докъ длиною въ 430 футовъ. Въ Сасебо состоитъ въ арсеналѣ и на верфяхъ около 3.500 рабочихъ, занимающихся преимущественно постройкою миноносцевъ. Майсури лежитъ на западномъ берегу и не достигъ еще пока значительнаго развитія. Это обиліе опорныхъ пунктовъ, гдѣ флотъ можетъ находить все необходимое для пополненія запасовъ и для починокъ, имѣетъ нынѣ для Японіи весьма важное значеніе.

Въ спискахъ японскаго флота числились въ 1902 г. 2 адмирала, 9 вице-адмираловъ, 25 контръ-адмираловъ, 65 капитановъ 1 ранга, 119 капитановъ 2 ранга, 167 капитанъ-лейтенантовъ, 220 старшихъ и 305 младшихъ лейтенантовъ (мичмановъ), 232 инженера, 275 врачей, 235 казначеевъ, 90 инженеровъ строителей и топографовъ, 31.688 матросовъ, канонировъ, боцмановъ, фейерверкеровъ и т. п.; всего же въ общей сложности 35.355 офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа въ мирное время на дѣйствительной службѣ состояло 24.565 человѣкъ. Офицеры берутся изъ морскихъ кадетскихъ корпусовъ, и обученіе ихъ ведется согласно принципамъ англійскаго флота; для высшаго образованія служатъ морская академія въ Токіо, также какъ артиллерійскія и минныя школы. Инженерный корпусъ пополняется воспитанниками школы въ Іокосуко.

Военный флотъ Японіи, состоявшій въ 1894 г. изъ 43 судовъ, общею вмѣстимостью въ 78.000 тоннъ, къ началу 1904 г. возросъ до 168 судовъ въ 265.000 тоннъ общаго водоизмѣщенія. Въ частности имѣлось: 6 эскадренныхъ броненосцевъ, 2 броненосца береговой обороны, 6 броненосныхъ крейсеровъ, 9 бронепалубныхъ крейсеровъ перваго класса и 7 второго класса, 19 контръ-миноносцевъ (истребителей) и 85 миноносокъ. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны этотъ составъ пополнился покупкою двухъ броненосныхъ крейсеровъ, «Кассуга» и «Ниссинъ». Въ качествѣ вспомогательныхъ крейсеровъ при-

влекаются въ военное время пароходы общества «Ниппонъ-Юссенъ-Каиса» и другихъ субсидируемыхъ компаній.

Списокъ японскихъ броненосцевъ и крейсеровъ *).

Звѣздочкою означены суда, безвозвратно погибшія до 20 іюня 1904 г.

Разрядъ.	Наименованіе.	Спущенъ на воду.	Водоизмѣщеніе въ тоннахъ.	Толщина брони въ дюймахъ.	Торпедныхъ трубъ.	Номинальная сила машинъ.	Скорость хода въ узлахъ.	Вооруженіе.
э. б.	Ясима . . .	1896	12517	18	5	13687	18	4-12″*сп*; 10-6″*сп.*; 16 *мсп.*
э. б.	Фуджи . . .	1896	12649	18	5	13687	18	4-12″*сп*; 10-6″*сп.*; 16 *мсп.*
э. б.	Сикисима . .	1898	15088	9	5	14700	18	4—12″*сп.*; 14—6″*сп.*; 20 *мсп.* (Сикисима—Хацусе)
э. б.	Азахи	1899	15443	9	4	15207	18	
э. б.	Миказа . .	1900	15362	9	4	15207	18	
э. б.	*Хацусе . . .	1899	15240	9	4	14700	18	
б. к.	Токива . . .	1898	9855	7	5	18248	22	4—8″*сп.*; 14—6″*сп.*; 12 *мсп.* (Токива—Ивате)
б. к.	Азама	1898	9855	7	5	18248	22	
б. к.	Ицумо . . .	1899	9906	7	4	14700	21	
б. к.	Ивате . . .	—	9906	7	4	14700	21	
б. к.	Якумо . . .	1899	9800	7	5	15500	20	4—8″*сп.*; 12—6″*сп.*; 12—3″*сп.* (Якумо—Ацума)
б. к.	Ацума . . .	1899	9456	7	5	16600	20	
б. к.	Кассуга . . .	—	—	—	—	—	—	
б. к.	Ниссинъ. . .	—	—	—	—	—	—	
бп. к.	Акицусима .	1892	3172	—	4	8516	19	4—6″*сп.*; 6—4,7″*сп.*
бп. к.	Хасидате . .	1891	4278	—	4	5400	16	1-12,5″*сп.*; 11-4,7″*сп.* (Хасидате—Ицукусима)
бп. к.	Ицукусима .	1889	4278	—	4	5400	16	
бп. к.	Мацусима . .	1890	4278	—	4	5400	16	1-12,5″*сп.*; 12-4,7″*сп.*
бп. к.	Нанива . .	1885	3709	—	4	7604	18	2—10,2″*сп.*; 6—6″*сп.* (Нанива—Такахихо)
бп. к.	*Такахихо . .	1885	3709	—	4	7604	18	
бп. к.	*Іосино . . .	1892	4225	—	5	15957	23	4—6″*сп.*; 8—4,7″*сп.*
бп. к.	Хитозе . . .	1898	4836	—	5	15714	23	2—8″*сп*; 10-4,7″*сп.*; 12—3″*сп.* (Хитозе—Тагазаго)
бп. к.	Казаги . . .	1898	4978	—	5	17235	23	
бп. к.	Тагазаго . .	1897	4227	—	5	15957	23	
бп. к.	Ицуми . . .	1883	2967	—	—	5576	17	2—10″*сп.*; 6—4,7″*сп.*
бп. к.	Сума	1895	2700	—	2	8500	20	2—6″*сп*; 6—4,7″*сп.*
бп. к.	Акаси	1897	2800	—	2	8000	20	2—6″*сп.*; 6—4,7″*сп.*
бп. к.	Хійода . . .	1890	2439	4½	3	5678	19	10-4,7″*сп.*; 14 *мсп.*
бп. к.	Нійтака . . .	—	3400	—	—	9000	20	6—6″*сп.*; 8—3″*сп.* (Нійтака—Цусима)
бп. к.	Цусима . . .	—	3400	—	—	9000	20	

*) Означенія сокращеній: *э. б.* — эскадренный броненосецъ; *б. к.*—броненосный крейсеръ; *бп. к.* — бронепалубный крейсеръ; *сп.* — скорострѣльныя пушки; *мсп.*—малокалиберныя скорострѣльныя пушки.

Народное образованіе въ Японіи.

Д. М. БУРОВА.

Въ Японіи образованіе всегда было довольно широко распространено, и въ прежнія времена благами его пользовались не только высшіе классы, но и большинство народа. По содержанію своему оно примыкало къ китайскому.

Современная система народнаго образованія въ Японіи, которая многократно подвергалась измѣненіямъ, но всегда направлялась прежде всего къ упроченію существующаго государственнаго строя, сложилась подъ преимущественнымъ вліяніемъ сначала американскихъ, а затѣмъ германскихъ образцовъ. Начало положено ей манифестомъ 1872 г., въ которомъ молодой микадо объявлялъ: «Мы желали бы, чтобы отнынѣ образованіе и просвѣщеніе такъ широко распространились въ странѣ, чтобы во всей монархіи не нашлось ни одной деревни съ безграмотною семьею и ни одной семьи съ безграмотными членами». Осуществленіе этой благородной задачи встрѣчаетъ, однако, препятствія въ недостаткѣ средствъ. Правительство не въ состояніи содержать необходимое число школъ, субсидіи выдаетъ крайне ограниченныя; образованный изъ суммъ китайской контрибуціи особый просвѣтительный фондъ въ 10 милл. іенъ совершенно недостаточенъ. Правда, мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ предоставлено устанавливать особые школьные налоги, но это мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ населеніе и безъ того обременено налогами. Многія общины ограничиваются поэтому самыми незначительными субсидіями, при которыхъ не можетъ быть достаточнаго числа школъ. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не достигаетъ и 7 милл. іенъ, а всего расходуется въ Японіи на дѣло народнаго образованія около $15^1/_2$ милл. іенъ. По недостатку средствъ ограничивается число учителей (на 1 учителя приходится въ среднемъ 5 учениковъ), а содержаніе учителей низводится прямо до нищенскаго размѣра: въ начальныхъ училищахъ среднее мѣсячное жалованье учителя—$9^1/_2$ іенъ, а нѣкоторые получаютъ даже только $3^1/_2$ іена. Самое высокое жалованье, на какое можетъ разсчитывать профессоръ университета,—1.200 іенъ.

Существуетъ въ Японіи законъ, обязывающій всѣхъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ посѣщать школу, но законъ этотъ до сихъ поръ не вы-

полнимъ. Обязательное обученіе не остается мертвою буквою при томъ условіи, если оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровое; въ Японіи же оно обходится родителямъ, на японскую мѣрку, очень дорого (въ начальныхъ школахъ плата—62 сена въ мѣсяцъ). Школы содержатся, главнымъ образомъ, на счетъ платы, и причинами, по которымъ училищные совѣты, обязанные наблюдать, чтобы всѣ дѣти посѣщали школу, могутъ освободить отъ посѣщенія школы, считаются болѣзнь и бѣдность.

Слабою стороною организаціи народнаго образованія въ Японіи является и стѣсненіе общественной иниціативы. Хотя содержаніе школъ почти цѣликомъ отнесено на средства кеновъ и общинъ (правительство содержитъ лишь высшія учебныя заведенія), и хотя въ каждомъ кенѣ и въ каждой общинѣ имѣются выборные училищные совѣты, тѣмъ не менѣе, все, начиная отъ правилъ школьнаго порядка и кончая утвержденіемъ учителей, ведется не иначе, какъ по указаніямъ министерства и мѣстной администраціи въ лицѣ губернаторовъ. Это всему образованію придаетъ особый бюрократическій отпечатокъ, что едва ли соотвѣтствуетъ истиннымъ задачамъ просвѣщенія.

Что результаты правительственныхъ стремленій насадить въ странѣ образованіе вообще гораздо менѣе значительны, чѣмъ это можетъ представляться по отчетамъ и статистическимъ даннымъ, слѣдуетъ заключить еще изъ того, что въ Японіи пока очень мало сдѣлано для послѣшкольнаго обученія, которое теперь справедливо признается лучшимъ показателемъ того, насколько скромныя начала образованія, заложенныя въ элементарной школѣ, утвердились въ жизни, а не испаряются съ выходомъ изъ школы.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній можемъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ учебныхъ заведеній.

Въ 1901 г. въ Японіи насчитывалось:

	Число школъ	Число учащихъ	Число учащихся
Дѣтскихъ садовъ	242	599	23.142
Начальныхъ школъ	26.857	92.899	4.683.598
Среднихъ школъ	220	3.866	79.527
Среднихъ школъ высшихъ	8	292	4.361
Среднихъ школъ женскихъ	52	657	12.003
Нормальныхъ школъ	52	958	15.639
Нормальныхъ школъ высшихъ	2	129	860
Профессіональныхъ школъ	375	3.647	49.679
Различныхъ учебныхъ заведеній	1.328	4.419	85.562
Университетовъ	2	339	3.613
Итого	29.183	107.805	4.958.014
въ 1897 г. было	28.458	87.853	4.168.717
» 1893 » »	25.594	68.380	3.435.790

Дѣтскіе сады, которые подготовляютъ къ начальной школѣ, и въ которыхъ занятія ведутся по фребелевской системѣ, вызваны къ жизни бытовыми особенностями Японіи. Въ до-реформенное время населеніе привыкло посылать дѣтей въ школу съ очень ранняго возраста, что вредно отражалось на ихъ здоровьѣ. Прямое запрещеніе принимать дѣтей въ начальныя школы ранѣе установленнаго возраста въ 6 лѣтъ не достигало цѣли и шло въ разрѣзъ съ установившимся обычаемъ. Поэтому пришли къ мысли основать общественные дѣтскіе сады, но развитіе этого дѣла встрѣчаетъ препятствія въ недостаткѣ подготовленныхъ учительницъ.

Начальныя школы — общія для мальчиковъ и дѣвочекъ. Занятія ведутся ежедневно въ теченіе 3—5 часовъ, за исключеніемъ воскресеній. Занятія должны продолжаться не менѣе 32 недѣль въ году, и каждый ребенокъ долженъ посѣщать школу не менѣе 16 недѣль. Посѣщаемость школъ постепенно повышается: въ 1885 г. только $49,_{82}$% дѣтей установленнаго возраста ходили въ школу; въ 1895 г. этотъ процентъ увеличился до $88,_{05}$. Дѣвочки чаще уклоняются отъ посѣщенія школы, нежели мальчики: для первыхъ процентъ посѣщаемости составлялъ $93,_{78}$%, для вторыхъ только $81,_{80}$%. Процентъ населенія, посѣщающій начальную школу, составляетъ въ Японіи 11%, меньше, чѣмъ во Франціи ($14,_{15}$%), Великобританіи (15%) и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ ($20,_{4}$%), но значительно больше, чѣмъ въ Россіи (около 3%).

Начальныя школы дѣлятся на два разряда: обыкновенныя и высшія, которыя устраиваются или порознь, или совмѣстно; курсъ тѣхъ и другихъ продолжается по 4 года. Въ обыкновенныхъ школахъ обучаютъ морали, чтенію, письму, счисленію и гимнастикѣ; разрѣшается вводить свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Японіи, рисованіе, пѣніе и ручной трудъ для мальчиковъ, а для дѣвочекъ рукодѣлье. Въ высшихъ школахъ, кромѣ перечисленныхъ предметовъ, входитъ собственно немногое: географія Японіи, физика, рисованіе, какъ обязательный предметъ. Сверхъ того, факультативно могутъ преподаваться элементарная геометрія, иностранные языки, сельское хозяйство и коммерція.

Характерно для японскихъ школъ преподаваніе морали, играющей роль Закона Божія въ нашихъ школахъ. Для школъ изданъ оффиціальный кодексъ нравственности. Введеніемъ къ нему служитъ рѣчь микадо о значеніи образованія. Въ ней императоръ убѣждаетъ своихъ подданныхъ хранить основы гражданственности: взаимную любовь и гармонію. «Будьте хорошими сыновьями по отношенію къ родителямъ, добрыми братьями, вѣрными мужьями и преданными друзьями. Будьте строги къ себѣ и снисходительны къ другимъ. Любите другихъ, какъ самихъ себя. Работайте, учитесь, думайте и развивайте

въ себѣ чувства морали. Воспитывайте въ себѣ духъ общественности. Повинуйтесь всегда нашей конституціи и исполняйте законъ страны». Содержаніе же учебника морали заимствовано изъ древняго кодекса «Бушидо», на которомъ въ былое время воспитывался классъ самураевъ. «Бушидо» указываетъ, какъ долженъ поступать человѣкъ чести. Этотъ кодексъ морали до такой степени націоналенъ, что его называютъ «душой Японіи». По изслѣдованіямъ токійскаго профессора Инацо Нитобе, въ кодексѣ слились четыре ученія. Мы находимъ тутъ прежде всего вліяніе буддизма, который внесъ въ «Бушидо» спокойную вѣру въ судьбу, подчиненіе неизбѣжному, стоицизмъ въ виду опасности и великаго бѣдствія до презрѣнія къ смерти. Затѣмъ на кодексъ оказалъ свое вліяніе синтоизмъ, который внесъ элементы, недостающіе въ буддизмѣ: лояльность, культъ предковъ и сыновнюю почтительность. Синтоизмъ учитъ японцевъ смотрѣть на свою страну не только какъ «на землю, изъ которой добываютъ золото и съ которой снимаютъ урожай», а какъ на мѣстопребываніе праха предковъ. Въ «Бушидо» вошли также ученія Конфуція и Мэнъ-цзы (авторъ послѣдняго изъ четырехъ сочиненій, входящихъ въ составъ конфуціанскаго «Четверокнижія»). Имъ принадлежатъ этическія правила, содержащіяся въ кодексѣ. Во главѣ всѣхъ добродѣтелей ставятся прямота, правдивость и мужество. «Стыдъ—почва, на которой растутъ всѣ добродѣтели», понынѣ поучаетъ Мэнъ-цзы японскихъ юношей. Мужество въ «Бушидо» опредѣляется отрицательно. Рѣзко разграничиваются физическая храбрость и высшее мужество. «Не трудно кинуться въ самую гущу жаркой сѣчи и быть убитымъ въ ней, — говоритъ «Бушидо».—Грубый буянъ можетъ сдѣлать это. Истинное мужество— жить, когда это должно, и умереть, когда это справедливо». «Бушидо» поучаетъ также вѣжливости, т.-е. уваженію къ чужому мнѣнію. Три устоя, на которыхъ держится «Бушидо»,—говоритъ Инацо Нитобе— суть: мудрость, милосердіе, мужество.

Преподавательскій персоналъ для начальныхъ школъ подготовляется въ «нормальныхъ школахъ» (учительскихъ семинаріяхъ). Въ нихъ преобладаетъ мужской элементъ: въ 1902 г. на 13.000 съ лишнимъ мужчинъ приходилось лишь около 2.000 женщинъ. Съ 1890 г. при Педагогическомъ музеѣ въ Токіо существуютъ двѣ высшія нормальныя школы—мужская и женская; въ первой въ 1902 г. было 529 учащихся, во второй—331.

Средняя школа преслѣдуетъ двоякую цѣль: 1) подготовлять къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, 2) подготовлять къ непосредственной практической дѣятельности. Сообразно этому ведется и преподаваніе. Курсъ пятилѣтній. Послѣдній годъ ученія лица, которыя намѣрены ограничить свое образованіе среднею школою

(такихъ до 40% всѣхъ учениковъ), посвящаютъ слушанію дополнительныхъ спеціальныхъ курсовъ—коммерческихъ, ремесленныхъ, сельскохозяйственныхъ. Первенствующее мѣсто въ программѣ средней школы отводится изученію англійскаго языка, которому посвящается даже больше часовъ, чѣмъ японскому. Географія Японіи проходится только въ начальной школѣ, а въ средней замѣняется всеобщею географіею.

Такъ называемыя «Высшія среднія школы» не даютъ высшаго образованія, а служатъ лишь переходомъ отъ среднихъ школъ къ университету. Это—закрытыя учебныя заведенія съ 4-хлѣтнимъ курсомъ; пріемъ производится по конкурснымъ экзаменамъ; учителя, которые именуются профессорами, обязательно должны имѣть университетскій дипломъ. При одной изъ школъ этого типа существуетъ добавочное инженерное отдѣленіе съ 3-хлѣтнимъ курсомъ.

Для средняго женскаго образованія существуютъ высшія школы съ пятилѣтнимъ курсомъ, который, впрочемъ, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ быть сокращенъ на одинъ или два года. Дѣвочки принимаются не моложе 12 лѣтъ и съ подготовкою не ниже второго года высшей начальной школы.

Университетовъ въ Японіи два, въ Токіо и Кіото. Старѣйшій изъ нихъ—въ Токіо—учрежденъ въ 1877 г. Особенность университета заключается въ томъ, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ высшее научное и высшее прикладное образованіе: онъ состоитъ изъ школы высшаго образованія и факультетовъ. Въ первой читаются чистыя науки, во вторыхъ преимущественно прикладныя; всѣхъ факультетовъ шесть: юридическій, медицинскій, инженерный, словесный, физико-математическій и сельскохозяйственный. Юридическій факультетъ раздѣляется на два отдѣленія—отдѣленіе права и отдѣленіе наукъ политико-экономическихъ, точно также и медицинскій факультетъ раздѣляется на отдѣленія — медицинское и фармацевтическое. Курсъ юридическаго и медицинскаго факультета продолжается 4 года, на другихъ же факультетахъ—три. Въ высшей школѣ продолжительность курса опредѣлена въ 5 лѣтъ, причемъ первые два года студенты занимаются на одномъ изъ факультетовъ и только на послѣдніе три года переходятъ въ высшую школу. Число каѳедръ на каждомъ факультетѣ очень велико; такъ, на юридическомъ имѣется 22 каѳедры, на медицинскомъ—23, на инженерномъ—26, на словесномъ — 20, на сельскохозяйственномъ—20, на физико-математическомъ—18. Предметы инженернаго факультета обнимаютъ строительное искусство, машиностроеніе, корабельную архитектуру, электротехнику, прикладную химію, горное дѣло и металлургію. Курсъ словеснаго факультета содержитъ въ себѣ философію, японскую и китайскую литературы, исторію Японіи и исторію всеобщую, филологію, и литературы: англійскую, нѣ-

мецкую и французскую. Профессора дѣлятся на ординарныхъ и адъюнктовъ. За особыя заслуги наукѣ или университету жалуется императоромъ званіе «почетнаго профессора».

Университетъ обставленъ большимъ количествомъ учебно-воспитательныхъ учрежденій. Имѣются госпиталь, клиника, кабинеты, лабораторіи, астрономическая и метеорологическая обсерваторіи, обсерваторія для изслѣдованія землетрясеній (съ примыкающею къ ней сѣтью сейсмологическихъ станцій; см. выше, стр. 5), ботаническій садъ, опытныя поля и фермы, лабораторія для изслѣдованія лѣсныхъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, библіотека, музей.

Во главѣ университета поставленъ ректоръ, который предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ университета. Каждый факультетъ имѣетъ своего декана, который предсѣдательствуетъ въ факультетскомъ совѣтѣ, состоящемъ изъ профессоровъ факультета. Объ университетскомъ самоуправленіи въ примѣненіи къ Японіи можно говорить лишь съ большими ограниченіями: университеты, какъ и всѣ вообще школы, стоятъ подъ строгимъ контролемъ администраціи, и вмѣшательство послѣдней въ дѣло высшаго образованія всегда вызываетъ множество недоразумѣній тѣмъ болѣе, что административныя власти въ научномъ отношеніи весьма часто не стоятъ на высотѣ своего положенія.

Въ токійскомъ университетѣ въ 1902 г. числилось 3.283 студента—число для такого разнообразнаго заведенія и притомъ единственнаго въ странѣ, незначительное. Вообще говоря, число лицъ, получающихъ высшее образованіе, еще очень мало; отчасти это восполняется существованіемъ цѣлаго ряда полувысшихъ техническихъ школъ. Каждый студентъ носитъ четыреугольную шапочку съ золотымъ университетскимъ знакомъ. Молодой человѣкъ, носящій такую шапочку, пользуется въ Японіи большимъ почетомъ. Выдача дипломовъ обставлена большою торжественностью и совершается обыкновенно въ присутствіи самого микадо или кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи, причемъ 20 кандидатамъ, выдержавшимъ экзаменъ съ наибольшимъ отличіемъ, вручаются, отъ имени императора, почетные подарки. Одновременно съ научными занятіями не упускается изъ виду также атлетическій спортъ: гребля, плаваніе, борьба, фехтованіе, игры на открытомъ воздухѣ, стрѣльба изъ лука и т. п. Широко практикуется посылка за границу стипендіатовъ для усовершенствованія въ наукахъ и искусствахъ. Съ 1887 г. установлены двѣ ученыя степени по 9 спеціальностямъ: доктора (хакуси) и великаго доктора (дай-хакуси). Первая степень присуждается факультетомъ или министромъ (послѣднимъ—съ согласія $^2/_3$ факультетскаго совѣта), вторая — совѣтомъ докторовъ. За первыя 10 лѣтъ

по введеніи этихъ степеней степени великаго доктора не удостоился ни одинъ ученый. Японскіе ученые выдвинулись нѣсколькими выдающимися работами въ области естествознанія *), но дѣятельность ихъ въ области гуманитарныхъ наукъ ничтожна. Даже филологія и исторія Японіи получили нѣкоторую научную разработку стараніями профессоровъ-иностранцевъ **), въ родѣ Чемберлена, Астона, Флоренца. Научной разработкѣ японской исторіи мѣшаютъ націоналистическія и шовинистскія воззрѣнія, господствующія въ средѣ туземныхъ ученыхъ. Въ видѣ образцѣ ихъ пріемовъ изслѣдованія приведемъ слѣдующую выдержку изъ лекціи 1898 г. профессора философіи въ токійскомъ университетѣ Инуйе-Тецуджиро (которая, впрочемъ, порицалась всею либеральною печатью):

«Во всѣхъ другихъ странахъ государь вышелъ изъ народа, тогда какъ въ Японіи, напротивъ того, народъ имѣетъ честь происходить отъ государя, который непосредственно происходитъ отъ боговъ... Поэтому, хотя въ другихъ странахъ не безызвѣстны чувства благоговѣйной любви къ родителямъ и къ отчизнѣ, но чувства эти все же не достигаютъ такого высокаго уровня, какъ въ Японіи»...

Кіотскій университетъ состоитъ пока лишь изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и научнаго (соединеннаго съ инженернымъ); на немъ числилось въ 1902 г. всего только 360 студентовъ.

Съ 1901 года открытъ въ Токіо частный женскій университетъ съ приготовительнымъ курсомъ. Въ первый годъ существованія въ немъ было до ста студентокъ, не считая болѣе 400 слушательницъ, поступившихъ на подготовительный курсъ.

Японія обладаетъ еще цѣлою системою профессіональнаго образованія—низшаго, средняго и высшаго. Но низшія и среднія профессіональныя школы не имѣютъ задачею подготовленіе къ какимъ-либо высшимъ школамъ: всѣ онѣ, содѣйствуя подъему общаго и профессіональнаго образованія въ населеніи, должны подготовлять непо-

*) Въ теоретической ботаникѣ за послѣднее десятилѣтіе (1896 г.) прославились японскіе ученые Хиразе и Икено, открывшіе у нѣкоторыхъ голосѣмянныхъ подвижные живчики (антерозоиды). Такимъ образомъ, имъ удалось ближе связать классъ папоротникообразныхъ и цвѣтковыхъ растеній. Въ области бактеріологіи большою извѣстностью пользуются работы проф. Китазато. Другой бактеріологъ Сига изобрѣлъ дезинтерійную сыворотку, которая по его способу готовится и въ Европѣ.

**) И здѣсь японцы постарались возможно скорѣе отдѣлаться отъ иностранныхъ руководителей. Прежде большинство профессорскихъ каѳедръ замѣщалось иностранцами, въ 1902 г. число профессоровъ-иностранцевъ не превышало 14.

средственно къ практической жизни. Система профессіональнаго образованія въ Японіи получила свою законченность въ положеніи 1899 г., и вся она—говоритъ извѣстный нашъ знатокъ по вопросамъ профессіональнаго образованія, г. Григорьевъ *)—задумана въ строгомъ соотвѣтствіи съ матеріальнымъ положеніемъ большинства населенія. Пріемныя требованія и продолжительность таковы, что эти заведенія доступны людямъ даже съ ограниченными средствами; вмѣстѣ съ тѣмъ, практическій характеръ курса способствуетъ тому, что учащіеся могутъ найти себѣ заработокъ въ избранной ими спеціальности; школа излишнею теоретичностью не даетъ поводовъ мѣнять профессію и гоняться за недостижимымъ. Программа каждаго училища видоизмѣняется не только въ зависимости отъ категоріи, къ которой оно принадлежитъ, но и въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей.

Высшія спеціальныя школы содержатся правительствомъ, низшія и среднія устраиваются общинами, городами или департаментами на ихъ собственный счетъ при условіи, если содержаніе сихъ школъ не уменьшаетъ средствъ на начальное образованіе. Министръ можетъ назначить той или другой школѣ субсидію, а также потребовать открытія той или другой школы и собственною властью. Несмотря на то, что содержаніе профессіональныхъ школъ отнесено на мѣстныя средства, весь строй этихъ заведеній всецѣло зависитъ отъ министерства. Централизація профессіональнаго образованія проведена столь же настойчиво, какъ и относительно общаго образованія.

Низшую ступень профессіональнаго образованія представляютъ дополнительныя школы и школы ремесленныхъ учениковъ. Дополнительныя школы примыкаютъ къ низшимъ начальнымъ школамъ и предназначаются для окончившихъ курсъ въ этихъ послѣднихъ. Цѣль ихъ дополнить общее образованіе и дать общую профессіональную подготовку — техническую, коммерческую или сельскохозяйственную, смотря по мѣстнымъ потребностямъ. Продолжительность обученія опредѣлена въ три года. Предметы преподаванія намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, и школамъ предоставлено дѣлать изъ нихъ выборъ и вводить новые, соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ. Школы ремесленныхъ учениковъ отличаются отъ дополнительныхъ школъ тѣмъ, что онѣ имѣютъ дѣло съ учащимися, работающими въ опредѣленныхъ мастерскихъ, и потому цѣль ихъ не обще-приготовительная, какъ въ дополнительныхъ школахъ, а болѣе узкая и опредѣленная: облегчить и помочь дѣтямъ усовершенствоваться въ избранномъ ими томъ или другомъ ремеслѣ, объяснить имъ и осмыслить техническіе пріемы и общія основы ремесла. Курсъ этихъ школъ не заключаетъ въ себѣ неизмѣннаго круга предметовъ. Только обученіе морали обязательно вездѣ, а всѣ

*) «Русское Экономическое Обозрѣніе». 1901 г., № 5.

другіе предметы преподаются, смотря по надобности. Въ программу обученія могутъ входить: ариѳметика, геометрія, физика, химія, рисованіе и всѣ свѣдѣнія, касающіяся ремеслъ, которыми заняты ученики школы. Для тѣхъ изъ учащихся, которые не прошли начальной школы, открываются особые курсы чтенія и письма. Принимаются въ школы не ранѣе 12 лѣтъ; обучаются мальчики и дѣвочки вмѣстѣ.

Среднюю ступень профессіональнаго образованія образуютъ устроенныя по одному плану профессіональныя школы четырехъ категорій: сельскохозяйственныя, коммерческія, торговаго мореплаванія и техническія. Первые три типа училищъ раздѣляются на училища—перваго высшаго разряда и второго низшаго; техническія училища не дѣлятся на разряды, но могутъ дополняться классами, какъ высшими—по той или другой спеціальности, такъ и низшими классами приготовительными.

Профессіональныя училища сельскохозяйственныя, торговаго мореплаванія и коммерческія перваго разряда, а также и техническія примыкаютъ ко второму классу высшей начальной школы и предназначены для мальчиковъ, начиная отъ 14 лѣтъ. Второй разрядъ училищъ первыхъ двухъ спеціальностей составляетъ по курсу продолженіе начальныхъ школъ; въ училища этого разряда принимаются дѣти не моложе 12 лѣтъ, по окончаніи начальной школы. Продолжительность обученія во всѣхъ училищахъ 3 года, причемъ къ училищамъ 1 разряда могутъ быть добавляемы 4 класса и классы приготовительные, какъ это допущено для техническихъ училищъ. Въ школахъ второго разряда курсъ только трехлѣтній, а въ школахъ торговаго мореплаванія онъ можетъ быть сокращенъ даже до двухъ лѣтъ. Школы второго—низшаго—разряда готовятъ больше исполнителей-мастеровъ, тогда какъ школы перваго разряда—техниковъ-руководителей.

Не всѣ училища въ одинаковой степени прививаются, главнымъ образомъ, потому, что ученики разныхъ спеціальностей далеко не одинаково находятъ приложеніе вынесенныхъ ими изъ школъ познаній. Наибольшій спросъ существуетъ на учениковъ коммерческихъ училищъ и училищъ торговаго мореплаванія. Наибольшее разнообразіе получили техническія училища, число которыхъ, впрочемъ, не велико; они имѣютъ одно или нѣсколько спеціальныхъ отдѣленій; есть отдѣленія строительныя, металлургическія, кораблестроительныя, электротехническія, плотничныя и столярныя, горныя, прядильно-ткацкія, красильныя, керамическія, фабрикаціи лака, декоративныя и другія. При училищахъ имѣются соотвѣтственныя мастерскія, а при сельскохозяйственныхъ школахъ опытныя поля, фермы, сады, огороды, пасѣки и т. п. Сельскохозяйственныя школы второго разряда, при сравнительно небольшомъ общемъ курсѣ, чаще всего представляютъ ка-

кое-либо одно отдѣленіе, по одной какой-либо спеціальности хозяйства; такъ, есть школы шелководства, лѣсоводства, ветеринаріи, рыбоводства и земледѣлія. Школы торговаго мореплаванія въ обоихъ своихъ разрядахъ подраздѣляются на два отдѣленія,—отдѣленіе мореходное и отдѣленіе корабельныхъ механиковъ. Независимо отъ того, при школахъ перваго разряда открываются еще особые спеціальные курсы какъ для окончившихъ мореходныя отдѣленія, такъ и для моряковъ, уже служившихъ на корабляхъ; продолжительность обученія различна, но не болѣе двухъ лѣтъ; читаются предметы лишь спеціально-морскіе.

Высшее спеціальное образованіе получается какъ на техническихъ факультетахъ университета, такъ и въ Высшей школѣ промышленности и въ Высшей коммерческой школѣ; при послѣдней существуетъ еще особое дополнительное отдѣленіе для подготовленія лицъ консульской службы; въ обѣихъ курсъ трехгодичный. Существуютъ еще: высшее учебное заведеніе по рыболовству и рыбоводству (см. выше, стр. 193), школа изящныхъ искусствъ (пять отдѣленій: живописи, рисованія, скульптуры, архитектуры, художественной промышленности), музыкальная академія.

Особыя профессіональныя школы (числомъ 15), съ общеобразовательными отдѣленіями, имѣются для слѣпыхъ и глухихъ: первыхъ обучаютъ массажу, акупунктурѣ (см. выше, стр. 165) и музыкѣ, вторыхъ—рисованію, токарному, столярному и швейному мастерствамъ.

Изъ ученыхъ учрежденій Японіи назовемъ: академію наукъ, центральную метеорологическую обсерваторію (руководитъ 64 мѣстными метеорологическими станціями), геодезическій комитетъ, комитетъ общественной и школьной гигіены, національный музей, Императорскую публичную библіотеку; всѣ—въ Токіо.

Японская академія наукъ, основанная въ 1879 г., состоитъ изъ 40 пожизненныхъ членовъ; 15 изъ нихъ назначены императоромъ, а 25 избраны самою академіею, съ утвержденія министра.

Императорская публичная библіотека основана въ 1872 г.; за чтеніе взимается входная плата; въ 1902 г. въ ней было 418.592 тома, но публикѣ предоставляется для чтенія лишь 211.000 томовъ, изъ коихъ на европейскихъ языкахъ около 40.000 томовъ, остальные на японскомъ и китайскомъ. Существуютъ еще общественныя библіотеки (165 тыс. томовъ, изъ нихъ на европейскихъ языкахъ $8^1/_2$ тыс.), библіотеки при многихъ учебныхъ заведеніяхъ, ученыхъ обществахъ, а также библіотеки, содержимыя частными лицами.

Языкъ и литература Японіи.

Г. ВОСТОКОВА.

Японскій языкъ.

Японскій языкъ совершенно особенный: онъ стоитъ одиноко въ ряду другихъ языковъ Восточной Азіи. Онъ воспринялъ въ себя много китайскихъ словъ и корней, потому что культура Японіи развивалась подъ сильнымъ воздѣйствіемъ культуры Китая, и значительная доля культурныхъ идей, философскихъ и нравственныхъ понятій, религіозныхъ представленій, техническихъ терминовъ и т. д. въ японскомъ языкѣ выражается словами, заимствованными изъ китайскаго языка, хотя часто и переиначенными въ японскомъ произношеніи. Тѣмъ не менѣе, строй японскаго языка совершенно иной: это—не односложный языкъ китайцевъ, бирманцевъ и т. д., а языкъ многосложный, агглютинирующій и сближается большинствомъ ученыхъ съ такъ называемыми языками «урало-алтайскими» *). Вообще же хотя японскій языкъ (разговорный, а отчасти и письменный) и извѣстенъ теперь многимъ европейцамъ, однако, болѣе глубокое его изученіе только начинается. Извѣстно только, что по своему строю (грам-

---

*) Съ точки зрѣнія грамматическаго строя языки обыкновенно дѣлятся на односложные, агглютинирующіе и флектирующіе. Въ *односложныхъ* или *изолирующихъ* языкахъ всѣ грамматическія отношенія выражаются лишь мѣстомъ, занимаемымъ въ предложеніи корнями, которые остаются неизмѣнными; сюда относятся языки китайскій и нѣкоторые индо-китайскіе. Языки *агглютинирующіе* или *связующіе* часть своихъ корней измѣняютъ и для выраженія грамматическихъ отношеній присоединяютъ эти измѣняющіяся слова къ главнымъ корнямъ, остающимся неизмѣнными; такова обширная семья «урало-алтайскихъ языковъ», къ которымъ, между прочимъ, принадлежатъ языки венгерскій, финскій, эстонскій, черемисскій, далѣе языки тюрко-татарскіе (турецкій, киргизскій и др.), монгольскіе (въ томъ числѣ калмыцкій), маньчжурскій. Въ языкахъ *флектирующихъ* или *спаивающихъ* для выраженія грамматическихъ отношеній корни измѣняются по извѣстнымъ правиламъ; таковы языки семитическіе и индо-европейскіе, въ томъ числѣ и нашъ русскій.

матикѣ, но не фонетикѣ) японскій языкъ представляетъ извѣстное сходство съ корейскимъ (ср. выше, стр. 34). Одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ японскаго языка, проф. Флоренцъ, могъ убѣдиться также въ нѣкоторыхъ чертахъ сходства его съ языками финскими и тюркскими,—сходства, впрочемъ, весьма отдаленнаго, указывающаго на какую-то до-историческую связь. Виртъ подтверждаетъ эти аналогіи въ языкѣ, замѣчая мимоходомъ, что звуки, тонъ японскаго языка напомнили ему языкъ венгерскій.

Каково бы ни было происхожденіе японскаго языка, фактъ тотъ, что въ настоящее время элементы японскій и китайскій въ немъ сплелись столь же тѣсно, какъ въ англійскомъ языкѣ элементъ англо-саксонскій съ романскимъ.

Письменность японцы заимствовали у китайцевъ, у которыхъ письменные знаки, какъ извѣстно, суть не буквы въ нашемъ смыслѣ, а іероглифы: каждый китайскій знакъ есть односложное слово, означающее опредѣленное понятіе. Понятно, что письменныхъ знаковъ должно быть множество, много тысячъ, и изученіе всѣхъ ихъ настолько трудно, требуетъ столько лѣтъ настойчивой работы, что не можетъ стать удѣломъ средне-грамотнаго человѣка. Поэтому китайскій языкъ полностью во всѣхъ его начертаніяхъ играетъ въ Японіи роль языка научнаго, разсматривается какъ ограда національной самобытности Японіи и какъ почва, объединяющая весь азіатскій Востокъ передъ лицомъ европейскаго Запада. Для рядоваго же повседневнаго употребленія японцы, сокращая и упрощая начертанія китайскихъ знаковъ, выработали свои знаки, именуемые «Ниппонъ Гоку но манидзи», т.-е. знаки японской письменности.

Этихъ знаковъ двѣ системы, такъ сказать, двѣ азбуки: «ката-кана» и «фира-гана»; на стр. 262—263 приводимъ начертанія ихъ рядомъ съ тѣми китайскими знаками, сокращеніемъ которыхъ они являются. Начертанія *ката-кана*—общеупотребительны въ популярной печати, *фира-гана*—сокращенный китайскій курсивъ; женское элементарное образованіе въ Японіи ограничивалось до послѣдняго времени въ смыслѣ грамоты изученіемъ фира-гана.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что начертаніями «*ката-кана*» и «*фира-гана*» можетъ удовлетвориться средній грамотный японецъ. Средне-образованному японцу необходимо знать до 6000 знаковъ, чтобы быть въ состояніи слѣдить за текущею газетною литературою, и хотя каждый знакъ имѣетъ при одномъ и томъ же начертаніи, по меньшей мѣрѣ, два,—а зачастую и до 5 значеній и произношеній,—тѣмъ не менѣе, всѣхъ этихъ знаковъ окажется совершенно недостаточно для того, чтобы слѣдить за литературою серьезною.

Въ японской письменности строки читаются сверху внизъ. Если

прочесть сверху внизъ каждую колонку знаковъ японской азбуки, то получается слѣдующее стихотвореніе:

Иро ва нивовето, дзиринуру во.
Вака іо таре со дзунс парамунъ?
У-ви по оку яма кефу койете,
Асаки юмемиси, ефи мо сесу.

Въ переводѣ это значитъ:

Блекнутъ краски, исчезаютъ ароматы.
Что вѣчно, что прочно въ этомъ мірѣ?
День тонетъ въ глубинѣ бытія
Какъ смутная греза оцѣпенѣлой мысли.

Вышеначертанная система знаковъ у японцевъ зовется «Ірова», по первымъ звукамъ ея, подобно тому, какъ у насъ слово «азбука»

伊	イ	i.	和	ワ	wa.	宇	ウ	u.	阿	ア	a.
呂	ロ	ro.	加	カ	ka.	井	井	wi, i.	薩	サ	sa.
半	ハ	fa (ha), va.	與	ヨ	yo.	乃	ノ	no.	幾	キ	ki.
仁	ニ	ni.	多	タ	ta.	於	オ	o.	弓	ユ	yu.
保	ホ	fo (ho), vo.	礼	レ	re.	久	ク	ku.	女	メ	me.
反	ヘ	fe (he), ve.	曾	ソ	so.	也	ヤ	ya.	三	ミ	mi.
土	ト	to.	州	ツ	tu.	末	マ	ma.	之	シ	si.
千	チ	ti, tsi.	*子	ネ	ne.	介	ケ	ke.	恵	ヱ	we.
利	リ	ri.	奈	ナ	na.	不	フ	fu.	比	ヒ	fi (hi)
奴	ヌ	nu.	良	ラ	ra.	己	コ	ko.	毛	モ	mo.
流	ル	ru.	牟	ム	mu.	江	エ	ye.	世	セ	se.
乎	ヲ	wo.	牟	ン	n.	天	テ	te.	須	ス	su.

Рис. 1. Ката-кана.

составлено изъ церковно-славянскихъ наименованій двухъ первыхъ нашихъ буквъ.

Японцы печатаютъ на китайскомъ языкѣ преимущественно книги научнаго содержанія; однако, и въ общей литературѣ считается пріемомъ «хорошаго тона» снабжать японскую книгу предисловіемъ на языкѣ китайскомъ.

Не вдаваясь въ подробности, попытаемся дать здѣсь общее представленіе о характерѣ и строѣ японской грамматики.

Всѣ слова въ японскомъ языкѣ дѣлятся на три группы:

1. «*На*», т.-е. «имя»; эта группа охватываетъ имена существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоименія, нарѣчія.

2. «*Котоба*»—глаголъ; они составляютъ главную массу основныхъ корней.

3. «*Тенивова*» или «*Тенива*»,—частицы, т.-е. измѣняющіяся окончанія словъ.

Корни словъ односложные: «*и*» = ѣсть, «*ки*» = прибыть и т. д.

Родъ именъ обозначается, главнымъ образомъ, присоединеніемъ

以	い	I	和	わ	Wa	宇	う	U	安	あ	A
呂	ろ	ro	加	か	ka	爲	ゐ	wi	左	さ	sa
波	は	fa (ha), va	與	よ	yo	乃	の	no	幾	き	ki
仁	に	ni	太	た	ta	於	お	o	由	ゆ	yu
保	ほ	fo (ho), vo	礼	れ	re	久	く	ku	女	め	me
反	へ	fe (he), ve	曾	そ	so	也	や	ya	美	み	mi
止	と	to	門	つ	tsu	末	ま	ma	之	し	si
知	ち	tsi	禰	ね	ne	計	け	ke	惠	ゑ	e
利	り	ri	奈	な	na	不	ふ	fu	比	ひ	e
奴	ぬ	nu	良	ら	ra	己	こ	ko	毛	も	mo
留	る	ru	武	む	mu.	江	え	ye	世	せ	se
遠	を	wo.		(ん	...n.)	天	て	te	寸	す	su.

Рис. 2. Фира-гана.

къ корню словъ «*о*» = мужчина и «*ме*» = женщина (также «*ко*» и «*ме*», «*оно*» и «*мено*»); напримѣръ: «*ови*» = кузенъ, «*меви*» = кузина;

«оузи» = быкъ, *«меузи»* = корова; *«фико»* = молодой человѣкъ, *«фиме»* = барышня; *«оноко»* = мальчикъ, *«меноко»* = дѣвочка.

Грамматическихъ формъ для обозначенія *чиселъ* именъ — въ японскомъ языкѣ нѣтъ. Единственное число обозначается преимущественно съ помощью прибавленія числительнаго *«фито»* — одинъ, множественное — съ помощью прибавленія словъ, обозначающихъ множество, разнообразіе и т. д. Напримѣръ: *«оокуно»* — много, «оокуно кане» — много денегъ = деньги; то же достигается простымъ повтореніемъ слова: *«яма»* — гора, *«яма яма»* — горы, каждая гора: или съ помощью нѣкоторыхъ приставокъ, какъ *«ра»*, *«домо»*, *«гара»* и т. д.; напримѣръ: *«кото»* — рѣчь, *«котогара»* — рѣчи, *«дай-міо»* — дворянинъ, *«дай-міо-гара»* — дворяне = дворянство.

Падежи образуются путемъ присоединенія къ неизмѣнному корню особыхъ частицъ. Назовемъ нѣкоторыя окончанія: въ родительномъ падежѣ прибавляются *«га»*, *«но»*, *«дзу»*; въ дательномъ — *«ве»*, *«іе»*, *«ни»*; въ винительномъ — *«во»*; въ звательномъ удлиняется последняя гласная слова; въ творительномъ — *«іори»* или *«кара»*.

Приведемъ примѣръ склоненія: *«оки»* — море, родит. падежъ — *«окино»*, дат. — *«окиве»*, винит. — *«окиво»*, зват. — *«окии»*, творит. — *«окикара»*.

Слова пріобрѣтаютъ характеръ *прилагательныхъ*, если послѣ нихъ поставить одну изъ частицъ *«ки»*, *«ку»*, *«си»*, *«сики»*, *«кару»*, *«ару»*, *«тару»* и другія; напримѣръ: *«амаки саке»*, — сладкая водка, *«ямави ару»* — больной.

Для выраженія *степеней сравненія* — тотъ же пріемъ: особыя частицы, но ставимыя уже впереди слова: *«мо»* для сравнительной степени, *«фана-фада»* или *«ито»* для превосходной; напримѣръ, *«мо-гами»* — высшій, *«фана-фада-гами»* = наивысшій.

Мѣстоименій личныхъ (я и онъ) въ японскомъ языкѣ нѣтъ. Для отличенія *«я»* отъ *«не-я»* употребляются выраженія уничижительныя для — *«я»*, и, наоборотъ, возвеличивающія для — *«не-я»*. Напримѣръ: вмѣсто «я» японецъ говоритъ *«гунинъ»*, т.-е. неразсудительный человѣкъ и т. п. Вмѣсто «ты» японецъ употребитъ выраженіе *«нандзи»*, уважаемый, *«о»*, почтенный, *«сама»* или *«кими»*, равнозначущій французскому «monsieur», т.-е. «мой сеньеръ» и т. д.

Числительныя старо-японскія, съ введеніемъ въ Японіи китайскихъ системъ мѣры и вѣса, постепенно вытѣснялись. Эти старо-японскія числительныя слѣдующія: *«фито»* — 1, *«фута»* — 2, *«ми»* — 3, *«іо»* — 4, *«ицу»* — 5, *«му»* — 6, *«нана»* — 7, *«іа»* — 8, *«коконо»* — 9, *«тоо»* — 10. Наше *«дцать»* замѣняется у японцевъ частицей *«со»*: *«фута-со»* — двадцать, *«іо-со»* — 40 и прочіе. *«Момо»* — 100, *«ци»* — 1000, *«іooроцу»* — 10000, *«момоіороцу»* — 1000000. Къ числамъ отъ

1 до 9, когда они употребляются самостоятельно, прибавляется частица «*цу*»—штука. Если два числа стоятъ просто рядомъ, то одно изъ нихъ служитъ множителемъ другого, напримѣръ: «*ми-іоцу*»—три раза четыре. *Порядковыя* числительныя образуются изъ числительныхъ количественныхъ черезъ прибавленіе частицы «*банъ*» или частицы «*дай*», первой въ концѣ, второй въ началѣ.

Предлоги въ японскомъ языкѣ ставятся послѣ слова, которыми они управляютъ.

Глаголъ является логическимъ *центромъ* японской рѣчи. Смыслъ японской фразы, главнымъ образомъ, направленъ на опредѣленіе дѣйствія или состоянія, какъ главнаго предмета изложенія. Составляя главную сущность японскаго языка, глаголъ въ его грамматическихъ формахъ разработанъ чрезвычайно широко и разносторонне. Останавливаться на японскихъ спряженіяхъ мы не будемъ; отмѣтимъ только, какъ нѣчто особенно характерное, *условное будущее* японской грамматики. Японецъ подчеркиваетъ *только* вѣроятность дѣйствія, которое онъ хочетъ обозначить будущимъ временемъ; съ большою осторожностью здѣсь обозначается не-реальность будущаго времени, его неопредѣленность, въ противоположность реальности прошедшаго и настоящаго.

Японецъ въ рѣчи стремится прежде всего къ наглядности, и для этой цѣли онъ съ самаго начала заботится о выясненіи условій мѣста и времени. Почти всѣ рѣчи японскія начинаются со слова «конници»—сегодня или «коко» — здѣсь. Даже въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ очень отвлеченныхъ, японецъ старается имъ придать конкретную форму.

Общій строй японской фразы до такой степени не похожъ на строй фразы европейскихъ языковъ, что, переведенная дословно, японская фраза кажется на первый взглядъ наборомъ безсмысленныхъ словъ. Придаточныя предложенія всегда предшествуютъ здѣсь главнымъ, дополненіе—глаголу; глаголъ ставится на самомъ концѣ предложенія, а порядокъ расположенія словъ, обозначающихъ зависимость одного понятія отъ другого, часто прямо противоположенъ нашему. Это своеобразное «нанизываніе» словъ всего болѣе сближаетъ японскій языкъ съ языками урало-алтайскими. А. Хахановъ приводитъ слѣдующую японскую фразу и ея подстрочный переводъ: «*кангае но наи ханаси во суру іори ва даманте иру хо га іи то омоу*», что дословно значитъ, съ сохраненіемъ порядка расположенія словъ, слѣдующее: «размышленія нѣтъ рѣчь дѣлать отъ что касается молча быть сторона хороша что думаю». Смыслъ же этой фразы: «Я думаю, что молчать лучше, чѣмъ говорить безъ размышленія». Особенныя затрудненія представляетъ для европейца японскій разговорный языкъ, переполненный массою условныхъ учтивостей, чрезвычайно запуты-

вающихъ рѣчь; въ самомъ характерѣ постановки словъ японецъ какъ бы оттѣняетъ учтивость.

Въ общемъ ново-японскій языкъ, обогащенный вліяніемъ языка китайскаго, сталъ литературнымъ и разговорнымъ языкомъ образованныхъ классовъ Японіи; на ряду съ нимъ въ Японіи существуетъ, однако, много мѣстныхъ провинціальныхъ нарѣчій, представляющихъ столько оригинальныхъ и самостоятельныхъ особенностей, что зачастую простолюдинъ южанинъ съ большимъ трудомъ понимаетъ сѣверянина.

Общій характеръ японской литературы.

Литература японская знакома Европѣ еще меньше, чѣмъ самая страна. И только въ самое послѣднее время нѣсколько пошатнулось ходячее, очень распространенное въ Европѣ мнѣніе, что развитіе въ Японіи искусства—въ частности живописи—и художественной промышленности оставило далеко за собою литературное развитіе этой страны.

Японская литература насчитываетъ много вѣковъ и принадлежитъ къ самымъ старымъ литературамъ міра; она была уже значительно развита въ то время, когда народы нѣкоторыхъ просвѣщеннѣйшихъ нынѣ европейскихъ странъ были еще варварами: такія классическія произведенія, какъ «Ко-цзи-ки» и «Ни-хон-ки», были написаны въ 712 и 720 году по Р. X.

Происхожденіе этого мнѣнія о ничтожномъ развитіи японской литературы объясняется двумя главными причинами. Во-первыхъ, въ оригиналѣ произведенія японской литературы и поэзіи были знакомы въ Европѣ очень немногимъ. Произведенія же японской живописи и скульптуры, издѣлія японской художественной промышленности говорили сами за себя и почти совершенно не нуждались въ истолкователяхъ,—безъ содѣйствія которыхъ японская поэзія и литература, конечно, въ европейскую публику проникнуть не могли; во-вторыхъ, тѣ немногія произведенія, которыя становились извѣстными въ переводахъ на европейскіе языки, будучи оторваны отъ родной почвы, выступая совершенно особнякомъ, внѣ поясняющей ихъ связи со всѣмъ прошлымъ японской исторіи, съ духомъ и жизнью народа, были такъ чужды европейцамъ, что возбуждали недоумѣніе и заставляли ошибочно предполагать неразвитость тамъ, гдѣ была только непонятность намъ.

Это впечатлѣніе, достаточно рѣзкое съ самаго начала, не только не ослабѣвало, но еще усиливалось по мѣрѣ того, какъ съ японскаго переводились на европейскіе языки одно за другимъ произведенія японской беллетристической литературы, и только въ послѣднее время, когда знакомство со страной стало глубже, это впечатлѣніе начинаетъ сглаживаться. Мы не хотимъ этимъ сказать, что японскую литературу

можно поставить рядомъ съ литературой любого изъ европейскихъ народовъ. Отнюдь нѣтъ; но по мѣрѣ ознакомленія съ Японіей, со страной, съ народомъ и его характеромъ, по мѣрѣ того какъ выясняется глубокая разница между всѣмъ строемъ души японской и европейской, мы начинаемъ примѣнять къ нимъ другую мѣрку, начинаемъ понимать, что нельзя укладывать японскую литературу, не уродуя ее, на чуждое ей—прокрустово для нея—ложе европейской критики. Намъ, народамъ съ сильно-развитымъ чувствомъ личности, самая литература которыхъ является именно живымъ выраженіемъ историческаго роста личности, невозможно безъ серьезныхъ усилій и безъ работы надъ собою понять, проникнуть въ духъ литературы народа, развитіе котораго сводилось до сихъ поръ къ подчиненію личности формамъ общественнымъ и семейнымъ. Самый языкъ этого народа — безъ личныхъ мѣстоименій, съ безличными глагольными формами — достаточно краснорѣчиво говоритъ объ этомъ. Чувство личной любви, играющее такую огромную роль въ нашихъ литературахъ, дающее матеріалъ больше, чѣмъ тремъ четвертямъ нашихъ поэтическихъ произведеній, отходитъ въ японской литературѣ на задній планъ. Психологическій анализъ, глубина и широта котораго составляетъ настоящую сущность и душу нашей литературы, у японцевъ совершенно стушевывается: японская поэзія на нашъ взглядъ поразительно бѣдна выраженіемъ личныхъ чувствъ и душевныхъ движеній. Все вниманіе, все пониманіе и вдохновеніе обращено у японскихъ авторовъ на внѣшній міръ; никогда почти японскіе поэты не даютъ намъ заглянуть въ тѣ таинственныя глубины, что таятся подъ поверхностью; самыя интимныя чувства передаются ими въ поэзіи лишь помощью намековъ, сравненій, изысканность и искусственность которыхъ доводитъ ихъ часто до злоупотребленія каламбуромъ, до чудачества.

Понятно, что европейцы удивлялись этому и долгое время тщетно старались объяснить себѣ эти странности. Многіе видѣли въ этомъ проявленіе отличительной особенности восточныхъ народовъ вообще, ихъ характерной скрытности, заставляющей людей Востока затаивать движенія своей души. Другіе видѣли здѣсь свидѣтельство духовнаго безсилія, полной неспособности къ самоанализу, къ углубленности внутренняго зрѣнія. Третьи, наконецъ, предполагали въ японскомъ народѣ крайнюю сухость сердца, прозаичность натуры, старчество....

Вотъ что писалъ еще недавно Чемберленъ въ первомъ изданіи своей книги «Things Japanese», изданной въ 1891 году (спѣшимъ замѣтить, что во второмъ изданіи онъ значительно смягчилъ свое мнѣніе).

«Въ разсказахъ японскихъ авторовъ попадаются глубокія мысли и красивыя мѣста; онѣ представляютъ нѣкоторый интересъ для фило-

логовъ, археологовъ и историковъ; но многое, что японцы больше всего цѣнятъ въ своей литературѣ, на вкусъ европейцевъ невыносимо скучно, безсмысленно. Ихъ романы такъ же скучны, какъ и историческія произведенія»... О Бакинѣ—одномъ изъ корифеевъ японской литературы—Чемберленъ даетъ слѣдующій отзывъ: «Неподражаемо»!—восклицаютъ японцы, прочитавъ «Хакенденъ» («Исторія восьми собакъ»),—романъ, который читаютъ они и перечитываютъ, пока не выучатъ наизусть. «Неподражаемо»!... Да, онъ очень хорошъ,—скажетъ европеецъ,—но онъ хорошъ какъ снотворное средство: онъ наводитъ сонъ своими скучными описаніями неправдоподобныхъ приключеній, о которыхъ разсказывается на протяженіи 106 томовъ. Въ японской литературѣ отсутствуютъ геній, идея, логика, глубина, широта и разносторонность... Подобно тому какъ Японія не создала музыки, такъ она не дала намъ ни одного безсмертнаго стиха, и ея поэты не искупаютъ отсутствія содержанія какими-нибудь особыми красотами формы».

Такія или почти такія мнѣнія высказывались и многими другими авторитетами изъ европейцевъ. И только все болѣе глубокое вниканіе въ литературу и болѣе близкое знакомство съ самой страной постепенно смягчали это мнѣніе. Все чаще слышатся авторитетные голоса, подтверждающіе, что всѣ эти странности, ребячество, чудачества и особенности японской поэзіи начинаютъ объясняться и получаютъ своеобразную прелесть, когда съ ними знакомятся на мѣстѣ, когда изучаютъ народъ въ связи съ его литературой и съ природой страны.

Бале, знатокъ японскаго языка и литературы, въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей говоритъ: «если меня спросятъ, есть ли въ Японіи поэзія въ нашемъ смыслѣ, я отвѣчу: японцы—всѣ поэты. Способность стихосложенія, выраженія въ стихахъ своихъ чувствъ развито въ японцѣ такъ, какъ ни у какого другого народа. Стихи льются тамъ естественно, безъ всякихъ усилій, у всѣхъ, у мужчинъ и женщинъ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ слоевъ общества. Уличный торговецъ, носильщикъ, рикша, бѣдная женщина-работница, какой-нибудь продавецъ «садсу-имо» (сладкихъ бататовъ)—всѣ прирожденные стихослагатели, и всѣ поэты не только въ смыслѣ формы, но и въ смыслѣ настроенія.

Бале приводитъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ. Однажды онъ выразилъ сочувствіе одному торговцу сукномъ, только-что похоронившему любимую дочь. Тотъ тутъ же отвѣтилъ:

«Гдѣ радость взять отнынѣ?—
«Кидзо нѣтъ болѣе!..
«Предаться-ль отчаянью?
«Жизнь грязна; чтобъ уберечь отъ грязи,
«Боги унесли мое дитя»...

Экспромптъ, вполнѣ искренній, былъ высказанъ притомъ въ безукоризненной формѣ.

Другой примѣръ, и притомъ въ формѣ особенно трудной («хайкай»). Простая женщина, прогнанная навсегда своимъ мужемъ отъ домашняго очага, отвѣтила Бале на выраженіе сочувствія съ его стороны слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Чѣмъ было бы возможно
«Непоправимое исправить?!
«Быть-можетъ, лишь однимъ:—
«Слезами!

Каждый японскій кули знаетъ наизусть десятокъ-другой классическихъ образчиковъ японской поэзіи, любитъ ихъ и глубоко ихъ понимаетъ. Главный источникъ поэзіи Японіи, вдохновлявшій лучшихъ ея поэтовъ—чувство природы, любованіе каждымъ ея явленіемъ, то чувство глубокой симпатіи, которое всякаго японца сближаетъ, роднитъ со всякимъ проявленіемъ жизни въ природѣ, подчеркиваетъ, дѣлаетъ осязаемою связь его съ ней; здѣсь сказывается почти наивное отожествленіе, способность слiянія, разговора съ ней. Лучшіе, самые дорогіе сердцу японскому, праздники народные—праздники цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ распусканіемъ сначала сливы, потомъ вишни, далѣе глициній и т. д. до осеннихъ хризантемъ, весь народъ охватывается праздничнымъ, поэтическимъ оживленіемъ и трогательною радостью. Вся печать слѣдитъ за цвѣтеніемъ какъ за явленіями національной важности, и тысячи паломниковъ стекаются въ сады и рощи распускающихся деревьевъ. И тутъ развертывается настоящая вакханалія стихосложенія; зрѣлище цвѣтущихъ деревьевъ—въ особенности вишни, этого національнаго дерева—вдохновляетъ всѣхъ; люди пишутъ свои экспромпты на обрывкахъ бумаги и прикалываютъ ихъ къ стволамъ деревьевъ, говорятъ ихъ вслухъ передъ радостно настроенною толпою; лучшіе экспромпты вызываютъ восторженное одобреніе, попадаютъ въ прессу и разносятся по всей Японіи.

Сотни подобныхъ стихотвореній входятъ въ составъ національной поэтической сокровищницы Японіи. Поэтъ Мотоори, защитникъ національныхъ японскихъ традицій, говоритъ въ одной изъ своихъ «ута» (краткая стихотворная форма):

Коль спросятъ у тебя о духѣ,
Что въ истинныхъ сынахъ
Японіи живетъ,—
То укажи на цвѣтъ деревъ вишневыхъ,
Что блещетъ бѣлизной, благоухая,
Въ лучахъ веселыхъ утренняго солнца.

А вотъ стихотвореніе поэта-бонзы Соссеи, жившаго въ IX столѣтіи, въ золотую эру японской литературы (оно относится къ приближенію весны, времени цвѣтенія сливъ):

«Кто поетъ среди серебряныхъ кустовъ?
То соловей! Въ тоскѣ по медлящей веснѣ онъ принимаетъ послѣднее серебро снѣга за бѣлые букеты сливы»...

Тѣ особенности японской психологіи, о которыхъ мы выше говорили, ихъ любовь къ природѣ и глубокое чувство природы дѣлаютъ, конечно, изящную литературу этого народа по преимуществу описательной. Не слѣдуетъ, однако, думать, что лиризмъ совершенно не свойственъ японской поэзіи. При всей своей своеобразности и глубокомъ отличіи отъ насъ, японцы—люди, и ничто человѣческое имъ не чуждо. Въ сокровищницѣ японской поэзіи имѣются и такіе перлы лирики, которые по искренности и глубинѣ вложеннаго въ нихъ чувства, не говоря уже о формѣ, заняли бы почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ. Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Японіи, Ки-но-Цураюки, составитель сборника «*Кокинсю*» («Пѣсни древнія и новыя»), говоритъ слѣдующее: «то, что зовется поэзіей, беретъ начало въ нашемъ сердцѣ; человѣкъ стремится выразить свои чувства словами. Въ этомъ мірѣ:—въ сердцѣ,—сколько разнообразныхъ чувствованій! А всякое высказанное и выраженное чувство есть поэзія».

И далѣе, возвращаясь къ изначальнымъ источникамъ японской поэзіи, онъ прибавляетъ: «пѣснь соловья, кваканіе лягушки — поэма; все, что живетъ, имѣетъ свою поэзію и творитъ ее».

И въ японской поэзіи — много твореній, посвященныхъ лирическимъ изліяніямъ, проникнутыхъ грустью, чувствомъ тоски и любви. Вотъ какъ поэтъ оплакиваетъ, напр., смерть своей возлюбленной:

«Видѣли ли вы чаекъ, ласкающихъ другъ друга въ камышахъ, пылающихъ въ красныхъ лучахъ заката? Видѣли ли вы ихъ летящими попарно надъ посеребренными утромъ волнами? Зимнею ночью бѣдныя птицы эти, говорятъ, сидятъ, прижавшись другъ къ другу, грѣя и ободряя другъ друга... А я?.. какъ опадающіе цвѣты, какъ вѣтеръ, прошумѣвшій безслѣдно— такова жизнь человѣка; угасаютъ люди, и ничего отъ нихъ не остается»...
Что осталось мнѣ отъ той, кого я любилъ? Это платье, ею сотканное... Укутавшись въ него, я ложусь въ уголокъ моего осиротѣвшаго ложа и плачу. Не обниму я ея болѣе!.. Она меня не обниметъ... (изъ *Маньосю*).

Къ лучшимъ образцамъ лирической поэзіи принадлежатъ многіе хоры въ «*Но*»—лирическихъ драмахъ и въ «*Іоруру*»—пѣсняхъ о подвигахъ древнихъ героевъ Японіи.

Формы японскихъ стихотвореній поразительно изящны, слогъ— изысканный; вульгарныхъ выраженій вы не встрѣтите даже въ древ-

нѣйшихъ памятникахъ японской поэзiи. Обороты утонченные, намеки и сравненiя крайне тонкiя и часто требуютъ большого чутья для ихъ уразумѣнiя. Не мудрено поэтому, что съ этой стороны—по формѣ и по «манерѣ»—произведенiя эти напоминаютъ нерѣдко лучшiя изъ творенiй нашихъ поэтовъ упадка, такъ называемыхъ декадентовъ. Вотъ стихотворенiе поэтессы Цiё (XVIII ст.):

«Асагао ни
«Цурубе торарете;
«Морап-мидзу!

Переводъ:

Вокругъ веревки къ моей бадьѣ
Обвилася за ночь повилика...
Дайте мнѣ воды!

Съ восходомъ солнца поэтесса направилась къ колодцу, чтобы зачерпнуть въ немъ воды для своего утренняго омовенiя. Но въ теченiе ночи слабое нѣжное растеньице обвилось вокругъ веревки ея колодца. И вотъ поэтесса не находитъ силъ сломать нѣжное растеньице, нашедшее себѣ здѣсь опору; она предпочитаетъ молить о водѣ. Крохотная бездѣлушка, но прелестная.

Еще примѣры въ переводѣ:

«Вѣтеръ обрываетъ цвѣты вишни...
«Дождь...
«Изъ слезъ тѣхъ, кому жаль ихъ...

«При свѣтѣ луны
«Какъ узнать цвѣты сливы?
«—Почуять ихъ ароматъ!

«Чей прозвенѣлъ это голосъ?
«Не пропѣлъ ли то мѣсяцъ?
«—То кукушка».

Японское стихосложенiе.

Извѣстна роль, какую играла въ исторiи Японiи подражательность. Философiю, право, письменность, даже въ значительной мѣрѣ религiю,—все заимствовали они въ основныхъ чертахъ отъ сосѣдей, и только постепенно, подвергая заимствованное медленной переработкѣ, они придали ему свой народный характеръ. Единственными насквозь оригинальными продуктами духа японскаго народа является

его поэзія. Старинныя пѣсни японцевъ не имѣютъ ничего общаго съ поэзіей китайской, ни по формѣ, ни по содержанію.

Старинныя лирическія пѣсни японскія, какъ, впрочемъ, и пѣсни позднѣйшія, носятъ названіе «*ута*», отъ глагола «утази»—пѣть. Каждое «ута» выражаетъ только одну мысль, совершенно законченную, изложенную въ двухъ предложеніяхъ, и поэтому можетъ быть названо двустишіемъ. Японцы не знаютъ въ стихахъ ни риѳмы, ни тоническаго ударенія; нѣтъ у нихъ ни краткихъ, ни долгихъ гласныхъ. Особенности ихъ стихосложенія сводятся: 1) къ ритму, крайне простому и всегда однообразному, и 2) къ чрезвычайной, можно сказать, пересоленной краткости.

Японцы знаютъ только двѣ формы стиха, въ 5 и въ 7 слоговъ. Въ классическомъ «*ута*»—первый стихъ двустишія, такъ сказать, первая стихотворная фраза состоитъ изъ трехъ строчекъ въ 5, 7 и 5 слоговъ; вторая—изъ 2 строчекъ по 7 слоговъ. Стало-быть, классическая форма поэтическаго произведенія—слѣдующая: короткая пѣсня въ 31 слогъ, расположенныхъ такъ: 5, 7, 5, 7, 7.

Изъ всѣхъ такъ называемыхъ «*вака*», т.-е. классическихъ національныхъ пѣсенъ, единственно употреблявшихся въ старину, эта форма самая короткая и носитъ имя «*танка*». Вотъ примѣръ:

Первая фраза	Каде-мацу ва	(5 слоговъ)
	Мендо но табійи	(7 »)
	Ичи-ри-цука	(5 »)
Вторая фраза	Медетаку мо ари	(7 »)
	Медетаку мо наси	(7 »).

Это причудливое и мягко-грустное стихотвореніе бонзы Иккію означаетъ:

«По пути нашей жизни тѣ сосны, что сажаютъ предъ домомъ въ день новаго года, подобны столбамъ верстовымъ на дорогѣ: въ нихъ есть своя радость,—въ нихъ есть и печаль».

Послѣ каждой строчки чтецъ дѣлаетъ едва замѣтную остановку, а конецъ фразы акцентируется.

Неподражаемая краткость, характеризующая, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, японскія стихотворенія,—особенность исключительно японская. Трудно выяснить причину этой особенности, фактъ, однако, тотъ, что, за исключеніемъ ритмической прозы въ произведеніяхъ драматическихъ или повѣстяхъ, въ Японіи громадное большинство поэтическихъ произведеній представляетъ собою небольшія изреченія, крохотныя оды, эпиграммы, изложенныя въ нѣсколькихъ словахъ.

Эти «танка», по преданію, какъ и все у японцевъ, божественнаго происхожденія. Въ «*Ко-изи-ки*»,—священной книгѣ японцевъ, разсказывается слѣдующая легенда: буйный, грубый Сузано, братъ Аматерасу, оскорбилъ свою могущественную сестру, которая его за это изгнала съ неба. Сузано ступилъ на землю у негостепріимныхъ береговъ Ицумо. Послѣ ряда богатырскихъ подвиговъ, между которыми главнымъ было убіеніе чудовищной гидры, онъ самъ былъ покоренъ очарованіемъ красавицы Кусинадо-Химе, дочери владыки этой дикой страны. Садясь на коня, чтобы отправиться похитить ее, онъ воскликнулъ въ стихахъ:

«Восемь облаковъ подымаются!
«Изъ этихъ подымающихся облаковъ я сдѣлаю восьмерную ограду,
«За которой укрою свою супругу!
«О! какъ прекрасна эта ограда,
«Ограда, восемь разъ замыкающаяся!

Стихотвореніе это заключаетъ уже въ себѣ всѣ особенности формы, всѣ достоинства и всѣ недостатки японскихъ стихотвореній (въ немъ, между прочимъ, заключается излюбленная у японцевъ игра словъ: «Іакумо» значитъ «восемь облаковъ», и «Ицумо», названіе провинціи, означаетъ въ то же время «подымающееся облако»).

По другимъ сказаніямъ, первая «танка» была сказана первымъ микадо.

Кромѣ «танка», существуютъ еще формы «*хока*» въ 5, 7, 5, 7, 5, 7, 7 слоговъ, «*седока*»—въ 5, 7, 7, 5, 7, 7 слоговъ и, наконецъ, «*имайо*»—современныя пѣсни, въ которыхъ строки въ 7 и 5 слоговъ правильно чередуются неограниченное число разъ. Приведенное выше (стр. 262) стихотвореніе, складывающееся изъ знаковъ «фира-гана», представляетъ примѣръ такой «имайо».

Кромѣ этихъ строгихъ формъ, есть еще формы стихотвореній смѣшанныя, гдѣ, по образному выраженію Бале, перлы встрѣчаются на ряду съ грубымъ булыжникомъ. Въ этомъ жанрѣ особенно замѣчательны поразительные по своей краткости и сжатости «*хайкай*» или «*хокку*», нѣкоторые образцы ихъ приведены нами на стр. 271. Они состоятъ изъ 3 строчекъ въ 5, 7, 5 слоговъ. Это—тотъ жанръ, который излюбленъ нынѣ истинными виртуозами стихосложенія.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ знакомства съ поэзіей европейскихъ народовъ, японцы стали употреблять новыя неправильныя формы, составленныя уже изъ стиховъ въ 3, 4, 6, 8, 9 слоговъ. До сихъ поръ, однако, настоящія красоты японской поэзіи заклю-

чаются въ тѣхъ «*ута*», «*но*» и «*іорури*», о которыхъ мы выше говорили; что̀ дадутъ японскіе поэты въ новомъ направленіи, покажетъ еще только будущее.

Древнѣйшій періодъ японской литературы (по VII стол. по Р. Хр.).

Первый періодъ японской литературы охватываетъ древнѣйшіе начатки японской поэзіи и первые шаги ея развитія и заканчивается седьмымъ вѣкомъ нашей эры. Содержаніе литературы этого періода исчерпывается произведеніями религіозными и стихотворно-поэтическими.

Древнѣйшіе памятники этого перваго періода сохранились въ двухъ историческихъ книгахъ, о которыхъ мы выше упоминали: «*Ко-цзи-ки*» «*Ни-хон-ки*». Собранныя тамъ короткія стихотворенія, приписываемыя разнымъ микадо и ихъ вельможамъ, имѣютъ цѣнность только археологическую и филологическую. На протяженіи 13 вѣковъ этого періода японскіе историки литературы насчитываютъ 44 поэта, включая въ это число и перваго миѳическаго микадо Цзин-му-тенно (660—585 г. до Р. Хр.). Среди нихъ наибольшею извѣстностью, кромѣ названнаго микадо, пользуются Іюріаку, Кендзо и поэтесса Сотори. Вотъ образецъ ея стихотворенія:

«Сегодня, лишь солнышко сядетъ,—
«Ко мнѣ придетъ милый...
«Сегодня, въ сіяньи заката!..
«Дивлюсь я, какъ ткань моя быстро
«Въ рукахъ моихъ нынѣ растетъ!
«Придетъ онъ... да! близится время.

Къ концу этого періода въ Японіи развился особый видъ поэтическихъ турнировъ — состязаній, называвшихся «утагаки». Молодежь обоего пола собиралась при звукахъ музыки на площадяхъ или на горахъ. Молодой человѣкъ, выбравшій какую-нибудь дѣвушку, болѣе другихъ плѣнившую его, высказывалъ ей свои чувства въ формѣ стихотворенія. Если и онъ нравился дѣвушкѣ,—она, въ свою очередь, отвѣчала ему стихотвореніемъ. Если выраженія такой взаимной склонности находили поддержку со стороны отца невѣсты, она посылала своему ухаживателю мелкую вещицу, сплетенную изъ своихъ собственныхъ волосъ. Это было уже равносильно помолвкѣ. Такіе «утагаки», въ которыхъ принимали участіе молодые люди всѣхъ классовъ населенія, были могучимъ родникомъ народной поэзіи.

Въ томъ же первомъ періодѣ была составлена обрядовая книга синтоизма—«*Норито*». Предполагаютъ, что книга эта написана за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Хр. Содержаніе ея: молитвы разнымъ синтоистскимъ «ками», а главная часть посвящена «охараи», т.-е. обряду всеобщаго очищенія отъ грѣховъ. Насколько поэзія того древняго періода прозаична, настолько же въ молитвахъ «*Норито*» зачастую много глубоко-поэтическаго чувства.

Во второй половинѣ разсматриваемаго періода началось вліяніе китайской культуры на японскую. Сношенія Японіи съ Кореею и Китаемъ становились все правильнѣй, такъ что, наконецъ, въ 500 г. по Р. Хр. было даже установлено для облегченія сношеній особенное вѣдомство переводчиковъ, состоявшихъ по преимуществу изъ корейцевъ, принявшихъ японское подданство. На ряду съ китайскою философіею началъ проникать въ Японію и китайскій буддизмъ. Впослѣдствіи, однако, практичное конфуціанство, болѣе подходящее къ общему складу японцевъ, нежели буддизмъ, взяло верхъ надъ послѣднимъ во всѣхъ областяхъ: въ искусствѣ, въ наукѣ, въ обычаяхъ, въ языкѣ, въ литературѣ и правѣ. Въ школахъ японскихъ, основанныхъ микадо Тенци (662—670), господствовали безусловно классическія каноническія книги конфуціанства.

Нарскій періодъ (VIII столѣтіе по Р. Хр.).

Второй періодъ японской литературы охватываетъ VIII столѣтіе по Р. Хр.—эпоху, въ теченіе которой столицею Японіи была Нара. Къ этому періоду относятся двѣ старѣйшія японскія лѣтописи—«*Ко-дзи-ки*» и «*Ни-хон-ки*» (см. выше, стр. 38), которыя, несмотря на свою архаическую форму, считаются въ Японіи классическими. Но литературное значеніе ихъ ничтожно; важны онѣ обѣ для изученія миѳологіи, языка и легендъ древней Японіи.

Къ разряду классическихъ сочиненій японцы относятъ, далѣе, сборникъ того же періода «*Маньосю*» или «Собраніе тысячи листковъ». Это—собраніе исключительно поэтическихъ произведеній; здѣсь собрано 4515 коротенькихъ стихотвореній, относящихся ко второй половинѣ VII и къ первой половинѣ VIII в. по Р. Хр. Большинство изъ нихъ заключаетъ классическое число слоговъ—31, а самыя длинныя, которыхъ очень немного, имѣютъ 151 строчку. Сборникъ этотъ, какъ и обѣ лѣтописи, написанъ собственно китайскими знаками; знаки эти, однако, въ «*Маньосю*» чаще всего уже не соотвѣтствуютъ своему китайскому значенію, а пріобрѣтаютъ новое содержаніе и значеніе.

Въ сборникѣ «*Маньосю*» собрано большое количество пьесъ лирическихъ; сюда, между прочимъ, входятъ коротенькіе стансы, воспѣваю-

щіе весну, лѣто, осень и зиму, баллады, любовныя пѣсни, пѣсни религіознаго содержанія и проч. Необычайная простота формы и несложность содержанія характеризуютъ главную ихъ массу, и творцами ихъ являются въ равной мѣрѣ поэты-мужчины и поэтессы-женщины.

Среди авторовъ той эпохи пользуется особенной славой Хитомаро и Акахито; кромѣ нихъ, къ наиболѣе извѣстнымъ принадлежитъ Окура, Киби-но Маки и поэтессы: царицы Дзито и Куміо, а также принцессы Нукада, Исикова и Саканпе.

Приведемъ нѣсколько образцовъ японскаго творчества, относящихся къ этому періоду японской литературы.

Большой популярностью пользуется въ Японіи баллада Омона «*Рыбакъ Урасима*». Баллада начинается небольшимъ вступленіемъ лирическаго характера; содержаніе же ея слѣдующее.

Рыбакъ Урасима, отправившійся въ своей ладьѣ далеко въ море за обычнымъ уловомъ, встрѣтилъ среди океана дочь бога Океана и влюбился въ нее. Чувство его встрѣтило взаимность. Урасима и его божественная возлюбленная поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Дочь бога морей сошла съ гребня волны, сѣла въ лодку Урасима, и вмѣстѣ рука-объ-руку поплыли они въ край счастья, гдѣ молодость вѣчна и красота не блекнетъ. Но однажды тоска по далекой родинѣ охватила Урасима, и ему страстно захотѣлось увидѣть свою покинутую рыбачью хижину, перемолвиться словечкомъ съ отцомъ и матерью. Тоску свою повѣдалъ онъ своей женѣ, и та отпустила его, но дала ему съ собою небольшой ларчикъ: «возьми его съ собой, мой милый, и если въ глубинѣ сердца ты дѣйствительно стремишься вернуться сюда ко мнѣ, то заклинаю тебя—не открывай крышки этого ларца». Урасима поклялся исполнить этотъ завѣтъ, сѣлъ въ вѣрную ладью и умчался. Скоро прибылъ онъ къ родному мѣсту, но здѣсь нашелъ пустыню: ни слѣда хижины, никакихъ знаковъ, по которымъ онъ могъ бы узнать, что сталось съ его отцомъ и матерью. Пораженный горемъ, Урасима рѣшается посмотрѣть, что̀ въ ларцѣ, данномъ ему женою, дочерью бога морей: быть-можетъ, тамъ откроется ему тайна исчезновенія его родной хижины... Но едва открываетъ онъ ларчикъ, — изъ-подъ крышки его вырывается серебристое облачко и быстро уносится туда, въ тотъ край, гдѣ осталась его возлюбленная... Со стономъ падаетъ онъ на землю и, охваченный отчаяніемъ, умираетъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла рыбачья хижина, и по днесь пустыня.

Баллада эта и по формѣ, и по духу, и по колориту вполнѣ напоминаетъ лучшіе образцы романтической поэзіи Европы.

Баллада того же автора, озаглавленная «*Жалобы воина*», передаетъ всю силу тоски по родинѣ, всю глубину и искренность семейныхъ привязанностей японца:

«Я долженъ далеко идти на войну—
«Велѣлъ такъ великій Микадо.
«Текутъ изъ очей моей матушки слезы,—

«Ласкаетъ меня, вся блѣдна и печальна...
«Отецъ же, съ сѣдою и мокрой отъ слезъ бородою,
«Такъ проситъ: «забудь о разлукѣ,
«И день лишь одинъ проведи еще съ нами!
«Вѣдь завтра съ зарею уйдешь ты изъ дому,—
«И сына въ тебѣ я навѣкъ потеряю...
«Тоска по тебѣ укоротитъ мнѣ жизнь,—
«Ужъ близится часъ мой!.
«Пробудь еще день одинъ съ нами!
«Отцу дай еще поглядѣть на тебя...
«Забудь о дорогѣ,—будь съ нами»!..
«Въ тоскѣ такъ несчастный старикъ умолялъ.—
«И тутъ же жена приближается съ лаской,
«И съ ней дорогія мнѣ дѣти...
«Дрожатъ, какъ птенцы, тихо жмутся ко мнѣ...
«Сковало меня ихъ глубокое горе,—
«Разлука кровавитъ имъ душу!..
«Но властно зоветъ меня царскій призывъ,—
«И сердце молчать я заставилъ..
«Я вышелъ. Гористой иду я тропой,
«А вѣтеръ слѣпитъ мои очи...
«Иду, сотни разъ обращаясь назадъ,
«Туда, гдѣ остался мой домъ, мой отецъ...
«Иду все впередъ, все впередъ и впередъ,
«И разныя вижу я страны,—
«И жгутъ мое сердце тоска и любовь
«И дума о родинѣ милой..

Тѣ же глубокія семейныя привязанности, горячая сыновняя и отцовская любовь воспѣваются во многихъ балладахъ этого сборника. Удивительно красива и полна очарованія «*Элегія Фуруби на смертъ своего сына*», гдѣ убитый горемъ отецъ съ трогательною простотою и искренностью вспоминаетъ то глубокое счастье, которое испытывалъ онъ, наблюдая, какъ изъ его ребенка на его глазахъ формировался и развивался мужчина.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько коротенькихъ стансовъ:

Весна (Сосеи).

Средь листочковъ черемухи бѣлой
Соловей *) неувѣренно свищетъ:
Видитъ онъ, что нѣтъ болѣе снѣга
И напѣва весенняго ищетъ.

*) Птица угуису, названіе которой переведено словомъ «соловей», не есть въ дѣйствительности нашъ соловей. Угуису походитъ на соловья по размѣрамъ и окраскѣ; пѣніе его менѣе разнообразно, но отличается удивительною чистотою мелодіи. Коротенькія мелодичныя трели угуису, говоритъ Астонъ, могли бы служить символомъ національной поэзіи Японіи.

Осень (Тосіяки).

Пусть теперь объяснитъ мнѣ, кто можетъ,
Отчего такъ бѣла еще роза,
Когда листъ ужъ окрасила осень
Дуновеньемъ ночного мороза?

Любовь (Анонъ).

Есть ли занятье глупѣе на свѣтѣ,
Чѣмъ знаки чертить на потокѣ?
Думать о дѣвѣ,—такое занятье,
О дѣвѣ, чье сердце—не наше.

. . . .

Я задался однажды вопросомъ:
Гдѣ скрываются корни забвенія?
Духъ шепнулъ мнѣ: ростки его злые
Расцвѣтаютъ въ нелюбящемъ сердцѣ. (Сосеи).

. . . .

— Люби меня, дѣва! Любовь твоя выше короны...
— Не стану! — сказала ты честно, открыто.
— Не станешь? Тогда уничтожу я въ сердцѣ своемъ это чувство:
Любить безъ взаимности свѣтлой не стоитъ. (Анонъ).

Хейанскій (классическій) періодъ японской литературы (794—1186 г. по Р. Хр.).

Съ перенесеніемъ столицы въ 794 г. въ Кіото, получившій имя «Хейанъ-дзіо»,—«городъ покоя», начинается третій классическій періодъ японской литературы. Періодъ этотъ охватываетъ около 400 лѣтъ (до 1186 года), т.-е. до времени учрежденія сёгуната въ Камакура. Въ теченіе всего почти IX вѣка главенствовала въ Японіи исключительно китайская литература, изученію которой отдались всѣ образованные слои японскаго общества; литература же отечественная была совершенно заброшена. Только къ концу IX стол., благодаря упадку поэзіи въ самомъ Китаѣ, стала возрождаться національная поэзія. Тогда-то, по почину микадо Дайго, группа японскихъ поэтовъ съ Цураюки во главѣ, занялась составленіемъ сборника народной поэзіи за послѣднія полутораста лѣтъ, и такимъ-то образомъ возникъ въ 905 г. *Кокинсю* («Старое и новое»), обнимающій 1200 стихотворныхъ произведеній, расположенныхъ по группамъ, снабженнымъ особыми заголовками. Здѣсь обычные: «весна», «лѣто», «осень»,

«зима», «любовь», «грусть», «пожеланія», «путевыя пѣсни», «родное» и «пѣсни смѣшанныя». Среди нихъ только 5 стихотвореній нѣсколько болѣе крупныхъ, всѣ же остальныя по формѣ—«танка». Большинство стихотвореній этого сборника уступаетъ древнѣйшимъ образцамъ въ искренности, простотѣ и задушевности, но зато по формѣ они достигаютъ такой высокой степени совершенства, которая впослѣдствіи никогда не была превзойдена.

Приведемъ нѣсколько образчиковъ поэтическихъ произведеній изъ этого сборника.

Весна.

«Весна сбросила плащъ свой изъ снѣга; оттаяла трель соловья; чтобы подбодрить пѣвцовъ,—съ вѣтеркомъ имъ весна посылаетъ цвѣтовъ ароматъ. Застилаютъ окрестность туманы,—горный вѣтеръ развѣетъ ихъ скоро. Вѣточки вербы уже зеленѣютъ; висятъ, словно жемчугъ, росистыя капли; къ новой жизни все будитъ весна... Одинъ я только страстью согбенъ. Все вѣдь дорого въ сливѣ цвѣтущей: и окраска, и запахъ: — чья жъ рука ихъ жестоко коснулась?.. Соберу эти цвѣтики сливы, гдѣ скрываетъ свое оперенье соловушко сѣрый,—и укрою сѣдины свои... Увы! скрою-ль въ нихъ старость свою?.. Куда ни взгляну, далеко-далеко, вездѣ вижу зелень и группы цвѣтовъ—уборъ парчевой, весною затканный»...

Осень.

«Не для меня одного эта осень, а грусть ея чую я первый,—только услышу оводовъ жужжанье. Осеннія думы, думы о томъ, что все увядаетъ, какъ сморщенные эти листочки, тоской наполняютъ мнѣ сердце. О! какъ жаль мнѣ того, кто можетъ этой чудною ночью равнодушно оставаться на своемъ ложѣ»...

Любовь.

«Быстро стремится потокъ любви въ моемъ сердцѣ, подобно потоку въ горахъ межъ деревьевъ. Вечерами глядя на облака, я думаю о ней, далекой. Сѣмя сосны даетъ ростокъ на скалѣ: мудрено-ль, что любовь разрастается въ сердцѣ. Тѣло мое, любовью согбенное,—одинокая тѣнь. Отъ слезъ рукава мои мокры; «то дождь»,—отвѣчаю, кто спроситъ. Безъ надежды я умеръ бы нынче; лишь надежда увидѣться съ ней смыслъ даетъ моей жизни. Тѣло мое вдалекѣ отъ тебя, но сердце съ тобою! Я не умеръ, я здѣсь,—на землѣ!—зачѣмъ же со мной ты такая? Увы! донынѣ я думалъ: изъ зерна вырастаетъ забвенья трава, теперь же я знаю: изъ невѣрнаго сердца».

Разсматриваемый нами третій періодъ, охватывающій IX, X и XI столѣтія, считается золотымъ вѣкомъ японской литературы, временемъ полнаго ея расцвѣта: за этотъ періодъ изящная простота, утонченность стиля свойственны японской поэзіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, и чѣмъ когда бы то ни было позже. Но *отличительнымъ* признакомъ литературы этой эпохи, характеризую-

щимъ ее болѣе всего другого, является *аристократичность* поэзіи того времени, сложившейся въ придворномъ обществѣ, любившемъ проводить время въ декламированіи и сочиненіи стиховъ. Самъ императоръ нерѣдко оказывалъ честь какой-нибудь дамѣ тѣмъ, что давалъ ей тему для стихотворнаго сочиненія, и если она удачно справлялась съ задачею ,т.-е. если стихъ былъ звученъ, форма классически строга, а мысль остроумна и изящна, то такая дама производилась часто въ статсъ-дамы, становилась императорской наложницей, случалось, и императрицей... Другое любимое времяпрепровожденіе при дворѣ было писаніе повѣстей уже не стихами, а поэтической прозой и чтеніе ихъ вслухъ. Это первые начатки беллетристической прозы. Такъ создались «*Моногатари*», знакомящіе насъ съ придворною жизнью X и XI вѣковъ.

Аристократическая окраска произведеній этого періода зависитъ въ значительной мѣрѣ, можетъ-быть, и отъ того, что авторами ихъ, въ большинствѣ случаевъ, были женщины. Узкій кругъ интерессовъ японской женщины, въ особенности придворной дамы, знающей жизнь только придворную и семейную, совершенно чуждой общенародной жизни,—естественно давалъ лишь опредѣленный и ограниченный матеріалъ ея поэтическому вдохновенію. Этимъ же обстоятельствомъ надо объяснить особенности языка и стиль этихъ произведеній. Въ разговорномъ языкѣ той эпохи замѣтно сильное вліяніе языка китайскаго, но вліяніе это почти совершенно не проникло въ японскую литературу того времени,—въ частности въ «Моногатари»: женщины, повидимому, явились охранительницами чистоты національнаго языка Японіи.

Женщины-поэтессы того времени устраивали даже особый родъ конкурсовъ поэтическихъ, называвшихся «Ута-Авазе». Турниры эти, конечно, мало напоминали прежніе «Утагаки», бывшіе всенародными: они совершались въ тѣсномъ аристократическомъ кругу и были доступны поэтамъ и поэтессамъ только высшихъ круговъ. Подъ вліяніемъ этихъ турнировъ, поэзія въ ту эпоху стала модой, и образованные классы дошли въ стихосложеніи до такой бѣглости, что нѣкоторые ухитрялись писать до 100 эпиграммъ въ день. Мода, въ концѣ концовъ, къ исходу періода и сгубила поэзію, и, само собой разумѣется, глубина ея и красота формы становились все ниже и все дальше уходили отъ формъ классическихъ.

Вотъ почему вся литература золотого вѣка кажется созданной исключительно для ограниченнаго круга придворныхъ кавалеровъ и дамъ, принцевъ и принцессъ, всего того люда, что окружали тронъ микадо. Благородный японецъ обрисованъ въ нихъ отчетливыми и подробными чертами, въ отличіе отъ обыкновенныхъ людей, простого народа, который, въ глазахъ авторовъ этихъ произведеній, отмѣченъ печатью умственнаго и духовнаго убожества.

Японская поэзія того времени не можетъ быть названа нравственной; напротивъ, и свобода темъ, и нѣкоторый цинизмъ свойственъ ей въ значительной мѣрѣ. Но аристократичность всей поэзіи сказалась и тутъ: все, самое циничное, обработано въ такой изящной, изощренной формѣ, что не кажется грубымъ. Нѣтъ въ этой поэзіи и описанія войнъ, несмотря на характерную воинственность японцевъ высшихъ классовъ: описанія кровопролитія, ранъ и убійства было бы темой черезчуръ грубой для нѣжныхъ и чувствительныхъ душъ придворныхъ читателей.

Крайне рѣдко можно у поэтовъ той эпохи встрѣтить слѣды молитвеннаго настроенія, мысль о высшихъ силахъ или мечты о загробной жизни; миѳологіи въ стихахъ много, но религіознаго настроенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ и слѣда.

Конечно, любовь и уваженіе къ старинѣ, къ прошлому и къ традиціямъ—эта основа аристократическаго міровоззрѣнія—находили яркое выраженіе въ поэтическихъ произведеніяхъ той эпохи и были одной изъ любимыхъ темъ поэтовъ и поэтессъ.

При узости содержанія, поэзія той эпохи совершенствуется въ направленіи формы, что выразилось, главнымъ образомъ, въ удивительной, утонченной простотѣ. По характеру она можетъ быть отнесена къ *описательной лирикѣ*. Эпика, дидактика и сатира были тогда японцамъ совершенно чужды, драма же является продуктомъ развитія дальнѣйшихъ эпохъ. Поэтическая проза съ трудомъ развивалась въ Японіи, такъ какъ и теорія, и практика отожествляли поэтическую форму со стихотворной. Японцамъ того времени въ значительной мѣрѣ свойственна идея, что всякая *поэзія* должна быть *стихотворной*, и наоборотъ: они охотно всякую мысль, выраженную въ стихахъ, готовы отнести къ поэзіи.

Если классическая поэзія Японіи не отличается глубиной содержанія, то и поэзія слѣдующихъ вѣковъ не восполнила этого недостатка. Въ этой сферѣ понынѣ царствуютъ старо-классическія традиціи, и все, что творятъ японскіе поэты, является только копіей съ копій и плохимъ подражаніемъ стариннымъ образцамъ.

Зато беллетристическая проза, начавшая поздно развиваться и принужденная бороться съ упомянутымъ нами выше взглядомъ на неразрывную связь поэзіи со стихотворной формой, дѣлаетъ, начиная съ этого третьяго періода, быстрые и твердые шаги впередъ и отвоевываетъ себѣ въ будущемъ все болѣе и болѣе глубокое значеніе.

Уже во второй половинѣ третьяго періода появляются произведенія этого характера, принадлежащія къ лучшимъ образцамъ литературы японской. Къ числу первыхъ произведеній этого времени въ новомъ родѣ принадлежитъ «*Тоса-ники*», т.-е. дневникъ путешествія изъ

Тоса на о-вѣ Си-ко-ку въ Кіото. Авторъ повѣсти—Цураюки, редакторъ сборника «Кокинсю». Дневникъ этотъ содержитъ путевыя впечатлѣнія, въ которыхъ нѣтъ ни необычайныхъ приключеній, ни особенно глубокихъ мыслей, ни романическихъ похожденій, ни любопытныхъ поученій. Авторъ простымъ, но въ высшей степени изящнымъ языкомъ, съ большой дозой юмора, описываетъ жизнь заурядпаго путешественника по Японіи того времени. Популярности своей эта книжка обязана характерному японскому стилю, которымъ она насквозь пропитана, и благодаря которому ее относятъ къ числу классическихъ.

«*Моногатари*» (что собственно значитъ: «разсказъ»)—характерные образцы прозы того времени. Это — разсказы или повѣсти, въ которыхъ вымыселъ переплетается съ дѣйствительностью.

Первый изъ разсказовъ этого рода *Такетори-Моногатари,*—нѣчто въ родѣ волшебной повѣсти. Она повѣствуетъ о богинѣ, сошедшей на землю въ видѣ красавицы-дѣвушки, которая отъ искателей своей руки требуетъ выполненія различныхъ трудныхъ подвиговъ.

Бо́льшую цѣнность имѣетъ, какъ по содержанію, такъ и по слогу, сжатому и изящному, «*Исе-Моногатари*». Повѣсть эта сложена изъ ряда небольшихъ разсказовъ, связанныхъ между собою общностью героя—знатнаго повѣсы—и, повидимому, основана на извѣстныхъ историческихъ данныхъ. Судя, однако, по обработкѣ, мы можемъ отнести это произведеніе къ разряду фантастическихъ.

Изъ цѣлаго ряда другихъ «Моногатари» мы отмѣтимъ двѣ: «*Ямато-Моногатари*» и «*Гендзи-Моногатари*».

Первая повѣсть—чрезвычайно интересный документъ любовныхъ нравовъ того времени. Совершенно открыто, безъ малѣйшаго стѣсненія, авторъ проповѣдуетъ культъ тѣла, коммунистическую любовь и т. д.

Вторая повѣсть принадлежитъ перу Мурасаки-но-Сикибу, придворной дамы, дочери дайміо изъ рода Фуцзивара, занимавшаго высокое положеніе въ государствѣ. Мурасаки раздѣлила свою книгу на 54 отдѣла, снабдивъ каждый отдѣлъ особымъ заголовкомъ: «Колыхающійся мостъ сновъ», «Мотылекъ», «Легкая мгла», «Вѣтерокъ», «Букетъ цвѣтовъ» и т. д.

Произведеніе это считается въ Японіи однимъ изъ лучшихъ образцовъ національнаго творчества. Содержаніе его—исторія принца Гендзи; ему посвященъ 41 отдѣлъ, остальные отдѣлы повѣствуютъ о похожденіяхъ его сына. Авторъ самъ, словами своего героя, характеризуетъ цѣль этого сочиненія: «Здѣсь изложены происшествія, воспоминанія объ интересныхъ случаяхъ, просто и безъ претензій описанныхъ. Въ нихъ не надо искать полнаго описанія дѣйствительнаго состоянія общества. Это—область интимныхъ интересовъ, романическихъ при-

ключеній. И хотя самыя приключенія здѣсь вымышлены, но не все, что здѣсь разсказывается,—плодъ фантазіи; истинность ихъ заключается въ томъ, что авторъ, желая представить хорошее, выбираетъ въ разнообразныхъ характерахъ то, что въ нихъ лучшаго; или, гдѣ рѣчь идетъ о забавномъ,—то, что забавнѣе и фантастичнѣе всего». Тѣмъ не менѣе, вопреки скромной непритязательности автора, мы въ этомъ произведеніи находимъ превосходное отраженіе современной ему эпохи, въ теченіе которой, послѣ долгихъ лѣтъ покоя и равновѣсія, началось сильное разложеніе нравовъ. Столица Японіи стала очагомъ роскоши, бездѣльничества и продажности, а рядомъ съ этимъ разоренность и обездоленность народа дошла до крайнихъ предѣловъ. Общество совершенно утратило нравственное чутье: какъ мужчины, такъ и женщины высшихъ классовъ думали только объ одномъ—объ утѣхахъ любви, объ интригахъ и о наживѣ. Въ этой-то средѣ и происходятъ событія, разсказываемыя въ этой повѣсти, реалистичной въ лучшемъ смыслѣ этого слова: авторъ избѣгаетъ всякихъ преувеличеній, не занимается—что необычайно для японца—ничѣмъ сверхъестественнымъ, но при этомъ ничего не укрываетъ и не утаиваетъ.

Языкъ этой повѣсти принадлежитъ къ наилучшимъ образцамъ японской литературы, а въ числѣ ея особыхъ достоинствъ слѣдуетъ упомянуть живописныя описанія природы, вѣрное воспроизведеніе людскихъ чувствъ и ясность стиля. При всемъ томъ повѣсть страдаетъ многословностью, спутанностью разсказа, часто уклоняющагося въ сторону отъ основной главной темы. Кромѣ того, въ этой повѣсти замѣчательно почти полное отсутствіе мужскихъ характеровъ: за исключеніемъ одного героя, всѣ остальные персонажи—женщины, и, такимъ образомъ, сочиненіе это есть цѣлая галлерея женскихъ типовъ.

На ряду съ этою повѣстью, по языку и стилю японская критика ставитъ произведенія поэтессы Сеи-сёнагонъ (908—990), придворной дамы и наложницы микадо. Интереснѣйшее изъ ея произведеній—«*Макура-но-соси*», т.-е. «Замѣтки на сонъ грядущій»: авторъ, ложась спать, клалъ подъ подушку записную книжку, въ которую заносилъ впечатлѣнія прожитаго дня, размышленія и изреченія на разныя темы: тутъ есть и разсказцы, и описанія разныхъ чудесныхъ и странныхъ случаевъ и происшествій, отрывки, рисующіе бытъ общественный и домашній, вопросы моды, описанія цвѣтовъ, пейзажей, разсужденія по вопросамъ морали. Взгляды автора на свѣтъ опираются, повидимому, на ея собственный опытъ и наблюдательность, а сама она рисуется читателю какъ женщина культурная, очень умная, но и довольно циничная.

Въ замѣткахъ ея есть отдѣлъ, гдѣ она распредѣляетъ разныя вещи, явленія и случаи жизни съ точки зрѣнія ихъ пріятности и не-

пріятности. Къ вещамъ, производящимъ удручающее впечатлѣніе, принадлежатъ, по ея мнѣнію, между прочимъ, слѣдующія:

«Мать, у которой умерло дитя.—Очагъ, въ которомъ погасъ огонь.—Возница, котораго ненавидитъ его собственный волъ.—Рожденіе дѣвочки въ домѣ ученаго.—Письмо съ родины, въ которомъ нѣтъ никакихъ новостей»...

Несносныя вещи: «Гость, разсказывающій длинную исторію, какъ разъ тогда, когда у васъ ни минуты времени. Если это особа, съ которой вы въ хорошихъ, близкихъ отношеніяхъ, вы можете ей сказать, что выслушаете ее въ другой разъ; ежели же это человѣкъ чужой,—тогда это невыносимо.—Знахарь, призванный къ постели тяжелобольного, совершающій свои заклинанія полусопнымъ голосомъ.—Кричащія дѣти и лающія собаки, когда вы выслушиваете важный, интересный для васъ разсказъ, также какъ и галки, пролетающія стаями и кричащія изо всѣхъ силъ.—Храпъ мужчины, присутствіе котораго вы хотите скрыть.—Люди, прерывающіе вашъ разсказъ, чтобы доказать свою проницательность. Всѣ охотники прерывать,—молодые ли, или старые,—всѣ несносны.—Люди, которые прерываютъ вашъ разсказъ восклицаніемъ: «о! я знаю!», а между тѣмъ говорятъ совсѣмъ не то.—Блохи,—особенно когда заберутся подъ платье и тамъ скачутъ»...

Слѣдующія вещи вызываютъ пріятное настроеніе: «Воробей, кормящій птенцовъ.—Играющія дѣти.—Красивый мужчина, нарочно останавливающійся якобы для того, чтобы разспросить васъ о дорогѣ»...

Сожалѣнія о прошломъ будитъ: «Письмо человѣка, котораго мы любили.—Прошлогодніе вѣера.—Лунный свѣтъ»...

Женщины, какъ мы выше говорили, главенствовали въ поэзіи той литературной эпохи. Но по мѣрѣ того, какъ въ беллетристикѣ развивался и совершенствовался языкъ, выступали авторы,—на этотъ разъ почти исключительно мужчины,—взявшіеся за обработку другихъ областей литературы, главнымъ образомъ, исторіографіи. Главное мѣсто среди такихъ произведеній занимаетъ сочиненіе неизвѣстнаго автора «*Ейгва-Моногатари*»,—повѣсть славы, историческое изслѣдованіе въ 40 книгахъ, охватывающая 2 вѣка: IX-й и X-й. Книга эта интересна въ томъ отношеніи, что яркими красками рисуетъ разлагающее вліяніе буддизма на общество того времени (ср. выше, стр. 47).

Періодъ упадка и темные вѣка.

Въ одинъ четвертый періодъ японской литературы можно объединить три эпохи: эпоху сё-гуната въ Камакурѣ (1186—1332), эпоху двоецарствія или эпоху Намбоку-ціо (1332—1392) и эпоху сё-гуната дома Аси-кага, столицею котораго служило Муромаци (Кіото), давшее свое имя всей эпохѣ. Уже эпоха владычества сё-гуновъ въ Камакурѣ является въ общемъ періодомъ упадка. Японія того времени была добычею междоусобицъ, постоянныхъ внутреннихъ войнъ; гибельное для духовнаго развитія вліяніе буддизма въ этотъ періодъ сказывается

въ литературѣ сильнѣе всего и выражается въ упадкѣ не только поэзіи, но и науки. Кромѣ совершенно новаго вида литературныхъ произведеній, впервые въ эту эпоху развивающагося,—*драмы*—единственная область, въ которой литература проявляетъ признаки жизни и развитія, является исторіографія. Здѣсь выдѣляются творенія Камо-но-Ціомеи, въ особенности его «*Ходзіо-ки*», въ которыхъ авторъ изложилъ «испытанія своей жизни». Ціомеи конецъ жизни своей провелъ отшельникомъ въ крохотной кельѣ, въ 10 квадратныхъ футовъ; въ ней онъ прожилъ около 40 лѣтъ, въ размышленіяхъ о жизни, которыя и изложилъ въ своемъ сочиненіи и притомъ языкомъ, подкупающимъ своею искренностью и простотою.

Истиннымъ «оазомъ въ общей пустынѣ исторіографіи» является сочиненіе подъ заглавіемъ «*Цуре-дзуре-гуса*», т.-е. «Лѣтопись тяжелыхъ временъ». Написано оно Кенко-Хоси. Въ авторѣ сочетаются какъ бы два человѣка: одинъ остроумный, живой и циничный наблюдатель, другой—буддистъ-монахъ и святоша. Кенко—великій любитель отечественной древности, кропотливый изслѣдователь старинныхъ книгъ, древняго искусства и языка. Книга его собственно не историческое сочиненіе въ строгомъ смыслѣ слова; оно полно разсужденій о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ, авторъ выражаетъ негодованіе по поводу распространявшагося въ Японіи обычая или, вѣрнѣе, повадки принуждать людей пить, разъ они находятся въ компаніи пьющихъ. Самое состояніе опьянѣнія описывается авторомъ въ очень сильныхъ и мрачныхъ краскахъ.

Первые начатки драматическаго творчества появились въ концѣ XIV в., и тогда же были созданы многіе изъ тѣхъ «*Но*», т.-е. лирическихъ драмъ, отдѣльныя части которыхъ принадлежатъ къ лучшимъ образчикамъ японской поэзіи. О происхожденіи первыхъ начатковъ драмы въ Японіи существуетъ слѣдующая легенда.

Въ IX вѣкѣ, послѣ сильнѣйшаго землетрясенія, почва въ провинціи Ямато дала глубокую трещину, изъ которой вырывался ядовитый дымъ. Дымъ этотъ вызвалъ губительную эпидемію въ странѣ. Чтобы заклясть эпидемію, буддійскіе жрецы придумали священный съ жестами танецъ. Этотъ-то танецъ, сопровождаемый опредѣленными церемоніями, и почитается началомъ, зародышемъ драмы. Танецъ этотъ сохранился до сихъ поръ, и въ народномъ японскомъ театрѣ выполняютъ его передъ началомъ каждаго сценическаго представленія. Самбашо—такъ зовутъ этотъ торжественный танецъ — требуетъ отъ выполнителей совершенно особаго искусства, и до сихъ поръ онъ сохранилъ религіозный отпечатокъ.

Въ началѣ XII в. появились танцовщицы, которыя выполняли

этотъ танецъ въ мужскомъ одѣяніи, сопровождая его мимикой, изображающей то или другое историческое событіе героическаго характера. Только два вѣка спустя изъ этихъ начатковъ образовалась и развилась лирическая драма—«*Но*». Это—небольшія произведенія, чаще всего двухактныя, съ небольшимъ числомъ дѣйствующихъ лицъ (до 6) съ участіемъ музыки и хора, играющаго въ нихъ такую же приблизительно роль, какую играли хоры въ древней греческой трагедіи.

Вотъ содержаніе одного изъ такихъ «*Но*», извѣстнаго подъ названіемъ «*Накамицу*»—по имени главнаго героя; дѣйствіе—въ храмѣ буддійскомъ и во дворцѣ въ Кіото. Дѣйствующія лица: Мицунака — князь царской крови; Бидзу—его сынъ; Накамицу—близкій совѣтникъ и придворный князя; Козидзу—его сынъ; Весинъ—бонза, настоятель монастыря, и хоръ.

Дѣйствіе I. Князь посылаетъ Накамицу въ монастырь, гдѣ находится на воспитаніи княжичъ Бидзу. Избалованный молодой человѣкъ отправленъ туда съ воспитательною цѣлью и для изученія священныхъ книгъ. Но Бидзу продолжалъ вести себя въ монастырѣ попрежнему легкомысленно и буйно. Отецъ приказываетъ Накамицу поѣхать и привести сына, и Накамицу повинуется. При Бидзу, въ качествѣ довѣреннаго слуги и оруженосца, находится Козидзу, сынъ Накамицу. Приказанію отца, переданному Накамицу, Бидзу повинуется, и всѣ трое отправляются въ Кіото.

Въ Кіото Мицунака подвергаетъ своего сына экзамену, кладетъ передъ нимъ на пюпитръ изъ чернаго дерева священную книгу съ золотыми письменами, но Бидзу не умѣетъ читать.

Хоръ: «Но сможетъ ли тотъ, кто донынѣ
«Ни разу «Асаки» *) не видѣлъ,—
«Читать начертанья божественной книги?
«Онъ слышитъ отца повелѣнья
«И слезы безсильно роняетъ!..

Продолжается экзаменъ, и обнаруживается, что ни стиховъ сочинять Бидзу не умѣетъ, ни музыкѣ не учился. Отецъ его приходитъ въ ярость и, выведенный изъ себя молчаніемъ виновнаго сына, бросается на него съ мечомъ, намѣреваясь убить его, но руку его во-время останавливаетъ Накамицу. Отецъ, однако, не мѣняетъ своего рѣшенія казнить сына и тутъ же приказываетъ Накамицу привести приговоръ въ исполненіе.

Не противорѣча приказанію своего повелителя, Накамицу удаляется (якобы: перемѣнъ декорацій нѣтъ на сценѣ, артисты дѣлаютъ соотвѣтствующія передвиженія, а хоръ словесно разъясняетъ всякую перемѣну мѣста и обстановки) въ другую комнату. Тамъ, въ ужасѣ передъ необходимостью выполнить приказъ повелителя, онъ зоветъ Козидзу; тотъ является и объясняетъ, что на всѣ его совѣты и просьбы скрыться Бидзу отвѣтилъ отказомъ. Скоро является Бидзу, готовый принять казнь:

---

*) «Асаки», первая книжка, по которой дѣти въ Японіи учатся копировать знаки японской азбуки.

«Что въ томъ, живу я иль умеръ!
«Ты жъ, Накамицу, страшиться обязанъ
«Гнѣва владыки. Возьми же свой мечъ
«И подай мою голову князю!

Накамицу колеблется. Бидзу настаиваетъ. Хоръ также настаиваетъ и оплакиваетъ судьбу Бидзу. Накамицу говоритъ: «Ахъ, юный господинъ мой! Своею жизнью хотѣлъ бы я искупить твою. Но, къ несчастью, это невозможно».

Слова эти внушаютъ Козидзу мысль пожертвовать собою для спасенія жизни Бидзу:

«Оруженосца долгъ—умереть
За своего господина...

Несмотря на ужасъ и горе отца и на мольбы Бидзу, Козидзу настаиваетъ. Отецъ въ отчаяньи,

Хоръ. «Но вѣдаетъ Накамицу благородный,
Что, сына родного спасая, погубитъ
Онъ юную жизнь своего господина,—
И, дрожа какъ листъ, онъ не медлитъ:
Сверкнула сталь меча—и палъ,
Какъ подкошенный, юный Козидзу...

Накамицу: «Какое ужасное несчастье! Страшно подумать, я убилъ собственнаго сына... Но правда: надо о томъ доложить господину» (идетъ будто въ комнату Мицунака). «Осмѣлюсь слово сказать своему повелителю... Согласно приказанію вашего княжескаго высочества Бидзу казненъ».

Князь увѣренъ, что Бидзу умеръ какъ трусъ. Накамицу восхваляетъ храбрость и доблесть умершаго. Князь, потерявшій единственнаго сына, велитъ позвать къ себѣ Козидзу, чтобы его усыновить. Накамицу отговаривается тѣмъ, что Козидзу, въ ужасѣ отъ происшедшаго, скрылся; самъ онъ хочетъ уйти въ монастырь, но князь отказываетъ ему въ этомъ, а хоръ выражаетъ свое одобреніе поведенію героя пьесы.

Дѣйствіе II. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ дворецъ Мицунака приходитъ Весинъ, настоятель монастыря. Онъ проситъ у Накамицу объ аудіенціи у князя. Аудіенція ему дается. Въ разговорѣ съ княземъ Весинъ передаетъ ему всю исторію, какъ она случилась въ дѣйствительности, и очень хвалитъ поведеніе Бидзу въ монастырѣ. Мицунака опять приходитъ въ ярость отъ предположенія, что Бидзу струсилъ предъ лицомъ смерти, но Весинъ его успокоиваетъ и проситъ помиловать сына, хотя бы во имя и въ память Козидзу. Хоръ посредничествуетъ, — князь, наконецъ, соглашается, и Накамицу, по предложенію Весина, пляшетъ и поетъ. Хоръ въ это время въ поэтической апострофѣ разъясняетъ состояніе души глубоко несчастнаго отца.

Кромѣ «*Но*», драмъ лирическихъ, появились въ то время и другія драматическія произведенія, напоминающія наши небольшія

комедіи и водевили. Будучи по содержанію пьесами бытовыми, произведенія эти рисують обычную обстановку японской жизни съ ея комической стороны и часто заключають въ себѣ правоученія житейскаго характера.

Іеддоскій періодъ (1603—1867). Возрожденіе учености и народная литература.

Новый періодъ японской литературы обнимаетъ эпоху сё-гуната дома Токугава, когда столицею сё-гуновъ было Іеддо, и когда въ Японіи безраздѣльно царила китайская культура. Особенностью развитія литературы этой эпохи является ростъ ея не въ глубь, а въ ширь. Авторы того времени стали писать уже не только для ограниченнаго круга высшихъ классовъ, но и для всего народа. Книгопечатаніе, знакомое японцамъ еще съ VIII столѣтія, развилось очень сильно въ теченіе этого періода. Это—положительная сторона; но изъ самыхъ достоинствъ этой литературной эпохи вытекали роковымъ образомъ и ея недостатки: демократизируясь, литература японская сильно огрубѣла; вкусъ и изящество формы замѣтно пали, а порнографія расцвѣла до такихъ размѣровъ, что вызывала даже преслѣдованіе со стороны правительства.

Книгъ въ теченіе этого періода выходило очень много, гораздо больше, чѣмъ когда-бы то ни было раньше, и въ нихъ авторы впервые стали разрабатывать темы, прежде остававшіяся нетронутыми: появились научные очерки новаго типа, трактаты политическіе и религіозные, словари, грамматики, библіографическія книги, энциклопедіи, путеводители и т. д.

Ученые писатели XVII вѣка носитъ собирательное имя «кангакуся», т.-е. китайскіе учителя; одно это имя указываетъ на связь японской науки съ китайской. Основателемъ школы «кангакуся» былъ Сейква (1560—1619), изъ дома Фуцзи-вара; онъ перенесъ въ Японію такъ назыв. «сунскую философію», т.-е. сочиненія знаменитыхъ китайскихъ истолкователей ученія Конфуція и Менцзы, жившихъ при Сунской династіи. Натуральная философія, этика и принципы управленія—таковы нераздѣлимыя для китайскаго ума области, которыя разрабатывали сунскіе ученые, а за ними «кангакуся». Японцы ничего не прибавили къ сунской философіи; національный геній ихъ выразился лишь въ той практической важности, какую они придали нравственнымъ обязанностямъ, лежащимъ на человѣкѣ и нашедшимъ себѣ наиболѣе полное выраженіе въ нравственномъ кодексѣ того времени *«Бушидо»* (ср. выше, стр. 253). Историческія же сочиненія носятъ тотъ же характеръ, что и въ предыдущую эпоху. Историки,

однако, расширили область своихъ изслѣдованій, и, напр., Араи Хакусеки написалъ рядъ сочиненій о Европѣ: «*Сейо Кибунъ*», книгу объ исторіи Голландіи («*Оранда Ки*») и о странѣ и народѣ голландскомъ—«*Оранда Фудоки*».

Драматическая литература въ теченіе этой эпохи развивалась тоже въ нѣсколько новомъ направленіи: впервые создалась бытовая драма. Творцомъ ея былъ Цикамацу (1653—1724), котораго японцы часто величаютъ своимъ Шекспиромъ, что, однако, имѣетъ на нашу оцѣнку очень мало основаній. Авторъ этотъ написалъ 50 пьесъ, почти всѣ 5-актныя, и имѣлъ много послѣдователей; между ними одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ—Такеда-Идзумо, который писалъ по образцу своего предшественника, но дѣлилъ свои творенія не на акты, а на отдѣльныя сцены, число которыхъ доходило до 11. Въ общемъ число драматическихъ произведеній въ ту эпоху сильно возросло; большинство ихъ отличается реализмомъ, многія даютъ почти фотографическіе очерки жизни и всѣ они содержатъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для изученія нравовъ и обычаевъ японцевъ послѣднихъ вѣковъ.

Очень популярна въ Японіи комедія «*Камидзо*» («Торговецъ бумагой»). Героиня этой комедіи—гейша, и въ общемъ содержаніе ея близко напоминаетъ «Даму съ камеліями». Охаре — имя гейши — жертвуетъ своею любовью и счастьемъ ради счастья и семейнаго благополучія своего возлюбленнаго.

Рядомъ съ бытовой драмой и комедіей, о которой мы только-что говорили, драматурги разрабатывали трагедію, и въ этомъ направленіи ими созданы образцы, не лишенные своеобразнаго интереса. Основнымъ элементомъ японской трагедіи, основною страстью, на почвѣ которой развивается у японцевъ *трагическое*,—является *месть*. Это—роковая страсть, и роль, которую въ европейскихъ литературахъ играетъ любовь, у японцевъ выполняется местью (ср. выше, стр. 134); всѣ же остальныя чувства играютъ роль подчиненную и выводятся почти только для контрастовъ.

Въ смыслѣ обработки, всѣ эти драматическія произведенія отличаются одною общею особенностью: съ нашей точки зрѣнія они представляютъ собою скорѣе всего рядъ діалоговъ; дѣйствія въ нихъ мало. Дѣйствіе внутренне-драматическое замѣняется здѣсь нанизываніемъ другъ на друга ряда приключеній, изъ которыхъ любое можно выпустить безъ малѣйшей потери для цѣлаго. Единственная дѣйствительно цѣнная сторона въ японской драмѣ, это—реалистичность, вѣрность изображенія обычаевъ и общаго уклада жизни народа. Діалогъ въ нихъ, за исключеніемъ нарочито-напыщенныхъ рѣчей самихъ героевъ трагедіи,—простой, естественный и живой.

Трагедіи японскія—какъ бы экзаменъ, рядъ испытаній, которымъ

подвергаетъ авторъ своего героя,—лицо, выводимое на сцену уже, такъ сказать, съ патентомъ на героизмъ. Не въ глубинахъ человѣческой души, не въ самомъ столкновеніи и борьбѣ страстей интересъ ихъ драмы, а во внѣшней коллизіи случайныхъ событій. Вотъ почему ихъ драматическія произведенія полны преувеличеній внѣшняго характера; трагедіи ихъ сбиваются на мелодрамы, комедіи—на фарсы.

Что касается поэзіи чистой, то она за этотъ послѣдній періодъ времени сильно пала. Даже «танка» кажется уже японцамъ послѣдней эпохи черезчуръ длинной. Мацуо Басіо (1643—1694) прославился въ народѣ, не исключая самыхъ низшихъ его слоевъ, стихотвореніями въ 17 слоговъ («хай-кай»—5, 7, 5). Отличительною особенностью этого рода стихотвореній является склонность къ намекамъ, даже злоупотребленіе ими (ср. выше хай-кай поэтессы Цiё на стр. 271). Имя Басіо стало такъ популярно, что его знали даже деревенскіе пастухи. Краткость и мѣткость стиха вызвали подражаніе въ этомъ отношеніи въ области поэтической прозы, и созданъ былъ особый видъ коротенькихъ повѣстей, названныхъ «*Хаибунъ*». Впослѣдствіи «хаи-каи» были вытѣснены другой, столь же краткой, формой стихотвореній «кіока», по содержанію игриво-юмористическихъ, пересыпанныхъ остротами.

Непомѣрное увлеченіе всѣмъ китайскимъ вызвало въ XVIII стол. реакцію, выразившуюся въ школѣ «вагакуся» (изслѣдователи японской древности), стремившейся къ возрожденію всего національно-японскаго, начиная отъ синтоизма и кончая древнею поэзіею. Крупнѣйшимъ представителемъ этой школы является Мотоори Норинага (1730 — 1801), поэтъ, филологъ, историкъ и богословъ, издававшій древніе памятники, положившій начало разработкѣ японской грамматики, пропагандировавшій между своими соотечественниками идеи возстановленія чистоты японскаго языка и возрожденія синтоизма и рѣзко выступавшій противъ буддизма, но еще болѣе противъ китайскаго образа мыслей. Мотоори и его послѣдователи, среди которыхъ особенно выдѣляется богословъ Хирата Ацутана († 1843), много содѣйствовали перевороту 1867 г., явившемуся, какъ извѣстно, результатомъ движенія, которое первоначально было направлено противъ всего иностраннаго.

Народная литература въ своемъ развитіи пользовалась двумя преимуществами: во-первыхъ, истинно-народнымъ, свободнымъ отъ китайскаго вліянія неиспорченнымъ языкомъ и, во-вторыхъ, уцѣлѣвшимъ въ народѣ оригинальнымъ, самобытнымъ духомъ. Начатки, изъ которыхъ развилась эта народная литература — устныя легенды,

былины, сказанія, исторіи, сказки, которыя японскій народъ страстно любитъ слушать, собираясь для этого въ любой корчмѣ, чайномъ домѣ, въ саду и на площади. Популярнѣйшими изъ нихъ нѣкогда были разсказы героическіе и на историческія темы, но затѣмъ ихъ понемногу оттѣснили сказанія бытового характера, романтически сантиментальные, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдиво отражающіе заботы, горести и радости простого народа. И вотъ съ развитіемъ грамотности и расширеніемъ книгопечатанія мѣсто разсказовъ устныхъ постепенно занимаетъ печатная народная литература — романы и повѣсти съ подкладкой по преимуществу бытовой и современной. Языкъ въ нихъ бѣденъ выраженіями понятій отвлеченныхъ, но авторы справляются при его помощи со своими, не очень, впрочемъ, сложными психологическими задачами. Борьба чувствъ и долга—наиболѣе обычная тема этихъ сочиненій.

XIX вѣкъ выдвинулъ въ этой области много писателей, но лучшимъ изъ нихъ является Кіокутеи Бакинъ (1767 — 1848). Японцы утверждаютъ, что ему нѣтъ среди японскихъ писателей равнаго, и значеніе его приравнивается ими приблизительно къ значенію Пушкина у насъ, хотя, на нашъ взглядъ, произведенія его не отличаются тонкимъ анализомъ чувствъ и до паѳоса тоже не возвышаются. Тутъ, однако, можетъ быть рѣзче, чѣмъ въ чемъ бы то ни было, сказывается разница оцѣнки и вкусовъ нашихъ и этого народа. Бакинъ былъ дѣйствительно между современниками поэтомъ, высоко-образованнымъ; языкъ его колоритенъ и чистъ; порнографіи, такъ распространенной въ японской литературѣ того времени, онъ избѣгалъ. Производительность его огромная: имъ написано 290 произведеній, изъ нихъ нѣкоторыя въ 12 томахъ. Самое же значительное изъ его произведеній—«*Хаккенденъ*» («Исторія 8 собакъ»)—занимаетъ 106 томовъ. Содержаніе этого романа и основная его мысль заключаются въ томъ, что грѣхи противъ чести не остаются безъ возмездія. Для насъ особенно любопытны авторскія примѣчанія къ тексту, иногда характера нравоучительнаго, иногда пояснительнаго, съ претензіей на научность.

Изъ современниковъ Бакина очень высоко цѣнится критикой Рютеи Танехико, создавшій особый видъ романовъ драматическихъ, въ которыхъ діалоги значительно превышаютъ описательную часть.

Дзиппенся Икку (умеръ въ 1831 г.) написалъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ лучшимъ считается «*Хидзакуриге*» («Конь о двухъ ногахъ»). Это юмористическое произведеніе, повѣствующее о путешествіи пѣшкомъ двухъ бездѣльниковъ изъ Кіото въ Токіо. Самою характерною особенностью этого писателя является его протоколизмъ; романтичность, характерная для японскихъ писателей вообще, ему совершенно не свойственна; мѣткая наблюдательность соединяется у него съ юморомъ, доходящимъ, впрочемъ, мѣстами до фарса.

Сюнсуи первенствуетъ среди авторовъ, создавшихъ циклъ повѣстей, извѣстныхъ подъ именемъ *«Ниндзіобонъ»*, т.-е. «Книгъ чувственныхъ»; всѣ повѣсти этого характера, изъ-за ихъ крайней безнравственности, запрещены въ Японіи; самъ Сунсуи умеръ въ 1842 г., отбывая арестъ въ кандалахъ въ своемъ собственномъ домѣ за опубликованіе произведеній, признанныхъ вредными для общественной нравственности. Значительно ранѣе заслужилъ извѣстность, какъ авторъ сильно порнографическихъ повѣстей, Санкаку (ум. въ 1699 г.); талантливый юмористъ, онъ вызвалъ массу подражаній и далъ первый толчекъ развитію народной литературы.

Кончая обзоръ народной литературы японской, нельзя обойти молчаніемъ богатѣйшую область басенъ и сказокъ японскихъ.

Сборники такихъ басенъ чрезвычайно интересны для изслѣдователей, желающихъ серьезно познакомиться съ духомъ японскаго народа. Профессоръ Браунсъ перевелъ многія басни и въ 1885 году издалъ 168 изъ нихъ отдѣльной книгой. По его словамъ, «притчи эти и басни бросаютъ много свѣта на высокую степень зависимости, въ которой японцы всегда находились отъ сосѣднихъ странъ Азіи. Изъ басенъ видно, что, уже задолго до проникновенія буддизма, проникли въ Японію корейскія и китайскія вліянія»...

Между японскими сказками есть въ полномъ смыслѣ слова перлы народнаго творчества, и не мудрено поэтому, что сборники ихъ становятся все болѣе и болѣе популярными въ Англіи и Америкѣ. Становятся они извѣстными и у насъ, и еще недавно гр. Львомъ Толстымъ проредактирована и издана одна такая притча, *«Карма»*, съ восторженнымъ предисловіемъ Толстого.

Ознакомленіе съ японскими пословицами является, быть-можетъ, однимъ изъ наилучшихъ средствъ для ознакомленія европейской публики съ настоящимъ подлиннымъ міровоззрѣніемъ японскаго народа, съ его характеромъ и всѣмъ строемъ его психологіи. Приведемъ рядъ пословицъ и поговорокъ изъ сборника Окуси, японскаго консула въ Лондонѣ:

«Быть битымъ—быть въ выигрышѣ». «Для безумца нѣтъ лѣкарствъ». «Гдѣ пыльно—ищи обхода». «Стѣны слушаютъ, бутылки говорятъ». «Купецъ купцу ворогъ». «Какъ только бѣда миновала—принарядись». «Говорить о будущемъ—дьявола тѣшить». «У ласковаго бѣдняка много дѣтей». «Когда пожалѣешь—уже поздно». «Будь ласковъ, не то упадешь». «Товарищество въ пути—помощь; милосердіе въ нуждѣ—благодѣяніе». «Темно у основанія маяка». «Послѣ смерти—почетъ». «Пыль, нагромождаясь, образуетъ горы». «Доводъ—сильнѣе насилія». «Несчастье черезъ 3 года становится намъ дорого». «Счастье приходитъ въ веселыя ворота». «Мертвые молчатъ». «Малыя рыбки тѣснятся тамъ, гдѣ большія». «Тянетъ воду на свое поле». «Говоришь о комъ—его тѣнь тутъ». «Кто себя хвалитъ—сумасшедшій». «Тамъ, гдѣ трое судятъ, больше правды». «Плохо на кораблѣ, гдѣ много капитановъ». «Деньги и въ аду помочь могутъ». «Когда насиліе входитъ во дворъ — справедливость уходитъ»

Современная литература и періодическая печать.

Дать опредѣленную характеристику японской литературы самаго послѣдняго времени въ настоящее время еще очень трудно. Открытіе страны доступу европейской литературы и культуры въ сущности убило національную японскую литературу, и изъ того, что она представляетъ собою теперь, еще не успѣло выработаться ничего самостоятельнаго. Печать работаетъ въ Японіи какъ никогда прежде; ежегодно на рынокъ выбрасывается огромное количество книгъ и брошюръ, но громадное большинство изъ нихъ если не прямо переводное, то чисто-подражательное. Японцы называютъ имена Фукузава, Като Хираюки, Ниси Су, Мазагацу и мн. др., какъ имена выдающихся литераторовъ и писателей. Все это, однако, европеизированные писатели, занятые насажденіемъ въ Японіи современныхъ формъ европейскихъ. Заимствуется здѣсь не только манера, но и самое содержаніе повѣстей, причемъ имена европейскія передѣлываются по созвучію въ японскія, *Шмидтъ* превращается въ *Шимида*, *Элиза* въ *О-риза* и т. д. Яно Фусіо выпустилъ романъ подъ заглавіемъ «*Кіекоку Биданъ*», нынѣ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Японіи романовъ; герой этого романа—Эпаминондъ; содержаніе его построено на исторіи ѳиванской политики, въ которой японцы находятъ аналогію съ современнымъ положеніемъ Японіи. Самые разнообразные моменты исторической европейской жизни, въ особенности моменты борьбы разныхъ народовъ за ихъ вольности противъ притѣснителей, даютъ матеріалъ безчисленному количеству повѣстей. Вообще въ Японіи процвѣтаетъ политическій романъ. Въ этой области выдѣляется Судо Нансуй, написавшій, между прочимъ, романъ «*Дамы новаго типа*» (1887). Главная героиня этого «романа будущаго» — молочница, которая состоитъ членомъ женскаго клуба, зачитывается Спенсеромъ и выходитъ замужъ за политическаго дѣятеля; но самое революціонное заключается въ профессіи героини, такъ какъ прежде молоко въ Японіи въ пищу не употреблялось, и потребленіе молочныхъ продуктовъ является здѣсь самымъ рѣзкимъ протестомъ противъ вѣковыхъ предразсудковъ и самымъ послѣднимъ словомъ цивилизаціи.

Европейское вліяніе отразилось и на драмѣ. Для прежней бытовой драмы и характерно благоговѣйное отношеніе къ семьѣ; это—та Святая Святыхъ, правдиваго изображенія которой избѣгаетъ японецъ изъ боязни осквернить ее. Поэтому женскій персоналъ представленъ въ бытовыхъ драмахъ обыкновенно только въ видѣ «гейшъ» и вообще особъ болѣе или менѣе легкаго поведенія. Въ самое послѣднее время вліяніе европейской литературы сказалось, между прочимъ, и тѣмъ,

что нѣкоторые изъ авторовъ рѣшились вывести на сцену женщину изъ порядочнаго общества, но при этомъ они прячутся покуда подъ маску грубой сатиры. Въ этомъ отношеніи многое, конечно, измѣнится въ Японіи подъ вліяніемъ европейской литературы. На это есть тѣмъ больше основаній разсчитывать, что въ настоящее время на сценахъ японскихъ городовъ ставятся и пользуются все бóльшимъ успѣхомъ Шекспиръ, Викторъ Гюго, Гауптманъ, Чеховъ, Горькій, Метерлинкъ.

Въ послѣдніе годы замѣчается, однако, въ Японіи обратное теченіе. Не говоря уже о томъ, что, послѣ возстановленія свѣтской власти микадо въ 1867 году, самъ императоръ, при помощи лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, старался возобновить старыя поэтическія традиціи, учредивъ вновь поэтическіе конкурсы, такъ часто повторявшіеся въ прежніе вѣка японской исторіи,—среди самаго общества и среди литераторовъ появилось теченіе, протестующее противъ слѣпой подражательности.

Горячее время, переживаемое Японіей, породило въ ней богатѣйшую журналистику и газетную прессу. Газетное дѣло въ Японіи очень ново. Первая газета была основана въ 1864 г.; къ 1874 году въ Японіи выходило уже десять газетъ. Въ настоящее время въ Японіи имѣется свыше 2000 періодическихъ изданій и изъ нихъ до 400 ежедневныхъ газетъ. Въ одномъ Токіо больше 20 ежедневныхъ газетъ.

Печать въ «Странѣ Восходящаго Солнца» свободна. Цензуры нѣтъ, и японская пресса совершенно свободно подвергаетъ критикѣ дѣйствія и политику самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Самъ микадо стоитъ внѣ критики, но министрамъ его отъ ежедневной прессы приходится часто плохо. Да и сами высшіе государственные сановники Японіи не только не чуждаются печати, но принимаютъ въ ней часто живѣйшее участіе.

Японскія газеты очень велики по объему и богаты по содержанію. Газетный нумеръ занимаетъ 16—20 страницъ нашего формата. Сила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабое мѣсто ежедневной прессы въ Японіи—репортерская часть. Съ одной стороны, репортеры доставляютъ газетамъ необычайно богатую и живую хронику; съ поразительною ловкостью и точностью они выслѣживаютъ событія сколько-нибудь интересныя, приключенія, совершившіяся и даже задуманныя преступленія, но, съ другой стороны, они выносятъ на свѣтъ Божій такія интимныя подробности обывательской жизни, что становятся въ этомъ отношеніи прямо грозой жителей городовъ. Сплетни царствуютъ въ газетѣ, и нѣтъ большаго пугала для влюбленной дѣвушки, отправляющейся на свиданіе, нежели встрѣча съ репортеромъ: на слѣдующій же день въ мѣстной газетѣ появится замѣтка съ самыми прозрачными наме-

ками. Впрочемъ, сплетня царитъ только въ «мелкой прессѣ» (ко-симбунъ), тогда какъ немногочисленныя, правда, «большія газеты» (о-симбунъ) чуждаются. Самый успѣхъ газетъ многіе объясняютъ національнымъ характеромъ японцевъ, этихъ «французовъ Дальняго Востока», которые, по своей жадности къ новостямъ, напоминаютъ галловъ Цезаря. Подписная цѣна газетъ очень низка и колеблется отъ 20 до 50 сенъ за мѣсяцъ.

Къ крупнѣйшимъ газетамъ принадлежатъ: оффиціозная «*Ници-ници-Симбунъ*»; радикальная «*Дзи-зи Симпо*» («Наше Время»), редактируемая сыномъ знаменитаго Фуку-завы; бывшій президентъ парламента, Ніума, стоитъ во главѣ либеральнаго органа «*Майничи Симбунъ*» («Ежедневныя Новости»); консервативная «*Токіо Демпо*» («Іедосскій телеграфъ»),—во главѣ ея прежній министръ торговли, генералъ Тоси; шовинистскій органъ, съ графомъ Итагаки во главѣ, «*Коранъ Симпо*» («Общественное мнѣніе»).

За преступленіе противъ законовъ о печати редакторы ихъ привлекаются къ суду и, въ случаѣ доказанности преступленія, наказываются тюремнымъ заключеніемъ. Это повело къ появленію и въ Японіи «подставныхъ редакторовъ», имѣющихъ задачею своею «отсиживаться» за грѣхи истыхъ руководителей газеты.

Но важнѣйшею особенностью японской печати является преобладаніе журналовъ — ежемѣсячныхъ, двух- и трехмѣсячныхъ: ихъ издается въ четыре раза больше, нежели газетъ. Объясняется это тѣмъ, что интересы политическихъ партій и ихъ борьба — обычная тема ежедневной печати—совершенно чужды массѣ японскаго народа; журналы же, касаясь вопросовъ жизни самого народа, его прошлаго, настоящаго и будущаго, а также важнѣйшихъ вопросовъ обще-человѣческихъ привлекаютъ весь грамотный людъ, который стремится расширить свой кругозоръ. Большинство журналовъ очень незначительно по объему, но баснословно дешево. Философскіе или научные журналы почти отсутствуютъ; преобладаютъ журналы литературные, коммерческаго и обще-образовательнаго содержанія; существуютъ также прекрасные журналы для дѣтей и юношества.

Японское искусство.

Г. ВОСТОКОВА.

Дважды за послѣднія полтораста лѣтъ японское искусство — живопись, рѣзьба и лакированныя произведенія—проникало въ Европу и дважды производило глубокое впечатлѣніе на европейскихъ художниковъ, и оставляло замѣтные слѣды въ искусствѣ Европы.

Въ первый разъ это случилось въ XVIII вѣкѣ, когда впервые въ Парижѣ и Дрезденѣ были получены многочисленные образчики японскихъ издѣлій изъ фарфора и лакированнаго дерева. Вещи эти поразили любителей и знатоковъ Европы своею странною, необычайною для европейскаго глаза прелестью, капризными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, граціозными особенностями; и несомнѣнно, что именно знакомство съ произведеніями японскаго стиля дали искусству въ Европѣ толчекъ къ выходу изъ застоя и способствовали выработкѣ живого стиля Людовика XV на мѣсто тяжелаго, неподвижнаго стиля Людовика XIV.

Вторичное появленіе японскихъ художниковъ въ Европѣ произвело, повидимому, на европейское искусство еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Это случилось въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія и встрѣтило гораздо болѣе подготовленную почву: художники Франціи, стоявшие тогда на перепутьи, недовольные старыми застывшими формами и искавшіе новыхъ путей, нашли въ картинахъ японцевъ готовымъ то, что они сами только предчувствовали, къ чему стремились. По мнѣнію Мутера, новѣйшая французская живопись, берущая свое начало отъ Манэ, въ значительной степени создана вліяніемъ японцевъ. Есть цѣлый рядъ выдающихся именъ, у которыхъ все развитіе и окончательная формировка дарованій произошли подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями японскаго искусства и проникновенія его духомъ. Таковы: Манэ, Тиссо, Уистлеръ, Дегазъ, Монэ, Каролюсъ Дюранъ.

Еще при первомъ знакомствѣ съ японскимъ искусствомъ европейцевъ поражали въ немъ двѣ особенности, какъ-будто другъ другу противорѣчащія и въ то же самое время въ самомъ этомъ противорѣчіи своеобразно привлекательныя; это, во-первыхъ, каприз-

ное чудачество, причудливость, склонность къ преувеличеніямъ, часто каррикатурность изображенія съ одной стороны и въ то же время печать жизненной правды, несомнѣнные слѣды глубочайшей проницательности и острой наблюдательности художниковъ. Только въ періодъ вторичнаго—болѣе глубокаго—ознакомленія съ японскимъ искусствомъ, зрѣлые европейскіе художники вдумались и въ значительной мѣрѣ поняли и тогда примирили это противорѣчіе. Нашимъ читателямъ, познакомившимся уже съ характерными чертами японскаго поэтическаго творчества, многое само собою становится понятнымъ. Всѣ эти «танка», «хай-кай» въ значительной мѣрѣ выяснили намъ характеръ отношенія японскихъ поэтовъ—слѣдовательно и художниковъ,—къ природѣ. Глубокое чувство природы, способность отожествленія себя съ природою, необыкновенное чутье ко всякому проявленію жизни въ природѣ, умѣніе подсматривать движенія этой жизни въ самыхъ скрытыхъ, въ самыхъ интимныхъ ея формахъ и поэтизировать ихъ,—таковы особенности японскаго художественнаго генія, который началъ развиваться подъ вліяніемъ китайскаго искусства, но далеко превзошелъ свой первоначальный образецъ.

Чуткій ко всякимъ проявленіямъ *движенія* жизни, японецъ мало любитъ *форму*, этотъ предѣлъ подвижности. Симметричность всего живущаго, формъ животныхъ и растеній—это явное выраженіе стремленія природы къ равновѣсію—оставляетъ его совершенно равнодушнымъ. Онъ наблюдаетъ и ухватываетъ въ природѣ *асимметричное, нарушенное равновѣсіе*, подчеркиваетъ формы въ моментъ измѣненія. И именно по этому пути японскіе художники такъ легко и охотно доходятъ, можетъ-быть, до уродливаго, до каррикатурнаго. Въ самой формѣ ихъ поэтическихъ стихотвореній сказывается это стремленіе къ асимметричности: стихи въ нечетное количество слоговъ, стихотвореньице въ нечетное количество строкъ.

Понятно поэтому, что при такихъ особенностяхъ японскаго художественнаго генія нѣкоторыя искусства совершенно не могли въ Японіи развиться,—это архитектура и до нѣкоторой степени скульптура. И въ самомъ дѣлѣ: въ смыслѣ развитія архитектуры Японія—ребенокъ по сравненію съ европейскими народами. Жилыя строенія, въ стилѣ которыхъ они могли еще проявить свои характерныя народныя особенности, обнаруживаютъ въ нихъ отвращеніе, боязнь стройнаго плана, нелюбовь къ линіямъ горизонтальнымъ и строго вертикальнымъ, къ пропорціи, симметріи; и поэтому у жилыхъ строеній японцевъ есть еще своя физіономія, въ нихъ есть своеобразная красота и живой подвижной типъ. Храмы же и всякія монументальныя сооруженія являются въ Японіи лишь образцами увеличеннаго жилого типа, пожалуй, нѣсколько болѣе украшеннаго, но лишеннаго всякой

величавости, всякой оригинальной цѣльности. Единственно въ чемъ проявляется у японцевъ стремленіе въ архитектурѣ какого-нибудь храма воздѣйствовать возвышающимъ образомъ на душу молящихся, это—«тори» и «тора»: первое (деревянныя ворота изъ двухъ столбовъ съ перекладиною, имѣющія какое-то символическое значеніе)—нѣчто въ родѣ портика при входѣ, болѣе или менѣе величавое по конструкціи; второе—рѣзная колонна съ каменнымъ или бронзовымъ фонаремъ наверху. Памятниковъ людямъ въ Японіи нѣтъ: имъ не свойственно стремленіе увѣковѣчить въ человѣческомъ образѣ силу, глубину и красоту духа человѣческаго. Бога они видятъ въ движеніи природы и больше нигдѣ.

Подъ вліяніемъ буддизма, который сильнѣе, чѣмъ синтоизмъ, дѣйствовалъ на мистическія глубины духа человѣческаго, было, правда, сдѣлано кое-что въ Японіи и въ этомъ направленіи. XVII вѣкъ выдвинулъ знаменитаго въ Японіи архитектора и рѣзчика Хидари Ценгоро. Крупнѣйшіе храмы въ Никко и Кіото, большія пятиэтажныя пагоды въ Никко, Осака и Кіото построены имъ. Главнѣйшимъ его произведеніемъ считается храмъ въ Никко, посвященный Ё-ясу. Изумительная чистота столярной работы сочетается здѣсь съ сильными, яркими, но гармоничными красками, производящими чарующее впечатлѣніе. Особенно поражаетъ удивительная рѣзьба главныхъ воротъ (ср. рис. 3 на табл. VI): на наружныхъ столбахъ тянутся вверхъ, извиваясь, священные драконы, исполненные весьма реалистично; на приворотныхъ косякахъ изображены въ пышномъ весеннемъ цвѣту деревья, вѣтви которыхъ переходятъ на верхній брусъ; еще выше, на фризѣ многочисленный сонмъ боговъ; на другихъ частяхъ гирлянды цвѣтовъ и сплетенія животныхъ перемежаются съ изящными геометрическими орнаментами. «Кто не видалъ рѣзьбы Ценгоро въ Никко, тотъ не видалъ ничего»—говорятъ японцы.

Въ области скульптуры опять только буддизмъ подвинулъ японцевъ къ творчеству. Колоссальная статуя Будды въ Нарѣ (рис. на стр. 299), отлитая изъ бронзы въ 739 году,—самый монументальный слѣдъ этого вліянія. Нѣсколько меньшій «Дай-Будза» находится еще въ Камакурѣ; отлитъ онъ въ XII вѣкѣ. Оба эти изображенія не лишены элементовъ возвышеннаго и замѣчательны не только по колоссальнымъ размѣрамъ, но и своею выразительностью. Въ общемъ же буддизмъ съ его мистицизмомъ и презрѣніемъ къ тѣлу не могъ, однако, быть прочной почвой для развитія скульптуры. Созданные подъ его вліяніемъ «тангу», т.-е. идолы, изображающіе адскихъ духовъ и народныхъ божковъ (ср. изображенія ниже), представляютъ собою отвратительныя чудища, безобразныя, уродливыя, брюхатыя, назначеніе которыхъ было изобразить злобность стражей, охраняющихъ святыню отъ проникно-

венія невѣрныхъ и грѣшныхъ. Тамъ же, гдѣ скульптура японская того времени стремится увѣковѣчить образы проповѣдниковъ, мудрецовъ и святыхъ буддизма, она создаетъ только грубыя, рѣзныя изъ дерева, физически безобразныя фигуры съ выраженіемъ тупого тер-

Статуя Будды въ Нарѣ.

пѣнія и равнодушія на лицахъ. Стремленіе изобразить побѣду духа надъ тѣломъ проявляется здѣсь въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ: предполагаемая красота духа противополагается безобразію и уродливости тѣла.

Въ противоположность крупной скульптурѣ безусловную самобытность проявляютъ и несравненнаго совершенства достигли произведенія **мелкой пластики**, изготовляемыя изъ самыхъ разно-

образныхъ матеріаловъ. Это — то небольшія статуэтки и группы, не имѣющія опредѣленнаго практическаго назначенія, — японцы называютъ такія вещи «окимоно»—,то всякаго рода предметы обихода, изъ которыхъ особенно популярны среди коллекціонеровъ эфесныя чашки мечей (ср. рис. 1 и 2 на табл. VI) и «нецке» (ср. рис. 2 и 3 на табл. VIII), носимыя на поясахъ для пристегиванія къ нимъ всякаго рода предметовъ. Въ этихъ чисто-японскихъ произведеніяхъ проявляются бездна прилежанія, внушеннаго любовью къ дѣлу, бездна творческой фантазіи, бездна индивидуальной художественной свѣжести, при удивительномъ умѣньи пользоваться формами природы и стильно приспособлять ихъ къ назначенію предмета. Мелкая пластика начала процвѣтать въ XVI в., но особаго расцвѣта достигла въ XVIII стол.; изъ знаменитыхъ мастеровъ Еійу, которому принадлежитъ, напр., чашка меча со цвѣтами (рис. 2 на табл. VI), жилъ на рубежѣ XVII и XVIII вв., а Мива-старшій и Тадатоши (ихъ нецке на табл. VIII)— въ концѣ XVIII стол.

Живопись проникла въ Японія, какъ и письменность, изъ Китая, и орудія живописи остались донынѣ у японцевъ общія съ китайцами. Масляная живопись имъ была неизвѣстна. Они пишутъ исключительно акварелью по бумагѣ или по шелку, не знаютъ ни карандашей, ни употребленія пера,—никакихъ твердыхъ и неподатливыхъ орудій живописи. Японскіе «какемоне»—картины—пишутся тушью и акварельными красками на бѣломъ шелку или на несравненной японской бумагѣ. Никогда японецъ, имѣющій нѣсколько «какемоне», не вывѣшиваетъ ихъ всѣ сразу; они хранятся свернутыми, и изъ нихъ выбираются для украшенія тѣ, которыя болѣе подходятъ къ данному случаю, къ данному времени года или ко вкусу гостей, которыхъ ждетъ хозяинъ. Содержаніе японскихъ картинъ безконечно разнообразно. Такъ какъ японскіе художники охотно берутъ сюжеты и изъ миѳологіи, и изъ героическаго эпоса, то содержаніе многихъ такихъ картинъ непонятно европейцамъ безъ соотвѣтствующихъ объясненій. Но даже и тутъ, при непонятности сюжета, въ нихъ для насъ много совершенно особенной привлекательности, находящейся въ зависимости, конечно, отъ тонкаго прирожденнаго вкуса ихъ художниковъ, отъ удивительно нѣжныхъ красокъ и дѣйствительно неподражаемаго мастерства въ рисункѣ. Надобно замѣтить, что японскія картины именно героическаго и историческаго содержанія менѣе всего способны нравиться европейцамъ; въ нихъ бросаются въ глаза съ наибольшею рѣзкостью всѣ непріятныя особенности японскихъ художниковъ; посадка и группировка фигуръ въ нихъ принужденныя, форма не всегда эстетична, погрѣшности противъ чувства мѣры очень часты. Повидимому, однако, всѣ эти особенности имѣютъ на этихъ именно

картинахъ значенiе условное, потому что въ области жанра японскiе художники совершенно свободны отъ этихъ недостатковъ. Особенной же силы достигаютъ японскiе худржники въ пейзажной живописи.

Творцомъ японской нацiональной живописи историки считаютъ Косе Кана-ока, жившаго въ IX вѣкѣ. О немъ сложилась легенда, очень напоминающая легенду о Зевкисѣ: разсказываютъ, будто лошади, написанныя имъ въ одномъ изъ храмовъ въ Нуннаи, были такъ живы, что по ночамъ выходили изъ рамъ и мчались по полямъ. Отъ Кана-оки до Цунетаки въ XIII вѣкѣ господствовало направленiе въ живописи, данное первымъ: это была живопись больше религiозная, чѣмъ свѣтская, хотя и не исключительно.

Цунетака былъ вице-губернаторомъ провинцiи Тоса, и, начиная съ него, какъ, художественнаго родоначальника, цѣлая плеяда талантливыхъ художниковъ, усвоившихъ себѣ его направленiе, носитъ въ Японiи названiе художниковъ *школы Тоса*. Характерная черта этой школы—аристократичность, а искусство той эпохи можно назвать придворнымъ. Наибольшаго совершенства достигаютъ художники школы Тоса въ изображенiи птицъ, цвѣтовъ, плодовъ и т. п. (nature morte). Къ лучшимъ живописцамъ этой школы принадлежатъ Мицуоки († 1691 г.), Мицугоси († 1772 г.) и Мицусада († 1806 г.).

Если школа Тоса была придворной школой микадо, то развившаяся затѣмъ *школа Кано* является придворной школой сё-гуновъ. Характерная особенность новой школы—*натурализмъ*, постепенно въ ней развивающiйся и достигающiй сильнѣйшаго выраженiя у художника-пейзажиста Мотоногу (1475—1559). Первые начатки новаго направленiя замѣчаются уже въ XV вѣкѣ, въ знаменитой картинѣ «Смерть Будды», кисти Мейсiо († 1427 г.) и еще болѣе въ работахъ Сессю (1414—1506), явившагося основателемъ японской живописи чернымъ по бѣлому въ большомъ размѣрѣ. Къ той же школѣ, учителемъ и сознательнымъ поборникомъ которой былъ Кано Матонобу (1475—1559), давшiй всей школѣ свое имя, принадлежитъ, кромѣ многихъ другихъ, знаменитый пейзажистъ Таню (1601—1674) и художники Ианобу (ум. въ 1651 г.), Циненобу (ум. въ 1683 г.) и Сансецу (ум. въ 1654 г.).

Въ XVII стол., подъ влiянiемъ послѣднихъ четырехъ мастеровъ, начинается широкое развитiе общенароднаго японскаго искусства, рѣшительно оставившаго сферы аристократическую и миѳологически-буддистскую и подошедшаго ближе къ широкой народной жизни, къ родному пейзажу. Это новое натуралистическое направленiе, извѣстное подъ названiемъ *Укiйойе* (школа юдоли скорби), было основано въ серединѣ XVII в. живописцемъ Матагеи, писавшимъ правдивые, полные жизни типы, группы и сцены изъ быта низшихъ клас-

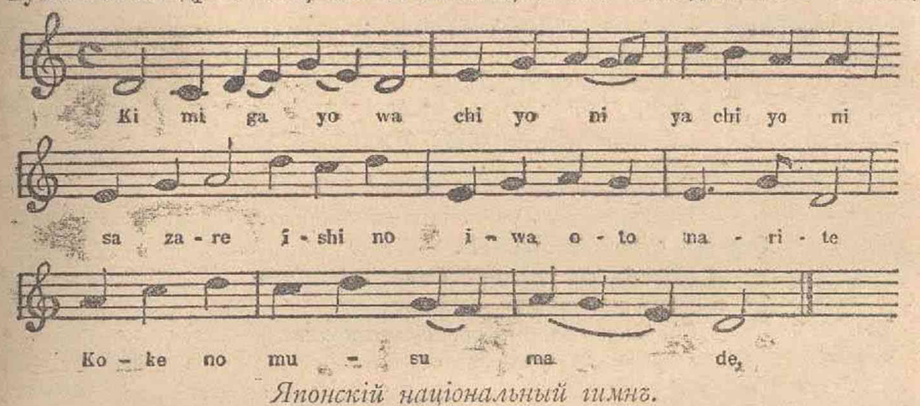
Японская музыка.

Н. Д. БЕРНШТЕЙНА.

Японскія легенды повѣствуютъ, что лишь съ помощью музыки удалось выманить богиню солнца изъ пещеры, въ которую она во гнѣвѣ удалилась (ср. выше, стр. 47). Музыкѣ, слѣдов., съ самаго начала существованія міра, земля обязана освобожденіемъ отъ мрака и водвореніемъ свѣта, силѣ музыки подчиняется даже богиня, и по всему этому вполнѣ естественно, что въ странѣ «Восходящаго Солнца» музыкальнымъ инструментамъ придаютъ символическое значеніе и причисляютъ ихъ къ главнымъ принадлежностямъ культа Синто.

Не только синтоизмъ, но и конфуціанство и буддизмъ отводятъ музыкѣ первенствующее, почетное мѣсто. Самое замѣчательное божество, олицетворяющее собою идеалъ прекраснѣйшаго: женщины, семьи, гармоніи и моря—этой главной кормилицы великаго Ниппона—богиня Бенъ-зан-тенъ-нью или Бентенъ, это восьмирукое божество добрыхъ дѣлъ, считается также изобрѣтательницею лютни и покровительницею чуднаго голоса. «Не разъ, говоритъ Гюмберъ, случалось мнѣ слышать, по захожденіи солнца и иногда даже въ глухую ночь,—звуки тамбуриновъ, составляющихъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, весь оркестръ храма Бентена. Бонзы (жрецы) безъ конца бьютъ въ этотъ монотонный инструментъ, соблюдая всегда одинъ и тотъ же темпъ, напримѣръ: четыре удара ровныхъ и звучныхъ, и вслѣдъ за ними четыре такихъ же ровныхъ, но глухихъ, и такимъ образомъ они повторяютъ одно и то же цѣлые часы, составляющіе, вѣроятно, условное время, необходимое для удаленія злыхъ вліяній. Ничто не можетъ сравниться съ заунывнымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ этотъ глухой, размѣренный шумъ, когда онъ сливается, въ глубокой тиши ночи, съ завываньемъ вѣтра въ высокихъ кедрахъ и гуломъ морскихъ волнъ». Эта монотонность какъ бы силится выразить невыразимую глубину проповѣди, высокое философское воззрѣніе, итогъ буддійскаго исповѣданія; «торжество вѣчности надъ мимолетнымъ временемъ, безконечнаго величія Нирваны въ сравненіи съ низменною суетностью человѣческой жизни».

Участіе музыки на всѣхъ торжествахъ, при всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ обязательно; она исполняется самими жрецами и стоитъ всегда на первомъ планѣ. Она постоянно въ самомъ широкомъ употребленіи, ибо Японія—страна праздниковъ: вѣчно и вездѣ воздухъ оглашается звуками пѣнія, большихъ барабановъ, тамбуриновъ, мѣдныхъ гонговъ и бронзовыхъ колоколовъ. Но языческая Японія, съ ея ребяческимъ фиглярствомъ, съ ея священными церемоніями и процессіями, поныпѣ еще, однако, хранитъ въ своихъ нѣдрахъ тотъ зародышъ, изъ котораго со временемъ образуется національная музыка.

До насъ не дошли какіе-либо несомнѣнные памятники японской музыкальной древности, мы не знаемъ, какого мелодическаго склада,

Японскій національный гимнъ.

какого словеснаго содержанія были ея древніе мотивы, ея пѣсни. Для сужденій о древней японской музыкѣ не даетъ матеріала и японскій національный гимнъ, хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, онъ очень древняго происхожденія. Гимнъ этотъ чуть ли не кратчайшаго мелодическаго склада. Содержаніе его приблизительно такого рода: «Да продлится держава нашего императора тысячи да тысячи лѣтъ, пусть онъ царствуетъ, пока камни въ скалы превратятся, пока мохъ затвердѣетъ». Впрочемъ, древность японскаго гимна не доказана. Музыку къ японскому народному гимну скомпановалъ германскій капельмейстеръ Эккертъ. Этотъ Эккертъ былъ вызванъ въ Японію организовать военные оркестры въ преобразованной японской арміи, и онъ первый обратилъ вниманіе на то, что у японцевъ нѣтъ народнаго гимна. Была образована поэтому особая комиссія, которая рѣшила превратить въ гимнъ старинное японское стихотвореніе «Кимигайо». Эккертъ сочинилъ къ этому стихотворенію музыку, комиссія пришла въ восторгъ и нашла, что въ ней удивительно сохранена

японская мелодія. Спустя нѣсколько лѣтъ явились указанія, что Эккертъ вовсе не воспользовался народными японскими мелодіями, а взялъ готовую музыку изъ одной игривой и не совсѣмъ скромной пѣсенки и примѣнилъ ее къ японскому гимну.—Но если у насъ и нѣтъ данныхъ для сужденія о древней японской музыкѣ, то безспорно, что японцы издревле были большими любителями музыки: объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ древнія хроники.

При сотвореніи міра музыка оказываетъ японскому человѣчеству громадную услугу, въ шестомъ столѣтіи до Р. Хр. она спасаетъ японское государство отъ гибели. Первый микадо Цзин-му, какъ нѣкогда Тиртэй спартанцевъ, воодушевляетъ своими боевыми пѣснями своихъ воиновъ къ новому нападенію на непріятеля,—музыка оживляетъ ихъ, и побѣда остается за ними. Музыка же, на ряду со стихами, доставляла побѣду и на всенародныхъ поэтическихъ состязаніяхъ—утагакахъ (ср. выше, стр. 274). О роли музыки на этихъ турнирахъ свидѣтельствуетъ слѣдующее древнее стихотвореніе:

Въ моихъ рукахъ самизенъ звучитъ:
Кто внемлетъ тамъ нѣжному звуку?
Это ты, о моя Кагехиме!
Еслибъ ты перломъ была, дорогая,—
То самымъ красивымъ была бы,
Самымъ красивымъ, блестящимъ
Перломъ-Аваби моимъ!

До недавняго времени въ Японіи считалось, что дѣвушка получила хорошее воспитаніе, если она знала игру на самизенѣ или даже на кото (игра на немъ труднѣе).

Первоначальный источникъ японской музыки, пишетъ докторъ Мюллеръ въ журналѣ «Народо- и естествовѣдѣніе восточной Азіи», лежитъ въ Китаѣ и Кореѣ, но источникъ этотъ не остался въ своей неприкосновенности. Извѣстно, что китайцы пришли давнымъ-давно ко многимъ совершенно правильнымъ музыкальнымъ выводамъ; но если они и знали 12 полутоновъ, квартовые, квинтовые круги и еще многое другое, то все это въ строжайшемъ консерватизмѣ хранилось въ теоріи, а практика довольствовалась самыми первобытными пріемами, съ дѣтской наивностью скандируя на своихъ примитивныхъ инструментахъ и до нелѣпости щеголяя своею безобразною замкнутостью. Совершенно иное мы видимъ у японцевъ, съ ихъ духомъ, но китайскимъ знаніемъ: заимствованное у китайцевъ они стремятся переработать по-своему, но къ чему они пришли въ музыкѣ, этого опредѣлить еще не можемъ. Въ частности, японскія мелодіи, собран-

ныя фонъ-Зибольдомъ и аррапжированныя для фортепіано Книпферомъ, не даютъ никакихъ положительныхъ понятій о японской музыкѣ: онѣ, какъ наши пѣсни временъ Екатерининскихъ, лишены самобытности, не имѣютъ опредѣленной національной физіономіи.

Микадо, осебенно-же сё-гуны, иногда даже и дайміо содержали свои частные оркестры. Свѣтская музыка сё-гуна носитъ названіе «Но», духовная музыка микадо—«гагакку» или «гакку». Поэтому и музыканты, исполняющіе одну духовную музыку, единственные, которые теоретически образованы и владѣютъ чтеніемъ нотъ, именуются: «гаккунинъ».

Современные профессіональные музыканты въ Японіи образуютъ цехи; какъ наши бывшіе скоморохи, они странствуютъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, и. какъ наши «виртуозы» на гармошкѣ, балалайкѣ или гитарѣ, всѣ они—самоучки, ничего не знающіе о нотахъ и теоріи.

Уже въ этомъ японцы рѣзко отличаются отъ китайцевъ. Въ «Небесной имперіи» музыка составляетъ привилегію особаго класса; бываютъ люди не играющіе, но теоретики, а обратный случай, какъ это имѣетъ мѣсто въ Японіи, тамъ не наблюдается.

Въ общемъ музыканты раздѣляются въ Японіи на слѣдующія категоріи:

1) «Гаккунины», пользующіеся высшимъ почетомъ. Даже дайміо разучивали у нихъ ихъ духовную музыку, которая исполняется только у микадо.

2) «Генины», занимающіеся свѣтской музыкой, но въ теоріи и нотахъ ничего не смыслящіе. Игрокъ на «кото»—единственный, который знаетъ лады и нотацію свѣтской музыки.

3) Слѣпые, исполняющіе одну простую музыку. Этотъ третій классъ имѣетъ два побочныхъ почетныхъ чина, которые пріобрѣтаются деньгами: а) Кенгіо и b) Кото.

4) Женщины-музыкантши, стоящія какъ въ музыкальномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ на очень низкомъ уровнѣ. Къ этому разряду могутъ быть отнесены и многія гейши.

Что касается японскаго репертуара, то имѣется у нихъ народная музыка, такая, которая поется мужикомъ, рыболовомъ и др. при работѣ; мотивы ихъ напоминаютъ мѣрную, однообразную псалмодію и подходятъ, по мнѣнію Моксизи, къ пѣнію горныхъ жителей Шотландіи. Но есть у нихъ и другой родъ мелодій—высшаго сорта, и эти-то уже принадлежатъ одному изъ музыкальныхъ цеховъ и могутъ быть только имъ исполняемы. Для каждой музыки существуютъ отдѣльные инструменты; такъ, напр., для священной—подъ названіемъ «чистыхъ»—«каккуки», для древне-японской, и для «не-

чистой». Тѣ инструменты, которые употребляются при священной музыкѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть примѣняемы при исполненіи другого музыкальнаго рода въ оригинальномъ своемъ видѣ: они должны быть тогда измѣняемы или по виду, или по числу струнъ.

Японскіе инструменты очень просты, они безъ всякихъ вентилей

Играть на одну октаву выше.

Образецъ японскаго фудзію.

или клавіатуръ: они—ударные, духовые или струнные, точно такіе же, какъ у китайцевъ. Чисто японскимъ инструментомъ является, по Науману, сильно трескучій гобой. Онъ состоитъ изъ морской раковины и мундштука, имѣющаго форму трубки, а единственный струнный инструментъ, существующій у японцевъ и почти невѣдомый у китайцевъ,—по Размадзе—самизенъ. Это—самый обычный инструментъ, пользующійся большимъ распространеніемъ и употребленіемъ. Имъ аккомпанируютъ пѣнію, на немъ преимущественно играютъ гейши и на-

родъ. По Размадзе, онъ соститъ изъ почти кубическаго небольшого ящика (примѣрно въ одинъ кубич. футъ) безъ всякихъ отверстій, съ прикрѣпленной къ нему въ видѣ грифа изогнутой, длинной шейкой; струнъ на самизенѣ три; привязываются онѣ наглухо на колкахъ, а на оконечности грифа укрѣпляются на винтахъ довольно первобытнаго устройства, при помощи которыхъ инструментъ и настраивается. Играютъ на самизенѣ лопаточкой, изъ рога, дерева или черепахи, которою играющій защипываетъ струны, значитъ—чѣмъ-то въ родѣ греческаго плектрона (по-японски «батзи»). Но имѣются у японцевъ также инструменты, на которыхъ играютъ смычкомъ—посредствомъ «кіу». Таковъ инструментъ—кокіу, нѣчто похожее на нашу віолончель (играющій ставитъ его себѣ между колѣнъ). Волосы въ смычкѣ конскіе. Самизенъ имѣлся въ музеѣ покойнаго князя Вл. Ѳ. Одоевскаго и чуть ли не отъ него поступилъ въ коллекцію московской консерваторіи. По звуку эти струнные инструменты лютнеобразнаго характера. Кокіусты играютъ старинныя пьесы, унаслѣдованныя ими отъ предковъ, такія называются—*фудзію* (см. нотный образецъ на стр. 308) или обычные современные мотивы—*сохою*.

У японцевъ имѣется, далѣе, масса всякаго рода и вида ударныхъ инструментовъ. У нихъ барабаны, имѣющіе форму солнечныхъ часовъ, которые располагаютъ горизонтально и ударяютъ по нимъ съ обѣихъ сторонъ, цилиндрическія литавры и аппараты со звоночками, которыми потрясаютъ, совершенно похожія на наши дѣтскія побрякушки, и такъ далѣе.

О японской нотаціи рѣдко кто распространяется. Берлинскій профессоръ музыковѣдѣнія Оск. Флейшеръ, написавшій прекрасный трудъ о старинномъ нотномъ письмѣ вообще (Neumen-Studien), говоритъ «японцы пользовались или пользуются акцентуаціею, которою они снабжаютъ свои декламаціи». Книга съ японскою нотаціею имѣется у г-на Флейшера, но разобрать эти ноты ему не удалось. Сами японцы не знаютъ ихъ значенія. Главнѣйшіе и чаще всего употребленные знаки слѣдующаго вида: ㄴ ⟍ ⟵. По цѣлымъ страницамъ каждое слово снабжено однимъ изъ этихъ трехъ знаковъ. О такой же нотаціи и въ настоящее время говоритъ А. Фишеръ въ своей книгѣ о Японіи.

Тонъ у японцевъ, въ ихъ пѣснопѣніяхъ, тѣснѣйшими узами связанъ со словомъ, и какъ у нѣкоторыхъ людей звукъ производитъ всегда одинаковое впечатлѣніе извѣстнаго цвѣта, такъ у японца мотивъ всегда представляется чѣмъ-то содержательнымъ: при каждомъ тонѣ онъ привыкъ что-нибудь да себѣ думать. Это заставляетъ полагать, что музыка у японцевъ дѣйствительно живая рѣчь—она для нихъ имѣетъ чуть ли не бо̀льшее значеніе, чѣмъ для насъ. Сыну «Восходящаго Солнца»

каждый тонъ что-нибудь говоритъ, имѣетъ свое содержаніе. Должно-быть, поэтому, одинъ японецъ, не знающій гармоніи, въ первое время своего пребыванія въ Берлинѣ никакъ не могъ понять, что играютъ: если онъ привыкъ при одномъ звукѣ вызывать въ себѣ какое-либо опредѣленное представленіе, то при сочетаніи многихъ звуковъ выходила чепуха.

Вообще мы японской музыки не понимаемъ, она для насъ такая же загадка, какъ наша—для сыновъ «Восходящаго Солнца». «У японскаго посланника—пишетъ де Волленъ—появилась предъ европейскими гостьями одна изъ лучшихъ японскихъ актрисъ, но одинъ ужъ видъ ея казался намъ до того комичнымъ, что вся наша публика покатилась со смѣха. Однако, я знаю другой случай. Японцы-туристы присутствовали при представленіи въ парижской «Большой Оперѣ». Когда выступила примадонна и начала выводить высокія ноты, то японскими слушателями овладѣлъ такой неудержимый смѣхъ, что представленіе пришлось остановить на самомъ интересномъ мѣстѣ». «Наша музыка—говорятъ китайцы—проникаетъ черезъ уши въ сердце, а оттуда въ душу», а слушая европейскую пѣсню, они получаютъ впечатлѣніе: «вотъ воютъ собаки». Съ другой стороны, всѣмъ почти европейцамъ все китайское и японское кажется до такой степени кошачьей музыкой, что удивляются, какъ такую какофонію слушать можно *).

Только Гюмберъ замѣчаетъ безъ всякаго предубѣжденія: «что касается музыкальныхъ японскихъ наслажденій, то слѣдуетъ сказать правду—цѣну ихъ могутъ постигать одни мѣстные жители. Въ японской мелодіи есть нѣчто странное и неуловимое для европейскаго уха. Музыкальная система, на которой она основана,—еще не извѣстна. Японская музыка изобилуетъ полутонами, если только не четвертьтонами. Она нерѣдко переходитъ въ одной и той же фразѣ изъ мажорнаго тона въ минорный и оканчиваетъ вовсе не въ тонъ». Ф. Ж. Фетисъ замѣчаетъ, «что собранныя Зибольдомъ мелодіи, повидимому, противорѣчатъ всякому предположенію о сходствѣ съ китайской музыкой, потому что въ нихъ мы нисколько не замѣчаемъ пропусковъ, свойственныхъ нотной шкалѣ китайцевъ». Такимъ образомъ, въ японской музыкѣ, какъ и въ японскомъ языкѣ, кроется тайна особой системы, которая не подходитъ рѣшительно ни къ чему изъ того, что намъ извѣстно въ западномъ мірѣ и на крайнемъ востокѣ.

Музыканты театральнаго оркестра, какъ и музыканты, исполняющіе духовную музыку, носятъ шапку въ родѣ древняго національнаго шлема, полукруглаго, безъ гребня и съ продолженіемъ, назначеннымъ для защиты затылка.

---

*) Веберъ, однако, взялъ для увертюры къ пьесѣ Шиллера «Турандо» китайскую мелодію.

Ихъ главные инструменты—флейта-траверсъ, флейта Пана, гобой (вогнутая морская раковина), литавры и гонгъ, называемый «какъдти-ко». Послѣдній составляетъ кругъ, величиною съ половинку ширмы, обтянутый выдѣланной кожей, стоящій на толстой ножкѣ и разукрашенный символическими фигурами и пламенемъ, имѣющими, по всей вѣроятности, какое-нибудь соотношеніе къ поклоненію солнцу.

Въ конечномъ итогѣ необходимо признать, что, несмотря на всѣ наклонности и способности японцевъ, имъ вообще не удалось пока сказать вѣское слово въ музыкѣ, что у нихъ все это искусство въ крайне младенческомъ состояніи, что они для насъ музыкальные варвары. Тысячелѣтія внесли очень мало перемѣнъ въ эту область, и даже время оказалось здѣсь безсильнымъ! Но одинъ обычай исчезъ. По Науману, «японскіе посланники на первой аудіенціи у иностранныхъ государей, при которыхъ они были аккредитованы, обращались не съ рѣчью, но съ пѣніемъ. При этомъ, продолжаетъ Науманъ, мы, конечно, не смѣемъ предполагать, что пропѣтый посломъ ультиматумъ звучалъ подобно какому-нибудь поздравленію. «Дипломатическія ноты» поэтому имѣли въ Японіи двойной смыслъ и здѣсь впервые вполнѣ оправдывали свой общепризнанный характеръ двусмысленностей. Японскіе послы нынче не поютъ, но японскія дипломатическія ноты остались двусмысленными по своему содержанію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ послѣдняя японская нота Россіи, въ которой говорилось о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, а въ виду имѣлась война...

Общественный, домашній и религіозный бытъ Японіи.

Г. ВОСТОКОВА.

Страна, люди, жилища.

— Вы пріѣхали изъ Японіи? Разскажите намъ про желтую опасность!

— Она очаровательна!

Белльссоръ (Bellessort), авторъ «La société japonaise» (1904)—книги, увѣнчанной преміею французской академіи,—начинаетъ съ этого маленькаго діалога предисловіе къ своему сочиненію. Это—комплиментъ, но въ немъ, надо признаться, остроумно и рѣзко отмѣчаются сразу двѣ главныя и наиболѣе интересныя стороны, выступающія предъ европейцами, знакомящимися съ Японіей.

Первая серьезная сторона—это та загадочная, мало понятная до сихъ поръ основа японскаго народнаго характера, та чуждая Европѣ сущность бытового строя Японіи, то нѣчто, что точно притаилось въ этой странѣ и ея народѣ, но чувствуется нами по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ ней; эта тайна Японіи заставляетъ насъ недовѣрчиво насторожиться и уже изъ одного чувства самосохраненія быть, на всякій случай, готовымъ къ отпору. Японцевъ слишкомъ часто до сихъ поръ называли народомъ-ребенкомъ, и вотъ европеецъ, принявшій этого ребенка въ тѣсный кругъ своей европейской семьи, натыкается въ немъ неожиданно на нѣчто, вполнѣ сложившееся, упирается въ опредѣленный народный характеръ, который, при всей своей видимой гибкости, очень упругъ и стоекъ. Здѣсь—въ значительной мѣрѣ—источникъ возникновенія въ европейцахъ тревоги, идеи «опасности».

Вторая сторона—это та непреодолимая, несмотря на все недовѣріе, привлекательность, то положительно подкупающее впечатлѣніе, которое вызываетъ Японія въ европейцахъ, близко подошедшихъ къ этой поэтической странѣ, и которая исторгаетъ прямо взрывы восторга даже у людей, заранѣе недоброжелательно настроенныхъ.

Все въ Японіи, начиная отъ природы и кончая людьми, поражаетъ, восхищаетъ и очаровываетъ европейцевъ; даже неодушевленные предметы кажутся обладающими въ Японіи своеобразною прелестью. «Если неодушевленные предметы—говоритъ знатокъ японской литературы Б а л е—имѣютъ, какъ утверждаютъ поэты, душу, то въ Японіи душа вещей обладаетъ чарующей силой, излучаетъ свое очарованіе на всѣхъ, кто приходитъ съ нею въ соприкосновеніе».

Эрнстъ фонъ Гессе-Вартекъ, занимающій безспорно одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ писателей и путешественниковъ послѣдняго времени, въ такихъ выраженіяхъ описываетъ впечатлѣніе перваго своего знакомства съ Японіей:

«Когда предъ моимъ умственнымъ взоромъ проходятъ картины всѣхъ странъ, видѣнныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ земного шара, то я не могу себѣ представить ничего болѣе идиллически-прекраснаго, полнаго какой-то нѣги, чѣмъ этотъ райскій уголокъ восточной Азіи—Японію, а особенно ея море... На пути изъ Нагасаки къ Симоносеки я читалъ на пароходѣ многочисленныя описанія Японіи и невольно улыбался преувеличеннымъ похваламъ, расточаемымъ японскому Средиземному морю, преддверіе котораго какъ бы составляетъ Симоносеки. Но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія».

Путешественники по японскому Средиземному морю плывутъ въ теченіе цѣлыхъ дней исключительно въ лабиринтѣ изящныхъ, причудливыхъ, разнообразныхъ по величинѣ и по внѣшнему виду островковъ; ихъ тутъ цѣлыя тысячи, начиная отъ довольно крупныхъ и кончая островками, состоящими изъ нѣсколькихъ скалъ, вышиною въ нѣсколько метровъ.

«Всѣ эти островки необыкновенно живописны на видъ и такъ красиво сгруппированы, что, глядя на эту идеальную красивую панораму, стоишь какъ очарованный и не можешь глазъ отъ нея оторвать. Всѣ пассажиры нашего парохода цѣлый день проводятъ на палубѣ и не могутъ оторваться отъ безпрестанно смѣняющихся картинъ и видовъ. Когда пришло время обѣда, то прислуга потеряла всякое терпѣніе, приглашая насъ къ столу звонкими и громкими ударами въ гонгъ»...

Такъ встрѣчаетъ японская природа своихъ гостей.

Такъ же ласково и гостепріимно, какъ встрѣчаетъ европейцевъ японская природа, встрѣчаютъ ихъ и люди. Сами японцы, съ ихъ привѣтливыми и ласковыми манерами, весь строй ихъ жизни, домашней и уличной, подкупаютъ европейцевъ своей живописной граціей, простотой и особенной, однимъ японцамъ свойственной, кокетливой любезностью.

Отпечатокъ чего-то не столько дѣтскаго, сколько женственнаго

лежитъ на людяхъ, вещахъ, обстановкѣ и бытѣ японцевъ. Тонкій запахъ цвѣтовъ, встрѣчающій васъ въ домѣ каждаго японца, изящныя мелкія вещицы, подвижная, капризная внѣшность всего, что составляетъ несложную и крайне оригинальную обстановку японскаго дома; висящія на стѣнахъ даже самыхъ бѣдныхъ жилищъ «какемоне» — длинныя узкія полосы бумаги съ изящными рисунками на нихъ, вѣера съ написанными на нихъ непремѣнно рукой самого поэта «ута» — двустишіемъ, изящнымъ по формѣ и красивымъ по мысли, — все говоритъ вамъ о чисто-женскомъ изяществѣ и чутьѣ этого народа; манера, съ которою встрѣчаетъ васъ хозяинъ дома, его привѣтливая улыбка, ласковая рѣчь, весь этотъ букетъ этикета, не нарушающаго впечатлѣнія спокойной простоты, говоритъ вамъ о тонкой воспитанности. Взгляните на руки японцевъ, на эти небольшія нервныя руки, свидѣтельствующія о породистости и о культурѣ: онѣ живо напоминаютъ вамъ изящество и тонкую отдѣлку тѣхъ произведеній искусства, тѣхъ знаменитыхъ японскихъ бездѣлушекъ, которыя вышли изъ-подъ ихъ пальцевъ. Японцы несомнѣнно умѣютъ быть жестокими, но въ то же время съ какою нѣжностью прикасаются они къ обнаженнымъ ранамъ души друга! Они тщеславны, но, можетъ-быть, именно поэтому они никогда не забываютъ о вашемъ достоинствѣ и боятся задѣть и оскорбить васъ. Японцамъ свойственно стремленіе нравиться въ мѣрѣ, быть-можетъ, гораздо бо́льшей, чѣмъ это свойственно мужчинамъ у насъ; слушая чужую похвалу, они какъ-будто утверждаются въ своемъ хорошемъ мнѣніи о самихъ себѣ. Вездѣ вокругъ себя они распространяютъ ту атмосферу гармоніи, которая такъ необходима ихъ утонченнымъ чувствамъ; они умѣютъ самымъ незначительнымъ словамъ придавать глубокое и таинственное значеніе и смыслъ, и понятно, что въ Японіи вы не услышите почти никогда грубыхъ и рѣзкихъ словъ, не увидите грубыхъ жестовъ. Ихъ богословы часто гораздо тоньше понимаютъ красоту вышитой матеріи, нежели глубокомысленныя выраженія и символы священныхъ книгъ, а философы ихъ одинаково высоко цѣнятъ изящество букета цвѣтовъ, какъ и мѣткость и остроуміе новой философской идеи.

Люди, изучавшіе исторію Японіи, почти всѣ утверждаютъ, что японцы малоизобрѣтательны, но что они при этомъ легко и хорошо усвоиваютъ чужія изобрѣтенія. Д-ръ Тенъ-Кате, повторяя слова Кольбриджа, сказанныя о яванцахъ, говоритъ о японцахъ: «прекрасная воспроизводящая машина, правдивый фотографическій аппаратъ, часто одаренный при этомъ артистической жилкой, но безъ иниціативы, безъ творческой мысли» [д-ръ Кате, принадлежащій, между прочимъ, къ крайнимъ японофобамъ, протестуетъ здѣсь, однако, противъ выраженій «превосходный» и «правдивый», такъ какъ для этого япон-

цамъ не хватаетъ, по его мнѣнію, способности глубокаго пониманія]. Интеллектуальная исторія Японіи, какъ это часто бываетъ у женщинъ, есть исторія ихъ романовъ. Увлеченные китайцами, они въ теченіе цѣлыхъ столѣтій японизируютъ у себя все китайское; теперь имъ вскружили голову европейцы, и они цѣликомъ отдаются насажденію у себя европейской культуры. Увлеченные, они обнаруживаютъ, повидимому, гибель симпатіи и довѣрчивости. Однако, подъ ихъ наружною подражательностью скрывается медленная и трудная работа усвоенія и измѣненія, передѣлки воспринятаго по-своему; благодаря этому мы впослѣдствіи въ заимствованномъ ими у насъ натыкаемся на особенности не наши, намъ чуждыя. Если прибавить къ этому странное сплетеніе въ ихъ натурѣ естественнаго съ искусственнымъ, ихъ непостоянство и вѣчную загадку ихъ улыбки, то станетъ понятнымъ то впечатлѣніе и вмѣстѣ обаяніе женственности, которое производятъ японцы на европейцевъ.

Туристъ изъ другой части свѣта, попавшій въ любой изъ нашихъ европейскихъ городовъ, былъ бы поставленъ въ возможность изучать только уличную жизнь. Все, что совершается за крѣпкими непроницаемыми стѣнами нашихъ домовъ, осталось бы скрытымъ для него. Семья, домашній бытъ, вся интимная подкладка жизни тщательно скрываются нами отъ досадныхъ и навязчивыхъ взоровъ постороннихъ наблюдателей. Въ Японіи ничего этого нѣтъ.

Достаточно побыть нѣсколько часовъ на улицахъ японскаго города,—конечно, въ тѣхъ кварталахъ, которые еще не потеряли своей физіономіи подъ наплывомъ европейскихъ новшествъ,—чтобы ознакомиться съ цѣлой массой подробностей интимнѣйшей жизни японцевъ, увидѣть ихъ среди ихъ домашнихъ занятій, среди ихъ семейной обстановки, наблюдать ихъ въ ихъ повседневныхъ будничныхъ отношеніяхъ.

Происходитъ это отъ того, что японцы живутъ въ домахъ совершенно своеобразнаго типа. Нашему представленію о домѣ какъ-будто и не соотвѣтствуетъ жилище этого народа; скорѣе всего, это—сквозные павѣсы, съ передвижными стѣнками какъ наружными, такъ и внутренними, позволяющіе видѣть съ улицы не только то, что въ нихъ, но и то, что за ними, въ садикахъ, находящихся обязательно за каждымъ городскимъ домомъ. Дома эти у зажиточныхъ классовъ двухъэтажные, у семей средняго и низшаго классовъ чаще всего одноэтажные. Въ домѣ, кромѣ деревянныхъ стропилъ, поддерживающихъ кровлю, крытую или соломой, или черепицей (на кровляхъ людей богатыхъ черепицы фарфоровыя), есть всего одна неподвижная стѣнка деревянная, всѣ же остальныя перегородки состоятъ изъ деревянныхъ рамъ съ натянутой на нихъ

бумагой; перегородки эти движутся въ пазахъ, устроенныхъ вдоль стропилъ, и благодаря этому японцы имѣютъ всегда возможность разбивать помѣщенія своего дома на сколько угодно клѣточекъ, въ зависимости отъ того, какъ это имъ въ данномъ случаѣ удобнѣе.

Такія жилища устраиваются, конечно, не на фундаментахъ. Въ Японіи, кромѣ землетрясеній, свирѣпствуютъ тайфуны, и вотъ къ борьбѣ съ этими двумя врагами японцы и приспособляютъ типы и особенности устройства своихъ жилищъ и ихъ внутренней обстановки. Во многихъ мѣстахъ Японіи стропила, лежащія на землѣ, связаны между собою совершенно особеннымъ образомъ: въ мѣстахъ скрѣпленія отдѣльныхъ балокъ другъ съ другомъ насыпана дробь; получается особый видъ подвижного скрѣпленія, благодаря которому дома пріобрѣтаютъ способность нѣсколько наклоняться подъ давленіемъ налетѣвшаго тайфуна. Забавное и очень странное для европейскаго глаза зрѣлище представляетъ собою такая японская деревушка въ моментъ бѣшенаго напора тайфуна: не только деревья, кустарники и высокія травы, но и домики наклоняются въ одну сторону подъ напоромъ вѣтра. Въ большихъ городахъ и селеніяхъ, густо застроенныхъ, гдѣ нѣтъ простора набѣгающему вѣтру, такія скрѣпленія не нужны.

На улицахъ городовъ изрѣдка среди рядовъ легкихъ домиковъ попадаются, однако, и небольшія, совершенно особаго типа, глинобитныя постройки. Это—не жилые дома, а сараи, въ которыхъ богатые японцы хранятъ свое болѣе цѣнное имущество, а торговцы—особенно дорогой и легко сгораемый товаръ. Эти зданія называются «кура» и представляютъ собою огнеупорныя постройки, съ глиняными стѣнами въ полъ-аршина толщины. Не взирая на матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, они очень красивы на видъ. Крыши такихъ зданій сдѣланы изъ особенно плотной черепицы, толстыя двери и ставни устроены такъ, что ихъ зазубренные края заходятъ одни въ другіе. Оставшіяся щели во время пожара замазываются глиной, запасъ которой находится всегда подлѣ такой «кура». Когда начинается пожаръ, собственникъ «кура» вырѣзываетъ свое имя на свѣжей глинѣ,—такимъ образомъ, кура запечатывается и только послѣ пожара вновь открывается въ присутствіи свидѣтелей. И надо отдать справедливость: огнеупорныя постройки такого типа оказываются вполнѣ цѣлесообразными; пожары, свирѣпствующіе въ Японіи и уничтожающіе въ короткій срокъ цѣлые кварталы, оставляютъ эти «кура» почти нетронутыми.

Читатель видитъ, что, налаживая свой домашній бытъ, Японія должна была считаться съ совершенно особенными стихійными условіями. Легкій типъ ихъ построекъ прямо обусловленъ частыми землетрясеніями; то же обстоятельство выработало особую простоту, легкость, негромоздкость всей ихъ утвари, мебели,—всего, что во время колебанія

почвы могло бы, падая, легко ломаться или даже ушибить, ранить кого-нибудь. Извѣстно, что вѣрнѣйшее средство избѣгнуть опасности во время землетрясенія—немедленно покинуть домъ, выбѣжать на улицу вонъ изъ предѣловъ домовъ, гдѣ все рушится, обваливается и грозитъ опасностью остающимся внутри ихъ. Японцы живутъ въ открытыхъ домахъ, на половину всегда на улицѣ.

Всегдашняя готовность считаться съ возможностью землетрясенія служитъ, однакоже, причиною тому, что японскія постройки представляютъ собою настоящій костеръ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Маленькіе домики, выстроенные изъ сухого дерева, съ бумажными стѣнами и соломенными крышами, вспыхиваютъ какъ трутъ, и нечего и думать о спасеніи горящаго или сосѣдняго съ нимъ дома. Поэтому, когда на темномъ ночномъ небѣ Японіи появляется зарево или виднѣются огненные «цвѣты Іеддо», и со всякой каланчи доносится зловѣщій звукъ набата, беззаботнымъ населеніемъ сразу овладѣваетъ тревога. Во всѣхъ прилегающихъ къ пожарищу кварталахъ начинаютъ думать о спасеніи.

И вотъ именно несложность и простота японской обстановки дѣлаютъ эту задачу нетрудной въ тѣхъ домахъ, гдѣ пожаръ еще не начался. Женщины бросаютъ въ какую-нибудь корзину свою домашнюю посуду, кухонную утварь, почти сплошь деревянную или металлическую, дѣвушки быстро скатываютъ тонкіе матрацы, соломенныя цыновки и одежды, мужчины вынимаютъ изъ пазовъ даже передвижныя стѣны, обтянутыя бумагой; все это помѣщается на небольшой ручной телѣжкѣ и отвозится въ безопасное отъ огня мѣсто. Сгораютъ сваи, стропила и крыша. Понятно, что японца не такъ сильно страшитъ пожаръ, какъ, напримѣръ, жителей нашихъ городовъ и деревень; зачастую японецъ, вчера погорѣвшій, сегодня живетъ уже въ такомъ же домѣ, какъ его вчерашній; у многихъ имѣются даже въ запасѣ заготовленныя стропила и основная стѣнка новаго дома.

День на улицахъ японскаго города.

Интимная жизнь японцевъ, какъ мы уже выше сказали, открыта взору всякаго внимательнаго наблюдателя. Провести на улицѣ японскаго города день съ утра и до 10 или 11 часовъ ночи, внимательно всматриваясь во все, происходящее открыто въ домахъ,—безспорно самый вѣрный путь для ознакомленія съ домашнею жизнью японцевъ. Вы сразу увидите тогда всю городскую Японію, бѣдную и богатую, высшую и низшую.

Наблюдателю, желающему внимательно и спокойно всмотрѣться въ японскую уличную и домашнюю жизнь, надо обойти городъ пѣш-

комъ и отказаться отъ услугъ своеобразныхъ японскихъ извозчиковъ. «Рикша» (дженрикша)—это возница, который замѣняетъ и лошадь *). Къ вашимъ услугамъ чрезвычайно удобный экипажъ: это изящная легкая двухколесная викторія, запряженная вмѣсто лошади человѣкомъ. Почти совершенно обнаженные кули, превосходно сложенные, съ мускулистыми крѣпкими бронзовыми тѣлами, стоятъ возлѣ своихъ «курума», пролетокъ, и, держа шляпу въ рукахъ, вѣжливо, въ самой утонченной формѣ, предлагаютъ вамъ свои услуги, какъ только вы выйдете на улицу. Слово «о» (уважаемый) такъ и пестритъ въ ихъ фразахъ. Избавиться отъ предложенія такого «курумайя» не трудно; если вы въ простой и вѣжливой формѣ отклоните предложеніе, васъ навязчиво преслѣдовать, какъ вездѣ на Востокѣ, не будутъ.

Тротуаровъ на японскихъ улицахъ обыкновенно нѣтъ; только изрѣдка вы увидите на особенно широкой улицѣ одинъ тротуаръ посреди улицы. Да они здѣсь и не нужны. Всѣ здѣсь ходятъ пѣшкомъ или ѣздятъ на маленькихъ «рикшахъ». Поэтому-то здѣсь и легко держать улицы въ чистотѣ: чего не успѣваютъ убрать люди, съѣдаютъ цѣлыя стада куръ, которыя въ ранній утренній часъ выпускаются на короткое время изъ клѣтокъ.

Въ этотъ ранній часъ, кромѣ одинокихъ женщинъ, подметающихъ улицу около дома, можно видѣть на перекресткахъ сонныхъ полицейскихъ въ европейскихъ мундирахъ да еще озабоченно бѣгающихъ по улицамъ изъ-дома-въ-домъ кули съ длинными узкими кадками за плечами; эти люди собираютъ въ свои кадки накопившіяся за день въ домахъ нечистоты. Въ этотъ часъ на японской улицѣ пахнетъ нехорошо, но японцы равнодушнѣе къ этому запаху, нежели мы: японцы дорожатъ всякимъ удобреніемъ, и оно здѣсь цѣнится очень дорого. До сихъ поръ еще въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ обитатели нѣкоторыхъ домовъ платятъ за наемъ квартиры, вмѣсто денегъ, своими изверженіями. Такимъ образомъ, городскія нечистоты получаютъ въ Японіи очень полезное примѣненіе; однако, такое примѣненіе нечистотъ является здѣсь причиной, обусловливающей частыя эпидеміи тифа и холеры. Очень многіе японскіе города страдаютъ отъ недостатка воды. Водопроводы въ нихъ рѣдкость, и бѣдное населеніе городовъ, не имѣющее возможности устраивать колодцы, беретъ воду изъ рѣчекъ и ручьевъ, текущихъ по загрязненной и зараженной почвѣ.

Часовъ съ семи просыпается жизнь въ домахъ. То тутъ, то тамъ «амадо» (деревянныя перегородки), уставленныя на ночь вокругъ ве-

*) Рикши—изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Такое примѣненіе человѣческой силы введено въ Японіи всего лѣтъ сорокъ тому назадъ. Нынѣ это—одинъ изъ распространеннѣйшихъ промысловъ. Въ одномъ только Токіо свыше 80000 рикшей. Обычная такса для рикшей—отъ 7 до 15 сенъ за 1 ри.

рандъ, съ громомъ и трескомъ отодвигаются и раскрываютъ, такимъ образомъ, внутренность японскихъ жилищъ. Передъ вами постепенно развертывается картина японской жизни внутри семьи. Вы видите цѣлыя семьи, усѣвшіяся на мягкихъ, бѣлыхъ соломенныхъ цыновкахъ за утренній завтракъ. Сидятъ всѣ на корточкахъ или на колѣняхъ. Завтракъ почти вездѣ и у всѣхъ одинаковъ, вездѣ подается бѣлоснѣжный дымящійся вареный рисъ и чай, разливаемый въ крохотныя фарфоровыя чашечки изъ большихъ фарфоровыхъ чайниковъ. Женскій персоналъ, жены и дочери, подымается обыкновенно раньше; онѣ уже за домашней работой, моютъ, чистятъ, стряпаютъ въ то время, когда мужья, уже проснувшіеся, зачастую лежатъ на своихъ матрацахъ, расположенныхъ прямо на полу, и посасываютъ коротенькія трубочки. На вашихъ глазахъ японцы, отъ мала до велика, совершаютъ свой туалетъ, начинающійся обыкновенно съ ванны (ср. выше, стр. 161). Свои омовенія японцы совершаютъ совершенно открыто на глазахъ всѣхъ проходящихъ. Молодая женщина или дѣвушка сидитъ преспокойно въ ваннѣ и иногда вылѣзаетъ изъ нея, чтобы подать что-нибудь своему мужу или помочь чѣмъ-нибудь своему маленькому братишкѣ, и затѣмъ спокойно возвращается въ нее. Если въ домѣ тѣсно, ванна нерѣдко выдвигается на улицу, и вамъ приходится обходить какую-нибудь группу весело болтающихъ и моющихся въ горячей водѣ дѣвушекъ.

Туалетъ японцевъ очень несложенъ и почти совершенно одинаковъ у мужчинъ и у женщинъ: платье ихъ отличается другъ отъ друга скорѣе окраской, нежели кроемъ, и кой-какими мелкими подробностями, ускользающими отъ неопытнаго взгляда европейца.

Японка, къ какому бы классу она ни принадлежала, начинаетъ свой туалетъ съ того, что обматываетъ вокругъ бедеръ бѣлое «юмодзи»—нѣчто въ родѣ нашего полотенца, но тоньше и гораздо длиннѣе его; потомъ она одѣваетъ «дзибанъ»—халатикъ изъ тонкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта; халатикъ этотъ плотно облегаетъ фигуру японки и играетъ роль нашей сорочки, но—какъ халатъ—открытъ спереди. Лѣтомъ на «дзибанъ» прямо надѣвается «кимоно», зимою подъ кимоно одѣваютъ еще шерстяное платье—такой же халатъ—«ситачи». Всѣ эти три вещи—«дзибанъ», «ситачи» и «кимоно»—всѣ одного покроя и превосходно прилажены другъ къ другу. «Кимоно» отличается только тѣмъ, что оно наряднѣе другихъ, шьется изъ гораздо болѣе дорогой матеріи, обыкновенно красивыхъ, нѣжныхъ нарядныхъ цвѣтовъ.

Сверхъ «кимоно» одѣвается широкій поясъ—«оби». На эту принадлежность туалета японки обращаютъ всего больше вниманіе; какъ ни красивы «кимоно» въ уличныхъ туалетахъ японской женщины, вышедшей на прогулку, ея «оби» еще наряднѣе: это гордость и богатство японки.

«Оби» дѣлается изъ широкой, тяжелой шелковой матеріи; женскій «оби» длиною аршинъ въ шесть, шириною аршина въ полтора. Цѣнность такого пояса бываетъ очень высока и, во всякомъ случаѣ, часто превышаетъ стоимость всего костюма. Богатая японка - щеголиха нерѣдко надѣваетъ на себя «оби» стоимостью въ нѣсколько сотъ рублей. Пояса мужчинъ не такъ широки и пышны; въ этомъ, пожалуй, единственное отличіе по формѣ мужского японскаго костюма отъ женскаго; мужской «оби»—мягкій и узкій шарфъ, гораздо ближе подходящій подъ наше представленіе о поясѣ.

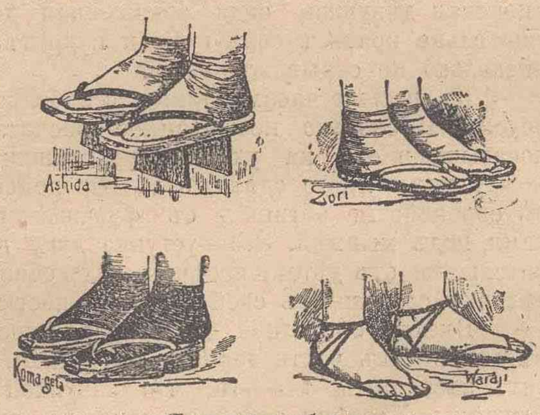
Проходя по улицѣ, вы можете видѣть, какъ японка у себя дома старательно одѣваетъ свой «оби»; одной ей съ этимъ не справиться, обыкновенно ей помогаетъ въ этомъ другое лицо. На «кимоно» прежде всего одѣвается «хозо-оби», тонкій шарфъ изъ крепа; затѣмъ самый «оби» раскладывается во всю длину на цыновкѣ и складывается въ шарфъ, шириною почти въ полъ-аршина; въ такомъ видѣ «оби» обматывается два или три раза вокругъ таліи, причемъ складки обязательно направлены вверхъ; одинъ свободный конецъ «оби» образуетъ сзади петлю, и въ эту петлю пропускается второй конецъ; такимъ образомъ, «оби» завязанъ; чтобы «оби» хорошо держался, поверхъ него одѣвается эластичный тонкій шелковый поясъ, у богатыхъ людей съ золотыми кончиками; такой верхній поясокъ-держатель называется «оби-доми».

Однако, дорогія «кимоно» изъ тяжелой парчи, роскошно расшитой богатою и художественною вышивкою, носятся японцами только на улицахъ и даже по преимуществу въ торжественныхъ праздничныхъ случаяхъ. Въ будничный же день утромъ японцы и японки носятъ дома простенькія домашнія «кимоно» изъ матеріи скромныхъ цвѣтовъ—у мужчинъ болѣе темныхъ, у женщинъ посвѣтлѣе. Кармановъ въ костюмѣ японцевъ нѣтъ, и вы видите, какъ вмѣсто кармановъ японки и японцы пользуются многочисленными складками «оби», а въ особенности широкими и глубокими рукавами своихъ «кимоно». Туда японецъ укладываетъ все, что ему нужно: коротенькія трубочки, съ чашечками не больше нашего наперстка, съ которыми никогда не разстается ни японецъ, ни японка — курятъ тамъ всѣ: мужчины, женщины и даже дѣти; пачки мягкой бумаги, употребляемой японцами вмѣсто носовыхъ платковъ; деньги; коробочку съ пудрой и карандашъ для бровей, которые всякая японская дѣвушка имѣетъ съ собою, выходя на улицу; вѣеръ; словомъ—все, что можетъ понадобиться имъ внѣ дома. Все это укладывается въ глубокіе рукава, и, чтобы достать что-нибудь оттуда, японецъ совершенно прячетъ на время руку въ свой рукавъ.

Дома японцы обходятся безъ всякой обуви. На ногахъ ихъ,

обнажающихся при всякомъ движенiи во время ходьбы, при наклонѣ, быстромъ поворотѣ, благодаря расходящимся поламъ ихъ «кимоно» и «дзибанъ», вы замѣтите только короткiе носки, бумажные или шелковые, съ отдѣленiемъ для большого пальца, и съ крѣпкой подошвой изъ толстой шерстяной матерiи; дома все такъ чисто, цыновки, выстилающiя полъ, такъ опрятны, что ходить по нимъ въ обуви съ улицы немыслимо. Но вотъ японецъ собирается выйти на улицу и одѣваетъ «гета», стоящiя у входа, какъ у насъ калоши. «Гета»—это тяжелыя, въ дюймъ толщиною, деревянныя сандалiи, прикрѣпляемыя къ ногѣ кожаными ремнями. Такую обувь носятъ всѣ: мужчины, женщины и даже дѣти. Конечно, такая обувь, безобразная по формѣ, лишенная всякой гибкости, стѣсняетъ въ движенiяхъ и, несмотря на всю привычку къ ней, въ значительной мѣрѣ лишаетъ японцевъ подвижности; фигура перегибается впередъ, колѣна всегда немного согнуты, движенiя лишены свободы.

Дѣти одѣты дома совершенно такъ же, какъ ихъ родители: на нихъ тѣ же «кимоно», тѣ же «дзибанъ». «Кимоно» ихъ, однако, бываютъ даже въ будни очень нарядны; они обыкновенно яркихъ цвѣтовъ и вышивка на нихъ особенно крупная. Комичное впечатлѣнiе производятъ четырехлѣтнiе бутузы, здоровые, крѣпкiе, всегда веселые, съ плутовскими ребячьими физiономiями, съ бритыми головами, на которыхъ торчатъ небольшiе участки нарочно для красоты оставленныхъ волосъ, одѣтые совершенно какъ взрослые люди, и что особенно комично: чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ крупнѣе и ярче узоръ его «кимоно». Въ холодную погоду дѣтей укутываютъ въ нѣсколько «кимоно» одно за другимъ. Въ домахъ побѣднѣе дѣтей часто оставляютъ въ хорошую погоду совсѣмъ голыми и если ихъ хотятъ выпустить на улицу, то обертываютъ въ одно «кимоно».



Японская обувь.

Про сложность и пышность японской прически слышалъ всякiй, а со времени увлеченiя Европы всѣмъ японскимъ, характеру японской прически стараются подражать дамы и у насъ. Здѣсь, на японской улицѣ, вы можете видѣть, хотя и не часто, какъ японки причесываются—не часто потому, что японка причесывается разъ въ 10—

12 дней. Сооруженіе это очень сложное; сама японская женщина или дѣвушка не въ состояніи причесаться,—для этого приглашается за ничтожную плату спеціалистка-парикмахерша. Въ ходъ идутъ не только собственные волосы японки, черные и прямые, но и накладки. Все это искусно и тщательно скрѣпляется съ помощью шпилекъ и гребней и представляетъ собою сооруженіе, достаточно прочное, чтобы держаться нѣсколько дней. Благодаря такой прическѣ спать, какъ у насъ, подкладывая подъ голову подушку, японкѣ немыслимо; поэтому вмѣсто подушекъ служатъ небольшія деревянныя колодки съ вырѣзомъ, въ который укладывается шея. Японецъ, котораго вы видите лежащимъ еще въ постели, т.-е. прямо на полу на тонкомъ матрацѣ, накрытъ толстымъ цвѣтнымъ одѣяломъ, но подъ нимъ онъ лежитъ одѣтый въ свой «дзибанъ» или даже въ «ситачи», въ зависимости отъ времени года.

То въ томъ, то въ другомъ домѣ вы видите, какъ молодая японская дѣвушка, сидя обнаженная до пояса передъ зеркаломъ, тщательно краситъ себѣ губы и пудритъ лицо. Такъ дѣлаютъ всѣ и нисколько не скрываютъ этого.

Къ восьми часамъ улицы все болѣе и болѣе наполняются народомъ. Нѣсколько неожиданное впечатлѣніе производятъ на васъ показывающіеся на улицахъ ребятишки, отправляющіеся въ школу: между ними много одѣтыхъ въ европейское платье, штаны и куртки, въ европейскія ботинки, съ фуражками на головахъ и съ книжками подъ мышкой. Это—уступка духу времени; этого требуетъ правительство отъ дѣтей, посѣщающихъ общественныя школы. Впрочемъ, дѣвочки сохраняютъ свой японскій костюмъ.

Вмѣстѣ съ толпой вы отправляетесь въ наиболѣе оживленныя въ этотъ часъ части города—на рынки, и самое главное, что поразитъ васъ тамъ, это—то, что закупкой провизіи завѣдуютъ здѣсь мужчины. Хозяйки остаются дома за своими домашними работами. На рынкахъ вы можете видѣть, что ѣстъ японецъ, и изъ чего слагается его сравнительно несложная кухня. Японцы почти совершенные вегетаріанцы: мяса на рынкахъ вы почти не увидите, вездѣ—овощи, фрукты, рисъ, бобы, морскія водоросли, въ особенности особый видъ ихъ, называемый морскою капустою, и рыба. Торгъ ведется вѣжливо, вы не увидите на японскомъ рынкѣ ничего, напоминающаго наши грубые рыночные нравы; нѣтъ ни ругани, ни азартнаго торга, все совершается въ формахъ чрезвычайно вѣжливыхъ, сопровождается низкими поклонами, любезными улыбками, выраженіями самыми изысканными, полными комплиментовъ. Японецъ, входящій въ лавку, оставляетъ у порога свои «гета» (обувь) и низко кланяется хозяину. Хозяинъ, его продавщицы отвѣшиваютъ и ему рядъ

нижайшихъ поклоновъ; словомъ, въ общемъ, зрѣлище этого торга до такой степени необычайно, что прямо поражаетъ европейца. Кажется, будто сюда пришли вовсе не бѣдные люди за закупкой самыхъ обыденныхъ предметовъ первой необходимости, а собрались богатые люди, рантье, съ цѣлью накупить себѣ веселыхъ и забавныхъ бездѣлушекъ. Знакомые, встрѣчаясь, низко раскланиваются, слегка присѣдая при согнутыхъ колѣнахъ и выражая всей своей фигурой и лицомъ живѣйшее удовольствіе. Они долго трутъ себѣ руками бедра, втягиваютъ воздухъ сквозь стиснутые зубы и не скоро рѣшаются разойтись, изъ боязни оскорбить другъ друга поспѣшностью.

Если вы всмотритесь въ эту толпу, вы, при извѣстной наблюдательности, отличите въ ней два типа, очерченные въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящей книги (стр. 28—29) и изображенные на таблицѣ III. Я говорю при извѣстной наблюдательности потому, что непривычному глазу европейца всѣ японцы кажутся сначала удивительно похожими другъ на друга. Докторъ Тенъ-Кате склоненъ въ этомъ видѣть признакъ, свидѣтельствующій о низкомъ уровнѣ развитія японской личности. Къ вопросу о развитіи личности въ Японіи мы еще вернемся; здѣсь укажемъ только, что проф. Бельцъ, прожившій въ Японіи болѣе двадцати лѣтъ и практиковавшій тамъ какъ врачъ, возражая Тенъ-Кате, разъяснилъ, насколько ошибоченъ этотъ взглядъ: оказывается, что японцы, путешествующіе по Европѣ, выносятъ такое же впечатлѣніе о безразличіи нашихъ физіономій.

Среди людей, наполняющихъ рынокъ, много почти совершенно нагихъ. Чаще всего это чернорабочіе и крестьяне; тѣла многихъ изъ нихъ украшены художественной татуировкой. На голой груди какого-нибудь кули вы можете видѣть отлично выполненный портретъ женщины—его жены или возлюбленной; другіе украшены изображеніями драконовъ, разныхъ птицъ и звѣрей, цѣлыми пейзажами; многихъ татуировка покрываетъ и спереди, и сзади, начинаясь съ ногъ и кончаясь на груди и спинѣ. Большинство японцевъ ходитъ на улицѣ съ непокрытыми головами; въ дурную погоду они прикрываютъ головы—одинаково какъ мужчины, такъ и женщины—особыми капюшонами, прикрѣпленными къ «кимоно», или красивыми легкими бумажными зонтиками. Иной разъ вы натыкаетесь на чрезвычайно комичное смѣшеніе костюма европейскаго съ японскимъ. Женщины въ этомъ почти совсѣмъ неповинны, но встрѣтить на улицѣ японца въ пиджакѣ съ голыми ногами и въ блестящемъ цилиндрѣ — явленіе нерѣдкое, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ европейское вліяніе сказалось рѣзче обыкновеннаго: въ Токіо, въ Кобе. Одинъ только предметъ удостоился вниманія японскихъ дамъ: это наши зонтики, которые почти совершенно вытѣсняютъ въ городахъ зонтики японскіе.

Если во время вашего пребыванія на рынкѣ пойдетъ дождь, вы увидите японцевъ въ ихъ странныхъ плащахъ изъ соломы; плащи эти отлично охраняютъ ихъ платья отъ промоканія: по нимъ, какъ по крышѣ, вода скатывается внизъ; этому помогаютъ и огромныя соломенныя шляпы въ формѣ гриба, обтянутыя бѣлою матеріею. Запачкать свои «кимоно» опрятные японцы очень боятся. Надо замѣтить, что стирка у нихъ — дѣло гораздо болѣе сложное, чѣмъ у насъ: платье, требующее чистки, распарывается, чистится и шьется заново.

Японка въ соломенномъ плащѣ.

Улицы все больше и больше оживляются. Коннаго движенія почти совершенно нѣтъ, но все населеніе города, казалось, поднялось на ноги и высыпало на улицу. Дѣло идетъ здѣсь вперемѣшку съ забавой. Фокусники, акробаты, представители разныхъ чисто японскихъ спеціальностей снуютъ въ толпѣ. У воротъ храмовъ цѣлыя маленькія ярмарки; ряды лотковъ съ игрушками, вокругъ которыхъ всегда толпа женщинъ и дѣтей, продавцы сластей, которые едва ли были бы способны удовлетворить вкусы нашихъ дѣтей: какіе-то кусочки тѣста, рѣдька съ сахаромъ и съ сиропами... Въ храмы то-и-дѣло заходятъ женщины и дѣвушки, рѣже мужчины. Входящій моетъ у колодца передъ храмомъ руки, затѣмъ медленно подымается по ступенькамъ вверхъ и звонитъ въ висящій въ крышѣ колоколъ. Послѣ этого онъ громко хлопаетъ въ ладоши и, слегка согнувшись, читаетъ молитву. Конецъ молитвы сопровождается такимъ же хлопаніемъ въ ладоши, послѣ чего бросаютъ въ особый ящикъ свою лепту и уходятъ.

Фокусники и артисты всякаго рода занимаютъ не однихъ дѣтей, а даже и взрослыхъ. Въ этой области японцы истинные мастера: фокусы ихъ не только необычайно ловки, они изящны по замыслу и часто прямо поэтичны. Вотъ «амея» съ небольшимъ горшочкомъ, полнымъ ячменнаго киселя; съ помощью трубочки выдуваетъ онъ дѣтямъ изъ киселя разныя фигурки звѣрей, людей и птицъ, тутъ же засыхающія на воздухѣ. Вотъ жонглеръ, сдувая съ руки грудку бѣлыхъ бумажныхъ обрѣзковъ, съ помощью вѣера группируетъ изъ нихъ въ воздухѣ цѣлую стаю красивыхъ бѣлыхъ птицъ. Недалеко отъ него у

дверей храма сидитъ своеобразный художникъ: разноцвѣтный песокъ замѣняетъ ему краски; онъ сыплетъ его рукою на уложенную передъ нимъ доску, и на ней получаются красивые ландшафты съ летающими птицами и цвѣтущимъ на водѣ лотосомъ. Вы слышите заунывные звуки дудочки и оглядываетесь: это — слѣпой «ама», массажистъ, предлагающій свои услуги за крохотное вознагражденіе. Далѣе вы натыкаетесь на странную фигуру врача—важно выступающаго японца въ очкахъ; за нимъ по пятамъ слѣдуетъ мальчикъ съ ящикомъ медикаментовъ и ступкой въ рукахъ... Жизнь кипитъ веселая, бойкая; кажется, будто въ городѣ «мацури» (праздникъ).

Дѣти особенно оживляютъ японскую улицу своимъ звонкимъ говоромъ, играми и веселымъ смѣхомъ. На рынкѣ вы ихъ видѣли мало, зато улицы полны ими: вы видите ихъ повсюду, на самыхъ улицахъ, въ открытыхъ настежъ домахъ и сквозь дома—въ садикахъ за ними. Въ каждомъ японскомъ домѣ, даже самомъ бѣдномъ, есть садикъ. Иногда онъ не больше нашей небольшой комнаты, но все въ немъ есть: маленькій игрушечный прудокъ съ перекинутымъ черезъ него горбатымъ мостикомъ, аллейка—другая, окаймленная странно согнутыми карликовыми деревьями причудливой формы, крохотныя куртины цвѣтовъ, низенькая каменная скамья и столъ передъ ней (единственный случай, гдѣ вы увидите въ японской обстановкѣ столъ и скамейку), и даже небольшой гротъ, а иногда и фонтанъ *).

Эти игрушечные садики, маленькіе домики японцевъ, изящная игрушечная утварь—все какъ-будто приспособлено для дѣтей, сдѣлано нарочно для нихъ. Вся Японія кажется однимъ огромнымъ дѣтскимъ садомъ. Дѣти здѣсь, повидимому, настоящіе хозяева всего: здѣсь все для нихъ. Заботливость и нѣжность японскихъ родителей къ своимъ дѣтямъ безспорно весьма характерная черта этого народа, единогласно подтверждаемая всѣми путешественниками. Но не надо думать, что дѣти здѣсь избалованы, изнѣжены. Совсѣмъ напротивъ, это—народъ жизнерадостный, здоровый, но спокойный и чрезвычайно благовоспитанный. Плачущаго ребенка вы рѣдко увидите на улицѣ, не увидите и дерущихся мальчишекъ, не услышите криковъ наказываемаго ребенка. Они довѣрчивы, любезны и не пугаются страннаго для нихъ вида иностранца, а съ любопытствомъ, смѣло окружаютъ его, отнюдь

---

*) Декоративное садоводство процвѣтаетъ въ Японіи съ средины XV столѣтія. Въ этомъ искусствѣ существуютъ различныя школы. Одна школа стремится расширить перспективу и вызвать иллюзію, чтобы садъ казался большимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ; для этого спереди располагаются болѣе крупныя деревья и холмики, а на заднемъ планѣ садятся низкорослыя деревья. Другая школа прибѣгаетъ къ прямо противоположнымъ пріемамъ. *Ред.*

однако, не мѣшая ему идти своей дорогой. Если у васъ, однако, по несчастью, рыжіе волосы и борода, ребятишки разсыпаются стрѣлой во всѣ стороны: они примутъ васъ за «они»—чорта, который забираетъ дѣтей, это величайшее пугало для японскихъ ребятишекъ и вѣрнѣйшее орудіе воздѣйствія въ устахъ матерей и сестеръ.

Матери среднихъ и низшихъ классовъ Японіи, а также дѣвушки, начиная уже съ семи лѣтъ и лѣтъ до пятнадцати, таскаютъ своихъ совсѣмъ маленькихъ братьевъ и сестренокъ у себя за плечами, и дѣти чувствуютъ себя тамъ, повидимому, очень хорошо. Васъ не удивитъ, если ребенокъ сидитъ на спинѣ у матери, привязанный къ ней особой лентой, но вы видите, что нянькой ребенку служитъ и семи-восьмилѣтняя сестренка. Сначала такой дѣвочкѣ, конечно, трудно, но она скоро привыкаетъ къ своей ношѣ: весело бродитъ она съ товарками по улицѣ, играетъ съ сосѣдними ребятишками, работаетъ, если надо, и вообще чувствуетъ себя такъ же свободно и просто, точно у ней сзади горбъ. Ребята часто спокойно спятъ за плечами у своихъ молоденькихъ нянекъ въ то время, когда тѣ спокойно и непринужденно бѣгаютъ. Голова мальчишки болтается изъ стороны въ сторону; кажется, вотъ-вотъ онъ сломаетъ себѣ спинку, но всѣ эти опасенія напрасны: ребенокъ охватываетъ своими растопыренными ножками бока своей няньки и крѣпко держится на ней. Кривыя ступни японскихъ дѣвушекъ и женщинъ съ носками внутрь—результатъ такого воспитанія на спинѣ у няньки. Японскія дѣти до двухъ—трехъ лѣтъ сосутъ грудь, и вы можете видѣть, какъ нянька, не снимая своего братишки, садится возлѣ матери и ждетъ, покуда мать покормитъ ребенка.

Какъ ведется въ Японіи воспитаніе дѣтей? Съ одной стороны, въ отношеніи физическомъ,—купаніе, постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, гимнастика на спинахъ своихъ сестеръ, очевидно, превосходно отражаются на здоровьи дѣтишекъ. Смертность, какъ извѣстно, среди японскихъ дѣтей свирѣпствуетъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ, и нѣкоторыя изъ нашихъ наиболѣе губительныхъ для дѣтскаго возраста болѣзней тамъ совершенно не извѣстны. Съ другой стороны, веселые, живые японцы, производящіе на многихъ впечатлѣніе народа легкомысленнаго, относящагося къ жизни далеко не серьезно, съ самаго ранняго дѣтства внушаютъ своимъ дѣтямъ, что жизнь дана людямъ не исключительно для одной радости. Эта суровая, грустная доктрина примѣняется, однако, воспитателями съ такою мягкостью и любовью, что не дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на душу дѣтей. Никакой ворчливости, никакихъ строгостей, почти полное отсутствіе тѣлесныхъ наказаній; давленіе на дѣтей оказывается въ такой мягкой формѣ, что кажется, будто дѣти сами себя воспитываютъ, и что Японія—дѣтскій рай, въ которомъ нѣтъ даже запрещенныхъ плодовъ.

Невидимыми руками дитя направляется къ опредѣленной цѣли. Оно не отдаетъ себѣ отчета въ дисциплинѣ, которой повинуется: самые его инстинкты формируются и направляются въ извѣстную сторону, а именно въ сторону воплощенія расоваго идеала.

Дѣти воспитываются въ Японіи на полной свободѣ: сама природа служитъ имъ, повидимому, воспитательницей. Въ Японіи природа и люди прекрасно спѣлись, сжились въ теченіе вѣковъ и оставили другъ на другѣ неизгладимый слѣдъ. Совершенная своеобразность первыхъ лѣтъ воспитанія на спинѣ у нянекъ оставляетъ уже замѣтный слѣдъ на всемъ складѣ характера японскихъ дѣтей: съ самаго ранняго дѣтства японскій ребенокъ учится приспособляться къ положеніямъ самымъ непредвидѣннымъ, сохраняя при этомъ естественность и гибкость. Уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторую подготовительную школу къ жизни: если не жизненная мораль, то, во всякомъ случаѣ, жизненныя приличія усвоиваются ребенкомъ быстро и прочно. Дѣтямъ никто не говоритъ о необходимости самообладанія; всѣ тѣ нравоученія по этой части, которыя у насъ такъ часто преподносятся дѣтямъ,—здѣсь ненужны. Имъ показываютъ воочію, что сыновнее и дочернее послушаніе и кротость радостны и пріятны; какъ избѣгать передъ родителями и иностранцами выраженія душевныхъ движеній, способныхъ ихъ огорчить или омрачить,—они видятъ на примѣрахъ. Отецъ ребенка никогда не унизитъ своего отцовскаго престижа грубою рѣзкостью и несправедливостью; мать передъ своимъ мужемъ сохраняетъ видъ всегда довольный и по отношенію ко всѣмъ домашнимъ соблюдаетъ всѣ правила вѣжливости. Всѣ эти утонченности, можетъ-быть, скрываютъ много недоговореннаго и условнаго, но японское воспитаніе гораздо болѣе заботится о томъ, чтобы выростить людей, годныхъ къ общественности, чѣмъ объ освобожденіи дѣтей отъ ихъ индивидуальныхъ пороковъ. Въ результатѣ имъ не приходится примѣнять усилій для того, чтобы владѣть собою, даже въ случаяхъ, если они страдаютъ, если оскорблены ихъ самыя законныя чувства: дѣло не въ ихъ чувствахъ, а въ удобствахъ и удовольствіи другихъ людей, и никакое зрѣлище ихъ такъ не радуетъ, какъ видъ улыбающихся вокругъ нихъ физіономій. Искусственность становится второю натурою японца.

Религія, господствующая въ Японіи,—миѳологическія сказанія синтоизма и пантеизмъ буддизма—одушевляетъ для японскихъ дѣтей всѣ вокругъ нихъ находящіеся предметы. По отношенію къ деревьямъ, цвѣтамъ и къ животнымъ дѣти не обнаруживаютъ той холодной жестокости, которую часто можно наблюдать у европейцевъ; все въ природѣ кажется имъ полнымъ порядка и гармоніи, они обнаруживаютъ нѣжную жалость ко всему, что живетъ и дышитъ. Мальчики,

случается, грѣшатъ противъ этого, дѣвочки же никогда. Маленькая японка, которая преслѣдуетъ бабочку и хочетъ ее заставить сѣсть къ себѣ на руку, смотритъ на это существо не какъ на игрушку, а наивно симпатизируетъ ей, понимаетъ ее, можетъ-быть, потому, что сама на нее очень похожа. Наши дѣти грязнятъ и рвутъ книги; маленькіе японцы сочли бы святотатствомъ такое обращеніе со страницами, на которыхъ запечатлѣны мысли и рисунки артистовъ, гораздо болѣе умныхъ и талантливыхъ, чѣмъ они сами.

Чѣмъ ближе къ обѣду, къ тремъ-четыремъ часамъ, тѣмъ пустѣе становятся улицы, только кое-гдѣ въ жаркіе дни женщины и дѣти поливаютъ мостовую передъ своимъ домомъ. Зато въ домахъ людно; семьи собираются въ полномъ составѣ вокругъ обѣденнаго стола. Ѣдятъ, какъ и за завтракомъ, сидя на полу, а самый обѣдъ у большинства очень даже незатѣйливъ. Неизбѣжный вареный рисъ въ разныхъ видахъ, овощи разныхъ сортовъ съ острыми подливками и рыба, часто подаваемая сырою; тонкіе ломтики живой еще трепещущей рыбы опускаются въ соусъ и затѣмъ съѣдаются. Все это запивается «саке»—рисовой водкой, подаваемой теплой въ маленькихъ чашечкахъ, затѣмъ идетъ чай, сладости и куренье. Общее для всѣхъ блюдо ставится на небольшой низенькій лакированный столикъ-скамеечку посреди обѣдающихъ; возлѣ курящихъ небольшія лакированныя пепельницы. Прислуживаютъ за столомъ женщины, то-и-дѣло встающія, приносящія изъ кухни готовыя блюда. Кухня тутъ же, близко; нѣтъ ничего напоминающаго нашу кухонную плиту; посреди комнаты стоитъ ящикъ, полный песку и золы, надъ нимъ съ крюка, вдѣланнаго въ потолокъ, свисаетъ мѣдный котелокъ или чайникъ. Трубы въ домахъ рѣдки: онѣ черезчуръ легко обрушиваются при землетрясеніяхъ; поэтому во время изготовленія пищи японскіе дома нѣсколько дымны, но это не стѣсняетъ обитателей, видимо привыкшихъ къ этому. Печей избѣгаютъ изъ боязни пожаровъ.

Послѣ обѣда всѣ предаются отдыху, спятъ, пьютъ чай, курятъ трубки. Это самые тихіе часы въ жизни японскаго города въ теченіе дня. Молодыя дѣвушки приходятъ другъ къ другу въ гости, и на вашихъ глазахъ продѣлываются всѣ церемонные японскіе поклоны: опускаются другъ передъ другомъ на колѣни и, опершись на руки, касаются лбомъ пола. Веселыя, тихія рѣчи, звонъ струнныхъ инструментовъ... Позже, часовъ около пяти, уличная жизнь постепенно снова оживляется, но теряетъ въ значительной степени свой дѣловой характеръ. Между пятью и шестью вы видите въ общественныхъ баняхъ толпы купающихся; люди зажиточные, имѣющіе у себя въ домѣ «фуродо», т.-е. домашнюю баню, продѣлываютъ это дома,

кто побѣднѣе—идетъ въ общественную баню. Общественныхъ бань много въ японскихъ городахъ, и сквозь рѣшетчатыя стѣны вамъ видно все, что тамъ происходитъ. Мужчины, женщины, дѣти ходятъ туда толпами, платятъ нѣсколько мелкихъ монетъ, складываютъ свое платье въ ящики, висящіе на стѣнахъ, и погружаются въ бассейнъ, наполненный горячею водою. Поперекъ бассейна протянута веревка—это граница между отдѣленіями мужскимъ и женскимъ. Женщины сидятъ на ступенькахъ, ведущихъ въ воду; дѣвушки, уже выкупавшіяся, стоятъ у края бассейна, болтаютъ, смѣются, обсыхая на воздухѣ и нисколько не стѣсняясь постороннихъ взоровъ. Часто вы видите, что такая общественная баня соединена непосредственно съ чайнымъ домомъ, и сплошь-и-рядомъ молодая парочка, выкупавшись, отправляется отдыхать туда въ отдѣльномъ кабинетѣ, на мягкихъ цыновкахъ.

Все это европейцу на первыхъ порахъ кажется безстыдствомъ, но достаточно напомнить наши нравы въ Европѣ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, когда общія купальни, мужскія и женскія, въ Швейцаріи, напримѣръ, были совершенно обычны. У японцевъ зрѣлище наготы не считается постыднымъ; на голаго человѣка смотрятъ такъ же равнодушно, какъ на деревья, на небо, и никто не останавливаетъ на немъ своего вниманія. Съ другой стороны, японки считаютъ проявленіемъ безстыдства наши европейскія декольтированныя платья; по ихъ мнѣнію, намѣренно декольтироваться значитъ сознательно дѣйствовать на чувственную сторону человѣка. У японки не только костюмъ, но никакой жестъ не выразитъ чувственности; понятіе о красотѣ у нея связано съ представленіемъ о скромности. И это относится не только къ японкамъ среднихъ обезпеченныхъ классовъ, но цѣликомъ наблюдается и въ низшихъ слояхъ, и даже у «майко» и «гейшъ»—этихъ куртизанокъ Японіи.

Вечеромъ японскія улицы такъ же оживлены, такъ же полны народа, какъ и въ предобѣденное время. Занятія вездѣ кончились, самые занятые люди свободны, и всѣ стремятся провести остатокъ дня какъ можно веселѣе, какъ можно пріятнѣе. Японскій городъ въ эти часы кажется прямо праздничнымъ: длинныя линіи разноцвѣтныхъ причудливо окрашенныхъ фонарей производятъ на васъ впечатлѣніе праздничной иллюминаціи; изъ домовъ доносится пѣніе, смѣхъ, звуки «самизена»—японской гитары. И такъ тянется долго, часовъ до одиннадцати вечера, и позже. Такъ въ будни, а въ праздники, въ безчисленные «мацури», еще люднѣе, еще оживленнѣе и гораздо наряднѣе. Японцы любятъ праздновать, и «мацури» ихъ,

въ особенности праздники цвѣтовъ, посвященные цвѣтенію того или другого вида цвѣтущихъ растеній,—живописны и поэтичны *).

Если вамъ захочется зайти въ японскій театръ, и вы наймете «рикшу», то онъ васъ довезетъ только до театральной улицы,—до такой степени переполнена она народомъ. Въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ городѣ Японіи есть, по крайней мѣрѣ, одна такая спеціально-театральная улица. Японцы—страшные любители театра, и представленіе въ театрѣ идетъ съ утра до поздняго вечера. Театральная улица имѣетъ своеобразную физіономію, благодаря страннымъ вывѣскамъ театра; это длинные въ три-четыре сажени бамбуковые шесты, къ которымъ во всю почти ихъ длину до самаго верха прикрѣплены синія и красныя полотняныя ленты съ пестрыми надписями. Сами театры представляютъ собою балаганы, сколоченные изъ досокъ; зрительный залъ разсчитанъ на триста - пятьсотъ человѣкъ. Эти строенія не прозрачны, какъ обыкновенные японскіе дома: съ улицы вы въ нихъ ничего не увидите. Къ театрамъ примыкаютъ обыкновенно чайные домики съ полузакрытыми балкончиками и галлереями, украшенными фонариками. Кромѣ того, тутъ много всякихъ балагановъ, въ которыхъ показываютъ всевозможныя чудеса.

Вы покупаете билетъ—деревянную дощечку съ какою-то надписью. Обувь вашу вамъ придется оставить у входа, гдѣ вамъ выдадутъ нумеръ на маленькой деревяжкѣ. Если вы въ большомъ городѣ, то найдете въ театрѣ ложу, спеціально устроенную для европейцевъ со стульями для сидѣнія; японцамъ же этого не нужно. Весь партеръ до самой рампы представляетъ собою ряды ящиковъ площадью въ одну квадратную сажень, съ невысокими досчатыми стѣнками. Чтобы попасть къ себѣ въ ложу, вамъ придется перебраться чрезъ перегородки чужихъ ложъ. Сцена не только передъ вами, но и съ боковъ: она подковообразна.

Японцы цѣлыми семьями сидятъ въ своихъ ложахъ, пьютъ,

---

*) Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о праздникахъ въ Японіи. Оффиціальныхъ праздниковъ въ Японіи всего 16 въ году; изъ нихъ перваго, третьяго и пятаго января празднуется новый годъ, 17 октября—принесеніе въ жертву синтоистскимъ богамъ первыхъ плодовъ, остальные дни—табельные. Къ числу табельныхъ дней относится, между прочимъ, 11 февраля—праздникъ въ память воцаренія перваго миѳическаго микадо въ 660 г. до Р. Х.; тогда же празднуется день обнародованія конституціи. Но народомъ соблюдается еще около 20 праздниковъ въ году. Важнѣйшимъ изъ нихъ является «бонъ-но-мацури» или «соро-мацури», т.-е. праздникъ усопшихъ, который длится отъ 13 до 16 іюля. Въ эти дни души предковъ спускаются на землю и проводятъ ихъ вмѣстѣ съ живыми у празднично разукрашенныхъ домашнихъ алтарей. Всѣ дома украшаются фонарями, вслѣдствіе чего соро-мацури называется также «праздникомъ фонарей». Ср. выше, стр. 207.

ѣдятъ, курятъ; прислуживаютъ имъ и приносятъ чай, фрукты или сахаръ—«мусме», молоденькія прислужницы изъ прилегающаго чайнаго домика. Публика въ театрѣ состоитъ на три четверти изъ женщинъ; много дѣтей. Все это куритъ, болтаетъ и непрерывно машетъ вѣерами, съ которыми ни японецъ, ни японка никогда не разстаются.

За сценой раздается три глухихъ удара, занавѣсъ подымается или раздвигается въ стороны, и представленіе, начатое до васъ, продолжается. То, что вы видите на сценѣ, поражаетъ васъ во многихъ отношеніяхъ. На сценѣ нѣтъ никакихъ декорацій; чтобы изобразить садъ, японцы ставятъ нѣсколько горшковъ живыхъ растеній, чайный домъ изображается воткнутыми въ землю двумя фонарями и надписью, — совсѣмъ какъ въ Европѣ во времена Шекспира. Пьеса, которую играютъ, передаетъ повидимому, содержаніе какой-то сказки или разсказа изъ временъ рыцарскихъ. Огромную роль здѣсь играютъ костюмы: актеры появляются на сценѣ увѣшанные старинным оружіемъ, мантіями, доспѣхами—вещами, часто роскошными по своей отдѣлкѣ и чрезвычайно дорогими. Когда знаменитый актеръ, играющій въ пьесѣ главную роль, появляется на сценѣ, его сопровождаютъ два прислужника съ фонарями, съ обѣихъ сторонъ освѣщающими его великолѣпную фигуру.

Двѣ нарядно одѣтыя женщины сидятъ на полу и громко плачутъ; слезы текутъ у нихъ по лицу, и обѣ онѣ попеременно берутъ другъ у друга изъ рукъ и прижимаютъ къ груди какой-то круглый предметъ,—это окровавленная человѣческая голова. Женщины эти — мать и жена убитаго японца. Приходитъ отецъ убитаго, роскошно разодѣтый въ старинное платье и увѣшанный оружіемъ «дайміо». Безучастно, спокойно и невозмутимо сидитъ онъ нѣкоторое время между двухъ женщинъ, поглядывая на голову своего сына, потомъ даетъ знакъ рукой, и обѣ женщины съ причитаніями уходятъ. Тогда онъ, оглядѣвшись вокругъ и убѣдившись, что за нимъ никто не подсматриваетъ, бросается къ лежащей на землѣ головѣ, и передъ вами разыгрывается молчаливая сцена безысходнаго отцовскаго горя. Черезъ нѣкоторое время отецъ падаетъ безъ чувствъ; очнувшись, онъ какъ-будто съ трудомъ соображаетъ все происшедшее, тяжко вздыхаетъ и на нѣкоторое время погружается въ безмолвныя думы. Затѣмъ онъ снимаетъ съ себя доспѣхи, свои великолѣпныя расшитыя одежды, распахиваетъ спереди свой «дзибанъ» и, обнаживъ мечъ, распарываетъ себѣ животъ. Внутренности у васъ на глазахъ вываливаются къ его ногамъ, кровь заливаетъ полъ сцены: старый «дайміо» не пережилъ своего горя и совершилъ надъ собою «харакири».

Надо признаться, актеръ игралъ превосходно, и впечатлѣніе,

произведенное на васъ, очень сильно. Когда занавѣсъ опустился, зрительный залъ застоналъ отъ выраженія восторга. Актеръ вышелъ, раскланивается, и въ него полетѣла изъ зрительнаго зала туча самыхъ разнообразныхъ вещей, частей туалета, вѣеровъ, трубокъ..... Прислужники собираютъ всѣ падающія на подмостки подношенія для того, чтобы продать ихъ потомъ ихъ же владѣльцамъ за нѣкоторую сумму, опредѣляемую по соглашенію и идущую въ пользу артиста.

Многіе изъ публики устремились изъ театра къ буфетамъ, находящимся тутъ же, или въ чайные домики. Если вы направитесь за ними въ чайный домикъ, васъ ждетъ обстановка совсѣмъ иного характера: звуки музыки, ласковая нешумная веселость, хорошенькія личики и прелестные костюмы «мусме», «майко» и «гейшъ». При самомъ входѣ васъ съ низкими поклонами встрѣчаетъ цѣлая толпа молоденькихъ «мусме»; онѣ опускаются передъ вами на колѣни, затѣмъ откидываются всѣмъ корпусомъ назадъ, т.-е. попросту садятся на собственныя икры и, наконецъ, низко кланяются вамъ, касаясь лбомъ пола. Лица у нихъ улыбающіяся, голоса тихіе, гармоничные, движенія полны граціи. Проворные маленькіе пальчики снимаютъ съ васъ европейскую обувь, и вы входите въ помѣщеніе чайнаго домика. Передъ вами на цыновкѣ оказываются японскія лакомства, неизмѣнный чай или теплый «саке»; если вы хотите,— передъ вами у бумажной стѣны усаживаются молоденькія музыкантши, одна другой краше, и перебираютъ пальцами струны своихъ «самизеновъ» и «кото», сопровождая игру пѣніемъ. Вотъ какая-нибудь «майко» начинаетъ подъ эту музыку плясать, и танецъ этотъ поразитъ васъ: въ немъ ничего нѣтъ напоминающаго наши танцы: ноги танцовщицы, скрытыя длиннымъ «кимоно», совсѣмъ не видны, и весь танецъ сводится къ жестикуляціи руками и корпусомъ; танцовщица стремится въ танцахъ передать какую-нибудь сцену, чаще всего опять-таки изъ героическаго эпоса страны. Если вамъ хочется провести время въ живой остроумной бесѣдѣ, пригласите «гейшу». Всегда красавица, молодая, не старше двадцати лѣтъ, изысканно одѣтая, она составитъ вамъ очаровательное общество. «Гейши»—самыя образованныя женщины въ Японіи. Остроумныя, превосходно знающія свою литературу, веселыя и находчивыя, онѣ расточатъ передъ вами все свое очарованіе. Съ классическимъ искусствомъ «гейша» пропоетъ вамъ и продекламируетъ лучшія стихотворенія и отрывки изъ лучшихъ драматическихъ произведеній. И все время непринужденно веселая, остроумная и кокетливая, она не потеряетъ своего женскаго достоинства. «Гейша»— вовсе не непремѣнно продажная женщина; это, во всякомъ случаѣ,

не входитъ въ ея обязанности; скорѣе всего это артистка, которую приглашаютъ за извѣстную часовую плату для развлеченія и удовольствія художественнаго. Васъ, европейца, не знающаго по-японски, она можетъ очаровать только своею молодостью, своею чарующею кокетливостью, своею неизмѣнною живостью, но японцы цѣнятъ въ гейшахъ именно художественно-образованныхъ собесѣдницъ, незамѣнимыхъ въ обществѣ. Когда какой-нибудь японецъ хочетъ задать друзьямъ пиръ, то онъ устраиваетъ его въ чайномъ домикѣ; жены и дочери его остаются дома, а къ столу приглашаются «гейши». Онѣ поютъ, декламируютъ, изображаютъ разные драматическіе танцы, а въ антрактахъ подсаживаются къ гостямъ, угощаютъ ихъ виномъ, кокетничаютъ и болтаютъ, украшаютъ столъ своимъ умомъ, своею живостью и красотою, сохраняя при этомъ полную скромность. Понятно, что «гейши» очаровываютъ японцевъ, и что образованію, искусству и талантамъ «гейши» завидуетъ всякая японская женщина. Очень часто жены японцевъ отправляются въ чайные домики для того, чтобы, слѣдя за «гейшами», перенять у нихъ ихъ манеры.

Обученіе «гейши» очень сложное, конечно, гораздо сложнѣе, чѣмъ образованіе средней японской женщины; существуютъ особыя академіи, воспитывающія «гейшъ», и между ними много дѣвушекъ изъ знатныхъ фамилій. Совсѣмъ молоденькія—онѣ еще «майко», и только лѣтъ шестнадцати становятся «гейшами». «Гейши» часто выходятъ замужъ; къ ихъ прошлому японцы гораздо снисходительнѣе, чѣмъ это было бы у насъ; объясняется это, впрочемъ, общимъ взглядомъ японцевъ на бракъ, о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Если въ семьѣ много дочерей, то ихъ очень трудно всѣхъ выдать замужъ, и такъ какъ занятія въ различныхъ учрежденіяхъ или коммерческихъ предпріятіяхъ имъ до сихъ поръ мало доступны, родители стараются самыхъ красивыхъ и талантливыхъ сдѣлать «гейшами».

Въ чайномъ домикѣ вы можете наблюдать и любимое времяпрепровожденіе японцевъ,—ихъ «с о д а н ъ». Подобно древнимъ грекамъ, проводившимъ цѣлые дни на площадяхъ, гдѣ происходили диспуты софистовъ, японцы собираются въ чайныхъ домахъ для своего «соданъ». Собираются по приглашенію въ тотъ или другой чайный домъ для совмѣстнаго дружескаго обсужденія всякаго случая въ жизни, будь то коммерческое предпріятіе, семейный вопросъ, предполагаемое путешествіе и т. д. Садятся въ кружокъ, пьютъ «саке» и чай, курятъ трубочки, и поочередно каждому предоставляется слово. Говорятъ долго, много, и вовсе не обязательно говорить непремѣнно прямо на тему, совсѣмъ напротивъ: самыя отдаленныя разсужденія, самыя неожиданныя отступленія допускаются и привлекаютъ вниманіе собесѣдниковъ. Главная задача—быть интереснымъ, быть остроумнымъ, занять ауди-

торію. Въ этомъ заключается «соданъ», къ участію въ которомъ привлекаются и «гейши». Здѣсь японецъ всего ближе напоминаетъ намъ Востокъ: восточный кейфъ, восточная наклонность къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ, уживающаяся рядомъ съ совершенно неудержимой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся фантазіей.

Воспитаннаго на многовѣковомъ «соданъ» японца ничто не въ состояніи удивить; нѣтъ такого парадокса, нѣтъ такой странной идеи, которую онъ не готовъ былъ бы обсуждать, серьезно оспаривать или принять. Развѣ ихъ реформаторы не предлагали сдѣлать въ Японіи національнымъ англійскій языкъ? Превосходная тема для «соданъ»! Японія, можетъ-быть, единственная страна въ мірѣ, гдѣ появленіе локомотива не переполошило жителей деревень: толпа смотрѣла на первые поѣзда, какъ-будто видала ихъ уже десятки лѣтъ.

Отдохнувъ въ чайномъ домикѣ, вы можете успѣть попасть еще на другія зрѣлища, напримѣръ, взглянуть на борьбу японскихъ атлетовъ. На улицѣ днемъ вамъ уже бросались изрѣдка въ глаза фигуры людей, отличающихся отъ обыкновенныхъ низкорослыхъ японцевъ высокимъ ростомъ, дородствомъ и удивительной мускулатурой: это—борцы, люди въ Японіи очень популярные, почти такъ же, какъ торреадоры въ Испаніи. Называются они «сумотори» и, кромѣ роста, отличаются еще отъ обыкновенныхъ японцевъ своею прическою: волосы ихъ скручены въ толстые жгуты и перетянуты съ помощью шнурковъ напередъ—старинная прическа, когда-то бывшая во всеобщемъ употребленіи.

Если вы направитесь въ «сумо», т.-е. балаганъ, то уже издали вы увидите цѣлые ряды бамбуковыхъ шестовъ съ именами борцовъ, потому что въ борьбѣ принимаютъ участіе сразу десятки атлетовъ. Билетъ, довольно дорогой по японскимъ цѣнамъ, — опять дощечка съ надписью — отбирается у васъ служителемъ. Съ правой стороны внутри балагана—уборная артистовъ; тамъ сидятъ на корточкахъ и лежатъ на цыновкахъ «сумотори», которымъ служители растираютъ тѣло и одѣваютъ имъ единственную принадлежность туалета, голубой шелковый шарфъ—поясъ съ бахромою. Зрительный залъ — четыреугольный съ невысокой галлереей вокругъ стѣнъ:— тамъ самыя дорогія мѣста. Въ самой серединѣ зала—эстрада, совершенно круглая, всего въ діаметрѣ метра три. Полъ арены посыпанъ землею, а по краямъ она обложена пучками соломы. Идетъ борьба. Борются двое, а за ними слѣдитъ нѣсколько знатоковъ борьбы, экспертовъ. Цѣль борьбы—повалить соперника на землю, отнюдь не прибѣгая къ ухищреніямъ въ родѣ подножекъ, ударовъ или тому подобныхъ пріемовъ; при этомъ строго соблюдается одно существенное

условіе: ни одинъ изъ борцовъ не смѣетъ даже ступить на край арены; коснувшійся ногою пучка соломы считается побѣжденнымъ. Правила борьбы очень строги, гораздо строже, чѣмъ это принято въ Европѣ; зрители, видимо, отлично знаютъ всѣ пріемы и зорко слѣдятъ за ходомъ борьбы; малѣйшее отступленіе отъ правилъ вызываетъ въ публикѣ ропотъ. Мертвое молчаніе царитъ во время борьбы, но если одинъ изъ борцовъ употребитъ какую-нибудь незамѣтную для васъ, но «геніальную» уловку, громъ аплодисментовъ раздается сразу, какъ бы по командѣ, и сразу же прерывается. Вотъ, одинъ изъ борцовъ побѣдилъ, и на вашихъ глазахъ съ японцами, обыкновенно столь спокойными и вѣжливыми, творится нѣчто неожиданное: восторгу нѣтъ предѣловъ, на арену летятъ сотни вещей, ревъ стоитъ неописуемый.

Когда вы вернулись на «рикшѣ» домой въ японскую гостиницу, васъ опять встрѣчаютъ тѣ же хорошенькія, граціозныя «мусме» низкими привѣтственными поклонами; съ васъ снова снимаютъ сапоги и, все время посмѣиваясь и тихо болтая, ведутъ васъ по блестящимъ вычищеннымъ цыновкамъ, или по деревянному полу, отполированному какъ крышка рояля, сдвигаютъ въ четыреугольникъ нѣсколько деревянныхъ рамъ съ натянутой бумагой,—и вы въ своей комнатѣ. Запереться на ключъ или на задвижку вамъ нечего и думать: ни дверей, ни замка. Пока вы окончательно не уляжетесь, ширмы ежеминутно раздвигаются маленькими, стройными вѣчно улыбающимися дѣвушками съ поэтическими именами: «Весна», «Заря», «Солнечный свѣтъ», «Отраженіе луны». «Цвѣтокъ сливы» готовитъ вамъ ванну и помогаетъ даже раздѣваться. Послѣ ванны вамъ подаютъ «кимоно», предлагаютъ чай и трубку и все время вертятся возлѣ васъ, приготовляя вамъ постель на полу, на жесткомъ матрацѣ. Все время возлѣ васъ какая-нибудь «мусме», даже тогда, когда вамъ непремѣнно нужно быть одному.

Наконецъ, вы улеглись, и все, что вы видѣли въ теченіе дня, и все, что окружаетъ васъ тутъ — столь своеобразно, такъ не похоже на привычную дѣйствительность, что кажется вамъ красивымъ сномъ. Вы начинаете засыпать, вдругъ легкій трескъ заставляетъ васъ раскрыть глаза: чей-то крохотный пальчикъ проткнулъ бумагу, потомъ исчезъ, и въ отверстіе смотритъ на васъ любопытный черный глазъ... Еще трескъ—еще глазъ... Это маленькія «мусме» смотрятъ на васъ изъ сосѣдней комнаты...

Религіозный и семейный бытъ Японіи.

Чѣмъ ближе знакомятся европейцы съ японцами, чѣмъ пристальнѣе всматриваются въ нихъ, въ складъ и строй японской жизни, тѣмъ яснѣе становится имъ, что въ лицѣ Японіи они имѣютъ дѣло со страною, проникнутою совершенно своеобразнымъ, вполнѣ самостоятельнымъ духомъ, зрѣлымъ и глубоко разработаннымъ. Особенно поражаетъ европейца, что на всемъ протяженіи Японіи, съ крайняго сѣвера и до крайняго юга, онъ встрѣчаетъ совершенно одинаковую форму семейнаго и общественнаго быта, совершенно одинаковый строй понятій, воззрѣній, наклонностей и желаній.

Какъ же сложилось это единое японское міровоззрѣніе? Что написано на ихъ скрижаляхъ Завѣта? Естественнѣе всего искать отвѣта на этотъ вопросъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, въ вѣрованіяхъ народа.

О японцахъ говорятъ обыкновенно, что они—народъ нерелигіозный; надо понимать это, однако, только въ томъ смыслѣ, что они мало молятся, очень мало безпокоятся о всевозможныхъ мистическихъ и спиритуалистическихъ сторонахъ религіи, что ко многому они относятся безразлично. Большая часть японцевъ присоединится, конечно, ко взгляду одного изъ самыхъ знаменитыхъ ихъ соотечественниковъ, Фукузава: «по моему мнѣнію—говорилъ онъ—между различными религіями, какъ бы онѣ ни назывались: буддизмомъ, христіанствомъ и т. д., не существуетъ большей разницы, чѣмъ, напримѣръ, между чаемъ зеленымъ и чернымъ. Спорящимъ объ этомъ лучше всего предоставить испытать на полной свободѣ и того, и другого. Жрецы подобны продавцамъ чая; но я полагаю, что не слѣдуетъ одобрять ихъ стремленій хулить чужой товаръ, съ цѣлью бойчѣе продавать свой. Единственное, что они должны дѣлать,—это держать у себя хорошій товаръ и продавать его какъ можно дешевле».

И если вы спросите у японца средняго класса, какая его вѣра, онъ васъ не пойметъ. Все, что онъ сумѣетъ вамъ отвѣтить, это,—что, согласно обычаю, ему при рожденіи дали имя въ синтоистскомъ храмѣ, и что, вѣроятно, при похоронахъ его будутъ провожать буддійскіе бонзы. Между этими двумя крайними точками жизни онъ легко можетъ стать на время христіаниномъ.

Первоначальною и совершенно самобытною религіею Японіи является синтоизмъ. «Синто» значитъ путь боговъ.

Теоретическое ученіе синтоизма слагается изъ миѳовъ о сотвореніи міра и нарожденія безчисленнаго сонма боговъ, населяющихъ синтоистскій пантеонъ подъ общимъ именемъ «ками». Изъ этихъ миѳовъ, изложенныхъ въ одной изъ предшествующихъ главъ настоя-

щей книги (стр. 38—42), видно, что синтоизмъ есть религія пантеистическая, нѣсколько напоминающая миѳологію классической древности; сущность его сводится къ обожествленію силъ природы. Практическая цѣль и смыслъ синтоизма—въ утвержденіи сѣдой древности и божественнаго происхожденія какъ всего народа японскаго, такъ и его владыкъ—микадо: микадо—потомокъ духовъ неба, а каждый японецъ—потомокъ духовъ второго разряда, пра-пра-правнукъ «ками». Ками просто значитъ высшіе, а по толкованію раціоналиста-теолога XVIII стол. «Мотоори», «ками» означаетъ все, обладающее чрезвычайной силой, гдѣ бы она ни проявлялась, въ людяхъ ли, или въ вещахъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ. Въ то же время «ками» означаетъ вообще начальникъ.

Понятно изъ изложеннаго, что синтоистское міросозерцаніе должно было привести къ культу предковъ. Микадо, по ученію синто, есть представитель и намѣстникъ божества на землѣ, глава не только свѣтской, но и духовной власти. Ему въ сѣдую старину японцы оказывали почести божескія, и не далеко еще то время, когда японецъ вѣрилъ, что простому смертному узрѣть микадо—опасно для жизни. Въ первые вѣка не было иного храма, кромѣ дворца микадо.

Первоначальный культъ отличался чрезвычайной простотой. Впослѣдствіи, съ ростомъ населенія, стали воздвигаться въ Японіи повсемѣстно синтоистскія часовни—«міа», и народъ въ опредѣленные дни, посвященные богамъ, собирался возлѣ этихъ «міа», но не для молитвы или какихъ-либо религіозныхъ церемоній, а съ исключительною цѣлью въ общей радости и живомъ весельѣ почтить память боговъ—они же предки. Въ самой часовнѣ, расположенной обыкновенно среди кипарисовыхъ и бамбуковыхъ рощъ, населенныхъ множествомъ мелкихъ птичекъ, пользующихся здѣсь общимъ покровительствомъ и любовью,—нѣтъ никакихъ идоловъ. «Міа» была простая обыкновенная хижина, съ небольшой колокольней передъ нею; внутри, на столѣ въ родѣ алтаря, зеркало—эмблема «Аматерасу», и по обѣ его стороны пучки бѣлыхъ бумажныхъ лентъ на длинныхъ бамбуковыхъ палочкахъ—«гохей», эмблема очищенія. Нѣкогда «гохей» не было въ «міа»: передъ «міа» стояло священное дерево, вѣчнозеленый «сакаки», и на его вѣтвяхъ паломники развѣшивали куски матеріи; нынѣ «гохей» символически изображаетъ это дерево.

Основныя особенности этого культа сохранились у синтоистовъ понынѣ. Только съ распространеніемъ буддизма, разсѣявшаго по странѣ множество великолѣпныхъ храмовъ, переполненныхъ идолами, и синтоисты стали строить красивые и внушительные храмы; но зеркало и «гохей» до сихъ поръ остались священными аттрибутами синтоистскаго культа.

Еще и теперь, впрочемъ, архитектура синтоистскихъ храмовъ отличается простотою. Храмы эти строятся изъ неокрашенныхъ брусьевъ бѣлаго дерева (низкорослаго кипариса, обильно произрастающаго въ Японіи) съ крышами изъ коры этого же дерева, нарѣзаннаго длинными полосами. Прилагаемый рисунокъ (табл. IV) представляетъ собою точную копію съ изображенія великаго храма въ Ицумо, покупаемаго всѣми паломниками, которые во множествѣ посѣщаютъ этотъ храмъ. Слѣдуетъ принять, однако, во вниманіе, что онъ считается вторымъ по святости во всей Японіи, а потому устроенъ гораздо роскошнѣе и сложнѣе большинства другихъ синтоистскихъ храмовъ. Составныя части храма, которыя можно прослѣдить по нашему рисунку, слѣдующія:

1. Главное святилище, состоящее изъ двухъ отдѣленій. Заднее изъ нихъ, въ которомъ хранится символъ божества (зеркало, мечъ, какой-нибудь интересный камень или иной предметъ), всегда остается запертымъ; въ переднемъ же отдѣленіи стоятъ ширмы съ навѣшанными на нихъ полосами бѣлой бумаги, долженствующими представлять собою ткани, приносившіяся когда-то въ жертву божеству. Во многихъ храмахъ зеркало помѣщается также и надъ входомъ въ святилище.

2. Молельня передъ главнымъ святилищемъ, съ которымъ она иногда но не въ ицумскомъ храмѣ, сообщается чрезъ

3. корридоръ или галлерею. Надъ входомъ въ молельню зачастую вѣшаютъ гонгъ; въ послѣдній богомолецъ громко ударяетъ, чтобы обратить на себя вниманіе божества. Тутъ же выставляется большой ящикъ для сбора денежныхъ и иныхъ пожертвованій.

4. Цистерна для омовенія рукъ передъ молитвой.

5. Низенькая стѣнка или, точнѣе, заборъ вокругъ главнаго святилища и принадлежащихъ къ нему пристроекъ.

6. Вторая ограда (обыкновенно изъ досокъ), называемая досчатымъ заборомъ.

7. Особыя ворота въ третьей внѣшней оградѣ. Нѣкоторые храмы имѣютъ по нѣскольку такихъ воротъ (Торіи). Значеніе этихъ воротъ не выяснено, но, во всякомъ случаѣ, они служатъ самымъ удобнымъ признакомъ для того, чтобы съ перваго же взгляда отличить синтоистскій храмъ отъ буддійскаго.

8. Контора, въ которой ведутся храмовыя книги, гдѣ зачастую живутъ также нѣкоторые изъ жрецовъ.

9. Второстепенныя святилища, посвященныя не главному божеству, а разнымъ второстепеннымъ богамъ и героямъ.

10. Библіотека (въ большинствѣ храмовъ ея не имѣется).

11. Сокровищница.

12. Одинъ или нѣсколько придѣловъ для жертвоприношеній.

13. Галлерея, гдѣ собираются паломники.

14. Помостъ для танцевъ.

15. Конюшня, въ которой содержится священная лошадь (обыкновенно альбиноска).

16. Залъ для народныхъ собраній (большею частью отсутствуетъ).

17. Ворота въ досчатой оградѣ.

Обыкновенно въ синтоистскихъ храмахъ имѣются, кромѣ главныхъ святынь, также и второстепенныя, напр. священный колодецъ,

камень, упавшій съ неба, изваяніе быка, на которомъ ѣздило божество, и т. п. Участокъ, на которомъ построенъ храмъ, обыкновенно обнесенъ рощею, преимущественно изъ кипарисовъ; нижнюю часть ствола ихъ окружаютъ грубою сѣтью изъ соломенныхъ веревокъ, указывающею, что они состоятъ подъ покровительствомъ священныхъ духовъ.

По ниспроверженіи сё-гуната, предполагалось сперва (въ 1868 г.) объявить синтоизмъ единственной государственной религіей Японіи и совершенно упразднить буддизмъ. Приверженность народныхъ массъ къ буддійскому культу заставила, однако, ограничиться полнымъ отдѣленіемъ обоихъ вѣроисповѣданій другъ отъ друга. При этомъ были удалены изъ синтоистскихъ храмовъ всѣ пагоды, колокольни и богато изукрашенныя капища буддійскаго типа. Многія великолѣпныя постройки, которыми восхищались европейскіе путешественники лѣтъ тридцать тому назадъ, были при этомъ уничтожены, но зато можно теперь несравненно лучше ознакомиться съ единственнымъ въ своемъ родѣ архитектурнымъ стилемъ синтоистскихъ храмовъ.

Синтоизмъ совершенно свободенъ отъ всякаго религіознаго духа, какъ мы его понимаемъ; онъ не учитъ ничему, кромѣ культа предковъ; нѣтъ въ немъ ни догматовъ о существѣ боговъ, ни ученія о безсмертіи, о карахъ или наградахъ загробныхъ. Микадо, умирая, становится «ками», но что творится послѣ смерти съ обыкновенными людьми, о томъ ничего не говорятъ ни жрецы, ни толкователи-богословы. Нѣтъ въ синтоизмѣ никакихъ нравственныхъ заповѣдей; рядомъ съ правилами, скорѣе обычными, предписывающими физическую опрятность, и особымъ подраздѣленіемъ вещей на чистыя и не чистыя, напоминающими такія же подраздѣленія у египтянъ, существуетъ одно только общее правило морали, которое можно выразить такъ: «поступай согласно законамъ природы, щадя при этомъ законы общественные». По ученію теологовъ синтоизма, жители страны Восходящаго Солнца, происходящіе отъ боговъ, обладаютъ инстинктивнымъ познаніемъ добра и зла и выполняютъ свои обязанности поэтому инстинктивно; «иначе они были бы хуже звѣрей, которыхъ вѣдь никто не учитъ, какъ надлежитъ имъ поступать». Кромѣ того, микадо, находясь въ постоянномъ тѣсномъ общеніи со своею божественною праматерью, всегда можетъ въ затруднительныхъ случаяхъ совѣщаться съ нею и узнавать подлинную истину. Поэтому: «кто хочетъ идти путемъ боговъ, долженъ быть послушенъ волѣ микадо».

Мотоори объясняетъ это слѣдующими соображеніями: «Ученіе о нравственности изобрѣтено китайцами, потому что сами они народъ въ высшей степени безнравственный; японцамъ же нѣтъ надобности въ такихъ ухищреніяхъ, каждый изъ нихъ и безъ того можетъ жить

нравственно, руководствуясь голосомъ своей собственной совѣсти... Хорошій японецъ обязанъ повиноваться микадо, не задавая себѣ праздныхъ вопросовъ о томъ, поступаетъ государь справедливо или несправедливо. Только безнравственному народу, каковы китайцы, свойственно обсуждать поступки и характеры ихъ правительства и царя».

Еще одно крайне важное послѣдствіе синтоистскаго міровоззрѣнія, пустившаго глубокіе корни въ душу японскаго народа: микадо—въ идеѣ—стоитъ внѣ связи съ какимъ бы то ни было классомъ японскаго народа; общее божественное происхожденіе роднитъ микадо со всѣмъ народомъ, дѣлаетъ его главой народной семьи. Въ теченіе многовѣковой японской исторіи феодальные владѣтели и высшіе слои японскаго народа не разъ сводили фактическое значеніе микадо почти къ нулю; тѣмъ не менѣе, даже сё-гуны, въ эпоху наиболѣе полнаго ихъ владычества, въ глазахъ народа были только представителями власти микадо и никогда изъ этой фикціи не выходили.

Въ исторіи Японіи напрасно стали бы мы искать слѣдовъ борьбы за идеи личной свободы, за «права человѣка» въ какой бы то ни было формѣ, за равенство общегражданское. Человѣкъ изъ народа не могъ еще до недавняго времени носить оружія, садиться на коня, даже одѣваться по своей волѣ и образцу, распоряжаться своимъ имѣніемъ. Государственный строй Японіи всегда заставлялъ личность служить ему: личность для общества, а не общество для личности. И несомнѣнно самое неожиданное, съ чѣмъ приходится считаться японскому духу въ его столкновеніи съ понятіями и культурой европейскими, это—вліяніе принциповъ индивидуализма, протестъ личности противъ мертвящихъ гнетущихъ формъ общественныхъ и семейныхъ.

Японская семья вся цѣликомъ держится на томъ же принципѣ подчиненія единицы цѣлому. Это относится не только къ женщинѣ и дѣтямъ, но и къ главѣ семьи, къ мужу; все поведеніе его, его достоинство и самый авторитетъ держится на принципѣ цѣлостности и достоинства семьи. Отецъ и мужъ—представитель семьи, какъ цѣлаго, въ теченіе всей своей жизни; въ предѣлахъ ея онъ—господинъ и владыка, которому безусловно должны подчиняться жена и дѣти. Женщина занимаетъ въ семьѣ мѣсто подчиненное. Покуда она можетъ разсчитывать на силу и обаяніе своихъ прелестей, она еще дитя; духовно она созрѣваетъ только тогда, когда физически отцвѣтаетъ. Первые годы послѣ брака она какъ бы старшая дочь мужа, потомъ покорная и вѣрная слуга, и не только его самого, но и его родителей; однимъ словомъ, всего, что входитъ въ общій складъ могучаго въ Японіи понятія семьи.

Бракъ въ Японіи—институтъ гражданскій; религія его не освящаетъ. Ему предшествуетъ помолвка, которая въ старину, и не осо-

бенно отдаленную, дѣлала уже союзъ неразрывнымъ. Нѣкогда дѣвушка-невѣста, въ случаѣ смерти жениха, должна была чернить себѣ зубы, сбривать брови, какъ настоящая замужняя женщина, и навсегда отказаться отъ замужества. Послѣ смерти мужа и теперь жена остается вдовой до самой смерти; конечно, сожительство ей не возбраняется, но настоящiй бракъ не обыченъ. Союзъ брачный совершается по уговору родителей брачущихся, и нѣкогда нерѣдки были случаи, когда нарѣченные не знали другъ друга до самаго дня вѣнчанiя. То же самое было когда-то въ старину и у насъ, но теперь въ Японiи подъ влiянiемъ просвѣтительныхъ идей, проникшихъ туда изъ Европы, эта форма брака становится въ городскихъ классахъ все рѣже. Въ общемъ, однако, этотъ обычай никогда въ Японiи не принималъ такихъ грубыхъ, жесткихъ формъ, какъ у насъ; объясняется это отсутствiемъ для японскихъ женщинъ замкнутой теремной жизни. Среди восточныхъ народовъ страна «Восходящаго Солнца»—единственная, гдѣ женщину не прячутъ и никогда не прятали: она показывалась всегда, вездѣ открыто и свободно.

При выборѣ невѣсты для своего сына родители руководствуются обыкновенно требованiями, съ корыстью ничего общаго не имѣющими: характеръ, воспитанность, красота, здоровье и происхожденiе изъ почтенной семьи—вотъ требованiя, предъявляемыя при выборѣ супруги; богатство—дѣло второстепенное, а приданое—установленiе, японцамъ почти вовсе не знакомое, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, уродливой физически или душевно-больной.

Дѣвушка не выходитъ у японцевъ замужъ до 12 лѣтъ, юноша не женится раньше 15. Раннiе браки, особенно въ простонародiи, сильно распространены среди японцевъ, и многiе наблюдатели этимъ пробовали объяснять малый ростъ и быстрое увяданiе ихъ. До какой степени принципъ общественной пользы главенствуетъ здѣсь надъ личностью, можно судить по тому, что до самаго послѣдняго времени для вступленiя въ бракъ надо было испрашивать разрѣшенiе у соотвѣтствующихъ властей: въ низшихъ слояхъ общества у начальника общины, среди самураевъ у ихъ «даймiо», въ высшей аристократiи у самого микадо. Старинный обычай вѣнчанiя, сохранившiйся въ основныхъ чертахъ понынѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: сговоръ производился черезъ посредника, обыкновенно родственника или друга жениха. Въ день свадьбы онъ приводилъ невѣсту, укрытую бѣлою вуалью,—знакъ траура въ Японiи—къ дому нареченнаго, который встрѣчалъ ее въ дверяхъ дома. Выдать дочь замужъ въ чужую семью считается равносильнымъ потерѣ члена семьи; въ день вѣнчанiя дочери у дверей дома ея родителей горитъ такой же костеръ, какъ въ дни, когда въ домѣ покойникъ.

Женихъ ведетъ невѣсту въ домъ; они садятся, раздѣленные посредникомъ, передъ которымъ ставятся три чарки, наполненныхъ «саке». Посредникъ беретъ одну чарку и подаетъ невѣстѣ; та отпиваетъ немного и передаетъ жениху, который, въ свою очередь, отпивъ, возвращаетъ ее посреднику, допивающему чарку. Вторая чарка идетъ обратнымъ путемъ отъ жениха къ невѣстѣ, затѣмъ третья,—и обрядъ конченъ. Церемонія эта называется «санъ-санъ-ку-до» ($3 \times 3 = 9$). Обрядъ конченъ, жена скидываетъ вуаль, и начинается свадебный пиръ.

Жена не должна вмѣшиваться въ дѣла и интересы мужа за предѣлами дома. Глава дома распоряжается всѣмъ имуществомъ, и въ случаѣ крайней нужды могъ даже продать жену свою; онъ можетъ выгнать ее изъ дому по причинамъ самымъ разнообразнымъ, главнымъ образомъ, если она бездѣтна, сварлива, болтлива какъ попугай, непокорлива роднѣ мужа или не умѣетъ справляться съ хозяйствомъ и дѣтьми. Японецъ, женясь, беретъ себѣ жену сначала на испытаніе: первые три мѣсяца брака считаются пробными мѣсяцами, и если мужъ недоволенъ, онъ можетъ отослать жену въ домъ ея родителей, что, конечно, разсматривается какъ позоръ и несчастье. Измѣна мужа по старымъ обычаямъ не наказуется въ низшихъ слояхъ общества; въ высшихъ наказывалась арестомъ. Невѣрную жену мужъ имѣетъ право прогнать или даже убить, но не одну, а вмѣстѣ съ ея любовникомъ, иначе общественное мнѣніе осудило бы его какъ убійцу. Разведенная жена не имѣетъ права брать съ собою дѣтей. Форма брака въ Японіи моногамическая—жена у японца одна. Но существуетъ обычай конкубината—«схо». Мужъ имѣлъ право, глядя по состоянію, ввести въ домъ одну или нѣсколько «мекаке»—наложницъ; въ старину количество наложницъ опредѣлялось закономъ: «дайміо» могли имѣть восемь «мекаке», высшіе военные чины пять, обыкновенные самураи двѣ, народъ ни одной. Дѣти такихъ «мекаке», по обычаю, наслѣдуютъ только въ случаѣ отсутствія дѣтей отъ законной жены; отъ главы дома, однако, зависитъ сдѣлать своими наслѣдниками любого изъ своихъ дѣтей или даже пріемнаго сына. Дочери ничего не наслѣдовали, такъ какъ не въ правѣ были владѣть собственностью. Все это теперь измѣнено новымъ гражданскимъ уложеніемъ (ср. выше, стр. 131).

Если сынъ не почтителенъ, буенъ нравомъ, пороченъ и вообще роняетъ достоинство семьи, отецъ въ правѣ прогнать его. Но и здѣсь проявляется не столько деспотическая власть главы семьи, сколько интересъ семейнаго цѣлаго: сынъ, недовольный отцомъ, роняющимъ достоинство семьи, въ правѣ отъ него отказаться и искать себѣ другую семью, и, вступая въ новую семью, онъ принимаетъ ея имя. Усыновленіе совершается и до сихъ поръ чрезвычайно легко и просто.

Семейный строй въ Японіи выполняетъ помимо своего спеціальнаго назначенія, еще одну соціальную функцію чрезвычайной важности: семья является институтомъ страхованія на случай старости. Глава японской семьи воспитываетъ старшаго сына-наслѣдника и всѣхъ прочихъ членовъ семьи и несетъ всю тяжесть семейныхъ обязанностей до 50-лѣтняго возраста. Съ этого времени, по обычаю «инкіо», онъ сдаетъ свою власть и всю дѣловую сторону семейной жизни своему старшему сыну, а самъ больше ни во что, активно, не входитъ; остатокъ дней своихъ онъ и его жена проводятъ безъ всякихъ заботъ, сохраняя при этомъ въ семьѣ въ высшей степени достойное положеніе. Такимъ образомъ, строй японской семьи парализуетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, одно изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе вопіющихъ золъ, свойственныхъ Европѣ: необезпеченность рабочихъ людей на случай старости.

Женщины занимаютъ въ Японіи, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, положеніе зависимое: въ дѣтствѣ женщина должна повиноваться отцу, въ супружествѣ мужу, во вдовствѣ сыну. Не надо, однако, думать, чтобы положеніе женщинъ въ Японіи напоминало собою хоть приблизительно рабскую забитость и приниженность женщинъ въ другихъ восточныхъ странахъ. Въ дѣйствительности формы семейныхъ отношеній тамъ очень мягки и любовны; дѣти—истинные господа и владыки дома, въ нихъ вся соль семейныхъ отношеній, а положеніе жены и матери почетное. Грубое отношеніе къ женщинѣ со стороны мужчины покрываетъ его позоромъ въ глазахъ окружающихъ и бросаетъ на него тѣнь какъ на главу семьи; нѣтъ ничего рабскаго и въ отношеніяхъ жены къ мужу: подчиненіе мужчинѣ, по ея собственнымъ воззрѣніямъ, не роняетъ ее въ собственныхъ глазахъ, и во всѣ семейныя отношенія она вноситъ струю достоинства и мягкости. Японская женщина сообщаетъ всему, что выполняетъ дома какъ жена, мать и хозяйка, печать высокой культурности и артистичности. Вся жизнь, со всей ея будничной стороной развертывается передъ ея глазами какъ торжественная церемонія въ честь и во славу умершихъ предковъ. Въ этой церемоніи она играетъ извѣстную роль, и какъ бы незначительна эта роль ни была для нея, всѣ детали общей работы сливаются въ одинъ ансамбль, полный глубокаго смысла. Двойственное чувство, проистекающее отъ сознанія второстепенности своего значенія въ этой пьесѣ и отъ сознанія женскаго достоинства, которое она должна здѣсь сохранить, поддерживаетъ въ ней это благоговѣйное преклоненіе передъ общимъ.

Если принять при этомъ во вниманіе, что все общество японское развивалось на чувствѣ чести и имъ проникнуто, что театры японскіе разрабатываютъ передъ ихъ глазами одни только темы ры-

царства и самопожертвованія, что ихъ историческія книги, разсказы, романы и поэзія воспѣваютъ и описываютъ самопожертвованіе личности въ интересахъ семьи и отечества, что даже ихъ игры въ карты напоминаютъ имъ священныя преданія, что даже умирающіе продолжаютъ въ Японіи улыбаться и при послѣднемъ издыханіи свято соблюдаютъ этикетъ,—то станетъ понятно, что веселая и кроткая японская женщина воспитывается и живетъ въ атмосферѣ героизма. Таково мнѣніе людей, пристально изучавшихъ Японію, а исторія японская даетъ этому рядъ блестящихъ примѣровъ.

Въ полномъ и глубокомъ соотвѣтствіи со всѣмъ строемъ духовнымъ, семейнымъ и общественнымъ находится непонятное, на нашъ взглядъ, отношеніе японцевъ къ чувству любви, какъ основѣ брака. Любовь, играющая у насъ такую огромную роль,—у японцевъ отступаетъ на задній планъ. Любовь, какъ мы ее понимаемъ, черезчуръ индивидуалистична, и цѣлостности японской семьи она грозитъ многими скрытыми опасностями. Съ европейской точки зрѣнія, личной жизни у японцевъ, а въ особенности у японокъ нѣтъ; для нихъ, какъ кѣмъ-то мѣтко сказано, личная жизнь начинается со дня смерти. Японцы любятъ, конечно, какъ любимъ и мы, и ихъ литература полна свидѣтельствъ этому, но эгоистическая и дезорганизующая сила личной любви отводитъ ей, въ глазахъ этого народа, мѣсто подчиненное, низшее. Въ глазахъ японцевъ мужчину унижаетъ выраженіе нѣжныхъ чувствъ, его обуревающихъ, и если онъ ухаживаетъ за какой-нибудь женщиной, то это вы всего вѣрнѣе подмѣтите по той совсѣмъ несвойственной вѣжливымъ японцамъ пренебрежительности, съ какой онъ относится къ нравящейся ему женщинѣ. Не мужчина ухаживаетъ въ Японіи, а женщина, и это нисколько ее не унижаетъ въ ея собственныхъ глазахъ: она тѣмъ подчеркиваетъ высокое достоинство своего избранника. Идея, что иниціатива въ дѣлѣ любви можетъ и должна принадлежать женщинѣ, до такой степени вкоренилась въ понятія японцевъ, что древнее законодательство Японіи даже не предусматривало случаевъ изнасилованія.

До какой степени всѣ эти воззрѣнія срослись съ душою японской женщины даже въ средѣ высшихъ классовъ, свидѣтельствуетъ напечатанное въ одномъ изъ крупныхъ журналовъ японскихъ признаніе молодой японской женщины, недавно разведшейся съ мужемъ. Мужъ ея, интеллигентный человѣкъ, получилъ вполнѣ европейское образованіе и усвоилъ себѣ европейскіе взгляды на женщину. Молодая женщина покинула своего мужа не потому, что онъ съ нею дурно обращался, не вслѣдствіе преслѣдованія свекрови или иныхъ причинъ, но исключительно потому, что нѣжность и заботливость, которою мужъ окружалъ ее, лишали ее достоинства супруги, мѣшали ей выполнять

свои обязанности, спутывали всѣ ея представленія. Чѣмъ больше онъ ухаживалъ за нею, тѣмъ больше молодая японка духовно отворачивалась отъ него. „Я сама казалась себѣ—говоритъ она — какой-то принцессой, за которой по пятамъ ходитъ влюбленный школьникъ“.

Тѣмъ не менѣе, вліяніе европейскихъ идей сказывается въ японскомъ обществѣ, и элементы протеста проявляются все чаще. Женскій вопросъ несомнѣнно народился уже въ Японіи; представительницы японскихъ женщинъ принимали участіе въ европейскихъ конгрессахъ феминистокъ. Законы Японіи идутъ имъ навстрѣчу и несомнѣнно пробиваютъ брешь въ крѣпкой стѣнѣ старыхъ воззрѣній.

Съ III и IV вѣковъ нашей эры, японская цивилизація слагается подъ замѣтнымъ вліяніемъ буддизма и конфуціанства. Конфуціанство никогда не играло въ Японіи роли религіи, но въ теченіе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ оно являлось единственной вліятельной моральной философіей и при этомъ не только не смягчало, но еще усиливало власть и значеніе семейнаго авторитета въ японскомъ быту. Буддизмъ же удовлетворялъ мистическимъ потребностямъ духа, всегда присущимъ человѣку. Для того, чтобы легче и ближе подойти къ японской массѣ, буддисты выработали особую унію—«ріобу». Миссіонеры буддизма признали древнія вѣрованія народа, придавъ имъ характеръ чего-то въ родѣ культа былинныхъ богатырей. Простонародію совершенно не доступны глубины возвышеннаго буддизма; оно чувствуетъ потребность видѣть передъ собою во время молитвы какой-нибудь священный предметъ; ему нужны идолы, но происхожденіемъ ихъ оно не интересуется. Буддизмъ въ Японіи выродился въ рядъ грубѣйшихъ суевѣрій, соотвѣтствующихъ наивности темнаго люда. Бонзы (буддійскіе жрецы) выполняютъ массу церемоній въ честь безчисленныхъ божковъ; устраиваютъ для народа ослѣпительныя религіозныя торжества, церемоніи, очень выгодныя для духовенства. Буддизмъ распался въ Японіи на множество сектъ. Жрецы однихъ выступаютъ въ торжественныхъ шествіяхъ, облаченные въ пышныя одѣянія; другія—въ рубищахъ и отвратительной грязи, прямо гнусной по своей изысканности. Одни требуютъ исповѣди, покаянія и устраиваютъ собесѣдованія съ прихожанами; другіе организуютъ бдѣнія съ напѣвами, длительными и монотонными, доводящія вѣрныхъ до полнаго умственнаго отупѣнія и остолбенѣнія. Религіозная мысль застыла здѣсь въ безчисленныхъ формахъ и изреченіяхъ, до того темныхъ и непонятныхъ, что сами бонзы, читая въ пагодахъ отрывки изъ священной книги «Део-Ханъ Ренге Кіау» (Лотосъ истинной вѣры), не понимаютъ ни слова изъ того, что читаютъ.

Въ настоящее время въ Японіи существуетъ восемь буддійскихъ

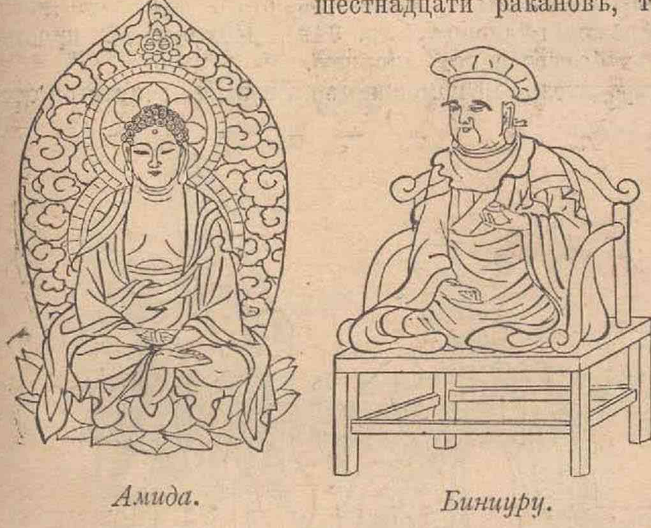
сектъ, и многія, въ свою очередь, подраздѣляются на нѣсколько толковъ. Различія между этими сектами, въ большинствѣ случаевъ, заключаются въ метафизическихъ тонкостяхъ, которыя, какъ утверждаетъ сэръ Эрнестъ Сатоу, чрезвычайно трудно понять, а еще труднѣе выразить словами. Объ одной изъ этихъ сектъ онъ говоритъ: «высшія истины ея ученія признаются непостижимыми даже для самихъ членовъ секты, не достигшихъ еще той степени просвѣтлѣнія, при которой они превращаются въ буддъ. Во всякомъ случаѣ, буддизмъ въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, предлагается народу не въ философской его формѣ, а въ видѣ грубаго суевѣрія, болѣе доступнаго пониманію невѣжественныхъ народныхъ массъ. Развитые умы, способные постигать философскія истины ученія Будды, могутъ послѣ четырехъ послѣдовательныхъ перевоплощеній въ человѣческомъ образѣ превратиться въ просвѣтленныхъ буддъ, тогда какъ для простонародія, исповѣдующаго грубыя формы буддизма, достиженіе такихъ высокихъ степеней святости возможно лишь по истеченіи ста кальпъ, состоящихъ каждая изъ несмѣтнаго числа тысячелѣтій. Въ виду этого, и тѣ богословы, которые понимаютъ возвышенное ученіе Будды, считаютъ дозволительнымъ прибѣгать къ благочестивому обману для успокоенія этихъ несчастныхъ. Ихъ забавляютъ заклинаніями, надѣляютъ талисманами, совѣтуютъ предпринимать паломничество къ различнымъ якобы святымъ мѣстамъ и присутствовать при торжественныхъ религіозныхъ обрядахъ въ храмахъ, гдѣ они молятся не только Буддѣ, не дерзавшему возноситься мыслью до верховнаго существа, но также его ученикамъ и даже вещественнымъ воплощеніямъ отвлеченныхъ понятій, которыя для простонародія превратились въ боговъ.

Прилагаемая таблица V представляетъ копію съ японскаго изображенія буддійскаго храма въ Икегами близъ Токіо, который можетъ разсматриваться какъ образчикъ японско-буддійской архитектуры. Въ составъ этого храма входятъ слѣдующія сооруженія: 1) двухъэтажныя ворота; 2) складъ для благодарственныхъ пожертвованій; 3) колокольный домикъ; 4) главный храмъ или хондо; 5) молельня, посвященная основателю секты, которой принадлежитъ храмъ; 6) малая пагода, называемая также *зданіемъ костей*, такъ какъ въ ней хранится часть останковъ основателя секты; 7) вращающаяся библіотека, содержащая полное собраніе буддійскихъ священныхъ книгъ; 8) жилище жрецовъ; 9) зданіе для паломниковъ; 10) сокровищница; 11) кухня; 12) цистерна для омовенія рукъ передъ богослуженіемъ; 13) барабанная башня; 14) большая пагода; 15) каменные фонари, пожертвованные храму. Буддійскіе фонари обыкновенно крыты черепицей, тогда какъ кровли синтоистскихъ состоятъ изъ полосокъ древесной коры. Молельня въ честь основателя встрѣчается не во всѣхъ буддійскихъ храмахъ, и весьма немногіе изъ нихъ обладаютъ малой пагодой и библіотекой.

Изъ весьма многочисленныхъ боговъ и богинь, статуи которыхъ встрѣчаются въ буддійскихъ храмахъ, мы приведемъ, по Чемберлену, копіи съ японскихъ изображеній слѣдующихъ божествъ:

Амида—могущественное божество, обитающее на западѣ въ собственномъ своемъ восхитительномъ раю. Первоначально это былъ отвлеченный идеалъ безпредѣльнаго свѣта. Его изображаютъ въ сіяніи, окружающемъ иногда не только голову, но и все тѣло. Пятно на лбу служитъ эмблемою мудрости.

Бинцуру—былъ сперва однимъ изъ шестнадцати ракановъ, т.-е. старшихъ учениковъ Будды, но изъ ихъ среды онъ былъ удаленъ за то, что мысленно нарушилъ обѣтъ цѣломудрія, увидѣвъ женщину и подумавъ: какъ она прекрасна. Изображенія его помѣщаютъ поэтому во внѣшнемъ притворѣ. Утверждаютъ, что Будда надѣлилъ его способностью исцѣлять всѣ человѣческія болѣзни. Простонародіе очень его чтитъ и охотно заказываетъ ему молебны.



Амида. *Бинцуру.*

Дарума — буддійскій святой, возведенный въ божеское достоинство за то, что, размышляя о тщетѣ всего земного, сиднемъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока у него (по истеченіи 9-ти лѣтъ) отвалились ноги.

Емма-о (по-санскритски Яма—раджа)—завѣдующій буддійскимъ адомъ. Головной его уборъ напоминаетъ судейскую шапочку, а въ правой рукѣ у него палица. Возлѣ него изображенъ секретарь со спискомъ человѣческихъ грѣховъ.

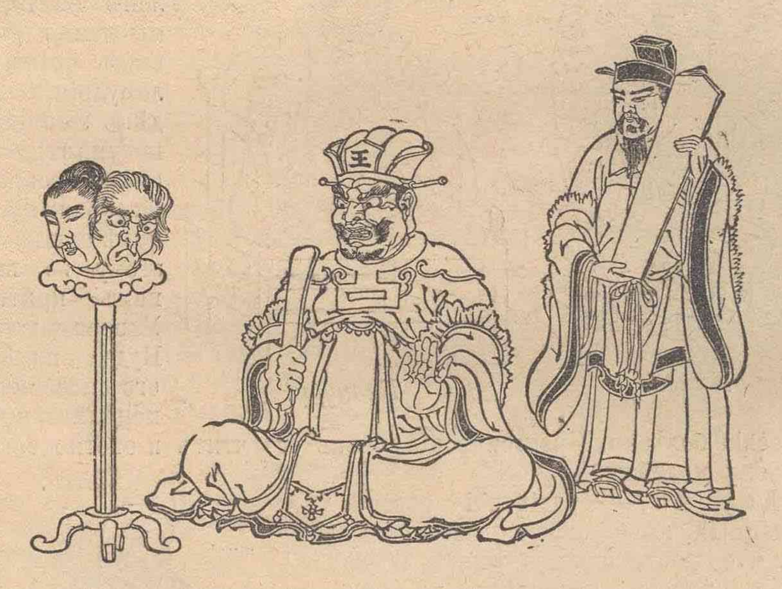
Дарума.

Фудо—повидимому брахманскій богъ Сива, котораго въ Японіи отождествили съ богомъ мудрости,

окружающей его своимъ пламенемъ. Простонародіе обыкновенно считаетъ его богомъ огня. Острый мечъ въ правой его рукѣ устрашаетъ злодѣевъ, а веревка въ лѣвой—предназначена для того, чтобы вязать ихъ. Обыкновенно при немъ изображаютъ и двухъ главныхъ его приспѣшниковъ Сеи-така-додзи и Конгара-додзи (стр. 349).

Инари—божество риса—изображается то въ видѣ женщины, то въ видѣ бородатаго мужчины. Въ храмахъ этого божества помѣщаютъ всегда изображенія лисицъ (стр. 349). Поэтому въ простонародіи оно слыветъ божественною лисицею.

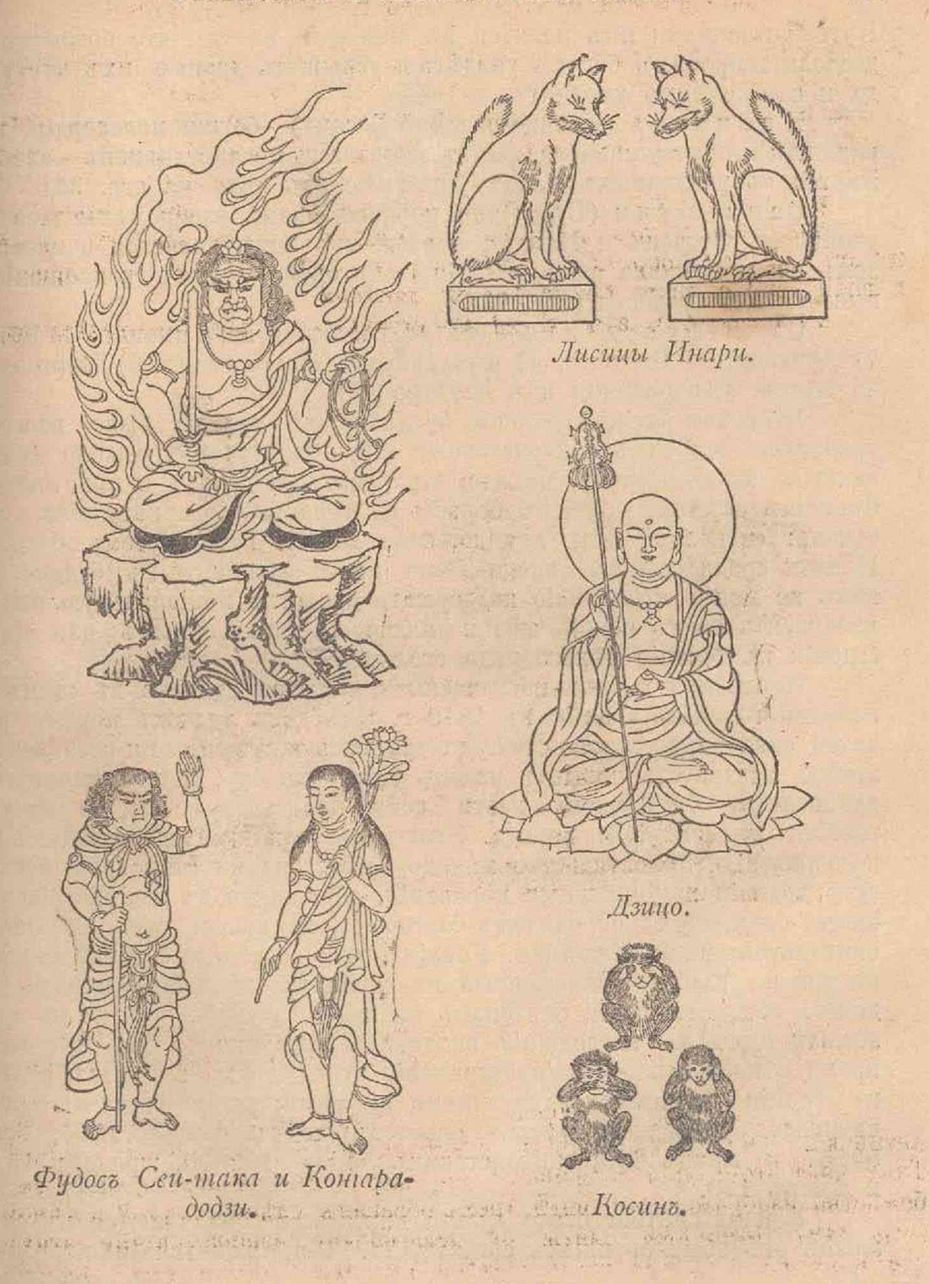
Дзицо—сострадательный помощникъ въ нуждѣ—считается осо-



Емма-о.

бымъ покровителемъ путешественниковъ, беременныхъ женщинъ и дѣтей. Каменное изваяніе его встрѣчается повсемѣстно въ Японіи, чаще всѣхъ другихъ идоловъ.

Косинъ—обоготвореніе дня, соотвѣтствующаго 57-му члену китайскаго календарнаго круга, раздѣленнаго на шестьдесятъ частей Такъ какъ этотъ день посвященъ мартышкѣ, то соотвѣтствующее ему божество изображено въ видѣ трехъ обезьянъ: слѣпой, глухой и нѣмой (стр. 349). Каменныя плиты съ рельефными изображеніями этихъ трехъ обезьянъ весьма часто встрѣчаются близъ загородныхъ дорогъ.



Лисицы Инари.

Дзицо.

Фудосъ Сеи-така иКонгара-додзи.

Косинъ.

Путешественники имъ молятся въ надеждѣ на то, что божество не дозволитъ прочимъ богамъ увидѣть и услышать дурные ихъ поступки да и само о нихъ умолчитъ.

Кваннонъ (Кванце-онъ Дай Босацу)—богиня милосердія, всевидящая и прислушивающаяся къ молитвамъ несчастливцевъ—изображается въ различныхъ видахъ; главные изъ нихъ на стр. 351.

Сака-Муни (Будда); на первомъ планѣ изображены двое его учениковъ Фудзенъ и Мондзу; первый изъ нихъ является покровителемъ восторженнаго размышленія, а второй служитъ воплощеніемъ высочайшей мудрости (стр. 252).

Сихи-фукудзинъ—семь боговъ счастья, а именно: 1) Ебису, 2) Дайкоку, 3) Бентенъ, 4) Фукурокудзу, 5) Бисамонъ, 6) Дзуродзинъ, 7) Хотей. Изображенія ихъ на стр. 353.

Широкое распространеніе буддизма въ народѣ было все-таки враждебно основамъ синтоистскаго міровоззрѣнія и угрожало единовластію и авторитету микадо. Въ рукахъ сё-гуновъ и аристократіи буддизмъ служилъ орудіемъ борьбы съ основнымъ принципомъ синтоизма: «исполняй волю микадо, если хочешь идти путемъ боговъ». И хотя среди самихъ микадо было много ревностныхъ буддистовъ, тѣмъ не менѣе, стремленіе поддержать древнюю національную вѣру и воскресить ее къ новой жизни являлось характернымъ для царей Японіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Послѣдняя широко-поставленная попытка сдѣлана въ этомъ направленіи микадо Саго въ 1810 г. Онъ далъ толчокъ новому развитію синтоизма, заново сталъ отстраивать запущенные и оставленные храмы, воздвигать новые и издалъ рядъ указовъ, предписывавшихъ духовенству буддійскому вести себя нравственнѣе и не злоупотреблять легковѣріемъ народа. Отнюдь не прибѣгая къ насиліямъ или принужденію, правительство микадо всѣми силами старалось воскресить древнія національныя вѣрованія, обращаясь къ содѣйствію ученыхъ, создавшихъ по слѣдамъ Мотоори (см. выше, стр. 290) школу синтоистовъ-раціоналистовъ. Усилія эти не остались совершенно безплодными; глубоко заложенныя въ сердцахъ японскаго народа традиціи, отожествлявшія синтоизмъ съ патріотизмомъ, воскресили и положили предѣлъ поглощенію синтоизма буддизмомъ. Въ настоящее время относительное распространеніе этихъ двухъ главныхъ религій въ Японіи выясняется слѣдующими цифрами: въ 1896 году въ Японіи числилось буддійскихъ «тера» (храмовъ) всѣхъ сектъ 71886, бонзъ 52837 и жрицъ 690; синтоистскихъ «міа» 192000, жрецовъ 15158 и жрицъ 110.

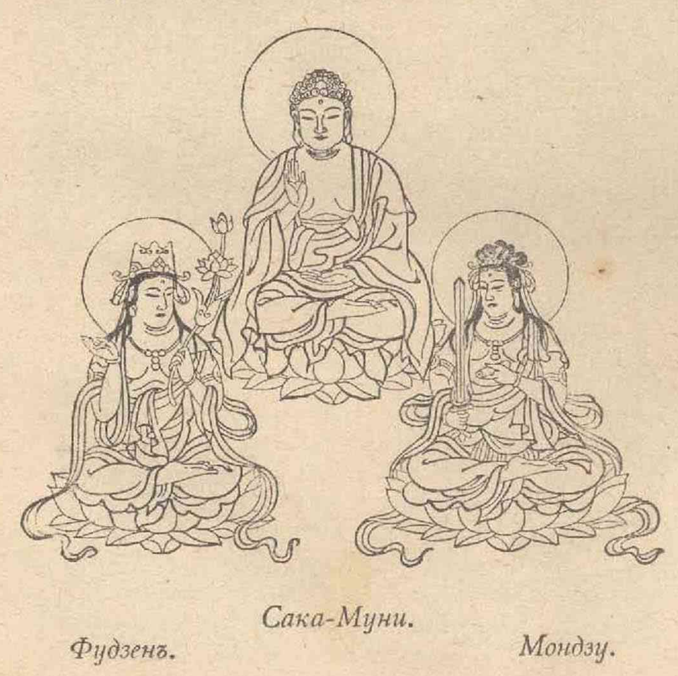
Жрецы синтоистскаго культа ничѣмъ не отличаются въ своей жизни отъ обыкновенныхъ согражданъ. Они женятся и передаютъ

Кваннонъ.

1—Кваннонъ премудрая; 2—одиннадцатилицая; 3—тысячерукая; 4—украшенная конскою головою; 5—всемогущая.

свое жреческое достоинство сыновьямъ своимъ по наслѣдству. Высшіе жрецы принадлежатъ къ лучшимъ родамъ Японіи, и нерѣдко цари, желая парализовать кого-нибудь изъ членовъ своей семьи и устранить его отъ политической жизни, возводили его въ высокій жреческій санъ, чрезвычайно почетный, но лишенный всякаго дѣйствительнаго значенія. Со времени воскрешенія синтоизма къ новой жизни, его пытались сдѣлать господствующей, такъ сказать, государственной религіей, но неудачно: усилія эти разбились о безразличное отношеніе народа къ религіи вообще и о приверженность къ буддизму—не столько какъ къ религіи, сколько какъ къ философіи—со стороны высшихъ слоевъ японской аристократіи и просвѣщеннаго городского населенія.

Первыя попытки проникновенія христіанства въ Японію относятся къ XVI в. Сначала Франсуа Ксавье съ своей миссіей, а затѣмъ португальскіе іезуиты (1549 г.) высадились въ Японію. Совпало это



Сака-Муни.

Фудзенъ. *Мондзу.*

съ эпохою обостренныхъ междоусобныхъ войнъ феодальныхъ князьковъ. Раздоры внутри страны были миссіонерамъ на руку, и вскорѣ они

Сихи-фукудзинъ — боги счастья (см. стр. 350).

стали подъ шумокъ воздвигать католическія церкви на мѣсто разрушенныхъ «міа» и «тера». Въ 1582 г. отцы-іезуиты насчитывали 150000 новообращенныхъ и двѣсти церквей. Но, конечно, вмѣстѣ съ христіанствомъ іезуиты привезли съ собою въ Японію духъ инквизиціи и преслѣдованія. Съ большою свирѣпостью начали они нападать на бонзъ, подстрекать обратившихся въ христіанство къ поруганію туземныхъ боговъ, разрушенію идоловъ, сожженію и оскверненію старыхъ часовенъ. При этомъ іезуиты щедро разсыпали золото, присылаемое королями Португаліи и Испаніи подъ именемъ «милостыни». Этимъ прельщались туземные правители. На Кіу-Сіу всѣ дайміо сдѣлались христіанами и принуждали своихъ подданныхъ присоединяться къ новой религіи. Населенію цѣлыхъ округовъ было приказано или принять христіанство, или удалиться въ изгнаніе. Бонзы изгонялись или убивались. Были вымышлены фиктивныя чудеса, чтобы дѣйствовать на легковѣрные умы. Все это удостовѣрено не только японскими писателями, но и самими іезуитами. «Японія, говоритъ Буке, не знавшая до того религіозной нетерпимости, была научена этому іезуитами». Роковой примѣръ обратился противъ тѣхъ, кто первый его подалъ». Новая религія угрожала основать государство въ государствѣ; идея о чужеземномъ Папѣ, не только высшемъ духовномъ главѣ всѣхъ народовъ, но и повелителѣ монарховъ, было чуждо и противно духу японцевъ. И вотъ тогда уже правительство страны объявило безпощадную войну католичеству. Первый указъ противъ христіанъ изданъ былъ Хиде-ёси въ 1587 г.: іезуитамъ приказано было немедленно очистить страну. Но рѣшительныя фанатически-жестокія преслѣдованія упорствующихъ въ католичествѣ японцевъ начались съ 1614 года; количество вѣрныхъ таяло, и, наконецъ, послѣднія 40000 укрывшихся въ Симбара въ 1638 г. нашли тамъ смерть всѣ до единаго. Разрушеніе христіанскихъ церквей, крестовъ и священныхъ изображеній было совершено съ такою безпощадностью, что новѣйшіе изслѣдователи только съ большимъ трудомъ находили незначительные остатки ихъ. Въ теченіе двухъ столѣтій имя Христа было синонимомъ волшебства, мятежа и всего враждебнаго миру. По всей Японіи, въ каждомъ городѣ, селѣ, деревнѣ, по сторонамъ дорогъ, при каждомъ входѣ въ столицу и т. п. были вывѣшены объявленія, гдѣ среди наименованій величайшихъ преступленій, угрожавшихъ обществу и правительству, было начертано одно слово съ особымъ клеймомъ, поражавшимъ ужасомъ каждаго прохожаго. Это слово — Христосъ. Христіанство было объявлено развращенной сектой, которая считалась темнымъ пятномъ въ прошломъ японской націи.

Съ открытіемъ Японіи для иностранной торговли возобновилась въ ней и христіанская проповѣдь, но отмѣна антихристіанскихъ за-

коновъ состоялась лишь въ 1873 г. Миссіонеры различныхъ исповѣданій начали открывать школы, образовывать туземныя христіанскія ассоціаціи, знакомить японцевъ съ христіанскою литературою, устраивать публичные диспуты, собесѣдованія и т. п. Постепенно христіанство проникло во всѣ слои общества, не исключая высшихъ интеллигентныхъ и правительственныхъ сферъ. Когда открылся первый японскій парламентъ, то президентомъ палаты депутатовъ былъ избранъ христіанинъ, и христіане занимаютъ видныя мѣста въ администраціи, верховномъ судѣ, войскѣ и флотѣ. Въ настоящее время католиковъ насчитывается около 60000, протестантовъ—40000 и православныхъ—27500. Эти цифры, по сравненію съ успѣхомъ христіанской проповѣди въ XVI в. очень скромны. Японцы далеко не обнаруживаютъ того горячаго религіознаго порыва, который охватилъ ихъ при первомъ знакомствѣ съ христіанской вѣрой. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что очень ужъ плохая память осталась въ Японіи о первоначальномъ іезуитскомъ христіанствѣ.

Въ японской православной церкви къ 1 января 1901 г. состояло церковныхъ общинъ 257, христіанъ въ нихъ 25994, священнослужителей 36, въ томъ числѣ одинъ епископъ—преосвящ. Николай (именующійся епископомъ ревельскимъ), одинъ игуменъ, 28 священниковъ, 6 діаконовъ, изъ нихъ русскіе: епископъ, игуменъ, одинъ священникъ и одинъ діаконъ, всѣ прочіе—японцы; причетниковъ — учителей церковнаго пѣнія—числилось 15, проповѣдниковъ—150.

Всѣхъ православныхъ храмовъ въ Японіи имѣется до 175. Особенно выдѣляется величественный храмъ Воскресенія въ Токіо; онъ господствуетъ надъ городомъ и первый бросается въ глаза при въѣздѣ съ моря. Наоборотъ, въ древней столицѣ Японіи — Кіото — имѣется лишь деревянный храмъ, который далеко уступаетъ воздвигнутымъ тамъ великолѣпнымъ каменнымъ храмамъ — католическому, епископальному и протестантскому.

Въ учебныхъ заведеніяхъ православной миссіи въ Токіо состояло: въ катихизаторскомъ училищѣ 9 и въ семинаріи 62 ученика, въ женскомъ училищѣ 77 учепицъ. Учащихъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было 33, въ томъ числѣ четверо съ академическимъ образованіемъ. Въ женскомъ училищѣ имѣется спеціальный классъ иконописанія, который снабжаетъ иконами всѣ православныя церкви Японіи. Въ Хакодате имѣется при храмѣ большая приходская школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ 4 учителями, и женская школа шитья съ двумя учительницами. Въ Осакѣ существуетъ огласительное училище. «Въ «обществѣ переводчиковъ религіозныхъ книгъ» состояло 8 переводчиковъ и 2 редактора періодическихъ изданій миссіи: двухнедѣльнаго «Сейкео Симсо» (Православный Вѣстникъ), издаваемаго

обществомъ переводчиковъ, и ежемѣсячнаго «Уранисики» (Скромность), издаваемаго при миссійскомъ женскомъ училищѣ. Кромѣ того, миссіей издано 10 переводовъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, 25 оригинальныхъ книгъ и брошюръ и четырехголосное пѣніе праздниковъ.

Съ 1895 г. въ Японіи съ особеннымъ успѣхомъ подвизается «армія спасенія».

Каково же дѣйствительное воздѣйствіе христіанства на душу японцевъ? Конечно, если полагаться на статистическія цифры различныхъ миссій, можно было бы думать, что христіанство дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи въ Японіи. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла оказывается, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ предъ собою не серьезное обращеніе, а комедію, продѣлываемую японцами съ полнѣйшею наивностью. Такъ же обстоитъ дѣло и въ Кореѣ и Китаѣ, но цѣли, толкающія японцевъ въ объятія миссіонеровъ, не тѣ, что тамъ. Китайцы ищутъ въ миссіонерахъ и находятъ въ нихъ защитниковъ отъ притѣсненій мандариновъ; японцы же, въ большинствѣ случаевъ, цѣнятъ въ миссіонерахъ учителей иностраннымъ языкамъ, знаніе которыхъ съ каждымъ днемъ становится все большею потребностью въ Японіи. Часто японецъ, поступающій въ какую-нибудь школу, устроенную и руководимую миссіонерами, во все время пребыванія въ этой школѣ ведетъ себя какъ всѣ христіане: посѣщаетъ вмѣстѣ съ другими службы, молится, поетъ религіозные гимны, но продѣлываетъ все это скорѣе всего изъ чувства нѣкоторой вѣжливости, если не изъ прямого интереса. Оставляя школу, онъ оставляетъ и все свое христіанство. Было бы несправедливо, однако, думать, что здѣсь сказывается лицемѣріе: вѣрнѣе всего въ основѣ здѣсь лежитъ глубоко-безразличное отношеніе къ религіи вообще. Есть мѣста въ Японіи, въ которыхъ все населеніе на нѣсколько мѣсяцевъ въ году становится сплошь христіанами; это чаще всего на водахъ, куда съѣзжается въ опредѣленный сезонъ та или иная группа иностранцевъ, поселившихся въ Японіи.

Если прослѣдить взгляды на христіанство, проявляемые японцами въ журналистикѣ и литературѣ, то къ сказанному можно прибавить слѣдующее характерное воззрѣніе: просвѣщенные японцы, любящіе науку и глубоко вѣрующіе въ ея прогрессивную силу и высокую цѣнность, оспаривая христіанство, любятъ указывать на якобы непримиримое противорѣчіе его съ наукой и на постоянную борьбу его съ передовою мыслью научною. Что, однако, дѣйствуетъ особенно отталкивающимъ образомъ на японцевъ, это—постоянное зрѣлище раздоровъ и борьбы между представителями разныхъ христіанскихъ ис-

повѣданiй. Яростная борьба ведется въ Японiи не только между католиками, православными и протестантами, но и между безчисленными толками протестантскаго вѣроученiя. Японцы присматриваются ко всему этому и загадочно улыбаются.

Попадаются, однако, и среди японцевъ люди, не только искренне примкнувшiе къ христiанству, но и мечтающiе о созданiи новаго христiанства,—японскаго. Патеръ Косаки говоритъ: «именно въ Японiи христiанство найдетъ свое полное и окончательное выраженiе»; а Iохои полагаетъ, что: «японское новохристiанство должно быть выше всѣхъ другихъ, и скоро европейцы сознаютъ это и начнутъ примыкать къ нему».

Въ общемъ же передовые японцы отказались отъ нацiональныхъ вѣрованiй, какъ отъ ненужнаго хлама; для нихъ единственною религiею является наука, единственнымъ руководящимъ началомъ—разумъ.

Заключеніе.

Психологія японцевъ и желтая опасность.

Относительно психологіи японцевъ указаній имѣется въ литературѣ весьма много, но уже рѣзкое противорѣчіе въ отзывахъ отдѣльныхъ авторовъ о душевныхъ свойствахъ японцевъ обнаруживаетъ сомнительность и недостовѣрность этихъ свидѣтельствъ. Если исключить серьезныя изслѣдованія японской жизни, являющіяся результатомъ долголѣтняго изученія страны и ея народа, то источники свѣдѣній о японцахъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни—это коммерсанты, ведущіе со страною дѣловыя сношенія и сталкивающіеся преимущественно съ классомъ мелкой японской буржуазіи, другіе—случайные посѣтители Японіи, туристы и путешественники, входящіе въ соприкосновеніе, и то очень поверхностное, съ японскою интеллигенціею и народомъ и не имѣющіе спеціальныхъ точекъ сближенія съ японскими торговцами и промышленниками. Первые, въ большинствѣ случаевъ, отзываются о японцахъ съ дурной стороны, считая ихъ хитрыми, нечестными, скрытными, неспособными къ упорному труду и склонными къ внѣшней переимчивости. Вторые, напротивъ, идеализируютъ японскій народъ до совершенно невѣроятной степени, восхваляя ихъ умъ, вѣжливость, веселость, настойчивость, честность и другія похвальныя качества. Серьезные изслѣдователи Японіи прежде всего признаютъ, что ознакомиться съ психологіею этого народа—дѣло крайне трудное, особенно въ виду коренного различія языка, поддающагося изученію лишь съ большимъ трудомъ, а также въ виду несомнѣнно весьма развитой у японцевъ способности подавлять проявленіе чувства. Какъ извѣстно, нѣкоторые психологи видятъ главное психическое отличіе цивилизованнаго человѣка отъ дикаря въ способности задерживать рефлексы,

т.-е. внѣшнія выраженія тѣхъ чувствъ, которыя возникаютъ въ душѣ подъ вліяніемъ воспринятыхъ извнѣ впечатлѣній. Японцы способны къ этому задерживанію въ весьма высокой степени. Выражать при постороннихъ сильную радость, печаль или страхъ считается у нихъ неприличнымъ. Это придаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ поведенію японцевъ характеръ фальши и, во всякомъ случаѣ, значительно затрудняетъ наблюденіе японцевъ. Бывшій свыше 20 лѣтъ профессоромъ медицины въ Токіо д-ръ Бельцъ заявляетъ, что, несмотря на постоянное общеніе съ японцами въ качествѣ практическаго врача, онъ отказывается произвести какое-нибудь категорическое сужденіе о психологіи японскаго народа вообще. По его словамъ, въ отношеніи душевныхъ качествъ японскій народъ можно грубымъ образомъ раздѣлить на два слоя, имѣющіе каждый свои психологическія особенности. Слой промышленный и торговый, вошедшій въ соприкосновеніе съ наиболѣе несимпатичными сторонами европейской цивилизаціи — стремленіемъ къ наживѣ цѣною эксплуатаціи другихъ—всецѣло усвоилъ эти отрицательныя стороны. Японскій мелкій промышленникъ—это, въ большинствѣ случаевъ, эксплуататоръ и торгашъ, не особенно разборчивый въ средствахъ къ наживѣ. Во времена феодализма соціально и политически порабощенный низшій классъ не могъ развить въ себѣ нравственнаго міровоззрѣнія; изъ этого слоя и возникъ нынѣшній классъ мелкаго купечества въ Японіи. Классы, занимавшіе при феодализмѣ господствующее положеніе, напротивъ, усвоили очень стройный кодексъ нравственности прежняго сословія «самураевъ», изложенный въ книгѣ «Бушидо» *). Дать цѣльную характеристику того нравственнаго типа, какой представляетъ собою эта японская интеллигенція, которая можетъ считаться душою народа, и которая направляетъ историческія его судьбы—мудрено: слишкомъ много въ немъ своеобразнаго и намъ чуждаго. Въ настоящей книгѣ разобрано много отдѣльныхъ чертъ, выясняющихъ духовную физіономію японца. Здѣсь намъ достаточно остановиться на двухъ чертахъ, имѣющихъ преобладающее значеніе для переживаемаго момента. Въ японцѣ мы находимъ мало понятное для насъ сочетаніе артистичности натуры съ отсутствіемъ чувства личности. У насъ артистическая натура неразрывно связана съ сознаніемъ своей индивидуальности, своей личной особности и своей личной самоцѣнности, но у японцевъ сознаніе особности и мѣрило цѣнности прилагаются, повидимому, къ индивидуальности не личной, а

---

*) Ср. выше, стр. 253 и 133—135, а также книгу г. Богословскаго, названную на стр. 135. Въ соч. г. Богословскаго почти цѣликомъ изложено и изслѣдованіе о «Бушидо» Инацо Нитобе.

собирательной, каковою является нація. И это чувство національнаго самосознанія обостряется до болѣзненности, такъ какъ его гложетъ червь сомнѣнія: въ глубинѣ души своей японцы не могутъ не сознавать, что культура ихъ всегда питалась чужими соками, что при своеобразной физіономіи она не имѣетъ самобытной основы. При появленіи въ 1850-хъ годахъ американо-европейскихъ эскадръ, они должны были признать свое безсиліе; чувство національной гордости, глубоко уязвленное сознаніемъ превосходства европейцевъ, однако, не смирилось, и со свойственными имъ настойчивостью и стремительностью японцы задались цѣлью овладѣть этимъ превосходствомъ, которое въ ихъ представленіяхъ сводится къ техническому прогрессу и къ военнымъ усовершенствованіямъ, и не только овладѣть, но и превзойти. И вотъ они въ тридцать лѣтъ совершили въ своей странѣ переворотъ, въ сравненіи съ которымъ наши шумныя европейскія революціи представляются топтаніемъ на одномъ мѣстѣ *). Если въ этомъ переворотѣ японцами руководило чувство національнаго достоинства, то національная гордость стала увлекать ихъ дальше. Утвердившись въ мысли, что они сравнились съ европейцами въ культурѣ, японцы не удовлетворились сознаніемъ такого равенства и стали мечтать объ исключительномъ призваніи своего народа въ исторіи человѣчества. Народился своего рода японскій мессіанизмъ. Десять лѣтъ тому назадъ графъ Окума, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Японіи, въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ такіе взгляды по отношенію къ европейскимъ государствамъ и къ будущей роли Японіи: «Европейскія державы уже выказываютъ признаки упадка, и въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ строй будетъ расшатанъ, ихъ государства распадутся. Если этого и не случится, то ихъ рессурсы будутъ истощены неудачными колонизаціонными попытками. Кто же способенъ выступить ихъ дѣйствительными преемниками, какъ не мы? Какая нація, кромѣ Германіи, Франціи, Россіи, Австріи и Италіи, можетъ выставить въ поле въ теченіе мѣсяца двухсоттысячную армію? По отношенію къ интеллектуальной силѣ, японскій умъ вполнѣ равенъ европейскому. Даже болѣе. Развѣ

---

*) Конечно, поразительная быстрота, съ какою японцы усвоили всѣ техническія и многія правовыя пріобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, свидѣтельствуетъ о необыкновенной умственной подвижности и воспріимчивости японской народности, а также о ея цѣнныхъ нравственныхъ качествахъ— упорномъ трудолюбіи, выдержкѣ характера, настойчивости въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, но самая возможность столь быстраго переворота крылась въ томъ, что въ странѣ и раньше была хотя своеобразная, но по-своему высокая культура.

японцы не открыли пути къ усовершенствованію открытія, въ которомъ иностранцы не могли достигнуть успѣха послѣ многихъ лѣтъ труда? *) Нашъ народъ удивляетъ даже французовъ, наиболѣе искусныхъ въ ремеслахъ, тщательностью своей работы. Правда, японцы малы ростомъ, но совершенство тѣла зависитъ болѣе отъ его сложенія, чѣмъ отъ величины. Когда закончится пересмотръ договоровъ и Японія окончательно побѣдитъ Китай, мы станемъ одною изъ великихъ державъ міра, и ни одна держава не осмѣлится вмѣшаться въ какое-либо движеніе, не посовѣтовавшись съ нами. Японія въ состояніи будетъ вступить тогда въ соревнованіе съ Европой, какъ представительница восточныхъ расъ».

Нынѣ эта идея «панмонголизма» начинаетъ переходить изъ области мечтаній на почву практической политики. Опасность, которую предвидѣлъ Вл. Соловьевъ**, становится все болѣе близкою и грозною. Японія смѣло выступаетъ впередъ и рѣшительно беретъ на себя миссію возрожденія и объединенія народовъ Азіи для будущей «міровой борьбы». Пока Японія дѣйствуетъ сама по себѣ, она представляется просто честолюбивою и воинственною націею, какъ-будто похожею на Англію; но въ соединеніи съ Китаемъ она можетъ создать огромное расовое движеніе, которое и явится дѣйствительною «желтою опасностью».

«Желтая опасность» заключается не въ томъ, что Японія можетъ наводнить міровой рынокъ дешевыми издѣліями — какъ этого опасаются мнительные промышленники (ср. выше, стр. 204 и сл.)—а въ томъ, что Японія считаетъ себя призванной внести свѣтъ культуры въ многомилліонный Китай, подъ свѣтомъ же культуры Японія разумѣетъ прежде всего блескъ орудій и штыковъ.

Китай, получивъ усиліями японцевъ современную военную организацію, явился бы великою угрозою для европейскихъ націй, и новыя правильно обученныя милліонныя монгольскія арміи могли бы и не ограничиться изгнаніемъ европейцевъ изъ Азіи. Надвигающаяся опасность тѣмъ грознѣе, что основное начало европейской цивилизаціи— уваженіе къ человѣческой личности, къ правамъ человѣка—совершенно чуждо монгольской расѣ, и это обстоятельство рѣзко отличаетъ азіатское міросозерцаніе отъ европейскаго.

Къ счастью, японцы начинаютъ слишкомъ спѣшить съ практическимъ осуществленіемъ идеи «панмонголизма», и надо надѣяться, что европейскія державы во-время поймутъ, что насущные интересы

---

*) Окума разумѣлъ, повидимому, сдѣланное тогда японскимъ врачемъ открытіе бацилла бубонной чумы въ Гонгъ-Конгѣ.

**) Влад. Соловьевъ, «Три разговора». Спб. 1900, стр. 153.

цивилизаціи требуютъ отъ нихъ единенія въ рѣшеніи вопросовъ Дальняго Востока.

Россія въ теченіе многихъ вѣковъ служила для Европы заслономъ отъ монгольскихъ вторженій. Она вынесла на своихъ плечахъ тяжесть монгольскаго ига и тѣмъ дала возможность европейской культурѣ окрѣпнуть. Россія съ честью выполнила эту тяжкую задачу, заплативъ за это отсталостью во внутреннемъ своемъ развитіи. Теперь она же вынуждена грудью встрѣтить первую волну новаго «панмонголизма», но теперь человѣчество можетъ и должно сознательнѣе относиться къ ходу историческихъ событій. Въ этомъ значеніе переживаемаго момента...

П. Ю. Шмидтъ.

Корея и корейцы.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Мая 1900 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Природа страны.

Корея расположена на сѣверо-восточной окраинѣ азіатскаго материка, на обширномъ полуостровѣ, который далеко выдается въ море и отдѣляетъ Желтое море отъ Японскаго. Самый сѣверный пунктъ Кореи находится близъ впаденія рѣки Хунь-чунь-хэ въ рѣку Тумы(е)нь-улу подъ 43⁰ 2′ сѣв. шир., самый южный — на островѣ Жиффаръ подъ 33⁰ 7′ сѣв. шир., самый восточный—на островѣ Дажелетъ подъ 130⁰ 54′ вост. долг. отъ Гринвича и самый западный—у устья рѣки Ялу подъ 124⁰ 34′ восточ. долг.; такимъ образомъ, Корея расположена между широтою Марселя и Триполи (на сѣверномъ берегу Африки). По площади, опредѣляемой въ 218192 кв. километра, страна эта соотвѣтствуетъ приблизительно Италіи, и по формѣ своей, а отчасти и по распредѣленію горъ на своей поверхности, Корейскій полуостровъ также напоминаетъ до нѣкоторой степени Апеннинскій. Наибольшее протяженіе этотъ полуостровъ имѣетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, около 900 верстъ; ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ равняется всего 130 верстамъ, и даже наиболѣе удаленные отъ берега пункты въ Кореѣ отстоятъ отъ моря не болѣе какъ на 200 верстъ.

Съ сѣвера Корея примыкаетъ на небольшомъ протяженіи къ нашему Уссурійскому краю, отграничиваясь отъ него низовьями рѣки Тумынь-улы, и на всемъ остальномъ протяженіи прилегаетъ къ Маньчжуріи, отъ которой ее отграничиваютъ та же Тумынь-ула и рѣка Ялу. Южная оконечность Корейскаго полуострова отдѣляется неширокимъ Корейскимъ проливомъ отъ самаго южнаго изъ острововъ Японіи, острова Кіу-Сіу, притомъ посрединѣ пролива располагаются острова Цу-Сима, что дѣлаетъ Корейскій проливъ удобопроходимымъ даже для относительно небольшихъ судовъ. Корейскій проливъ шириною всего лишь около 150 верстъ, и южный портовый городъ Кореи Фузанъ отстоитъ въ 18 часахъ хода отъ Нагасаки.

Примыкая на сѣверѣ къ материку Азіи и отдѣляясь на югѣ легко-проходимымъ проливомъ отъ острововъ Японіи, Корейскій полу-

островъ является какъ бы мостомъ, перекинутымъ съ континента къ этимъ островкамъ и облегчающимъ доступъ къ нимъ. Должно замѣтить, однако, что мостъ этотъ все же не является особенно удобнымъ для сообщенія, такъ какъ, не говоря уже про то, что онъ все же отдѣленъ отъ Японіи проливомъ, онъ и по самой своей природѣ представляетъ нѣкоторыя затрудненія при передвиженіи, такъ какъ Корея является сплошь страною гористою, пересѣченною множествомъ горныхъ хребтовъ, хотя и невысокихъ, но нерѣдко крутыхъ и обрывистыхъ.

Особенно гористою является та часть страны, которая замыкаетъ съ сѣвера доступъ на Корейскій полуостровъ, приблизительно подобно тому, какъ Альпы ограждаютъ съ сѣвера Апеннинскій. Вся часть страны, лежащая къ сѣверу отъ самаго узкаго мѣста полуострова, т.-е. приблизительно отъ параллели Гензана, представляетъ собою сложную горную страну, слагающуюся изъ ряда хребтовъ, раздѣленныхъ узкими долинами. Главнѣйшій изъ этихъ хребтовъ, образующій водораздѣлъ между южными притоками Тумынь-улы и Ялу и рѣчками, которыя впадаютъ въ Японское море, имѣетъ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и, какъ думаютъ нѣкоторые географы, принадлежитъ къ системѣ хребтовъ, особенно ясно выраженной въ Китаѣ. Къ сѣверу и къ югу отъ него отходятъ отроги, и одинъ изъ этихъ отроговъ примыкаетъ къ самой высокой вершинѣ Кореи--горѣ Пэк-ту-санъ, являющейся звеномъ, связующимъ горы Кореи съ хребтами Маньчжуріи. Пэк-ту-санъ (9300 футовъ) представляетъ собою потухшій вулканъ, въ кратерѣ котораго находится небольшое озеро. Снаружи эта гора имѣетъ видъ очень значительной столообразной возвышенности со сравнительно пологими скатами и кольцеобразнымъ гребнемъ на вершинѣ, обрывающимся внутрь кратера чрезвычайно крутыми, мѣстами совершенно отвѣсными стѣнами. Вся гора сложена, повидимому, изъ новѣйшихъ вулканическихъ породъ, и вершина ея во многихъ мѣстахъ покрыта пластами бѣловатой пемзы, что дало поводъ къ ошибочному предположенію о томъ, будто гора эта покрыта вѣчнымъ снѣгомъ.

За исключеніемъ Пэк-ту-сана, мы не встрѣчаемъ въ Кореѣ вовсе вулкановъ, и всѣ хребты страны имѣютъ складчатый характеръ и являются горами древняго происхожденія. На самомъ Корейскомъ полуостровѣ различается Главный или Основной хребетъ, который имѣетъ преимущественно меридіональное направленіе и, подобно Апеннинскому, тянется ближе къ восточному берегу полуострова, давая отъ себя къ западу большое количество отроговъ, отходящихъ въ направленіи, болѣе или менѣе приближающемся къ широтному. Средняя высота главнаго хребта достигаетъ на сѣверѣ около 5000 фу-

товъ и къ югу постепенно уменьшается, такъ что на самой южной оконечности полуострова хребты имѣютъ уже характеръ скорѣе холмовъ, чѣмъ горъ. Къ западному побережью Корейскаго полуострова хребетъ спускается довольно круто, и берегъ является мало изрѣзаннымъ заливами, которыхъ здѣсь очень немного. Съ другой стороны, къ восточному берегу склоны Главнаго хребта гораздо болѣе пологи, и, благодаря большому количеству отходящихъ отъ хребта отроговъ, которые продолжаются, постепенно понижаясь, до самаго побережья, послѣднее является сильно изрѣзаннымъ, и море передъ нимъ усѣяно множествомъ мелкихъ островковъ, которые несомнѣнно оторваны имъ отъ полуострова. Точно также и южный берегъ Кореи является сильно изрѣзаннымъ и изобилуетъ островами; бо̀льшая часть послѣднихъ очень не велика, и лишь островъ Квельпартъ достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ.

Расположенiе хребтовъ имѣетъ немаловажное значенiе въ исторической жизни страны и въ значительной степени обусловливаетъ ея судьбы. Извѣстно, что движенiя народовъ совершаются обыкновенно вдоль главныхъ хребтовъ, и хребты поперечнаго направленiя служатъ для нихъ нерѣдко значительнымъ препятствiемъ. Корея, казалось бы, хорошо защищена съ сѣвера трудно-проходимой горной страной отъ вторженiя сосѣднихъ народностей. Въ дѣйствительности, однако, эта защита не совершенна,—на востокѣ у устья Тумынь-улы и на западѣ у устья рѣки Ялу имѣются проходы, дозволяющiе вторгаться въ страну сосѣднимъ народностямъ, и особенно послѣднiй изъ этихъ проходовъ, дѣйствительно, игралъ очень важную роль въ исторiи Кореи. Всѣ нашествiя враговъ совершались именно чрезъ этотъ проходъ, являющiйся единственными болѣе широкими воротами въ Корею изъ Маньчжурiи, такъ какъ къ востоку отъ него вся страна чрезвычайно трудно-проходима для большихъ народныхъ массъ и для войска. Продольное направленiе Главнаго хребта на Корейскомъ полуостровѣ помогало народностямъ двигаться по послѣднему съ сѣвера на югъ или съ юга на сѣверъ, не встрѣчая значительныхъ препятствiй, такъ какъ всѣ отроги, тянущiеся въ широтномъ направленiи, слишкомъ незначительны.

Строенiе поверхности обусловливаетъ распредѣленiе прѣсныхъ водъ въ странѣ. При изрѣзанности страны хребтами горъ, въ ней нѣтъ условiй, способствующихъ образованiю стоячихъ прѣсноводныхъ водоемовъ, и, дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ въ Кореѣ озеръ, за исключенiемъ береговыхъ лагунъ. Зато это же самое обстоятельство обусловливаетъ обильное орошенiе страны рѣками: на отсутствiе проточныхъ водъ ни въ одной области Кореи нельзя пожаловаться.

Самыми значительными водными артерiями являются въ Кореѣ

обѣ пограничныя рѣки: Тумынь-ула и рѣка Ялу или Амнокъ-канъ. Обѣ онѣ берутъ начало съ горнаго массива Пэк-ту-санъ и сбѣгаютъ съ него въ противоположныхъ направленіяхъ, одна—въ Японское, другая—въ Желтое море, принимая въ себя съ сѣвера и съ юга большое количество притоковъ съ сосѣднихъ хребтовъ. На значительной части своего протяженія обѣ онѣ имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, съ сильнымъ паденіемъ воды и очень быстрымъ теченіемъ, и лишь въ низовьяхъ текутъ болѣе медленно и плавно и достигаютъ бо̀льшей ширины. Для судоходства какъ Тумынь-ула, такъ и Ялу очень затруднительны и доступны лишь въ низовьяхъ.

Въ соотвѣтствіи съ расположеніемъ хребтовъ по западному побережью Кореи, гдѣ Главный хребетъ подступаетъ близко къ морю, имѣются лишь небольшія рѣчки, совершенно горнаго характера, притомъ очень многочисленныя. Въ западной части полуострова далекое отстояніе Главнаго хребта отъ берега и большое количество боковыхъ отроговъ его позволяютъ соединяться водамъ, сбѣгающимъ съ горъ въ видѣ ручьевъ, въ болѣе крупныя водныя артеріи, и мы встрѣчаемъ здѣсь, идя съ сѣвера къ югу, цѣлый рядъ болѣе крупныхъ рѣкъ, именно рр. Чіонъ-чіонъ-ганъ, Тэ-донъ-ганъ, Ханъ-ганъ, Пенъ-ма-ганъ и Іонъ-санъ-ганъ. Въ южной части полуострова Главный хребетъ дѣлится на два отрога, расходящихся вилообразно; между ними образуется изрѣзанная мелкими хребтами долина, въ которой множество рѣчекъ слагается въ также крупную артерію—рѣку Накъ-тонъ-ганъ. Всѣ эти рѣки, за исключеніемъ развѣ рѣки Ханъ-ганъ, не достигаютъ такого развитія, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе въ качествѣ путей сообщенія, и по быстротѣ своего теченія, по обилію мелей и по присутствію обыкновенно песчаныхъ баровъ передъ устьемъ очень затруднительны для судоходства. Зато ихъ безчисленные протоки превосходно орошаютъ страну и, въ связи съ достаточно плодородною почвою, дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодною для земледѣлія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и сказывается культурное значеніе рѣкъ Корейскаго полуострова.

Располагаясь приблизительно въ тѣхъ же широтахъ, какъ три главныхъ острова Японіи, Корея, казалось бы, должна была бы имѣть и близкій къ японскому климатъ. При сравненіи ея климата съ таковымъ Японіи, лучше всего видно, однако, какъ сильно вліяетъ на климатическія условія положеніе страны по отношенію къ континентальнымъ массамъ и воднымъ пространствамъ. Главнѣйшими причинами, опредѣляющими особенности климата Кореи, являются, впрочемъ, тѣ же самыя условія, на которыя мы уже указывали при очеркѣ природы Японіи, именно *зимніе и лѣтніе муссонные вѣтры* восточной окраины Азіи.

При непосредственномъ прилеганіи Корейскаго полуострова къ континенту, холодные зимніе вѣтры, несущіеся изъ центральной части материка, съ запада и съ сѣверо-запада, оказываютъ на Корею гораздо бо̀льшее вліяніе, чѣмъ на Японію, и дѣлаютъ зиму на полуостровѣ несравненно болѣе холодною: имъ приходится миновать лишь Желтое море, которое неглубоко и потому само сильно охлаждается въ зимнее время. Вслѣдствіе этого зима на Корейскомъ полуостровѣ мало отличается отъ зимы въ Маньчжуріи и сѣверномъ Китаѣ.

Лѣтомъ южные муссонные вѣтры несутся на Корейскій полуостровъ съ юга и юго-востока и являются, въ противоположность сухимъ зимнимъ муссонамъ, сильно насыщенными влагою. Это обусловливаетъ то же самое явленіе, какъ въ Японіи: относительную сухость воздуха и малую облачность зимою и чрезвычайное обиліе атмосферическихъ осадковъ въ лѣтнее время, особенно въ такъ называемый періодъ дождей въ іюнѣ и іюлѣ. По количеству осадковъ лѣтомъ Корея все же уступаетъ Японіи, такъ какъ значительная часть влаги, увлекаемая муссонами, отлагается по дорогѣ на японскихъ островахъ. Лѣто въ Кореѣ отличается сильными жарами, такъ какъ климатъ не умѣряется моремъ въ такой степени, какъ въ Японіи. Вообще климатъ Кореи должно назвать болѣе континентальнымъ, т.-е. обладающимъ болѣе значительными крайностями тепла и холода, чѣмъ въ Японіи; онъ приближается, однако, къ морскому въ томъ отношеніи, что весна является болѣе холодною, чѣмъ осень. Это объясняется тѣмъ, что на моряхъ въ сосѣдствѣ Кореи зимою образуется много льда, который весною при таяніи значительно охлаждаетъ воздухъ надъ моремъ. По сравненію съ климатомъ Европы подъ соотвѣтствующими широтами, климатъ Кореи является гораздо болѣе холоднымъ зимою и болѣе жаркимъ лѣтомъ.

Само собою разумѣется, что въ такой гористой странѣ, какъ Корея, немалое значеніе въ смыслѣ образованія климата имѣетъ также и распредѣленіе горныхъ хребтовъ. Главный хребетъ, тянущійся вдоль полуострова, ближе къ его восточному берегу, нѣсколько защищаетъ восточное побережье Кореи отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ и дѣлаетъ его климатъ болѣе мягкимъ, чѣмъ на западномъ склонѣ хребта,— зимою температура спускается здѣсь рѣдко до 12° Ц. ниже 0°, тогда какъ по западному побережью довольно часто достигаетъ 20° Ц., и снѣгъ лежитъ здѣсь въ сѣверной части полуострова толстымъ слоемъ въ нѣсколько футовъ. Лѣтомъ на восточномъ побережьи Кореи не наблюдается такихъ сильныхъ жаровъ, какъ на западномъ, такъ какъ глубокое и относительно холодное Японское море сильнѣе умѣряетъ температуру лѣтнихъ жаровъ, чѣмъ прилегающее къ Кореѣ съ запада

Желтое море, которое вслѣдствіе своей незначительной глубины сильно прогрѣвается и не можетъ и лѣтомъ оказывать такого умѣряющаго вліянія.

Нѣкоторое представленіе о климатѣ въ различныхъ пунктахъ Кореи даетъ слѣдующая табличка среднихъ мѣсячныхъ температуръ въ градусахъ Ц. изъ трехлѣтнихъ наблюденій; для сравненія приводятся и температуры Владивостока и Нагасаки.

	Владивостокъ.	Чемульпо.	Сеулъ.	Гензанъ.	Фузанъ.	Нагасаки.
Январь	—14.9	— 3.5	— 5.6	— 3.2	4.1	5.8
Февраль.	—11.1	— 2.0	— 1.6	— 0.6	5.8	6.6
Мартъ	— 2.8	4.9	4.0	4.6	9.3	9.6
Апрѣль	4.5	10.2	11.2	10.5	12.9	14.9
Май	10.6	15.8	17.3	16.5	17.1	18.5
Іюнь	13.6	19.8	21.1	20.6	20.6	22.0
Іюль	19.4	24.1	25.0	23.6	24.5	26.3
Августъ	21.6	25.9	26.4	25.4	26.6	27.2
Сентябрь	16.8	20.3	19.8	20.0	23.1	24.1
Октябрь	8.4	14.1	13.0	13.7	17.2	18.8
Ноябрь	— 0.1	7.6	6.2	7.7	12.3	12.5
Декабрь	— 7.5	1.9	0.6	2.3	8.5	7.7
Средняя годовая. .	4.5	11.6	11.5	11.7	15.2	16.1
Минимальн. темп. въ году	—25.6	—12.9	—15.9	—13.1	— 4.3	— 4.9
Максимальн. темп. въ году. . .	30.6	33.8	35.2	34.6	31.6	35.7

Что касается замерзанія водъ, то по восточному побережью море сравнительно рѣдко покрывается льдомъ даже на сѣверѣ, тогда какъ по западному берегу замерзаютъ заливы и бухты; сѣвернѣе 37° сѣв. шир. судоходство зимою прекращается. Рѣки Ялу, Тумыньула, Тодонъ-ганъ и Ханъ-ганъ зимою замерзаютъ настолько, что по нимъ возможна перевозка тяжестей по льду.

Подобно тому какъ въ Японіи, лѣтній періодъ дождей влечетъ за собою въ Кореѣ сильнѣйшій разливъ рѣкъ и значительныя наводненія, которыми нерѣдко сносятся цѣлыя деревни и уничтожаются на огромномъ протяженіи посѣвы. Особенно изобилуютъ атмосферическими осадками южныя области Кореи, которыя сильнѣе страдаютъ и отъ наводненій.

Въ общемъ, можно сказать, что климатъ Кореи является какъ бы среднимъ и промежуточнымъ между климатомъ Маньчжуріи и климатомъ Японіи. При явственной континентальности онъ приближается нѣкоторыми чертами, въ особенности обиліемъ осадковъ, къ японскому, но вслѣдствіе отсутствія у береговъ Кореи теплыхъ теченій, которыми охвачена Японія, море не играетъ здѣсь такой умѣряющей роли, и

вліяніе континента беретъ въ Кореѣ верхъ въ смыслѣ образованія климата.

Въ зависимости отъ континентальности климата и отъ непосредственной связи съ Маньчжуріей, растительность Кореи во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою флору Маньчжуріи, хотя, съ другой стороны, въ составъ ея входятъ также и многіе элементы, тожественные съ Японіей, особенно въ южныхъ частяхъ Корейскаго полуострова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія времена Корея сплошь была покрыта густыми и непроходимыми лѣсами, одѣвавшими и склоны горъ, и долины. Въ настоящее время, однако, эти лѣса сохранились въ значительномъ количествѣ лишь въ самой сѣверной, мало населенной и гористой части страны, тогда какъ въ средней и южной Кореѣ они истреблены человѣкомъ и уцѣлѣли лишь кое-гдѣ въ горахъ, въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ. Обрывками прежняго лѣсного покрова являются также священныя рощи, сохранившіяся мѣстами въ долинахъ Кореи. По характеру своему корейскіе горные лѣса очень близко напоминаютъ собою лѣса Маньчжуріи и являются также смѣшанными. Въ нихъ приходится встрѣчать лиственницы, превосходные корейскіе кедры и японскія ели, чередующіяся съ зарослями дубовъ, березъ, ясеней, орѣха и липы. Подлѣсокъ состоитъ изъ многочисленныхъ низко растущихъ кленовъ, различныхъ породъ вяза, грушъ и яблонь, кустарниковъ крушины и различныхъ видовъ малины, смородины и шиповника. Всѣ эти деревянистыя породы густо перевиваются безчисленными ползучками, въ родѣ японскаго хмеля (Humulus japonicus), уссурійской ліаны (Maximowiczia chinensis), дикаго винограда и др. Здѣсь можно встрѣтить почти всѣхъ представителей нашей уссурійской тайги, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ южныхъ формъ.

Сходство съ маньчжурско-уссурійскою флорою сказывается въ Кореѣ и въ травянистой растительности, которая мѣстами покрываетъ склоны горъ, образуя въ южной части страны нерѣдко богатыя пастбища. Нѣсколько болѣе мягкій климатъ южной части корейскаго полуострова обусловливаетъ нахожденіе здѣсь большого количества южныхъ японскихъ формъ, частью разводимыхъ, частью встрѣчаемыхъ въ дикомъ состояніи. Здѣсь созрѣваютъ уже гранаты, цвѣтутъ древовидныя камеліи, встрѣчаются каштановыя деревья, магноліи и японскія софоры (Sophora angustifolia); тутъ же разводятся японскіе каки (Diospyrus kaki), лаковое дерево (Rhus vernicifera), гинко (Ginko biloba), бумажное дерево, гарденіи и цѣлый рядъ другихъ японскихъ растеній. Лимонное дерево, представленное, правда, иными видами, чѣмъ въ Европѣ, доходитъ почти до Сеула, шелковица рас-

пространена по всему Корейскому полуострову, но чайное дерево не находитъ здѣсь достаточно подходящихъ условій для существованія, такъ какъ зимы Кореи для него, повидимому, слишкомъ суровы. Очень многія японскія растенія находятъ въ Кореѣ свою сѣверную границу распространенія, причемъ граница эта спускается на Корейскомъ полуостровѣ гораздо болѣе на югъ, чѣмъ въ Японіи, благодаря охлаждающему вліянію континента.

Изъ культурныхъ растеній главнымъ въ Кореѣ такъ же, какъ и въ Японіи, является рисъ, воздѣлываніе котораго возможно благодаря достаточно жаркому лѣту и обилію влаги; рисъ культивируется еще въ окрестностяхъ Гензана, но далѣе къ сѣверу замѣщается другими злаками, главнымъ образомъ, просомъ, пшеницею и ячменемъ; оба послѣдніе злака разводятся, впрочемъ, и въ сѣверной и средней Кореѣ. Въ самыхъ сѣверныхъ округахъ разводится также овесъ, вывозимый къ намъ въ Приморскую область. Подобно тому какъ въ Японіи, большое значеніе имѣютъ въ Кореѣ бобовыя растенія: ихъ разводится довольно много сортовъ, причемъ бобы частью идутъ на кормъ скоту, частью употребляются корейцами въ пищу и служатъ для приготовленія сои, которая составляетъ необходимую принадлежность корейскаго стола.

Огородныя овощи въ Кореѣ почти тѣ же, что у насъ, но картофель встрѣчается очень рѣдко, и культура его мало распространена; особенно необходимой приправой въ корейской кухнѣ является красный перецъ; онъ разводится въ огромномъ количествѣ, и осенью крыши корейскихъ домовъ становятся совершенно красными, такъ какъ на нихъ кладутъ стручки перца для просушиванія. Нерѣдко обширныя пространства покрыты грядами тыквъ и дынь или огромныхъ безвкусныхъ огурцовъ. Въ большомъ количествѣ разводится также табакъ, извѣстный въ Кореѣ уже нѣсколько столѣтій. Табачныя поля располагаются обыкновенно на возвышенностяхъ или на скатахъ горъ, причемъ предпочитаютъ устраивать ихъ на участкахъ, которые впервые подвергаются обработкѣ. Изъ прядильныхъ растеній въ Кореѣ разводятся конопля, японская крапива и хлопчатникъ, тогда какъ ленъ въ этой странѣ совершенно неизвѣстенъ. Хлопчатникъ доходитъ въ Кореѣ до Сеула, и культурой его заняты огромныя пространства, такъ какъ хлопчатобумажныя ткани носитъ вся Корея.

Плодовыя деревья разводятся въ Кореѣ въ небольшомъ количествѣ и, подобно тому какъ въ Японіи, даютъ плоды водянистые и совершенно непохожіе по вкусу на наши европейскіе. Кромѣ грушъ и яблонь, разводятся абрикосы, сливы, грецкій орѣхъ и каки.

Въ общемъ, можно сказать, что по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Корея—страна, вполнѣ пригодная для широкаго раз-

витія земледѣлія, однако, все же далеко не въ такой степени, какъ Японія. Большое количество различныхъ южныхъ культурныхъ растеній, о которыхъ мы говорили выше при характеристикѣ природы Японіи, не можетъ вовсе воздѣлываться въ Кореѣ, или же область, въ которой культура ихъ возможна, ограничивается одною лишь южною оконечностью полуострова, имѣющею и по характеру дикой растительности много общаго съ южною Японіею.

Эти условія сдѣлали и изъ корейца прежде всего земледѣльца и заставили его выработать приблизительно тѣ же пріемы обработки земли, какіе мы встрѣчаемъ въ Японіи и въ Китаѣ. По корейскимъ сказаніямъ, впрочемъ, искусство обработывать землю перешло въ Корею изъ Китая: воздѣлыванію риса и другимъ пріемамъ земледѣлія научилъ корейцевъ, будто бы, выходецъ изъ Китая Ки-Цза, принадлежавшій къ китайскому императорскому дому Шань и жившій болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х.; онъ же ввелъ въ Кореѣ гражданское устройство, китайскіе законы и письменность, почему послѣ смерти былъ причисленъ къ лику корейскихъ святыхъ, и по настоящее время можно встрѣчать во многихъ городахъ и селеніяхъ Кореи особые посвященные ему храмы. Отсутствіе обширныхъ луговыхъ пространствъ стѣснило и въ Кореѣ возможность разведенія скота въ широкихъ размѣрахъ, однако, домашній скотъ играетъ въ Кореѣ все же гораздо бо́льшее значеніе въ полевыхъ работахъ и въ перевозкѣ тяжестей, чѣмъ въ Японіи. Корейскіе быки служатъ даже предметомъ обширнаго вывоза въ наши предѣлы и являются главнымъ мяснымъ скотомъ, которымъ живутъ Владивостокъ и Портъ-Артуръ. Меньшая скученность населенія, по сравненію съ Японіею, дозволяетъ корейцамъ шире развить земледѣліе, и потому мы не встрѣчаемъ здѣсь такихъ микроскопическихъ полей и плантацій, какъ въ Японіи,—корейскія поля гораздо обширнѣе, но въ то же время и не могутъ сравниться съ японскими по тщательности обработки.

Подобно растительности и животный міръ Кореи примыкаетъ непосредственно по своему составу и характеру къ маньчжурскому. Въ корейскихъ лѣсахъ мы встрѣчаемъ почти тѣхъ же животныхъ, какъ въ уссурійской и маньчжурской тайгѣ. Медвѣдь и барсукъ, куница и соболь, выдра и лисица встрѣчаются здѣсь съ тигромъ, который ни ростомъ, ни силою не уступаетъ бенгальскому и лишь покрытъ болѣе густою и длинною шерстью, оберегающею его отъ зимнихъ холодовъ. Тигръ, впрочемъ, вообще далеко не является животнымъ южнымъ, тропическимъ, какъ мы его привыкли считать,—на востокѣ онъ доходитъ даже до устья Амура и переходитъ по льду на островъ Сахалинъ. Нѣсколько видовъ оленей служитъ для корейцевъ предметомъ особаго промысла, именно доставляетъ такъ называемые «панты»—

молодые, только-что образовавшіеся у самцовъ и еще покрытые шерстью рога, которые вывозятся въ Китай и тамъ идутъ на приготовленіе особаго лѣкарственнаго снадобья. Кабаны, кабарга, доставляющая мускусъ, и горная антилопа являются главною крупною дичью и составляютъ предметъ охоты въ сѣверной Кореѣ. Впрочемъ, въ средней и южной Кореѣ, вслѣдствіе многочисленности населенія, всѣ крупныя дикія животныя почти уже истреблены и сохранились лишь въ наименѣе доступныхъ мѣстахъ.

Имѣются указанія на то, что въ южной Кореѣ водятся обезьяны, однако, съ достовѣрностью этотъ фактъ пока еще не подтвержденъ. Изъ мелкихъ млекопитающихъ мы встрѣчаемъ въ Кореѣ также свойственныхъ лѣсамъ Маньчжуріи и Уссурійскаго края бѣлокъ, бурундуковъ, летягъ, ежей, кротовъ и зайцевъ. Къ берегамъ Кореи зимою подходятъ изъ сѣверныхъ водъ многочисленныя стада китовъ, дельфиновъ, и появляются нѣкоторые виды тюленей.

Фауна птицъ въ Кореѣ близко примыкаетъ къ маньчжурской и уссурійской, но заключаетъ въ себѣ также и очень большой процентъ птицъ, водящихся въ Японіи: изъ извѣстнаго до сихъ поръ 301 вида птицъ, замѣченныхъ въ Кореѣ, въ Японіи встрѣчается 279 видовъ. При обиліи въ странѣ проточныхъ водъ и рисовыхъ полей особенно многочисленны въ Кореѣ голенастыя, между которыми бросаются въ глаза японскіе ибисы, корейскіе бѣлые аисты и цапли. Предметомъ охоты служатъ многочисленные въ сѣверныхъ областяхъ страны фазаны.

Между пресмыкающимися въ Кореѣ встрѣчаются въ гораздо бо́льшемъ количествѣ видовъ, чѣмъ въ Японіи, ядовитыя змѣи и ящерицы; въ корейскихъ рѣкахъ водятся сильно кусающіяся черепахи-тріониксы (Trionyx). Существуетъ старинное указаніе, будто въ водахъ южной Кореи встрѣчаются крокодилы, однако, по всей вѣроятности, оно ошибочно.

Моря, окружающія Корею, не согрѣваются теплыми теченіями и далеко не въ такой степени изобилуютъ рыбою и другими животными, какъ теплыя японскія воды, потому и рыболовство не развилось въ Кореѣ до такой степени и не достигло такого совершенства, какъ на островахъ Японіи. Суда и лодки корейцевъ отличаются большою неуклюжестью, и сами корейцы отнюдь не являются опытными мореходами и рыбаками. Возможно, впрочемъ, что тому въ значительной степени способствовала политика изолированности, которой придерживалась страна въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Море не имѣло, повидимому, значительнаго культурнаго вліянія на историческія судьбы Кореи; гораздо бо́льшее значеніе для страны имѣли ея близость и непосредственная связь съ азіатскимъ континентомъ.

Исторія страны.

Происхожденіе корейской народности до сихъ поръ покрыто совершеннымъ мракомъ. По даннымъ китайскихъ историковъ, Корейскій полуостровъ былъ населенъ съ древнѣйшихъ временъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера и сдѣлавшимися тамъ осѣдлыми. По мнѣнію большинства изслѣдователей, основанному, главнымъ образомъ, на изученіи корейскаго языка, племена эти были родственны тунгузскимъ, монгольскимъ и финскимъ племенамъ и пришли въ Корею съ Амура и Сунгари, откуда и позднѣе, въ историческія времена, къ нимъ присоединялись новые пришельцы. Корейскій языкъ причисляется лингвистами къ языкамъ туранскимъ, т.-е. татарскимъ, и лишь позднѣе, повидимому, въ него вошли многочисленные слова и обороты китайскаго языка. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что въ южной Кореѣ обитали съ давнихъ временъ племена совершенно иного происхожденія, именно родственныя малайцамъ. Если это предположеніе вѣрно, то мы должны признать, что и населеніе Кореи сложилось, подобно ея флорѣ и фаунѣ, изъ двухъ элементовъ—сѣвернаго и южнаго.

Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Кореи, извѣстная намъ изъ лѣтописи китайскихъ историковъ, начинается съ третьяго вѣка до Р. X., когда китайская династія Хань, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, обратила свое вниманіе на земли, располагавшіяся на сѣверо-востокъ отъ Китая и пользовавшіяся независимостью. Завоевавъ сперва княжество Янь на границахъ Кореи, гдѣ тогда въ сѣверной части полуострова располагалось основанное китайскимъ выходцемъ Ки-Цза государство Цзо-Сіонь, китайцы возымѣли желаніе завладѣть и этимъ послѣднимъ государствомъ. Послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ попытокъ имъ удалось въ 107 г. до Р. X. завоевать Цзо-Сіонь, и сѣверная Корея сдѣлалась, болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ, составною частью Китайской Имперіи, въ тѣ времена могущественной и сильной. Въ этотъ-то періодъ, главнымъ образомъ, и совершилось, повидимому, пріобщеніе Кореи къ китайской цивилизаціи: въ страну переселилось много выходцевъ изъ Китая, которые перенесли въ нее свои знанія и образованность и позднѣе совершенно слились съ кореннымъ населеніемъ.

Между тѣмъ къ сѣверо-востоку отъ Цзо-Сіоня въ окрестностяхъ горы Пэк-ту-санъ и въ верховьяхъ Ялу сталъ постепенно усиливаться народъ когуріо, также, повидимому, племя сѣвернаго происхожденія. Какъ сообщаетъ одинъ изъ китайскихъ историковъ, люди этого племени мало занимались земледѣліемъ, но были богаты ло-

шадьми и рогатымъ скотомъ; они были независимаго нрава, ловки, сильны и отважны, любили украшать себя драгоцѣнностями и поклонялись небу, духамъ земли и жатвы, утренней звѣздѣ и небеснымъ невидимымъ силамъ. Нѣкоторыми обычаями они напоминали древнихъ японцевъ и, быть-можетъ, состояли съ ними въ родствѣ. Въ началѣ христіанской эры народъ когуріо сталъ усиливаться и вскорѣ вступилъ въ продолжительную борьбу съ Китаемъ, которая окончилась въ 169 г. по Р. Х. занятіемъ всего государства Цзо-Сіонь, т.-е. сѣверной Кореи и части Маньчжуріи. По изгнаніи оттуда китайцевъ, новые завоеватели основали здѣсь самостоятельное государство Когуріо. Нѣсколько позднѣе, въ III—IV вѣкѣ, въ южной части Корейскаго полуострова сформировались еще два государства—Силла и Пэкъ-Цже, и нѣкоторое время всѣ три государства сохраняли свою самостоятельность, хотя и вели между собою постоянныя междоусобныя войны, отражая въ то же время притязанія китайцевъ на ихъ территорію.

Начиная съ IV и вплоть до X вѣка, мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ со стороны Китая покорить снова отпавшую страну и сдѣлать ее своимъ вассаломъ или данникомъ. Первоначально попытки эти были неудачны, и нѣсколько разъ даже значительныя китайскія арміи не были въ состояніи покорить небольшое, но отчаянно-храброе и воинственное государство Когуріо. Лишь въ VII вѣкѣ удалось китайцамъ благодаря возникшимъ между сосѣдними государствами междоусобіямъ покорить сперва государство Пэкъ-Цже, затѣмъ въ 664 г.— Когуріо, такъ что независимымъ, хотя и вассальнымъ, и номинально подчиненнымъ Китаю государствомъ осталось въ Кореѣ лишь государство Силла, на югѣ Кореи. Границы этого государства значительно расширились и захватили почти весь Корейскій полуостровъ, и въ теченіе VIII и IX вѣковъ вся страна пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, и въ ней замѣчался даже расцвѣтъ заимствованной изъ Китая цивилизаціи.

Такое спокойствіе продолжалось, впрочемъ, недолго. Въ X вѣкѣ на Корейскомъ полуостровѣ вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ древняго королевскаго рода, который когда-то управлялъ государствомъ Когуріо, нѣкоего Оанъ-Гіоня. Въ Китаѣ въ это время происходили внутреннія междоусобія, и приходилось отражать вторженія одной кочевой народности—киданей; все это благопріятствовало Оанъ-Гіоню, и ему удалось подчинить себѣ въ короткое время весь Корейскій полуостровъ, объявить его независимымъ отъ Китая и положить начало новой династіи, которая стала называться, какъ и само новое государство, Ко-Ріо.

Начало царствованія династіи Ко-Ріо было довольно благопо-

лучно. Кореѣ удалось удачно отразить вторженіе въ страну киданей, и затѣмъ около 200 лѣтъ она пользовалась почти полнымъ миромъ и спокойствіемъ. Однако, въ XIII столѣтіи снова появились грозовыя тучи на горизонтѣ: въ степяхъ центральной Азіи зародилось и разрослось могущественное царство монголовъ, которые подъ предводительствомъ Чингизъ-хана пронеслись всесокрушающей лавиной по всему азіатскому материку. Въ 1232 г. монголы вторгнулись въ предѣлы Кореи, захватили 40 городовъ и, лишь послѣ полнаго признанія ихъ власти, прекратили военныя дѣйствія, посадивъ управлять страною монгольскихъ чиновниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ противъ чуждыхъ правителей вспыхнуло въ Кореѣ народное возстаніе, для подавленія котораго въ 1241 г. снова вторгнулись въ страну полчища монголовъ, побѣдоносно прошедшія по Кореѣ съ одного ея конца до другого и окончательно покорившія ее подъ власть Чингизъ-хана. Корейскій король принужденъ былъ даже лично отправиться ко двору монгольскаго императора для выраженія покорности, и Корея сдѣлалась вассаломъ монголовъ.

Позднѣе внукъ Чингизъ-хана, Кублай-ханъ, принудилъ Корею принять участіе въ его попыткѣ завоевать Японію, и, хотя попытка эта и окончилась полною неудачею, все же обстоятельство это послужило причиною возникновенія враждебныхъ отношеній къ Кореѣ со стороны ея южныхъ сосѣдей—японцевъ. Какъ извѣстно, монголы завоевали и Китай и основали тамъ монгольскую династію; такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ монголовъ была, въ сущности, лишь продолженіемъ зависимости ея отъ Китая. Въ XIV столѣтіи, однако, въ Китаѣ началась борьба народа противъ правителей, и въ 1368 г. монгольская династія пала, и во главѣ имперіи воцарилась китайская династія Минъ. Въ это же время въ Кореѣ, которая почти отпала отъ Китая благодаря царившимъ въ немъ смутамъ, произошла также перемѣна династій. Одинъ изъ военачальниковъ, Исіонъ-ге, низложилъ въ 1392 г. короля династіи Ко-Ріо и основалъ новую династію, подъ древнимъ наименованіемъ Цзо-Сіонъ (или Чоо-Сёнъ). Въ то же время онъ отправилъ посольство къ китайскому императору съ изъявленіемъ полной покорности и съ просьбою утвердить его на корейскомъ престолѣ. Императоръ, принявъ снова Корею въ свое подданство, заставилъ ее принять въ знакъ полнаго подчиненія Китаю китайскіе календарь и лѣтосчисленіе.

Въ теченіе двухъ столѣтій Корея подъ покровительствомъ Китая отдыхала отъ внѣшнихъ невзгодъ и нашествій, хотя спокойствіе и нарушалось въ ней нерѣдкими внутренними смутами. Это обстоятельство отчасти ослабило страну, военное дѣло и дисциплина въ ней пали, крѣпости разрушились и пришли въ ветхость. Между тѣмъ надъ

злосчастною страною снова собирались тучи, на этотъ разъ съ юга, со стороны Японіи. Воинственная съ древнѣйшихъ временъ Японія, раздиравшаяся долгое время внутренними междоусобицами, къ концу XVI столѣтія сплотилась и окрѣпла. Въ ней начали обнаруживаться завоевательныя стремленія, особенно когда выдѣлился благодаря своимъ военнымъ талантамъ и храбрости отважный вождь Хиде-ёси, который всталъ вскорѣ во главѣ управленія страною. Мечтою Хиде-ёси было завоеваніе всего Китая, но, встрѣтивъ при приведеніи плана въ исполненіе сопротивленіе со стороны корейскаго короля, онъ обрушился прежде всего на Корею.

Огромная японская армія, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 150000 человѣкъ, была высажена въ Фузанѣ и двинулась на сѣверъ, почти не встрѣчая сопротивленія со стороны неподготовленныхъ и гораздо хуже вооруженныхъ корейцевъ. Одинъ корейскій городъ за другимъ переходилъ въ руки побѣдителя, и уже на 18-й день съ высадки въ Фузанѣ войска заняли Сеулъ, изъ котораго король едва успѣлъ бѣжать въ предѣлы Китая. Утвердившись въ Кореѣ, японцы предполагали отсюда двинуться въ Китай, но въ это время флотъ ихъ потерпѣлъ сильное пораженіе со стороны корейскаго, и это задержало сухопутныя войска. Между тѣмъ, на помощь Кореѣ пришли китайскія военныя силы, съ которыми японцы встрѣтились въ окрестностяхъ Сеула, гдѣ произошло кровопролитное сраженіе. Несмотря на то, что китайскія и корейскія войска были разбиты, японцы не могли воспользоваться своею побѣдою и отошли на югъ, такъ какъ и ихъ войско сильно порѣдѣло отъ битвъ и болѣзней.

Начавшіеся переговоры о мирѣ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ притязаній японцевъ, не имѣли удовлетворительнаго результата, и на слѣдующій годъ Хиде-ёси вторично вторгнулся въ Корею, встрѣтивъ здѣсь, однако, уже болѣе значительное сопротивленіе. Несмотря на то, что снова былъ занятъ Сеулъ, и на этотъ разъ японцамъ пришлось отступить, такъ какъ флотъ ихъ вторично былъ разбитъ корейскимъ. Конецъ этой войнѣ положила смерть Хиде-ёси въ 1598 г., и единственнымъ практическимъ результатомъ для Японіи было лишь занятіе Фузана, гдѣ былъ оставленъ японскій гарнизонъ.

Въ то же время Корея была этими двумя нашествіями японцевъ въ конецъ разорена и очень долгое время не могла отъ нихъ оправиться. Въ началѣ XVII столѣтія на Корею обрушилось новое несчастіе—нашествіе маньчжуръ, которые въ 1627 г. перешли рѣку Ялу, разбили китайскую армію и осадили Сеулъ. Корейскій король просилъ о мирѣ и заключилъ договоръ, по которому призналъ себя вассаломъ правителя маньчжуръ, но, какъ только непріятели удалились изъ страны, онъ самъ нарушилъ этотъ договоръ. Это повлекло за собою вторичное

вторженіе маньчжуръ, которые тогда овладѣли Сеуломъ, взяли въ плѣнъ короля и заставили его заключить новый договоръ, по которому Корея обязывалась отправлять ежегодно посольство съ данью къ маньчжурскому двору. Когда маньчжурская династія завладѣла престоломъ въ Пекинѣ, зависимость Кореи перешла, само собою разумѣется, опять къ Китаю, и до ближайшаго къ намъ времени ежегодно отправлялись изъ Сеула послы въ Пекинъ съ данью, состоявшею изъ разныхъ произведеній страны, въ знакъ подчиненія богдыхану.

Покровительство Китая дало Кореѣ снова на нѣсколько столѣтій относительный миръ и спокойствіе. Оправляясь отъ пережитыхъ ударовъ, Корея, естественно, старалась оградить себя всячески отъ повторенія чего-либо подобнаго въ будущемъ и придерживалась политики полной изолированности. Она не вступала ни въ какія сношенія съ другими государствами и ревниво оберегала свои предѣлы отъ проникновенія въ нихъ иностранцевъ. Даже случайно прибитые къ берегамъ Кореи европейскіе мореплаватели или умерщвлялись, или кончали свою жизнь въ томительномъ плѣну. Дальнія плаванія корейскихъ судовъ были запрещены, что вызвало полный упадокъ корейскаго судоходства, которое нѣкогда было высоко развито. Даже съ Китаемъ и Японіей сношенія поддерживались лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ Европѣ же Корея слыла «запретною страною».

Такой искусственно созданной стѣны изолированности не пробило и проникновеніе въ Корею христіанства въ началѣ XIX столѣтія. Христіанское вѣроученіе появилось здѣсь впервые помимо европейскихъ миссіонеровъ, такъ какъ первыми христіанами были корейцы, случайно познакомившіеся съ христіанскими сочиненіями и настолько увлекшіеся ими, что они сами отправились въ Пекинъ и тамъ приняли крещеніе. Эти первые корейскіе христіане сдѣлались и первыми проповѣдниками и стали распространять новое вѣроученіе; лишь позднѣе въ Корею проникли католическіе миссіонеры. Очень недолго, однако, христіанство распространялось въ Кореѣ безпрепятственно: вскорѣ правительство и въ особенности конфуціанскіе ученые убѣдились въ томъ, что христіанство подрываетъ всѣ основы національныхъ вѣрованій Кореи и въ то же время сближаетъ корейцевъ съ иностранцами. Это обусловило возникновеніе въ Кореѣ ожесточенныхъ гоненій на христіанъ, при которыхъ кровь новообращенныхъ лилась рѣкою, и многіе изъ нихъ приняли мученическую смерть.

Одно изъ наиболѣе жестокихъ гоненій въ 1866 г., когда погибло нѣсколько французскихъ миссіонеровъ, повлекло за собою первую

попытку европейскаго вмѣшательства въ корейскія дѣла. Французское правительство отправило въ Корею эскадру изъ 7 военныхъ судовъ подъ начальствомъ адмирала Розъ, поручивъ потребовать отъ Кореи удовлетворенія и наказанія убійцъ французскихъ миссіонеровъ. Эскадра вошла въ рѣку Ганъ (Хань), на которой стоитъ Сеулъ, и взяла безъ особаго труда нѣсколько небольшихъ корейскихъ укрѣпленій. Но затѣмъ, при попыткѣ взять укрѣпленный корейскій монастырь, небольшой французскій отрядъ благодаря собственной неосторожности, явившейся слѣдствіемъ черезчуръ легкихъ успѣховъ, былъ разбитъ на-голову корейцами, и это настолько обезкуражило адмирала Розъ, что онъ отплылъ со всей своей эскадрой къ берегамъ Китая. Само собою разумѣется, такой успѣхъ не могъ не вызвать у корейцевъ преувеличеннаго представленія о своей силѣ и о слабости европейскаго оружія. Нѣкоторые историки думаютъ даже, что неудачная попытка французовъ имѣла позднѣе самое фатальное значеніе для всѣхъ европейцевъ на Дальнемъ Востокѣ и послужила одною изъ причинъ Тьенъ-Цзинской рѣзни въ 1870 году.

Столь же неудачна была попытка Сѣверо-Американскихъ Штатовъ завязать сношенія съ Кореей подъ угрозою военной силы. Въ 1871 г. въ корейскія воды была отправлена эскадра адмирала Роджерса, чтобы наказать корейцевъ за сожженіе сѣвшей на мель американской шкуны. Эскадра эта вошла въ рѣку Ганъ, сдѣлала высадку и овладѣла нѣсколькими укрѣпленіями, но затѣмъ, не добившись заключенія договора съ корейскимъ правительствомъ и испугавшись большихъ военныхъ приготовленій корейцевъ, покинула Корею. Не удались и попытки со стороны русскаго правительства завязать съ Кореей торговыя сношенія. Первыми прорубили окно въ корейской изолированности и нетерпимости къ иностранцамъ не европейцы, а японцы въ 1876 г. послѣ того, какъ они также послали эскадру для наказанія корейцевъ за нападеніе на японское судно.

Въ 1876 г. Корея заключила торговый договоръ съ Японіей, по которому для японцевъ были открыты Гензанъ и Фузанъ, затѣмъ послѣдовалъ рядъ договоровъ и съ другими державами, именно съ Соединенными Штатами, съ Англіей, Германіей, Россіей, Франціей, Италіей и Австро-Венгріей. Такимъ образомъ, въ началѣ 1880-ыхъ годовъ Корея открыла свои портовые города для торговли съ иностранными державами и допустила иностранцевъ внутрь страны. Она отказалась, наконецъ, отъ своей замкнутости и вступила на путь общенія съ другими государствами. Это, несомнѣнно, послужило къ развитію культуры въ странѣ, къ увеличенію ея внѣшней торговли и оживленію внутренней, но въ то же время явилось также и источникомъ многочисленныхъ бѣдствій, обрушившихся на злосчастную страну въ не-

продолжительномъ времени. О событіяхъ въ Кореѣ за послѣднія десятилѣтія мы скажемъ, однако, лучше впослѣдствіи, когда ближе познакомимся со страною.

Изъ приведеннаго бѣглаго очерка историческихъ судебъ Кореи ясно, что названіе «Страны Утренняго Спокойствія» дано ей какъ бы въ видѣ злой ироніи. Вся исторія Кореи представляетъ собою почти непрерывный рядъ вторженій въ страну ея сосѣдей или пришлыхъ племенъ то съ сѣвера, то съ юга. Промежуточное положеніе Кореи между азіатскимъ континентомъ и островами Японіи, доступность ея съ той и съ другой стороны, отсутствіе значительныхъ преградъ внутри самой страны и, наконецъ, отчасти, быть-можетъ, нѣкоторая пассивность корейской народности облегчали возможность подобныхъ вторженій. Являясь топографически какъ бы мостомъ, переброшеннымъ съ материка къ островамъ Японіи, Корея отчасти и фактически играла роль такого моста для народностей. Располагаясь между нѣкогда могучей и воинственной Китайской имперіей и также воинственной Японіей, Корея нерѣдко служила между ними яблокомъ раздора и подвергалась нападенію то съ одной, то съ другой стороны.

Тревожная исторія, полная кровавыхъ столкновеній, постоянныя нашествія, разорявшія страну дотла, почти вѣчное иго иноземцевъ не могли не сказаться въ значительной степени и на характерѣ народности, и на развитіи культуры. При такихъ условіяхъ самостоятельная культура не могла развиться въ Кореѣ, не могла укорениться и окрѣпнуть въ ней и культура, заимствованная отъ Китая. Вотъ почему Корея, вплоть до настоящаго времени, является страною съ наиболѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ среди всѣхъ странъ Дальняго Востока. Корейская народность, повидимому, по самой природѣ своей не особенно воинственная, принуждена была постоянно отстаивать свою самобытность и свои права на самостоятельное существованіе. Это не позволило ей развиться въ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что экономическія условія, въ силу постоянныхъ кровавыхъ столкновеній и погромовъ, были чрезвычайно тяжелыми. Тѣмъ удивительнѣе, что все же, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, корейская народность не утратила своей оригинальности, сохранила свой языкъ, многія свои вѣрованія, обряды и обычаи, не подпала окончательно подъ вліяніе побѣдителей-китайцевъ и даже не смѣшалась ни съ однимъ изъ народовъ, вторгавшихся въ страну. Быть-можетъ, тому причиной временный характеръ всѣхъ завоеваній Кореи: побѣдители обыкновенно не оставались въ ней и не вступали въ тѣсную связь съ побѣжденнымъ народонаселеніемъ. Многое должно быть, однако, отнесено и на счетъ духовныхъ силъ и способностей, таящихся въ корейской народности и лишь не имѣвшихъ возможности проявиться

въ силу неблагопріятныхъ условій. Стоитъ вспомнить лишь, съ какимъ упорствомъ и героизмомъ отражали корейцы своихъ многочисленныхъ враговъ и отстаивали свою самобытность, чтобы убѣдиться въ томъ, что такія силы, дѣйствительно, дремлютъ въ народѣ, и если не проявляются, то только потому, что народъ задавленъ ударами судьбы и тяжкими экономическими условіями.

Населеніе страны и его бытъ.

Внѣшній типъ корейцевъ изобличаетъ ихъ иное, по сравненію съ ихъ сосѣдями, происхожденіе. Мало-мальски привычный глазъ всегда отличитъ корейца, при первомъ же мимолетномъ взглядѣ, отъ японца и китайца. Рослый и статный, хорошаго, иногда прямо атлетическаго сложенія, кореецъ нисколько не похожъ ни на приземистаго японца, ни на сутуловатаго китайца. Цвѣтъ кожи его далеко не такой желтый, какъ у типичныхъ представителей монгольской расы, — часто онъ совершенно бронзовый; скулы не выдаются сильно, глаза рѣдко раскосые и узкіе, и вообще лицо не производитъ впечатлѣнія типично-монгольскаго; нерѣдки въ Кореѣ лица совершенно кавказскаго и даже семитическаго типа. Вообще же по своему облику корейцы напоминаютъ скорѣе тюркскія племена, напримѣръ киргизовъ или туркменовъ, особенно въ старости. Интересно, что въ женщинахъ яснѣе сказывается принадлежность къ монгольской расѣ, такъ какъ чаще наблюдаются желтая кожа, узкіе глаза и сильное развитіе скулъ.

Одежда и прическа корейцевъ замѣчательно разнообразны по всей странѣ: все корейское населеніе, отъ самой сѣверной до южной оконечности страны, одѣвается совершенно одинаково, и, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, эта одежда тожественна съ тою, которую носили въ Китаѣ въ царствованіе династіи Минъ. Одежда корейцевъ является прекрасно приспособленной къ климатическимъ условіямъ. Основной костюмъ корейца состоитъ изъ кофты, широкихъ шароваръ и сверху просторнаго халата съ широкими рукавами— все это бѣлаго цвѣта и зимою, и лѣтомъ. Въ соотвѣтствіи съ лѣтними жарами всѣ части одежды дѣлаются лѣтомъ изъ легкой бѣлой матеріи, у бѣдныхъ—бумажной, у богатыхъ—шелковой; зимою та же самая одежда подстегивается ватой и является, конечно, гораздо болѣе теплой, чѣмъ японская, состоящая по существу изъ одного халата. Само собою разумѣется, что это стоитъ въ связи съ болѣе суровыми корейскими зимами. Обувью служатъ корейцамъ короткіе, подстеганные ватой чулки, къ которымъ шаровары привязываются завязками, и соломенные или пеньковые лапти. Зимою чулки предохраняютъ отъ

холода, а лѣтомъ—отъ сырости и укусовъ комаровъ, что является, быть-можетъ, далеко не лишнимъ, въ виду распространенія въ Кореѣ малярiи *).

Женщины одѣваются въ короткія кофты, закрывающія лишь верхнюю часть груди, и въ юбки. Зимою въ Кореѣ не рѣдкость встрѣтить мѣховую одежду и мѣховыя шапки, безъ чего въ этой странѣ, почти сплошь покрытой снѣгомъ, холодно.

Особенно оригинальны въ Кореѣ прически и шляпы. До женитьбы мальчики и молодые люди носятъ косы, но не такія длинныя и тонкія, какъ у китайцевъ, а короткія и толстыя. Когда же кореецъ женится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится полноправнымъ гражданиномъ, онъ получаетъ право сдѣлать себѣ настоящую корейскую прическу; послѣдняя состоитъ изъ волосъ, закрученныхъ жгутомъ и завернутыхъ въ узкій и длинный шиньонъ, торчащій на головѣ какъ шишка. Этотъ шиньонъ закалывается булавками и сдерживается шнурками, а чтобы, кромѣ того, волосы по сторонамъ не растрепывались, надѣвается еще особая повязка, сплетенная изъ конскаго волоса и носящая названіе «мангынъ». Такая прическа свойственна всѣмъ женатымъ корейцамъ, безъ различія возраста и общественнаго положенія, и такъ какъ она свидѣтельствуетъ о гражданской правоспособности корейца, то послѣдній старается о томъ, чтобы она всегда была замѣтна. Вотъ почему, быть-можетъ, корейцы и изобрѣли себѣ шляпы, нелѣпѣе и неудобнѣе которыхъ трудно что-либо придумать.

Обыкновенная корейская шляпа состоитъ изъ невысокой тульи и широкихъ полей; тулья эта настолько мала, что прикрываетъ не голову, а лишь одну прическу; шляпа, вслѣдствіе этого, не держится сама по себѣ на головѣ и должна быть привязана завязками. Кромѣ того, эта шляпа совершенно ажурна, такъ какъ плетется или изъ конскаго волоса, или изъ волоконъ расщипаннаго бамбука, окрашенныхъ особою краскою въ черный цвѣтъ. Само собою разумѣется, что шляпа эта, обнаруживающая прическу, не защищаетъ головы ни отъ солнца, ни отъ дождя, ни отъ пыли, и во время дождя даже сама нуждается въ защитѣ или въ видѣ зонтика, или въ видѣ колпака изъ промасленной бумаги, которымъ ее закрываютъ. Впрочемъ, кромѣ такого фасона, въ Кореѣ приходится встрѣчать также и множество другихъ разнообразныхъ шляпъ, нерѣдко самыхъ фантастическихъ формъ и размѣровъ. Во время полевыхъ работъ корейцы надѣваютъ шляпы, сплетенныя изъ бамбука и имѣющія видъ гигантскихъ грибовъ; эти шляпы прекрасно защищаютъ ихъ отъ дождя и отъ солнечнаго зноя.

---

*) Какъ извѣстно, зараженіе маляріей, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ передается исключительно путемъ укусовъ комаровъ.

Женщины, выходя изъ дому, надѣваютъ иногда вмѣсто покрывала огромныя шляпы, закрывающія не только голову, но и торсъ. Въ траурѣ корейцы надѣваютъ шляпу въ родѣ огромнаго тропическаго шлема; во время дождя нерѣдко пользуются плоскими шляпами-зонтиками изъ промасленной бумаги, аршина полтора въ діаметрѣ; старики носятъ дома колпаки, сплетенные изъ конскаго волоса; у монаховъ, чиновниковъ, торговцевъ, сборщиковъ податей и даже школьниковъ также шляпы особыхъ фасоновъ; наконецъ, у высшихъ сановниковъ черныя шляпы въ видѣ митры съ огромными ушами по бокамъ—символъ ихъ полной готовности прислушиваться къ каждому слову, исходящему изъ устъ повелителя.

У женщинъ прическа гораздо проще мужской, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ и среднихъ классахъ населенія: онѣ просто завязываютъ волосы узломъ или заплетаютъ косы. Зато дамы изъ высшихъ слоевъ корейскаго общества устраиваютъ прическу совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, нацѣпляя на голову огромный деревянный ободъ и закалывая взбитые волосы аршинными булавками.

Во время періода дождей корейцевъ спасаютъ такіе же соломенные плащи, какіе употребляются и въ Японіи, но, кромѣ того, здѣсь въ ходу также плащи изъ промасленной бумаги. Послѣдняя выдѣлывается въ Кореѣ такою плотною и прочною, что съ успѣхомъ можетъ замѣнить во многихъ случаяхъ матерію, а пропитанная особымъ масломъ—съ успѣхомъ замѣняетъ клеенку. Надо отмѣтить еще двѣ особенности корейскаго костюма: въ Кореѣ совершенно не извѣстны пуговицы, замѣняемыя завязками, и до самаго послѣдняго времени всѣ части одежды, особенно лѣтней, не сшивались, а склеивались изъ отдѣльныхъ кусковъ особымъ рыбьимъ клеемъ и распарывались при каждой стиркѣ. Костюмъ корейца довершается вѣеромъ, спасающимъ его отъ лѣтняго зноя, и своеобразной корейской трубкой съ тростниковымъ мундштукомъ не менѣе аршина въ длину; сама чашечка для табаку величиною всего съ наперстокъ, такъ что табаку хватаетъ лишь на нѣсколько затяжекъ.

Бѣлый цвѣтъ костюма является столь же характернымъ для Кореи, какъ для Китая синій, и пристрастіе къ нему тѣмъ труднѣе объяснить, что въ своей повседневной жизни корейцы далеко не отличаются особою любовью къ чистоплотности. Между тѣмъ къ бѣлизнѣ своего костюма они относятся съ большею щепетильностью, и корейскимъ женщинамъ стоитъ не малыхъ трудовъ поддержать эту бѣлизну гардероба, тѣмъ болѣе, что въ Кореѣ совершенно неизвѣстно мыло, и вся стирка производится продолжительнымъ полосканьемъ бѣлья и поколачиваніемъ его на валькахъ.

Въ такой же степени, какъ костюмъ, приспособлено къ клима-

тическимъ особенностямъ и жилище корейца. Мы не встрѣчаемъ здѣсь уже бумажныхъ стѣнъ японскихъ домиковъ: стѣны корейскихъ домовъ дѣлаются, въ большинствѣ случаевъ, изъ сырцоваго кирпича или изъ глины, которою вымазывается рѣшетчатый переплетъ деревяннаго остова дома. Лишь окна и двери въ корейскихъ домахъ дѣлаются бумажными, за неимѣніемъ другого прозрачнаго матеріала, такъ какъ стекло почти не извѣстно внутри страны. Необходимымъ условіемъ, вслѣдствіе суровости зимы, является отопленіе, совершенно отсутствующее въ японскихъ домахъ, гдѣ единственную печь составляетъ горшокъ съ углями. Въ Кореѣ система отопленія заимствована изъ Китая и, подобно тому какъ въ китайскихъ домахъ, состоитъ изъ печи, выходящей топкою наружу на дворъ; отъ этой печи отходитъ дымовой ходъ, который зигзагами проходитъ подъ поломъ всѣхъ жилыхъ комнатъ и оканчивается трубою по другую сторону дома. Такимъ устройствомъ достигается большая экономія въ топливѣ, въ качествѣ котораго можно употреблять даже солому, и сильное нагрѣваніе пола, превращающагося въ сплошную лежанку. При полномъ отсутствіи какой-либо мебели, кореецъ дома и сидитъ, и спитъ на полу, почему такого рода отопленіе вполнѣ удовлетворяетъ его.

Единственною домашнею обстановкою являются небольшіе комоды или скорѣе сундуки, въ которыхъ женщины хранятъ свое платье, и низенькіе столики, величиною съ подносъ, служащіе для ѣды. Вмѣсто постели въ лучшемъ случаѣ служитъ тонкій тюфячекъ, а вмѣсто подушки—деревянный четырехгранный чурбанъ, вершка 3 въ вышину, который кореецъ подставляетъ себѣ подъ високъ, чтобы не испортить ночью своей драгоцѣнной прически.

Корейская кухня съ небольшимъ очагомъ, надъ которымъ вмазанъ котелъ для варки риса, также не богата хозяйственною утварью: нѣкоторое количество огромныхъ глиняныхъ горшковъ, служащихъ для храненія квашенной рѣдьки, бобовой сои и другихъ приправъ, небольшое количество чашекъ и плошекъ — вотъ и все, что можно найти въ корейскомъ кухонномъ хозяйствѣ. Также незатѣйливъ и обычный столъ корейца. Главнымъ продуктомъ питанія Кореи является, какъ и всюду на востокѣ, рисъ, который употребляютъ прямо вареным и ѣдятъ двумя деревянными или металлическими палочками. Къ рису подаются приправы—различные продукты изъ рыбы и мяса, квашенная рѣдька, соя, красный перецъ, древесные грибы, морская капуста и т. п. Въ качествѣ главнаго напитка употребляется та самая вода, въ которой варился рисъ; какъ это ни странно, но, несмотря на близкое сосѣдство Китая и Японіи, чай въ Кореѣ совершенно не извѣстенъ.

Такимъ образомъ, весь домашній обиходъ корейца очень несло-

женъ, и потребности его крайне ограничены. Подобно тому какъ въ Японіи, столъ его преимущественно вегетаріанскій: животные продукты входятъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ въ составъ пищевого довольствія корейскаго населенія, и продукты скотоводства почти совершенно отсутствуютъ. Молочнаго скота корейцы не держатъ вовсе, такъ какъ совершенно не знакомы съ молокомъ и молочными продуктами. Бычье мясо идетъ рѣдко въ пищу, а изъ мелкаго скота разводятся лишь свиньи, и, говорятъ, употребляются въ пищу собаки. Вслѣдствіе этого въ Кореѣ, какъ и въ Японіи, главнымъ образомъ, море доставляетъ животные продукты, и рыболовство развито сильно по берегамъ, хотя и не можетъ поспорить съ японскимъ.

Рабочій скотъ играетъ у корейцевъ болѣе значительную роль, чѣмъ у ихъ восточныхъ сосѣдей, но все же примѣняется сравнительно мало. Слабосильныя корейскія лошади совершенно не пригодны для обработки полей неуклюжимъ и тяжелымъ корейскимъ плугомъ, для этого примѣняются исключительно быки. Впрочемъ, главнымъ работникомъ на поляхъ здѣсь все же оказывается самъ человѣкъ, вооруженный заступомъ. Нерѣдко и пахота совершается на людяхъ: именно къ нижней части лопаты привязываются двѣ веревки, за концы которыхъ берутся два человѣка, тогда какъ третій всаживаетъ лопату въ землю. Его помощники тянутъ за веревки, и такимъ своеобразнымъ способомъ разрыхляется почва.

Корейскихъ земледѣльцевъ нельзя упрекнуть въ лѣни и бездѣятельности. Въ теченіе лѣтняго времени они со всею семьею работаютъ въ полѣ, такъ какъ возни съ рисомъ и другими многочисленными растеніями, культивируемыми въ Кореѣ, очень много. Приходится заботиться о тщательной поливкѣ рисовыхъ полей, о прочности плотинъ. Затѣмъ нужно полоть поля, такъ какъ иначе, при влажномъ и жаркомъ лѣтѣ, они сильно зарастаютъ сорными травами. Вообще уходъ за полями въ Кореѣ немногимъ хуже, чѣмъ у насъ за огородами.

До нѣкоторой степени поля даже и напоминаютъ огороды, такъ такъ въ Кореѣ, подобно тому какъ вообще на Дальнемъ Востокѣ, вездѣ примѣняется «грядовая» культура: поле распахивается узкими грядками, и злаки, бобовыя и другія растенія высѣваются рядами на этихъ грядкахъ. Притомъ нерѣдко поле бываетъ смѣшаннымъ, т.-е. грядка, засѣянная пшеницею, чередуется, напримѣръ, съ такою же грядкою бобовъ, затѣмъ слѣдуетъ опять пшеница и опять бобы и т. д., это позволяетъ снять съ одного поля два сбора — сперва созрѣваетъ и снимается пшеница, тогда бобы могутъ разрастись свободнѣе и даютъ второй сборъ. При тѣхъ климатическихъ условіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Кореѣ, грядовая культура является совершенною необходимостью, такъ какъ если засѣвать поле сплошь, то въ періодъ

дождей вода застаивается на немъ, корни растеній подгниваютъ, и на зернахъ злаковъ развиваются различные грибки. Къ тому же при распахиваніи грядками значительно легче выпалывать сорныя травы.

Походя своимъ трудолюбіемъ на китайцевъ и японцевъ, корейцы отличаются отъ своихъ сосѣдей, однако, многими другими чертами характера: на нихъ, несомнѣнно, наложила печать полная кровавыхъ столкновеній исторія ихъ злополучной страны и постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе почти не прекращавшихся нападеній внѣшнихъ враговъ и вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ. Это тревожное прошлое сдѣлало корейца безпечнымъ и мало-заботящимся о будущемъ; оно отняло у него энергію и предпріимчивость, лишило инициативы.

Уже по внѣшнему виду своему кореецъ производитъ впечатлѣніе соннаго и вялаго, хотя по существу и не можетъ быть названъ угрюмымъ и необщительнымъ. Онъ не прочь при случаѣ и повеселиться, поболтать съ односельчанами о новостяхъ дня, потолкаться на базарѣ, и, подобно всѣмъ народамъ Востока, отличается чрезвычайнымъ любопытствомъ, такъ что отъ назойливости корейской толпы приходится страдать всѣмъ путешественникамъ. По характеру своему кореецъ, въ большинствѣ случаевъ, добродушенъ, совсѣмъ не проявляетъ воинственности и кровожадности. Лишь окончательно выведенный чѣмъ-нибудь изъ себя, онъ обнаруживаетъ полную необузданность и свирѣпость, свойственную вообще всѣмъ народамъ Азіи.

Несмотря на недоброжелательное отношеніе корейскаго правительства къ иностранцамъ, корейскій народъ вовсе не обнаруживаетъ никакой враждебности къ иноземнымъ путешественникамъ: можно пройти всю Корею безо всякаго конвоя и не примѣняя нигдѣ оружія. Простой народъ производитъ впечатлѣніе безхитростнаго, мало развитаго, но прямого и довѣрчиваго, привыкшаго повиноваться и даже до нѣкоторой степени забитаго. Дѣйствительно, условія, въ которыхъ приходится жить этому народу, мало приглядны не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ. Помимо общаго разоренія страны прежними нашествіями, отъ которыхъ она и до сихъ поръ не можетъ оправиться, помимо низкаго уровня культуры и образованности,—страшнымъ зломъ являются также общее административное неустройство въ Кореѣ и господство полнаго произвола высшаго чиновнаго класса населенія. Чиновники, очень многочисленные, являются настоящими паразитами, высасывающими изъ населенія всѣ соки и жестоко притѣсняющими его.

Въ значительной степени подъ вліяніемъ историческихъ условій и прежде всего подъ вліяніемъ продолжительнаго тѣснаго сближенія съ Китаемъ сложился и семейный бытъ корейцевъ. Подобно тому

какъ вездѣ на Востокѣ, первое мѣсто въ корейской семьѣ принадлежитъ мужчинѣ; женщина же занимаетъ мѣсто совершенно второстепенное и, по корейскимъ понятіямъ, представляетъ собою существо неизмѣримо низшее, съ которымъ мужчинѣ не только не подобаетъ совѣтоваться или вообще разговаривать о чемъ-нибудь серьезномъ, но къ которому онъ не долженъ проявлять даже ничѣмъ своей привязанности. Мужъ не несетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своей женѣ, являясь въ то же время ея полновластнымъ хозяиномъ, отъ котораго она находится въ полной зависимости. Еще въ очень недавнія времена жена, уличенная въ невѣрности мужу, жестоко наказывалась палками и отдавалась въ рабство, а въ древности ее подвергали даже смертной казни. Между тѣмъ мужчина вовсе не обязанъ сохранять вѣрности; по корейскимъ обычаямъ, онъ можетъ содержать сколько угодно незаконныхъ женъ и наложницъ.

Вступаютъ въ бракъ корейцы часто въ очень молодомъ возрастѣ: въ Кореѣ приходится встрѣчать мальчиковъ 12-ти, 13-ти лѣтъ уже женатыхъ и потому щеголяющихъ своей своебразной прической и шляпой. У корейцевъ изъ высшихъ сословій нерѣдко женятъ дѣтей даже 7-ми, 8-ми лѣтъ, причемъ жена бываетъ иногда старше своего мужа. Положеніе женщины въ корейской семьѣ является далеко не легкимъ, тѣмъ болѣе, что на женѣ лежатъ не только все домашнее хозяйство и заботы о дѣтяхъ и мужѣ, но и значительная часть полевыхъ работъ, въ которыхъ она является главной помощницей мужа.

Еще болѣе подчиненнымъ является, однако, положеніе въ семьѣ дѣтей, хотя бы даже и взрослыхъ. Въ силу того, что вмѣстѣ съ китайской цивилизаціей корейцы восприняли и конфуціанское міровоззрѣніе, и конфуціанскую мораль, которая глубоко вкоренилась и вошла въ ихъ плоть и кровь; безпредѣльное уваженіе и глубокое почитаніе своихъ родителей, въ особенности отца, сдѣлалось главною основою отношеній дѣтей къ родителямъ. Кореецъ обязанъ при жизни родителей безпрекословно слушаться ихъ во всемъ, выказывать имъ полнѣйшее уваженіе, всѣмъ рѣшительно жертвовать для нихъ, а послѣ ихъ смерти долженъ носить по нимъ цѣлыхъ три года глубокій трауръ, оплакивать ихъ и приносить жертвы ихъ душамъ. Ни одна добродѣтель не цѣнится въ Кореѣ такъ высоко, какъ сыновняя преданность; тѣ, кто особенно обнаружилъ ее, пользуются при жизни большимъ почетомъ и уваженіемъ, а послѣ смерти удостоиваются даже нерѣдко особыхъ памятниковъ или конфуціанскихъ часовенъ, въ которыхъ хранятся надписи, описывающія ихъ дѣянія.

Подчиненность дѣтей родителямъ, младшихъ—старшимъ, подчиненность подданныхъ монарху являются главными основами, съ одной стороны, конфуціанской религіи, съ другой — всего государственнаго

устройства Кореи, заимствованнаго отъ Китая. Этотъ культъ родителей, связанный съ культомъ еще болѣе отдаленныхъ предковъ, является несомнѣннымъ результатомъ китайскаго вліянія на Корею, такъ какъ онъ уже гораздо слабѣе сказывается въ Японіи и лишь въ малой степени свойственъ другимъ болѣе сѣвернымъ народностямъ восточной окраины Азіи, являющимся ближайшими родственниками корейскому народу.

Экономическій бытъ страны.

Главною основою благосостоянія Кореи является земледѣліе: оно не только прокармливаетъ 14-тимилліонное населеніе Кореи, но и даетъ главнѣйшіе продукты вывоза. Въ средней и южной Кореѣ всѣ долины превращены въ сплошное море зеленыхъ полей, и даже склоны холмовъ и горъ, если только они не слишкомъ скалисты, обязательно распаханы, и по нимъ поднимаются террасами рисовыя поля, орошаемыя водою изъ сложной системы каналовъ, отведенныхъ отъ какого-нибудь горнаго ручья или рѣчки. Нерѣдко въ горахъ приходится встрѣчать поле, вспаханное на такомъ крутомъ склонѣ, что прямо кажется непонятнымъ, какимъ способомъ могъ пройти тамъ плугъ. Должно замѣтить къ тому же, что, благодаря издавна примѣняемой на Востокѣ плодоперемѣнной системѣ земледѣлія, полей подъ паромъ, которыя отнимаютъ такъ много мѣста у насъ, въ Кореѣ совершенно не встрѣчается.

Лишь въ сѣверной Кореѣ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, населеніе менѣе густо, и имѣются еще свободныя мѣста, пригодныя для обработки. Трудно опредѣлить, сколько пахотной земли приходится въ Кореѣ на душу или на семью, но, во всякомъ случаѣ, участки тамъ несравненно менѣе значительны, чѣмъ у насъ. Лишь путемъ упорнаго труда и исключительно благодаря гораздо бо̀льшей урожайности корейскихъ хлѣбныхъ растеній, между которыми главную роль играютъ рисъ, просо и кукуруза, могутъ существовать корейскіе крестьяне на то, что имъ даетъ земля. По корейскимъ законамъ, земля составляетъ государственную собственность и принадлежитъ главѣ государства, такъ что частныя лица могутъ брать ее лишь въ аренду. Въ дѣйствительности, однако, почти всѣ земельные участки въ Кореѣ находятся въ частномъ владѣніи и безпрепятственно продаются и покупаются; владѣльцы лишь уплачиваютъ въ казну поземельные налоги. Главная часть земледѣльческаго населенія Кореи состоитъ изъ мелкихъ хозяевъ, обрабатывающихъ землю собственными силами, въ лучшемъ случаѣ при помощи нѣсколькихъ нанятыхъ рабочихъ. Относительно небольшое ко-

личество земель принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ изъ янъ-бапей (дворянъ). Нѣкоторое количество земли находится также въ вѣдомствѣ министерства двора и составляетъ собственность императора.

Гораздо меньшее значеніе имѣетъ въ Кореѣ скотоводство, и если изъ этой страны и вывозится къ намъ довольно большое количество скота во Владивостокъ, то происходитъ это не отъ избытка домашнихъ животныхъ въ краѣ, а, главнымъ образомъ, отъ нужды населенія, которое нерѣдко принуждено бываетъ въ крайности продавать свой послѣдній рабочій скотъ. Отсутствіе скотоводства обусловливается прежде всего недостаточнымъ количествомъ пастбищъ въ странѣ; подобно тому какъ въ Японіи, въ Кореѣ луговъ, въ нашемъ смыслѣ слова, не встрѣчается, и развѣ лишь въ южной части страны горные склоны, почему-нибудь неудобные для земледѣлія, служатъ мѣстомъ, гдѣ откармливается въ нѣсколько бо́льшемъ количествѣ рогатый скотъ.

Главнымъ предметомъ скотоводства является крупный рогатый скотъ и притомъ почти исключительно рабочій, такъ какъ молоко, какъ мы уже упоминали, совершенно не употребляется въ пищу въ Кореѣ, а мясо—лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Лошади по своей слабосильности разводятся не для полевыхъ работъ, а лишь для перевозки вьючнымъ путемъ товара, равно какъ и ослы, и мулы. Изъ мелкаго скота разводятся однѣ свиньи, а изъ домашней птицы—куры, утки и гуси. Мѣстами въ Кореѣ распространено пчеловодство, такъ какъ медъ замѣняетъ собою почти совершенно незнакомый въ странѣ сахаръ. Точно также разводятся и шелковичные черви, преимущественно китайскій шелкопрядъ, выкармливающійся не на тутовомъ деревѣ, а на нѣкоторыхъ породахъ дуба.

Немалыя богатства скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ омывающее берега Кореи море, которое все же довольно обильно рыбою. Къ южной оконечности восточнаго побережья Кореи подходятъ зимовать огромныя стада китовъ; кромѣ того, въ морѣ ловятся краббы, трепанги (голотуріи), и по берегамъ добываются большія количества водорослей, особенно такъ называемой морской капусты (ламинаріи), которая составляетъ также немаловажный пищевой продуктъ на Дальнемъ Востокѣ. Все прибрежное корейское населеніе занимается рыбными и другими промыслами, и за послѣднее время съ корейцами начинаютъ конкурировать даже японцы, получившіе право заниматься рыболовствомъ у южной оконечности Кореи. Кромѣ добыванія морскихъ животныхъ и растеній, сильно развито по берегамъ Кореи добываніе изъ морской воды соли, которая вываривается въ устраиваемыхъ для этой цѣли солеварняхъ.

Не малый доходъ корейскому населенію даютъ лѣса, которые

въ сѣверной Кореѣ еще сравнительно богаты крупною и мелкою дичью. Охотничій промыселъ тамъ развитъ въ большихъ размѣрахъ, въ особенности охота на оленей изъ-за ихъ роговъ, называемыхъ на востокѣ «пантами». Рога эти, пока они еще мягки и покрыты сверху шерстью, служатъ очень цѣннымъ предметомъ вывоза въ Китай, такъ какъ китайцы платятъ за нихъ огромныя деньги, употребляя ихъ на изготовленіе особаго лѣкарства. Немаловажнымъ предметомъ охоты являются также въ сѣверной Кореѣ пушные звѣри, напримѣръ: выдры, соболи, горностаи, барсы, лисицы и хорьки. Въ прежнія времена, когда было больше тигровъ, даже существовала особая корпорація тигровыхъ охотниковъ, пользовавшихся за свою храбрость и неустрашимость всеобщимъ уваженіемъ. Теперь тигровъ осталось въ средней и южной Кореѣ немного, и охота на нихъ составляетъ сравнительно рѣдкій случай.

Корейскіе лѣса, еще достаточно густые въ сѣверной части страны, составляютъ и сами по себѣ значительное богатство, такъ какъ лѣсные матеріалы въ Китаѣ и Японіи цѣнятся дорого. Особенно въ этомъ отношеніи выгодной для эксплуатаціи является рѣка Ялу, въ верховьяхъ которой сохранились обширнѣйшіе горные лѣса, богатые превосходными кедрами, лиственницами и елями. Въ этой-то области и начало развиваться дѣло русской лѣсопромышленной компаніи, обѣщавшее большія выгоды, такъ какъ прекрасный строевой лѣсъ можно было съ большимъ удобствомъ сплавлять внизъ по рѣкѣ Ялу, превращать его въ низовьяхъ этой рѣки въ доски и оттуда доставлять пароходами въ Портъ-Артуръ и Дальній, гдѣ имѣется огромный спросъ на лѣсные матеріалы, удовлетворявшійся ранѣе почти исключительно американскимъ лѣсомъ.

Минеральныя богатства Кореи сравнительно мало пока еще изслѣдованы, но, по мнѣнію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ученыхъ, посѣтившихъ страну, являются довольно богатыми. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Кореи довольно многочисленны золотыя розсыпи, гдѣ золото добывается совершенно первобытнымъ способомъ изъ золотоноснаго песку. Мѣстами эти розсыпи обнаруживаютъ довольно большое содержаніе драгоцѣннаго металла. Встрѣчаются также серебряныя, желѣзныя и въ особенно большомъ количествѣ мѣдныя руды. Кое-гдѣ имѣются залежи каменнаго угля и даже существуютъ указанія на нахожденіе нефти. Нѣкоторыя изъ горныхъ богатствъ Кореи разрабатываются уже иностранцами, главнымъ образомъ, американскими предпринимателями, получившими тамъ концессіи; другія составляютъ достояніе корейскаго правительства.

Такимъ образомъ, Корея въ общемъ отнюдь не можетъ быть названа страною, лишенною естественныхъ богатствъ, а населеніе ея

нельзя назвать нетрудолюбивымъ, и если, тѣмъ не менѣе, экономическое благосостояніе страны является крайне плачевнымъ, то это обусловливается прежде всего чрезвычайно низкою степенью культурнаго развитія корейской народности. Само собою разумѣется, что это послѣднее обстоятельство отражается прежде всего на обрабатывающей промышленности, которая находится, можно сказать, въ совершенно зачаточномъ состояніи, или, вѣрнѣе, въ состояніи полнаго упадка, такъ какъ въ прежнія времена многія отрасли промышленности были развиты гораздо выше, чѣмъ теперь. Выдѣлка знаменитаго японскаго фарфора, напримѣръ, заимствована японцами изъ Кореи, откуда тогда пришли въ Японію мастера, научившіе японцевъ обжигать этотъ фарфоръ и познакомившіе ихъ съ искусствомъ живописи по фарфору. Въ настоящее время сколько-нибудь сноснаго фарфора въ Кореѣ нѣтъ вовсе, и живопись по фарфору стала совершенно неизвѣстной, точно такъ же, какъ утратилось искусство ткать узорчатыя шелковыя ткани и изготовлять чеканныя и инкрустированныя металлическія издѣлія.

Въ настоящее время вся промышленность Кореи носитъ совершенно кустарный характеръ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Ткани, напримѣръ, изъ хлопка, пеньки и шелка, изготовляются корейцами домашнимъ и очень примитивнымъ способомъ. Бумага, которая играетъ въ Кореѣ, равно какъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ Дальняго Востока, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ у насъ, изготовляется изъ луба бумажнаго дерева на особыхъ маленькихъ бумажныхъ фабрикахъ, также совершенно кустарнаго характера. Прочность ея чрезвычайно велика, и потому ею возможно бываетъ пользоваться во многихъ случаяхъ, въ которыхъ мы пользуемся матеріей, кожей или клеенкой.

Обработка металловъ сводится къ изготовленію чугунныхъ котловъ, мѣдныхъ чашекъ и другихъ кухонныхъ принадлежностей и, самое бóльшее, къ изготовленію очень плохого и мало въ Кореѣ распространеннаго холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Издѣлія изъ серебра и золота почти не извѣстны въ странѣ, такъ какъ покупать драгоцѣнныя вещи тамъ не кому.

При такомъ слабомъ развитіи промышленности не можетъ быть сильно развита и внутренняя торговля, тѣмъ болѣе, что потребности крайне бѣднаго населенія очень ограничены, и почти все необходимое для его существованія находится и добывается на мѣстѣ собственными средствами. Тѣмъ не менѣе, потребность въ обмѣнѣ товарами между различными областями страны все же ощущается, и потребность эта удовлетворяется довольно многочисленнымъ въ странѣ классомъ торговцевъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, оперируютъ на очень мелкіе, на нашъ взглядъ совершенно ничтожные, капиталы.

Развитіе торговли зависитъ въ чрезвычайно сильной степени еще отъ одного обстоятельства, именно отъ развитія путей сообщенія и способовъ передвиженія. Въ этомъ отношеніи условія въ Кореѣ чрезвычайно неблагопріятны. За исключеніемъ двухъ-трехъ главныхъ путей, можно сказать, что въ странѣ совершенно нѣтъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это слово понимаемъ. То, что въ Кореѣ называется дорогами—не болѣе какъ вьючныя тропы, если и проходимыя, то лишь съ большимъ трудомъ и исключительно для вьючныхъ животныхъ и носильщиковъ. Въ горахъ эти тропы подымаются нерѣдко по чрезвычайно крутымъ обрывамъ, лѣпятся по горнымъ карнизамъ и, размываясь дождями, представляютъ большую опасность. Мостовъ черезъ рѣки въ Кореѣ очень мало, и, въ большинствѣ случаевъ, путникамъ приходится довольствоваться бродами или самымъ примитивнымъ перевозомъ, такъ что въ періодъ дождей и сильнаго разлива рѣкъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ совершенно непреодолимыми препятствіями.

Колесъ и колесныхъ экипажей Корея, повидимому, совершенно не знаетъ, особенно внутренняя часть страны; лишь въ Сеулѣ и въ портовыхъ городахъ приходится кое-гдѣ встрѣчать крайне примитивныя и грубо-сколоченныя корейскія арбы. Такимъ образомъ, всѣ товары перемѣщаются въ Кореѣ на спинахъ или лошадей, или же носильщиковъ, составляющихъ обширную корпорацію, связанную общею организаціею и круговою порукою. Эти носильщики пристраиваютъ грузъ себѣ на спину на особыхъ деревянныхъ рогулькахъ—едва ли не единственное оригинальное корейское изобрѣтеніе. Что касается вьючныхъ животныхъ, то чаще всего для перевозки грузовъ употребляются лошади, но примѣняются также и мулы, ослы, быки и даже коровы.

Корейская лошадь представляетъ собою настоящаго карлика, чуть ли не меньше шотландскаго пони; ростомъ она такъ мала, что достигаетъ головою лишь плеча человѣка средняго роста, а если всадникъ сядетъ на нее верхомъ по-европейски, то ноги его лишь на четверть не достаютъ до земли. Вотъ почему корейцы устраиваются при верховой ѣздѣ на своихъ лошадяхъ чрезвычайно оригинальнымъ способомъ: они одѣваютъ на лошадь свое примитивное вьючное сѣдло, привязываютъ два нетяжелыхъ вьюка по сторонамъ и поверхъ нихъ и сѣдла кладутъ небольшой тюфячекъ, на который садится всадникъ и спускаетъ ноги на шею лошади. Для европейца такое положеніе съ ногами, болтающимися безъ стремянъ, крайне мучительно, но корейцы находятъ его наиболѣе удобнымъ. Должно замѣтить еще, что корейскія лошади сравнительно съ нашими — очень слабосильны: онѣ не могутъ поднять болѣе 5—6 пудовъ, и то этотъ грузъ является

для нихъ уже сравнительно тяжелымъ. Для каждой лошади обязательно нуженъ особый погонщикъ или «мафу», который ведетъ лошадь въ поводу и заботится о ней на стоянкахъ; даже, когда ѣдетъ всадникъ, его лошадь обязательно ведетъ подъ уздцы мафу, которому приходится выбиваться изъ силъ, если всадникъ вздумаетъ пустить лошадь рысью.

Еще однимъ изъ неудобствъ передвиженія на лошадяхъ по Кореѣ является крайняя избалованность ихъ по отношенію къ корму. Мафу кормятъ своихъ лошадей почти исключительно одними вареными бобами, изъ которыхъ приготовляется нѣчто въ родѣ пойла съ мякиной. Бобы эти варятся въ огромныхъ котлахъ и даются лошадямъ даже не совсѣмъ простывшими, теплыми; подножнаго корма—овса или вообще сырыхъ продуктовъ лошади, по крайней мѣрѣ, во время работы, совершенно не получаютъ. Это обстоятельство привязываетъ путника всецѣло къ опредѣленнымъ протореннымъ дорогамъ, по которымъ имѣются на извѣстныхъ разстояніяхъ постоялые дворы («шумеги»), гдѣ можно найти котлы для варки бобовъ и запасы послѣднихъ.

Всѣ перечисленныя условія чрезвычайно затрудняютъ передвиженіе по Кореѣ каравановъ съ грузами и дѣлаютъ доставку товаровъ вьючнымъ способомъ настолько дорогою, что носильщики, перетаскивающіе грузы на своихъ спинахъ, легко могутъ конкурировать съ лошадьми. Едва ли найдется еще какая-нибудь другая страна, гдѣ грузовое движеніе совершалось бы въ такомъ количествѣ на спинахъ людей, какъ въ Кореѣ!

Кромѣ носильщиковъ, принимающихъ на себя доставку груза, въ Кореѣ мы находимъ очень большое количество разныхъ мелкихъ бродячихъ торговцевъ, которые также на своей спинѣ переносятъ изъ города въ городъ и изъ одного селенія въ другое различные мелкіе товары; они распродаютъ ихъ на ярмаркахъ, бывающихъ обыкновенно чрезъ извѣстное число дней въ каждомъ болѣе значительно населённомъ пунктѣ Кореи. Во время такихъ ярмарокъ въ данный городъ или селеніе собираются всѣ жители окрестныхъ деревень для того, чтобы обмѣнять выработанные ими продукты на деньги или на товары, привезенные въ городъ. Во время ярмарки городская площадь покрывается мелкими лавчонками изъ кое-какъ сколоченныхъ шалашей; рядами выстраиваются пришедшіе въ городъ торговцы, группируясь по роду товаровъ; по краямъ базарной площади располагаются мѣстные жители со скотомъ, топливомъ, различными зерновыми продуктами, овощами и т. п. Торгъ идетъ бойко и оживленно, всюду видны ожесточенно жестикулирующія фигуры продавцовъ и покупателей, густою толпою собирается народъ вокругъ бро-

дячихъ танцоровъ и музыкантовъ или какого-нибудь акробата, выдѣлывающаго замысловатые фокусы на натянутомъ канатѣ.

Особенно бойко торгуютъ мелкія съѣстныя лавчонки, гдѣ подъ легкими навѣсами варятся на вмазанныхъ въ глиняныя печи огромныхъ котлахъ рисъ и различныя похлебки, жарятся лепешки на кунжутномъ маслѣ, приготовляются ѣдкія приправы изъ жгучаго краснаго перца, и все это поглощается тутъ же неприхотливою публикою, усаживающеюся за низенькими столиками на цыновкахъ или прямо на корточкахъ на землѣ. Немало разбросано вокругъ базарной площади также и мелкихъ кабачковъ, гдѣ желающіе за очень дешевую плату могутъ получить достаточное количество подогрѣтой рисовой водки, совершенно неочищенной отъ сивушныхъ маслъ, и корейскаго пива—коричневатой и мутной, кисловатой жидкости.

Такіе базары являются единственнымъ проявленіемъ въ Кореѣ болѣе оживленной и бойкой торговли: обычно лавочки, находящіяся въ большомъ количествѣ въ любомъ самомъ незначительномъ городкѣ, торгуютъ чрезвычайно вяло, такъ что приходится прямо удивляться, какимъ способомъ умудряются ихъ хозяева извлечь доходъ изъ своего торговаго предпріятія. Чаще всего приходится встрѣчать въ Кореѣ лавки универсальнаго характера, въ которыхъ кореецъ можетъ получить рѣшительно все, что только требуется въ его обычномъ обиходѣ. Въ такой лавкѣ можно найти и матеріи для костюма, и связки лаптей изъ рисовой соломы, и табакъ, и гвозди, и керосинъ, и бумагу для оклейки оконъ, и спички, и папиросы японскаго издѣлія, и какіе-то подозрительные кусочки, и порошки, составляющіе затѣйливыя снадобья корейской медицины, и безчисленное множество другихъ предметовъ, дѣлающихъ такую лавку похожею на какой-то музей. Все это стоитъ сущіе гроши, и едва ли цѣнность всѣхъ товаровъ такого торговаго заведенія превыситъ на наши деньги 10 рублей. Тѣмъ не менѣе, корейскій купецъ ухитряется какимъ-то образомъ извлекать барыши и существовать на нихъ, нерѣдко съ многочисленнымъ семействомъ.

Однимъ изъ крупныхъ препятствій къ развитію торговли въ Кореѣ является обращающаяся въ странѣ монета, которая представляетъ громадныя неудобства. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ главной, а внутри страны, можно сказать, и единственной, широко распространенной монетной единицей являются мѣдныя или, вѣрнѣе, латунныя тонкія монетки съ четыреугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, совершенно сходныя съ китайскими чохами и носящія названіе «пхунъ». Монеты эти носятся обыкновенно не въ кошелькѣ, а нанизанными на веревку изъ рисовой соломы огромными пачками, причемъ каждыя 100 монетъ отдѣляются узелкомъ. Нерѣдко ихъ даже

не отсчитываютъ, а прямо отмѣриваютъ по длинѣ связки, такъ какъ считать ихъ—дѣло слишкомъ утомительное и отнимающее массу времени. На 1 рубль такихъ монетъ приходится отъ 500 до 600 по курсу, что составляетъ связку, болѣе аршина длиною и достаточно увѣсистую; 10 рублей на наши деньги вѣсятъ $1^1/_4$ пуда, такъ что корейская вьючная лошадь, поднимающая не болѣе 6 пудовъ, можетъ увезти, всего-на-всего, денегъ на 50 рублей. При выплачиваніи крупныхъ суммъ возникаютъ, само собою разумѣется, огромныя затрудненія, и даже, когда идешь на базаръ за покупками рублей на 15, приходится брать съ собою носильщика, который едва тащитъ огромную связку денегъ. Само собою разумѣется, что такая денежная система сильно затрудняетъ всѣ торговые обороты: нерѣдко купцу выгоднѣе расплачиваться какимъ-либо другимъ товаромъ, чѣмъ деньгами.

Кромѣ того, благодаря спекуляціи, главнымъ образомъ, японскихъ купцовъ курсъ на корейскія пхуны является чрезвычайно неустойчивымъ и подверженъ большимъ колебаніямъ, причемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи, вслѣдствіе недостатка въ удобныхъ путяхъ сообщенія, бываетъ одновременно различнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ попытки со стороны корейскаго правительства ввести болѣе удобную монету оставались до самаго послѣдняго времени совершенно безплодными, тѣмъ болѣе, что производились обыкновенно подъ давленіемъ японцевъ, которымъ корейцы имѣли достаточно основаній не довѣрять. За послѣднее время корейское правительство пыталось также пустить въ обращеніе никкелевую монету, чеканенную по образцу японской, однако, эта монета, несмотря на свои огромныя преимущества предъ пхунами, получила распространеніе лишь въ Сеулѣ и портовыхъ городахъ, внутри же страны принимается крайне неохотно и, надо сказать, не безъ основанія, такъ какъ дѣйствительная цѣнность ея во много разъ ниже номинальной. Не привилась также и серебряная монета, неоднократно выпускавшаяся правительствомъ, и до сихъ поръ корейцы довѣряютъ больше всего своимъ громоздкимъ пхунамъ, нанизаннымъ на веревку какъ бублики. Въ портовыхъ городахъ, гдѣ широко развита японская торговля, можно расплачиваться японскою монетою и японскими кредитными деньгами.

При низкомъ уровнѣ культуры въ странѣ, при слабомъ развитіи путей сообщенія и при ограниченныхъ размѣрахъ внутреннихъ торговыхъ оборотовъ, само собою разумѣется, и внѣшняя вывозная и привозная торговля Кореи не можетъ быть сильно развитою. Въ прежнія времена, въ періодъ корейской изолированности, она была совершенно ничтожна, именно ограничивалась тѣми торговыми обо-

ротами, которые происходили во время бывавшей одинъ разъ въ годъ ярмарки на границѣ Китая. Въ остальное же время корейцамъ было даже запрещено имѣть какія-либо торговыя сношенія съ другими государствами, и за нарушеніе этого запрещенія полагалась даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертная казнь.

Лишь со времени заключенія торговыхъ договоровъ съ Японіей и съ европейскими державами, т.-е. начиная съ 1876 года, корейская внѣшняя торговля стала развиваться нѣсколько сильнѣе. До 1898 г. она концентрировалась исключительно лишь въ 6 корейскихъ городахъ, именно въ трехъ портовыхъ городахъ: Фузанѣ, Гензанѣ и Чемульпо, и, кромѣ того, въ Сеулѣ, въ селеніи Ян-хоа-джинъ близъ Сеула, и въ городѣ Кіонъ-хынъ, открытомъ для русской торговли. Въ 1898 году было открыто еще 5 портовыхъ городовъ, именно Цзынампо, Мокпо, Сіöнъ-чжинь, Масаньпо, Кунь-сань и одинъ городъ внутри страны, именно Пхіонъ-янъ.

Со времени открытія портовыхъ городовъ внѣшняя торговля въ Кореѣ стала быстро увеличиваться, но при этомъ она въ то же время стала переходить мало-по-малу въ руки японскихъ купцовъ и отчасти также китайцевъ. Во всѣхъ портовыхъ городахъ возникли обширныя торговыя колоніи японцевъ съ многочисленнымъ населеніемъ, большимъ количествомъ складовъ и магазиновъ, транспортныхъ конторъ, банковъ и другихъ торговыхъ учрежденій. Японцами были приложены также большія старанія къ развитію пароходства между портами Кореи и японскими торговыми городами, были учреждены правильные рейсы пароходовъ, устроены агентства, проведенъ телеграфъ между главнѣйшими пунктами Кореи и проложенъ кабель, соединяющій Корею съ Японіею. Всѣ эти мѣропріятія, сопровождаемыя соотвѣтствующими политическими мѣрами, стремившимися къ упроченію японскаго вліянія въ Кореѣ, повели къ тому, что фактически вся внѣшняя корейская торговля оказалась во власти Японіи. Лишь за послѣднее время въ сѣверныхъ портовыхъ городахъ Кореи начали играть болѣе значительную роль китайскіе купцы и нѣсколько европейскихъ фирмъ; однако, преобладающее значеніе осталось все же за японцами. Въ Чемульпо, напримѣръ, въ 1896—97 г. занималось торговлею 26 японскихъ торговыхъ фирмъ, 16 китайскихъ и лишь 6 англійскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ.

Главнѣйшими предметами вывоза изъ Кореи являются сельскохозяйственные продукты и прежде всего рисъ, который направляется преимущественно въ Японію—корейскій рисъ славится на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Количество риса сильно колеблется въ зависимости отъ урожая, но, въ общемъ, повидимому, постепенно увеличивается и вывозится въ урожайные годы на сумму до $5^1/_2$ милліо-

новъ долларовъ. Въ меньшемъ количествѣ вывозятся различные сорта бобовъ и бобовые жмыхи, получающіеся при выжимкѣ бобоваго масла. Въ Японіи эти жмыхи употребляются для удобренія полей. Довольно значительно количество вывозимой изъ Кореи пшеницы, ячменя и проса.

Къ числу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ долженъ быть отнесенъ также жень-шень—знаменитое лѣкарственное растеніе Дальняго Востока, цѣнящееся чуть ли не на вѣсъ золота и спасающее будто бы отъ самыхъ тягчайшихъ болѣзней. Жень-шень въ дикомъ состояніи встрѣчается въ горахъ сѣверной Кореи, въ уединенныхъ тѣнистыхъ лѣсахъ, и для отысканія его отправляются цѣлыя партіи охотниковъ. Кромѣ того, жень-шень разводится искусственно на особыхъ плантаціяхъ, но такое культивируемое растеніе, дающее корни болѣе мелкіе, цѣнится гораздо дешевле дикаго. Вывозится жень-шень въ Китай, причемъ облагается большою вывозною пошлиною. Въ 1898 г. его было вывезено почти на милліонъ долларовъ.

Довольно крупный предметъ вывоза составляетъ рогатый скотъ, который направляется, главнымъ образомъ, во Владивостокъ и Приморскую область; вывозятся также кожи скота и въ небольшомъ количествѣ мѣха пушныхъ звѣрей.

Морскіе продукты въ Кореѣ также даютъ цѣлый рядъ предметовъ вывоза: въ Китай вывозятся акульи плавники и трепанги, въ Японію—различная сушеная рыба, рыбій тукъ, китовое мясо и морская капуста. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ продуктовъ вывоза является золото, добываемое на розсыпяхъ въ сѣверной части Кореи. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1898 году его вывезено на 2 375 000 долларовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности вывезено гораздо больше, такъ какъ огромное количество его проходитъ контрабандою помимо таможенъ.

Что касается произведеній корейской промышленности, то, за исключеніемъ корейской бумаги, вывозимой на нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ, не вывозится почти ничего; всѣ издѣлія Кореи слишкомъ грубы и первобытны и не могутъ идти въ сравненіе съ издѣліями сосѣднихъ странъ.

Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, предметомъ внѣшняго ввоза являются, главнымъ образомъ, различныя издѣлія фабричной промышленности и прежде всего хлопчатобумажныя матеріи, преимущественно англійскія и японскія. Первое мѣсто принадлежитъ шертингу различныхъ сортовъ, затѣмъ идетъ также линобатистъ, муслинъ, шитингъ и дрель. Ввозится, кромѣ того, бумажная пряжа, изъ которой корейцы сами ткутъ матерію по своему вкусу, и даже хлопокъ, котораго не хватаетъ въ Кореѣ для удовлетворенія всѣхъ ея

потребностей. Ввозятся также и шелковыя матеріи, составляющія предметъ роскоши и идущія, главнымъ образомъ, изъ Китая. Наконецъ, немалое количество доставляется въ Корею мѣди, желѣза, олова и другихъ металловъ. Почти единственнымъ продуктомъ ввоза, идущимъ также въ довольно значительномъ количествѣ изъ Россіи, является керосинъ, который доставляется на Дальній Востокъ изъ Батума въ наливныхъ пароходахъ, разливается въ Японіи въ жестяные ящики и въ такомъ видѣ попадаетъ въ Корею. Русскому керосину приходится тамъ, однако, за послѣднее время выдерживать сильную конкуренцію со стороны американскаго и суматрскаго. Ввозятся въ Корею также спиртные напитки, главнымъ образомъ, японская рисовая водка и пиво; въ небольшомъ количествѣ идутъ туда анилиновыя краски, японскія табачныя издѣлія, наконецъ, стеклянныя издѣлія, сахаръ, лѣкарства и различныя мелочи. При ограниченности потребностей корейскаго населенія всѣ эти предметы, однако, ввозятся въ очень небольшомъ количествѣ и идутъ даже, главнымъ образомъ, для удовлетворенія спроса живущихъ въ Кореѣ японцевъ и европейцевъ, проникая лишь въ совершенно ничтожномъ количествѣ внутрь страны.

Принимая во вниманіе обширность и населенность страны, должно считать общіе размѣры ея внѣшней торговли очень ограниченными. Въ 1898 г. товаровъ изъ Кореи было вывезено всего на 5 709 489 долларовъ, а ввезено въ страну на 11 825 267 долл., въ 1902 г. было вывезено на 8 317 070 долл., а ввезено—на 13 692 842 долл. Такимъ образомъ, общая сумма торговаго оборота Кореи, повидимому, не перестаетъ увеличиваться, но въ то же время ввозъ товаровъ въ Корею значительно преобладаетъ надъ вывозомъ, что объясняется бо̀льшею цѣнностью ввозимыхъ товаровъ по сравненію съ тѣми продуктами страны, которые ею вывозятся. Впрочемъ, отчасти такое превышеніе ввоза надъ вывозомъ обусловливается системою регистраціи товаровъ корейскими таможнями и является фиктивнымъ. Къ тому же золото, вывозимое изъ предѣловъ Кореи въ довольно большомъ, какъ мы видѣли, количествѣ, не региструется вовсе. По всей вѣроятности, дѣйствительная стоимость товаровъ, ввозимыхъ въ Корею, вполнѣ точно равняется суммѣ вывоза, такъ какъ купить иностранныхъ произведеній корейцы, за неимѣніемъ свободной денежной наличности въ странѣ, могутъ лишь на такую же сумму, на какую продадутъ своихъ товаровъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, экономическое положеніе Кореи еще задолго до наступленія современныхъ событій было далеко неудовлетворительнымъ. Несмотря на то, что страна не лишена природныхъ богатствъ, и населеніе ея нельзя назвать лѣнивымъ и без-

дѣятельнымъ, Корея все же являлась самою бѣдною изъ странъ Дальняго Востока,—страною съ совершенно ничтожными рессурсами, не имѣющею денежныхъ запасовъ, вывозящею лишь малоцѣнные продукты, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Такое печальное положеніе страны обусловливается, конечно, прежде всего ея историческими судьбами. Постоянныя нашествія враговъ разоряли народонаселеніе и не позволяли развиться сколько-нибудь высоко культурѣ, внутреннія междоусобія обусловливали неупорядоченность государственнаго управленія, и образованіе алчнаго класса чиновниковъ, живущихъ за счетъ народа и существующихъ незаконными поборами, затѣмъ не остались безъ вліянія и цѣлыя столѣтія полной изолированности и отрѣшенія отъ сношеній со всѣми другими государствами—все это привело Корею къ совершенному истощенію государственнаго организма и къ упадку.

Въ довершеніе всего Корея оказалась въ тяжелой экономической зависимости отъ Японіи, цѣпко захватившей ее и опутавшей многочисленными нитями. Японцы смотрѣли на нее какъ на свою будущую колонію, изъ которой слѣдуетъ высосать возможно больше соковъ, чтобы обезсилить ее и лишить способности энергичнаго сопротивленія. По отношенію къ корейцамъ они являлись постоянно эксплуататорами, а послѣдніе, уже въ силу своей меньшей культурности и присущей имъ инертности и забитости, были всегда эксплуатируемыми. Хозяйничаніе японцевъ въ портовыхъ городахъ, захватъ ими внѣшней торговли Кореи и постоянныя вмѣшательства въ финансовыя дѣла государства были причиною непрерывнаго ухудшенія экономическаго положенія Кореи за послѣдніе годы.

Религія и образованность.

Въ Кореѣ въ настоящее время наблюдаются три религіозныхъ вѣроученія, причемъ они не только играютъ одновременно одинаково важную роль, но и тѣсно между собою переплетаются и, повидимому, даже не разъединяются въ представленіи простого народа.

Прежде всего широко распространены и сохранились въ цѣлости остатки самыхъ древнихъ религіозныхъ представленій, господствовавшихъ еще во времена, о которыхъ не сохранилось историческихъ свѣдѣній,—представленій, которыя можно во всей ихъ совокупности назвать шаманизмомъ. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается обыкновенно поклоненіе человѣка одухотвореннымъ силамъ природы и различнымъ явленіямъ ея. Въ старинныхъ китайскихъ лѣтописяхъ сохранились указанія на то, что предки корейцевъ, обитавшіе на Корейскомъ полуостровѣ, были шаманистами и поклонялись духамъ

земли, неба, утренней звѣздѣ, духамъ покровителямъ горъ и рѣкъ и даже тигру. Эти основныя черты сохранились и до настоящаго времени въ Кореѣ въ видѣ суевѣрій и чисто шаманистическихъ взглядовъ, тѣсно перемѣшавшихся съ представленіями о буддійскихъ и конфуціанскихъ святыхъ.

Главнымъ предметомъ культа въ Кореѣ является и по настоящее время небо, отъ котораго, по мнѣнію корейцевъ, проистекаютъ всѣ земныя блага—произрастаніе злаковъ и урожай, избавленіе отъ болѣзней и т. п. Съ небомъ соединяется представленіе, правда, очень смутное, о Верховномъ Повелителѣ Неба, Создателѣ и Хранителѣ видимаго міра, котораго корейцы называютъ Санъ-Чже. При общихъ народныхъ бѣдствіяхъ, напримѣръ, при засухѣ или при обильныхъ ливняхъ, вызывающихъ наводненія, совершаются торжественныя моленія къ Небу и приносятся жертвы, чтобы умилостивить гнѣвъ Повелителя Неба.

На ряду съ этимъ почитаніемъ неба корейцы одухотворяютъ также и всѣ другія стихіи и силы природы. По вѣрованіямъ ихъ, духи наполняютъ воздухъ и море, обитаютъ подъ каждымъ тѣнистымъ деревомъ, въ каждомъ оврагѣ, горномъ ручьѣ или ущельѣ; духи наполняютъ и жилище человѣка и сопровождаютъ человѣка во всѣхъ его дѣлахъ и на каждомъ его шагу. Духи эти бываютъ добрыми и благорасположенными къ человѣку и злыми, старающимися ему повредить; сохранить благорасположеніе первыхъ и охранить себя отъ напастей, причиняемыхъ вторыми, возможно путемъ жертвоприношеній и молитвы, а также путемъ различныхъ заклинаній колдуновъ-шамановъ. Иногда эти добрые и злые духи отожествляются корейцами съ душами умершихъ людей: въ первомъ случаѣ—добродѣтельныхъ и скончавшихся спокойно, во второмъ—людей злыхъ или скончавшихся въ бѣдности и разныхъ лишеніяхъ, почему души ихъ не находятъ себѣ послѣ смерти покоя и стараются причинить возможно больше зла живущимъ людямъ.

Каждая гора, по понятіямъ корейцевъ, населена особымъ горнымъ духомъ, которому ставится маленькая молельня на перевалѣ и приносятся доброхотныя даянія окрестныхъ жителей въ видѣ чашки съ рисомъ или какихъ-нибудь плодовъ. Путники, перебирающіеся чрезъ такой перевалъ, не забываютъ захватить съ собою при подъемѣ въ гору какой-нибудь небольшой камень, лежащій у подножья, и сбрасываютъ его въ кучу на вершинѣ перевала во славу горнаго духа; съ вѣками такихъ камней накопляется цѣлая куча, свидѣтельствуя о стойкости вѣрованій въ этихъ духовъ. Точно также и море, и рѣки населены, по понятію корейцевъ, особыми духами, которымъ слѣдуетъ приносить жертвы для успокоенія душъ утопленниковъ,

иначе безпокоящихъ людей. Существуютъ также духи дорогъ, покровительствующіе путникамъ; въ видѣ жертвы имъ корейцы вѣшаютъ на вѣтви придорожныхъ кустовъ и деревьевъ лоскуточки матеріи или щепотки риса, бобовъ или другихъ сѣмянъ, завернутые въ бумажку. Особаго духа-покровителя имѣетъ каждое корейское селеніе, обязанное приносить своему патрону жертвы для его умилостивленія.

Такимъ образомъ, для корейца вся вселенная представляется населенной невидимыми духами, постоянно такъ или иначе вмѣшивающимися въ его дѣла. По шаманистическимъ воззрѣніямъ, однако, если духи могутъ вліять на человѣка, то и человѣкъ, въ свою очередь, имѣетъ возможность вліять на духовъ—или умилостивляя ихъ молитвами и жертвоприношеніями, или же укрощая и изгоняя волхвованіями и заклинаніями. Для того, однако, чтобы справиться съ духами, необходимо обладать особыми сверхъ-естественными силами и познаніями, и это дается лишь немногимъ избранникамъ, посвящающимъ всю свою жизнь изученію волшебства,—шаманамъ. Въ Кореѣ шаманами могутъ быть и мужчины, и женщины. Первые или «пань-су» обыкновенно слѣпцы, составляющіе даже особую касту, для которой колдовство служитъ часто единственнымъ и далеко небезвыгоднымъ средствомъ къ существованію. Пань-су изучаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у своихъ старшихъ собратьевъ всѣ тайны колдовства, передающіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, научается заклинаніямъ и способамъ распознаванія демоновъ, вообще изучаетъ болѣе или менѣе добросовѣстно свое ремесло. Главная дѣятельность этихъ шамановъ состоитъ въ заклинаніи злыхъ духовъ при помощи различныхъ обрядовъ и гаданія о будущемъ. Кромѣ того, пань-су составляютъ гороскопы, выбираютъ наиболѣе счастливый день для свадьбы, предсказываютъ будущую жизнь жениха и невѣсты и отыскиваютъ при помощи компаса и различныхъ волшебныхъ формулъ подходящее мѣсто для могилы.

Такова же по существу и роль шаманки — «му-данъ», которая становится таковой по особому призванію свыше, когда вдругъ увѣрится, что ею овладѣлъ и глаголетъ ея устами демонъ. Шаманка носитъ полумужское платье и мужскую шляпу и пользуется обыкновенно извѣстнымъ уваженіемъ, такъ какъ отъ нея зависитъ очень многое. Она указываетъ, какъ умилостивлять духовъ жертвоприношеніями, сама участвуетъ въ послѣднихъ и завѣдуетъ устройствомъ празднествъ въ честь того или другого духа. Далѣе, во время болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи корейца, шаманка нерѣдко призывается для изгнанія злыхъ духовъ, вселившихся въ больного. Она изгоняетъ ихъ заклинаніями и дикою пляскою съ ножами, которые бросаетъ въ землю. Нерѣдко, такимъ образомъ, она отвращаетъ и различныя

другія несчастія, угрожающія семьѣ корейца. Кромѣ того, шаманка, подобно пань-су, занимается гаданіемъ, бросая на столъ рисовыя зерна или прислушиваясь къ звону колокольчиковъ, привязанныхъ къ палкѣ, и стараясь разслышать въ нихъ голосъ демона.

Всѣ подобныя суевѣрныя представленія и вѣрованія въ духовъ являются, несомнѣнно, остаткомъ глубокой старины и находятъ до настоящаго времени самую благодарную почву въ малокультурной и грубой массѣ корейскаго народа. Они переплетаются, съ одной стороны, съ многочисленными легендами, полными фантастическихъ приключеній героевъ-полубоговъ, драконовъ и различныхъ сверхъестественныхъ существъ, съ другой—съ представленіями и вѣрованіями, входящими въ составъ двухъ другихъ религій, господствующихъ въ Кореѣ,—конфуціанства и буддизма.

По свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, первымъ проникъ въ Корею буддизмъ во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х., когда туда пришли два китайскихъ монаха, принеся съ собою священныя буддійскія книги. Позднѣе въ страну прибыло еще нѣсколько буддійскихъ миссіонеровъ изъ Китая, принесшихъ съ собою не только новое вѣроученіе, но и письменность, съ которою корейцы ранѣе не были знакомы. Такимъ образомъ, буддійскіе проповѣдники явились просвѣтителями страны и пріобрѣли въ ней значительное вліяніе, такъ какъ новое вѣроученіе было встрѣчено очень сочувственно корейскими королями.

Въ скоромъ времени въ Кореѣ стали возникать одинъ за другимъ буддійскіе монастыри, ставившіеся разсадникомъ новой религіи и богато одарявшіеся корейскими королями. Буддійскіе монахи, какъ люди наиболѣе образованные, знакомые съ китайскими книгами и законами, пользовались необыкновеннымъ почетомъ и вліяніемъ на государственныя дѣла. Нерѣдко они находили себѣ доступъ при дворѣ и являлись ближайшими помощниками и совѣтниками короля въ дѣлѣ управленія страною; даже начальники областей и полководцы избирались нерѣдко изъ ихъ среды. Вслѣдствіе многократныхъ вражескихъ вторженій въ страну, при которыхъ монастырямъ случалось играть роль крѣпостей, въ нихъ образовалась каста монаховъ-воиновъ, временами оказывавшая немаловажныя услуги при защитѣ отечества.

Эта крупная роль монастырей въ дѣлахъ и судьбахъ государства явилась, однако, въ то же время и главною причиною паденія буддизма послѣ почти тысячелѣтняго господства въ странѣ. Вмѣшательство монаховъ въ государственныя дѣла возстановило противъ нихъ придворные круги и аристократію, сосредоточеніе военныхъ силъ въ монастыряхъ дѣлалось мало-по-малу опаснымъ и для центральнаго

правительства, наконецъ, по всей вѣроятности, и образованность монаховъ, не поддерживаемая извнѣ, исчезла. Всѣ эти причины подготовили быстрое паденіе буддизма, какъ только подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго общенія съ Китаемъ въ XIV вѣкѣ проникла въ Корею конфуціанская религія. Въ ней корейскіе короли увидѣли болѣе прочную поддержку того государственнаго строя, который казался имъ наиболѣе выгоднымъ для удержанія полной власти въ своихъ рукахъ.

Конфуціанство не представляетъ собою, въ сущности, стройной религіозной системы, а является скорѣе сводомъ моральныхъ правилъ и указаній, какъ слѣдуетъ поступать въ различныхъ случаяхъ повседневной жизни, связаннымъ съ высоко-развитымъ почитаніемъ душъ предковъ, національныхъ героевъ, королей и вообще людей, оказавшихъ какую-либо услугу государству. Нравственныя правила, преподанныя послѣдователямъ Конфуція ихъ китайскимъ учителемъ, должны помогать человѣку въ пріобрѣтеніи душевнаго спокойствія и должны приводить въ полное соотвѣтствіе и гармонію его внутренній міръ съ міромъ внѣшнимъ. Такого спокойствія и гармоніи можно достичь лишь регулированіемъ своихъ отношеній ко всему окружающему, и такъ какъ человѣкъ является членомъ семьи, общества и государства, то и всѣ отношенія его можно свести къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, между монархомъ и подданными, между мужемъ и женою, между старшими братьями и младшими и между друзьями, стоящими на одинаковомъ уровнѣ. Достигнуть идеала во всѣхъ этихъ человѣческихъ отношеніяхъ возможно, по ученію Конфуція, лишь при обладаніи пятью слѣдующими нравственными качествами: добротою, прямотою мысли, безупречностью поведенія, мудростью и, наконецъ, честностью, подъ понятіе которой подходятъ также любовь, справедливость, снисходительность и довѣріе. Какимъ образомъ слѣдовать этимъ добродѣтелямъ и какъ при помощи ихъ стремиться къ возможно болѣе идеальному отношенію ко всему окружающему—этому и учитъ конфуціанская религія, давая въ то же время цѣлый рядъ вполнѣ точныхъ и разработанныхъ до мельчайшихъ деталей предписаній и правилъ, которыя указываютъ, какъ долженъ поступать человѣкъ въ любомъ случаѣ жизни, чтобы не уклониться отъ предначертаннаго идеала.

Особою добродѣтелью, являющеюся основою всѣхъ остальныхъ, считаетъ конфуціанство сыновнюю преданность и почтительность дѣтей по отношенію къ родителямъ. Оказывать величайшее уваженіе своимъ родителямъ, жертвовать для нихъ всѣмъ, быть имъ во всемъ послушнымъ—таковы главнѣйшія обязанности конфуціанца. Въ то же время, по ученію Конфуція, признается и безсмертіе души, и существованіе загробной жизни.

Отчасти подъ вліяніемъ конфуціанства, отчасти, быть-можетъ, вслѣдствіе примѣси къ нему шаманскихъ воззрѣній, у корейцевъ составилось такое представленіе,—что человѣку свойственны три души. Послѣ смерти одна его душа переселяется въ невѣдомый надзвѣздный міръ, гдѣ поступки, совершенные ею при жизни, судятъ десять судей; другая—переходитъ въ могилу, гдѣ поступаетъ на попеченіе горнаго духа; третья—переселяется въ особую, спеціально изготовляемую для этой цѣли деревянную табличку, на которой тушью начертывается китайскими іероглифами имя покойнаго. Эти таблички служатъ послѣ смерти предметомъ особаго почитанія родственниковъ и въ особенности дѣтей покойнаго, такъ какъ сыновняя преданность, само собою разумѣется, не должна прерываться и со смертью родителей.

Таблички предковъ помѣщаются въ особыя часовни или храмы, гдѣ передъ ними въ опредѣленные дни совершаются торжественныя богослуженія, воскуряется фиміамъ и приносятся жертвы. Въ такихъ же конфуціанскихъ храмахъ сохраняются таблички покойныхъ королей Кореи, военачальниковъ и вообще людей, оказавшихъ различныя услуги государству. Эти таблички также служатъ предметомъ почитанія, и мѣстные чиновники-управители являются до нѣкоторой степени и священнослужителями, такъ какъ обязаны извѣстное число разъ въ мѣсяцъ приносить въ конфуціанскихъ храмахъ передъ таблицами жертвы и воскурять ѳиміамъ.

Еще болѣе почитаются конфуціанцами храмы, въ которыхъ хранятся таблички основателя вѣроученія, самого Конфуція; такіе храмы имѣются почти въ каждомъ городѣ Кореи. Кромѣ того, послѣдователями конфуціанства почитаются и различныя силы природы, олицетворяемыя въ видѣ духовъ, такъ что конфуціанство оказывается тѣсно связаннымъ съ первобытнымъ шаманизмомъ. Конфуціанцами признаются духи покровители человѣка и хранители городовъ и селеній, духи неба, облаковъ, горъ, вѣтра, дождя и т. д., этимъ духамъ они поклоняются наравнѣ съ душами предковъ и великихъ людей и даже строятъ имъ храмы, особенно часто воздвигаемые въ честь Неба.

Въ настоящее время конфуціанство, сдѣлавшееся съ давнихъ уже поръ оффиціальной религіей Кореи, окончательно одержало верхъ надъ буддизмомъ, и послѣднее вѣроученіе находится въ полномъ упадкѣ. Оно давно уже изгнано изъ большихъ городовъ и находитъ себѣ пріютъ исключительно въ монастыряхъ, разбросанныхъ по Кореѣ въ наиболѣе трудно доступныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ горахъ средней Кореи. Такой монастырь ютится обыкновенно въ живописной лощинѣ, представляя собою цѣлый комплексъ зданій съ красиво изогнутыми китайскими крышами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ зданій помѣщаются храмы съ алтарями, украшенными буддійскими иконами и изваяніями

Будды, сдѣланными изъ дерева или глины и позолоченными; въ другихъ—живутъ монахи и находятся различныя хозяйственныя пристройки, амбары и склады, въ которыхъ хранится монастырское добро. Въ прежнія времена монастыри располагали обширными угодьями и вели большое хозяйство, но затѣмъ эти имѣнія были у нихъ отняты или сокращены, и монастыри сильно обѣднѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезла изъ монастырей и образованность: монахи перестали заниматься изученіемъ религіи и перестали даже понимать ея основные догматы. Теперь не рѣдкость встрѣтить монаха, не умѣющаго даже читать священныя книги и знакомаго лишь съ нѣсколькими буддійскими молитвами; все поклоненіе Буддѣ свелось ко внѣшней обрядности, къ жертвоприношеніямъ и воскуренію ѳиміама. Монахи къ тому же далеко не отличаются святостью жизни, и окрестное населеніе не проявляетъ къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи. Само собою разумѣется, что простой народъ еще менѣе способенъ понимать основанія буддійской религіи, чѣмъ священнослужители: въ его представленіи буддійскіе святые путаются съ конфуціанскими и даже со стародавними шаманскими одухотвореніями природы. Лишь внѣшность религіи, жертвоприношенія въ храмахъ, участіе въ буддійскихъ праздникахъ и поклоненіе святынямъ, воскуреніе ѳиміама и произнесеніе молитвъ безъ внутренняго пониманія ихъ смысла усвоены массою корейскаго народа; сущность же буддизма, уже въ силу малой развитости населенія Кореи, едва ли могла быть воспринята имъ.

Повидимому, конфуціанская мораль, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ добродѣтелямъ, удобопримѣнимымъ и полезнымъ въ общественной и государственной жизни, была болѣе сродни духу корейской народности, чѣмъ туманный, полный мистической таинственности и идеалистичныхъ, трудно выполнимыхъ стремленій буддизмъ. По крайней мѣрѣ, основы этого вѣроученія проникли гораздо глубже въ народную массу, чѣмъ малодоступное для пониманія простого народа ученіе далекой Индіи. То же самое, впрочемъ, мы видимъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ—въ Китаѣ и Японіи, гдѣ также вѣроученіе Конфуція, болѣе практическое по своему характеру, вытѣснило болѣе идеалистическое и возвышенное ученіе Будды Саккіа-Муни; очевидно, склонные къ подчасъ грубому реализму и живущіе мелкими повседневными заботами и борьбою изъ-за горсти риса, нужной для дневного пропитанія, народы Дальняго Востока оказались скорѣе склонными къ воспріятію сухой прописной морали, не оживляемой идеалистическими стремленіями!

Одновременное существованіе трехъ религій и тѣсное ихъ сплетеніе свидѣтельствуютъ уже о большомъ индифферентизмѣ корейцевъ къ религіознымъ вопросамъ и зависитъ, какъ мы сказали, отъ общаго

низкаго уровня культуры. Этимъ объясняются и сравнительно слабые успѣхи, которые сдѣлало христіанство, существующее въ Кореѣ съ конца XVIII столѣтія. Несмотря на усилія многочисленныхъ миссіонеровъ, въ особенности католиковъ, общее число христіанъ въ Кореѣ различныхъ церквей и сектъ достигало въ 1897 г. лишь 29579. Отчасти крупнымъ тормозомъ въ распространеніи христіанства въ странѣ были тѣ свирѣпыя гоненія на христіанъ, сопровождавшіяся страшными казнями и пытками, о которыхъ мы уже упоминали выше въ историческомъ очеркѣ страны. Во время этихъ гоненій обнаружилось, между прочимъ, то обстоятельство, что и въ Кореѣ возможно появленіе лицъ, глубоко увлеченныхъ и преданныхъ религіи всею душою. Многіе изъ новообращенныхъ христіанъ погибали настоящими мучениками и, несмотря на всѣ старанія преслѣдователей, не отрекались отъ своей вѣры. Это показываетъ, что и въ корейскомъ народѣ заложены все же нѣкоторые духовные зачатки, требующіе лишь извѣстныхъ условій для того, чтобы они могли проявиться и выказать всѣ высокія стороны народной души.

Низкій уровень культуры отражается, какъ это вполнѣ естественно, прежде всего на образованности народа, которая въ Кореѣ, можно сказать, находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Лучшимъ показателемъ образованности являются письменность и литература.

Подобно всѣмъ остальнымъ элементамъ культуры, письменность проникла въ Корею съ запада, изъ Китая, и, по даннымъ нѣкоторыхъ авторовъ, это случилось въ самомъ началѣ нашей христіанской эры, тогда какъ по другимъ источникамъ—лишь съ проникновеніемъ въ Корею буддизма, т.-е. въ концѣ IV столѣтія. Китайское іероглифическое письмо употребляется въ Кореѣ такъ же, какъ и въ Китаѣ, для изображенія не звуковъ, а понятій, и потому для передачи одинаковыхъ понятій корейцами примѣняются тѣ же самые іероглифы, которыми изображаютъ эти понятія китайцы; читаются, однако, іероглифы корейцами совершенно иначе, чѣмъ китайцами, именно каждый іероглифъ произносится по-корейски.

По существу китайскія письмена являются, дѣйствительно, іероглифами, т.-е. начертанія ихъ до нѣкоторой степени приближаются къ изображеніямъ соотвѣтственныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ, однако, такое сходство очень отдаленно и изгладилось съ теченіемъ вѣковъ. Совершенно неправильно то представленіе, которое сложилось о китайской письменности, будто въ ней столько же знаковъ, сколько словъ въ языкѣ. Въ дѣйствительности, основныхъ знаковъ сравнительно немного, около 200, и они изображаютъ нѣкоторыя основныя понятія; всѣ остальныя понятія получаются путемъ различныхъ комбинацій этихъ знаковъ и путемъ прибавленія къ нимъ раз-

ныхъ значковъ, придающихъ то или другое значенiе. Такимъ образомъ, китайскiй iероглифъ нерѣдко представляетъ собою нѣчто въ родѣ ребуса, который приходится разгадывать, но все же по основнымъ его составнымъ частямъ можно бываетъ уяснить себѣ его значенiе. При всей несомнѣнной сложности такого способа изображенiя мысли и при необходимости помнить огромное количество комбинацiй, все-таки не подлежитъ сомнѣнiю, что запомнить iероглифы гораздо легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждому слову соотвѣтствовалъ особый спецiально для него придуманный знакъ.

Корейцамъ принадлежитъ честь изобрѣтенiя совершенно другого способа письменной передачи мысли, именно изобрѣтенiе настоящаго алфавита, чрезвычайно простого по начертанiю и въ то же время очень совершенно передающаго всѣ самыя трудныя слова корейскаго и китайскаго языковъ. Этотъ алфавитъ, такъ называемый «онь-мунь», состоитъ изъ 11 гласныхъ и 14 согласныхъ и является первымъ фонетическимъ алфавитомъ на Дальнемъ Востокѣ. Начало къ упрощенiю китайскаго письма было положено корейцами еще въ VII вѣкѣ, когда были изобрѣтены особыя письмена, облегчающiя чтенiе китайскихъ книгъ тѣмъ, что ими изображались различныя частицы, приставки и предлоги, не употребительные въ китайскомъ языкѣ.

Въ XV вѣкѣ король Сье-Цзонъ изобрѣлъ алфавитъ онь-мунь, который позволялъ уже вполнѣ точную транскрипцiю китайскихъ iероглифовъ и помогалъ читать и правильно произносить ихъ по-корейски каждому, съ затратою сравнительно небольшихъ усилiй. Это прекрасное изобрѣтенiе, которое могло бы при иныхъ условiяхъ послужить къ значительному упрощенiю письменной передачи мыслей и къ пышному развитiю литературы, дѣлающейся благодаря ему легкодоступной гораздо бо́льшему кругу читателей, къ сожалѣнiю, совершенно не привилось въ Кореѣ. Китайское письмо, на которомъ были написаны священныя конфуцiанскiя книги и всѣ историческiя и другiя сочиненiя, заимствованныя изъ Китая, осталось господствующимъ. До настоящаго времени въ Кореѣ считается даже до нѣкоторой степени предосудительнымъ пользоваться простымъ и легкимъ корейскимъ алфавитомъ и, напротивъ, признается хорошимъ тономъ и признакомъ глубокой учености изображать свои мысли трудно понятными китайскими письменами. Ученость и образованность измѣряются здѣсь, какъ и вообще на Востокѣ, въ значительной степени количествомъ iероглифовъ, которое удалось осилить и запомнить изучающему. Лишь лица неученыя—женщины и школьники—въ самомъ началѣ ихъ учебныхъ занятiй пользуются онь-мунемъ.

Другой серьезный факторъ образованности—возможность широко распространять произведенiя человѣческаго ума и фантазiи путемъ

книгопечатанія—былъ извѣстенъ въ Кореѣ значительно ранѣе, чѣмъ въ Европѣ. Судя по даннымъ корейскихъ историковъ, можно думать, что книгопечатаніе, производившееся первоначально путемъ вырѣзанія текста всего сочиненія на отдѣльныхъ деревянныхъ доскахъ, которыя намазывались затѣмъ тушью и оттискивались на бумагѣ, стало извѣстно въ Кореѣ не позже IX столѣтія.

Въ этой же странѣ книгопечатаніе сдѣлало впервые тотъ крупный шагъ впередъ, который позволилъ у насъ типографскому искусству сыграть необыкновенно крупную, ни съ чѣмъ несоизмѣримую роль въ исторіи культуры. Именно корейскій король Тэ-Цзонъ предвосхитилъ изобрѣтеніе Гутенберга, такъ какъ еще въ 1403 г. имъ былъ изданъ приказъ объ отливкѣ изъ мѣди 100 тысячъ подвижныхъ литеръ, изображающихъ всѣ китайскія письмена, которыя встрѣчаются въ главнѣйшихъ конфуціанскихъ книгахъ. Въ теченіе XV и первой половины XVI столѣтія въ Кореѣ былъ напечатанъ цѣлый рядъ книгъ при помощи такихъ мѣдныхъ литеръ, по существу сходныхъ съ литерами, которыми печатались книги вскорѣ послѣ Гутенберга; свѣдѣнія о печатаніи книгъ имѣются и съ XVIII столѣтія. Въ настоящее время, однако, книгопечатаніе въ Кореѣ находится въ состояніи полнаго упадка и, главнымъ образомъ, поддерживается лишь печатаніемъ учебниковъ и книгъ, распространяемыхъ миссіонерами.

Корейская литература имѣла первоначально исключительно религіозный характеръ, и такъ какъ прежде всего появилось буддійское вѣроученіе, то и первыми корейскими книгами были буддійскія священныя книги, проникшія сюда изъ Китая. Точно также съ распространеніемъ конфуціанства проникли и были переизданы въ Кореѣ произведенія Конфуція и другихъ китайскихъ мудрецовъ. Конфуціанская литература развилась въ XV и XVI вѣкѣ благодаря книгопечатанію довольно сбширно, и, помимо переводныхъ сочиненій, появились многія оригинальныя, разрабатывающія различныя стороны конфуціанскаго вѣроученія. Наравнѣ съ ними появились около этого же времени и историческія произведенія, излагающія исторію Кореи съ древнѣйшихъ временъ, и даже поэтическія произведенія. Оригинальныхъ произведеній по другимъ областямъ человѣческаго знанія почти не появлялось въ Кореѣ; по медицинѣ, астрономіи, военному искусству и т. п. корейская литература содержитъ лишь переводы съ китайскихъ сочиненій.

Изящная словесность выражается въ Кореѣ, главнымъ образомъ, въ развитіи народныхъ пѣсенъ, легендъ, сказокъ и басенъ, сохраняющихся путемъ устной передачи; лишь небольшое количество произведеній этого рода было напечатано.

Главный расцвѣтъ литературной дѣятельности въ Кореѣ отно-

сится къ XV—XVIII вѣку—времени наибольшаго расцвѣта конфуціанства и въ то же время періоду наиболѣе тѣснаго сближенія съ Китаемъ. Позднѣе литературная дѣятельность сократилась и въ настоящее время проявляется въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ.

Разсадниками образованности въ Кореѣ являются школы, имѣющіяся въ каждомъ городѣ и во многихъ болѣе крупныхъ селеніяхъ. Все обученіе въ этихъ школахъ, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, сводится къ изученію грамоты, основъ конфуціанства и самыхъ элементарныхъ основъ математики. Дальнѣйшее образованіе кореецъ можетъ получить лишь въ сеульскихъ школахъ, которыхъ до недавняго времени было нѣсколько: имѣлась астрономическая школа для подготовки астрологовъ и колдуновъ, медицинская школа, въ которой изучали китайскіе способы врачеванія, школа рисованія, школа правовѣдѣнія, школа счетоводства и, наконецъ, даже школа часовщиковъ, гдѣ обучались надсмотрщики, завѣдывавшіе единственными въ тѣ времена въ Кореѣ водяными часами, находившимися въ Сеулѣ.

Въ настоящее время въ Сеулѣ открыто нѣсколько начальныхъ школъ новаго типа, гдѣ ученики обучаются чтенію и письму, ариѳметикѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ по географіи и исторіи. Кромѣ того, имѣются англійская, французская, русская и японская школы переводчиковъ, подготовляющія драгомановъ и переводчиковъ соотвѣтственныхъ языковъ. Въ русской школѣ, существующей съ 1896 г., преподавателемъ состоитъ русскій бывшій офицеръ Г. Бирюковъ, и обучалось за послѣдніе годы болѣе 80 учениковъ.

Имѣется также въ Сеулѣ военная школа, устроенная японцами для подготовки офицеровъ корейской арміи, и японская же медицинская школа, подготовляющая военныхъ фельдшеровъ. Обѣ эти школы, однако, существуютъ всего лишь нѣсколько лѣтъ, и результаты ихъ дѣятельности пока еще ничѣмъ не проявились.

Такимъ образомъ, общій низкій культурный уровень Кореи сказывается и въ дѣлѣ народнаго образованія—оно пока находится лишь въ зачаткѣ.

Образованность въ Кореѣ выражается возможностью читать конфуціанскія книги и нѣкоторыми познаніями въ ариѳметикѣ, въ исторіи и въ географіи страны. О самостоятельномъ развитіи науки въ Кореѣ до сихъ поръ не могло быть и рѣчи: страною усвоивалась лишь китайская образованность, и то въ мало совершенномъ видѣ.

Государственное устройство въ Кореѣ.

До японо-китайской войны Корея считалась вассаломъ Китая и управлялась королемъ, который хотя и не назначался китайскимъ богдыханомъ, но все же состоялъ отъ него въ нѣкоторой зависимости. Ежегодно корейскій король долженъ былъ отправлять въ Пекинъ посольство съ дарами, состоящими изъ различныхъ произведеній страны, и взамѣнъ ежегодно присылался китайскій посолъ, который привозилъ въ Сеулъ китайскій календарь на этотъ годъ. Каждый новый корейскій король утверждался въ своемъ санѣ китайскимъ императоромъ, а по смерти короля императоръ жаловалъ ему посмертный титулъ, подъ которымъ корейскіе короли обыкновенно и извѣстны въ исторіи. Во внутреннія дѣла Кореи китайское правительство совершенно не вмѣшивалось, и корейскій король являлся неограниченнымъ монархомъ, имѣвшимъ полное право распоряжаться жизнью и смертью своихъ подданныхъ и судьбами своей страны. Такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ Китая была совершенно номинальною.

Начиная съ занятія Кореи японцами въ 1894 г., наступилъ періодъ крупныхъ реформъ, сильно измѣнившихъ весь государственный строй страны. Въ 1897 г., послѣ окончательнаго признанія Кореи независимой, нынѣшній правитель ея, имѣвшій ранѣе титулъ короля, принялъ титулъ «ханъ-чже», т.-е. императора, и въ торжественной декларацiи отказался отъ всякой связи съ Китаемъ и подтвердилъ свою неограниченную власть надъ страною и ея населеніемъ.

Во главѣ всѣхъ административныхъ учрежденій въ Кореѣ былъ поставленъ государственный совѣтъ, состоящій изъ канцлера, всѣхъ министровъ, пяти государственныхъ совѣтниковъ и секретаря. Совѣтъ этотъ вѣдаетъ какъ изданіе новыхъ законовъ, такъ и рѣшаетъ наиболѣе важныя государственныя дѣла, относящіяся къ области внутренней и внѣшней политики.

Второй инстанціей были установлены въ Кореѣ послѣ реформы 8 министерствъ, именно: министерство двора, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военное, народнаго просвѣщенія, юстиціи и министерство земледѣлія, торговли и промышленности. Сфера дѣятельности этихъ министерствъ приблизительно такая же, какъ и у насъ въ соотвѣтственныхъ учрежденіяхъ. Каждое изъ нихъ дѣлится на рядъ департаментовъ и отдѣленій, завѣдующихъ тѣмъ или другимъ дѣломъ, и имѣетъ во главѣ отвѣтственнаго министра, назначаемаго императоромъ. Бумажное дѣлопроизводство этихъ министерствъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ и кормитъ обширный штатъ чиновниковъ, не устраняя, однако, крупныхъ неурядицъ во внутреннихъ дѣлахъ Кореи.

Внутреннее управленіе страною обставлено также сложною бюрократической системою. Вся страна раздѣлена въ административномъ отношеніи на 13 провинцій, называемыхъ по-корейски «до», а эти провинціи подраздѣляются на округа и уѣзды. Во главѣ каждой провинціи стоитъ губернаторъ, во главѣ округа (округовъ всего 10)—окружной начальникъ и во главѣ уѣзда—уѣздный начальникъ; окружные и уѣздные начальники подчинены губернатору. При каждомъ изъ этихъ чиновниковъ-администраторовъ находится значительный штатъ низшихъ служащихъ—писарей, полицейскихъ, курьеровъ и т. п. Какъ окружной, такъ и уѣздный начальникъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ цѣлый рядъ должностей: онъ является не только управителемъ своего района, но и главнымъ военнымъ начальникомъ, наблюдаетъ за правильнымъ взносомъ податей и налоговъ, завѣдуетъ составленіемъ податныхъ списковъ, наблюдаетъ за школами и нерѣдко даже самъ производитъ экзамены, наконецъ, представляетъ собою до нѣкоторой степени и главное духовное лицо, такъ какъ въ извѣстные дни долженъ приносить жертвы и произносить установленныя молитвы въ конфуціанскомъ храмѣ своего города. Судебныя дѣла также находятся въ вѣдѣніи того же самаго чиновника, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя наказываются каторжною работою или еще болѣе тяжелыми наказаніями.

Тѣ же самыя должности по своей провинціи несутъ и губернаторы, но они обязаны наблюдать за уѣздными и окружными начальниками и обладаютъ болѣе широкими полномочіями и болѣе широкою судебною властью. Сами губернаторы находятся въ подчиненіи министра внутреннихъ дѣлъ и сносятся непосредственно съ Сеуломъ.

Округа и уѣзды дѣлятся въ Кореѣ на волости, а послѣднія подраздѣляются на деревни, причемъ въ деревняхъ существуетъ мѣстное самоуправленіе, представляющее нѣкоторое сходство съ нашимъ устройствомъ. Въ каждой деревнѣ имѣются выборные староста, голова, писарь и посыльный. Всѣ эти должностныя лица избираются домохозяевами на одинъ годъ, причемъ староста несетъ приблизительно тѣ же обязанности, какъ и у насъ.

Для обсужденія и рѣшенія различныхъ деревенскихъ вопросовъ созываются мѣстныя собранія—деревенское, волостное или уѣздное. На этихъ собраніяхъ рѣшаются дѣла, касающіяся регистраціи хозяйствъ и земель, проведенія дорогъ, постройки мостовъ, устройства ирригаціи полей, распредѣленія обязательныхъ работъ и т. п. Въ деревенскомъ сходѣ принимаютъ участіе по 2 выборныхъ отъ каждой семьи и предсѣдательствуетъ староста. Въ волостномъ собраніи предсѣдательствуетъ волостной старшина и участвуютъ выборные отъ

каждой деревни и волости; въ уѣздныхъ собраніяхъ является предсѣдателемъ уѣздный начальникъ и участвуютъ волостные старшины и по два выборныхъ отъ каждой волости. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи вопросовъ, наиболѣе близкихъ къ самому населенію, оно принимаетъ непосредственное участіе, но окончательная санкція дается все же соотвѣтственнымъ чиновникомъ-администраторомъ той или другой инстанціи.

Судопроизводство въ Кореѣ очень несовершенно. За исключеніемъ верховнаго суда, находящагося въ Сеулѣ и рѣшающаго самыя важныя дѣла, все судопроизводство находится въ рукахъ губернаторовъ и окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, сами и рѣшаютъ дѣла и приводятъ свои постановленія въ исполненіе. Печатнаго свода законовъ, которыми судьи могли бы руководствоваться при отправленіи своихъ обязанностей, въ Кореѣ не имѣется, и судебный приговоръ постановляется, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла и по выслушаніи свидѣтелей и обвиняемаго, согласно съ обычаями страны. Въ случаѣ какихъ-нибудь неправильностей при судопроизводствѣ, обвиняемый можетъ апеллировать въ судъ высшей инстанціи—изъ уѣзднаго города въ областной или, наконецъ, въ верховный сеульскій судъ, но случается это рѣдко.

Благодаря тому, что судебныя должности не отдѣлены въ Кореѣ отъ административныхъ и судьями являются чиновники, не подготовленные и не знающіе законовъ, а главное алчные къ деньгамъ и недобросовѣстные,—подкупность и продажность въ корейскихъ судахъ дѣло самое обыкновенное. При финансовыхъ неустройствахъ страны чиновники бо̀льшею частью получаютъ свое жалованье очень нерегулярно, а иногда и вовсе не получаютъ его по годамъ и волей-неволей принуждены кормиться за счетъ мѣстнаго населенія. При этомъ удержаніе въ свою пользу части государственныхъ доходовъ и взяточничество при веденіи судебныхъ процессовъ являются для нихъ самыми доходными статьями и нерѣдко используются въ самой широкой степени, несмотря на то, что по корейскому закону взяточникъ присуждается къ смертной казни или къ ссылкѣ. При широкой власти, которой пользуются мѣстные управители, жалобы на ихъ дѣянія рѣдко достигаютъ Сеула, и центральное правительство узнаетъ объ ихъ образѣ дѣйствій развѣ лишь тогда, когда мѣстное населеніе, выведенное изъ терпѣнія незаконными поборами, открыто начнетъ проявлять свое неудовольствіе, и въ провинціи вспыхнетъ бунтъ.

Наказанія, къ которымъ приговариваютъ въ Кореѣ за различные проступки, въ прежнія времена были очень жестоки, причемъ помимо казни примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ также и пытки для того, чтобы добиться сознанія обвиняемаго. Пытаемому вывихивали и ло-

мали кости, перепиливали веревкою мышцы ногъ, вырывали кусками мясо, привязывали зажженные фитили къ ногамъ, подвѣшивали его за руки надъ огнемъ и т. п., приговореннаго же къ смерти казнили не только отрубаніемъ головы и повѣшеніемъ, но и сжиганіемъ заживо, ударами палокъ или даже закапываніемъ живымъ въ землю. Особенно сильно наказывались и наказываются и по настоящее время проступки дѣтей противъ родителей и рабовъ противъ ихъ господъ; сынъ, ударившій своего отца, или рабъ, сжегшій поминальныя таблички предковъ своего господина, наказывались смертью, если же сынъ убилъ своихъ родителей, то онъ сжигался живымъ.

Въ настоящее время, послѣ реформы, наказанія значительно смягчились, пытки были отмѣнены совершенно, и за тяжкія преступленія наказываютъ теперь смертною казнью, пожизненною ссылкою, или каторжными работами въ государственныхъ рудникахъ; за болѣе легкія преступленія полагаются тюрьма или тѣлесныя наказанія кнутомъ или бамбуковыми палками; обычнымъ орудіемъ наказанія является также употребляемая и въ Китаѣ «канга»—большая и тяжелая четыреугольная доска, состоящая изъ двухъ половинъ съ отверстіемъ посрединѣ, въ которое входитъ шея преступника. Обѣ половины приставляются къ шеѣ и замыкаются съ боковъ на ключъ, такъ что разнять ихъ невозможно. Съ кангой на шеѣ совсѣмъ нельзя лежать, и приходится испытывать страшныя мученія, такъ какъ тяжесть доски все время давитъ на плечи. Кромѣ того, преступникъ совершенно безпомощенъ и, безъ содѣйствія постороннихъ, можетъ умереть съ голода и жажды, такъ какъ ему не достать до рта руками.

Вся администрація Кореи состоитъ исключительно изъ гражданскихъ чиновъ, такъ какъ корейцы восприняли отъ своихъ учителей-китайцевъ отношеніе къ военнымъ силамъ, какъ лишь къ неизбѣжному злу. По представленію корейцевъ, гражданская служба является гораздо болѣе почетною, чѣмъ военная, и потому управлять страною должны гражданскіе чиновники, а военные должны быть лишь ихъ подчиненными помощниками. Корейское войско составлялось съ давнихъ поръ преимущественно изъ людей низшаго сословія—простолюдиновъ и рабовъ (рабство процвѣтало въ Кореѣ до реформы, хотя по численности рабы и не составляли значительнаго элемента народонаселенія), и офицера комплектовались изъ самыхъ захудалыхъ и разорившихся дворянскихъ семей («янъ-баней»). Войско и военные не пользовались особеннымъ почетомъ и не имѣли никакихъ особыхъ привилегій, и, хотя по закону всѣ корейскіе подданные до 60 лѣтъ могли призываться къ отбыванію воинской повинности, для чего они заносились даже въ особые списки, однако, огромное большинство уклонялось отъ воинской службы и откупалось отъ нея особымъ на-

логомъ, такъ что многочисленное войско, существовавшее въ Кореѣ на бумагѣ, сводилось въ дѣйствительности къ очень ограниченнымъ по численности и плохо организованнымъ военнымъ силамъ. Вооруженіе войскъ до реформы было совершенно первобытное: солдаты были вооружены копьями, мечами и луками съ отравленными стрѣлами. Огнестрѣльнымъ оружіемъ, фитильнымъ или кремневымъ были снабжены далеко не всѣ. Крѣпости защищались самыми первобытными пушками, желѣзными или мѣдными; укрѣпленныхъ пунктовъ было немного, и содержались они въ очень плохомъ состояніи.

Реформы, начавшіяся послѣ японо-китайской войны, коснулись и военнаго устройства. Для преобразованія арміи были приглашены инструкторы, сперва американскіе офицера, потомъ русскіе и, наконецъ, японцы. Армія была раздѣлена на нѣсколько полковъ, организованныхъ по европейскому образцу; было учреждено 12 военныхъ чиновъ, солдатамъ и офицерамъ было назначено жалованье; наконецъ, была измѣнена и обмундировка солдатъ по японскому образцу, и были пріобрѣтены ружья различныхъ системъ. Тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени корейская армія, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ у государства, не превышаетъ 5000 человѣкъ и далеко не можетъ похвастаться дисциплинированностью и благоустройствомъ. Что же касается флота, то въ настоящее время его нѣтъ совершенно, хотя въ XVII столѣтіи, какъ мы говорили уже въ историческомъ очеркѣ, Корея не только располагала относительно большимъ боевымъ флотомъ, но и одерживала даже при его помощи блистательныя побѣды надъ Японіей.

Неорганизованность арміи и флота зависитъ, съ одной стороны, отъ современныхъ финансовыхъ неустройствъ и низкаго уровня культуры Кореи, съ другой—также и отъ историческихъ причинъ. Разоренная многочисленными прежними нашествіями враговъ, Корея въ теченіе 2—3 послѣднихъ столѣтій не вела никакихъ войнъ и жила совершенно изолированною жизнью. Это обстоятельство вызвало упадокъ военнаго искусства и полный застой въ немъ, что, въ свою очередь, привело корейское государство къ его современной беззащитности и безсилію.

Корея и сосѣднія государства.

Царствованіе нынѣшняго правителя Кореи было богато внутренними и внѣшними событіями, а судьба его самого обильнѣе различными трагическими перипетіями, чѣмъ жизнь любого изъ современныхъ монарховъ. Смутное время въ Кореѣ началось со смертью въ 1863 г. короля Чіоль-Цзона, который не оставилъ послѣ себя

прямыхъ наслѣдниковъ и не назначилъ себѣ преемника, вслѣдствіе чего при дворѣ начались интриги и борьба изъ-за престола между различными родственниками короля. Послѣ продолжительныхъ неурядицъ одержала верхъ королева Цзо, усыновившая принца Икъ-Сіона, сына одного изъ дальнихъ родственниковъ покойнаго короля И-Хаына. Принцу Икъ-Сіону—нынѣ царствующему императору Кореи—было въ то время всего лишь 12 лѣтъ, и потому въ дѣйствительности первые годы правила страною номинально королева Цзо, а фактически И-Хаынъ, извѣстный болѣе въ исторіи подъ титуломъ Тэ-Уонь-Гуня, предоставляемомъ въ Кореѣ отцу короля. Тэ-Уонь-Гунь, человѣкъ чрезвычайно ловкій и способный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, властолюбивый и неразборчивый въ средствахъ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, которыя пришлось пережить странѣ за послѣднія десятилѣтія.

Первыя десятилѣтія царствованія Икъ-Сіона прошли, однако, сравнительно спокойно, хотя и тогда уже происходили нѣкоторыя внутреннія неурядицы, такъ какъ Тэ-Уонь-Гунь велъ энергичную борьбу съ представителями могущественной корейской аристократіи—янъ-банями. Затѣмъ ненависть Тэ-Уонь-Гуня къ иностранцамъ и опасенія, что проникшее въ Корею христіанство поведетъ къ сближенію съ «западными варварами», какъ называли европейцевъ китайцы и корейцы, побудили Тэ-Уонь-Гуня начать жестокія гоненія на христіанъ, а это повлекло за собою первыя крупныя столкновенія съ европейцами—экспедицію французскаго адмирала Розъ и американскую экспедицію адмирала Роджерса, о которыхъ мы говорили выше. Позднѣйшее столкновеніе съ японцами едва не вовлекло Корею въ войну съ Японіей и закончилось открытіемъ корейскихъ портовъ сперва для японской, а затѣмъ и для европейской торговли.

Нарушеніе полной изолированности и сближеніе Кореи съ Японіей и съ европейцами обусловило возникновеніе въ странѣ партіи, стремившейся къ реформамъ и нововведеніямъ, желавшей преобразовать Корею по образцу только-что преобразовавшейся Японіи. Противовѣсомъ этой партіи была консервативная партія съ Тэ-Уонь-Гунемъ во главѣ; послѣдній всталъ въ то же время во враждебныя отношенія къ своему сыну-королю, который, достигнувъ совершеннолѣтія, устранилъ его отъ управлении государственными дѣлами. Главное вліяніе на короля и на управленіе страною получила энергичная и властолюбивая супруга короля, королева Минь.

Мало-по-малу борьба партій въ Кореѣ обострялась и проявилась въ цѣломъ рядѣ дворцовыхъ революцій и мятежей. Такъ, въ 1882 г., консервативная партія воспользовалась засухой, грозившей странѣ голодомъ, и возбудила народное возстаніе въ Сеулѣ, сдѣ-

лавъ попытку схватить короля, когда онъ совершалъ торжественное моленіе о ниспосланіи дождя. Въ то же время сторонники Тэ-Уонь-Гуня распространили слухъ, что японцы, которыхъ тогда было уже не мало въ столицѣ Кореи, напали на дворецъ и взяли въ плѣнъ короля и королеву. Это вызвало разгромъ японскаго квартала, при которомъ погибло нѣкоторое количество японцевъ, тогда какъ остальные успѣли спастись, пробившись съ оружіемъ въ рукахъ къ морю.

Какъ бы то ни было, Тэ-Уонь-Гуню удалось захватить на нѣкоторое время власть въ свои руки и воспользоваться ею въ смыслѣ наказанія своихъ враговъ: многіе изъ приверженцевъ королевы и членовъ семьи Минь были казнены, и сама королева и наслѣдникъ престола спаслись лишь бѣгствомъ и принуждены были долгое время скрываться вдали отъ Сеула. Разгромъ японцевъ, однако, опять едва не вызвалъ войны съ Японіей и, во всякомъ случаѣ, стоилъ Кореѣ дорого, такъ какъ правительству пришлось уплатить всѣ убытки и, кромѣ того, разрѣшить японцамъ содержать въ Сеулѣ войско.

Между тѣмъ Китай давно уже опасался, какъ бы его до того времени вѣрный вассалъ не сдѣлался жертвою завоевательныхъ стремленій Японіи, и съ тревогою слѣдилъ за усиленіемъ въ Кореѣ японскаго вліянія. Внутреннія неурядицы позволили Китаю вмѣшаться, и, благодаря присылкѣ въ Корею китайскаго войска и насильственному увозу Тэ-Уонь-Гуня, котораго китайцамъ удалось хитростью заманить на китайское военное судно, на нѣкоторое время въ Кореѣ снова былъ водворенъ порядокъ, и преобладающее вліяніе на короля опять получили королева Минь и члены ея семьи, сдѣлавшіеся преданными сторонниками китайскаго вліянія въ странѣ. Партія реформъ, съ другой стороны, стремилась къ усиленію вліянія Японіи на внутреннія дѣла Кореи, и, такимъ образомъ, борьба между этими двумя партіями стала сводиться все болѣе и болѣе явственно къ борьбѣ между приверженцами Китая и сторонниками Японіи.

Черезъ два года, въ 1884 г., борьба между этими партіями снова обострилась и привела къ кровавой катастрофѣ. Воспользовавшись безпорядками, возникшими въ городѣ, сторонники японской партіи, при содѣйствіи японскаго войска, вошли во дворецъ и захватили короля подъ предлогомъ, что хотятъ защитить его отъ мятежниковъ; затѣмъ, завладѣвъ государственною печатью, послали приказы наиболѣе выдающимся представителямъ противной партіи немедленно явиться во дворецъ, и, по мѣрѣ того какъ тѣ приходили, тутъ же умерщвляли ихъ. Торжество ихъ продолжалось, однако, не долго. Находившійся тогда въ Сеулѣ начальникъ китайскихъ войскъ генералъ Ю-Ань, узнавъ о происшедшемъ, ворвался со своими и съ корейскими войсками во дворецъ, гдѣ завязалась жаркая схватка между ними

и японцами. Значительный численный перевѣсъ оказался на сторонѣ китайцевъ, и японцамъ, вмѣстѣ съ корейскими приверженцами реформъ, едва удалось спастись въ японское посольство. Эти событія вызвали снова мятежъ и рѣзню въ городѣ, причемъ погибло много японцевъ. Было сожжено японское посольство, и японскій отрядъ былъ принужденъ выступить въ Чемульпо подъ прикрытіе своихъ военныхъ судовъ. Власть снова возвратилась въ руки короля и сторонниковъ консервативной партіи, тогда какъ приверженцы противной партіи частью бѣжали, частью были казнены.

Это вторичное нападеніе на японцевъ вызвало со стороны японскаго правительства снаряженіе посольства въ Китай, на которое была возложена задача придти къ соглашенію съ китайскимъ правительствомъ относительно будущей политики въ Кореѣ. Посольству этому, дѣйствительно, удалось заключить въ 1885 г. въ Тянь-Цзинѣ договоръ, по которому оба государства условливались не посылать въ Корею своихъ войскъ и военныхъ инструкторовъ и извѣщать другъ друга въ томъ случаѣ, если посылка войскъ явится неизбѣжною, вслѣдствіе возникновенія въ Кореѣ безпорядковъ. Этотъ договоръ, явившійся первымъ дипломатическимъ успѣхомъ Японіи по отношенію къ Кореѣ, далъ возможность японцамъ безпрепятственно усиливать постепенно свое экономическое вліяніе на Корейскомъ полуостровѣ безъ опасенія встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны китайцевъ. Японія отнюдь не отказалась отъ своей завѣтной мечты—уничтожить всякое вліяніе Китая на Корею, и если не захватить окончательно послѣднюю, то, по крайней мѣрѣ, получить преобладающее вліяніе на ея дѣла. Эта задача была лишь отсрочена, и прежде всего Японія поставила цѣлью захватить въ свои руки внѣшнюю торговлю и всѣ внѣшнія сношенія Кореи; какъ мы говорили уже выше, это и удалось блестяще выполнить японцамъ въ теченіе 9-ти лѣтъ относительнаго спокойствія вслѣдъ за Тянь-Цзиньскимъ договоромъ. Такой экономическій захватъ страны долженъ былъ подготовить почву для ея болѣе полнаго порабощенія.

Что касается внутреннихъ дѣлъ Кореи, то они претерпѣли за это время мало измѣненій. Внутренняя глухая борьба партій продолжалась, хотя и съ менѣе рѣзкими проявленіями, тѣмъ болѣе, что виновникъ многихъ золъ, обрушившихся на Корею, Тэ-Уонь-Гунь, былъ возвращенъ китайцами въ Сеулъ и снова сталъ во главѣ партіи приверженцевъ Японіи. Отношенія Кореи къ Китаю оставались прежними, номинально вассальными, и попрежнему ежегодно отправлялось въ Пекинъ посольство съ незначительною данью, и въ отвѣтъ прибывало въ Сеулъ китайское посольство, которое король долженъ былъ встрѣчать передъ воротами города.

Непорядки внутренняго управленія страною, хищничество чиновниковъ, выжимавшихъ соки изъ населенія за этотъ мирный періодъ, не были устранены и вызвали, въ концѣ концовъ, на юго-западѣ Кореи мятежъ, получившій названіе возстанія «тонъ-хаковъ». Подъ этимъ именемъ извѣстна въ Кореѣ особая секта, носившая первоначально исключительно религіозный характеръ и соединявшая въ себѣ элементы, заимствованные отъ конфуціанства, буддизма и христіанства; позднѣе она получила политическую окраску, именно объединила подъ своимъ знаменемъ всѣхъ, недовольныхъ правительствомъ и протестующихъ противъ современнаго положенія вещей. Возстаніе тонъ-хаковъ въ 1894 г. приняло угрожающіе размѣры, и корейское войско, высланное противъ мятежниковъ, было разбито, такъ что правительству пришлось обратиться за помощью къ Китаю, который немедленно выслалъ двухтысячный отрядъ, оттѣснившій тонъ-хаковъ на югъ.

Этими событіями не могла не воспользоваться Японія, признавшая моментъ подходящимъ для того, чтобы попытаться осуществить свои замыслы по отношенію къ Кореѣ. Тотчасъ же былъ посланъ значительный японскій отрядъ, который занялъ позиціи, господствующія надъ дорогами въ Сеулъ и Чемульпо, и были отправлены войска также на югъ Кореи. Въ отвѣтъ на протестъ китайскаго правительства Японія поставила въ видѣ ультиматума рядъ такихъ условій, на которыя ни Китай, ни Корея не нашли возможнымъ согласиться, такъ что война сдѣлалась неизбѣжною.

Однако, еще до фактическаго начала войны съ Китаемъ японцы обезпечили себѣ полную свободу дѣйствій въ Кореѣ, ворвавшись въ королевскій дворецъ и захвативъ въ свои руки короля и всю его семью. Немедленно было образовано новое правительство съ Тэ-Уонь-Гунемъ и приверженцами Японіи во главѣ, и, такимъ образомъ, несмотря на полное несочувствіе народа, Японія получила возможность распоряжаться въ странѣ по своему усмотрѣнію. Подъ давленіемъ Японіи, Корея подписала съ нею договоръ, по которому японцамъ поручалось изгнать изъ страны китайскія войска. Кромѣ того, былъ уничтоженъ торговый договоръ съ Китаемъ, и китайскимъ подданнымъ дозволено было жить въ Кореѣ лишь въ портовыхъ городахъ.

20 іюля 1894 г. послѣдовало формальное объявленіе войны Китаю, и въ первыхъ же стычкахъ китайскія войска, еще въ предѣлахъ Кореи, были разбиты японцами на-голову и бѣжали. Столь же счастлива для японцевъ была и остальная часть кампаніи, кончившаяся уничтоженіемъ китайскаго флота, полнымъ разгромомъ китайскихъ войскъ въ Маньчжуріи и легко доставшимся взятіемъ Портъ-Артура.

По заключенному 5 апрѣля 1895 г. въ Симоносеки мирному договору съ Китаемъ Японія должна была получить въ вѣчное владѣніе весь Ляодунскій полуостровъ съ прилежащими къ нему островами и прибрежную полосу Маньчжуріи отъ устья рѣки Ялу до рѣки Ляо-хэ. Такимъ образомъ, Корея оказалась бы охваченной съ двухъ сторонъ Японіей и естественнымъ порядкомъ вещей должна была бы рано или поздно окончательно подпасть ея вліянію. Такая перспектива показалась, однако, опасной для сохраненія равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ европейскимъ державамъ, и, въ силу этого, Россія, Франція и Германія ультиматумомъ, поставленнымъ Японіи, потребовали полнаго отказа ея отъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ, взамѣнъ котораго Японія получила Формозу и добавочное денежное вознагражденіе. Осенью того же года Ляодунскій полуостровъ былъ оставленъ японцами, а весною 1898 г. онъ былъ занятъ русскими войсками, такъ какъ Россія получила его отъ китайскаго правительства въ арендное пользованіе на 25-лѣтній срокъ.

Опасность полнаго поглощенія Японіей, угрожавшая Кореѣ, миновала, но происшедшія событія, тѣмъ не менѣе, очень сильно отразились на внутренней государственной жизни страны и на упроченіи въ ней японскаго вліянія. Подъ давленіемъ Японіи въ Кореѣ былъ проведенъ цѣлый рядъ важныхъ внутреннихъ реформъ, для чего былъ учрежденъ особый законодательный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра. Изъ мѣропріятій этого совѣта особенно важными являются, полное уравненіе янъ-баней съ простымъ народомъ предъ лицомъ закона, упраздненіе рабства, уничтоженіе экзаменовъ для полученія чиновъ и многочисленныя преобразованія, долженствовавшія улучшить отношенія чиновниковъ къ народонаселенію. Большинство этихъ мѣропріятій, впрочемъ, не было проведено въ жизнь, тѣмъ болѣе, что встрѣчало постоянно полное противодѣйствіе со стороны всего корейскаго населенія, настроеннаго вообще консервативно и съ ненавистью взиравшаго на упроченіе въ странѣ японцевъ.

По Симоносекскому договору Корея была объявлена независимымъ государствомъ, и король далъ торжественную клятву въ храмѣ своихъ предковъ сохранять полную независимость страны и заботиться о введеніи реформъ для улучшенія ея внутренняго быта. Борьба партій въ странѣ, однако, не прекращалась. Тэ-Уонь-Гунь во главѣ партіи, желавшей реформъ, держалъ сторону японцевъ и интриговалъ противъ королевы Минь, которая стояла во главѣ консервативной партіи, боровшейся противъ японскаго вліянія. Постоянно смѣнявшіеся министры и другіе высшіе сановники также вели нескончаемыя интриги одинъ противъ другого, между тѣмъ какъ финансы

страны и ея внутреннія дѣла приходили все въ бо́льшій и бо́льшій упадокъ. Наравнѣ съ крупными реформами, знаменовавшими, дѣйствительно, нѣкоторый прогрессъ въ управленіи страною, японцы настаивали также и на проведеніи многихъ мелкихъ нововведеній, нарушавшихъ вѣковые обычаи и привычки корейскаго народа; такъ, былъ изданъ указъ о замѣнѣ платья съ широкими рукавами болѣе удобнымъ для работы костюмомъ, было запрещено носить корейскую прическу и т. д.,—все это, разумѣется, еще болѣе раздражало простой народъ и возстановляло его противъ корейскихъ реформаторовъ и ихъ вдохновителей-японцевъ.

Въ борьбѣ придворныхъ партій одерживала верхъ то одна партія, то другая, и японцы не могли не замѣтить, что главою и душою консервативной партіи являлась королева, имѣвшая сильное вліяніе на своего супруга. Вновь назначенный японскій посланникъ, генералъ Міура, познакомившись съ положеніемъ вещей, рѣшилъ нанести окончательный ударъ враждебной японцамъ партіи устраненіемъ королевы. Заручившись для этого содѣйствіемъ Тэ-Уонь-Гуня и его сторонниковъ, японцы подготовили снова нападеніе на дворецъ. Ночью 8 октября 1895 г. отрядъ японскихъ солдатъ и корейцевъ проникъ во дворецъ и захватилъ сперва короля и наслѣдника престола, а затѣмъ звѣрски умертвилъ разбуженную отъ сна и тщетно пытавшуюся спастись бѣгствомъ 45-лѣтнюю королеву. Король, попавшій въ руки враговъ, принужденъ былъ исполнять все, что ему диктовали, и даже скрѣпилъ своею печатью указъ о низложеніи уже покойной королевы въ разрядъ низшихъ наложницъ. Было образовано снова правленіе изъ министровъ, принадлежавшихъ къ партіи реформъ, и неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на населеніе Кореи убійствомъ любимой многими королевы, японцы пытались всячески загладить.

Дѣйствія новаго правительства и всѣ неурядицы послѣдняго времени вызвали, однако, сильное броженіе въ народѣ, и можно было ожидать, что повторится опять массовое возстаніе корейскаго народонаселенія противъ ненавистныхъ имъ японцевъ. Въ то же время правитель страны находился въ безвыходномъ положеніи, окруженный въ своемъ дворцѣ врагами и ежеминутно ожидающій новыхъ покушеній на его жизнь. Все это побудило короля искать спасенія подъ защитою иностранной державы, именно въ русскомъ посольствѣ, куда ему удалось тайно бѣжать 11-го февраля 1896 года. Въ стѣнахъ посольства преслѣдуемый злымъ рокомъ монархъ несчастной страны нашелъ не только защиту отъ своихъ враговъ, но и самую дружелюбную и радушную встрѣчу со стороны тогдашняго русскаго посланника въ Кореѣ Вебера.

Россія начала тщательно слѣдить за событіями, происходящими

въ Кореѣ, еще съ середины 1880-ыхъ годовъ, а послѣ возникновенія осложненій между Японіей и Китаемъ вниманіе было, само собою разумѣется, удвоено. Опасность упроченія въ Кореѣ японскаго вліянія и невозможность допустить окончательный переходъ этой страны подъ власть Японіи были сознаны еще тогда же, но препятствовать какимъ-либо образомъ утвержденію Японіи въ Кореѣ, при слабомъ развитіи нашей торговли и при полномъ отсутствіи русскихъ людей въ этой странѣ, не было возможности. Бѣгство короля въ русское посольство и пребываніе въ послѣднемъ въ теченіе цѣлаго года дало прекрасный случай Россіи получить преобладающее вліяніе на внутреннія дѣла Кореи, но, къ сожалѣнію, случай этотъ не былъ въ достаточной степени использованъ. Правда, по ходатайству короля, были въ 1897 г. отправлены въ Корею въ качествѣ инструкторовъ корейскаго войска 3 русскихъ офицера и 10 унтеръ-офицеровъ, и въ качествѣ совѣтника по финансовымъ дѣламъ былъ командированъ въ Сеулъ чиновникъ министерства финансовъ г. Алексѣевъ; однако, пребываніе ихъ въ странѣ было очень непродолжительнымъ, и уже черезъ годъ они были отозваны и замѣнены японскими иструкторами и англійскимъ совѣтникомъ.

Точно также очень недолго просуществовало въ Сеулѣ отдѣленіе нашего Китайскаго банка, которое было упразднено, едва успѣвъ начать операціи. Съ того времени вся дѣятельность русской дипломатіи въ Кореѣ заключалась лишь въ стремленіи парализовать усиливающееся вліяніе японцевъ, и единственными пріобрѣтеніями ея были уступка Россіи въ арендное пользованіе небольшого земельнаго участка въ договорномъ международномъ портѣ Масаньпо и нѣкоторыя концессіи, полученныя русскими предпринимателями, напримѣръ, концессія лѣсного дѣла на р. Ялу и концессія китобойнаго промысла на восточныхъ берегахъ Кореи графа Кейзерлинга.

За время пребыванія въ русскомъ посольствѣ корейскому королю удалось освободиться совершенно отъ вліянія японской политики и возстановить свою почти утраченную власть. Имъ была образована комиссія изъ корейскихъ сановниковъ и нѣсколькихъ европейцевъ для пересмотра всѣхъ изданныхъ за послѣдніе годы законовъ и распоряженій правительства, былъ упраздненъ комитетъ министровъ, и возстановленъ существовавшій въ Кореѣ со временъ древности государственный совѣтъ.

Прогрессивное движеніе въ странѣ, однако, не затихло и выразилось возникновеніемъ въ Сеулѣ особаго политическаго общества, получившаго наименованіе «Клуба Независимости». Это общество сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ среди корейскаго населенія, и въ составѣ его числилось немало выдающихся сановниковъ, тѣмъ

болѣе, что первое время оно не имѣло противоправительственнаго характера и даже пользовалось покровительствомъ короля. Однако, позднѣе Клубъ Независимости пріобрѣлъ настолько сильное вліяніе въ странѣ, что сдѣлался опаснымъ для правительства, и дѣятельность его приняла другой характеръ и неоднократно шла въ разрѣзъ съ желаніями правительства, вслѣдствіе чего, въ концѣ концовъ, клубъ былъ закрытъ.

Въ началѣ 1897 года былъ законченъ новый дворецъ для корейскаго короля, такъ какъ онъ не хотѣлъ оставаться въ старомъ, связанномъ для него со слишкомъ многими тяжелыми воспоминаніями. Почувствовавъ себя въ безопасности, король покинулъ русское посольство и водворился въ своемъ новомъ жилищѣ, расположенномъ неподалеку отъ зданій посольствъ европейскихъ державъ, вблизи которыхъ онъ чувствовалъ себя все же, повидимому, болѣе спокойно. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ титулъ императора, и Корея была торжественно объявлена независимой имперіей, а позднѣе ея независимость была подтверждена дипломатическимъ соглашеніемъ между Японіей и Россіей, въ одномъ изъ пунктовъ котораго оговаривалось невмѣшательство Россіи въ дальнѣйшее развитіе экономическаго вліянія Японіи на Корею. Этотъ договоръ далъ новый толчокъ къ тому постепенно разраставшемуся экономическому захвату Кореи Японіей, о которомъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Не встрѣчая препятствій со стороны наиболѣе опаснаго своего соперника — Россіи, Японія постепенно расширяла свою коммерческую дѣятельность, заботилась о развитіи путей сообщенія въ Кореѣ и удержаніи ихъ въ своихъ рукахъ, увеличивала путемъ соглашеній съ корейскимъ правительствомъ количество договорныхъ портовыхъ городовъ и въ то же время всячески старалась пріобрѣсть вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику страны.

Несмотря на то, что въ корейскомъ народѣ не уменьшалось враждебное отношеніе къ японцамъ, обусловленное ихъ безцеремоннымъ образомъ дѣйствій, корейское правительство, раздираемое внутренними неурядицами и не обладающее ни войскомъ, ни финансовыми средствами, не имѣло силъ противодѣйствовать сплоченной и прекрасно организованной японской пропагандѣ. Шагъ за шагомъ оно было принуждено уступать японцамъ и подпадало все болѣе и болѣе ихъ вліянію.

Японія понимала, однако, очень хорошо, что окончательное упроченіе ея власти въ Кореѣ сдѣлается возможнымъ лишь съ полною утратою самостоятельности Корейской имперіи и съ устраненіемъ изъ Кореи и изъ сосѣдней Маньчжуріи русскаго вліянія. Японцамъ постоянно приходилось встрѣчаться съ энергичнымъ сопротивленіемъ

русской дипломатіи при всѣхъ ихъ попыткахъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Между тѣмъ, для Японіи Корея являлась единственною областью, удобною для колонизаціи, а развить колонизаціонное движеніе являлось совершенно необходимымъ при томъ избыткѣ населенія, который давно уже давалъ себя чувствовать на японскихъ островахъ. Корея представляла собою также и наиболѣе удобный рынокъ для сбыта различныхъ японскихъ дешевыхъ, но плохихъ произведеній промышленности. Наконецъ, она въ представленіи японскихъ политиковъ рисовалась мостомъ, чрезъ который могущество и власть возрожденной къ новой жизни Японской имперіи должны были распространиться и на сосѣдній материкъ, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые обладали наиболѣе богатою фантазіею, рисовался уже въ недалекомъ будущемъ и захватъ Китая, и объединеніе всей монгольской расы подъ властью великой имперіи Восходящаго Солнца. Эти мечты и надежды руководителей японской политики, въ связи съ чувствомъ обиды и желаніемъ мщенія за неудачу, которую понесла Японія, главнымъ образомъ, благодаря Россіи послѣ своей первой крупной побѣды надъ Китаемъ, были основною причиною тѣхъ неустанныхъ приготовленій Японіи къ войнѣ съ нашимъ отечествомъ, которыя предшествовали современнымъ событіямъ.

Что же представляетъ собою Корея для Россіи, и какое она имѣетъ для нея значеніе?

Поступательное движеніе Россіи на востокъ и расширеніе ея владѣній въ этомъ направленіи началось еще съ первыхъ завоеваній Сибири Ермакомъ и его послѣдователями и, казалось, завершилось и достигло своего естественнаго предѣла, когда граница нашего отечества охватила восточную окраину—во второй половинѣ прошлаго столѣтія Россія получила въ свое полное владѣніе низовья Амура, островъ Сахалинъ и богатый Уссурійскій край. Здѣсь Россія, можно было думать, нашла выходъ въ океанъ, начало свободнаго морского пути, котораго давно уже искала и на востокѣ, и на западѣ; обладая Владивостокомъ и Николаевскомъ-на-Амурѣ, она владѣла ч моремъ и безпрепятственно могла развивать на Востокѣ свою торговлю.

Въ дѣйствительности, однако, оказалось, что добытые Россіей цѣною немалыхъ усилій опорные пункты являются все же недостаточными для намѣченной цѣли. Не говоря уже про то, что оба упомянутые порта замкнуты въ теченіе значительной части года льдами, стоитъ лишь бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что и въ лѣтнее время изъ нихъ нѣтъ свободнаго выхода въ море: Охотское море неблагопріятно для плаванія вслѣдствіе долго сохраняющихся здѣсь льдовъ и страшныхъ тумановъ, царящихъ лѣтомъ; кромѣ того, оно сообщается съ океаномъ узкими и опасными Куриль-

скими проливами; Японское же море замкнуто со всѣхъ сторонъ японскою территоріею и связано съ открытымъ океаномъ также лишь узкими Лаперузовымъ, Сангарскимъ и Симоносекскимъ проливами, находящимися во владѣніи Японіи. Единственнымъ сколько-нибудь удобнымъ и широкимъ выходомъ въ океанъ является Корейскій проливъ—между полуостровомъ Кореи и самымъ южнымъ изъ большихъ японскихъ острововъ, о-вомъ Кіу-Сіу,—и онъ отчасти суживается хорошо укрѣпленнымъ японскимъ островомъ Цусима (Тсусима).

Вопросъ о выходѣ въ открытое море сдѣлался особенно острымъ съ того времени, какъ было рѣшено соединить восточную окраину желѣзнодорожнымъ путемъ съ центральною частью Имперіи. Для Великаго Сибирскаго пути необходимъ былъ конечный пунктъ, который бы обладалъ незамерзающею гаванью и давалъ бы свободный доступъ къ открытому океану. Такимъ пунктомъ, обладающимъ также и многими другими стратегическими и экономическими преимуществами, былъ избранъ Портъ-Артуръ, явившійся вторымъ нашимъ оплотомъ на восточной окраинѣ и замѣнившій собою Николаевскъ, который расположенъ крайне неблагопріятно и потому давно уже утратилъ все прежнее значеніе.

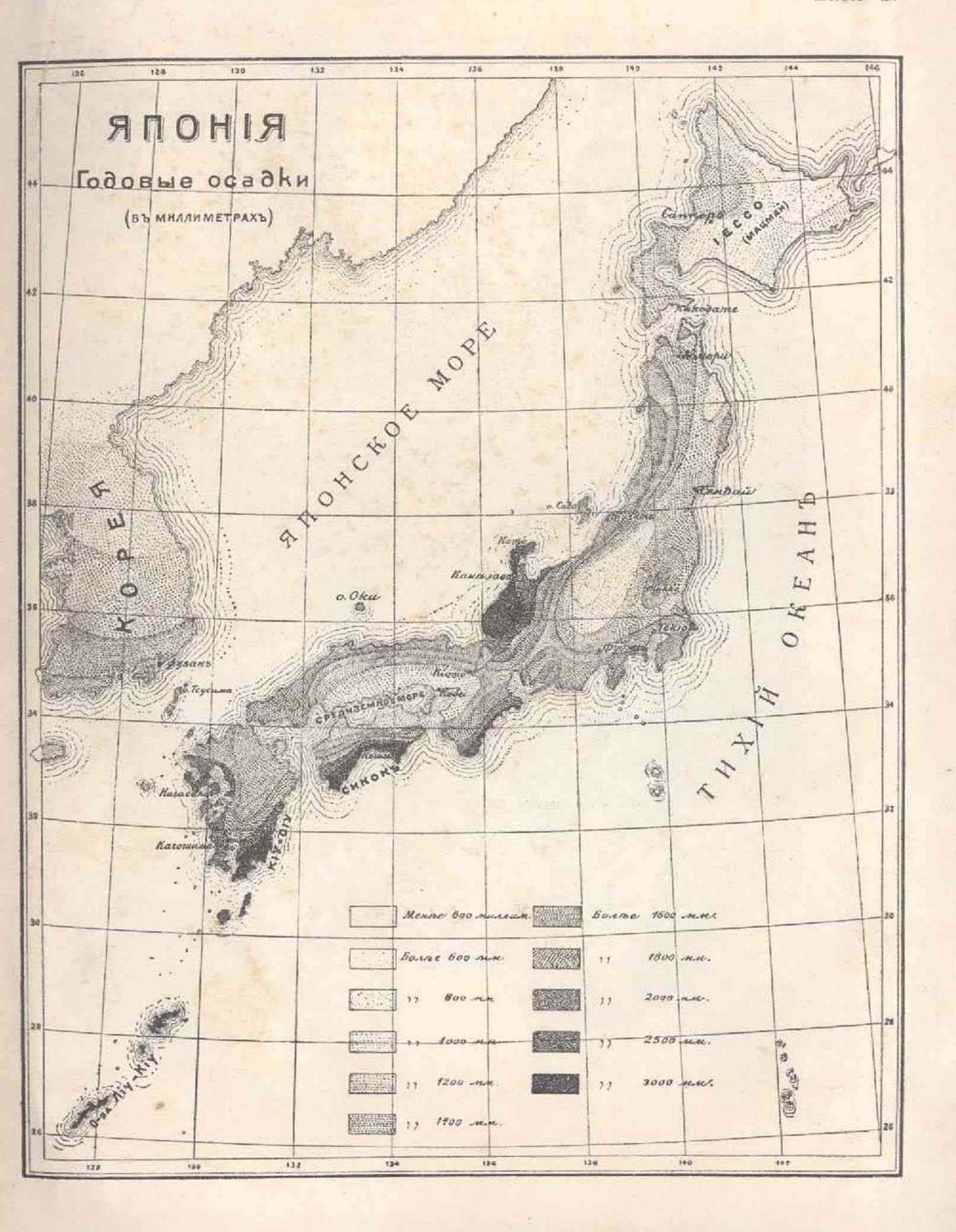
Опираясь на Владивостокъ и Портъ-Артуръ, Россія могла считать свое господство на морѣ обезпеченнымъ, пока Корея являлась самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ Японіи. Стоило, однако, Кореѣ сдѣлаться подвластною Японіи—и Россія утратила бы свою господствующую роль на морѣ, такъ какъ морское сообщеніе между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ было бы отрѣзано, и Корейскій проливъ превратился бы для насъ въ новыя Дарданеллы.

Такимъ образомъ, намъ настолько же важно было, чтобы Корея сохранила свою независимость и служила бы «государствомъ-буферомъ» на востокѣ, насколько для Японіи было желательнымъ сдѣлать эту страну первымъ звеномъ своихъ дальнѣйшихъ завоеваній на материкѣ. Эта коллизія интересовъ обоихъ государствъ была основною причиною того кроваваго столкновенія, которое мы въ настоящее время переживаемъ...

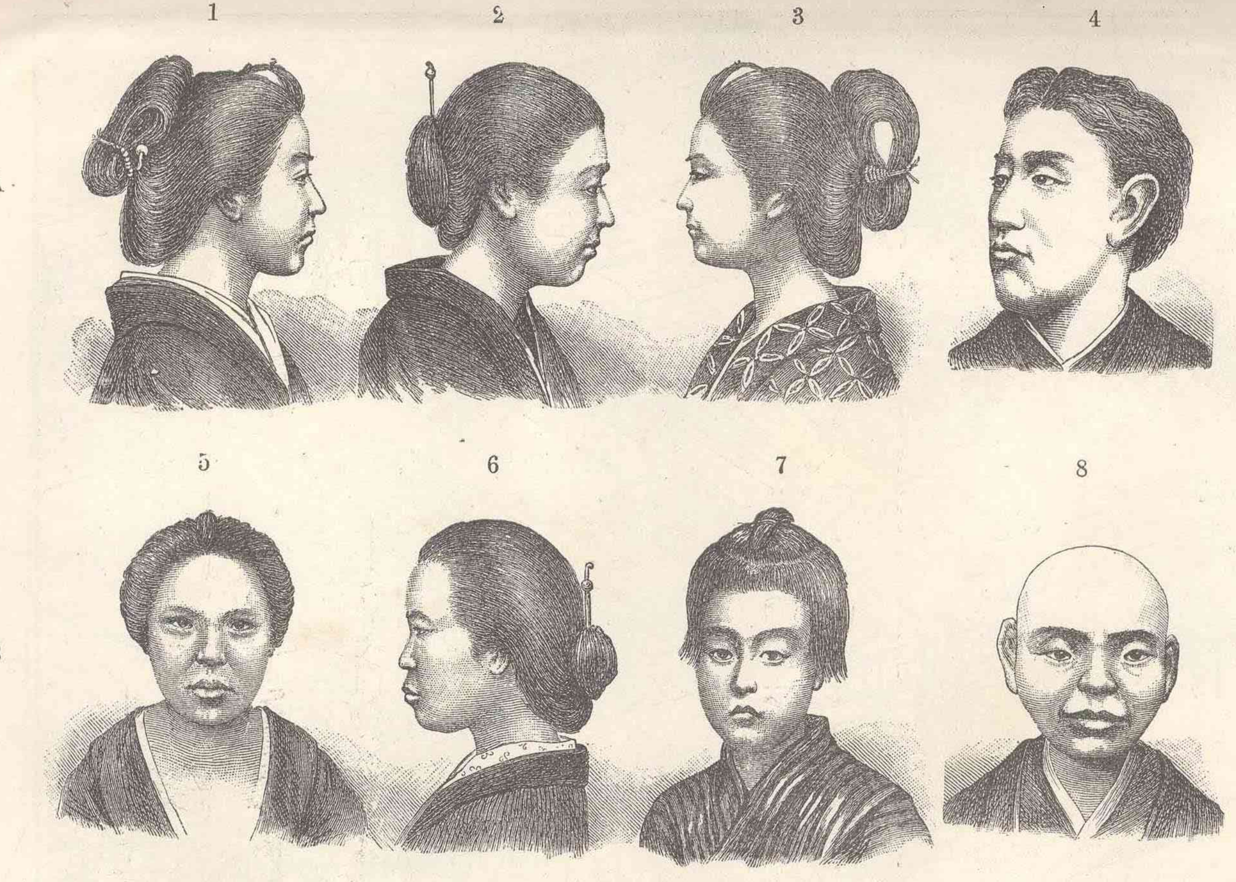
Роль Кореи въ настоящемъ столкновеніи между Россіей и Японіей могла быть, само собою разумѣется, лишь пассивною. Не обладая ни флотомъ, ни сухопутными силами, ни финансовыми средствами, Корея не могла охранить свою неприкосновенность, и территорія ея безъ единаго выстрѣла была наводнена японскими войсками. Снова былъ занятъ Сеулъ японцами, и повелитель Кореи попалъ въ руки своихъ недавнихъ враговъ, теперешнихъ «друзей» и «союзниковъ».

Въ недалекомъ будущемъ Кореѣ предстоитъ опять, какъ и въ

минувшіе вѣка, сдѣлаться ареною борьбы между Востокомъ и Западомъ и—на этотъ разъ — между арійской и монгольской расами, между европейской и азіатской цивилизаціями! Снова отзывается на судьбѣ Кореи фатальное географическое положеніе страны, по которому она является мостомъ, перекинутымъ съ азіатскаго континента на японскіе острова! Надъ несчастною «Страною Утренняго Спокойствія» какъ бы свершается злой рокъ, преслѣдовавшій ее въ теченіе всей предшествовавшей исторической жизни!...

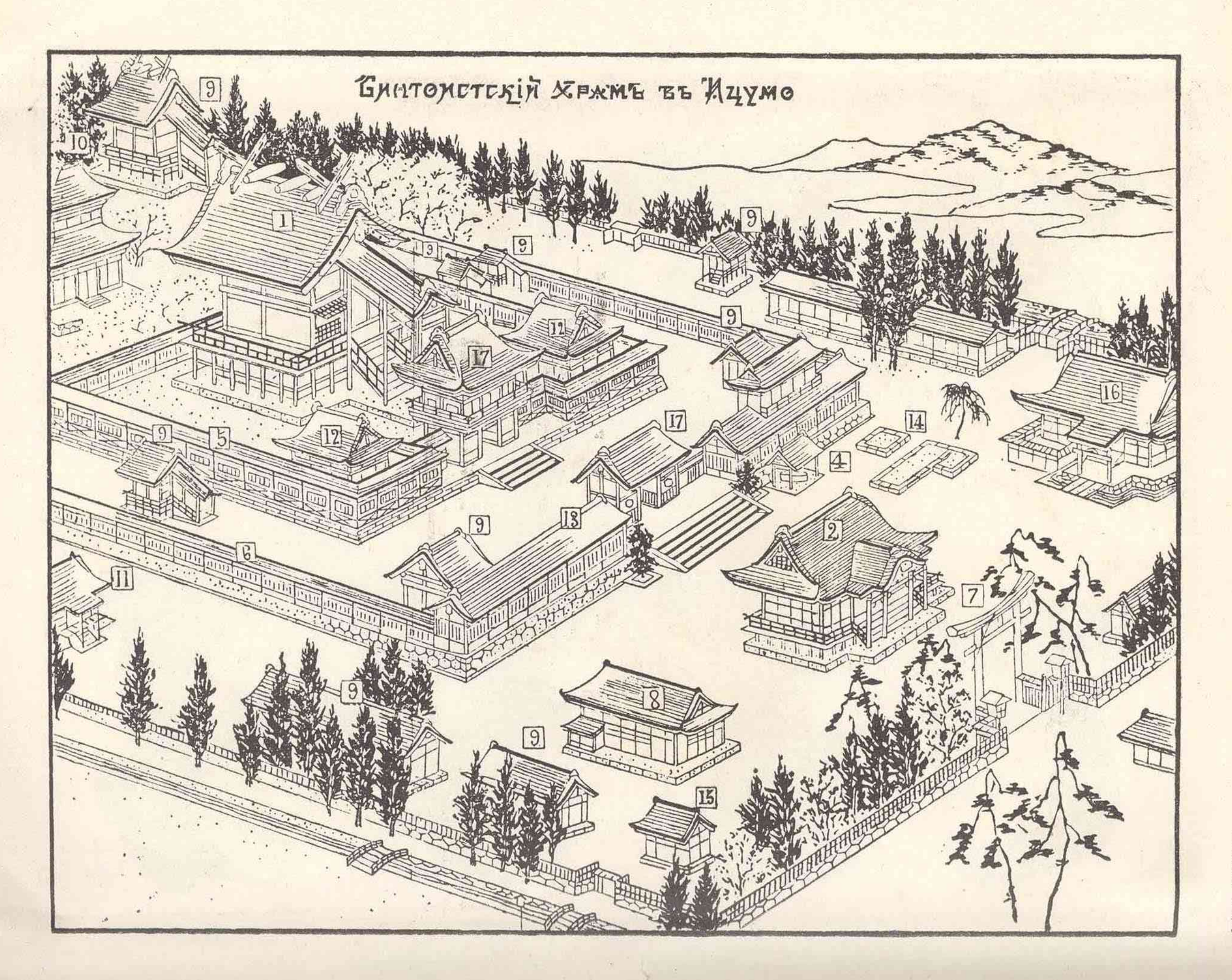

ЯПОНІЯ
Годовые осадки
(ВЪ МИЛЛИМЕТРАХЪ)
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
КОРЕЯ
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
IЕССО (МАЦМАЙ)
Саппоро
Хакодате
Сендай
о. Садо
о. Оки
Токіо
Фузанъ
о. Цусима
Нагасаки
Кагошима
КІУ-СІУ
СИКОКЪ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Кобе
О-ВА ЛІУ-КІУ
Менѣе 600 миллим.
Болѣе 600 мм.
„ 800 мм.
„ 1000 мм.
„ 1200 мм.
„ 1400 мм.
Болѣе 1600 мм.
„ 1800 мм.
„ 2000 мм.
„ 2500 мм.
„ 3000 мм.

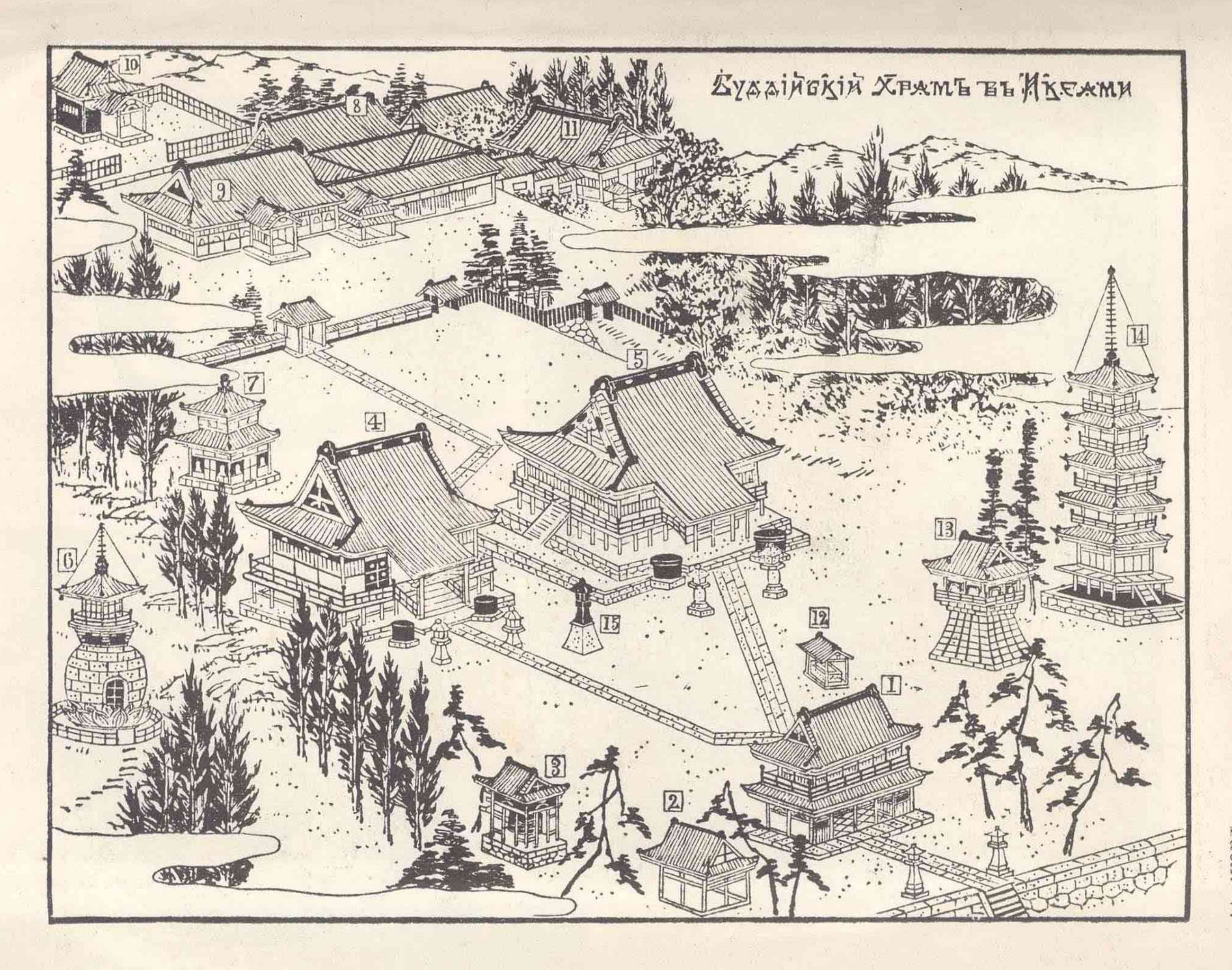
Айны.



ЯПОНСКІЕ ТИПЫ.

A—корейско-маньчжурскій (изящный) типъ: 1—3 женскіе, 4 мужской типъ. B—монголо-малайскій (грубый) типъ: 5—7 женскіе, 8 мужской типъ.


Синтоистскій храмъ въ Ицумо


Буддійскій Храмъ въ Икеами
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

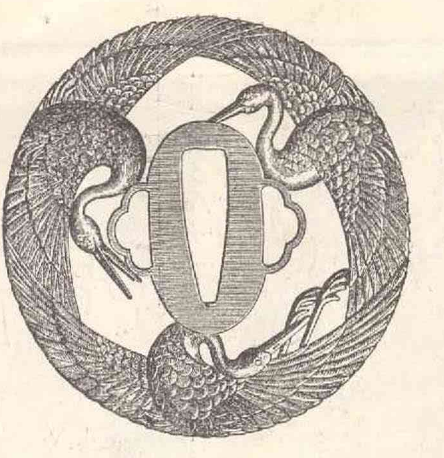


Рис. 1. ЧАШКА МЕЧА СЪ ЖУРАВЛЯМИ.

Рис. 2. ЧАШКА МЕЧА СЪ ЦВѢТАМИ.

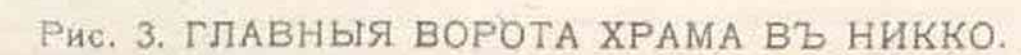


Рис. 3. ГЛАВНЫЯ ВОРОТА ХРАМА ВЪ НИККО.

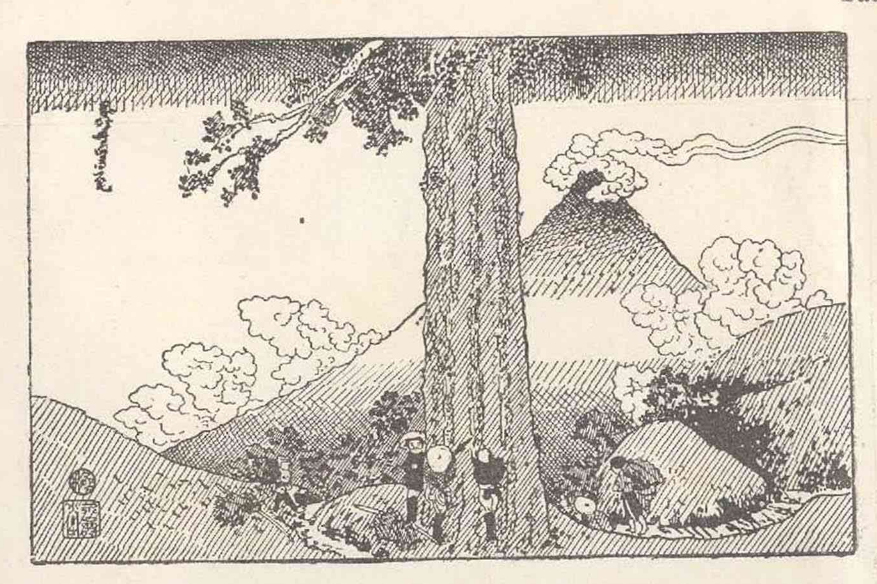


Рис. 1. ФУДЖИ-ЯМА, священная гора японцевъ. Картина Гокусаи.

Рис. 2. ГОЛОВКА. Рисунокъ Утамаро

Рис. 3. ЖУРАВЛЬ И ГОРА ФУДЖИ. Политипажъ Гокусаи.

Рис. 1. БУРЯ. Хромоксилографія Хирошиге.

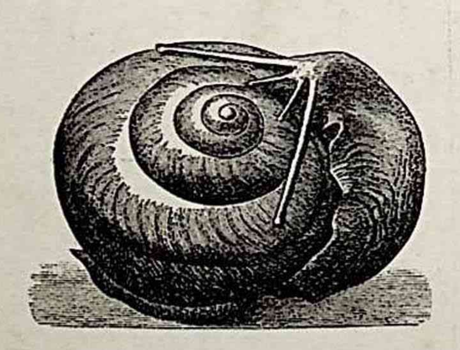


Рис. 2. НЕЦКЕ ВЪ ВИДѢ УЛИТКИ.
Произведеніе Тадатоши.

Рис. 3. ПОЭТЕССА КОМАТИ.
Нецке Мивы старшаго.

КАРТА
МАНЬЧЖУРІИ, КОРЕИ и ЯПОНІИ.
СОСТАВИЛЪ Л.И. БОРОДОВСКІЙ.
МАСШТАБЪ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Граница государственная
Железная дорога
ЧИТА
БЛАГОВѢЩЕНСКЪ
ХАБАРОВСКЪ
О. САХАЛИНЪ
ХАЙЛАРЪ
МЭРГЭНЪ
ЦИЦИКАРЪ
ХАРБИНЪ
БОДУНЪ
ГИРИНЪ
ВЛАДИВОСТОКЪ
МУКДЕНЬ
ПЕКИНЪ
ПОРТЪ АРТУРЪ
МОНГОЛІЯ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
СѢВЕРНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
СЕУЛЪ
ЦЗИ-НАНЬ
ТОКІО
КІОТО
ИЕСО